F 97
193

на отв.

ЗАПИСКИ

Сергія Григорьевича Волконскаго

(ДЕКАБРИСТА)

5-1-04
Копия.

Изданіе Князя М. С. Волконскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Синодальная типографія
1901

Г 97
193

801-83
17215-1

ЗАПИСКИ

Сергія Григорьевича Волконскаго

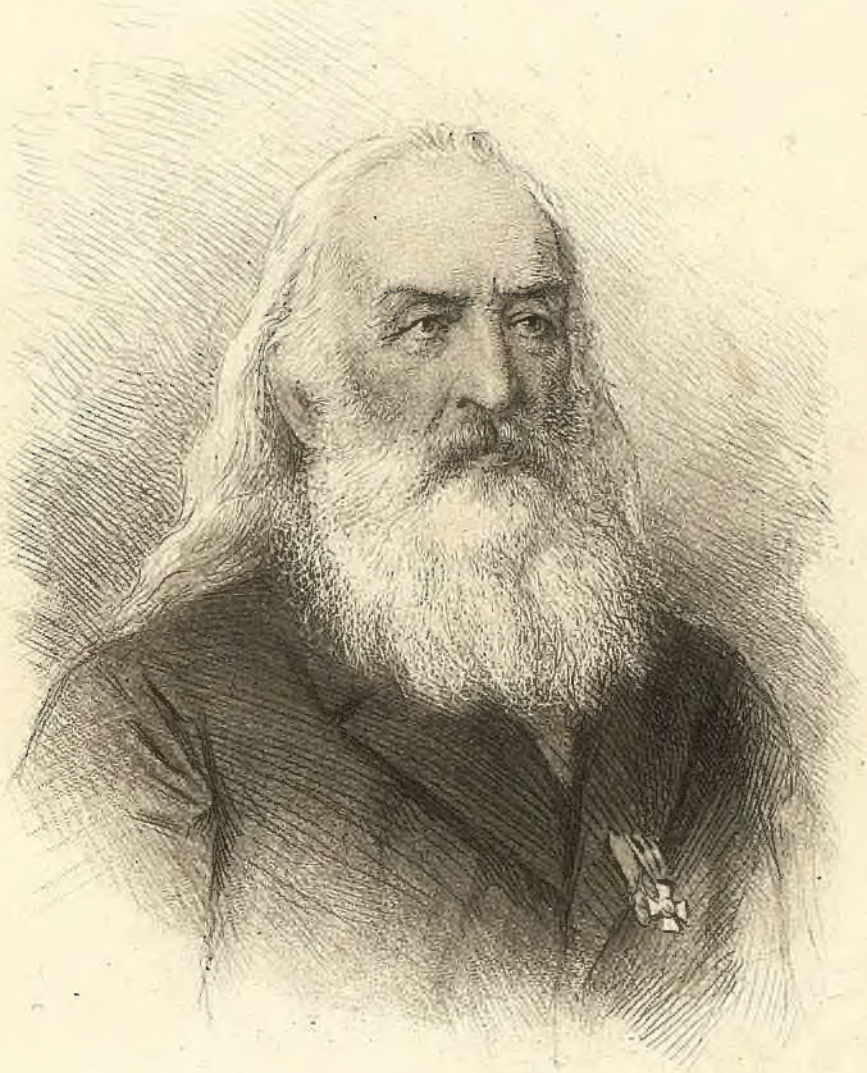
(ДЕКАБРИСТА)

—

Изданіе Князя М. С. Волконскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Синодальная типографія
1901

2007237428



Сергій Волковскій

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Долгіе годы я не рѣшался воспользоваться разрѣшеніемъ моего отца, Сергѣя Григорьевича Волконскаго, предать гласности оставленныя имъ мнѣ «Записки». Но прошло уже болѣе тридцати пяти лѣтъ со дня его смерти, болѣе трехъ четвертей вѣка истекло со времени послѣднихъ событій, имъ описанныхъ. Изъ лицъ, о которыхъ онъ говоритъ, не осталось въ живыхъ никого; сошло со сцены, за немногими исключеніями, и второе поколѣніе; наконецъ, событія, о которыхъ идетъ рѣчь, сдѣлались уже достояніемъ исторіи. Что касается, такъ называемыхъ, декабристовъ, то прошло время, когда о нихъ говорилось только въ заграничныхъ изданіяхъ, и записки и статьи многихъ изъ нихъ, а равно разсказы о нихъ другихъ лицъ и официальныя данныя, ихъ касающіяся, давно уже печатаются въ нашихъ повременныхъ и отдѣльныхъ изданіяхъ *).

*) Записки И. И. Горбачевскаго въ Русскомъ Архивѣ; статьи П. Н. Свистунова, Бѣляева и другихъ, тамъ же; статьи въ журналахъ: «Русская Старина», «Историческій Вѣстникъ»; Записки Н. Бѣлоголоваго въ отдѣльномъ изданіи; книга Дмитріева-Мамонова: «Декабристы въ Западной Сибири», очеркъ по оффиціальнымъ документамъ; «Вѣра и Разумъ», журн. Богословско-философскій; «Девятнадцатый вѣкъ», историческій сборникъ, «Вѣстникъ Всемірной Исторіи»; Одиссея недавнихъ дней, Андрея Розена; Сказаніе о родѣ князей Трубецкихъ и проч.

Отецъ принялся за составленіе своихъ «Записокъ» уже въ глубокой старости, лѣтъ за шесть до смерти, послѣдовавшей на 78-мъ году его жизни, и писалъ ихъ, не желая пользоваться никакимъ печатнымъ или рукописнымъ матеріаломъ. Онъ основывался исключительно на указаніяхъ своей памяти. Провѣряя нынѣ, въ видахъ изданія, сообщаемые имъ факты, я убѣдился въ полной исторической ихъ точности: несмотря на преклонный возрастъ, память почти нигдѣ ему не измѣнила. Что касается до освѣщенія, которое придаетъ этимъ фактамъ авторъ, то мы не сомнѣваемся въ томъ, что искренность, правдивость и необыкновенная скромность, которыми проникнуты «Записки», съ первыхъ же страницъ внушатъ читателю полное довѣріе къ сужденіямъ автора о лицахъ и событіяхъ. Печатаемъ «Записки» безъ всякихъ измѣненій, сохраняя всѣ особенности языка начала XIX столѣтія, который остался свойственнымъ автору и въ послѣдній періодъ его жизни; намъ пришлось сдѣлать лишь самыя незначительныя сокращенія. Въ видахъ удобства «Записки» раздѣлены нами на главы.

Записки оканчиваются декабрскими событіями 1825 года. Послѣ того отецъ прожилъ еще 40 лѣтъ, большую часть которыхъ провелъ въ Сибири. Оставить такой долгій періодъ его жизни и не сообщить о ней тѣмъ, кто заинтересуется «Записками», мнѣ казалось неудобнымъ, и я рѣшился дополнить ихъ разсказомъ о его дальнѣйшей жизни, основаннымъ на офиціальныхъ и другихъ документахъ. Имѣлъ-ли я на то право—судить не мнѣ, но я сдѣлалъ это съ глу-

бокимъ сознаніемъ долга совѣсти и сыновняго уваженія къ дорогой мнѣ памяти.

Офиціальные документы взяты частью изъ сгорѣвшаго впослѣдствіи Архива Главнаго Управленія Восточной Сибири и Архивовъ Петровскаго и Нерчинскихъ заводовъ, частью изъ Архива бывшаго III-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, доступомъ въ который я обязанъ любезному разрѣшенію бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, И. Л. Горемыкина; частные же документы заключаются въ письмахъ, копіяхъ, запискахъ и другихъ источникахъ, сохранившихся въ семействѣ, за достовѣрность которыхъ я принимаю на себя отвѣтственность.

Къ изданію приложены три портрета, сдѣланные В. Унгеромъ въ Вѣнѣ: одинъ—князя С. Г. Волконскаго до ссылки его въ Сибирь, съ миніатюры Изабе, другой—его же—по возвращеніи оттуда (съ фотографіи) и третій—княгини Маріи Николаевны Волконской—съ акварели Соколова, предъ отъѣздомъ ея въ Сибирь въ 1826 году.

При этомъ случаѣ считаю обязанностью выразить искреннюю признательность И. П. Барсукову, содѣйствовавшему мнѣ въ изданіи настоящаго труда, а также и капитану Генеральнаго Штаба В. В. Бутовичу, которому принадлежатъ подстрочныя примѣчанія военнаго характера.

Въ заключеніе моихъ вступительныхъ словъ привожу некрологъ отца изъ газеты «День» И. С. Аксакова (1865 годъ, №№ 51 и 52):

«28 прошлаго ноября скончался, на 78 году отъ

рожденія, Черниговской губерніи, Козелецкаго уѣзда, въ селѣ Воронкахъ—Сергѣй Григорьевичъ Волконскій. Послѣ блестящей юности, послѣ быстрыхъ успѣховъ въ служебной карьерѣ, послѣ тридцатилѣтняго искупленія вины, пересѣкшей его жизнь въ самой половинѣ, возвратился онъ, въ 1856 году, въ Москву—маститымъ старцемъ, умудреннымъ и примиреннымъ, полнымъ горячаго, радостнаго сочувствія къ реформамъ нынѣшняго царствованія, преимущественно къ крестьянскому дѣлу, полнымъ незыблемой вѣры въ Россію и любви къ ней, и высокой, внутренней простоты. Вообще можно сказать, что какъ въ Волконскомъ, такъ и въ тѣхъ немногихъ его товарищахъ, которымъ удалось воспользоваться милостью нынѣ царствующаго Государя,—мы были поражены отсутствіемъ всякаго раздраженія, всякаго желанія порисоваться и покрасоваться своимъ прошлымъ; напротивъ, искушенные горемъ, и чрезъ горе приведенные къ Богу, судя безпристрастно и строго самихъ себя и свое прошлое, они разливали около себя теплый свѣтъ христіанской любви, сдерживали и умиротворяли, живымъ примѣромъ своего внѣшняго и внутренняго духовнаго опыта, легкомысліе и буйство встрѣчавшейся съ ними въ обществѣ молодежи.

Любопытно прослѣдить первую половину жизни Сергѣя Григорьевича. Она началась подъ такими блистательными предзнаменованіями, что, казалось, должна была и увѣнчаться такимъ же концомъ. Но Богъ судилъ иначе, и едва ли самъ Волконскій пожелалъ бы для себя иныхъ суетныхъ благъ, а не тѣхъ

благъ вѣры и внутренняго мира, которыя вынесъ онъ изъ своего долгаго испытанія.

Сынъ князя Григорія Семеновича Волконскаго, бывшаго Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, и княгини Александры Николаевны, урожденной Репниной, родившись въ годъ Очакова (въ 1788 г.), Сергѣй Григорьевичъ, по тогдашнему обыкновенію, былъ еще восьми лѣтъ записанъ въ службу сержантомъ и назначенъ адъютантомъ къ Суворову. Но дѣйствительная его служба началась съ 1806 года. Въ качествѣ адъютанта у графа Каменскаго, Остермана-Толстого, Беннигсена, совершилъ онъ всю кампанію 1806—1808 года, принималъ участіе во всѣхъ значительныхъ сраженіяхъ, взялъ съ бою нѣсколько чиновъ, знаки отличія и золотую шпагу за храбрость, былъ раненъ подъ Прейсишъ-Эйлау,—но едва кончилась эта война Тильзитскимъ миромъ, какъ молодой князь снова поискалъ себѣ воинскаго дѣла. Тогдашняя эпоха, впрочемъ, и не давала засиживаться людямъ, какъ бы ни было блестяще ихъ положеніе въ свѣтѣ, и вышколивала ихъ въ непрестанныхъ трудахъ и подвигахъ. Въ 1810 году Волконскій, состоя при графѣ Каменскомъ, а потомъ при графѣ Ланжеронѣ, участвуетъ во взятіи Силистріи, Рущука, дерется подъ Шумлою, подъ Батинымъ, въ Балканскихъ горахъ; въ 1811 году назначенъ флигель-адъютантомъ и состоящимъ при главнокомандующемъ Дунайскою арміею, Кутузовѣ.

Начался 1812 годъ и съ нимъ борьба исполиновъ—Россіи и запада, подъ предводительствомъ На-

полеона. Сергѣй Григорьевичъ, пропзведенный въ полковники, состоитъ при 2-ой Западной арміи, командуетъ партизанскимъ отрядомъ, открываетъ коммуникацію между главной арміей и Витгенштейномъ, преслѣдуетъ французовъ при Березинѣ и подъ Калишемъ добываетъ себѣ Георгіевскій крестъ (4 степени). Въ 1813 году, въ званіи уже генералъ-маіора свиты Его Величества, онъ состоитъ дежурнымъ генераломъ по корпусу Винценгероде, а затѣмъ дежурнымъ по корпусу Россійскихъ войскъ, командуемыхъ Бернадотомъ. Подъ Лейпцигомъ добылъ онъ себѣ Анну 1-ой степени, не говоря уже о множествѣ нѣмецкихъ орденовъ,—потомъ въ 1814 году, уже какъ начальникъ драгунской дивизіи, участвуетъ онъ во взятіи Суасона, въ битвахъ подъ Краономъ и Лаономъ. Въ 1815 году, послѣ вторичнаго появленія и пораженія Наполеона, вступаетъ онъ съ русскими войсками въ Парижъ, затѣмъ, во время Вѣнскаго конгресса, состоитъ при Императорѣ Александрѣ. По возвращеніи въ Россію, онъ женился на дочери знаменитаго Николая Николаевича Раевскаго и продолжалъ службу въ званіи бригаднаго командира (до 1824 года).

Въ эти 10 лѣтъ Европейской исторіи князь Волконскій участвовалъ въ 58 большихъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ подъ Пултускомъ, Прейсишъ-Эйлау, Фридландомъ, Дмитровомъ, Духовщиной, подъ Калишемъ, Люценомъ, Гросъ-Бернъ-Ютербокомъ, Денневицемъ, Лейпцигомъ, Кесселемъ, Дюссельдорфомъ и пр. и пр. Какая эпоха, какія имена, какая дѣятельность, какія славныя воспоминанія!

Осенью 1856 года Сергѣй Григорьевичъ возвратился въ Москву, гдѣ и жилъ среди своего семейства, горячо ему преданнаго, а въ 1859 году переѣхалъ въ Малороссію къ любимой и единственной своей дочери, Е. С. Кочубей. Начавъ страдать подагрою, онъ съѣздилъ за границу и возвратился оттуда съ новыми силами, но смерть въ августѣ 1863 года княгини Маріи Николаевны, такъ мужественно раздѣлившей съ нимъ горе его жизни, потрясла его страшнымъ ударомъ. Съ этой минуты начала развиваться въ немъ новая болѣзнь—параличъ оконечностей, но вторичная поѣздка за границу уже не принесла ему пользы: онъ спѣшилъ въ Россію умереть подлѣ могилы своей жены. Желаніе его сбылось. Лѣтомъ нынѣшняго года, уже больной, лишенный ногъ, перевезенъ онъ былъ въ село Воронки. Еще за день до смерти онъ занимался чтеніемъ, писалъ письма, распоряжался выпискою журналовъ на слѣдующій годъ. 28 ноября онъ скончался на рукахъ дочери—тихою смертью христіанина».

I.

Посвященіе «Записокъ».—Предки.—Воспитаніе.—Первые служебные шаги и настроеніе тогдашней молодежи.—Начальство и товарищи.

Принимаюсь, по твоему желанію, высказать тебѣ впечатлѣнія, которыя остались въ моей памяти, по истеченіи 70-тилѣтней моей жизни. Я выскажу добросовѣстно тебѣ, мой добрый другъ и сынъ, все, что до другихъ лицъ относится, чистосердечно во всемъ томъ, что касается до меня, и съ точной истинностью о современныхъ происшествіяхъ, — безъ всякаго какого-либо пристрастія. Записки мои посвящаю тебѣ, мой другъ; по онымъ ты будешь судить объ отцѣ своемъ въ семейной и гражданской жизни. А если что-либо найдешь въ нихъ замѣчательнаго по отечественнымъ и современнымъ происшествіямъ, то предоставляю тебѣ право дать имъ, частью или вполнѣ, гласность,—буде ты найдешь это полезнымъ къ обзору современныхъ происшествій.

Если я начну разсказъ моихъ впечатлѣній моей генеалогіей—далека отъ меня мысль ею тщеславиться. Мои убѣжденія по этому предмету тебѣ извѣстны; заслуги прадѣдовъ и отцовъ нимало не даютъ вѣса сыно-

вьямъ и правнукамъ, а болѣе налагаютъ на нихъ трудную обязанность стать на уровень ихъ. Если упоминаю я о предкахъ моихъ, это единственно въ томъ отношеніи, чтобъ высказать, что мое воспитаніе и данныя мнѣ съ дѣтства коренныя правила были внушены людьми, обладающими современной образованностью и полными заслугъ отечественныхъ.

Отецъ мой—князь Григорій Семеновичъ Волконскій *). Дѣдъ мой—князь Николай Васильевичъ Репнинъ **). Мать моя—княгиня Александра Николаевна Волконская, рожденная Репнина. Назвавъ отца и дѣда, я означаю лицъ, извѣстныхъ въ отечественной исторіи. Жизнь матери моей полна добродѣтельныхъ дѣйствій въ семейной и общественной жизни. Память ихъ священна въ моемъ сердцѣ, и желаю, чтобъ таковая же была о мнѣ въ твоемъ, въ чемъ теперешнія о мнѣ твои чувства—полнымъ мнѣ ручательствомъ.

---

*) Генералъ отъ инфантеріи, князь Григорій Семеновичъ Волконскій, (сынъ генералъ-аншефа князя Семена Ѳеодоровича Волконскаго и княгини Софіи Семеновны, рожденной княжны Мещерской), род. 30 января 1742 г. Онъ съ отличіемъ служилъ подъ знаменами Румянцева, Суворова и Репнина; былъ потомъ 15 лѣтъ военнымъ губернаторомъ Оренбургскаго края (1802—1817 г.); скончался въ 1824 г., будучи членомъ Государственнаго Совѣта. Его жена, княгиня Александра Николаевна, рожденная княжна Репнина, была оберъ-гофмейстершной Высочайшаго Двора.

У нихъ были сыновья: 1) князь Николай Григорьевичъ Волконскій, который въ 1801 г. по Высочайшему указу былъ названъ въ честь своего дѣда княземъ Репнинымъ и впослѣдствіи былъ намѣстникомъ королевства Саксонскаго и генералъ-губернаторомъ Малороссіи; 2) князь Никита Григорьевичъ, генералъ свиты, женатъ на писательницѣ, извѣстной княгинѣ Зинаидѣ Волконской, рожденной княжнѣ Бѣлосельской; 3) князь Сергій Григорьевичъ, авторъ настоящихъ записокъ, и дочь, княжна Софія Григорьевна, впослѣдствіи жена фельдмаршала, свѣтл. кн. П. М. Волконскаго.

Обо всѣхъ этихъ лицахъ говорится въ текстѣ записокъ.

**) Генералъ-фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, (1734—1801 г.), послѣдній въ родѣ, извѣстный дипломатъ и полководецъ царствованія Екатерины II; посолъ въ Варшавѣ, Константинополѣ, на Тешенскомъ конгрессѣ и въ Берлинѣ; главнокомандующій арміей въ Молдавіи въ 1789 и 1791 г., побѣдитель турокъ при Мачинѣ, авторъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира.

Если мои послѣдующія дѣйствія въ гражданской жизни были не на уровнѣ гражданственныхъ убѣжденій предковъ моихъ, тому причиной великія истины, озарившія современную эпоху. Я въ моихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ руководствовался этими истинами безъ всякаго эгоистическаго разсчета; судьи мои—современники, потомство; а если въ чемъ ошибся и подлежу упреку—окончательный приговоръ Всевышняго. Начало моего воспитанія было домашнее и, хоть не жалѣли денежныхъ средствъ на это, долженъ сознаться, было весьма неудовлетворительно. Я 14 лѣтъ возраста моего поступилъ въ общественное, частнаго лица, заведеніе—въ институтъ аббата Никола *), заведеніе, славившееся тогда, какъ лучшее; но по совѣсти долженъ опять высказать, хоть и уважаю память моего наставника, что преподаваемая намъ учебная система была весьма поверхностна и вовсе не энциклопедическая.

Вышелъ изъ института на 18-мъ году моей жизни и въ началѣ 1806 г. я поступилъ въ кавалергардскій полкъ поручикомъ. Тогда начался общественный и гражданскій мой бытъ. Натянувъ на себя мундиръ, я вообразилъ себѣ, что я уже человѣкъ, и по общимъ тогдашнимъ понятіямъ весь погрузился въ фронтовое

*) Доминикъ Карлъ Никола родился 4 апрѣля 1758 г. близъ Руана и съ ранней молодости посвятилъ себя дѣлу воспитанія въ коллегіи Св. Варвары. Въ началѣ революціи, онъ оставилъ Францію и въ 1793 г. прибылъ въ Петербургъ. Слухъ о его необыкновенныхъ способностяхъ распространился среди петербургскаго общества, и въ 1794 г. Никола открылъ въ Петербургѣ (на Фонтанкѣ) училище. Родители наперерывъ добивались возможности отдать своихъ дѣтей на воспитаніе аббату, такъ что онъ принужденъ былъ расширить свое заведеніе. Самые лестные отзывы Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Плещеева, Растопчина, не говоря уже о пламенной любви воспитанниковъ, показываютъ, какъ высоко цѣнили аббата въ Россіи. Самъ же онъ признавался, что en élevant de jeunes Russes, il avait travaillé pour la France. Воспитанниками аббата Никола были между прочимъ: герцогъ Адамъ Виртембергскій, Алексѣй и Михаилъ Орловы, Александръ и Константинъ Бенкендорфы, князья Волконскіе, Голицыны, Гагарины, Александръ Плещеевъ, Кочубей и др. *(Русск. Арх. 1895 г., стр. 493–494).*

дѣло. Первымъ моимъ наставникомъ по фронтовой службѣ былъ А. И. Ч. *), умершій уже впослѣдствіи княземъ и Пред. Гос. Сов. Часто мнѣ придется говорить о немъ и, къ сожалѣнію моему, всегда, какъ о шарлатанѣ, безъ всякихъ дѣльныхъ способностей, и часто обвинять его въ упречныхъ, эгоистическихъ дѣйствіяхъ.

Круги товарищей и начальниковъ моихъ въ этомъ полку, за исключеніемъ весьма немногихъ, состояли изъ лицъ, выражающихъ современныя понятія тогдашней молодежи. Моральности никакой не было въ насъ; весьма ложныя понятія о чести, весьма мало дѣльной образованности и почти во всѣхъ преобладаніе глупаго молодечества, которое теперь я назову чисто порочнымъ. Въ одномъ одобряю ихъ: это—тѣсная дружба товарищеская и храненіе приличій общественныхъ того времени.

Замѣчательнымъ человѣкомъ былъ между нами ротмистръ (впослѣдствіи полковникъ) Карлъ Карловичъ Левенвольдъ, положившій свою жизнь въ Бородинской битвѣ **). Онъ былъ замѣчательное лицо въ полковомъ нашемъ кругу образованностью и рыцарскими понятіями и имѣлъ такой вѣсъ въ обществѣ офицеровъ, что осужденіе его во всякомъ возникшемъ дѣлѣ между нами было для обѣихъ сторонъ неоспоримый приговоръ.

---

*) Александръ Ивановичъ Чернышовъ (1785—1857 г.), государственный и военный дѣятель временъ Императора Александра I и Николая I, участникъ войнъ 1812 — 15 гг.; въ 1826 г., въ воздаяніе заслугъ въ качествѣ члена слѣдств. комиссіи о декабристахъ, возведенъ Имп. Николаемъ I въ графское достоинство, въ 1832 г. назначенъ воен. министромъ, въ 1841 г. возведенъ въ княжеское достоинство.

**) Послѣ взятія французами батареи Раевскаго, кавалергарды были выдвинуты для выручки нашей разстроенной пѣхоты. Полковникъ Левенвольдъ, командовавшій полкомъ, скомандовалъ «въ галопъ», закричалъ командиру 4-го эскадрона, ротмистру Давыдову: «командуйте, Евдокимъ Васильевичъ, лѣвое плечо», и упалъ съ лошади, пораженный картечью въ голову.

Въ числѣ другихъ товарищей упомяну я о В. В. Л. *), къ крайнему моему удивленію, занимающемъ впослѣдствіи мѣста государственныя и вовсе не приготовленномъ къ онымъ. Былъ также М. Ѳ. О. **), лицо замѣчательное по уму, образованности и сердцу, преисполненному чувствомъ полезнаго, бывшій впослѣдствіи свѣтиломъ среди молодежи, но не оказавшій того, чего ожидали отъ него при грозныхъ обстоятельствахъ 1826 г.

Былъ еще среди насъ М. С. Л. ***), весьма бойкаго ума при большой образованности, но бойкой и молодеческой жизни, къ которой въ то время общая была наклонность. Это лицо впослѣдствіи выказало, во время своей ссылки въ Сибирь, замѣчательную послѣдовательность въ мысляхъ и энергію въ дѣйствіяхъ. Онъ умеръ въ Сибири; память его для меня священна, тѣмъ болѣе, что я пользовался его дружбой и довѣріемъ, а могила его должна быть близка къ сердцу каждому доброму русскому. — Во время перваго года моего служенія самая отличительная и похвальная сторона въ убѣжденіяхъ молодежи—это всеобщее желаніе отмстить Франціи за нашу военную неудачу въ Аустерлицѣ. Это чувство преобладало у всѣхъ и каждаго и было столь сильно, что въ этомъ чувствѣ мы полагали единственно нашъ гражданственный долгъ, и не понимали, что къ отечеству любовь не въ одной военной славѣ, а должна бы имѣть цѣлью поставить Россію въ гражданственности на уровень съ Европой, и содѣйствовать къ перерожде-

---

*) Василій Васильевичъ Левашевъ.

**) Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ; участникъ отечественной и заграничныхъ войнъ; велъ переговоры о капитуляціи Парижа. Среди генераловъ того времени выдѣлялся своей либеральной дѣятельностью: заботился о распространеніи грамотности среди солдатъ, о смягченіи грубыхъ отношеній къ подчиненнымъ. Былъ пріятелемъ Пушкина. Автору записокъ приходился зятемъ, такъ какъ былъ женатъ на старшей дочери Н. Н. Раевскаго, Екатеринѣ Николаевнѣ.

***) Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ, декабристъ.

нію ея сходно съ великими истинами, выказанными въ началѣ французской революціи, но безъ увлеченій, ввергнувшихъ Францію въ бездну безначалій. Честь и слава многимъ падшимъ жертвами за святое дѣло свободы. Но строгій приговоръ тѣмъ, которые исказили великія истины той эпохи.

II.

Война съ Франціей въ 1806 году. — Назначеніе адъютантомъ къ графу М. Ѳ. Каменскому.—Разстроенное положеніе арміи.—Оставленіе гр. Каменскимъ арміи.—Чиновникъ Степановъ.—Ложный доносъ Шубина.—Дѣло о смерти графини О.

При концѣ 1806 г. опять возгорѣлась война съ Франціей *), и, кто могъ участвовать въ оной изъ петербургской молодежи, спѣшили быть причисленными къ дѣйствующей арміи. Я былъ въ числѣ счастливцевъ и былъ назначенъ адъютантомъ къ графу Михаилу Ѳедотовичу

---

*) Какъ извѣстно, эта вторая французская война Императора Александра I преслѣдовала ту же цѣль, что и первая—спасти Европу отъ властолюбія Наполеона. Заключивъ, послѣ Аустерлица, отдѣльный, повидимому выгодный, договоръ съ Франціею, Пруссія ошиблась въ разсчетѣ и въ спорѣ за Ганноверъ пришла къ разрыву съ Наполеономъ. Король прусскій обратился съ просьбою о содѣйствіи къ Императору Александру, который согласился послать на помощь 2 корпуса (Бенигсена и Буксгевдена), силою до 100.000. Но пока наши войска стягивались къ границамъ, пруссаки успѣли потерпѣть полное пораженіе 2/14 окт. подъ Іеною и Ауэрштедтомъ. 13/25 окт. французы заняли Берлинъ. Пруссія была разгромлена, армія ея не существовала, вся территорія, кромѣ В. Пруссіи, находилась въ рукахъ непріятеля. Русскимъ возможно было задержать наступленіе Наполеона только на Вислѣ. Корпусъ Бенигсена (60.000 при 276 ор.) перешелъ границу у Гродно 22 окт. (3 нояб.) и 1(13) нояб. достигъ Остроленки; корпусъ Буксгевдена (40.000 при 216 ор.)

Каменскому, *) человѣку съ большой образованностью и военными достоинствами, но дряхлому, заносчивому и часто безразсудно вспыльчивому; онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ ноябрѣ мѣсяцѣ, съ увѣреніями, что армія, ему ввѣряемая, была снабжена всѣмъ тѣмъ, что необходимо для военныхъ дѣйствій и продовольствія оной.—Прибывъ въ Ригу, прибывъ въ Вильно, прибывъ въ Гродно—главныя мѣста выказанныхъ ему мѣстъ запасовъ,—онъ убѣдился, что все сказанное ему было ложь. Продолжалъ свой путь до главной квартиры Бенигсенова **) корпуса въ Остроленкѣ и при первомъ обзорѣ войскъ нашелъ въ арміи загроможденные госпитали больными, безъ средствъ лѣченія и продовольствія. Запасы для войскъ продовольственные — истощенные; подвозы оныхъ—неустроенные; людей босыхъ; парки, недостаточно снабженные и безъ средствъ возобновленія: однимъ словомъ—армія въ ужасномъ разстроенномъ положеніи. Эти впечатлѣнія, при пылкомъ его характерѣ, ввергли его въ безразсудную отчаянность, и онъ при дряхлости своихъ лѣтъ не выдержалъ двухъ-суточный объѣздъ аванпоста верхомъ; не только морально, но и физически упалъ духомъ, отдалъ приказъ по арміи, чтобъ всѣ корпуса отступили бы безъ боя къ гор. Гродно, не жалѣя потери пушекъ и обозовъ и старались только довести людей; и что, по прибытіи въ Гродно, онъ

прибылъ къ Остроленкѣ 22 нояб. (4 дек.). У Брестъ-Литовска въ началѣ декабря сосредоточили корпусъ Эссена 1-го (22.000 при 132 ор.). Въ общемъ итогѣ силы нашей арміи, названной *«заграничною»*, простирались до 122.000 при 624 ор.

*) Общественное мнѣніе указывало на 69-тилѣтняго старца, фельдмаршала графа Михаила Осдотовича Каменскаго, какъ на спасителя отечества. Подражая Суворову, графъ Каменскій старался быть оригинальнымъ, юродствовалъ и тѣмъ привлекалъ на себя общее вниманіе. О Кутузовѣ и слышать не хотѣли; онъ, по словамъ современника, провинился тѣмъ, что молодые генералъ-адъютанты на зло ему проиграли Аустерлицкое сраженіе *(Императоръ Александръ I. Н. К. Шильдеръ. Т. II, стр. 155).*

**) Баронъ Леонтій Леонтьевичъ.

займется сформированіемъ на новыхъ началахъ арміи; и вслѣдствіе принятаго имъ рѣшенія, въ то время, какъ звукъ пушечныхъ выстрѣловъ французской арміи раздавался на высотахъ Пултуской позиціи, — онъ, начальникъ арміи, сѣлъ въ перекладную съ адъютантомъ его и моимъ товарищемъ Валуевымъ *), и оставилъ армію, вступающую въ битву съ непріятелемъ **).

Прерываю здѣсь мой разсказъ общихъ событій повѣствованіемъ частнаго эпизода о чиновникѣ Степановѣ; передаю, что слышалъ, не ручаясь, однакожъ, въ точной достовѣрности въ подробности этого дѣла. Приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ 1806 года имѣли въ своемъ очеркѣ заготовленіе для арміи продовольственныхъ средствъ. Подрядчикомъ пріискался еврей Мейровичъ; переговоры эти шли въ управленіи военно-походной канцеляріи Государя Императора (сколько помню, такъ называлась эта канцелярія), генералъ-адъютантъ Л. былъ начальникомъ этого отдѣльнаго управленія, а директоромъ этой канцеляріи былъ П.; Степановъ же былъ чиновникомъ въ этой канцеляріи. Мейровичу для распоряженія по поставкѣ провіанта нужно было имѣть свѣдѣніе о дислокаціи войскъ и о предположеніи о движеніи арміи. Онъ обозначилъ это Л., который приказалъ словесно П. дать эти свѣдѣнія, а этотъ передалъ словесно же это приказаніе Степанову. Неизвѣстно мнѣ, какимъ образомъ дошло до Государя Императора, что эти свѣдѣнія были взяты Мейровичемъ и будто-бы для передачи ихъ непріятелю. Мейровичъ внезапно

*) Петръ Петровичъ, кавалергардскій офицеръ, былъ убитъ при Бородинѣ.

**) Гр. Каменскій 7 (19) декаб. прибылъ къ арміи въ Пултускъ и, чувствуя себя неспособнымъ ею командовать, 9/21 отправилъ Государю просьбу сложить съ него непосильную обязанность. Не дождавшись Высочайшаго указа, 14 (26) декаб. уѣхалъ изъ арміи, назначивъ себѣ преемникомъ, какъ старшаго въ чинѣ, генерала Буксгевдена.

былъ схваченъ, эти свѣдѣнія найдены въ его бумагахъ, и подвергнутъ онъ былъ допросу, отъ кого ихъ получилъ, и показалъ, что отъ Степанова, котораго также подвергли допросу, и онъ отвѣчалъ, что точно выдалъ ихъ по словесному приказанію, переданному ему П. отъ имени Л.,—обстоятельства, которыя подтверждалъ и Мейровичъ; но Л. и П. отозвались, что никогда этого приказанія не давали Степанову, хотя тогда и впослѣдствіи общее мнѣніе укоряло ихъ въ лживомъ показаніи для избѣжанія отвѣтственности ихъ опрометчивости.

Какое было слѣдствіе и судъ надъ Степановымъ—мнѣ неизвѣстно, но потомъ, при ссылкѣ моей въ Нерчинскіе заводы, я узналъ, что тамъ въ числѣ ссыльно-каторжныхъ былъ Степановъ, и возвращенъ уже былъ на родину къ отцу своему Высочайшимъ повелѣніемъ, по взятіи Парижа, изъ этого самаго города. Бѣдный Степановъ невинно несъ страданіе 8 лѣтъ, прожилъ при отцѣ только одинъ годъ и умеръ, изнуренный постигшей его горькой участью и усиленными каторжными работами. Я, во время пребыванія моего на Благодатскомъ рудникѣ, засталъ еще на высотѣ горы, при тюрьмѣ, гдѣ Степановъ содержался, часовню, имъ собственнымъ трудомъ воздвигнутую.

Вслѣдъ за этимъ эпизодомъ сообщу другой, мало извѣстный, но подробности котораго сообщены мнѣ современникомъ этого происшествія, случившагося въ первыхъ годахъ царствованія Александра I.

Въ Семеновскомъ полку Государевой роты командовалъ нѣкій Шубинъ; изъ видовъ пріобрѣтенія значительности онъ вымыслилъ будто-бы существующій заговоръ, чтобъ свергнуть Государя и возвести на престолъ Константина Павловича. Вслѣдствіе его доноса, котораго ложь еще не была извѣстна, ему при-

казано было продолжать роль соучастника и тѣмъ развѣдать подробности заговора и число соучастниковъ. Чтобъ дать болѣе вѣроятія о существованіи заговора небывалаго, онъ вымыслилъ, будто ему назначено было заговорщиками свиданіе, въ ночное время, въ Лѣтнемъ саду и, когда онъ туда явился, онъ окруженъ былъ вооруженными лицами, которыя упрекали его въ измѣнѣ, и сдѣланъ былъ по немъ выстрѣлъ, который его ранилъ, а лица всѣ, его окружавшія, разбѣжались, почитая его убитымъ. На выстрѣлъ явился сосѣдній будочникъ, нашелъ Шубина точно раненаго, кромѣ его никого не было.

По этому происшествію сдѣланъ былъ обыскъ и найденъ оставленный пистолетъ, еще имѣющій свѣжіе слѣды выстрѣла. Этотъ пистолетъ, для разысканія лица, имъ владѣвшаго, былъ представленъ на обзоръ оружейникамъ петербургскимъ, для узнанія покупателя онаго,—и что-же оказалось? покупателемъ онаго былъ самъ Шубинъ, сдѣлавшій самъ въ себя выстрѣлъ. Какое было слѣдствіе и судъ—мнѣ неизвѣстно, но во время моего быта въ Иркутскѣ, указывали мнѣ на деревню Кузьмиху, въ которой Шубинъ былъ поселенъ, и также въ 1814 году Высочайшимъ повелѣніемъ изъ Парижа былъ возвращенъ на родину. Въ этой деревнѣ Кузьмихѣ на пждивеніе средствъ, присланныхъ Шубинымъ изъ Россіи, выстроена церковь.

Невольно приходитъ мнѣ на мысль потомъ орошенный трудъ Степанова и златомъ сооруженное зданіе Шубина. Въ одномъ я вижу порывъ души, бесѣдующей съ Богомъ, и чистою молитвою покоряясь Его волѣ, прося помилованія даже тѣмъ, которые ввергли его въ незаслуженное наказаніе,—а въ другомъ тщеславіе,—но золотомъ не прикроешь преступленія.

Вотъ еще одинъ эпизодъ тѣхъ-же временъ. Это смерть графини О., изъ..... Подробности этого проис-

шествія такъ гадки, что не ложатся подъ мое перо, и если я упоминаю объ этомъ происшествіи, это только, чтобъ обратить вниманіе на послѣдовавшій по сему дѣлу рескриптъ Государевъ къ бывшему С.-Петербургскому Генералъ-Губернатору, Михаилу Иларіоновичу Голенищеву-Кутузову, въ которомъ было, сколько упомню, сказано: «что обстоятельства этого дѣла должны быть строго обслѣдованы и виновные открыты, не смотря на лица, званіе и мѣсто ихъ». Это царское слово дастъ очеркъ господствовавшаго времени въ ту эпоху—благонамѣренности царской. Но несмотря на вызовъ его, ничего не открыто, и преступныя лица остались безъ должнаго взысканія. Царедворцы во всѣ времена одинаковаго покроя.

Прервавъ нить впечатлѣній моихъ о томъ, чему я былъ самъ свидѣтель, я обращаюсь къ постепенному, прямому разсказу происшествій и моихъ впечатлѣній.

III.

Пултуское сраженіе и военныя дѣйствія, предшествовавшія ему. -Расположеніе войскъ. — Остерманъ. — Назначеніе адъютантомъ при гр. Остерманѣ. – Бенигсенъ.—Удаленіе Буксгевдена.—Лишеніе гр. Каменскаго званія главнокомандующаго и ссылка въ деревню Орловскую.—Трагическая смерть его.— Передвиженіе главной арміи.

Какъ я выше сказалъ, побѣгъ Каменскаго изъ арміи и первые выстрѣлы французовъ по войскамъ нашимъ на Пултуской позиціи были одновременны. Сраженіе это происходило 14-го декабря 1806 г.; два дня до онаго французы атаковали раздробленныя и безразсудно растянутыя наши передовыя войска, подъ начальствомъ графа Остермана—Толстого при мѣстечкѣ Чарновѣ, подъ начальствомъ князя Дмитрія Владиміровича Голицына при мѣстечкѣ Голыминѣ и генерала Дохтурова въ Маковѣ *). Эти отряды, безъ связи между ними, безъ опоры на резервы, послѣ жаркаго боя, начали изглажи-

*) Еще до прибытія гр. Каменскаго. Бенигсенъ расположилъ главныя силы своего корпуса у Пултуска, занявъ передовыми отрядами Вислу отъ Плоцка до Варшавы. Когда 19 нояб. (1 дек.) французы, по оплошности ген. Седморацкаго, заняли Варшаву и Прагу, Бенигсенъ рѣшилъ отступить къ Остроленкѣ, но видя, что французы его не преслѣдуютъ, снова (24-го)

вать стыдъ Аустерлицкаго сраженія—удерживая цѣлый день натискъ непріятеля. Но къ ночи благоразумно отступили каждый въ направленіи къ соединенію тѣхъ войскъ, отъ которыхъ отряжены были. Но одному графу Остерману возможно было ретироваться на Пултускъ, а поименованные два другіе отряда уже направились къ Остроленкѣ. Не имѣю полныхъ свѣдѣній о битвѣ при Голымининѣ и Маковѣ, но при битвѣ при Чарновѣ Остерманъ упорно выдерживалъ натискъ французовъ, и тѣмъ началось блистательное впослѣдствіи его поприще въ военномъ дѣлѣ. Бой при Чарновѣ былъ горячъ; потеря съ обѣихъ сторонъ значительна, и въ этомъ дѣлѣ, кромѣ многихъ раненыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, были тяжело ранены: шефъ 20-го егерскаго полка, генералъ-маіоръ князь Шаховской и 1-го егерскаго—генералъ-маіоръ Давыдовскій.

Сперва было предположено Каменскимъ: всю армію собрать подъ м. Насельскомъ *), но внезапный съ разныхъ сторонъ натискъ французовъ и безсвязное раздробленіе отрядовъ — понудило ретироваться на Пултускъ **), гдѣ часть Бенигсенова корпуса заняла позиціи. Отступленіе наше отъ Насельска до Пултуска неимовѣрно было затруднено необычайной грязью: пушки, зарядные ящики и сухарныя фуры топли по оси въ эту грязь и, сколько помнится, брошено

возвратился къ Пултуску, выдвинувъ авангарды къ р. Вкрѣ: Барклая-де-Толли къ Сохачину и Колозомбо, гр. Остермана—Толстого къ Чарнову и Богговута—къ Зегрже. Всѣ не ближе 25—30 верстъ. Эти то авангарды и были атакованы французами 11-го дек. Что касается столкновеній при Голымининѣ и Маковѣ, то другіе источники ихъ относятъ къ 14 (26) дек.

*) Съ тѣмъ, чтобы Буксгевденъ остановилъ дивизію Дохтурова у Голымина и Тучкова у Макова.

**) Въ ночь съ 13 на 14 (25—26) дек. гр. Каменскій неожиданно приказалъ нашимъ войскамъ отступить въ предѣлы Россіи. Бенигсенъ на свой страхъ остался у Пултуска и въ запискахъ своихъ объясняетъ такое рѣшеніе необходимостью задержать противника, въ виду гибельныхъ послѣдствій отступленія разбросанной арміи.

безъ боя пушекъ болѣе 100. Но роковой день Пултускаго сраженія насталъ. Я не могу, по прошествіи 53-хъ лѣтъ, подробно изложить и мѣстность позиціи, и движенія нашихъ войскъ. Но оставшіеся въ памяти моей частные подвиги разскажу. Въ военномъ отношеніи первое описано и иностранными писателями, и соотечественниками. Добросовѣстности мало и въ тѣхъ, и въ другихъ; авось когда-либо записки современниковъ очистятъ хвастливость и хулу обоюдную. Жаль, что записки Бенигсена подъ спудомъ. Онъ мнѣ самъ изъ оныхъ читалъ Прейсишъ-Эйлауское сраженіе, накиданное довольно вѣрно. Обстоятельства, которымъ я не судья, не дозволяютъ гласности этихъ записокъ. Но можно бы издать то, что касается до военнаго дѣла *). У насъ Бутурлинъ взялся быть всеобщимъ историкомъ русскихъ войнъ, но изъ всего, что читано мною его твореній, вотъ мое заключеніе: курилъ фиміамъ, кто еще живъ и въ силѣ, а падшихъ не помнилъ, и иногда чистыя заслуги другихъ порочилъ, изъ вида лести къ другимъ.

Позиція Пултуская была выгодно избрана: высоты, нами занятыя, не имѣли другого доступа, какъ чистой полугорной равниной. Фланги не могли быть обойдены, лѣвый упирался на городъ и на рѣку, правый—на лѣсъ, сильно занятый Барклаій-де-Толлемъ; неоднократные натиски французовъ на разные пункты нашей позиціи были отбиты нашей артиллеріей, отлично дѣйствовавшей. Атака лейбъ-кираспрскаго полка, подъ предводительствомъ генералъ-маіора Кожина, атака Кіевскаго драгунскаго полка, подъ предводительствомъ полковника Эмануэля, и атака двухъ эскадроновъ Каргопольскаго драгунскаго полка, подъ

*) Записки графа Л. Л. Бенигсена напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1896—97 и 1899 гг.

предводительствомъ маіора Сталя, были блистательные эпизоды той битвы *). Ключъ позиціи былъ нашъ лѣвый флангъ, и поэтому весь натискъ устремленъ былъ французами на оный. Полки пѣхотные Наваринскій и Тульскій, прикрывающіе этотъ флангъ, по превосходству атакующаго непріятеля, начали колебаться. Зоркій взглядъ и правильное обсужденіе Остермана обратили его вниманіе на этотъ пунктъ: онъ устроилъ сильную батарею при самой оконечности города и привелъ въ охраненіе оной Павловскій гренадерскій полкъ и, поставя ихъ въ позицію, имъ сказалъ: «вотъ вамъ мѣсто, гдѣ вы должны показать, что вы достойны носить имя бывшаго Вашего Государя; до послѣдняго человѣка умрите, защищая батарею; привелъ васъ на мѣсто бойкое, но вы здѣсь можете заслужить славу; мѣсто бойкое, но я останусь съ вами». Французы устремили на этотъ пунктъ сильный натискъ. Картечь съ обѣихъ сторонъ сыпалась на уровень съ пулями ружейнаго огня, и мѣсто это удержано. Во время дѣйствія Остерманъ, увидѣвъ значительный уронъ въ рядахъ гренадеровъ, которые стояли, какъ стѣна, приказалъ имъ прилечь, а самъ, какъ въ среднихъ вѣкахъ витязи, не слѣзалъ съ лошади.

Шапки Павловскаго полка до сихъ поръ носятъ пробоины, полученныя въ этомъ дѣлѣ, и это огненное крещеніе прославило полкъ.

Но я забылъ, увлеченный разсказомъ о Пултускомъ сраженіи, сказать, почему я въ этомъ сраженіи состоялъ въ должности адъютанта при графѣ Остерманѣ. При побѣгѣ изъ арміи Каменскаго, я съ прочими моими товарищами, пріѣхавши съ фельдмаршаломъ изъ

*) Кирасиры и драгуны атаковали во флангъ див. Сюше, тѣснившую войска Богговута и тѣмъ поддержали нашъ лѣвый флангъ, съ прибытіемъ подкрѣпленій отъ гр. Остермана перешедшій въ контръ—атаку.

Петербурга, остался сиротою. Всѣ прочіе примкнули въ штатъ Бенигсена; я еще не принялъ никакого рѣшенія и не желалъ даже состоять при главной квартирѣ; когда я въ раздумьѣ ѣхалъ туда, гдѣ начинались пушечные и ружейные выстрѣлы, я встрѣтилъ незнакомаго даже мнѣ Остермана, который спросилъ у меня: «кто ты»? Я ему отвѣчалъ: Волконскій.—«Какого ты Волконскаго сынъ»?—Князя Григорья Семеновича.—«А при комъ ты здѣсь»?—При фельдмаршалѣ.—«Такъ ты безъ мѣста теперь»?—Ищу его.—«Такъ будь при мнѣ: я началъ мою службу при твоемъ отцѣ, ты начнешь ее при мнѣ».—Эту встрѣчу и теперь оцѣняю. Начать боевую жизнь при Остерманѣ—это искусъ (noviciat) не пустой *).

Пултуское сраженіе была боевая моя новизна; состоя при Остерманѣ въ должности адъютанта—мое боевое крещеніе было полное, неограниченное **). Съ перваго дня я пріобыкъ къ запаху непріятельскаго пороха, къ свисту ядеръ, картечи и пуль, къ блеску атакующихъ штыковъ и лезвій бѣлаго оружія; пріобыкъ ко всему тому, что встрѣчается въ боевой жизни, такъ что впослѣдствіи ни опасности, ни труды меня не тяготили. До сихъ поръ храню въ сердцѣ чувство горячей признательности къ памяти графа Остермана. Часто тяжела была взыскательность его, но попечительность и полное довѣріе его, когда заслужишь оное, примиряли съ нимъ. Во всю жизнь свою онъ меня считалъ своимъ, теперь, какъ онъ уже не въ

*) Ген. отъ инфан. графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой (1770—1857), участникъ Турецкой войны 1787—1791 гг. и войнъ 1805—14 гг.; въ 1812 г. командовалъ корпусомъ; побѣдитель Вандамма подъ Кульмомъ (17 авг. 1813 г.).

**) За участіе въ сраженіи подъ г. Пултускомъ, князь Сергій Григорьевичъ Волконскій получилъ орденъ Владиміра 4 ст. съ бантомъ, что видно изъ формулярнаго его списка.

живыхъ, по смерть мою буду его считать моимъ благодѣтелемъ.

Бенигсеномъ несомнѣнно одержана побѣда подъ Пултускомъ *); въ тотъ-же вечеръ онъ отправилъ гонца съ просьбою къ Буксгевдену присоединиться и общими силами начать наступательное дѣйствіе на непріятеля пораженнаго. Но Буксгевденъ, по зависти-ли къ Бенигсену, или въ силу приказанія Каменскаго отступить,—отказался отъ соединенія, и тѣмъ Бенигсенъ былъ принужденъ послѣ выгоднаго сраженія отступить **), сперва къ Остроленкѣ, а потомъ въ Новоградъ, гдѣ уже не преслѣдуемый французами остановился. Армія не нашла въ этой стоянкѣ ни покоя, ни обезпеченія средствъ прошпанія, ей необходимыхъ. Даже сама главная квартира нуждалась 10 дней хлѣбнымъ довольствіемъ; мясо и картофель, добытые фуражировкой, обезпечивали нужды всѣхъ и каждаго; и я помню, что посланный мною деньщикъ мой Василій Звѣревъ привезъ изъ дальней фуражировки два куля приготовленныхъ просвиръ къ богослуженію, но еще неосвященныхъ, и этимъ запасомъ я угащивалъ моихъ товарищей.

Во время дневки въ Остроленкѣ обратно явился въ главную квартиру Каменскій, и хотѣлъ было снова

---

*) Бенигсенъ однако представилъ дѣло въ преувеличенномъ видѣ, выставляя себя побѣдителемъ не одного корпуса Ланна, а двухъ корпусовъ (Ланна и Даву) и подъ начальствомъ самого Наполеона. Между тѣмъ, путаница въ движеніяхъ нашихъ войскъ, вслѣдствіе разнорѣчивыхъ приказаній Каменскаго, сбила Наполеона настолько, что онъ въ день Пултускаго сраженія съ своими главными силами ударилъ почти въ пустую на Голымпнъ, гдѣ образовался сборный отрядъ подъ начальствомъ кн. Голицына.

**) Еще во время боя Бенигсенъ послалъ къ Буксгевдену дежурнаго генерала гр. Толстого, съ просьбою ускорить движеніе къ Пултуску; Буксгевденъ отказался исполнить просьбу Бенигсена и, оставленный Каменскимъ до назначенія новаго главнокомандующаго во главѣ всѣхъ нашихъ войскъ, приказалъ Бенигсену отступить.

принять командованіе арміей *), но внезапный и ничѣмъ не оправдываемый отъѣздъ его изъ Пултуска былъ причиною, что положено было генералитетомъ: не допускать его, а дождаться новаго распоряженія изъ Петербурга отъ Государя Императора.

Стоянка арміи, безъ дѣйствій и движеній, продолжалась около 2-хъ недѣль **), съ плохимъ обезпеченіемъ въ отношеніи продовольствія, но нѣкоторые подвозы и въ особенности богатство края и въ ономъ фуражировка давали средства къ довольно сносному прокормленію. Неизлишнимъ здѣсь считаю выразить, что фуражировка есть гибельное средство: край она совершенно раззоряетъ, а для войска является поводомъ къ многоразличнымъ безпорядкамъ и въ особенности ослабленіемъ всякой дисциплины.

Во время этой стоянки получено Высочайшее назначеніе Бенигсена главнокомандующимъ ***); Буксгевденъ, за несодѣйствіе ему послѣ побѣды въ Пултускѣ, лишенъ командованія корпусомъ и удаленъ отъ исполненія всякихъ должностей ****); кажется, велѣно ему жить въ деревнѣ. Фельдмаршалъ графъ Каменскій лишенъ званія главнокомандующаго, запрещенъ ему въѣздъ въ обѣ столицы и приказано жить въ его деревняхъ Орловской губерніи безвыѣздно, подъ при-

---

*) Гр. Каменскій, оставивъ армію, переѣхалъ въ госпиталь въ Остроленку, и по приближеніи къ нему войскъ, отдавалъ приказанія помимо старшихъ начальниковъ, несмотря на то, что сложилъ уже съ себя званіе главнокомандующаго. Это увеличивало путаницу, происходившую вслѣдствіе разногласія старшихъ генераловъ,—Буксгевдена и Бенигсена.

**) Въ Новоградѣ Бенигсенъ остановился на 5 дней, стараясь устроить переправу на правый берегъ Нарева, для соединенія съ Буксгевденомъ, настаивавшемъ на совмѣстныхъ дѣйствіяхъ. Соединеніе арміи совершилось наконецъ у Тыкочина 28 дек. (9 янв.).

***) Въ Тыкочинѣ 30-го дек. (11 янв.).

****) Въ дѣйствующей арміи. Онъ былъ назначенъ Рижскимъ военнымъ губернаторомъ.

смотромъ полиціи. Какъ уже объ немъ мнѣ не придется болѣе говорить, помѣщу здѣсь трагическій конецъ его жизни. Бывъ всегда строгимъ помѣщикомъ и весьма тяжелымъ для крѣпостныхъ его крестьянъ и дворовыхъ, при безвыѣздной своей жизни въ деревнѣ, онъ уже сталъ имъ несносенъ и въ то время, какъ онъ въ дрожкахъ объѣзжалъ свои поля, на него наскочилъ сзади крѣпостной его человѣкъ и, раскромсавъ топоромъ ему голову, на мѣстѣ его положилъ.

Вотъ послѣдствія безъограниченныхъ правъ русскаго помѣщика, которыя иными возвеличиваются отцовскою попечительностью. Убійство жестокое, но можно-ли его назвать чистымъ преступленіемъ?

Французы не преслѣдовали насъ послѣ Пултуска далѣе Остроленки. Они, какъ и мы, поневолѣ должны были дождаться лучшаго состоянія дорогъ, и съ обѣихъ сторонъ воспользовались этимъ временемъ для отдохновенія и организаціи войскъ.

Эта стоянка продолжалась почти до конца декабря, и тогда русская армія, подкрѣпленная новыми прибывшими войсками и сосредоточенная вся подъ командою Бенигсена, сдѣлала движеніе *). Планъ кампаніи измѣнился **): прежде операціонная линія имѣла основаніемъ Бѣлостокъ и Гродно, теперь фланговымъ маршемъ армія перешла въ старую Пруссію, край, неизнуренный средствами, и наше операціонное осно-

*) 30-го дек. (11 янв.) на Бяду и Іоганнисбургъ.

**) По принятіи начальства надъ арміей, Бенигсенъ приступилъ къ исполненію своего плана: онъ рѣшилъ двинуться скрытно къ нижней Вислѣ (чрезъ Арисъ, Бишофштейнъ, Гейльсбергъ), разбить по частямъ лѣво-фланговые французскіе корпуса (Бернадота, Нея), наиболѣе удаленные отъ другихъ, открыть сообщеніе съ Данцигомъ и освободить отъ осады Грауденцъ. Занявъ старую Пруссію, Бенигсенъ предполагалъ ожидать подкрѣпленій изъ Россіи и, находясь на флангѣ операціоннаго направленія Наполеона, начать въ столь выгодныхъ условіяхъ новую кампанію слѣдующаго года. Этотъ весьма соотвѣтственный планъ не имѣлъ столь соотвѣтственнаго исполненія.

ваніе былъ Кенигсбергъ, благодаря чему впослѣдствіи подвозъ провіанта и снаряда могъ дѣлаться моремъ.

Въ прежнія мѣста, нашими войсками занятыя, вступилъ новопришедшій корпусъ генерала отъ инфантеріи Ивана Николаевича Эссена *), а между имъ и нами для связи былъ отрядъ, не упомню, подъ чьей командой.

---

*) Корпусъ Эссена I, какъ и резервная армія Римскаго-Корсакова, были также подчинены гр. Бенигсену.

Силы наши къ открытію новой кампаніи были: Бенигсена — 75.000, Эссена I-го въ Брянскѣ—20.000; Лестона на р. Алле—12.000; всего 107.000. У Наполеона было почти столько же.

IV.

Военныя дѣйствія предъ сраженіемъ при Прейсишъ-Эйлау.—Сраженіе подъ Ланцбергомъ.—Генеральное Прейсишъ-Эйлауское сраженіе.—Рана.—Распорядительность Остермана.—Стойкость Павловцевъ.—Отъѣздъ въ Кенигсбергъ и въ Тильзитъ.

Передвиженіе главной арміи произведено было безъ всякой встрѣчи съ непріятелемъ до половины января; наступательнымъ движеніемъ мы приблизились къ Вислѣ, хотя не совершенно достигли до ея береговъ. Тутъ начались передовыя стычки и въ памяти моей остались двѣ изъ нихъ; не помню, въ какомъ мѣстѣ, одна изъ нихъ была въ передовомъ отрядѣ князя Михаила Петровича Долгорукова *); стычка удачная по отпору натиска французовъ, но какъ уже было приказано войскамъ сосредоточиться въ главной позиціи, Долгоруковъ на другой день отступилъ, слабо бывъ преслѣдуемъ непріятелемъ. Мы лишились въ этомъ дѣлѣ молодого человѣка, весьма

*) Вѣроятно, авторъ вспоминаетъ удачныя дѣйствія нашей кавалеріи подъ Морунгеномъ, 13 (25) янв., гдѣ появленіемъ въ тылу французовъ она содѣйствовала отступленію нашего зарвавшагося авангарда (правой колонны), подъ начальствомъ ген. мр. Маркова. Кн. Долгоруковъ командовалъ здѣсь конным отрядомъ въ 3 эскадрона.

образованнаго и полнаго желанія быть полезнымъ отечеству. Этотъ молодой человѣкъ былъ Неклюдовъ, убитый въ этомъ дѣлѣ.

Сколько упомнится о событіяхъ давнихъ лѣтъ, въ то-же время, или около онаго, было довольно жаркое строевое дѣло подъ Морунгеномъ. Начальникъ отряда былъ генералъ-лейтенантъ Анрепъ *), имѣвшій, какъ въ предшествовавшее царствованіе, такъ и въ нынѣшнее, военную репутацію.

Дѣло было безспорно въ нашу пользу, и французы даже отступили, но Анрепъ при самомъ концѣ сраженія былъ убитъ. Потеря значительная, какъ человѣка, на котораго имѣли большія надежды по военному поприщу. Въ этомъ дѣлѣ была блистательная атака Сумскаго гусарскаго полка, и штыковой бой между обѣими пѣхотами.

Я неправильно выразился, назвавъ штыковой бой. Очевидцы разсказывали мнѣ, что Екатеринославскій гренадерскій полкъ такъ былъ удивленъ, что французская колонна волтижеровъ дерзала съ ними вступить на штыковой бой, что въ одно слово выразились: «эти недоростки недостойны нашихъ штыковъ» и, повернувъ ружья, прогнали французскую колонну прикладами. Малыя стычки и всѣ движенія войскъ описаны военными историками, а я слишкомъ малое имѣлъ служебное значеніе, чтобъ знать всѣ подробности оныхъ, и притомъ это, какъ давно прошедшее, изъ памяти изглажено. Помню только, что съ половины января

*) Собственно начальникомъ нашего авангарда (правой колонны) былъ ген.-м. Марковъ, а генер.-лейт. Анрепъ шелъ на полъ-перехода сзади съ кавалеріей правой колонны. Получивъ отъ Маркова просьбу о помощи, ген. Анрепъ приказалъ своему отряду ускорить движеніе, а самъ съ небольшимъ конвоемъ отправился впередъ. Прибывъ къ авангарду и приявъ, какъ старшій, командованіе имъ, ген. Анрепъ выѣхалъ для рекогносцировки и былъ убитъ наповалъ (пулею въ голову).

французская армія начала на насъ общее наступательное движеніе; передовые наши отряды, по превосходству численности непріятельскихъ войскъ и по общему распоряженію къ средоточенію, начали отступать, и обѣ арміи наконецъ стали одна противъ другой на позицію при деревнѣ Юннендорфъ *).

Нашимъ авангардомъ, не упомню, кто командовалъ, французскимъ-же Мюратъ; съ обѣихъ сторонъ было авангардное дѣло, принесшее честь обоимъ начальствующимъ и войскамъ. Позиція наша была весьма выгодная, и всѣ—отъ начальниковъ до рядовыхъ—пылали желаніемъ общаго сраженія. Бенигсенъ намѣренъ былъ принять бой; Остерманъ командовалъ лѣвымъ флангомъ; этотъ флангъ былъ прикрытъ отдѣльнымъ отрядомъ, подъ начальствомъ генерала-ли маіора Левицкаго, или генералъ-маіора Герцдорфъ, и дано было приказаніе стойко защищать плотину, прикрывающую нашъ флангъ и бывшую для непріятеля ключемъ нашей позиціи **); но это не было исполнено, и послѣ незначительной защиты начальствующій отступилъ, что и заставило Бенигсена измѣнить свое прежнее предположеніе и оставить Инкендорфскую позицію. Это отступленіе производилось довольно стройно, среди бѣлаго дня, въ виду непріятеля, эшелонами съ позиціи на позицію. Но все-таки, особенно въ хвостахъ колоннъ, возродилось мародерство, и невозможно было аррьергарду повсюду прибирать этихъ мародеровъ, хотя и большое количество ихъ попалось въ плѣнъ.

Это отступленіе безъ значительнаго боя продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ дней до города Ланц-

*) Янково, 22-го янв. (3 февр.). Это было наступленіе Наполеона, двинувшагося во флангъ нашей арміи, наступившей къ нижней Вислѣ. Этотъ планъ Наполеона Бенигсенъ узналъ изъ перехваченныхъ бумагъ, и французы, къ своему удивленію, нашли нашу армію сосредоточенной фронтомъ на югъ.

**) Въ своихъ запискахъ Бенигсенъ говоритъ, что оборона Бергфридской переправы была поручена Каменскому, сыну фельдмаршала.

берга, гдѣ нашъ аррьергардъ *), тѣсно преслѣдуемый французами, не могъ уже выдерживать ихъ натиска и требовалъ подкрѣпленія, и къ оному выслана была значительная часть кавалеріи и пѣхоты. Дѣло возгорѣлось жаркое, особенно въ ономъ отличился 2-й егерскій полкъ, подъ командой полковника Арсеньева (потомъ убитаго на дуэли графомъ Хребтовичемъ), и Черниговскій пѣхотный полкъ, подъ начальствомъ князя Василья Юрьевича Долгорукаго. Между многими, павшими въ этомъ дѣлѣ, былъ командующій батальономъ Черниговскаго полка, князь Михаилъ Сергѣевичъ Голицынъ, молодой человѣкъ, уважаемый своими товарищами и обѣщавшій много въ военномъ поприщѣ. Въ этомъ дѣлѣ я былъ свидѣтелемъ замѣчательнаго обстоятельства кавалерійской атаки: Изюмскому гусарскому полку было приказано атаковать французскій гусарскій полкъ, противъ него двинувшійся. Оба полка устремились другъ на друга, какъ двѣ движущіяся стѣны и, подскакавъ на пистолетный выстрѣлъ, оба внезапно остановились, и только были слышны возгласы начальствующихъ: «впередъ», «en avant», но полки не двигались; это продолжалось нѣсколько минутъ; но когда Изюмскаго полка эскадронный командиръ Гундерштрубъ отчаянно кинулся на французскаго эскадроннаго командира и свалилъ его съ лошади, это было сигналомъ Изюмцамъ двинуться впередъ, и французскій полкъ былъ опрокинутъ и преслѣдуемъ.

Хотя дѣло подъ Ланцбергомъ окончилось въ нашу пользу, но позиція не была довольно выгодна для принятія общаго сраженія **). Сколько мнѣ помнится,

---

*) У Гофа, 25 января (6 февр.), подъ командою Барклай-де-Толли.

**) Вѣроятно, авторъ говоритъ объ успѣхѣ аррьергарднаго боя у Гофа (подъ Ланцбергомъ) въ томъ смыслѣ, что геройское поведеніе нашего аррьергарда дало возможность сосредоточить наши силы, такъ какъ самъ аррьергардъ только наступившею темнотою былъ спасенъ отъ полнаго истребленія.

подъ Ланцбергомъ присоединился къ арміи сильный отдѣльный отрядъ князя Багратіона, который и принялъ командованіе всего аррьергарда, и, какъ было рѣшено Бенигсеномъ отступить и принять бой на Прейсишъ-Эйлауской позиціи, армія начала отступать на эту позицію, подъ прикрытіемъ аррьергарда, и прибыла къ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ и стала въ боевой порядокъ сзади города, на избранную главнокомандующимъ позицію. Аррьергардъ-же занялъ весьма удобный къ защитѣ городъ Прейсишъ-Эйлау и прилегающее къ оному кладбище.

Итакъ, настали дни грозной битвы Прейсишъ-Эйлауской *), битвы, ознаменовавшей стойкость русскихъ войскъ и пылъ натиска французовъ; ознаменовавшей предпріимчивость, военный взоръ, ученость, практичность Наполеона и хладнокровность, распорядительную дѣятельность, военный взглядъ и подобную-же ученость и практичество Бенигсена. Не моему перу описать общій обзоръ сраженія; незначительность мѣста моего служенія тогдашняго, неопытность моя въ военномъ дѣлѣ и наконецъ полученная мною рана **), въ половинѣ дня заставившая покинуть мѣсто сраженія,—худые спутники въ дѣлѣ повѣствованія; въ военномъ дѣлѣ общность движенія и обоюдность распоряженій съ обѣихъ сторонъ—необходимыя данныя. Все это описано людьми свѣдущими, частью участниками въ этомъ сраженіи, и разобрано военными историками съ большею или меньшею правдою и часто съ пристрастіемъ къ своимъ родичамъ. Здѣсь опять я повторю, что уже разъ сказалъ, что жаль, что хоть

*) 26 и 27 янв. (7—8 февр.) 1807 г.

**) Въ сраженіи при г. Прейсишъ-Эйлау князь Сергій Григорьевичъ Волконскій былъ раненъ пулею въ бокъ и награжденъ золотымъ знакомъ отличія, установленнымъ за сіе сраженіе.

по военной части, не даютъ гласности запискамъ Бенигсена.

Въ этой битвѣ пало много изъ участвовавшихъ, и пали всѣ съ честью. Изъ участвовавшихъ малое число еще въ живыхъ, и вотъ этому доказательство: въ честь этого сраженія былъ установленъ Императоромъ Александромъ знакъ отличія для болѣе отличившихся оберъ-офицеровъ, и роздано было около 300 этихъ знаковъ, именуемыхъ Прейсишъ-Эйлаускій крестикъ. Въ настоящее время въ живыхъ, имѣющихъ этотъ крестъ, четверо: Закревскій, не упомню, кто другой, Гераклій Полиньякъ, служащій теперь во Франціи, и я. Неправильно ставлю себя въ числѣ носящихъ этотъ знакъ отличія; я его имѣлъ, но приговоръ Верховнаго уголовнаго суда 26 г. лишилъ меня этой чести; но чистосердечно скажу, не изъ чванства, но изъ любви къ истиннымъ событіямъ, что изъ всего того, чего лишенъ этимъ приговоромъ, Прейсишъ-Эйлаускій крестикъ и медаль 1812 г.—одно, о чемъ сожалѣю, ставя себѣ въ великую честь быть соучастникомъ въ событіяхъ, ознаменованныхъ этими знаками отличія *).

Хотя я выразилъ, что не буду описывать общность Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія, но скажу нѣсколько словъ о частности онаго.

Защита арьергарда въ самомъ городѣ Прейсишъ-Эйлау была стойкостью сверхъ всякой похвалы: каждый кварталъ, каждое строеніе было упорно русскими защищаемо и не давалось въ руки непріятеля, какъ по упорной борьбѣ, такъ и по превосходству нашихъ силъ.

Кладбище города, стоящее между имъ и нашей пози-

*) Впослѣдствіи оба эти знака отличія были возвращены кн. Сергію Григорьевичу Императоромъ Александромъ II-мъ.

ціей было поприщемъ отчаянной защиты; это мѣсто, бывшее нѣсколько столѣтій послѣднимъ убѣжищемъ постепенно туда приводимыхъ, въ нѣсколько часовъ было покрыто кучами тѣлъ. — Первые разставались съ жизнью по опредѣленію природы,—послѣдніе—какъ выразить причину ихъ смерти? по общему мнѣнію—честь! долгъ! Но я скажу, частью и предразсудки; странно, больно для человѣчества, что человѣкъ наноситъ смерть человѣку. Въ этой защитѣ аррьергардной болѣе всѣхъ участвовалъ и заслужилъ всеобщую похвалу командующій тогда 3-мъ егерскимъ полкомъ генералъ-маіоръ Барклай-де-Толли, который въ этомъ сраженіи былъ и раненъ. Въ тотъ-же день аррьергардъ отступилъ и сталъ въ ряды войскъ въ принятой позиціи русской арміи.

День главнаго сраженія Прейсишъ-Эйлаускаго былъ 27 января. Бой продолжался отъ ранняго утра до наступленія ночи. Сраженіе было принято войсками и начальниками съ радостью и съ желаніемъ быть достойными русскаго имени, и это они доказали.

День былъ снѣжный, морозный и съ вьюгой, вѣющей насупротивъ французской арміи. На лѣвомъ флангѣ—гдѣ опять ключъ позиціи,—завязался первоначально бой и весьма жаркій. Французы упорно, дружно атаковали этотъ флангъ, состоящій подъ начальствомъ Остермана. Онъ былъ достоинъ возложеннаго на него довѣрія; зоркій его глазъ предугадывалъ всякій поискъ непріятеля, а неустрашимость его ободряла его подчиненныхъ. Бой начался обоюднымъ огнемъ артиллерій, потомъ перестрѣлкой, обращающейся впослѣдствіи въ батальонный ружейный огонь, но оканчивался часто штыковымъ боемъ, и всегда позиція оставалась за нами, а только передовые отряды входили въ ряды оной. Въ числѣ особенностей этого боя было одно, едва-ли прежде или впослѣдствіи случившееся. На

лѣвомъ нашемъ флангѣ, когда кавалерія наша со всѣхъ сторонъ нашей общей позиціи устремилась на нѣсколько эскадроновъ французской кавалеріи, сдѣлавшихъ прорывъ въ центрѣ нашей арміи, французы, атакующіе лѣвый флангъ, пустили на нашу пѣхоту лѣваго фланга, лишенную охраненія кавалеріею,—пустили двѣ атаки, одну во фронтъ, а другую—угрожающую нашему тылу. Остерманъ, предугадывавшій всю важность этой атаки, а при удачѣ выгодныя послѣдствія для непріятеля,—принялъ смѣлое рѣшеніе отбить эту атаку Павловскимъ гренадерскимъ полкомъ (въ стойкости котораго онъ имѣлъ полное убѣжденіе) слѣдующимъ движеніемъ: полкъ былъ въ составѣ 3-хъ батальоновъ и стоялъ въ линію; онъ приказалъ переднимъ шеренгамъ приготовиться къ ружейному оттиску, выдержать залпъ передъ самымъ ближнимъ натискомъ кавалеріи, и, исполнивъ это, стать на одно колѣно и, упря ружье въ землю, рядомъ штыковъ выждать, если посмѣетъ непріятель отбить его атаку; а самъ Остерманъ съ средней и задней шеренгами, повернувъ налѣво кругомъ, пошелъ насупротивъ французской кавалеріи, атакующей съ тылу. Распоряженіе это полный имѣло успѣхъ: обѣ атаки французской кавалеріи, удивленныя стойкостью и смѣлостью Павловскаго гренадерскаго полка, обратились вспять.

Честь и хвала Павловскому гренадерскому полку, но честь и хвала также и Остерману. Начальникъ и подчиненные были достойны другъ друга.

Говоря о Прейсишъ-Эйлау, какъ не упомянуть о Ермоловѣ; съ этого сраженія началась его знаменитость въ военномъ дѣлѣ. Я слегка упомянулъ о сдѣланномъ прорывѣ нѣсколькими французскими эскадронами въ центрѣ общей нашей позиціи. Эта отчаянная и успѣшная атака могла бы для насъ имѣть губительное послѣдствіе, но, не бывъ поддержана, cela n'a été

qu'un beau fait d'arme sans conséquence *). Прорвавшись черезъ наши линіи, эти эскадроны блуждали безъ подкрѣпленія сзади оной, и какъ со всѣхъ сторонъ на нихъ ринулась вся наша кавалерія, стоящая въ резервѣ—они обратно устремились къ сдѣланному ими прорыву и успѣли при всей этой суматохѣ, хотя съ большими потерями, добраться до своихъ.

Какъ я выше сказалъ, я былъ раненъ и поэтому выѣхалъ на перевязочное мѣсто, откуда по перевязкѣ былъ положенъ на форшпанъ (прусскую подводу) и отправленъ въ Кенигсбергъ. Прибывъ въ этотъ городъ, я узналъ, что тамъ находился одержимый болѣзнью генералъ-маіоръ Сергѣй Алексѣевичъ Кожинъ, и, по семейному свойству между нами, я остановился у него.

Онъ, предполагая, что Кенигсбергъ будетъ въ центрѣ будущихъ военныхъ дѣйствій, какъ больной, почелъ лучшимъ выѣхать, а меня, какъ раненаго, увезъ съ собою въ г. Тильзитъ. Бывъ внѣ круга дѣйствующей арміи, о пребываніи моемъ въ Тильзитѣ—нечего мнѣ сообщить, кромѣ попечительной обо мнѣ заботы вышеозначеннаго Сергѣя Алексѣевича и радушнаго обхожденія со мной, обычнаго между бивачными сотоварищами, многихъ раненыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, какъ и я, тамъ пользующихся отъ полученныхъ ранъ.

*) Это былъ не болѣе, какъ прекрасный геройскій поступокъ, безъ послѣдствій.

V.

Возвращеніе въ дѣйствующую армію. — Военныя дѣйствія послѣ Прейсишъ-Эйлау. — Донскіе казаки и ихъ предводитель Платовъ. — Пріостановленіе военныхъ дѣйствій. — Знакомство съ А. А. Закревскимъ. — Безпорядки въ снабженіи войскъ. — Пріѣздъ Государя и короля Прусскаго въ Бартенштейнъ.

Получивъ совершенное исцѣленіе, я возвратился въ дѣйствующую армію и попрежнему находился при Остерманѣ, котораго корпусная квартира была на промежуточномъ положеніи между Бартенштейномъ, тогдашнею главною квартирой арміи, и мѣстечкомъ Лаунау, гдѣ находился тогда авангардъ.

Что происходило послѣ Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія, какъ отсутствующему, мнѣ неизвѣстно, и подробно описано военными историками, но въ товарищескихъ разговорахъ, всегда искреннихъ, я всегда слышалъ, что всѣ усилія французской арміи сбить насъ съ позиціи Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія были неудачны, что до конца онаго наши войска стойко удержали оную; что отступленіе наше на другой день не было вынуждено новымъ натискомъ непріятеля, но было вслѣдствіе военныхъ соображеній главнокомандую-

шаго *), и французская армія преслѣдовала нашу, не какъ пораженную, но слѣдила наше движеніе незначительными только отрядами, и въ это время была между Прейсишъ-Эйлау и Кенигсбергомъ стычка между французскимъ аррьергардомъ и пришедшими съ Дона новыми полками казачьяго войска, подъ начальствомъ войскового атамана Платова **), стычка, которая положила первую стезю славы этому неуподобимому вопну ни въ какихъ другихъ народахъ, — стезю, впослѣдствіи далеко онымъ доведенную. Послѣ этого авангарднаго дѣла обѣ арміи пріостановили свои военныя дѣйствія, и отдыхъ обѣимъ былъ необходимъ послѣ посильныхъ трудовъ, оными понесенныхъ въ теченіе зимней кампаніи. Главная квартира русской арміи была въ Кенигсбергѣ, французской—въ Варшавѣ ***). Въ обѣихъ арміяхъ сколько упомню, продолжалась пріостановка военныхъ дѣйствій до апрѣля мѣсяца ****). Къ обѣимъ враждующимъ арміямъ пришли сильныя подкрѣпленія, и Бенигсенъ имѣлъ въ виду при первой просухѣ начать наступательное движеніе.

Еще, сколько упомню, въ мартѣ мѣсяцѣ, изъ довольно пространныхъ зимнихъ квартиръ наша армія перешла въ тѣсныя, и главною квартироїй оной былъ городъ Бартенштейнъ. Время бездѣйствія было полезно,

---

*) Недостатокъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ и значительныя потери (26.000 ч.; пѣхотные полки обратились въ баталіоны, въ дивизіи гр. Остермана-Толстого осталось 2.700 чел.) заставили Бенигсена отказаться отъ продолженія сраженія на другой день, хотя этой мысли сочувствовали многіе сподвижники Бенигсена (Кноррингъ, Штейнгель, Остерманъ).

**) Платовъ слѣдилъ за французами и сильно затруднялъ ихъ отступленіе отъ Прейсишъ-Эйлау.

***) Здѣсь автору измѣнила память. Главная квартира Наполеона была въ этотъ періодъ въ замкѣ Финкенштейнѣ, а районъ зимнихъ квартиръ французскихъ войскъ—на лѣвомъ берегу р. Пассарги (Браунсбергъ, Шпанденъ—Алленштейнъ, Гогенштейнъ).

***) До конца апрѣля.

для устройства, какъ внутренняго войска, такъ и приготовленія къ новымъ движеніямъ; но время этого бездѣйствія для частныхъ лицъ было пустое, скучное и въ памяти моей только и осталось болѣе тѣсное мое знакомство съ Арсеніемъ Андреевичемъ Закревскимъ, бывшимъ тогда адъютантомъ при графѣ Николаѣ Михайловичѣ Каменскомъ *). Закревскій и впослѣдствіи таковымъ добрымъ знакомымъ для меня былъ, и въ честь его долженъ сказать, что во все время его служенія, несмотря на пріобрѣтаемыя имъ высшія степени значенія, онъ оставался всегда равно радушнымъ къ старымъ знакомымъ и всегда готовымъ имъ къ услугамъ; равенство дѣйствія, которое малое число людей сохраняютъ при возвышеніи въ значительности.

Я это испыталъ лично надъ собою, не только въ продолженіе моей службы, въ теченіе которой не разъ случалось мнѣ имѣть до него дѣло, но и по возвращеніи моемъ изъ ссылки въ 1856 г. Онъ былъ тогда Московскимъ генералъ-губернаторомъ и, несмотря на различное значеніе наше въ обществѣ, несмотря на прежнюю мою опалу, принялъ меня, какъ прежняго товарища, давалъ мнѣ чистосердечные совѣты, чтобъ охранить меня отъ многихъ сплетенъ и нерасположенія многихъ лицъ, и наконецъ отстаивалъ меня на сдѣланные ложные на меня доносы. Я поставляю себѣ долгомъ высказать степень моей признательности за это тѣмъ болѣе, что многіе другіе мои современники этого не сдѣлали.

Во время стоянки арміи, распоряженіе по продовольствію и снабженію войскъ было довольно плохое, какъ для людей, такъ и для лошадей, и происходило

*) Младшій сынъ графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго (род. 27 дек. 1776 г., ум. 4 мая 1811 г.). Со смертью его родъ Каменскихъ пресѣкся.

болѣе всего фуражировкой съ весьма малымъ подвозомъ, кромѣ авангарда, стоящаго на бивакѣ подъ Лаунау въ шалашахъ, подъ начальствомъ князя Багратіона, который по необходимости былъ обезпеченъ, какъ стоявшій всегда наготовѣ къ отраженію, въ случаѣ натиска французовъ.

Затрудненія въ продовольствіи были столь велики для прочихъ войскъ, что транспорты, шедшіе въ авангардъ, всегда отправлялись подъ прикрытіемъ конвоя, чтобъ не были задержаны войсками другихъ корпусовъ, расположенныхъ по тракту, ведущему въ Лаунау.

Безпорядокъ о снабженіи войскъ всѣмъ, онымъ нужнымъ, былъ слѣдствіемъ, къ стыду русской чести, всѣхъ тѣхъ незаконныхъ денежныхъ оборотовъ, которые шефы полковъ имѣли съ провіантской и комиссаріатской комиссіей. Эти шефы по подрядной цѣнѣ брали отъ комиссіи денежныя выдачи, клали оныя себѣ въ карманъ и снабжали войска насильственными способами отъ жителей. Послѣ замиренія всѣ эти счеты поступили въ учрежденную въ Мемелѣ комиссію, которая ничего не распутала; деньги, незаконно пріобрѣтенныя, остались въ карманахъ тѣхъ, которые по сдѣлкѣ между собою выдавали и получали, а однимъ только послѣдствіемъ было, что провіантскіе и комиссаріатскіе чиновники, носившіе до того общій армейскій мундиръ— были лишены онаго, и не считались болѣе по рангамъ военнымъ, а распредѣлены были по классамъ гражданскимъ. При этомъ случаѣ, къ стыду русскаго имени, неизлишнимъ считаю замѣтить, что весь этотъ грабежъ повторился въ послѣднюю Крымскую кампанію, гдѣ комиссіи и полковые командиры, въ эту гибельную минуту отечественнаго дѣла, возобновили эти безстыдные грабежи, нажили значительныя суммы, иные купили имѣнія, а другіе, болѣе смышленные, вложили свои

капиталы безъименными билетами въ кредитныя установленія.

Горько упоминать любящему свое отечество человѣку о поносныхъ этихъ дѣйствіяхъ, и какъ не сказать, что пока этихъ измѣнниковъ-воровъ не будутъ вѣшать, то всѣ эти грабежи и безпорядки будутъ опять возобновляться.

Во время этой стоянки арміи, прибылъ въ Бартенштейнъ Государь Императоръ, Александръ I. Онъ не принялъ личное командованіе арміей, и попрежнему всѣ распоряженія по оной были предоставлены Бенигсену. Императорская главная квартира, какъ это всегда бываетъ, возродила многія столкновенія въ управленіи. Прибылъ также и король прусскій, но пребываніе двухъ Монарховъ не было продолжительно, и оба выѣхали изъ арміи въ г. Мемель, предоставивъ Бенигсену начать военныя дѣйствія, когда онъ найдетъ удобнымъ, и условившись въ планѣ кампаніи.

VI.

Причисленіе въ свиту Бенигсена. — Образъ жизни свѣтской молодежи въ главной квартирѣ.—Составъ главной квартиры.—Князь Багратіонъ.—Знакомство съ Н. Н. Раевскимъ.

Пріѣздъ Государя въ Бартенштейнъ измѣнилъ мой образъ служенія. Зять мой, князь Петръ Михайловичъ Волконскій *), состоя генералъ-адъютантомъ при Государѣ, просилъ Бенигсена причислить меня къ его особѣ. Я былъ причисленъ въ свиту главнокомандующаго, и хотя взошелъ въ жизнь гораздо болѣе льготную, но не практическую въ военномъ отношеніи. Со времени моего поступленія въ главную квартиру арміи, кругъ моихъ дѣйствій взошелъ въ совершенно другой очеркъ. До начатія военныхъ дѣйствій—жизнь главной квартиры между молодежи шумной въ кругу товарищей, — лишенная всякихъ занятій служебныхъ. Для молодого человѣка— она школа подлости, интригъ, и память о ней не льнетъ

*) Ген.-фельдмаршалъ свѣтл. кн. П. М. Волконскій (1776—1852), участникъ войнъ 1805—1815 гг., начальникъ штаба дѣйствующей арміи въ кампанію 1813—14 гг., ген.-квартирмейстеръ (1810—18), начальникъ штаба Е. И. В. (1815—1823), Министръ Двора (1826—1852), Членъ Гос. Совѣта и проч., былъ женатъ на княжнѣ Софіи Григорьевнѣ Волконской.

къ моему сердцу. Тѣ-же выходы — дворцовые, тѣ-же льстецы идолопоклонники. Малое число работающихъ дѣльными занятіями, та же масса тунеядцевъ.

Въ главной квартирѣ, кромѣ главнокомандующаго Бенигсена, главную роль разыгрывали: генералъ Штейнгель, генералъ квартирмейстеръ и дежурный генералъ Александръ Борисовичъ Фокъ, оба люди дѣльные, какъ по части военной, такъ и по административной, люди чистые отъ всякихъ упрековъ. Значеніе большое при главнокомандующемъ имѣлъ правитель его канцеляріи, подполковникъ Иванъ Федоровичъ Аптъ, пользующійся полною довѣренностью Бенигсена, человѣкъ умный, дѣльный по бумажной части, но, по общему мнѣнію, нечистый въ отношеніи денежномъ. Между нашею молодежью былъ маіоръ Шепингъ, колкоязычникъ, который, при случаѣ полученія Аптомъ прусскаго креста, «pour le mérite», сказалъ: «что Вольтеръ и Аптъ получили этотъ крестъ не за военныя дѣла»; а самъ про себя Шепингъ сказалъ, бывъ сдѣланъ изъ капитановъ въ маіоры (онъ былъ малаго роста), «comme on a vu que je ne serai jamais un grand capitaine—on m'a fait major» *). Упоминаю объ этихъ ничтожныхъ подробностяхъ, чтобъ выказать типъ нашего ничтожнаго круга.

Еще въ памяти моей осталось одно обстоятельство, лично до меня относящееся. По причисленіи моемъ къ главной квартирѣ, еще во время присутствія въ оной Императора,—я остановился на квартирѣ зятя моего, князя Петра Михайловича Волконскаго. Вскорѣ послѣ этого къ намъ прибылъ мой троюродный братъ, князь Димитрій Михайловичъ **), человѣкъ не безъ достоинствъ,

---

*) Такъ какъ видѣли, что я никогда не буду *большимъ* полководцемъ, меня сдѣлали маіоромъ (больше).

**) Князь Димитрій Михайловичъ Волконскій, сынъ князя Михаила Сергѣевича и княгини Екатерины Исаевны, рожденной баронессы Шафировой, ген.-лейт., участникъ Суворовскихъ походовъ и кампаніи 1813 г. Женатъ

но мнительный въ жизни и видѣвшій все въ черномъ оттѣнкѣ. Днемъ я шатался между товарищами, но на ночь приходилъ домой и, какъ мы всѣ спали въ одной комнатѣ, то я поневолѣ выслушивалъ всѣ обсужденія князя Дмитрія Михайловича о предстоящихъ новыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, предсказывающихъ полное пораженіе нашей арміи. Для молодого человѣка, полнаго надежды на славу отечественную, горящаго желаніемъ отличиться, всѣ эти сужденія, предсказанія столь черновидныя, были не понутру, и я объявилъ зятю, что я уже не въ силахъ ихъ выслушивать, и переѣхалъ на другую квартиру.

Вообще скажу, что подобныя ему зловѣщія птицы весьма вредятъ въ арміяхъ производимыми впечатлѣніями; въ военномъ ремеслѣ увѣренность въ удачѣ— есть спутникъ къ побѣдѣ.

Во время бездѣйствія арміи, я нѣсколько разъ посѣщалъ авангардъ, гдѣ между штабомъ князя Багратіона было много моихъ товарищей. Радушное обхожденіе князя съ подчиненными, дружное ихъ между собою обхожденіе, стройность, чистота бивачныхъ шалашей, свѣжій, довольный видъ нижнихъ чиновъ—доказывали попечительность князя къ нимъ, и во всемъ былъ залогъ общаго довѣрія къ нему. Князь былъ не высоко образованный, но рожденный чисто для военнаго дѣла человѣкъ.

Ученикъ Суворова, онъ никогда не измѣнялъ своему наставнику и до конца жизни былъ красой русскаговойска.

Въ Лаунау я въ первый разъ былъ представленъ Николаю Николаевичу Раевскому *) и не могъ тогда

былъ на Натальѣ Алексѣевнѣ, рожд. графинѣ Мусиной-Пушкиной. Князь Димитрій Михайловичъ оставилъ записки; обширная рукопись находится во владѣніи его внуки, княгини Е. М. Куракиной.

*) Ген. отъ инфан., чл. Гос. Сов., знаменитый генералъ 12-го года, Двоюродный внукъ Потемкина, Ник. Ник. 17 лѣтъ командовалъ полкомъ. Онъ

предвидѣть, что онъ будетъ моимъ тестемъ. Раевскій, принесшій съ собою репутацію храбреца еще Екатерининскаго времени, получилъ въ командованіе два передовыхъ полка: однимъ командовалъ Гогель, а другимъ Вуичъ. Оба извѣстные въ арміи храбрецы—и этотъ тріумвиратъ обезпечивалъ спокойствіе авангарда.

участвовалъ въ Турецкихъ войнахъ и въ Польской кампаніи, командовалъ на Кавказѣ Нижегородскими драгунами. Въ царствованіе Павла I находился въ отставкѣ. Въ отечественную войну заслужилъ репутацію талантливаго, храбраго генерала, оставивъ свое имя на славной батареѣ Бородинскаго сраженія. «Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества»—такъ характеризуетъ его Пушкинъ.

VII.

Отъѣздъ Государя и короля Прусскаго изъ главной квартиры.—Начало военныхъ дѣйствій.—Наступательное движеніе французовъ.—Занятіе Гейльсбергской позиціи.—Атака кирасиръ близъ Лаунау.—Смерть генерала Кожина.

Передъ начатіемъ военныхъ дѣйствій, Государь и король прусскій удалились изъ главной квартиры—кажется, въ Кенигсбергъ или Мемель, не упомню. Главная квартира,—хоть царь всегда выставлялъ Бенигсена, (но все-таки духъ царедворскій въ ней показывался)—приняла свой прежній видъ, хоть и не безъ отсутствія мелкихъ интригъ.

Кажется, 1 мая, не упомню, въ присутствіи Императора или уже послѣ его отъѣзда, была сдѣлана авангардомъ усиленная рекогносцировка при весьма незначительной аванпостной оборонѣ французскихъ аванпостовъ.

Бенигсенъ и многіе корпусные командиры присутствовали при этой рекогносцировкѣ, которая всѣхъ убѣдила, что французскія войска отступили изъ занятой ими прежде линіи за Пассаргу.

Сколько помнится, 15-го мая началось общее на-

ступательное наше движеніе *). Опять, по отдаленности этого времени, подробности онаго не могу припомнить— онѣ описаны военными историками. Въ моей памяти остались только нѣкоторыя подробности, которыя изложу.

День былъ весьма знойный; общее боевое движеніе было назначено диспозиціей. Всѣ корпуса по оной, въ назначенное время, были на своихъ пунктахъ, кромѣ корпуса генерала Остенъ-Сакена. Мы предполагали наступательнымъ движеніемъ перейти Пассаргу и сразиться съ стоящей въ виду насъ за оной въ боевомъ порядкѣ французской арміей, но не то сбылось: французы приняли на насъ наступательное движеніе, и мы послѣ нѣкоторой обороны, по приказанію главнокомандующаго, начали отступать. Причиною этого отступленія выставлено было, что Сакенъ не пришелъ во-время и не занялъ назначенной ему позиціи **). Бенигсенъ отказалъ ему отъ командованія корпусомъ. Общій голосъ въ арміи винилъ Сакена, и шла молва, что съ давнихъ временъ между Бенигсеномъ и Сакеномъ были враждебныя отношенія, и что Сакенъ нечисто дѣйствовалъ. Впослѣдствіи Сакенъ былъ отданъ подъ судъ, какъ помнится, по собственной его просьбѣ. Дѣло судилось въ Государственномъ Совѣтѣ, и онъ былъ оправданъ; немудрено,—тогда уже Бенигсенъ былъ въ немилости.

Отступленіе наше происходило стройно, хотя войско

---

*) За время бездѣйствія обѣ противныя арміи усилились подкрѣпленіями: силы Наполеона простирались на главномъ театрѣ до 200.000, изъ которыхъ 170.000 онъ располагалъ для наступленія, — силы Бенигсена — до 125.000, изъ коихъ 80.000 свободныхъ для наступленія. Бенигсенъ снова рѣшается разбить выдавшійся на правый берегъ р. Пассарги корпусъ Нея, отрѣзавъ его отъ сосѣднихъ корпусовъ. 21-го мая (2 іюня) начинается движеніе русской арміи съ этою цѣлью.

**) Вслѣдствіе опозданія Сакена, Горчакова и Платова захватить Нея не удалось. Послѣ боя съ нашимъ авангардомъ Багратіона, 25-го мая, (6 іюня), Ней ушелъ благополучно за р. Пассаргу. Наполеонъ узналъ о наступленіи русской арміи и, сосредоточивъ свои силы, рѣшилъ отрѣзать Бенигсена отъ Кенигсберга. Бенигсенъ перешелъ къ оборонѣ и потомъ къ отступленію, имѣя въ виду принять бой у Гутштадта, и затѣмъ измѣнивъ свое рѣшеніе въ пользу Гейльсберга.

очень уставши было отъ знойнаго дня и отъ недостатка воды для питья. Передовой витязь Багратіонъ прикрывалъ съ аррьергардомъ общее отступленіе, и армія приняла позицію на высотахъ Гейльсбергскихъ, въ позиціи, частью заранѣе укрѣпленной. Отступленіе черезъ Лаунау на Гейльсбергскую позицію производилось стройно подъ прикрытіемъ аррьергарда, подъ начальствомъ князя Багратіона, который пользовался каждымъ удобнымъ мѣстомъ для обороны, чтобъ затруднять пылъ натиска французовъ и дать время арміи занять Гейльсбергскую позицію. Близъ Лаунау было довольно жаркое дѣло и, между прочимъ, атака лейбъ-кирасирскаго Его Императорскаго Величества полка, при которой положилъ свою жизнь шефъ онаго полка, генералъ-маіоръ Кожинъ, тотъ самый, о которомъ я говорилъ, описывая Пултуское сраженіе, память котораго близка сердцу каждаго русскаго, какъ храбраго распорядительнаго начальника, но котораго начальное служебное поприще очернено злодѣяніями его при слѣдствіи, порученномъ ему въ званіи флигель-адъютанта на Дону, во время царствованія императора Павла. Тѣло его, убитаго на мѣстѣ, перевѣшенное на лошади адъютанта его Петрулина, съ почетнымъ конвоемъ взвода кирасиръ, я встрѣтилъ, бывъ посланъ отъ главнокомандующаго съ приказаніемъ на лѣвый флангъ. Мнѣ еще и теперь мерещится въ глазахъ бездыханное тѣло близкаго знакомствомъ мнѣ человѣка, перекинутое безъ жизни на лошади, и я отъ души внутренно принесъ падшему при исполненіи своего долга вѣчную память. Его тѣло было предано землѣ, по прежде того объявленному его желанію, въ случаѣ смерти,—въ чудной мѣстности монастыря Гейлинъ-Линденъ. Итакъ, тѣло русскаго витязя предано чужой землѣ, но память его военныхъ заслугъ не будетъ чужда отечественности.

VIII.

Гейльсбергская битва.—Сраженіе подъ Фридландомъ.—Болѣзнь Бенигсена.—Переправа въ бродъ черезъ рѣку.—Находчивость графа Сиверса.—Остановка нашей арміи въ г. Велау.—Дальнѣйшее движеніе до Тильзита.—Переправа черезъ Нѣманъ. Пріѣздъ въ главную квартиру Государя и перемиріе.—Тильзитское свиданіе.

День знаменитой битвы Гейльсбергской насталъ. Всѣ подробности этого сраженія описаны военными историками. Хотя Бенигсенъ одержимъ былъ мучительною каменною болѣзнью, но свѣтлыя его военныя достоинства ничѣмъ не ослабли; зоркій его глазъ, при содѣйствіи вновь назначеннаго дежурнаго генерала Ивана Николаевича Эссена и прежде-упомянутаго генералъ-квартирмейстра Штейнгеля, слѣдилъ за всѣми движеніями французской арміи и вездѣ устраивалъ оборону. Наступательное движеніе непріятеля было пылкое, стойкое и продолжительное; но громъ нашихъ пушекъ, отлично расположенныхъ по мѣстности, постоянно во весь день отражалъ атаки французскихъ колоннъ. Часто были штыковыя схватки, замѣчательныя кавалерійскія атаки, изъ которыхъ одна была подъ предводительствомъ атамана Платова съ храбрыми

его казаками, а другая съ регулярной кавалеріей, подъ предводительствомъ генералъ-адъютанта Уварова. Ни въ одномъ мѣстѣ не удалось французамъ насъ сбить съ позиціи и безспорно можно считать это сраженіе выиграннымъ русскими войсками.

Заходъ солнца остановилъ битву, и мы, хотя понесшіе большой уронъ въ рядахъ нашихъ, гордились этимъ днемъ. Но уронъ французовъ гораздо былъ сильнѣе *), и между прочими убито у нихъ было нѣсколько генераловъ; а французской арміей въ этотъ день предводительствовалъ самъ Наполеонъ.

При наступленіи новаго дня, мы ожидали стойко въ нашей позиціи возобновленія сраженія, но утро прошло безъ новой атаки со стороны французовъ. Передъ полднемъ замѣтно было движеніе въ непріятельской арміи, и узнано было, что ею предпринимается фланговый маршъ лѣвымъ ея флангомъ. Первая мысль Бенигсена, при узнаніи этого движенія, была: атаковать французовъ при полномъ движеніи этого фланговаго марша; мысль свѣтлая, при исполненіи которой, вѣроятно, французы потерпѣли бы пораженіе, ибо въ военномъ искусствѣ атака, при исполненіи движенія фланговаго марша, всегда имѣетъ удачныя послѣдствія для противныхъ войскъ. Но неизвѣстно мнѣ, по какой причинѣ, Бенигсенъ перемѣнилъ свое намѣреніе и предпринялъ отступательное движеніе на Фридландъ, вѣроятно, по боязни быть отрѣзаннымъ отъ операціонной линіи, которой основаніе былъ Кенигсбергъ **). До предпринятія отступательнаго движенія онъ составилъ силь-

*) Мы потеряли до 8.000, французы до 12.000 человѣкъ.

**) Бенигсенъ началъ колебаться, хотя между его рѣшеніями было очень осторожное и безопасное—перейти къ Велау, за р. Прегель, занять здѣсь до прибытія подкрѣпленій позицію, прикрывающую и Кенигсбергъ, и пути къ нашимъ границамъ. Потомъ ему захотѣлось преградить французамъ путь черезъ р. Алле у Фридланда.

ный кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ князя Димитрія Владиміровича Голицына, и приказалъ ему форсированнымъ маршемъ идти къ Фридланду, занять этотъ городъ, если не занятъ французами, а буде занятъ, вытѣснить ихъ оттуда. Вслѣдъ за этимъ отрядомъ двинулась вся армія, и, нимало не преслѣдуемые французами, мы совершили это движеніе.

Предугадательность Бенигсена о намѣреніи французовъ отрѣзать насъ отъ коммуникаціонной линіи вполнѣ оправдалась. Князь Голицынъ, пришедъ весьма быстрымъ маршемъ къ городу Фридланду, нашелъ его занятымъ легкимъ кавалерійскимъ отрядомъ, изъ двухъ полковъ состоящимъ, и при превосходствѣ силъ, въ распоряженіи Голицына состоящихъ, онъ вытѣснилъ французскій отрядъ изъ города, нанеся ему значительный уронъ.

Но князь Голицынъ сдѣлалъ большую ошибку, удовольствуясь занятіемъ города, по той сторонѣ рѣки лежащаго, и полянкою до лѣса, передъ городомъ состоящаго: ему бы должно было хоть разъѣздами «fouiller» (не нахожу приличнаго по этому слова) лѣсъ и тѣмъ охранить наше движеніе отъ внезапнаго и скрытаго нападенія французской арміи. Вся армія къ вечеру прибыла на другой день къ Фридланду, и предположеніе было, послѣ ночевки, изъ занятой позиціи передъ городомъ продолжать движеніе, сколько помнится, къ Дейчъ-Эйлау, гдѣ Бенигсенъ, напитанный чтеніемъ семилѣтней войны, зналъ, что Фридрихъ Великій далъ въ выгодной позиціи сраженіе;—большая ошибка: Суворовъ и Наполеонъ не шли по битымъ путямъ, а всегда самотворчески дѣлали планы кампаній и оттого всегда побѣждали. Предположенное движеніе Бенигсена не могло исполниться: съ ранняго утра французы начали наступательное на насъ движеніе съ приходящими постепенно ихъ войсками, движеніе которыхъ и вы-

ходъ на упомянутую полянку прикрытъ всегда былъ вышеозначеннымъ лѣсомъ.

Поневолѣ Бенигсенъ долженъ былъ принять сраженіе, и, къ горю нашему, болѣзнь его такъ усилилась, что онъ не могъ сидѣть на лошади, а на возвышенномъ мѣстѣ близъ города лежалъ на землѣ и частью могъ взоромъ слѣдить за общими движеніями, а частью руководствовался свѣдѣніями, привозимыми ему Эссеномъ и Штейнгелемъ. Во весь день до 4-хъ часовъ послѣ полдня, всѣ усилія французовъ сбить насъ съ позиціи были неудачны; они вездѣ были отражены, и во многихъ мѣстахъ были блистательныя для русскаго войска стычки *). Но, какъ я выше сказалъ, настало 4-хъ—часіе полудня, и тогда все измѣнилось, и подробности, происшедшія отъ этой столь намъ несчастной годины, требуютъ особеннаго подробнаго повѣствованія **).

Въ началѣ 4-го часа пополудни замѣченъ былъ большой столбъ пыли по всему протяженію дороги въ лѣсу вышеупомянутомъ, сзади позиціи, занятой французами на полянкѣ. Бенигсенъ, желая узнать причину этого столба пыли, поручилъ генералу Гученсону, англійскому агенту при нашей арміи, съѣздить въ городъ, подняться на ратушную башню и стараться обозрѣть причину этой пыли. Англійскій генералъ согласился на эту поѣздку, и, въ видѣ переводчика и для передачи извѣстій, поѣхалъ я и состоящій при Бенигсенѣ

*) Это былъ удобный моментъ, чтобы перейти въ наступленіе и разбить 13-ти тысячный корпусъ Ланна, до прибытія другихъ корпусовъ Наполеона, но больной Бенигсенъ не былъ способенъ къ энергичнымъ дѣйствіямъ. А между тѣмъ, къ 5-ти часамъ Наполеонъ сосредоточилъ на полѣ сраженія 85.000 чел., т. е. почти вдвое больше того, что имѣлъ Бенигсенъ.

**) Пораженіе подъ г. Фридландомъ послѣдовало 2 (14) іюня, 1807 г.— За это сраженіе князь Сергій Григорьевичъ былъ награжденъ золотою шпагою, съ надписью: «*за храбрость*», и Высочайшимъ благоволеніемъ, объявленнымъ въ Высочайшемъ приказѣ.

также флигель-адъютантъ князь Лопухинъ. Прибывъ къ ратушѣ, не могу я утаить, что при входѣ въ нижнія комнаты оной, я встрѣченъ былъ зрѣлищемъ, весьма неожиданнымъ и стыднымъ для русскаго имени, особенно въ виду иностранца: комната была наполнена двумя генералами и многими штабъ и оберъ-офицерами, нераненными, отлучившимися отъ своихъ мѣстъ въ позиціи. Это зрѣлище для меня было неожиданное; утаю я имена двухъ генераловъ, а прочіе, тутъ находящіеся, были мнѣ неизвѣстныя лица; но мимоходомъ скажу, что эти два генерала были изъ числа тѣхъ, что у насъ называются «скороспѣлками Гатчинскаго Павловскаго времени». Мы, не останавливаясь, взошли на верхъ башни, и генералъ Гученсонъ узрѣлъ, что причина пыльнаго этого столба было шествіе войскъ французскихъ, идущихъ въ подкрѣпленіе къ таковымъ-же войскамъ французскимъ, сражающимся съ нами. Я былъ посланъ имъ съ этимъ извѣстіемъ къ генералу Бенигсену. Едва я пріѣхалъ, какъ уже начали густыя эти колонны выходить изъ опушки лѣса противъ лѣваго фланга нашей арміи. Спустя весьма малое время Наполеонъ, самъ находящійся при этихъ войскахъ, устроивъ на Мамелонѣ весьма сильную батарею пушекъ, зачалъ громить нашъ лѣвый флангъ и привелъ его въ большое разстройство *), и, пользуясь этимъ, заставилъ отступить наши войска, на этомъ флангѣ стоящія, несмотря на отличныя дѣйствія лейбъ-гусарскаго полка, гвардейскаго егерскаго, батальона Финляндскаго и Павловскаго гренадерскаго полка; лѣвый флангъ былъ сбитъ

*) Но раньше этого, вѣроятно, во время отсутствія автора, дѣйствовавшія противъ нашего лѣваго фланга войска Нея дрогнули и нѣсколько полковъ даже побѣжали. Наполеонъ парализовалъ этотъ кризисъ своевременной поддержкою Нея, а генералъ Сенармонъ разстроилъ войска Багратіона извѣстною 36 орудійною батареею, подошедшею къ обороняющемуся на картечный выстрѣлъ.

съ позиціи, тогда какъ въ центрѣ правый флангъ не только отстаивалъ свои позиціи, но даже удачно производилъ наступательное движеніе. Это обстоятельство принудило Бенигсена, боявшагося быть отрѣзаннымъ отъ обратнаго отступленія черезъ городъ и черезъ рѣку, приказать общее отступательное всей арміи движеніе. Но и тутъ произошло обстоятельство, еще болѣе приведшее въ затрудненіе: были учреждены еще прежде понтонные мосты, и начальствующій однимъ изъ этихъ мостовъ офицеръ, невѣдомо по какой причинѣ, снялъ мостъ, и это умножило суматоху, произведенную отступленіемъ, такъ что войска нашего лѣваго фланга и часть центра столпились на постоянный мостъ, въ городѣ стоящій, чѣмъ умножился безпорядокъ, а другая часть центра и нашъ правый флангъ были отрѣзаны отъ возможности перейти черезъ мосты и должны были искать средства къ переправѣ въ бродъ черезъ рѣку. Преслѣдованіе французами нашихъ войскъ было вяло, и не воспользовался непріятель удачнымъ для него положеніемъ дѣлъ; къ этому, можетъ быть, способствовала подходящая съ той стороны рѣки колонна въ нѣсколько тысячъ выздоравливающихъ изъ госпиталей, которые шли къ присоединенію къ нашей арміи, и которыхъ, вѣроятно, Наполеонъ принялъ за сильное подкрѣпленіе, подходящее къ намъ. Какъ день уже темнѣлъ, преслѣдованіе французами вовсе прекратилось.

Какъ я выше сказалъ, болѣе половины арміи, не успѣвшей переправиться черезъ мосты, произвело отступленіе, отъискивая броды, и люди переправлялись, можно сказать, въ полъ-грудь черезъ воду. Въ этомъ отступленіи было одно замѣчательное происшествіе: артиллерійскій штабъ-офицеръ графъ Сиверсъ, командующій двумя ротами батарейныхъ орудій, бывшій на правомъ флангѣ нашей арміи и оставленный безъ всякаго прикрытія, отступалъ до рѣки, производя это от-

ступленіе, отстрѣливаясь съ позиціи на позицію, дѣйствуя орудіями, шахматнымъ отступленіемъ; прибывъ къ рѣкѣ, казалось, что дальнѣйшее отступленіе было ему невозможно, но онъ, пользуясь темнотой, устроилъ оное слѣдующимъ образомъ: отложа изъ орудій лошадей, онъ ихъ переправилъ на ту сторону рѣки и, привязавъ къ орудіямъ пролонжи и прикрѣпивъ оные къ переправленнымъ на другую сторону рѣки лошадямъ, всѣ 24 орудія переправилъ благополучно, не потерявъ ни одного орудія, по руслу земляному рѣки на ту сторону. Находчивость эта въ эту затруднительную минуту весьма замѣчательная, и врядъ-ли во всей военной хроникѣ былъ подобный примѣръ.

Какъ я выше сказалъ, преслѣдованіе насъ непріятелями кончилось, и это дало возможность Бенигсену въ ночь, послѣ значительнаго пораженія насъ подъ Фридландомъ, распорядиться о дальнѣйшемъ отступленіи. Князю Багратіону былъ отданъ подъ начальство аррьергардъ, прикрывающій наше отступленіе, и этотъ знаменитый полководецъ, какъ прежде, такъ и впослѣдствіи, оказалъ свои военныя дарованія. Армія, подъ прикрытіемъ авангарда, отступала стройнымъ порядкомъ до г. Велау, гдѣ Бенигсенъ остановился на сутки для приведенія арміи въ надлежащую стройность. Во время этого дня аррьергардныя войска были тѣснимы французскимъ наступленіемъ, такъ что перестрѣлка началась въ виду самой арміи. Этотъ неожиданный натискъ немного встревожилъ главнокомандующаго, но стойкость нашего аррьергарда и незначительное число атакующихъ дали время арміи успокоиться отъ внезапнаго нападенія, а Бенигсену распорядиться о дальнѣйшемъ отступленіи всей арміи, которое продолжалось подъ прикрытіемъ аррьергарда до г. Тильзита, и въ эти дни аррьергардъ былъ не разъ тѣснимъ французами, но всегда стройно отражалъ ихъ натискъ. Бениг-

сенъ, прибывъ въ Тильзитъ *), рѣшился переправиться черезъ Нѣманъ: переходъ всей арміи черезъ одинъ мостъ, на этой рѣкѣ устроенный, былъ сопряженъ съ большими затрудненіями, но произведенъ былъ довольно стройно, и вслѣдъ за арміей, послѣ незначительнаго защищенія онаго арьергардомъ, и этотъ арьергардъ черезъ мостъ переправился, и мостъ послѣ этого былъ снятъ, а армія, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нѣмана противъ Тильзита, стала въ боевую позицію и, ожидая идущихъ изъ Россіи двухъ дивизій пѣхоты, вновь сформированной генералъ-лейтенантомъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ, горѣла желаніемъ вступить въ бой съ французами и загладить пораженіе Фридландское.

Въ это время прибылъ въ главную квартиру Императоръ Александръ и, къ крайнему нашему сожалѣнію, узнано было, что заключено перемиріе, и что будетъ свиданіе между Императоромъ Александромъ и Наполеономъ для трактаціи о мирѣ. Тутъ останавливается поневолѣ мой разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ, прекращенныхъ этимъ неожиданнымъ для насъ обстоятельствомъ, и какъ подробности этихъ переговоровъ и обстоятельствъ, сопряженныхъ съ оными, не могли быть мнѣ въ подробности извѣстны, то разсказъ мой по онымъ будетъ весьма поверхностнымъ.

Кѣмъ были ведены первые переговоры о временномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій, о временномъ перемиріи—я не упомню, но живо еще въ моей памяти представляется устройство среди водъ Нѣмана: неподвижный плотъ, на которомъ воздвигнутъ былъ родъ зданія, довольно обширнаго. Когда и въ какой день условлено было для двухъ императоровъ свиданіе, и на какихъ условіяхъ, я первое не упомню, а второе

*) 6 (18) іюня.

и до сихъ поръ мнѣ неизвѣстно; но живо въ моей памяти воззрѣніе отплыва двухъ императоровъ, каждый съ того берега, гдѣ стояли ихъ войска, и приплыва ихъ къ этому парому, на которомъ рѣшилась судьба многихъ властителей, многихъ народовъ. Я съ берега нашего, въ числѣ свиты Бенигсена, смотрѣлъ на поѣздъ обоихъ императоровъ. Приплывъ ихъ былъ такъ устроенъ, что оба вступили на паромъ и встрѣтились посереди онаго, можно сказать, единовременно, для предупрежденія всякихъ толковъ; пожавъ другъ другу руку, они взошли въ устроенное подкрышное помѣщеніе, и свиты ихъ, которыя были весьма немногочисленны, остались внѣ строенія. Не знаю, получилъ-ли гласность впослѣдствіи обоюдный ихъ разговоръ. Сколько продолжался онъ, не упомню, но оба государя тѣмъ-же порядкомъ возвратились къ своимъ.

Послѣ этого свиданія всеобщую извѣстность получило, что, по соглашенію обоихъ государей, будетъ трактоваться о мирѣ. Какъ велись эти переговоры и кому они поручены были, я не упомню, кромѣ того, что въ оныхъ участвовалъ уполномоченный съ россійской стороны, князь Димитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, котораго потомъ, какъ дядю моего, я часто видѣлъ и который кичился своимъ участіемъ въ этихъ переговорахъ.

Не буду обсуждать начала и послѣдствія заключеннаго мира, который приготовилъ много европейскихъ переворотовъ. Онъ далъ намъ Азію и Востокъ европейскій въ безотчетности, а Европу въ полное властвованіе Наполеона. Какъ ни казалось твердо его владычество, — оно, однакожъ, кончилось плѣненіемъ его на скалѣ св. Елены. Такъ все мимоходяще въ мірѣ, по судьбамъ Промысла, для людей и народовъ.

Въ 1815 году текущаго столѣтія насталъ новый порядокъ вещей во всей Европѣ, но и этотъ не устоялъ,

и іюльскіе дни многое перемѣнили во Франціи. Семнадцатилѣтнее царствованіе Людовика Филиппа кончилось однимъ днемъ, двумя словами: «уже поздно». Побѣду демократіи замѣнило 2-ое декабря, а съ этого дня владычество новаго Наполеона привело къ великимъ событіямъ, такъ тяжко нами претерпѣннымъ въ Крыму, и такъ свѣтло озаряющимъ будущность Италіи.

Но вотъ я, увлеченный думами моими, отдалился отъ простого изложенія современности въ моихъ запискахъ.

IX.

Пребываніе Александра I въ Тильзитѣ и веденіе переговоровъ.—Смотры.—Заключеніе мира и возвращеніе въ Россію.—Дезертерство.—У брата кн. Н. Г. Репнина въ Москвѣ.—Почтовый трактъ изъ Москвы въ Псковъ.—Прибытіе въ Петербургъ.

Послѣ свиданія двухъ императоровъ, было рѣшено ими, что Тильзитъ будетъ мѣстомъ ихъ жительства и переговоровъ ихъ уполномоченныхъ. По ходатайству Императора Александра, въ этотъ городъ былъ приглашенъ и король Прусскій, котораго всѣ владѣнія были уже въ рукахъ непріятеля, кромѣ мѣстности между Тильзитомъ и Мемелемъ. Вмѣстѣ съ переѣздомъ Императора Александра въ Тильзитъ переправлены были въ видѣ почета ему, вслѣдствіе дружелюбныхъ сношеній съ Наполеономъ, первый баталіонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и лейбъ-эскадронъ гвардейскаго гусарскаго.

Опять повторяю, что, какъ велись переговоры, не могло быть мнѣ извѣстно, и разсказъ мой будетъ обнимать только эпизоды частныхъ обстоятельствъ. Французамъ дозволено было безъ всякихъ препятствій изъ

любопытства переѣзжать на нашъ берегъ, но не вдаваться внутрь занимаемаго нами края. Намъ-же русскимъ не дозволено было нашимъ начальствомъ посѣщать французскій берегъ иначе, какъ по билетамъ, выдаваемымъ весьма разборчиво и затруднительно съ дозволенія Государя; странное обстоятельство, какъ бы означающее, что нами Царь стыдится, хотя, кажется, нами нечего было стыдиться, и мы могли пользоваться тѣмъ правомъ, которое предоставлено было французамъ.

На берегу Нѣмана, противъ Тильзита, былъ расположенъ лагерь вновь пришедшихъ башкирскихъ казачьихъ полковъ. Странность наружности и обычаевъ ихъ весьма занимала посѣщающихъ французовъ и, какъ эти башкирцы были вооружены, кромѣ обыкновеннаго огнестрѣльнаго и бѣлаго оружія, луками и стрѣлами, французовъ весьма занимали игрища ихъ этимъ незнакомымъ для нихъ оружіемъ.

Наполеону желательно было увидѣть Платова, и его Императоръ Александръ призвалъ въ Тильзитъ и представилъ Наполеону; въ числѣ свиты Платова былъ переодѣтый въ казачій мундиръ — англійскій полковникъ Вильсонъ, желавшій подъ этимъ маскарадомъ увидѣть Наполеона безъ огласки его личности.

Многимъ изъ насъ желательно было удовлетворить подобное любопытство, и, какъ затруднительно было получить гласное на это позволеніе, то помню, что я и товарищъ мой князь Лопухинъ, надѣвъ платье прусскихъ крестьянъ, успѣли переѣхать на французскій берегъ, въ видѣ торгующихъ съѣстными припасами, и имѣли случай видѣть Наполеона, который ежедневно, въ сопровожденіи Императора Александра и съ обѣими ихъ свитами, дѣлали прогулки то въ лагерь вышеозначеннаго русскаго конвоя, то по лагерямъ французскихъ войскъ. Были обоюдные смотры, и на одномъ изъ нихъ, въ память событія свиданія, Наполеонъ укра-

силъ грудь фланговаго гренадера Преображенскаго полка—солдатскимъ знакомъ почетнаго легіона.

Въ числѣ эпизодовъ этого времени, было угощеніе русскаго конвоя, какъ высшихъ, такъ и нижнихъ чиновъ, въ лагерѣ французской гвардіи и потомъ угощеніе французской гвардіи въ лагерѣ, занимаемомъ Преображенскимъ батальономъ и лейбъ-гусарскимъ эскадрономъ. При обоихъ этихъ празднествахъ присутствовали сами вѣнценосцы.

Въ скоромъ времени мы узнали, что миръ заключенъ, и нашей арміи дано было распоряженіе о возвращеніи въ россійскіе предѣлы. Эта вѣсть такъ не была по сердцу любящимъ славу Россіи *), что вспоминаю, что я, живши на бивуакѣ, пригласилъ къ себѣ знакомаго мнѣ товарища изъ свиты Бенигсена, молодого барона Шпрингпортена, и съ горя (по русской привычкѣ), не имѣя другихъ питій, какъ водка, мы выпили вдвоемъ три полуштофа Гданской сладкой водки, и такъ мы опьянѣли, что, плюя на бивуачный огонь, удивлялись, что онъ отъ этого не гаснулъ.

Бенигсенъ, при приказаніи отступленія всѣхъ войскъ въ Россію, удаленъ былъ отъ командованія арміей, и всѣмъ лицамъ, состоящимъ въ его свитѣ,

*) На Петербургъ, на Москву, на всѣ тѣ мѣста, коихъ наиболѣе коснулось просвѣщеніе, Тильзитъ произвелъ самое тягостное впечатлѣніе. Проигранныя сраженія, какъ Аустерлицъ и Фридландъ, не оскорбили народной чести; это были неудачи, какъ выразился современникъ, но не пятно; а Тильзитскій миръ Россія признала постыднымъ для себя. Когда же послѣдовалъ въ томъ же 1807 году разрывъ съ Англіею, вызвавшій остановку въ торговлѣ, затрудненія въ денежныхъ оборотахъ и упадокъ ассигнаціи, то союзъ съ Франціею сдѣлался предметомъ единодушнаго осужденія всѣхъ сословій государства. Неудовольствіе поддерживалось и укрѣплялось также англійскими интригами и преобладающимъ вліяніемъ, которымъ пользовались въ высшемъ русскомъ обществѣ эмигранты и нѣмецкіе недоброжелатели Наполеона. «Вообще неудовольствіе противъ Императора болѣе и болѣе возрастаетъ», доносилъ графъ Стедингъ королю Густаву IV, «и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать». *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. т. II. Спб. 1897 г., стр. 209—210).*

приказано было явиться въ соотвѣтствующіе имъ полки, и я въ томъ числѣ явился во фронтъ въ кавалергардскій полкъ, который также, черезъ нѣсколько дней послѣ, получилъ приказаніе слѣдовать общему движенію.

Намъ предстояло до русской границы четыре перехода. Будущность тяжкой казарменной Петербургской жизни, предстоящія опять тяжкія фронтовыя занятія, манежная ѣзда, ученье, такъ подѣйствовали на нашихъ солдатъ, что въ этомъ отборномъ войскѣ родилось отчаяніе, и на первомъ ночлегѣ оказались дезертеры. Для охраненія отъ этого на второмъ переходѣ, бивуакъ былъ окруженъ ночною цѣпью, но и съ оной оказались побѣги и въ четыре перехода исчислено побѣговъ около ста человѣкъ. Въ теченіе обратнаго марша до Петербурга, нечего замѣчательнаго сообщать, тѣмъ болѣе, что я изъ Поневѣжа выпросилъ себѣ позволеніе ѣхать къ брату моему Репнину *) въ Москву и, пробывъ у него двѣ недѣли, явился опять въ полкъ, уже прибывшій въ городъ Псковъ. Въ эту поѣздку мнѣ одно только памятно: что изъ Новгорода я поѣхалъ почтовымъ трактомъ уѣзднымъ, не заѣзжая въ Петербургъ, прямо въ Псковъ. Этотъ трактъ, устроенный еще въ царствованіе Елизаветы Петровны тогдашнимъ способомъ,—деревянной мостовой круглякомъ, въ теченіе четырехъ царствованій ни разу не былъ починенъ и такъ былъ худъ, что просто каторга была

*) Старшій братъ автора, флигель-адъютантъ, полковникъ кн. Николай Григорьевичъ Волконскій по смерти своего дѣда кн. Репнина унаслѣдовалъ его фамилію. Участникъ войнъ 1805—1815 г., плѣнникъ Наполеона подъ Аустерлицемъ, онъ въ 1812 г. командовалъ кавалерійской дивизіей, въ 1813 г. занялъ Берлинъ; въ 1809 г. былъ посланникомъ въ Вестфаліи, съ 1810 по 1812—въ Испаніи, 1813—14 намѣстникомъ Саксоніи, 1816—1834 генералъ-губернаторомъ Малороссіи, въ 1834—38 членомъ Государственнаго Совѣта. Род. 1778, ум. въ 1844. Женатъ былъ на гр. В. А. Разумовской.

по немъ ѣхать на перекладной, и я три станціи просто шелъ все пѣшкомъ. Поправленъ-ли, былъ этотъ трактъ потомъ — мнѣ неизвѣстно, но при общей безпечности устройства нашихъ путевыхъ сообщеній, врядъ-ли онъ и теперь улучшенъ, развѣ случились по оному Высочайшіе проѣзды. Изъ Пскова я шелъ съ полкомъ до Петербурга и послѣ восьмидневной стоянки въ окрестностяхъ города—полкъ взошелъ въ городъ и вступилъ въ свои казармы, и въ первую ночь вступленія одинъ кавалергардъ изъ нижнихъ чиновъ повѣсился—вѣроятно, изъ отчаянія отъ мысли о предстоящей ему каторжной жизни.

Тутъ настаетъ мнѣ совершенно другая жизнь, уже не полная боевыхъ впечатлѣній, а просто тяжкая фронтовыми занятіями и пустая въ общественномъ бытѣ, но постараюсь, хотя бѣгло, и объ оной кое-что изложить.

X.

Служба въ кавалергардскомъ полку.—Образъ жизни и нравы офицеровъ.—Товарищи. — Ненависть къ французамъ. — Первая любовь. — Дуэли. — Служебная непріятность. - Шумная жизнь офицеровъ въ деревнѣ. — Забавы. — Скарятинъ.

Хотя кавалергардскій полкъ, въ которомъ я служилъ, славился составомъ корпуса офицеровъ, но въ общемъ смыслѣ моральной жизни не могу ничего сказать хорошаго. Во всѣхъ моихъ товарищахъ, не исключая и эскадронныхъ командировъ, было много свѣтской щекотливости, что французы называютъ — point d'honneur, но врядъ-ли кто-бы выдержалъ во многомъ разборъ собственной своей совѣсти. Вовсе не было ни въ комъ религіозности, скажу даже во многихъ безбожничество.

Общая склонность къ пьянству, разгульной жизни, къ молодечеству, ...
Корпусъ офицеровъ дѣлился на два отдѣла, подъ названіемъ бонтонный и мовежанрскій. Между этими двумя отдѣлами была рѣзкая особенность, но этотъ раздѣлъ мгновенно сливался, какъ скоро рѣчь шла о какомъ-либо дѣлѣ, относящемся до чести полка и мун-

дира, или защиты обиженнаго офицера начальствомъ. Хоть одинъ изъ вышеозначенныхъ отдѣловъ и назывался бонтоннымъ, но, за весьма малыми исключеніями, наша жизнь была болѣе казарменною, нежели столично-свѣтской. Нашимъ старостой былъ Левенвольдъ, о которомъ я уже говорилъ. Ежедневно манежныя ученія, частыя эскадронныя, изрѣдка полковыя; смотры, вахтъ-парады, маленькій отдыхъ безъ семейной жизни; гулянье по набережной или бульвару отъ 3-хъ до 4 часовъ; общей ватагой обѣдъ въ трактирѣ, всегда орошенный черезъ край виномъ, не выходя, однакожъ, изъ приличія,—также ватагой, или порознь, по . . . опять ватагой въ театръ, а на вечеръ къ Левенвольду, или къ Ѳеденькѣ Уварову (Ѳедоръ Семеновичъ, родной братъ Сергѣя Семеновича, бывшаго министра просвѣщенія), а тутъ споръ о быломъ, споръ о предстоящемъ; но споръ безъ брани, а просто бесѣда. Ѣдко разбирались вопросы, факты минувшіе, предстоящіе, жизнь наша дневная съ впечатлѣніями каждаго, общій приговоръ о лучшей красавицѣ; а при этой дружеской бесѣдѣ поливался пуншъ немало, загрузнѣли головою—и по домамъ. Другой отдѣлъ мовежанрскій вполнѣ заслуживалъ это названіе; тутъ часто и не соблюдалось приличія: картежъ, пьянство и безъ . . . *) занятія при досужныхъ отъ службы минутахъ. Но и тутъ въ дѣлѣ общемъ полковомъ, при отстаиваніи обиженнаго офицера, при дѣлѣ, относящемся до чести мундира полка — оба отдѣла заедино дѣйствовали дружно.

Въ числѣ перваго отдѣла, какъ я сказалъ выше, были нѣкоторые, которые болѣе и болѣе могли быть названы бонтонными, какъ посѣщающіе les salons huppés

*) Слова не разобраны.

de la capitale *). Это были: Левашевъ, Ѳедоръ Александровичъ Уваровъ (surnommé le noir, vu son teint et cheveux **), Билибинъ, Васильевъ и Орловы—Михайло и Григорій, которые, однакожъ, были чисто нашего отдѣла, исключая вечернихъ ихъ выѣздовъ, которыми даже иногда жертвовали въ нашу угоду. Объ Левашевѣ что сказать? Хотя умный малый—но былъ тогда, остался и послѣ фанфарономъ.—Черный Уваровъ, добрый и честный малый, но съ большими претензіями на умъ и красоту,—не безъ перваго, но вовсе безъ послѣдней, et très susceptible, ce qui lui donnait une teinte d'être bretteur ***). Петръ Ивановичъ Билибинъ, человѣкъ дѣльный, образованный, mais un peu trop marquis ****), а товарищъ —начальникъ чудный. Гр. Васильевъ bel esprit, bonne tournure, esprit mordant, mais peu aimé par nous *****). Что же относится до Орловыхъ,—Михайло, тогда, какъ и послѣ, во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни (кромѣ одного, о которомъ буду говорить гораздо позже), выходилъ изъ общаго ряду вонъ, по красотѣ, по уму, по образованности, по доброму сердцу, а братъ его Григорій «тѣхъ же щей, но пожиже лей», какъ говоритъ пословица.

Между нами вовсе не было карточной игры, но затягивали насъ два записные игрока въ нашемъ полку, и не будь сказано въ обиду нашего отдѣла, оба, какъ кажется, шулеры. Они оба умерли: одинъ—съ честью на полѣ брани, другой—обычной смертью, и если я объ этомъ упоминаю, это чтобы выказать странное мнѣніе тогдашняго времени. Шулерничать не было считаемо за порокъ, хотя въ правилахъ чести были мы очень щекотливы. Еще другое странное было мнѣ-

*) Высшіе салоны столицы.

**) Прозванный чернымъ за его цвѣтъ лица и волосъ.

***) И очень раздражительный, что придавало ему оттѣнокъ бретерства.

****) Но слишкомъ маркизъ.

*****) Острякъ, но мало любимый нами.

ніе—это, что любовникъ, пріобрѣтенный за деньги, за плату (amant entretenu), не подлецъ.

Теперь въ обоихъ случаяхъ судятъ иначе—и честь теперешнему времени.

Но хоть я не люблю о себѣ говорить, нельзя же не сказать словечка. До поѣздки въ армію я былъ посѣтителемъ гостиныхъ, не такъ по собственному желанію, какъ по требованію матушки моей. Возвратясь изъ арміи—je suis revenu émancipé sur une aveugle obéissance à ma mère *). Прежде сидѣлъ на квасѣ или sur de l'eau rougie **) теперь—бокалъ въ одинъ глотокъ и чупурку водки также. Прежде—куда обѣдать ѣдетъ маменька, и я туда слѣдомъ; пріѣхавъ изъ арміи, иное; помню, какъ удивило матушку мою, что пью за фриштекомъ водку, за обѣдомъ голое вино; а ужъ чтобъ слѣдовать ея поѣздкамъ—и въ мысли не было. Не хвалю вовсе себя, но не хвалю и прежнюю надо мною взыскательность, то и другое должно имѣть мѣру.

Мой бытъ служебный, общественный былъ подобенъ быту моихъ сослуживцевъ, однолѣтокъ: много пустого, ничего дѣльнаго. Кичились быть хорошими фронтовиками, хотя по опыту видѣли во время войны, что не въ этомъ дѣло въ военномъ ремеслѣ. Книги забытыя не сходили съ полокъ; однимъ я теперь горжусь былымъ временемъ—это общій порывъ молодежи всѣхъ слоевъ, желаніе отмстить французамъ за стыдное пораженіе наше подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ.

Это чувство такъ было сильно въ насъ, что мы оказывали ненависть французскому посланнику Коленкуру, который всячески старался сгладить это наше враждебное чувство свѣтскими учтивостями. Многіе

*) Я вернулся освобожденнымъ отъ слѣпого повиновенія моей матери.
**) На подкрашенной вишомъ водѣ.

изъ насъ прекратили посѣщенія въ тѣ дома, куда онъ былъ вхожъ. На зовъ его на балъ мы не ѣздили, хотя насъ сажали подъ арестъ и, между прочими нашими выходками негодованія, было слѣдующее.

Мы знали, что въ угловой гостиной занимаемаго имъ дома былъ поставленъ портретъ Наполеона, а подъ нимъ какъ-бы тронное кресло, а другой мебели не было, что мы почли обидой народности.

Что же мы сдѣлали? Зимней порой, въ темную ночь, нѣсколько изъ насъ, сѣвъ въ пошевни, поѣхали по Дворцовой набережной, взявъ съ собой удобнометательныя каменья, и, поровнявшись съ этой комнатой, пустили въ окна эти метательныя вещества.

Зеркальныя стекла были повреждены, а мы, какъ говорится французами, «fouette cocher» *). На другой день жалоба, розыски, но донынѣ врядъ-ли кто знаетъ, и то по моему разсказу—кто былъ въ санкахъ, и я въ томъ числѣ.

Полагая себя человѣкомъ, героемъ, потому что понюхалъ пороху, какъ не быть влюбленнымъ при мирной, столичной жизни? И первый предметъ, могу сказать, юношескаго моего любовнаго порыва была весьма хорошенькая троюродная мнѣ сестра К. М. Я. Л. Р., **) которая имѣла такое милое личико, что, объ ней говоривши, ее называли «une tête de Guide» ***). Не я одинъ ухаживалъ и поэтому имѣлъ для меня ненавистное лицо, болѣе счастливаго въ поискахъ К. А. Н. Придраться безъ всякой причины къ нему, вызвать его на поединокъ, съ надеждою преградить ему путь и открыть его себѣ, было минутное дѣло, подтвержденное на другой день письменнымъ вызовомъ. Странное обстоятельство, что въ этотъ день было три вызова:

*) А насъ и слѣдъ простылъ.

**) Княжна М. Я. Лобанова-Ростовская.

***) Головка Гвидо.

мой, другой К. А. Я. Л. Р. къ князю Кудашеву и полковника Арсеньева графу Хребтовичу — и что переговоры по всѣмъ тремъ вызовамъ были у графа Мих. Сем. Воронцова. Первые два кончили примиреніемъ. Мой антагонистъ мнѣ поклялся, что не ищетъ руки моей дульцинеи, и годъ спустя на ней женился. Второго вызова причину долженъ утаить, какъ очернившую память одной женщины. Но не удалось графу примирить третій; и вотъ причина этого вызова: Арсеньевъ былъ уже давно влюбленъ и искалъ руки фрейлины В. К. Анны Ѳедоровны, дѣвицы Ренни; его желанія были увѣнчаны успѣхомъ, и онъ былъ объявленъ ея женихомъ, и Государь Императоръ, отлично къ нему расположенный, какъ къ человѣку, вполнѣ это заслуживающему, благоволилъ при объявленіи Арсеньевымъ о предстоящемъ ему счастіи, какъ человѣку, весьма ограниченному въ средствахъ жизни, дать ему аренду, или денежныя средства. Эта помолвка получила полную гласность. Спустя нѣсколько дней по оной графъ Хребтовичъ, богатый помѣщикъ польскій, влюбленный также въ дѣвицу Ренни, не принимая въ уваженіе бывшую помолвку, рѣшился себя предложить въ соискатели руки этой молодой дѣвушки. Мать ея, прельщенная богатствомъ графа Хребтовича, уговорила свою дочь отказать уже въ данномъ съ ея согласія обѣщаніи Арсеньеву и принять предложеніе Хребтовича. Арсеньевъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, не вынесъ этой обиды, и вызвалъ на поединокъ Хребтовича; вызовъ былъ принятъ этимъ послѣднимъ. Дуэль была на пистолетахъ, секундантомъ у Арсеньева былъ графъ М. С. Воронцовъ, а у Хребтовича графъ Моденъ. Арсеньевъ былъ убитъ на мѣстѣ. Весь Петербургъ, за исключеніемъ весьма малаго числа лицъ, вполнѣ оправдывалъ Арсеньева и принималъ въ постигшей его смерти радушное участіе. Его похороны почтила молодежь

петербургская своимъ присутствіемъ, полнымъ участія, и явно осуждала Хребтовича и тѣхъ лицъ, которыя своими совѣтами участвовали въ склоненіи матери и дѣвицы Ренни къ неблагородному отказу Арсеньеву. Хребтовичъ, какъ осужденный общимъ мнѣніемъ, выѣхалъ изъ Петербурга; но семейство Ренни поѣхало вслѣдъ за нимъ въ его помѣстье, и тамъ совершилось бракосочетаніе.

При семъ случаѣ скажу, что въ царствованіе Александра Павловича дуэли, когда при оныхъ соблюдаемы были полныя правила общепринятыхъ условій, не были преслѣдуемы Государемъ, а только тогда обращали на себя взысканіе, когда сіе не было соблюдено, или вызовъ былъ придиркой такъ называемыхъ bretteurs; и то не преслѣдовали таковыхъ закономъ, а отсылали на Кавказъ. Дуэль почиталась Государемъ, какъ горькая необходимость въ условіяхъ общественныхъ. Преслѣдованіе, какъ за убійство, не признавалось имъ, въ его благородныхъ понятіяхъ, правильнымъ. Эта мѣра взысканія не остановитъ обиженнаго. Лучшій способъ къ устраненію онаго, это рѣшеніе d'un jugement d'honneur *) и поставленіе въ обязанность слѣпо повиноваться оному.

Изложивъ нѣкоторые эпизоды той современности, не относящіеся до разсказа о мнѣ, опять обращаюсь собственно къ дневнику моему о себѣ.

Неудачное мое ухаживанье за К. Л. Р. не вразумило мое пылающее молодое сердце къ новой восторженности любовной, а частыя встрѣчи у одной моей родственницы и въ общихъ съѣздахъ отборной публики петербургской воспламенили мое сердце тѣмъ болѣе, что я нашелъ отголосокъ въ сердцѣ той, которая была предметомъ моего соисканія. Не назову ее **), она

*) Суда чести.

**) Софія Петровна Толстая (за Апраксинымъ).

вышла замужъ; но еще недавно, по прошествіи 35 лѣтъ, она мнѣ созналась, что питала ко мнѣ любовь и всегда сохранила чувство дружбы.—Эта особа, пріятная собой, не имѣла денежнаго состоянія, а мать моя столь явно и гласно выказывала ея роднымъ, что она не желала этого союза, что мать той, которую я не называю, просила меня пріѣхать къ ней, хотя я и не ѣздилъ въ домъ. Приглашеніе это возродило во мнѣ много мечтаній; въ назначенный часъ я явился, но, увы, отъ нея услышалъ, что явное и гласное противодѣйствіе моей матери противъ исполненія моего соисканія, которое она, впрочемъ, очень цѣнитъ, поставляетъ ей въ обязанность просить меня прекратить мое ухаживанье за ея дочерью, и что она никогда не согласится передать свою дочь въ другую семью, гдѣ бы ее не приняли радушно.—Пораженный этимъ, какъ громовымъ ударомъ, я по чистотѣ моихъ чувствъ исполнилъ ея волю, но въ сердцѣ моемъ хранилъ то же чувство. Выходъ замужъ предмета моей любви отдалъ мнѣ свободу сердца, и, по влюбчивости моей, недолго оно было свободно; воспламенилось снова и опять съ успѣхомъ къ прелестной Е. Ф. Л., но, увы, я встрѣтилъ тотъ же отголосокъ къ моимъ чувствамъ и тѣ же предразсудки моей матери, и снова всѣ мои мечтанія—увы какъ я говорилъ, не исполнились. Эта особа красотой своей плѣнила одну коронованную главу, но съ чистѣйшимъ уваженіемъ, безъ всякаго покушенія на честь.

Въ то же время была со мною служебная непріятность. На полковомъ ученіи шефу полка Уварову показалось, что я ошибся въ фронтовомъ дѣлѣ, чего не было, и онъ закричалъ командуемому мною взводу: «*давить Волконскаго*». Обиженный этимъ, я тутъ же слѣзъ съ лошади и пошелъ на полковую гауптвахту и караульному офицеру отдалъ мой палашъ, самъ себя

объявивъ арестованнымъ. Караульный офицеръ, какъ добрый товарищъ, упрашивалъ меня не давать дальнѣйшаго хода моему рѣшенію. Послѣ ученья пришелъ ко мнѣ добрый полковой командиръ Депрерадовичъ, эскадронный командиръ и много офицеровъ, уговаривая меня въ непринятіи словъ Уварова въ обиду,—и какъ отъ меня не принимали моего палаша, я объявилъ, что, какъ во мнѣ обиженъ мундиръ, я его не могу носить и подамъ просьбу къ выходу изъ арміи, и точно подалъ оную, но получилъ ее съ выговоромъ, какъ поданную не въ законномъ времени. Я же еще прежде рапортовался больнымъ и продолжалъ это, имѣя твердое намѣреніе дождаться сентября и возобновить мою просьбу.—Но встрѣтившееся обстоятельство понудило меня рапортоваться здоровымъ. Прибылъ изъ арміи Наполеона, изъ Испаніи, товарищъ мой А. И. Чернышевъ; я съ нимъ тогда былъ друженъ, и любопытство о событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, возродило во мнѣ желаніе его посѣтить. Поѣхалъ къ нему,—спжу, разспрашиваю, какъ вдругъ входитъ шефъ Уваровъ,—скрыться мнѣ не было возможно; посидѣвъ еще немного, я удалился и тутъ же, чтобъ не попасть подъ законное взысканіе, рапортовался здоровымъ, и какъ стоящимъ всѣмъ на очереди было по приказу полковому назначено на вступленіе въ полковой караулъ, и я туда выступилъ на другой день. Уваровъ пріѣхалъ смотрѣть манежную ѣзду, я уже стоялъ въ карауле, и какъ онъ пріѣхалъ къ манежу съ наулицной стороны, то не ѣхалъ мимо меня. По окончаніи ѣзды, онъ обращается къ Депрерадовичу и говоритъ: «Кто у васъ въ карауле»? что онъ долженъ былъ знать по рапортичкѣ дневной, и говоритъ: «и вы не замѣтили, что у него усы (которыхъ тогда кирасиры не носили)». «Я его еще не видалъ, отвѣчалъ Депрерадовичъ, *но увьряю, что Волконскій примѣрный у насъ офи-*

церъ и строго соблюдаетъ форму". „Увидимъ, отвѣчалъ Уваровъ, и васъ, и его уличу". Во время сего разговора Колычевъ, товарищъ мой, ускользнулъ изъ манежа и прибѣжалъ съ вѣстію сказаннаго ко мнѣ. У меня точно въ слабомъ видѣ усовъ былъ пушокъ на губѣ; я взялъ у кавалергарда что-то похожее на бритву, выскоблилъ съ болію усы и, когда подошелъ Уваровъ, отдалъ ему честь; онъ остался въ дуракахъ, а Депрерадовичъ за меня восторжествовалъ. Этотъ длинный разсказъ помѣстилъ *in extenso* не то, чтобъ онъ былъ интересенъ, но какъ доказательство, какъ мы были щекотливы въ сношеніяхъ нашихъ съ начальниками, и какая была у насъ товарищеская связь.

Еще нѣсколько словъ о нашемъ товарищескомъ бытѣ. Кавалергардскій полкъ выходилъ тогда на травяное продовольствіе лошадей на шесть недѣль, и въ теченіе таковой стоянки офицеры жили артелями. Помню, что въ одинъ годъ около мѣсяца мы жили пятеро вмѣстѣ: Чернышевъ, два Каблуковы, князь Лопухинъ и я. Для нашего жилья мы занимали сарай крестьянскій, довольно удобно нами убранный. Мы носили еще тогда пудру; въ Новой деревнѣ мы могли не пудриться, но въѣзжая въ городъ, надо было пудриться. У четырехъ изъ насъ это происходило безъ большихъ сборовъ, часто и на чистомъ воздухѣ кое-какъ, но у Чернышева это было государственное, общественное дѣло, и какъ при пудреніи его головы просто происходилъ туманъ пудренный, то, для охраненія насъ отъ этого тумана и въ угоду ему,—отведена была ему изба для этого великаго для него занятія, высоко имъ чтимаго. Чтобъ не въ обиду ему было сказано,—на пустой его головѣ пудра на волосы ложилась ровными слоями. И какъ не сказать, что тогда, какъ и впослѣдствіи, пускать пыль въ глаза, и то чужими руками, было главнымъ для него дѣломъ.

На слѣдующій годъ или прежде вышесказаннаго, что я не упомню, во время травяного продовольствія я жилъ съ Лунинымъ уже не въ Новой деревнѣ, а на Черной рѣчкѣ, напротивъ Строгонова сада, гдѣ мы наняли красивую избушку, рядомъ съ дачей Бахарата. Мы оба были большіе повѣсы, да и въ правду сказать, и не только молодежь, но и прочіе товарищи, даже и эскадронные командиры, любили и пошалить, и покутить.

Вотъ нѣсколько подробностей о нашей шумной жизни: Лунинъ и я жили на Черной рѣчкѣ вмѣстѣ. Кромѣ нами занимаемой избы на берегу Черной рѣчки, противъ нашего помѣщенія была палатка, при которой были два живые на цѣпи медвѣдя, да у насъ девять собакъ. Сожительство этихъ животныхъ, пугавшихъ всѣхъ проѣзжихъ и прохожихъ, немало безпокоило ихъ и пугало ихъ тѣмъ болѣе, что одна изъ собакъ была пріучена по слову, тихо ей сказанному: «Бонапартъ», кинуться на прохожаго и сорвать съ него шапку или шляпу. Мы этимъ часто забавлялись къ крайнему неудовольствію прохожихъ, а наши медвѣди пугали проѣзжихъ. Въ одинъ день мы вздумали, среди бѣлаго дня, пускать фейерверкъ. Въ сосѣдствѣ нашемъ жилъ графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, и съ нимъ жила тетка его, Наталья Кирилловна Загряжская, весьма умная женщина, которая пугалась и нашихъ собакъ, и медвѣдей. Пугаясь фейерверка и безпокоясь, она прислала намъ сказать, что фейерверки пускаются, когда смеркнется, а мы отвѣчали ея посланному, что намъ любо пускать ихъ среди бѣлаго дня, и что каждый имѣетъ право дѣлать у себя, что хочетъ. Эта старая, чопорная и несносливая женщина хотѣла на насъ жаловаться, но графъ ее удержалъ изъ снисхожденія и даже защитилъ насъ отъ негодованія старухи.

Въ другой разъ, въ вечернюю общую прогулку, мы, по наученію принца Бирона, нашего сослуживца, взду-

мали, для забавы гуляющей въ тотъ день дѣвицы Луниной, за которой онъ волочился, дать ей неожиданную серенаду. И вотъ вся наша шумная ватага, каждый съ инструментомъ, на которомъ онъ умѣлъ играть, вскарабкались на деревья, которыми обсажена была рѣчка, и загудили поднебесный концертъ, къ крайнему неожиданію прохожаго общества.

Въ другой разъ мы вздумали дать серенаду Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, которую вся молодежь любила, особенно отъ горькой семейной ея жизни съ Императоромъ; мы взяли двѣ лодки, взяли съ собой на чемъ умѣли играть и изъ Новой деревни, гдѣ было наше соединеніе, пошлыли противъ Каменнаго острова, гдѣ было пребываніе Государя и Императрицы, и загудили серенаду, но увидавши, что съ потѣшной флотиліи пустили на насъ двѣнадцативесельный катеръ, мы успѣли приплыть въ устье Черной рѣчки, и какъ наши лодки были мелководныя, то катеръ по мелководію не могъ насъ достичь, и мы, выскочивъ изъ нашихъ лодокъ, дай Богъ ноги,—тѣмъ и кончилось безнаказанно наше похожденіе.

На Черной рѣчкѣ жилъ также товарищъ мой по полку Валуевъ, малый, любившій кутежъ. Онъ далъ товарищамъ кутежный обѣдъ, который продолжился и ужиномъ. Всѣ мы были очень грузны, и когда замѣтили, что одинъ изъ нашихъ эскадронныхъ командировъ тишкомъ ускользнулъ изъ среды насъ, то рѣшено было его воротить, и нѣкоторые изъ насъ, какъ мы были уже полураздѣтые, сѣвъ безъ сѣделъ на лошадей, и я въ томъ числѣ, пустились за нимъ. Этотъ эскадронный командиръ, Александръ Львовичъ Давыдовъ *) жена-

*) Александръ Львовичъ Давыдовъ, сынъ матери старика Н. Н. Раевскаго, Екатерины Николаевны, отъ второго брака съ Давыдовымъ. Женатъ былъ на графинѣ Грамонъ.

тый, жилъ на дачѣ на Карповкѣ; мы пустились во весь скачь за нимъ, и какъ съ Строгоновскаго моста запрещено было прямо ѣздить чрезъ Дворцовый дворъ, мы, несмотря на это, пустились чрезъ него во весь скачь и уже были далеко, когда пустились за нами въ догонку. Пріѣхали на дачу Давыдова, когда тамъ уже всѣ спали, и намъ сказали, что Давыдовъ уже въ спальной своей жены. Насъ это не остановило, и общимъ крикомъ: „давайте намъ бѣглеца, онъ нашъ“ мы вынудили Давыдова выйти, и, по усиленной его просьбѣ, заставя его просить прощеніе, оставили въ покоѣ и уже другимъ объѣздомъ воротились продолжать нашъ кутежъ. Этого рода кутежи довольно часто возобновлялись. Не помню, по какому случаю былъ полный обѣдъ въ Новой деревнѣ. На ономъ присутствовалъ и полковой нашъ командиръ, Николай Ивановичъ Депрерадовичъ. Шампанское лилось рѣкой. Обыкновеніе было не ставить шампанское, а ставить ящики подъ столъ (à discrétion). Обѣдъ продолжался долго и зѣло всѣ нагрузились и зачали всѣ ловкостью въ прыганьѣ отличаться, въ томъ числѣ и Депрерадовичъ. Объ этомъ упоминаю, какъ типъ нашего тогдашняго времени. Въ служебномъ отношеніи строгая субординація, но внѣ оной всѣ равны.

Около того же времени было весьма смѣшное обстоятельство, и вотъ объ ономъ разсказъ.

На Каменномъ островѣ по набережной, противъ дворца, стояли померанцевыя деревья. На одномъ созрѣвали апельсины, и къ сдачѣ часовому было сдано, чтобъ охранять ихъ отъ кражи. Одинъ изъ этихъ апельсиновъ свалился отъ зрѣлости. Часовой объявилъ объ этомъ ефрейтору, этотъ караульному офицеру, тотъ дежурному по караулу Скарятину, человѣку весьма тупому умомъ. Скарятинъ, полагая себя очистить отъ всякой отвѣтственности, не разсудилъ, что въ упадкѣ съ дерева апельсина небольшая бѣда, и, хотя было уже

позднее вечернее время, пошелъ прямо къ Государю и велѣлъ о себѣ доложить, какъ съ донесеніемъ о важномъ дѣлѣ. Императоръ принялъ его; онъ подходитъ и говоритъ: «Государь, пришелъ донести Вамъ о случившейся большой бѣдѣ».—Чтожъ это? спросилъ Государь.—«Не смѣю доложить, но въ этомъ я не виноватъ».—Но чтожъ это?—съ нетерпѣніемъ возразилъ Государь. «Апельсинъ».....—Не понимаю!—«Апельсинъ, отданный въ сдачу, свалился». «Пошелъ вонъ, дуракъ»! Обстоятельство этого разговора приняло гласность, и Скарятина иначе не называли между сослуживцами его и молодежью, какъ Скарятинъ-апельсинъ. И отъ стыда всего этого онъ вышелъ въ отставку, и нечего сказать—не отличался умомъ.

Но довольно объ этихъ разсказахъ; я опять лично обращусь къ разсказамъ болѣе занимательнымъ.

XI.

Шведская кампанія.—Назначеніе Буксгевдена главнокомандующимъ.—Отказъ принять званіе адъютанта при главнокомандующемъ. — Причины объявленія войны. — Осада Свеаборга. — Перемѣна главнокомандующихъ. — Храбрость генерала Булатова. –Похороны князя Мих. Ѳед. Долгорукова.— Переходъ нашихъ войскъ черезъ Ботническій заливъ по льду.—Фридрихсгамскій миръ.

Вслѣдъ за войной 1806 года и 1807 открылась Шведская кампанія *). Былъ назначенъ главнокомандующимъ Буксгевденъ, тотъ самый, который былъ отрѣшенъ отъ командованія корпусомъ послѣ Пултускаго сраженія. Неудачное окончаніе кампаніи Бенигсеномъ дало Буксгевдену ходъ служебный. Мнѣ, по ходатайству зятя моего, предложено было быть при немъ адъютантомъ, но по независимости моихъ мнѣній и почитая эту войну несправедливою, я отказался отъ предложеннаго мнѣ служенія, и много отъ моего

*) По условіямъ Тильзитскаго мира, Россія обязалась запереть свои гавани для Англіи, принудивъ къ тому и Швецію, если нужно, силою. Шведскій король отказался отъ союза противъ Англіи и довелъ дѣло до разрыва съ Россіей, послѣдствіемъ котораго была война 1808—1809 гг.

упрямства потерялъ въ выгодахъ въ служебномъ отношеніи *).

Объявленіе войны имѣло причиной скрытою то, что король Шведскій **), по заключеніи Тильзитскаго мира, возвратилъ Государю орденъ св. Андрея, которымъ былъ украшенъ, изъ негодованія на этотъ миръ. Главная же высказанная причина—это мостъ, пограничный на рѣкѣ, разграничивающій оба государства, котораго половина была раскрашена русскими цвѣтами, а шведы выкрасили своими. Войска были сосредоточены, война была объявлена. Армія перешла границу, и превосходство численностью нашей арміи заставило шведовъ отступить ***).

Такъ какъ я не былъ участникомъ въ этой войнѣ, то безъ личныхъ впечатлѣній разсказъ мой или былъ бы невѣренъ, или былъ бы отголосокъ реляцій, которыя часто поэтичныя творенія. Притомъ эта кампанія описана довольно вѣрно Бутурлинымъ, и особенно замѣчательны приложенія. И поэтому ограничусь краткимъ изложеніемъ происшествій кампаніи, которая, припомню, продолжалась два года. Первый оплотъ, передъ которымъ мы остановились, это Свеаборгъ. Осада этой крѣпости правильнымъ образомъ задержала бы насъ

*) Враждебное настроеніе, съ которымъ относились въ Россіи къ союзу съ Наполеономъ, привело къ странному явленію: наступательная война противъ Шведовъ, этихъ старинныхъ враговъ Имперіи, была громко осуждаема всѣми русскими, и успѣхи нашихъ войскъ почитались безславіемъ. Современникамъ этихъ событій казалось, что Александръ вооружился противъ слабаго сосѣда и къ тому же близкаго родственника (королева Фредерика, супруга Густава IV, была родной сестрой Императрицы Елисаветы Алексѣевны), во исполненіе не своей собственной, а чуждой воли, исходившей отъ ненавистнаго завоевателя и притѣснителя народовъ; въ новомъ пріобрѣтеніи усматривали одно только беззаконное насиліе. *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Томъ II-й. Спб., 1897 г., стр. 227).*

**) Густавъ IV.

***) Къ началу войны у шведовъ было до 15.000 регулярныхъ войскъ и до 4.000 ополченія. Шведское правительство не вѣрило въ возможность серьезныхъ военныхъ операцій въ Финляндіи и было не готово. Русскія войска, въ числѣ 26.000, 8 (20) февраля перешли границу.

долго, да притомъ нашему флоту, по случаю разрыва съ Англіей, не было доступно обложеніе со стороны моря, а продолжать движеніе, не овладѣвъ крѣпостью, къ которой доступъ съ моря былъ открытъ, было бы опасно. Кошелекъ лучше подѣйствовалъ, нежели бомбы и ядра, и крѣпость сдалась *) и дала возможность арміи продолжать наступательное движеніе. Подробностей онаго не упомню, но, кажется, не былъ Государь доволенъ распоряженіями Буксгевдена, и онъ замѣненъ былъ Кнорринтомъ **). Сколь мнѣ помнится, въ то время возъимѣло гласность письмо Буксгевдена графу Аракчееву, тогда министру военному; письмо, почитаемое дерзкимъ, но въ сущности довольно справедливое. Главнокомандующаго Кнорринга, буде не ошибаюсь, смѣнилъ Барклай-де-Толли. Причина отозванія Кнорринга было, сколько помнится, слабое его здоровье, но отчасти и медленность въ военныхъ движеніяхъ. Изъ замѣчательныхъ битвъ были Куортанская и Оровайская ***), открывшія путь военной славы Раевскому и Кульневу, хотя честь удачи неправильно приписана графу Ник. Мих. Каменскому. Было дѣло, хоть не удачное, но дѣлающее честь русскому войску, не упомню на какой мѣстности, но гдѣ ген.-майоръ Булатовъ, окруженный непріятелями, съ горстью русскихъ, отчаянно защищался, но, по превосходству непріятеля, долженъ былъ сдаться. Король шведскій, когда ему представили Булатова плѣненнаго и израненнаго, велѣлъ ему возвратить шпагу и сказалъ: «такіе храбрецы, какъ вы, генералъ, не должны быть лишены шпаги—ихъ чести».— Было также удачное дѣло подъ начальствомъ графа Шувалова въ сѣверной Финляндіи, а гдѣ, не упомню ****).

*) 26 апр. (8 мая).

**) Богданъ Ѳедоровичъ.

***) При Куортанэ 20 авг. (1 сент.), при Оровайсѣ 2 (14) сентября.

****) У Торнео 11 (22) марта. 13 марта въ Каликсѣ была заключена конвенція, по которой весь край отъ Торнео до Каликса перешелъ во власть Россіи.

Была жаркая схватка въ Або, въ которой городъ пострадалъ отъ дозволенія ген.-маіора Демидова Петровскаго полка солдатамъ, котораго онъ былъ шефъ, грабить изъ мести, что полкъ былъ прежде выгнанъ изъ города.

Было блистательное сраженіе наступательное легкаго отряда, составленнаго наскоро въ Петербургѣ изъ гвардейскихъ полковъ, подъ командою князя Михаила Петровича Долгорукова, но въ которомъ, къ несчастью, положилъ жизнь Долгоруковъ, обѣщавшій много арміи и Россіи, человѣкъ образованный, съ сердцемъ и душой. Его тѣло было привезено въ Петербургъ, и Государь, при которомъ онъ былъ генералъ-адъютантомъ, самъ присутствовалъ при похоронахъ, произведенныхъ со всею военной почестью. Въ числѣ погребальнаго конвоя было два эскадрона кавалергардовъ, и я въ числѣ офицеровъ оныхъ, и мнѣ утѣшительно было воздавать послѣдній долгъ тому, котораго зналъ на боевыхъ поляхъ, тому, который не разъ оказывалъ мнѣ расположеніе. Этой кампаніи замѣчательный подвигъ былъ переходъ по льду войскъ чрезъ Ботническій заливъ *), движеніе, которое по смѣлости можно бы назвать дерзкимъ, если не было бы ознаменовано удачей. Хотя Ботническій заливъ сплошь замерзалъ, но достаточно даже не очень сильнаго вѣтра, чтобъ разбить ледъ, и переходъ чрезъ довольно пространную степь—дѣло трудное, но совершено было съ полнымъ успѣхомъ, и наши знамена водружены были на чисто шведскій берегъ **). Этимъ военнымъ подвигомъ кончилась шведская война, было заключено перемиріе и впослѣдствіи Фридрихсгамскій миръ, которымъ великое княжество Финлянд-

*) Отрядъ Барклай-де-Толли (5.000) выступилъ изъ Вазы въ ночь на 5 (17) марта.

**) Въ Умео 12 (24) марта.

ское присоединено къ Россіи. Въ теченіе войны съ Финляндіей русское войско неразъ пріобрѣло славу. Всѣ начальники и подчиненные наперерывъ старались исполнить свой долгъ, какъ бы по предчувствію, что придется имъ вскорѣ выказать свои дарованія при защитѣ отечества. Перечислить всѣхъ, хотя ихъ подвиги этого бы и заслуживали, не въ моихъ силахъ по давности времени, но какъ не упомянуть о Багратіонѣ, о Раевскомъ, о Кульневѣ, которые на многія поколѣнія врѣзаны въ сердцахъ каждаго русскаго. Послѣ этого краткаго очерка Финляндской кампаніи, опять обращусь къ личному моему быту.

XII.

Поѣздка въ Оренбургъ для свиданія съ отцемъ.—Пребываніе въ Москвѣ.—Оренбургское общество.—Назначеніе въ штабъ главнокомандующаго Молдавской арміи.

Слишкомъ шумная, скажу даже, буйная моя жизнь, въ кругу товарищей моихъ, и, я полагаю, также наклонность къ влюбчивости, всегда съ желаніемъ, несмотря на мою еще молодость, жениться и всегда не по разсчету матери моей, внушили ей мысль предложить мнѣ съѣздить въ Оренбургъ, гдѣ отецъ мой управлялъ этимъ краемъ. Какъ теперь, въ дряхлыхъ лѣтахъ, мнѣ дорога независимость родины и соотечественниковъ, такъ въ то время мнѣ по сердцу была моя личная независимость служебная и семейная, а потому предложеніе матери и перспектива видѣть отца, котораго я любилъ и уважалъ, не могли меня не прельстить, хоть на временный промежутокъ, и я съ радостью согласился, взялъ отпускъ и, снабженный деньгами, поскакалъ въ Москву, гдѣ пробылъ восемь дней и это время провелъ пріятно въ семействѣ брата моего *),

*) Вслѣдствіе ранъ, полученныхъ въ кампаніи 1807 г., кн. Николай Григорьевичъ провелъ два года въ отставкѣ.

жившаго тогда тамъ въ отставкѣ, и весело въ кругу многихъ семействъ, съ которыми познакомился, какъ съ родственниками товарищей моихъ по службѣ или съ современною молодежью петербургской.

Въ это время познакомился я съ однополчанами моими, князьями Гагариными, Ѳедоромъ и Васильемъ, въ домѣ Прасковьи Юрьевны Кологривовой, матери ихъ по первому браку. Въ этомъ семействѣ были ихъ сестры, княжны Вѣра, Надежда, Софья и Любовь, первыя двѣ красавицы, двѣ послѣднія также довольно хорошенькія, и всѣ четыре весьма милыя. Съ княземъ Ѳедоромъ мы остались, даже теперь (съ 1807 по 1859 г.), въ тѣсной дружбѣ. Домъ Кологривовыхъ былъ средоточіемъ всей молодѣжи, какъ жительствующей въ Москвѣ, такъ и прибывающей изъ Петербурга. Привлеченіемъ намъ былъ радушный образъ жизни, даже, долженъ сказать, на распашку, въ соображеніи съ предразсудками того и даже нынѣшняго времени. Я выразился «предразсудками», потому что, несмотря на несоблюденіе господствующихъ предразсудковъ, при послѣдующемъ замужествѣ всѣхъ четырехъ княженъ, онѣ всѣ четыре были примѣрныя жены. Въ кратковременное мое пребываніе въ Москвѣ я не успѣлъ еще влюбиться, чему и самъ удивляюсь. Въ это же пребываніе мое въ Москвѣ я посѣщалъ родную мою тетку, сестру моей матери, вышедшую замужъ за бывшаго моего наставника, барона Каленберга. Тетка моя была съ роду одержима болѣзнію и, несмотря на это и на зрѣлыя ея лѣта, противъ воли моей матери, ея сестры, вышла замужъ за барона Каленберга. Онъ сохранилъ ко мнѣ, какъ бывшій мой наставникъ, сердечное расположеніе, и какъ болѣзненное положеніе тетки и зрѣлыя лѣта обоихъ не давали имъ надежды имѣть дѣтей, то предложили они мнѣ быть ихъ наслѣдникомъ. Но я почелъ себѣ обидой это исключительное назна-

ченіе въ ущербъ моимъ братьямъ и возсталъ противъ этого предложенія, чѣмъ навлекъ на себя негодованіе тетки, которая впослѣдствіи отказала хотя крохи размотаннаго имѣнія сестрѣ моей, въ ущербъ намъ, ея братьямъ...

Совѣсть моя была чиста передъ братьями, а когда совѣсть чиста, то дорожишь этимъ. Здѣсь помѣщу разсказъ о подобномъ же обстоятельствѣ по предмету надѣла мнѣ и брату моему Никитѣ *), отказа по духовной другой моей тетки, Анны Семеновны Олениной, сестры моего отца, имѣнія благопріобрѣтеннаго, въ ущербъ родному ея сыну. По этой духовной имѣніе въ нѣсколько сотъ душъ, отказала она отцу моему съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи онъ отдалъ его въ надѣлъ брату моему Никитѣ и мнѣ. Отецъ принялъ это наслѣдство, но мы съ братомъ, движимые нашею совѣстью, почли несправедливымъ лишить сына наслѣдства и, хотя отецъ принялъ имѣніе во владѣніе, мы съ братомъ дали этому сыну, Алексѣю Николаевичу Оленину, тайкомъ отъ отца актъ, что при случаѣ смерти нашего отца, мы передаемъ ему, сыну покой-

*) Князь Никита Григорьевичъ Волконскій (1782—1840), офицеръ Измайловскаго полка, служилъ адъютантомъ у дѣда своего, фельдмаршала кн. Н. В. Репнина. Когда князя Репнина постигла опала при Императорѣ Павлѣ, то его адъютанты были отставлены за замѣченный въ нихъ «*Репнинскій духъ*», какъ сказано въ Высочайшемъ приказѣ. Въ турецкую кампанію 1806 г. Волконскій состоялъ при главнокомандующемъ Михельсонѣ; въ 1807 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Государь не разъ довѣрялъ ему дипломатическія порученія (напр. въ 1808 г. къ Наполеону). Онъ участвовалъ въ кампаніи 1813—14 г., отличился въ сраженіи при Феръ-Шампенуазѣ *(Р. Арх. 1874 г., IV)*. Его жена, княгиня Зинаида Александровна (р. кн. Бѣлосельская), въ эту кампанію также сопровождала главную квартиру, и Александръ I любилъ отдыхать въ бесѣдахъ съ той, которую Пушкинъ назвалъ «царицей музъ и красоты». Никита Григорьевичъ находился въ свитѣ Государя до его кончины, а затѣмъ оставилъ военную службу *(Р. Арх. 1895 г., стр. 495)*. Московскій домъ княгини Зинаиды Александровны, въ которомъ сходились Пушкинъ, Жуковскій, Вяземскій, Дельвигъ, Языковъ, Баратынскій, Веневитиновъ, Козловъ, Одоевскій, Кирѣевскіе, Брюловъ, Шевыревъ, Мицкевичъ... былъ однимъ изъ центровъ литературной и артистической жизни 20-хъ годовъ.

ной тетки, во владѣніе намъ отказанное имѣніе, и мы это сдѣлали по убѣжденію нашей совѣсти въ справедливости нашего дѣйствія. И даже и теперь, по прошествіи болѣе пятидесяти лѣтъ, и при стѣсненныхъ обстоятельствахъ моего быта, а также дѣтей моихъ, я все-таки говорю себѣ, что я хорошо сдѣлалъ.

Наконецъ, я выѣхалъ изъ Москвы въ сопутствіи съ братомъ Николаемъ. Это было зимою; снѣжный путь прекрасный пролегалъ чрезъ Нижній; сутки остановились въ Казани, гдѣ я завербовалъ въ сопутницы Башмакову (Евлампію), и, наконецъ, пріѣхали къ отцу въ Оренбургъ. Добрый нашъ старикъ *) принялъ насъ съ обычною его любовью къ своимъ дѣтямъ. Старый воинъ Екатерининскаго времени радовался нашимъ разска-

---

*) Считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь краткія свѣдѣнія объ отцѣ автора записокъ.

Князь Григорій Семеновичъ Волконскій воспитывался въ домѣ своего родственника, барона Н. Г. Строганова, и съ 1751 г. поступилъ ученикомъ въ Академическую гимназію. Еще въ молодости онъ былъ извѣстенъ за хорошаго офицера, потомъ при командованіи отдѣльными частями онъ заслужилъ Георгіевскій крестъ 2 степени, а отъ Суворова—названіе *«неутомимаго Волконскаго»*; но затѣмъ онъ страдалъ отъ послѣдствій полученной подъ Мачиномъ раны въ голову. Умственныя способности его, какъ говорятъ, были расшатаны, и въ немъ, во всякомъ случаѣ, было немало странностей: онъ отличался причудливой одеждой, становился на колѣни для молитвы среди улицы, нагружалъ свою карету, заложенную цугомъ, съѣстными припасами, раздавалъ ихъ неимущимъ и т. п. Назначеніе его въ 1803 г. въ генералъ-губернаторы Оренбургскаго края въ такое время, когда инородческое населеніе волновалось, и край пришелъ въ разстройство отъ безнаказаннаго притѣсненія народа мѣстнымъ чиновничествомъ, вызвало общее недоумѣніе. Но вопреки ожиданію и къ удивленію многихъ, мѣры, принятыя «полоумнымъ чудакомъ», какъ только онъ пріѣхалъ по назначенію, оказались совершенно разумными. Населеніе вздохнуло и успокоилось; калмыки и киргизы усмирились, и дѣйствія Григорія Семеновича удостоились Монаршаго одобренія. (Въ 1806 г. ему пожалована Андреевская лента).

За все время своего управленія Григорій Семеновичъ трудился главнымъ образомъ надъ облегченіемъ участи заводскаго и горнопромышленнаго населенія. Въ 1813 г. онъ снарядилъ ученую экспедицію въ киргизскія степи, которою открыта была руда серебристаго свинца. Неплюевскій корпусъ въ Оренбургѣ учрежденъ по его иниціативѣ. *(Севастьяновъ, «Оренб. Воен. Губ. кн. Г. С. Волконскій...» Оренб. 1897).*

замъ о тѣхъ кампаніяхъ, въ которыхъ мы участвовали.

Братъ пріобрѣлъ себѣ доброе имя блистательной его атакой съ двумя кавалергардскими эскадронами въ Аустерлицѣ; хотя самъ-девять съ офицерами они и попали въ плѣнъ, но всѣ раненые. Я же ему разсказывалъ все, чему былъ свидѣтелемъ въ войнѣ 1806 и 1807 годовъ. Старикъ насъ лелѣялъ и радовался, глядя на насъ.

Объ обществѣ оренбургскомъ замѣчательнаго нечего сказать. Тамъ я встрѣтился съ атаманомъ Оренбургскаго войска генералъ-маіоромъ Углицкимъ, нѣкогда защищавшимъ и отстоявшимъ Оренбургъ отъ Пугачева, и еще живо мое впечатлѣніе о старикѣ Николаѣ Ивановичѣ Тимашевѣ. Эта личность осталась въ моей памяти по общему уваженію, которымъ онъ пользовался въ этомъ краѣ добродѣтельностью и независимостью.

При отцѣ были: Генеральнаго Штаба полковникъ Струковъ, брандъ-маіоръ Очкинъ, люди дѣльные, и маіоръ Ермолаевъ, завѣдующій управленіемъ иррегулярныхъ войскъ. Этотъ Ермолаевъ выслужился изъ писарей и былъ человѣкъ бойкій, практичный, въ особенности

Кромѣ дѣловыхъ и служебныхъ бумагъ послѣ Григорія Семеновича сохранилась обильная семейная переписка. Письма его за время походовъ противъ Бонапарта полны восторга послѣ каждаго извѣстія объ участіи кого-либо изъ его сыновей въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такъ напр., онъ выражаетъ живѣйшую радость по поводу того, что сынъ его (кн. Николай Григорьевичъ), взятый въ плѣнъ подъ Аустерлицемъ, отказался воспользоваться предложеніемъ Наполеона быть освобожденнымъ изъ плѣна, подъ условіемъ оставить дѣйствующую армію. То же самое выражаютъ и письма его послѣ вступленія союзныхъ армій въ Парижъ, что совершилось по неуклонному настоянію (послѣ сраженія при Арсисъ-сюръ-Объ) зятя его, князя Петра Михайловича Волконскаго. Будучи человѣкомъ, для своего времени весьма образованнымъ, Григорій Семеновичъ страстно любилъ чтеніе; изъ писемъ его видно, что онъ иногда увлекался имъ по цѣлымъ ночамъ. Въ длинные мѣсяцы одиночества въ Оренбургѣ онъ развлекалъ себя не только литературой, но и музыкой; поручалъ дѣтямъ присылать ему творенія старинныхъ итальянскихъ композиторовъ и знакомилъ оренбургскихъ обывателей съ твореніями Марчелло, Перголезе, Страделла и др. (Заимствовано изъ книги княгини Елизаветы Григорьевны Волконской: «*Родъ князей Волконскихъ*». *СПБ. 1900 г.; стр. 702*).

для своихъ выгодъ. Три военныхъ губернатора ѣхали на воеводство въ этотъ край съ тѣмъ, чтобъ его при пріѣздѣ смѣнить, и въ томъ числѣ и отецъ мой, но всѣ трое, обвороженные имъ, хотя и знали его за взяточника, но оставляли его, какъ живую хронику этого тогда вовсе неустроеннаго управленія.

Срокъ моего отпуска приближался, я долженъ былъ выѣхать, поскакалъ чрезъ Казань, взявъ тамъ завербованную мною Башмакову, и прибылъ въ Москву, гдѣ получилъ вѣсть отъ матери, что я назначенъ въ штабъ вновь назначеннаго главнокомандующаго Молдавскою арміей, графа Николая Михаиловича Каменскаго *).

---

*) Война съ Турціей, начавшаяся въ 1806 г., съ перерывами продолжалась до 1812 г. Первымъ главнокомандующимъ нашей Молдавской арміей былъ ген. Михельсонъ, умершій въ 1807 г. Послѣ него кн. Прозоровскій. Онъ умеръ въ арміи 9 авг. 1809 г., двѣ недѣли спустя послѣ начала переправы у Галаца.

Въ командованіе арміей вступилъ кн. Багратіонъ, и мы послѣдовательно овладѣли теченіемъ Дуная, со всѣми крѣпостями, отъ Гирсова до устья. Однако, по недостаточности силъ осада Силистріи не имѣла успѣха, а вслѣдствіе затрудненій по продовольствію войскъ, наша армія къ концу года возвратилась на лѣвый берегъ Дуная. Это произвело невыгодное впечатлѣніе, дѣлая турокъ менѣе сговорчивыми, и Императоръ Александръ въ началѣ 1810 года смѣнилъ Багратіона, назначивъ его преемникомъ 32-хъ лѣтняго ген. отъ инф. гр. Каменскаго 2-го, второго сына фельдмаршала.

XIII.

Выѣздъ въ Бухарестъ.—Прибытіе въ Яссы и въ Бухарестъ.—Свита главнокомандующаго.—Жизнь въ Бухарестѣ.—Причины отрѣшенія князя Багратіона отъ должности главнокомандующаго и назначеніе гр. Н. М. Каменскаго 2-го.—Дѣятельность гр. Каменскаго.—Переправа черезъ Дунай и начало военныхъ дѣйствій.—Взятіе Базарджика.—Осада Силистріи и сдача ея.—Командировка.—Очеркъ дѣйствій Каменскаго при взятіи Силистріи.

Неожиданное мое назначеніе волонтеромъ при новомъ главнокомандующемъ Молдавской арміи было слѣдствіемъ попеченія моей матери, какъ я полагаю, и, вѣроятно, изъ убѣжденія ея, что образъ моей жизни въ Петербургѣ и расположеніе къ влюбчивости мнѣ не въ пользу. Предшествующее мое служеніе при Михаилѣ Ѳеодотовичѣ Каменскомъ было какъ бы вводный листъ отъ отца къ сыну. Въ то же время назначенъ былъ и прежній мой товарищъ при Михаилѣ Ѳедотовичѣ, однополчанинъ Валуевъ.—Я этого товарища уже нашелъ въ Москвѣ, и мы сговорились вмѣстѣ ѣхать къ новому назначенію. Графъ Николай Михайловичъ еще не былъ выѣхавшимъ изъ Петербурга, но вскорѣ пріѣхалъ въ Москву. Мы къ нему явились и получили приказаніе, какъ онъ заѣдетъ въ Орловскую

губернію къ отцу, чтобъ спустя нѣсколько дней ѣхать за нимъ вслѣдъ въ Бухарестъ, гдѣ была главная квартира Молдавской арміи.

Эта отсрочка была намъ обоимъ, какъ говорится, понутру. Повеселившись еще нѣсколько дней въ Бѣлокаменной, озаботившись всѣмъ, чѣмъ намъ нужно было запастись, мы пустились въ путь, оба мечтая только заслужить Егорьевскіе кресты. Путешествіе наше до Михновки было, можно сказать, безостановочно, но въ этомъ мѣстечкѣ квартировалъ съ Литовскимъ уланскимъ полкомъ полковникъ Тутолминъ, нашъ знакомый петербургскій гуляка, добрый малый. Онъ сторожилъ всѣхъ проѣзжихъ въ армію, зазвалъ насъ къ себѣ, задалъ намъ пиръ горой явствами и напитками, и мы, отправившись отъ него весьма грузными отъ угощенія, доѣхали безостановочно до Днѣстра, переѣхали границу Бессарабіи, тогда еще не состоящей въ границахъ Россіи, и наконецъ прибыли въ Яссы, гдѣ мы думали застать графа Каменскаго.

Въ Яссахъ начальствовалъ тогда графъ Ланжеронъ, командиръ корпуса. Намъ надо бы было къ нему явиться, но тамъ же имѣлъ пребываніе князь Василій Юрьевичъ Долгоруковъ, знакомый нашъ по войнѣ 1806 и 1807 годовъ, который командовалъ дивизіей, въ составѣ арміи состоящей. Онъ насъ увѣрилъ, что намъ нечего, какъ состоящимъ въ свитѣ главнокомандующаго, являться къ Ланжерону, зазвалъ насъ къ себѣ, и мы шумно прокутили цѣлыя сутки, и пустились въ путь въ Бухарестъ. Пріемъ графа былъ для насъ неожиданный, и получили мы отъ него препорядочную трепку за несоблюденіе должнаго порядка къ лицу старшему во время нашего проѣзда чрезъ Яссы. Во время пребыванія нашего въ Бухарестѣ обязанность наша была дежурить по очереди съ прочими товарищами у графа.

Въ это время я возобновилъ мое знакомство съ

Закревскимъ, который игралъ, по довѣренности графа къ нему, уже значительную роль,—и свелъ знакомство съ другимъ его адъютантомъ, Небольсинымъ. Первый, хотя въ большой милости, но оставался тотъ же, что съ начала нашего знакомства былъ, другой же чванился своимъ приближеннымъ бытомъ и всей свитой графа былъ не любимъ. Свита графа была многочисленная, какъ съ прибывшими, такъ и съ оставшимися отъ прежняго главнокомандующаго, князя Багратіона. Ежедневно у Каменскаго былъ большой обѣденный столъ, куда постановлено было всѣмъ являться, но кромѣ этого и дежурства, нашъ бытъ былъ довольно вольный.

Какъ это обыкновенно случается, мнѣ и Валуеву надавали рекомендательныхъ писемъ и къ графу, и къ тамошнимъ русскимъ и молдаванамъ. Но мы писемъ на имя графа не отдали, потому что, по нашему мнѣнію, глупо и неловко почти сказать: «люби насъ по словамъ другихъ». Къ молдаванамъ же имѣлъ письма Валуевъ отъ бывшаго князя молдавскаго Ипсилантія, но какъ онъ, при объявленіи одного изъ этихъ писемъ, просилъ денегъ взаймы, которыхъ ему не дали, то онъ уже другія не отдавалъ и впослѣдствіи морочилъ своихъ знакомыхъ, увѣряя, что это любовныя письма, а писанныя на молдавскомъ языкѣ; некому было провѣрить его хвастовство.

Хотя и выѣхали изъ Питера, но ни Валуевъ, ни я не остепенились, а были записные повѣсы: кутили, играли и такъ далѣе. Я выше сказалъ, что Каменскій смѣнилъ Багратіона. Для поясненія нѣкоторыхъ послѣдующихъ обстоятельствъ, долженъ хоть вкратцѣ выказать причину этой смѣны.

Князь Багратіонъ, уже въ штабъ-офицерскомъ чинѣ заслуживши благосклонное воззрѣніе Суворова въ Екатерининскую войну въ Польшѣ и при Павлѣ въ Италіи, пріобрѣлъ заслуженную репутацію при военныхъ дѣй-

ствіяхъ въ 1805 и 1806 годахъ противъ французовъ и въ такомъ же дѣйствіи въ Шведскую войну въ Финляндіи и былъ назначенъ преемникомъ Прозоровскаго въ командованіи молдавской арміей. Двухлѣтнее его начальство не было означено никакими значительными успѣхами, а управленіе его хозяйственною частью арміи и краемъ, занимаемымъ нашими войсками, въ которыхъ всѣ злоупотребленія не были искоренены и которыхъ былъ главою прежній управляющій канцеляріей, чиновникъ Б..., бывшій при Прозоровскомъ и удержанный Багратіономъ,—было поводомъ его отрѣшенія отъ командованія и назначенія Каменскаго.

Новый главнокомандующій былъ человѣкъ крутой; онъ тѣмъ началъ, что отрѣшилъ Б... и занялся дѣльно внутреннимъ устройствомъ арміи и края, весьма дѣльно, но особенными въ краѣ мѣрами довольно жесткими, можетъ быть, и необходимыми для искорененія злоупотребленій. Армія была усилена двумя пѣхотными и одной кавалерійской дивизіей и его бдительными распоряженіями была поставлена въ отличное устройство.

Въ отношеніи управленія краемъ, бывшемъ, можно сказать, на откупу у Б..., порядокъ былъ устроенъ; между прочимъ, помню я, что приведенъ къ нему былъ одинъ исправникъ изъ молдаванъ, уличенный въ злоупотребленіяхъ. Онъ велѣлъ его тѣлесно наказать въ присутствіи своемъ нагайками, и когда вестіаръ Валахіи (президентъ управленія этого края) хотѣлъ умилостивить графа, сказавъ ему, что этотъ исправникъ изъ бояръ третьяго класса, то онъ ему отвѣчалъ: «жаль, что не перваго класса, а то бы наказанъ былъ мною тѣмъ же, но въ три раза болѣе». Конечно, дѣйствія и слова жестокія, но оправдываются отчасти существующими злоупотребленіями; безнаказанность провіантскихъ чиновниковъ, подлежащихъ разбору

мѣстной комиссіи, можетъ быть, возродила всѣ злоупотребленія, оказавшіяся въ нашу войну при Николаѣ въ Крыму.

Со времени прибытія Каменскаго армія, какъ я выше сказалъ, внутреннимъ устройствомъ, запасами и численностію поставлена была на отличную военную ногу, и всѣ войска были стянуты къ Дунаю противъ Гирсова, а отдѣльный корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Засса, въ Малой Валахіи противъ Виддина. Противъ Гирсова предположено сдѣлать переправу чрезъ Дунай.

Сколько помнится мнѣ, это наступательное движеніе предпринято около половины мая, или въ началѣ мая *). Всѣ средства для онаго были заранѣе устроены, и какъ на нашемъ берегу доступъ къ водамъ Дуная былъ довольно топокъ, то на протяженіи довольно великомъ были устроены стланы и насыпи; стланы были изъ фашинника, и меня, какъ жителя сѣвера и не бывавшаго еще на югѣ, немало удивило, что весь этотъ фашинникъ былъ сдѣланъ изъ кустовъ шиповника, въ большомъ количествѣ тутъ произрастающаго. Шиповникъ, которымъ только красятся сады петербургскіе.

Главнокомандующій, со всею главною квартирой, и я въ томъ числѣ, прибыли въ Гирсовъ, къ мѣсту назначенному для переправы, которая производилась въ присутствіи главнокомандующаго. Первый переправился Кульневъ съ авангардомъ, потомъ вся армія вслѣдъ. На Дунаѣ былъ устроенъ понтонный мостъ. Переправа учинена почти безъ боя. Турки, занимающіе весьма худо укрѣпленный замокъ Гирсовскій, сдались ли безъ боя, или искали спасенія безъ боя, не упомню

*) Переправа у Гирсова была за нами, такъ какъ корпусъ Каменскаго I (старшій братъ главнокоманд.) оставался на правомъ берегу у переправы и 27 апр. (9) мая выступилъ къ Троянову валу. За нимъ переправились и двинулись прочія войска, кромѣ Засса.

и вся армія и всѣ тягости продовольственныя и снаряды твердою ногою стали на правый берегъ Дуная.

Тутъ ли, или въ другомъ мѣстѣ, не упомню, переправился корпусъ, назначенный къ отдѣльному дѣйствію при устьѣ Дуная, состоящій подъ начальствомъ графа Сергѣя Михаиловича, родного брата главнокомандующаго.

Вслѣдъ за переправой за Дунай началось общее наступательное движеніе. Главная армія—къ Силистріи, отдѣльный корпусъ Сергѣя Михаиловича—къ Базарджику, а Зассу велѣно было занять островъ противъ Виддина и обложить при возможности Виддинъ болѣе для наблюденія, нежели для осады *).

Неизлишнимъ считаю пояснить здѣсь, что при началѣ этой кампаніи, по берегу турецкому Дуная не было главной арміи турецкой, начинающей только сбираться около Шумлы, подъ предводительствомъ визиря, и всѣ береговыя крѣпости были заняты пашами, которые при видѣ предположенныхъ султаномъ Селимомъ нововведеній и какъ принадлежащіе къ старой турецкой партіи, были въ числѣ непокорныхъ, и каждый представлялся отдѣльнымъ властителемъ. Въ Базарджикѣ былъ Пеглеванъ, въ Силистріи Эликъ-Оглу, въ Рущукѣ и Виддинѣ, не упомню кто; каждый изъ этихъ пашей, какъ магометане и вѣрные сыны пророка, враги христіанамъ, были готовы состязаться съ нами, но общаго плана защиты у нихъ не было. Первая и весьма счастливая стычка была у графа Сергѣя Михайловича подъ Базарджикомъ **). У Пеглевана, отличнаго наѣздника, силы войскъ состояли изъ кавалеріи, а пѣхоту

*) Зассу (12 т.) указано было переправиться у Туртукая и осадить Рущукъ. 19 (31) мая этотъ отрядъ переправился и взялъ Туртукай. Виддинъ значительно восточнѣе, и потому невольно является предположеніе, что автору просто измѣнила память.

**) 21 и 22 мая (2 и 3 іюня).

составляли одни жители города и бѣжавшихъ туда жителей изъ окрестностей *). Пеглеванъ встрѣтилъ внѣ города **) наши войска; завязался бой; но стройная наша дружина всякаго рода войскъ и превосходство нашей артиллеріи, каковой, помню, у турокъ почти не было, обратили турокъ въ бѣгство.

Наши войска взошли въ Базарджикъ почти по пятамъ непріятеля ***), и честь этого дѣла должно приписать Московскому гренадерскому полку, который первый бросился на валъ, а вскорѣ и другія войска овладѣли онымъ. Пеглеванъ заперся въ мечети, долго и упорно защищался, но московскіе гренадеры и мечетью, и имъ живымъ овладѣли. Блистательное это дѣло не можетъ быть приписано распоряженіямъ графа Сергѣя Михайловича, ни даже отряднымъ командирамъ, а просто слѣдствію удачнаго случая и храбрости Московскихъ гренадеровъ и гг. штабъ и оберъ-офицеровъ этого полка, хотя реляція объ этомъ дѣлѣ выставила многихъ, вовсе чуждыхъ успѣху, начиная съ самого графа. Въ память и честь этого дѣла для гг. офицеровъ и генераловъ былъ установленъ золотой знакъ отличія, подъ названіемъ Базарджикскій, а для нижнихъ чиновъ серебряная медаль, и оба эти знака получили всѣ участвовавшіе и бывшіе въ строю въ этомъ дѣлѣ.

Графу Сергѣю Михайловичу и многимъ другимъ генераламъ даны были награды и штабъ и оберъ-офицерамъ также; а графу просто съ неба свалился второй Георгій, котораго онъ вовсе не заслужилъ и впослѣдствіи явно доказалъ свою ничтожность въ военномъ дѣлѣ.

---

*) Силы Пеглевана-паши достигали до 10 т. съ артиллеріей.

**) Конный отрядъ—до 2 т.

***) По другимъ свѣдѣніямъ штурмъ Базарджикскихъ укрѣпленій и взятіе города были произведены на другой день (22 мая) послѣ должной артиллерійской подготовки. Возможно, что память измѣнила автору, не бывшему участникомъ этого дѣла.

Это удачное событіе происходило въ то время, когда мы придвигались къ Силистріи. Главная армія стала позиціей верстахъ въ пяти отъ города, а корпусъ графа Ланжерона, подкрѣпленный нѣкоторыми отрядами изъ главной арміи, обложилъ Силистрію въ довольно близкомъ разстояніи, и постепенно осадныя работы подвигались, такъ что въ весьма короткое время устроены были брешъ-батареи, по обычнымъ правиламъ осады крѣпости и несмотря на канонаду изъ крѣпости. Во время обложенія крѣпости было одно обстоятельство, доказывающее, какъ часто отвага можетъ ознаменована быть удачей, и хоть оно не въ славу русскаго оружія, потому что этотъ *coup de main* *) былъ произведенъ турками, но я его разскажу, вотъ онъ: Джауръ-Ассанъ, приближенный и одинъ изъ сподвижниковъ Эликъ-Оглу, былъ съ отрядомъ въ поискахъ въ то время, какъ наши войска обложили городъ, но онъ рѣшился, во что бы то ни стало, съ отрядомъ своимъ ворваться въ городъ и участвовать въ защитѣ. Хотя бдительный Кульневъ стоялъ съ авангардомъ по дорогѣ къ Шумлѣ, а другіе наши отряды по слѣдующимъ дорогамъ къ Силистріи охраняли всякій доступъ къ этому городу, но Джауръ-Ассанъ успѣлъ прокрасться и внезапно ночью прорвался чрезъ стоящій на лѣвомъ нашемъ флангѣ Арзамасскій драгунскій полкъ, и удачно безъ большой потери вступилъ въ городъ.

Конечно, удачность этого подвига можно приписать оплошности командира полка, генералъ-маіора Хрущова, но все-таки надо отдать честь смѣлости Джауръ-Ассана.

Я выше сказалъ что брешъ-батареи уже дѣйствовали равномѣрно; Силистрію громили и съ лѣваго берега Дуная. Наша артиллерія дѣйствовала отлично, и

*) Подвигъ.

во многихъ мѣстахъ были причинены пожары и значительный взрывъ порохового погреба въ цитадели. Прежде, нежели дать штурмъ, рѣшено было взойти въ переговоры о добровольной сдачѣ крѣпости.

Во время продолжавшихся переговоровъ все готовилось къ штурму, и это припоминаетъ мнѣ выходку Ланжерона. Я при немъ находился откомандированнымъ отъ главной квартиры волонтеромъ, мечтающимъ сорвать на штурмѣ Георгіевскій крестъ, и заговорилъ съ нимъ о штурмѣ. При этомъ разговорѣ и при обѣщаніи его меня послать съ охотниками, этотъ славолюбивый французъ мнѣ сказалъ: «Oh! je sais comment enthousiasmer le soldat russe et je donnerai avant l'assaut un ordre du jour très laconique: коли, грабн и блуди — oui, ma foi, блуди, et je suis sûr de la réussite» *). Слава Богу, его не было на штурмѣ, что собственно для себя я очень сожалѣю, но при родѣ наставленія, предположеннаго Ланжерономъ, Богъ вѣсть, произошла какая бы сумятица, а правиломъ кореннымъ для удачи штурма надо, чтобъ до обладанія городомъ строго держать солдатъ отъ разброда, а уже потомъ дозволить имъ, какъ они говорятъ, потѣшиться, и то не надолго. Хоть и это безчеловѣчно, но иногда должно быть дозволено и единственно при штурмахъ, гдѣ каждый житель—врагъ въ защитѣ.

Переговоры о сдачѣ Силистріи были увѣнчаны успѣхомъ, и Эликъ-Оглу согласился сдать крѣпость съ свободнымъ выпускомъ его и войска и съ обѣщаніемъ не служить противъ насъ ни ему, ни гарнизону Силистріи. При заключеніи условій, я былъ посланъ въ Силистрію для полученія ключей города и знаменъ войсковыхъ, но тамъ съ крайнимъ удивленіемъ выслушали

*) О! я знаю, какъ воодушевить русскаго солдата: я дамъ передъ штурмомъ краткое приказаніе: коли, граби и блуди—да, блуди,—и я увѣренъ въ успѣхѣ.

мое требованіе. Ключей отъ города не было, а знаменъ также, поелику гарнизонъ состоялъ не изъ войскъ, призванныхъ подъ знамена, а изъ всякаго сброда, навербованнаго отложившимися пашами.

А въ Петербургъ при реляціи о сдачѣ крѣпости надобно было послать ключи и знамена, и для этого на нѣсколько часовъ отложили отправленіе курьера и взяты были ключи, можетъ быть, отъ какихъ либо погребовъ и амбаровъ, и подѣланы были знамена изъ разнаго тряпья и посланы въ Петербургъ, и теперь оные красуются съ трофеями, вывѣшанными въ Казанскомъ соборѣ.

Не могу не сказать, что странно, по-моему, что въ церкви Христовой вывѣшиваются эти дѣйствія, столь противныя кротости ученія и милосердію нашего Искупителя.

Взятіе Силистріи было пріобрѣтеніе значительное и тѣмъ болѣе оцѣненное, что Румянцевъ Задунайскій не успѣлъ во взятіи оной. Силистрія называласъ ц. . . ой. За взятіе Силистріи Каменскій получилъ Андреевскую ленту, имѣя отъ роду только 32 года, но по истинѣ сказать, не только что онъ не участвовалъ личными распоряженіями при обложеніи и осадѣ крѣпости, но даже ни разу не обозрѣлъ наши позиціи и работы осадныя, и ни разу не взглянулъ хоть издалека на средства обороны крѣпости, даже не понюхалъ пороху, какъ говорится, *на благородной дистанціи.* Онъ со времени обложенія крѣпости до самой сдачи оной не выѣзжалъ изъ отдаленнаго отъ нашего обложенія города на пять верстъ отъ позиціи, въ которой былъ почти одинъ лагерь главной квартиры, потому что почти всѣ были или при обложеніи Силистріи, или въ разныхъ отдѣльныхъ отрядахъ, насторожѣ стоящихъ противъ турокъ, которые подъ предводительствомъ визиря уже собрались въ укрѣпленный лагерь подъ Шумлой.—Осада

Силистріи была въ половинѣ или въ концѣ мая — *) въ самое время поспѣлости черешни, и мы, жители сѣвера, напали на это раннее для насъ лакомство. Нашъ лагерь былъ въ садахъ жителей Силистріи, и мы, чтобъ не имѣть труда влѣзать на черешневыя деревья, чтобъ рвать плоды, рубили ихъ на корню и притаскивали къ своимъ палаткамъ,—вандализмъ, за который до сихъ поръ себя упрекаю.

*) Съ 23 мая (4 іюня) по 31 мая (11 іюня).

XIV.

Движеніе войскъ къ Шумлѣ.—Взятіе Туртукая генераломъ Зассомъ.—Нерасположеніе молодежи къ главнокомандующему.—Дѣйствія генерала Цызарева подъ Варной.—Переходъ арміи отъ Силистріи до Шумлы.—Военныя дѣйствія подъ Шумлой.—Дѣйствія Каменскаго.—Контуженіе.—Прикомандированіе къ ген. Воинову волонтеромъ.—Дѣйствія этого отряда.—Примѣры молодечества тогдашняго поколѣнія.—Осада Измаила.—Перемѣна плана кампаніи и движеніе арміи къ Рущуку.

По вступленіи нашемъ въ Силистрію, главнокомандующій, оставя тамъ гарнизонъ и предписавъ привести въ оборонительное положеніе частію поврежденныя непріятельскія укрѣпленія и уничтожить наши осадныя работы, двинулся уже со всѣми войсками, при осадѣ Силистріи находившимпся, къ Шумлѣ. Сколько помнится, мы сдѣлали три перехода; незначительныя стычки были только у авангарда, которымъ командовалъ Кульневъ, съ разъѣздами турокъ изъ Шумлы. Сильный отрядъ, занявшій Базарджикъ, состоявшій подъ начальствомъ графа Сергѣя Михаиловича Каменскаго, получилъ также приказаніе идти прямымъ отъ него направленіемъ. На Шумлу же отправленъ былъ наблюдательный изъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи отрядъ къ Варнѣ и этотъ отрядъ былъ отданъ графомъ

Сергіемъ Михаиловичемъ подъ начальство генералъ-маіора Цызарева.

Позабылъ я упомянуть, что, когда мы переходили Дунай въ Гирсовѣ, особенный отрядъ перешелъ эту рѣку противъ Туртукая. Имъ командовалъ генералъ-маіоръ, Андрей Павловичъ Зассъ. Успѣшно переправившись черезъ рѣку, онъ сейчасъ распорядился о штурмѣ Туртукая, но слабый гарнизонъ этого укрѣпленія въ ту же ночь отступилъ, и наши штурмовыя колонны взошли въ оный, не встрѣтивъ обороны, что подало поводъ въ кругу молодежи, весьма нерасположенной къ главнокомандующему, къ слѣдующему куплету:

Tourtoukai par Zass est conquis,
On occupe la place,
On n'y trouve que des souris—
On leur donne la chasse *).

Если я упоминаю объ этомъ, то это для того, чтобъ дать очеркъ направленія умовъ—общаго нерасположенія къ главнокомандующему, которое впослѣдствіи выражалось при каждомъ случаѣ, было причиной гоненія съ его стороны разныхъ лицъ и, наконецъ, выразилось преслѣдованіемъ и меня, что впослѣдствіи объясню. Хотя занятіе Туртукая было, какъ я упомянулъ, весьма мирное, но при переправѣ, при занятіи острова на Дунаѣ, было блистательное дѣло. Для занятія этого острова былъ составленъ отрядъ подъ командою адъютанта Засса, капитана Красовскаго, что онъ и исполнилъ въ жаркомъ бою отлично, и это дѣло дало первую огласку его имени, впослѣдствіи не разъ упоминаемому съ отличіемъ. Отряду

*) Туртукай завоеванъ Зассомъ,
Занимаютъ его,
Находятъ въ немъ только мышей,
И ихъ преслѣдуютъ.

Засса усиленными войсками было приказано обложить Рущукъ, а другому, не упомню подъ чьимъ начальствомъ *), обложить противъ Рущука стоящую крѣпость Журжу.

Прежде, нежели описывать наши военныя дѣйствія подъ Шумлой, чтобъ потомъ не прерывать разсказа объ оныхъ, обращусь къ отряду Цызарева подъ Варной. Этотъ отрядъ успѣшно и безъ дальнихъ военныхъ дѣйствій прибылъ подъ Варну. Командующему тамъ пашѣ было Цызаревымъ объявлено о сдачѣ крѣпости, и онъ, подъ вліяніемъ падшихъ въ наши руки крѣпостей Базарджика, Туртукая и Силистріи, согласился на предложеніе, но съ военнымъ выходомъ гарнизона; но Цызаревъ, руководствуясь отданнымъ по арміи приказомъ, чтобъ въ случаѣ сдачи на капитуляцію крѣпости, не иначе соглашаться, какъ съ условіемъ гарнизона военноплѣннымъ, отправилъ гонца къ главнокомандующему.

Пріобрѣтеніе Варны было для насъ очень важно, какъ порта на Черномъ морѣ, владѣніе которымъ обезпечивало намъ возможность всѣхъ подвозовъ для арміи. Цызареву было приказано согласиться на всякія условія, лишь бы Варна сдалась. Но въ промежутокъ времени паша опомнился и отказался отъ всякихъ переговоровъ о сдачѣ. Непріобрѣтеніе Варны имѣло весьма значительное послѣдствіе на послѣдующія обстоятельства кампаніи и произошло только оттого, что Цызаревъ слѣпо повиновался данному приказанію, не разсудивъ, что отступленіе отъ частныхъ правилъ въ уваженіе явныхъ благопріятныхъ послѣдствій указывается; что общія правила безъ поясненія экстренныхъ казусовъ могутъ быть вредны, и что предоставляется отдѣльному начальнику, при явныхъ выгодахъ, отступать отъ данныхъ общихъ распоряженій.

*) Ермолова.

Говоря о Цызаревѣ, независимо отъ прежняго въ этомъ случаѣ въ пользу его добраго сужденія, не могу умолчать о его находчивости въ свою пользу. Это было, кажется, при штурмѣ Очакова или Измаила, еще при Екатеринѣ. Послѣ штурма было предоставлено нижнимъ чинамъ высказать, кто изъ офицеровъ, шедшихъ въ головѣ колоннъ штурмовыхъ, болѣе отличился. Удалось Цызареву этимъ воспользоваться. Было приказано на другой день отобрать отъ нижнихъ чиновъ эту аттестацію. Въ предшествующую этому дню ночь Цызаревъ ходилъ позади палатокъ въ лагерѣ и твердилъ: «ай, да Цызаревъ, вотъ ужъ молодецъ, Цызаревъ! да кто же храбрѣе Цызарева»?

У уставшихъ отъ штурма солдатъ, не выходившихъ изъ палатокъ, остались въ памяти эти возгласы, и при отобраніи аттестаціи имя Цызарева, между прочими отличившимися, также было упомянуто, и онъ былъ награжденъ орденомъ Георгія IV-го класса. Это было мнѣ разсказано и имѣло гласность, какъ обстоятельство, переданное его товарищами въ то время, и весьма правдоподобно, потому что нынѣ и впослѣдствіи онъ вообще почитался не храбрымъ воиномъ. Какъ я выше сказалъ, общее движеніе арміи было предназначено къ наступательному дѣйствію противъ Шумлы, и армія явилась предъ оною.

Я не помню, сколько маршей армія шла отъ Силистріи до Шумлы, кажется, трое, или четверо сутокъ. Впродолженіе этихъ переходовъ не было значительной встрѣчи съ непріятелемъ. Переходная мѣстность была сплошная, лѣсная, а турки, пользуясь оной, мелкими отрядами, не противодѣйствуя сплошному движенію нашей арміи, имѣя полное знаніе этой мѣстности, въ тылу арміи нашей нападали на отсталыхъ и на отсталые обозы безъ прикрытія и наносили отдѣльный незначительный уронъ.

Наканунѣ того дня, какъ мы подступили подъ Шумлу, ночлегъ арміи былъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ оной. Армія съ ранняго утра подступала къ этому городу. Нельзя онаго назвать крѣпостью, даже въ образѣ турецкаго устройства; это была болѣе укрѣпленная позиція (camp fortifié), устроенная по совѣтамъ французскаго генерала Себастьяна, обозрѣвшаго эту мѣстность за нѣсколько лѣтъ ранѣе, по порученію Наполеона, который былъ тогда въ союзѣ съ турецкимъ правительствомъ. Армія подступила къ Шумловской позиціи въ боевомъ порядкѣ, имѣя впереди авангардъ, подъ начальствомъ Кульнева. Прочіе корпуса вслѣдъ за онымъ заняли назначенныя имъ по ордеру де' баталіи мѣста. Вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ корпусъ графа Сергѣя Михайловича Каменскаго, столь удачно занявшаго Базарджикъ и взявшаго въ плѣнъ Пеглевана пашу, какъ это выше было объяснено, въ то же время подступилъ къ Шумлѣ и въ общей позиціи составлялъ лѣвый флангъ нашей арміи. Въ первый день нашего подступленія къ Шумлѣ завязалось жаркое дѣло между авангардомъ и турками, при которомъ была блистательная атака Бѣлорусскаго и Александровскаго полковъ, отразившихъ отчаянный натискъ турокъ. Молодые гусары занялись преслѣдованіемъ турокъ почти подъ самыя укрѣпленія турецкія. Зоркій глазъ Кульнева далъ сигналъ отступленія, и гусары, слѣдуя сигналу, отретировались по-эскадронно шахматнымъ порядкомъ такъ стройно, какъ бы это былъ маневръ на Царицынскомъ полѣ.

Въ этотъ же день *), сколько помню, по распоряженію главнокомандующаго, была занята высота, укрѣпленная на лѣвомъ флангѣ позиціи турецкой. Это бойкое дѣло было произведено храбрыми пѣхотными полками

*) 11 (23) іюня.

Шлиссельбургскимъ и другимъ, котораго не упомню, но первой бригадой 7-й дивизіи, подъ начальствомъ князя Василія Сергѣевича Трубецкого. Занятіе этой высоты весьма было значительно, потому что эта высота, въ связи съ общими укрѣпленіями Шумловскими, могла бы быть весьма значительна впослѣдствіи.

Визирь, главнокомандующій турецкой арміи, понялъ всю важность этой потери, и не помню, на другой ли день, или спустя нѣсколько дней силился отобрать ее отъ насъ; завязалось весьма горячее дѣло, но нашъ храбрый отрядъ удержалъ эту мѣстность за собой, хотя претерпѣвъ значительный уронъ людьми.

Нашъ главнокомандующій, оцѣнивая всю важность удержанія этой высоты за нами, хотѣлъ положить конецъ попыткамъ турокъ обратно эту высоту пріобрѣсть, и приказалъ дивизіямъ Раевскаго и Левиза, обойдя съ тылу эту высоту, дебушировать чрезъ ущелье между этой высотой и остальной частью турецкихъ шумловскихъ укрѣпленій и тѣмъ, ставъ тамъ твердой ногой, обезпечить владѣнія за нами этой высотой. Это движеніе по мѣстности, заросшей колючимъ кустарникомъ, и по тѣсности самаго ущелья не возъимѣло надлежащаго успѣха; мѣстность не позволяла стройнаго движенія, а только разсыпнымъ строемъ, въ которомъ по извѣстности непріятелю мѣстности, можно сказать, каждой тропинки, все было въ пользу непріятеля, а массы нашихъ войскъ претерпѣвали весьма большой уронъ отъ артиллеріи турецкой съ укрѣпленіями ихъ. Вѣроятно, можно бы было отвлечь настойчивость турокъ отъ этого пункта общимъ движеніемъ по всей нашей линіи, но этого не было сдѣлано.

Главнокомандующій, получа донесеніе о неудачномъ ходѣ дѣла, по обычному вспыльчивому его характеру, приписывалъ это къ нераспорядительности частныхъ тамъ начальствующихъ, хотѣлъ лично обозрѣть

и распорядиться и принялъ намѣреніе прибыть на мѣсто битвы, но на половинѣ поѣзда туда какая-то шальная пуля турецкая слегка коснулась руки его адъютанта Небольсина, который вообразилъ, что онъ раненъ. Этотъ случай перемѣнилъ намѣреніе Каменскаго. Приписать ли это чувству самосохраненія, или какому-либо другому началу, но онъ, возвратясь, не посѣщалъ мѣсто битвы, веденной, по его мнѣнію, неправильно, и даже приказалъ отступать и Раевскому, и Левизу, но какъ потомъ послѣдовало жаркое объясненіе между первымъ и Каменскимъ, который былъ весьма желчный человѣкъ, даже, скажу, злопамятный, то онъ возъимѣлъ ненависть на Раевскаго и, тогда какъ испытанныя военныя дарованія сего послѣдняго могли бы быть съ пользою употреблены на поприщѣ текущихъ военныхъ дѣйствій,— хотя и подъ предлогомъ порученія высшаго по званію мѣста, — назначилъ его командующимъ войсками въ Молдавіи и Валахіи, внѣ военныхъ дѣйствій арміи.

Не могу утаить, что общее мнѣніе между молодыми людьми штаба главнокомандующаго было, что онъ придерживался къ чувству самосохраненія своей особы. Подъ этимъ впечатлѣніемъ находились и я, и двое другіе, а именно: флигель-адъютантъ Ламздорфъ и таковой же графъ Крюсоль.

Всѣ мы трое были угнетены мыслію, что главнокомандующій, по усиленной нашей просьбѣ, не отдѣлялъ насъ отъ своей особы, можно сказать, не давалъ намъ возможности и понюхать пороха и имѣть случай отличиться. Это чувство заставило насъ тайкомъ ускользнуть на аванпостную схватку. Особенно Ламздорфъ лѣзъ впередъ, такъ какъ, пріѣхавъ изъ Питера въ любовномъ отчаяніи, онъ только и мыслилъ о сысканіи смерти.

Крюсоль же и я не такъ горячо совались впередъ, движимы бывъ частію любопытствомъ, частію и воен-

нымъ порывомъ. Но мой добрый Ламздорфъ такъ и лѣзъ впередъ, а всѣ мы были слишкомъ плохіе ѣздоки, чтобъ поверстаться съ турецкими наѣздниками. Къ счастью Ламздорфа, пуля турецкая попала мнѣ въ направленіе груди, но какъ я былъ въ буркѣ и разрѣзомъ назадъ,— то пуля ослабла въ дѣйствіи и не пробила даже бурку, но однако сильную дала мнѣ контузію въ грудь, и я, полагая, что былъ раненъ напролетъ, повернулъ лошадь и поскакалъ назадъ. Товарищъ мой за мной вслѣдъ, чтобъ дать мнѣ пособіе, но оказалась одна контузія. Если я объ этомъ ничтожномъ происшествіи упоминаю, это, чтобъ высказать странное требованіе главнокомандующаго: себя и всю свою свиту держать постоянно внѣ выстрѣла, такъ что мы не смѣли даже упоминать, для избѣжанія нагоняя, что были на перестрѣлкѣ, и что я былъ контуженъ.

Во время нашей стоянки противъ Шумлы *), стоянки, которая продолжалась нѣсколько недѣль, было нѣсколько довольно горячихъ стычекъ, но на полномъ развитіи нашей линіи и болѣе отъ наступательныхъ движеній турокъ, которые, однакожъ, всегда были отражаемы.

Помню одну стычку, при которой на 28-й егерскій полкъ громада турецкой кавалеріи ринулась, но карэ стойко выдержало этотъ натискъ и батальнымъ огнемъ, и дѣйствіемъ картечнымъ изъ пушекъ, которыя были по флангамъ; и стойкость полка и начальника онаго, полковника Корнилова, обратила вспять весьма дружный натискъ непріятеля.

Какъ я выше сказалъ, общаго наступательнаго движенія всей арміи не было. Все ограничивалось частными довольно сильными стычками, особенно ночными,

---

*) Въ виду большихъ силъ гарнизона (40 т.), пришлось отказаться отъ штурма крѣпости и перейти къ ея блокадѣ 13 (25) іюня.

при сооруженіи то нашихъ, то непріятеля редутовъ, и съ нашей стороны—попсками пресѣкать подвозъ снарядовъ и продовольствія отъ Балканъ, иногда удачными, но не всегда настигнутыми.

Главнокомандующій, узнавъ, что идетъ довольно сильный отрядъ войскъ въ подкрѣпленіе турецкой арміи, расположенной въ Шумлѣ, составилъ отрядъ, подъ командою генерала Воинова и другой, подъ командою Левиза, и такимъ образомъ съ лѣваго и съ праваго фланговъ нашей позиціи эти два отряда, обогнувъ Шумлу, пришли къ самой подошвѣ Балкана. Что дѣлалось у Левиза, мнѣ неизвѣстно, но я былъ прикомандированъ волонтеромъ къ Воинову, и въ памяти моей дѣйствіе этого отряда. Мы подошли къ Эски-Стамбулу, расположенному при выходѣ Камчики изъ Балканскаго ущелья, но удостовѣрились изъ слѣдовъ по пути, что отрядъ турецкій прошелъ, не встрѣтивши или предваривши нашъ приходъ; то же, какъ слышно, было и съ отрядомъ Левиза.

Нашъ отрядъ состоялъ изъ трехъ полковъ пѣхоты и, кажется, двухъ полковъ кавалеріи и двухъ полковъ казаковъ Донскихъ, и эти подъ командою храбраго Сысоева. Не менѣе отважный Воиновъ съ казаками понесся впередъ, но въ самомъ ущельѣ мы встрѣтили отрядъ, не полагаю, значительный, турокъ, которые вытѣснили изъ онаго уже туда вторгнувшихся казаковъ, а прочія войска наши еще не достигли этого пункта; и вынуждены были казаки отступить. Сысоевъ, недовольный отпискомъ своихъ казаковъ, тутъ же въ дѣлѣ и подъ свистомъ пуль ссадилъ съ коней нѣсколько изъ нихъ и велѣлъ ихъ за трусость наказать нагайками и этимъ удержалъ стройность отписка, и тѣмъ далъ возможность всему отряду подойти. Турки, увидавшіе нашу пѣхоту, обратились вспять и были преслѣдуемы, но по тропинкамъ, имъ извѣстнымъ, совершенно скрылись

изъ нашихъ глазъ, и мы безъ боя и всякаго сопротивленія вдались всѣмъ отрядомъ въ ущелье Балканское противъ Эски-Стамбула, и можетъ вникнули въ оное отъ 10 до 15 верстъ. Но другого пути не было, какъ самое русло Камчики, весьма мелкаго въ то время года, но текущаго съ необычной быстротой. И наши орудія, и ящики переѣзжали по скалистому грунту то на правый, то на лѣвый материкъ русла, и я очень помню, что у патронныхъ ящиковъ, не такъ крѣпко окованныхъ, какъ орудія и зарядные ящики, болѣе, чѣмъ на половину оказалась въ колесахъ порчь, и они были едва вытащены при нашемъ отступленіи, не вынужденнымъ непріятелемъ, а потому, что наши движенія имѣли только цѣлью остановить подвозъ высказаннаго, а не общее наступательное движеніе,—и дальнѣйшее тутъ пребываніе не имѣло цѣли и даже было для отряда опасно по довольной отдаленности отъ главной арміи и по поиску, который могъ бы сдѣлать на нашъ отрядъ визирь изъ Шумлы.

Какъ доказательство молодечества тогдашняго поколѣнія, разскажу частный опытъ онаго. Въ нашей арміи служилъ ген.-маіоръ, нѣкій французъ, выходецъ изъ арміи Наполеона, Ансельмъ Жибури. Вышелъ споръ,—кто далѣе вникнетъ въ черту, занимаемую турками; явились многіе состязатели этого поиска, и къ чести Жибури—за нимъ осталась честь. Тутъ же вслѣдъ за этимъ извѣстный въ арміи молодецъ-наѣздникъ, казачій полковникъ Сысоевъ, предложилъ слѣдующее: это проскакать, обогнувъ съ тыла, занятый турками редутъ. Установлено было пари, и Сысоевъ, на борзомъ конѣ, взялъ свою нагайку, извѣстную подъ названіемъ Атаманки (въ оконечности которой была пуля), пустился, мигомъ исполнилъ имъ предложенное и цѣлъ и невредимъ, несмотря на пустившихся за нимъ въ догонку турецкихъ наѣздниковъ, явился къ своимъ. Тутъ при-

ходитъ мнѣ на память другой эпизодъ, хотя не тогдашняго времени, но мнѣ разсказанный очевидцами.

Это было за нѣсколько лѣтъ до времени общаго современнаго моего разсказа, въ то время, когда главнокомандующимъ былъ Михельсонъ и во время осады Измаила. Въ арміи былъ шефомъ Стародубскаго драгунскаго полка генералъ Воиновъ, онъ былъ племянникъ Михельсона. При всякой стычкѣ, при вылазкахъ турецкой кавалеріи, драгуны были всегда прогоняемы турецкой кавалеріей, и это было всегда поводомъ насмѣшекъ Михельсона надъ его племянникомъ. Воиновъ хотѣлъ сдѣлать переломъ въ нравственномъ отношеніи командуемаго имъ полка и, замѣтивъ, что донскіе казаки удачно всегда прогоняли турокъ, попросилъ казачьяго полковника ссудить его на нѣсколько часовъ казачьимъ мундиромъ и вооруженіемъ, и въ этомъ маскарадѣ пустилъ свой полкъ на вылазку турецкой кавалеріи. Тѣ же драгуны, которые никогда не устаивали противъ натиска турокъ, отлично отразили ихъ, и съ тѣхъ поръ Стародубцы уже въ ихъ мундирахъ всегда отлично прогоняли турокъ. Это происшествіе доказываетъ, какъ посторонніе казусы имѣютъ вліяніе на удачу въ военномъ дѣйствіи.

Неудачныя обстоятельства нашихъ военныхъ дѣйствій противъ Шумлы, распространившія въ нашей арміи кровавые поносы отъ невыгодной стоянки и качества воды, и господствующій принципъ въ главнокомандующемъ—нестойкость характера при неудачѣ—склонили его перемѣнить свой планъ кампаніи и, оставя обсерваціонный корпусъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Шумлы, въ выгодной позиціи, подъ командою графа Ланжерона, со всею арміею отступить и идти къ Рущуку, который былъ осаждаемъ генераломъ Зассомъ.

XV.

Мирное шествіе арміи къ Рущуку.—Жестокость Каменскаго.—Осадныя работы подъ Рущукомъ.—Начало военныхъ дѣйствій.—Забава Каменскаго.—Генералъ Гартингъ.—Звѣрство главнокомандующаго.—Штурмъ Рущука. -Смерть графа Сиверса.—Неимовѣрная численность убитыхъ и раненыхъ.—Перемиріе на 24 часа.—Возрастающее недовольствіе противъ Каменскаго.

Наше шествіе къ Рущуку было мирное; въ теченіе этого движенія ничего въ военномъ отношеніи не происходило. Но вотъ разсказъ объ одномъ случившемся частномъ происшествіи. На одномъ маршѣ поражены мы были зрѣлищемъ трехъ нашихъ нижнихъ чиновъ, посаженныхъ на колъ, и которыхъ трупы уже сгнили. Это такъ разъярило Каменскаго, что онъ далъ себѣ слово первыхъ турецкихъ плѣнныхъ подвергнуть этой истязательной смерти.

Къ несчастію, тутъ же случилось, что привели трехъ плѣнныхъ турокъ. Сказанное и было исполнено, и этихъ несчастныхъ посадили на колъ. Эта смерть весьма мучительна: тяжесть самаго тѣла всаживаетъ колъ болѣе и болѣе во внутренность тѣла; приступъ смерти весьма продолжительный, и мученія неимовѣрныя. До сихъ поръ, когда я вспомню объ этомъ зрѣлищѣ, сердце содра-

гается. Есть *pro* и *contre dans le droit de représailles* *), иногда необходимомъ, но пользоваться имъ безъ крайней нужды надо избѣгать, и въ описанномъ случаѣ это было возможно, даже скажу, обязательно, ибо нареченныя жертвы не были дѣятелями перваго злодѣянія.

Армія прибыла подъ Рущукъ, который уже съ самаго перехода чрезъ Дунай былъ, по малочисленности отряда Засса, слабо обложенъ **). Прибытіе главной арміи дало возможность тѣсно обложить крѣпость; начались правильныя осадныя работы и производились съ успѣхомъ. Первая, вторая и наконецъ третья параллель были постепенно произведены окончательно, и наконецъ устроены брешъ-батареи и *sape-volante*.

У насъ на Дунаѣ были рѣчныя вооруженныя флотиліи, и какъ противъ Рущука была на лѣвомъ берегу Дуная занятая же турками крѣпость Журжи, то части флотиліи предназначено было пройти между двумя крѣпостями для возможности прекратить всякое сообщеніе между ними. Черноморскія казачьи вооруженныя лодки пронеслись безъ большой потери, можно сказать, вихремъ, но наши канонерскія лодки не такъ удачно, и, сколько помнится, три лодки были взяты въ плѣнъ.

Какъ скоро третья параллель была устроена, началось бомбардированіе, но большой ошибкой было, что это бомбардированіе не было разсчитано такъ, чтобы загромить продолжительно городъ этой стрѣльбой и тѣмъ не дать отдыху, чтобы опомниться.

Подвозъ осадныхъ снарядовъ былъ медленный, и

*) Въ правѣ возмездія.

**) Зассъ съ 12-ю т. 19 (31) мая переправился черезъ Дунай у Туртукая и здѣсь ожидалъ подкрѣпленій изъ Силистріи, 12 іюня двинулся къ Рущуку, обложилъ его, бомбардировалъ и 6 іюля, въ день выступленія изъ подъ Шумлы главнокомандующаго, назначилъ штурмъ, который былъ отбитъ.

9-го (21) іюля прибылъ къ Рущуку гр. Каменскій II-й съ осадной артиллеріей. Всего подъ Рущукомъ онъ сосредоточилъ до 22 т.

Гарнизонъ Рущука—около 20 т.—сохранилъ полную бодрость.

этимъ бомбардированіемъ тѣшился только Каменскій. Онъ обыкновенно поутру выходилъ изъ своей ставки съ трубкой въ рукахъ и говорилъ офицеру сигнальной пушки: «пока я буду курить, давайте сигналы,» —а по каждому сигнальному удару изъ всѣхъ орудій, стоявшихъ въ батареяхъ, дѣлали три выстрѣла. Повторяю, это была потѣха по натурѣ злому человѣку, а не полезное распоряженіе начальника. Я самъ неразъ былъ дежурнымъ при графѣ, былъ сослушателемъ его словъ и свидѣтелемъ сказаннаго. Мнѣ очень помнится, какъ начальникъ артиллеріи въ арміи, генералъ Раевскій, при каждомъ вовсе неразсудительномъ таковомъ бомбардированіи, за спиною графа оказывалъ неодобреніе. Каждый зарядъ изъ осадныхъ большого калибра орудій приходился съ доставкой до 250 р. ас. Бомбардированіе наноситъ выгоду осаждающимъ, когда они постояннымъ производствомъ онаго продолжительнымъ образомъ, безостановочно сутки или нѣсколько дней, наводятъ страхъ разрушенія моральнымъ впечатлѣніемъ на жителей и гарнизонъ; но вышеозначенное потѣшное производство онаго, безъ надлежащей пользы, не имѣетъ тѣхъ послѣдствій.—Послѣ заложенія и окончательнаго устройства третьей параллели, были заложены брешъ-батареи и *sape-volante*. Осадныя работы производились подъ руководствомъ инжен. генерала Гартинга, который завѣрилъ, что дѣйствіе брешъ-батарей такъ было удачно и ровъ непріятельскаго вала такъ былъ заваленъ, что при побѣгѣ чрезъ оный собаки онъ постоянно видѣлъ хвостъ оной. Это приводитъ мнѣ на память шуточное слово графа Ланжерона (который, послѣ довольно удачнаго отбоя натиска визиря на него подъ занимаемой Ланжерономъ позиціей при Шумлѣ, просоединился къ осадной арміи). Вотъ это шуточное словцо: «генералъ Гартингъ пороху не боится, повторяю, пороху не боится,—но онъ его не

выдумалъ». Эти слова — мѣрило инженернаго достоинства этого лица.—Главнокомандующій, увлеченный желаніемъ покрыть неудачу своихъ дѣйствій подъ Шумлой, и хотѣвъ прикрыть эту неудачу блистательнымъ подвигомъ, рѣшилъ произвесть штурмъ Рущука. Но прежде описанія онаго, отсрочу разсказъ объ ономъ повѣствованіемъ одного происшествія, дающаго мѣру злого характера главнокомандующаго. Былъ взятъ плѣнный турокъ, при случайной вылазкѣ непріятеля. Графъ хотѣлъ узнать, подъ какимъ впечатлѣніемъ находится турецкій гарнизонъ и велѣлъ подвергнуть его вопросамъ по этому предмету. Турокъ, по свойственному ему фанатизму, упорно отказывался что-либо объяснить объ этомъ. Это было донесено графу, и для понужденія плѣннаго высказать то, что отъ него требовалось, недостигаемаго никакими угрозами, вотъ злодѣйская мѣра, придуманная графомъ. Это было въ самыя знойныя времена іюля мѣсяца, въ какое время милліарды насѣкомыхъ просто подвергали всякаго мученію ихъ жаломъ. Онъ велѣлъ до-нага раздѣть этого плѣннаго, вымазать его медемъ и въ такомъ видѣ выставить его на мученіе дѣйствію комаровъ. Но каково ни было претерпѣваемое мученіе этого плѣннаго, не дождались отъ него никакого объясненія. Разсказываю объ этомъ, какъ объ опытѣ стойкости турка и звѣрства главнокомандующаго.

Приготовленія къ штурму дружно производились; приготовлялись штурмовыя лѣстницы, производилось въ отдаленности отъ лагеря, при нарочито устроенныхъ валахъ, примѣрное производство или упражненіе для нижнихъ чиновъ штурмового натиска, давались наставленія о производствѣ онаго. Кажется, приняты были всѣ мѣры для удачнаго совершенія онаго, и всѣ въ арміи ждали съ нетерпѣніемъ рокового дня производства онаго.

За давностію времени, какъ пишу сіи мои записки, не упомню число того дня, въ который штурмъ былъ произведенъ *). Диспозиція къ его производству была объявлена начальникамъ предназначенныхъ колоннъ; войско, хотя не знало именно, когда оное приведется въ дѣйствіе, но ожидало съ нетерпѣніемъ производства онаго. Наканунѣ этого дня вызваны были охотники, которые должны были идти впередъ колоннъ. Нѣкоторые изъ свиты главнокомандующаго, и въ томъ числѣ и я, просились идти съ охотниками на передовую эту атаку; объ этомъ было доложено графу, но, вмѣсто соглашенія на это назначеніе, мы получили выговоръ, и намъ былъ объявленъ рѣшительный отказъ; а двое изъ нашихъ товарищей, не объявившихъ желаніе быть въ охотникахъ, назначены были въ оный и оба положили тамъ свою жизнь. Наканунѣ этого рокового дня было при вечерней зарѣ объявлено въ лагерѣ, что будетъ штурмъ передъ разсвѣтомъ на другой день. Съ обычными словами, воспламеняющими при этихъ случаяхъ войско, въ особенности было подтверждено войску, чтобы, при овладѣніи поверхности вала, не идти далѣе, а ждать вторичнаго сигнальнаго выстрѣла, чтобъ двинуться впередъ во внутрь города. Эта мѣра, полезная для предохраненія разброда, съ другой стороны имѣетъ дурныя послѣдствія. Штурмовая удача зависитъ отъ увлеченія, и останавливать ходъ оной— останавливать удачу окончательную, — какъ мы это увидимъ изъ послѣдующихъ подробностей этого штурма. Это понималъ знаменитый Суворовъ, и поэтому и палъ предъ нимъ Измаилъ.

Конечно, горьки для человѣчества послѣдствія рѣзни жителей въ штурмовомъ завладѣніи городомъ,

---

*) Штурмъ былъ первоначально назначенъ на 18-е іюля, но, вслѣдствіе дождей, былъ отложенъ до 22 іюля (3-го августа).

но неудача штурма подвергаетъ также неминуемо и чрезвычайному урону штурмовавшее войско. Для предупрежденія излишней рѣзни въ городѣ, дѣло начальниковъ умѣть остановить эту рѣзню, когда окончательно уже завладѣли городомъ, а для предохраненія отъ внезапнаго нападенія на разбродшіяся войска, надо имѣть подъ рукой стройные резервы, удерживаемые начальничьимъ словомъ и строгостію военной дисциплины въ ихъ стройности.

Говоря о случайности штурма, я долженъ замѣтить, что къ этому военному рѣшенію дозволяется приступать тогда только, когда обстоятельствами исключительными, это необходимо для выигрыванія времени и для избѣжанія угрожающаго натиска съ тыла. Въ прочихъ случаяхъ ограничиваться надо для обладанія крѣпостью правильной осадой, при которой, смотря по состоянію крѣпостныхъ укрѣпленій и по способамъ, имѣющимся къ производству осады, можно назначить день и можно сказать часъ, въ которомъ крѣпость должна сдаться.

Обращаюсь теперь къ повѣствованію подробностей Рущукскаго штурма. Не упомню, какого числа, но это было въ іюлѣ мѣсяцѣ, предназначенъ былъ штурмъ; главная атака назначена была съ нашего праваго фланга и съ центра, а финальная атака съ лѣваго фланга; росписаніе штурмовыхъ колоннъ и начальники оныхъ, вѣроятно, означены въ военныхъ оффиціальныхъ донесеніяхъ и въ послѣдующихъ лѣтописяхъ *). Я же покажу только отдѣльные эпизоды, которыхъ я лично былъ свидѣтелемъ. Колоннамъ штурмовымъ было приказано двинуться за четверть часа передъ утренней зарей, чтобъ еще въ темнотѣ успѣть приблизиться тайкомъ

*) Для штурма войска (20 т.) были раздѣлены на 6 колоннъ: со стороны Силистріи 2 колонны ген. Засса, со стороны Разграда 2 колонны ген. Эссена 3-го, на лѣвомъ флангѣ, съ запада, 2 колонны гр. Уварова.

къ валу и поставить лѣстницу къ оному, и это сдѣлано было успѣшно.

Храбрая наша рать ринулась на приступъ, но лѣстница оказалась короткою, такъ что, для преодолѣнія ею вышины вала, наши вырывали себѣ мѣста, чтобъ уставить ноги, и одинъ чрезъ плечи другого такъ добирались до верху. Несмотря на эти затрудненія, всѣ колонны охотниковъ впереди оглавлили валъ (couronner le rempart).

Въ колоннѣ, подъ начальствомъ графа Сиверса, хотя охотники овершили валъ, но колонна, состоящая изъ двухъ полковъ пѣхотныхъ, кажется, Нижегородскаго и другого, котораго имя не упомню, замялась.

Охотники всѣ, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, не всѣ были артиллеристы, и, чтобъ дать понятіе о претерпѣнной ими потери, скажу, что изъ 21 офицеровъ *11 ранено, 9 убито* и только одинъ вышелъ невредимъ. Другая колонна, одна изъ центральныхъ, бывшая подъ командою князя Алексѣя Григорьевича Щербатова, состоящая изъ Литовскаго и Вятскаго полковъ, также замялась и выдала на жертву охотниковъ, которые успѣли стать твердой ногой на валъ, и послѣ были до единаго или убиты, или взяты въ плѣнъ. Кромѣ короткости лѣстницы, въ неудачѣ овладѣнія валомъ, было одно еще обстоятельство моральное – это то, что въ головѣ колоннъ поставлены были полки, понесшіе уроны и неудачу въ Браиловскомъ штурмѣ, или потерявшіе свои знамена въ предшествующую французскую кампанію. Пословица говоритъ: «*Пуганая ворона и куста боится*», и можно примѣнить ее и къ войску: дружины, претерпѣвшія уронъ, не надо ставить впереди, но напротивъ того увлечь при совмѣстномъ дѣйствіи уже испытанныхъ полковъ.

Вышеозначеннымъ полкамъ хотѣли дать случай поправить свою репутацію – и вышло совсѣмъ противное.

Главнокомандующій со всею его свитою былъ во второй параллели осадныхъ работъ, и, какъ явно уже видѣлъ неудачу, бѣсился и рвалъ себѣ бакенбарды, что у него было признакомъ неудовольствія.

Войскамъ имъ даны были приказанія идти впередъ, но какъ штурмъ есть при удачѣ минутное дѣло, при неудачѣ—безполезно упрямиться, чѣмъ только удесятеришь потерю свою, а успѣха не добьешься.

Я былъ свидѣтелемъ, какъ графъ Сиверсъ, подскакавъ къ главнокомандующему, сказалъ ему: «Графъ, велите бить отбой, мы понапрасну теряемъ людей, моя колонна не идетъ впередъ, несмотря на то, что охотники вошли на валъ». — Не идетъ ваша колонна, возразилъ графъ, потому что начальники не даютъ примѣръ. — «Графъ», сказалъ ему въ отвѣтъ Сиверсъ, «я вамъ покажу, что умѣю умирать, посмотрите на мою фуражку, она уже въ двухъ мѣстахъ прострѣлена. Прощайте, графъ, я вамъ покажу, что Сиверсу нельзя сказать два раза то, что вы мнѣ выразили». И точно, поскакалъ къ коллонѣ и палъ, прострѣленный нѣсколькими пулями. Сиверса жалѣла вся армія, потому что въ немъ видѣла будущаго главнокомандующаго арміей. Онъ все соединялъ въ себѣ — ученость, храбрость и популярность.

Въ другой колоннѣ, гдѣ также замялись полки, отъ неудачи такой возсталъ безпорядокъ, что, при понужденіи офицерами нижнихъ чиновъ идти впередъ, наши сажали на штыки своихъ офицеровъ. Это обстоятельство скрыто, но оно мнѣ разсказано очевидцемъ.

День вполнѣ уже освѣщалъ, а наша колонна не подавалась ни впередъ, ни взадъ; турки, кромѣ нанесеннаго урона нашимъ фланговой стрѣльбой, спускали съ валу каменья и лили горячими веществами, такъ что нашъ уронъ минута отъ минуты становился значительнѣе.

Наконецъ главнокомандующій велѣлъ ударить отбой, но мы претерпѣли неимовѣрный уронъ. Полки были выводимы субальтернъ - офицерами, потому что ротные батальонные и шефы полковъ или были убиты, или раненые выбыли изъ фронта.

Счастье наше было, что турецкій гарнизонъ не сдѣлалъ вылазки сейчасъ по отбитіи произведеннаго нами штурма. Я былъ посланъ къ войскамъ, подъ начальствомъ ген.-адъют. Уварова состоящимъ, съ приказаніями отъ главнокомандующаго и убѣдился въ его словахъ, что всего у него въ отрядѣ оставалось только двѣ роты Шлиссельбургскаго полка въ резервѣ, не употребленныхъ при штурмѣ. Вѣроятно, въ другихъ колоннахъ и вовсе резерва не состояло. При вылазкѣ турокъ нельзя было бы дать имъ отпоръ, и не только осадныя орудія, по роду ихъ бывшія безъ упряжи, но и вся полевая артиллерія попалась бы въ ихъ руки, потому что лошади изъ подъ нихъ паслись въ 15 верстахъ отъ лагеря.

При понесеніи потери при штурмѣ, мудрено было бы собрать стройное войско для отпора преслѣдованія. Мы были на правомъ берегу Дуная; при отступленіи надо было бы перейти на лѣвый берегъ, а единственный устроенный мостъ на Дунаѣ былъ въ Туртукаѣ—въ 30 верстахъ, если не болѣе, отъ Рущука.

Оплошность турокъ спасла насъ отъ бѣды неминуемой. Потеря наша при штурмѣ изъ 14,000 войска состояла изъ 7,600 нижнихъ чиновъ и 400 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ. Неимовѣрная численность убитыхъ и раненыхъ подъ Рущукомъ офицеровъ, хвалебная пѣснь ихъ храбрости и исполненія ихъ обязанностей боевыхъ. На другой день штурма было заключено перемиріе на 24 часа для уборки нашихъ тѣлъ, которыми, положительно, былъ запруженъ ровъ, въ пунктахъ штурма. Турки съ вы-

соты вала радовались этой картинѣ, по чувству ихъ фанатизма и народности, а мы съ горькимъ чувствомъ исполняли свой долгъ надъ павшими. Многихъ знакомыхъ, друзей не досчитывалось, и вся армія, можно сказать, оплакивала заедино графа Сиверса, всѣми отдѣлами войска любимаго, уважаемаго, погибшаго по причинѣ нанесеннаго ему оскорбленія, незаслуженнаго упрека; въ графѣ Сиверсѣ видѣли впереди, можно сказать, главнокомандующаго по его дарованіямъ военнымъ.

Послѣ неудачнаго штурма, осада Рущука обратилась въ блокаду, и до конца второй трети августа мѣсяца ничего не происходило замѣчательнаго. Неудовольствіе главнокомандующаго обратилось на тѣхъ лицъ, которыя позволяли себѣ порочить его дѣйствія и распоряженія въ своихъ мнѣніяхъ, можетъ быть, неосторожно высказываемыхъ, но основательныхъ въ ихъ началѣ. Независимая молодежь собиралась у графа Павла Александровича Строгонова и у князя Василія Сергѣевича Трубецкого, и судила, и рядила—каждый по-своему. Это все дошло до графа Каменскаго, и онъ полагалъ укротить эти всѣ толки мѣрами строгости противъ Строгонова и Трубецкого, и обоимъ далъ приказаніе—выѣхать изъ арміи въ Петербургъ. Мы же, молодежь, остались подъ опальнымъ надзоромъ, и надо мной и товарищемъ моимъ Валуевымъ это негодованіе впослѣдствіи, какъ увидимъ, разразилось.

XVI.

Батинское сраженіе.—Генералъ Кульневъ.—Взятіе редута и бѣгство турокъ.—Безкорыстіе нашего солдата.—Участіе въ переговорахъ съ турками и принятіе оружія отъ сдавшихся турокъ.—Результатъ Батинскаго сраженія.

Я выше пояснилъ, что до истеченія второй трети августа при блокадѣ Рущука ничего замѣчательнаго не происходило. Но графъ, узнавъ, что сильный въ 25,000 корпусъ турецкихъ войскъ идетъ къ Рущуку съ цѣлью освободить оный отъ обложенія нами, и получивъ значительное въ собственной арміи подкрѣпленіе *),—рѣшился идти на встрѣчу этому корпусу, приходящему съ верховья Дуная.

Подъ Рущукомъ оставленъ былъ весь лагерь вполнѣ, и графу Ланжерону было приказано съ оставленнымъ ему войскомъ, растянутымъ по всему лагерю, дѣлать

---

*) Былъ притянутъ отъ Шумлы корпусъ гр. Каменскаго I-го, оставившій отрядъ для прикрытія со стороны Шумлы, Силистріи и Троянова вала. Каменскій I-й, подошелъ къ Рущуку 15-го (27) августа.

Всего было сосредоточено около 34 т. Изъ нихъ: для осады Рущука $8^1/_2$ т. Ланжерона, для наблюденія Журжи—5 т. Засса и $20^1/_2$ т. для атаки турокъ, подходившихъ съ верхн. Дуная (у Батина). Положеніе трудное—осаждать крѣпость съ 20 т. гарнизономъ и атаковать отрядъ силою, по нѣкоторымъ источникамъ, до 30—40 т.

фальшивыя атаки незначительныя и стараться шумомъ въ лагерѣ подать сомнѣніе, что главная часть войскъ отошла, и на всемъ пространствѣ лагеря еженочно раскладывать тѣ же огни, и днемъ тоже, какъ бы варились вездѣ кашицы. Главнокомандующій же съ отборнымъ и стройнымъ войскомъ скрытно отъ непріятеля, засѣвшаго въ Рущукѣ, двинулся къ Батину, гдѣ турки заняли позицію и укрѣпились по ихъ обыкновенію лагеремъ въ связи съ отдѣльными редутами, ими довольно смышленно для обороны устроенными. Передовые отряды обозрѣли позицію заранѣе. Лагерь былъ на высотахъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Дуная. Первыя попытки передовыхъ отрядовъ были—овладѣть подошвой этихъ горъ, чему способствовало содѣйствіе нашей флотиліи.

25-го августа вся армія подошла къ Батину въ весьма близкомъ разстояніи, и произведена была усиленная рекогносировка, а 26-го съ ранняго утра началась атака на всемъ протяженіи. Позиція турокъ *) не позволяла дружно, безъ пресѣченія вести атаку. Правый нашъ флангъ, по роду мѣстности, былъ отдаленъ отъ центра и лѣваго фланга, дѣйствующихъ совокупно, разстояніемъ въ нѣсколько верстъ (отъ 3 до 4-хъ), какъ помнится.

Правымъ флангомъ атаки командовалъ графъ Сергѣй Михайловичъ Каменскій, а лѣвый и центръ состояли подъ предводительствомъ главнокомандующаго.

Атака праваго фланга была ключемъ нашего натиска, центръ предположенъ резервомъ, а лѣвый флангъ имѣлъ назначеніе способствовать натиску праваго фланга и воспрепятствовать отступленію непріятеля на свою

*) Турки расположились на высотахъ впереди д. Батина и ручья, построивъ тутъ 5 укрѣпленій—3 сомкнутыхъ и 2 открытыхъ съ горжи. За ручьемъ былъ еще одинъ редутъ, въ тылу позиціи.

коммуникаціонную линію. Атака праваго ѳланга началась очень удачно: нѣсколько редутовъ были взяты съ боя нашею пѣхотою штыковымъ боемъ *), и честь этого успѣха принадлежитъ распоряженіямъ и личному примѣру Донского войска ген.-лейт. Павлу Дмитріевичу Иловайскому, храброму, смѣтливому и распорядительному начальнику. Графъ же Сергѣй Михайловичъ внѣ огня и въ бездѣйствіи оставался при резервѣ своего отряда. Но, къ несчастію, Иловайскій былъ тяжело раненъ (отъ каковой раны онъ впослѣдствіи и умеръ), и выбылъ изъ ѳронта. Войска были отбиты отъ штурма на сильные еще въ этомъ пунктѣ редуты **). Графъ Сергѣй Михайловичъ донесъ объ успѣхѣ перваго натиска и, разумѣется, приписавъ его себѣ, просилъ подкрѣпленія для овладѣнія того редута, въ которомъ наши были отбиты. Но главнокомандующій, узнавъ, кажется, изъ словъ Закревскаго, своего адъютанта, къ которому онъ имѣлъ полное довѣріе, и о благородной дистанціи, въ которой находился отъ боя его братъ, и о числѣ излишняго войска, держимаго имъ при себѣ, меня послалъ къ графу Сергѣю Михайловичу съ слѣдующимъ приказаніемъ: «чтобъ графъ употребилъ все войско, въ его распоряженіи находящееся, *за исключеніемъ двухъ батальоновъ, для прикрытія своей особы и непремѣнно бы овладѣлъ незанятымъ редутомъ*». Я дѣлаю этотъ добросовѣстный цитатъ даннаго мнѣ приказанія какъ обстоятельства, не дѣлающаго чести ни тому, ни другому. Укоръ былъ силенъ, но чего было ему ожидать отъ того, котораго такъ вѣрно оцѣнивали.

Какъ я выше сказалъ, между правымъ нашимъ ѳлангомъ и центромъ, откуда я былъ посланъ, было

*) Два редута и одно открытое укрѣпленіе. Лѣвый ѳлангъ турецкой позиціи оказался въ нашихъ рукахъ.

**) Оставшіяся два укрѣпленія (редутъ и открытое).

разстоянія до 3-хъ верстъ, и мѣстность ущелистая и гористая, и для вѣрности отдачи даннаго мнѣ порученія совмѣстно со мной посланъ былъ Обрѣзковъ (впослѣдствіи убитый въ Малой Валахіи молодцемъ въ охотникахъ), въ случаѣ, если не удастся одному изъ насъ доѣхать. Мы оба благополучно исполнили намъ данное порученіе; но ни наставленія, ни выговоръ, нами переданный, не имѣли успѣха,—и редутъ остался занятъ турками. Во время боя на правомъ флангѣ—центръ нашъ, подъ личнымъ предводительствомъ главнокомандующаго, оставался также въ бездѣйствіи, ограничиваясь пушечной стрѣльбой изъ довольно выгодно избранныхъ мѣстностей нашей батареи. На лѣвомъ же нашемъ флангѣ, подъ начальствомъ Кульнева, отрядъ его, состоящій изъ трехъ полковъ пѣхоты, подъ начальствомъ Сабанѣева и, кажется, графа Сентъ-При, производилъ атаку на правый флангъ позиціи турокъ *) изъ мѣстности весьма невыгодной, изъ подошвы горы ущелья, но редутъ защищали турки, обвѣнчающіе эту гору.

Главнокомандующему съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, возможно было слѣдить за производствомъ атаки. Два раза наша пѣхота взбиралась почти до подошвы редута, но два раза была отбита. Издали было видно, какъ Кульневъ и его сподвижники, начальники полковъ, впереди колоннъ красовались, но оба раза были отбиты наши. Видя эту неудачу, главнокомандующій рѣшился оставить довольно охранительную свою позицію и прибыть къ атакующему отряду. Прибывъ, онъ приказываетъ Кульневу снова атаковать, а тотъ увѣщеваетъ не терять по-пустому людей, основываясь на томъ, что уже двѣ роты избиты, несмотря на стройность натиска и молодечество

*) Редутъ за ручьемъ въ тылу позиціи былъ взятъ Кульневымъ, но два оставшіяся укрѣпленія на фронтѣ позиціи держались крѣпко.

и войска, и начальниковъ. Тогда графъ, разсерженный неудачей, сказалъ Кульневу: «Не удается, потому что начальники не даютъ примѣра». Вся боевая служба Кульнева противорѣчила этому упреку, и онъ, взбѣшенный этимъ науськаніемъ, которому ни прежде, ни теперь не могъ подвергнуться, отвѣчалъ ему: «Графъ, вы слишкомъ скоро забываете Куортанэ и Оровайсъ». Онъ назвалъ эти двѣ мѣстности, потому что при нихъ были сраженія въ Финляндскую войну, подъ начальствомъ графа, и въ обоихъ этихъ дѣлахъ, весьма горячихъ, нельзя было никакой сторонѣ приписать побѣду, и въ ночь, послѣдующую сраженію, Каменскій началъ отступленіе съ мѣста сраженія и оставилъ Кульнева для прикрытія отступленія. Но Кульневъ на разсвѣтѣ увидалъ, что и шведы отступили и, нимало не медля, по пятамъ ихъ преслѣдовалъ и далъ знать графу, который со всѣми войсками воротился, и отступленіе шведовъ сдѣлалось совершеннымъ пораженіемъ.

Но обращусь къ разговору между Каменскимъ и Кульневымъ, отъ котораго невольно удалился, чтобъ объяснить отвѣтъ Кульнева. Графъ, разсерженный отвѣтомъ Кульнева, въ неистовствѣ закричалъ: «*Закревскій, арестуйте генерала Кульнева*», повторилъ два или три раза это приказаніе и съ злостію топталъ землю подъ ногами. Кульневъ же хладнокровно разстегнулъ протупею своей сабли и кинулъ эту саблю къ ногамъ графа, сказавъ: «*Вы можете ее у меня отнять, но уже отъ васъ я ея не приму*», и сдержалъ слово и, несмотря на убѣжденія Закревскаго, съ нимъ дружнаго, на обѣщаніе, что графъ извинится, никакъ не согласился. И какъ это было представлено Государю и какъ обсуждено — мнѣ неизвѣстно, но Кульневъ изъ шефовъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка былъ назначенъ шефомъ Гродненскаго гусарскаго, который не состоялъ въ Дунайской арміи и былъ расположенъ на сѣверѣ

Россіи. Въ отечественную войну генералъ Кульневъ прославился великими своими подвигами, былъ главнымъ дѣятелемъ при началѣ этой войны въ отдѣльномъ корпусѣ графа Витгенштейна и положилъ свою жизнь въ Клястицкомъ сраженіи, въ которомъ почти при послѣднемъ пушечномъ выстрѣлѣ пораженныхъ французовъ онъ получилъ смертельную рану.

Россія потеряла въ немъ истиннаго гражданина, армія вождя, подчиненные справедливаго начальника, а друзья вѣрнаго друга. Въ долговременную мою боевую службу не встрѣчалось мнѣ видѣть столь заботливаго авангарднаго начальника.

Пользовавшись его расположеніемъ и часто бывъ посылаемъ отъ главнокомандующаго къ нему во время нашей стоянки подъ Шумлей, гдѣ ему поручено было наблюденіе за передовыми постами по всей линіи,—я очевидцемъ былъ, что каждыя четверть часа денно и ночно ревизующіе посты передовые прямо къ нему прибывали съ донесеніемъ словеснымъ о ихъ обзорѣ и всегда его будили, такъ мало онъ себѣ давалъ льготъ для отдохновенія. Къ этому разсказу о личности Кульнева прибавлю еще опытъ его твердости духа. Когда подъ Клястицами онъ былъ раненъ смертельно и предвидѣлъ свой конецъ, и когда его сняли съ лошади, онъ, умирающій на рукахъ своего адъютанта Новосильцева, сказалъ ему, срывая самъ съ шеи кресты орденскіе: «возьми ихъ, Новосильцевъ, чтобъ французы не знали, что Кульневъ убитъ».

Я вмѣстилъ этотъ разсказъ о Кульневѣ, потому что объ этой личности мнѣ не придется говорить въ повѣствованіи Отечественной войны, ибо я пишу въ моихъ запискахъ то лишь, чему самъ былъ свидѣтелемъ, а до перехода чрезъ Березину корпусъ графа Витгенштейна не былъ въ связи съ главной арміей и отрядомъ оной, при которомъ я находился.

Но пора обратиться къ Батинскому сраженію. Въ то самое время, какъ произошелъ описанный мною разговоръ между Каменскимъ и Кульневымъ, отрядъ, бывшій подъ начальствомъ Кульнева и перешедшій подъ начальство Сабанѣева, снова сдѣлалъ попытку овладѣть тѣмъ редутомъ отъ котораго два раза былъ отбитъ, и съ удачею *) при содѣйствіи другого отряда, направленнаго главнокомандующимъ изъ тѣхъ войскъ, которыя были въ центрѣ нашей позиціи, и при сильномъ огнѣ съ этого же пункта батарей.

Турки, вытѣсненные нами изъ ихъ позиціи праваго ихъ фланга и потерявшіе всякое соединеніе съ ихъ соплеменниками лѣваго ихъ фланга, рѣшились на прорѣзъ искать себѣ спасенія. Этой частью турецкихъ войскъ, большею частью изъ албанцевъ, командовали сыновья извѣстнаго Яннинскаго Али—паши, Мухтаръ и Вели—паша. Они воспользовались начинающей темнотою дня и такъ дружно кинулись на прорѣзъ ущелья, отдѣляющаго нашъ лѣвый флангъ и центръ—и въ то время, какъ никакъ не ожидали этого отчаяннаго покушенія—что не только кавалерія, но и часть пѣхоты успѣли прорѣзаться сквозь довольно слабую линію между лѣвымъ нашимъ флангомъ и центромъ, и какъ наша кавалерія, по роду войска, не участвовала въ приступѣ на турецкій лагерь и была въ отдаленности, разсѣдланная и кормившая лошадей при коноводахъ бивачныхъ, то покуда приведена была въ строй, турки успѣли далеко уйти, а преслѣдовать ихъ въ дальнюю догонку было по времени дня и малыми отрядами опасно, тѣмъ болѣе, что этотъ ушедшій отрядъ турецкій былъ довольно силенъ.

---

*) Собственно взято было укрѣпленіе съ открытою горжею. Редутъ (послѣднее укрѣпленіе) такъ и не былъ взятъ до наступленія темноты, но утромъ рано на другой день его защитники, окруженные со всѣхъ сторонъ, сдались.

Наши войска, занявшія редутъ праваго фланга турецкой позиціи, и другія войска, посланныя изъ центра нашей линіи, заняли эту часть турецкаго лагеря, покинутаго столь поспѣшно турками и въ которомъ, кромѣ растянутыхъ палатокъ, оставлены были всѣ ихъ запасы и имущества.

Наши молодцы поживились многимъ, и вотъ анекдотъ, которому я былъ лично свидѣтелемъ.

Не помню, какого полка пѣхотнаго, рядовой забрался въ одну палатку (вѣроятно, гдѣ помѣщался войсковой казначей), и сдѣлался хозяиномъ груды мѣшковъ съ золотою и серебряною монетой. Вмѣсто того, чтобъ воспользоваться одному этой несмѣтной для него поживой, онъ вотъ какъ хозяйничалъ оною.

Онъ поднялъ полы палатки и призывалъ всѣхъ проходящихъ въ разбродѣ по лагерю солдатъ и надѣлялъ горстями монетъ каждаго, не помня о черномъ днѣ, ожидающемъ русскаго солдата при отставкѣ, когда часто онъ нуждается и въ насущномъ хлѣбѣ,—и такъ щедро надѣлялъ каждаго, что проходившій мимо его ротный командиръ остановилъ его расточительность и едва спасъ въ пользу счастливца нѣсколько мѣшковъ.

Я сказалъ: въ пользу этого солдата, но сохранена ли ему остальная его добыча — за это не ручаюсь. Этому происшествію я самъ былъ свидѣтелемъ.

Но обращаюсь къ повѣствованію въ военномъ отношеніи Батинскаго сраженія. Весь лагерь былъ нами занятъ, кромѣ одного редута на лѣвомъ флангѣ турецкаго лагеря, неудачно штурмованнаго гр. Сер. Мих. Каменскимъ, въ которомъ столпилось все, что не было взято въ плѣнъ, или не спаслось бѣгствомъ прорывомъ, вышеописаннымъ мною чрезъ нашъ лѣвый флангъ, когда редутъ былъ окруженъ нашими войсками для преграды ухода.

На другой день, 26 августа, паша, командующій

въ этомъ редутѣ и который былъ главнокомандующимъ всѣхъ турокъ, прежде бывшихъ въ турецкомъ лагерѣ, предложилъ переговоры.

Объ этомъ обстоятельствѣ донесено было главнокомандующему, и онъ назначилъ для переговоровъ д. с. сов. Родофиникина, состоящаго при немъ отъ Мин. Иност. дѣлъ, и велѣлъ ему взять переводчика для объясненія на турецк. языкѣ и двухъ офицеровъ изъ его свиты для присылки къ нему, въ случаѣ могущихъ встрѣтиться обстоятельствъ при переговорахъ; но положилъ ему, Родофиникину, непремѣннымъ правиломъ, чтобъ турки сдались военноплѣнными.

Родофиникинъ, въ числѣ двухъ представленныхъ ему на выборъ военныхъ офицеровъ, взялъ меня, и мы, самъ—четвертъ, съ малымъ казачьимъ конвоемъ изъ лагеря, гдѣ и имѣлъ пребываніе главнокомандующій, отправились на нашъ правый флангъ и по объявленіи чрезъ парламентера, что присланъ для переговоровъ отъ главнокомандующаго чиновникъ, были впущены въ редутъ.

Насъ привели въ огромную палатку паши, въ которой сидѣлъ паша, окруженный своимъ штабомъ и, какъ можно судить было, многими штабъ и оберъ-офицерами его войска, но палатка была биткомъ набита ими. По́лы же отъ палатки подняты со всѣхъ сторонъ и около палатки толпилось все войско, числившееся въ этомъ редутѣ. Я упоминаю о поднятыхъ полахъ палатки и о участіи, какъ слушающихъ, всего турецкаго гарнизона, какъ о мѣрѣ азіатской предосторожности паши: чтобъ весь ходъ переговоровъ былъ во услышаніе всѣмъ и чтобы отстранить отъ себя отвѣтственность невыгоднаго исхода переговоровъ.

По обычной учтивости потчиванія кофеемъ, вареньемъ, куреніемъ табака—начались переговоры, и Родофиникинъ, по данной ему инструкціи, объявилъ чрезъ

переводчика, что единственныя и неизмѣнныя кондиціи слѣдующія: все здѣсь находящееся войско должно сдаться безусловно военноплѣннымъ, положивъ оружіе и выдавъ оное, равно орудія, запасы, палатки и все, кромѣ того, что есть собственность личная,—но оружіе не въ томъ числѣ,—комиссарамъ, отъ русскаго войска назначеннымъ. Родофиникинъ не могъ выражаться, но понималъ турецкій языкъ, но я и мой товарищъ—ни полслова. По высказаніи нашимъ переводчикомъ условій, во всей окружающей массѣ турокъ мгновенно, какъ бы отъ единаго лица, поднялся общій говоръ, мною непонимаемый, но отъ котораго Родофиникинъ внезапно поблѣднѣлъ и нашъ переводчикъ тоже. И когда, уже по заключенію конвенціи о сдачѣ, я спросилъ у Родофиникина, почему онъ такъ видимо перемѣнился въ лицѣ, то онъ мнѣ сказалъ: «Хорошо вамъ было, вы не знаете турецкаго языка, но я, который могу слѣдить за смысломъ онаго, понималъ общій говоръ турокъ. Знаете, что оный выражалъ по начальству: вѣдь плѣнный—рабъ, а мы не хотимъ быть рабами у невѣрныхъ; что они насъ пугаютъ штурмомъ, укрѣпленія у насъ есть, теперь остается задержать ихъ и вынудить русскихъ, для охраненія жизни ихъ присланцевъ, дать намъ свободный пропускъ».

И точно сія манифестація не была успокоительна для тѣхъ изъ нашихъ, кто понималъ турецкій языкъ. Родофиникинъ чрезъ переводчика увѣрялъ, что военноплѣнный не есть рабъ, что до заключенія мира, хотя ихъ перешлютъ во внутрь Россіи, но въ край изобильный, не студеный, что они тамъ будутъ жить на свободѣ, подъ попечительнымъ надзоромъ мѣстныхъ начальствъ, что они будутъ снабжены всѣми потребностями жизни и получатъ поденную плату, ровную той, что въ турецкомъ войскѣ получали, а что при заключеніи мира они будутъ возвращены на родину, а во

время пребыванія въ Россіи не будутъ ихъ стѣснять ни въ ихъ обычаяхъ, ни въ отношеніи обрядовъ ихъ вѣрованія. Такая безпечная будущность усмирила первое негодованіе массы, и наконецъ всенародно положено было сдаться.

Я и товарищъ мой были назначены для полученія оружія. Мнѣ было поручено принимать бѣлыя оружія, ему огнестрѣльныя. При каждомъ изъ насъ былъ турецкій депутатъ для соблюденія порядка; турки гусемъ подходили, мы считали численность ихъ, они кидали въ кучу оружія и переходили къ означенному для конвоированія военноплѣнныхъ конвою; а намъ двумъ положено было сдать оружія, по числу вышедшихъ изъ редута, привозчикамъ, назначеннымъ для препровожденія этого оружія въ Сербію для вооруженія тамошняго населенія, свергнувшаго иго турецкое. Во время исполненія мною порученія о принятіи оружія, какъ уже военныя дѣйствія въ этой мѣстности прекратились, то вольное сообщеніе внѣ редута дѣлалось безпрепятственно, и производился торгъ всего того, что почиталось не военною добычею отъ турокъ. Въ числѣ любопытныхъ многіе подъѣзжали къ костру, препорученному моему наблюденію. Безъ разбора кидались въ оный богатыя сабли, ятаганы, разнаго рода кинжалы и проч. Часто порождалась у меня мысль присвоить себѣ отличное оружіе, но это была бы измѣна моему долгу. Многіе знакомые подъѣзжали и просили меня позволить имъ кое-что выбрать, но я неумолимо каждому, даже пріятелямъ—товарищамъ, не далъ этимъ поживиться. Между подъѣзжавшими былъ ген.-маіоръ *Рѣзвой*, который настоятельно просилъ надѣлить его отлично замѣченной имъ саблей. Сперва я отказывалъ, но тотъ такъ настоятельно просилъ, что я, изъ уваженія къ лицу, сказалъ ему: «Генералъ, у васъ виситъ турецкая сабля, выберите себѣ любую, а вашу киньте въ костеръ—

счетъ моей сдачи будетъ вѣренъ, а вы получите желаемую». И точно, что сказано, то и сдѣлано,—Рѣзвой взялъ отличную саблю, а мой счетъ ко сдачѣ остался вѣренъ. Я потомъ узналъ, что онъ саблю, имъ взятую, какъ отлично и богато отдѣланную, продалъ за триста червонныхъ.

Трофеи Батинскаго сраженія были 40 пушекъ, всѣ австрійскаго литія и на лафетахъ австрійской формы, и полнаго количества; къ этому числу зарядные того же дѣла ящики. И въ этомъ случаѣ, какъ и впослѣдствіи, австрійское правительство намъ подпускало черняковъ.

Взято было много знаменъ, множество палатокъ и изъ сдавшагося редута поступило въ плѣнъ болѣе пяти тысячъ турокъ.

Результатомъ Батинскаго сраженія въ военномъ отношеніи былъ знаменитый подвигъ *), но по сущей правдѣ надо сказать, что число нашей артиллеріи было впятеро больше непріятельскаго.

---

*) Побѣда у Батина вывела насъ изъ труднаго положенія. Рущукскій гарнизонъ потерялъ надежду на выручку и сдался 15 (27) сентября. За Рущукомъ пали другіе укрѣпленные пункты на Дунаѣ до Никополя включительно.

XVII.

Возвращеніе арміи подъ Рущукъ. –Мѣры главнокомандующаго противъ недовольныхъ его дѣйствіями.—Командировка въ Петербургъ.—Вѣсть о назначеніи флигель-адъютантомъ.—Встрѣча съ Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Павловичами. — Пріемъ военнаго министра. — Свиданіе съ матерью. — Полковой бытъ и духъ, господствующій между офицерами. — Недовольство Государя.

Послѣ Батинскаго сраженія армія въ цѣломъ ея составѣ возвратилась подъ Рущукъ и опять стала въ позиціяхъ, прежде ею занимаемыхъ, но осада крѣпости обратилась просто въ обложеніе оной. Тутъ прекращается разсказъ мой о военныхъ дѣйствіяхъ *), и вотъ оному причина. Главнокомандующій, имѣвъ свѣдѣніе

*) Хотя затѣмъ Систово, Рущукъ, Журжа, Турно и Никополь сдались, и русскіе утвердились на правомъ берегу Дуная, но графъ Каменскій, въ виду наступившаго ненастья, считалъ, однако, невозможнымъ продолжать военныя дѣйствія: большая часть арміи была переведена на лѣвый берегъ Дуная. Послѣдствія похода 1810 года оказались крайне неутѣшительными: армія лишилась почти половины наличнаго числа людей, а достигнутые результаты не сдѣлали Порты болѣе сговорчивой къ миру. Графъ Каменскій смертельно заболѣлъ, временное начальство надъ арміею перешло къ старшему генералу графу Ланжерону, сохранившему его вплоть до прибытія 7 (19-го) апрѣля 1811 года новаго главнокомандующаго, Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова. *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Томъ III, Спб. 1897 г., стр. 20).*

отъ улики чрезъ своихъ лазутчиковъ, что есть лица въ арміи, которыя дозволяютъ себѣ обсуживать его дѣйствія и распоряженія, и желая освободить себя отъ этого, далъ предписаніе, чтобъ выѣхали изъ арміи, графу Павлу Александровичу Строгонову и князю Василію Сергѣевичу Трубецкому, считая ихъ главою недовольныхъ (оба были генералы и по положенію своему имѣли связи въ С.-Петербургѣ и при дворѣ); въ числѣ изгнанниковъ былъ и я, а впослѣдствіи за мною и товарищъ мой Валуевъ.

Въ одно утро былъ я потребованъ къ Закревскому и получилъ извѣщеніе, что я назначенъ графомъ для отправленія курьеромъ въ С.-Петербургъ. Какъ не было никакихъ событій по военнымъ дѣйствіямъ, стоющихъ отправки экстреннаго курьера, мнѣ не мудрено было убѣдиться, что отправленіе меня курьеромъ было просто изгнаніе изъ арміи, но, хоть и не выгодно могло быть для меня въ служебномъ отношеніи это изгнаніе, я радовался оному—такъ скученъ и нестерпимъ былъ мнѣ мой бытъ. Принялся къ распоряженіямъ о моемъ выѣздѣ, вовсе незавидномъ въ томъ отношеніи, что пріѣду въ Петербургъ, не какъ вѣстникъ какого либо удачнаго военнаго дѣйствія, но какъ выжитый; но все-таки я радовался моему отъѣзду. Во время моего сбора къ отъѣзду, неожиданно вовсе пріѣхалъ курьеръ изъ Малой Валахіи и привезъ нѣсколько трофей отъ удачной стычки съ турками, и были эти трофеи мнѣ вручены для отвоза къ Государю и тѣмъ, хоть въ отношеніи мнѣнія петербургской публики, мой пріѣздъ былъ покрытъ какой-то благовидной причиной.

Во время моего пути я встрѣтилъ фельдъегеря, ѣхавшаго изъ Петербурга въ армію и, какъ разумѣется, распрашивалъ его о новостяхъ столичныхъ, и онъ, узнавъ, что я Сергѣй Волконскій, далъ мнѣ вѣсть, что я назначенъ флигель-адъютантомъ къ Госу-

дарю *). Эта милость мнѣ воспослѣдовала по просьбѣ Великой Княгини Екатерины Павловны, по расположенію ея къ моей матери, которая при ней была гофмейстериной; назначеніе это́ меня порадовало не только по новому званію, но и тѣмъ, что какъ будто бы покрыло мою опалу по виду высылки изъ арміи.

По врожденному тщеславію въ каждомъ человѣкѣ, я, при въѣздѣ въ Петербургъ, сидя въ перекладной, на всеобщее воззрѣніе выказывалъ знамена и булавы, хоть не мною пріобрѣтенныя, но въ мысли, что выказываніе ихъ какъ будто пригкроетъ въ мою пользу пріѣздъ мой, бывшій въ сущности по опальнымъ причинамъ.

Позабылъ сказать, что между Царскимъ и Павловскомъ я встрѣтилъ В. К. Николая и Михаила Павловичей, во время ихъ прогулки въ экипажахъ (тогда до зимняго времени Императрица Марія Ѳеодоровна жила съ ними въ Павловскѣ и Гатчинѣ, въ видахъ отдаленія ихъ отъ вредныхъ впечатлѣній общаго быта капральства). Я ѣхалъ все время, какъ курьеръ, а они довольно скоро въ экипажахъ; но, несмотря на то, зоркій ихъ врожденный капральскій взоръ, при скоротечной встрѣчѣ со мной, замѣтилъ, что я въ усахъ, на что, по службѣ моей въ кавалергардахъ, я не имѣлъ права, и, при первой встрѣчѣ со мною, это мнѣ замѣтили. Какъ разумѣется, до въѣзда моего въ Петербургъ усы мои исчезли подъ бритвой.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я поѣхалъ отъ заставы къ военному министру Барклаю-де-Толли, и до впуска моего къ нему въ кабинетъ чиновники дежурные и другіе, находящіеся въ пріемной передовой комнатѣ, разспрашивали меня о сущности привезенныхъ мною

*) Назначеніе это воспослѣдовало 6-го сентября 1811 г., и въ томъ же году, 18 октября князь Сергій Григорьевичъ былъ произведенъ въ ротмистры.

свѣдѣній изъ арміи и не вѣрили мнѣ, а приписывали осторожности моей мои уклончивые отвѣты. Впустили меня въ кабинетъ министра, отдалъ я трофеи и депеши и, по прочтеніи ихъ имъ, убѣдился изъ его пріема, что пріѣхалъ не съ добрымъ словомъ о мнѣ.

Послѣ этой вовсе незавидной встрѣчи я поѣхалъ въ штабъ, наскоро переодѣвшись, а потомъ къ матушкѣ, которая тогда имѣла постоянное пребываніе въ Аничковскомъ дворцѣ. Родственная была встрѣча и отъ безцѣнной моей матери, и для сыновнихъ моихъ чувствъ; обожаю эту безпримѣрную мать мою по теплотѣ чувствъ и попеченію къ своимъ дѣтищамъ.

Прежде, нежели описывать мой бытъ уже въ флигель-адъютантскомъ званіи, обращусь къ нѣкоторымъ обстоятельствамъ полкового нашего быта, какъ мѣрилу образа мнѣній и духа, общаго между нами. Какъ ни была строга служебная дисциплина и какъ ни свято мы исполняли всѣ служебныя обязанности, довольно скучныя и часто, по ихъ мелочности, довольно тягостныя, но исполняли не изъ страха, а просто, какъ долгъ при ношеніи мундира; но въ мнѣніяхъ и сужденіяхъ мы были независимы. Вотъ тому нѣсколько примѣровъ. 1) Обыкновенно ежедневно, при хорошей погодѣ, въ зимнее время все высшее петербургское общество прохаживалось по такъ называемому Царскому кругу, т. е. по Дворцовой набережной, и, минуя Лѣтній садъ, по Фонтанкѣ до Аничковскаго моста и потомъ по Невскому проспекту обратно до дворца Зимняго. Обыкновенно отъ 2-хъ до половины 4-го Императоръ то пѣшкомъ, то въ саняхъ посѣщалъ прогулкой эту мѣстность. Цвѣтъ дамъ верхняго и иностраннаго купечества, царедворцы всякихъ категорій и слоевъ постоянно посѣщали эту мѣстность,—первыя съ мыслями обратить на ими выказанныя прелести вниманіе Царя,—другіе, т. е. царедворцы—или искатели мѣстъ вытаптываніемъ

себѣ ногъ, добивались милостиваго киванія головой, или высокой милости, или словечка, или пожатія руки. Но предметъ появленія насъ, четырехъ или шести товарищей, шедшихъ рядомъ рука объ руку, былъ довольно странный: мы туда являлись, чтобъ посмѣяться надъ ищущими приключеній, столь дорого ими цѣнимыхъ, а частію, чтобъ имъ и Царю доказывать, что внѣ службы мы независимые люди.

Понялъ-ли самъ это Царь, или переданы ему были довольно гласныя и неосторожныя наши болтовни, но мы убѣдились, что Царь, издалека завидѣвъ насъ, уже къ минованію встрѣчи съ нами оборачивалъ голову въ другую отъ насъ сторону и не отвѣчалъ учтивостію на дѣлаемый нами ѳронтъ и подъ виски руки къ шляпѣ,— и это негодованіе разразилось непріятностію на нашемъ полковомъ командирѣ, которому велѣлъ Государь сказать чрезъ шеѳа нашего и его генералъ-адъютанта Уварова, что Депрерадовичъ составилъ ему не корпусъ офицеровъ, но корпусъ вольнодумцевъ. Это весьма не лестное для добраго нашего старика командира замѣчаніе весьма его огорчило, и онъ, собравъ весь корпусъ ѳицеровъ, передалъ намъ словесно полученный имъ выговоръ и съ обычною его добротою намъ сказалъ: «*Вашъ языкъ— вашъ врагъ*», и вмѣстѣ объявилъ, что, къ сожалѣнію его, полученный имъ выговоръ заставилъ его подать въ отставку, хотя онъ насъ любитъ и уважаетъ.

Вслѣдъ за симъ весь корпусъ ѳицеровъ, за исключеніемъ только трехъ лицъ, рѣшилъ просить Депрерадовича не покидать насъ, и общей дружиной мы пошли къ нему съ просьбою взять обратно поданную имъ просьбу. Старикъ, тронутый до слезъ этимъ общимъ порывомъ нашимъ, отвѣчалъ намъ, что, подавъ просьбу, не можетъ лично отъ себя просить о возвратѣ оной ему. Но тутъ было рѣшено нами послать къ Уварову отъ корпуса ѳицеровъ депутацію съ просьбою, чтобъ онъ

не давалъ хода просьбѣ любимаго нами начальника, а возвратилъ бы ее ему, и въ пику тѣмъ тремъ изъ нашихъ однослуживцевъ, отставшимъ отъ насъ, ихъ выбрали къ посылкѣ къ Уварову, въ исполненіи чего они не могли отказаться, а меня послали соглядатаемъ, чтобъ исполнили въ точности порученіе. Просьба была возвращена, мы поставили на своемъ, а остальнымъ дали урокъ.— 2) Исполняя неуклонно всѣ обязанности службы, и тѣмъ охраняя себя отъ служебныхъ взысканій,—мы очень были щекотливы на счетъ службы и незаслуженныхъ вспышекъ начальниковъ. Переносили ихъ, когда не было въ нихъ личной обиды, но на незаслуженныя не только лично каждый, но и весь корпусъ офицеровъ, умѣли дать голосъ отпора. Теперь обращусь къ быту моему, какъ флигель-адъютанта Государя.

XVIII.

Представленіе Государю.—Шалости.—Дворцовая служба.—Французскій посолъ Коленкуръ.—А. Х. Бенкендорфъ и его проэктъ жандармеріи.—Маневры на Смоленскомъ полѣ.—Отношеніе Государя къ флигель-адъютантамъ.—Средства для снисканія расположенія Государя. — Пожаръ въ Аничковскомъ дворцѣ.—Арестъ и ссылка Сперанскаго.

Какъ скоро я успѣлъ натянуть на себя новый мундиръ—я представился Царю. Пріемъ его былъ весьма сухъ, по причинѣ вышеозначенной моей высылки изъ арміи. Это нерасположеніе еще болѣе усилилось разными моими шалостями; между прочимъ, двумя обстоятельствами. Одно изъ нихъ была общая шалость многихъ современниковъ и сослуживцевъ.—Станиславъ Потоцкій созвалъ многихъ въ ресторанъ обѣдать; подъ пьяную руку мы поѣхали на Крестовскій. Это было въ зимнее время, былъ день праздничный, и кучи нѣмцевъ тамъ были и забавлялись катаньемъ съ горъ. Намъ пришла мысль подшутить надъ ними; мы раздѣлились на двѣ шайки и заняли платформу горъ и, какъ садится нѣмецъ или нѣмка на салазки, толкали санки изъ подъ нихъ ногой,—любители катанья отправлялись съ горы не на салазкахъ, а на г..... Нѣмцы разбѣжались и, вѣроятно, подали жалобу; насъ была порядочная ва-

тага, но на мнѣ одномъ оборвался взыскъ, и Балашевъ, тогдашній генер.-губернаторъ Петербургскій и старшій въ чинѣ генер.-адъют., вытребовалъ меня и объявилъ мнѣ отъ имени Государя Высочайшій выговоръ.

Другая шалость была у меня въ домѣ. Я жилъ на Мойкѣ въ домѣ *) матери, въ нижнемъ этажѣ—при въѣздѣ въ ворота отъ Пущинскаго дома. На одной лѣстницѣ со мной жила француженка, любовница г-на Н..... Я имѣлъ причины ему и его женѣ —faire une niche **). Узнавъ, что онъ укралъ у своей жены собачку комнатную и что онъ подарилъ эту собачку своей любовницѣ,—я укралъ у нея эту собачку, съ намѣреніемъ переслать оную г-жѣ Н.....— Aussitôt dit—aussitôt fait ***), и собака у меня спрятана въ отелѣ. Но француженка узнала, что она у меня, и прислала какого-то француза вытребовать ее. Явился французъ; узнавъ, что онъ хочетъ говорить о собачкѣ, отнѣкиваюсь, но поганая собачка залаяла въ своемъ запорѣ и меня выдала въ похищеніи. Французъ говоритъ: «Qu'il saura défendre les droits de Madame ****)», а я ему въ отвѣтъ, какъ онъ смѣлъ войти ко мнѣ безъ доклада et que je lui ferai compter les marches de mon escalier *****), и закричалъ: «люди, въ шею этого г.....». Его вытолкали, но онъ прямо къ Балашеву. Подано было все это въ дневной запискѣ Царю—и меня, бѣднаго Макара, посадили подъ комнатный арестъ, и, можетъ быть, и былъ бы большой взыскъ, но Марья Антоновна ******), узнавъ о семъ, выхлопотала, чтобы послѣ трехдневнаго ареста меня вы-

---

*) Нынѣ принадлежитъ кн. П. Д. Волконскому. На стѣнѣ дома привинчена мраморная доска съ надписью: «Въ этомъ домѣ 29 января 1837 года скончался Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ».

**) Напроказить.

***) Сказано, сдѣлано.

****) Что онъ съумѣетъ защитить права этой госпожи.

*****) И что я его спущу съ лѣстницы.

******) Нарышкина, урожденная княжна Четвертинская.

пустили; но всѣ эти оказіи не были мнѣ сручны въ мнѣніи о мнѣ Государя. Служба моя дворцовая мало имѣла значительнаго, стоющаго къ повѣствованію. Тогда не было и 24 флигель-адъютантовъ, а не сто и болѣе, какъ теперь. Многіе дѣловые, какъ Альбединль, Кикинъ и другіе часто имѣли порученія. Чернышевъ, Гарголи и братъ мой Никита употреблены были по заграничнымъ поѣздкамъ; насъ на постоянной службѣ при Царѣ было немного.—Какъ придется дежурить въ воскресенье, то посылались дежурные за Коленкуромъ, посломъ французскимъ, съ сообщеніемъ, что Государь его ждетъ для выѣзда на воскресный парадъ. Честолюбивый представитель Наполеона выжидалъ всегда приглашенія, но всегда былъ готовъ къ выѣзду и никогда не заставлялъ ждать къ докладу и обращался съ нами весьма вѣжливо. У дворца стоялъ всегда сторожевой, который давалъ знать, что выѣхалъ посолъ, и тогда Государь, уже готовый, спускался съ лѣстницы; и такимъ образомъ, ни Царь никогда его не ждалъ, ни посолъ не выжидалъ Царя.

Въ числѣ сотоварищей моихъ по флигель-адъютанству былъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, и съ этого времени были мы сперва довольно знакомы, а впослѣдствіи въ тѣсной дружбѣ. Бенкендорфъ тогда воротился изъ Парижа при посольствѣ и, какъ человѣкъ мыслящій и впечатлительный, увидѣлъ, какую пользу оказывала жандармерія во Франціи.—Онъ полагалъ, что на честныхъ началахъ, при избраніи лицъ честныхъ, смышленныхъ, введеніе этой отрасли соглядатаевъ можетъ быть полезно и Царю, и отечеству, приготовилъ проектъ о составленіи этого управленія и пригласилъ насъ, многихъ своихъ товарищей, вступить въ эту когорту, какъ онъ называлъ, добромыслящихъ, и меня въ ихъ числѣ; проектъ былъ представленъ, но не утвержденъ. Эту мысль Ал. Хр. осуществилъ при вос-

шествіи на престолъ Николая, въ полномъ убѣжденіи, въ томъ я увѣренъ, что дѣйствія оной будутъ для охраненія отъ притѣсненій, для охраненія вовремя отъ заблужденій. Чистая его душа, свѣтлый его умъ имѣли это въ виду; и потомъ, какъ изгнанникъ, я долженъ сказать, что во все время моей ссылки, голубой мундиръ не былъ для насъ лицомъ преслѣдованія, а людьми, охраняющими и насъ, и всѣхъ отъ преслѣдованія.

Не могу забыть одного обстоятельства на одномъ изъ моихъ дежурствъ. Это было при маневрахъ на Смоленскомъ полѣ.

Маневръ представлялъ отпоръ англійскаго десанта на эту мѣстность Васильевскаго острова (Россія была тогда въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Англіей, вслѣдствіе Тильзитскаго мира). Наши сухопутныя войска маневрировали противъ вымышленнаго десанта, не было даже флотиліи, изображающей англійскій десантъ.

Авангардомъ нашимъ командовалъ В. К. Константинъ Павловичъ, главнымъ корпусомъ —самъ Государь. Я былъ посланъ къ великому князю освѣдомиться отъ него, что у него происходитъ, и получилъ въ отвѣтъ: «англичане поражены, едва успѣваютъ достигать своихъ лодокъ, совершенная побѣда съ нашей стороны, и съ нею поздравьте Государя». Едва удержался я отъ смѣха при этихъ словахъ, сказанныхъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что все это было, и поневолѣ долженъ былъ передать эту чушь Государю.

Многіе говорятъ, что служба флигель-адъютанта весьма близка къ Царю. Хотя насъ не была такая арава, какъ въ послѣдующее и нынѣшнее царствованіе, потому что выборъ Царя былъ весьма разборчивъ и часто Государь говорилъ, когда просили его о назначеніи къ нему флигель-адъютанта: «Оставьте мнѣ то право, которое имѣетъ каждый бригадный генералъ, вы-

бирать самъ, кого хочетъ себѣ въ адъютанты», но я скажу по совѣсти, что не только флигель-адъютанты, но и генералъ-адъютанты не имѣли того близкаго доступа, который многіе себѣ приписывали. Разница въ отношеніи генералъ-адъютанта и флигель-адъютанта къ Царю лишь была въ томъ, что если есть званый, а не чисто семейный обѣдъ, то генералъ-адъютантъ имѣлъ право обѣдать за этимъ столомъ, а флигель-адъютантъ нѣтъ. При случаѣ какого-либо экстреннаго доклада или призыва къ Царю дежурнаго, въ обоихъ случаяхъ проводникомъ сношеній этихъ, т. е. входа къ Царю, былъ дежурный камердинеръ. Въ мою бытность только князь Петръ Михайловичъ, *) Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, графъ Аракчеевъ и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ имѣли право входить во внутренніе покои заднимъ корридоромъ, да и они, я полагаю, не обходились безъ доклада чрезъ камердинера, или выжидали выхода Царя въ уборную или въ пріемную.

Въ глазахъ всѣхъ, кажется, имъ было дано исключительное право, а въ настоящемъ—тотъ же непрямой доступъ. Какъ генералъ-адъютанты, такъ и флигель-адъютанты, бѣгающіе за выказаніемъ значенія, вотъ что дѣлали: при выходѣ Царя къ посѣщенію вдовствующей императрицы или кому другому во дворцѣ, они караулили Царя, и тогда онъ иныхъ отличалъ разговоромъ, съ ними идя, и обыкновеннымъ предметомъ разговоровъ были или извѣстныя ему любовныя связи господъ этихъ, или сплетни петербургскаго общества высшаго и театральнаго круга.

Во время моего служебнаго флигель-адъютанства я увидѣлъ, какъ мелкими услугами царямъ можно снискать себѣ ихъ расположеніе. Александръ Павловичъ

*) Волконскій.

на балахъ—маскарадахъ никогда не начиналъ, т. е. не танцевалъ въ первой парѣ, польскую. Были изъ числа военной свиты, или изъ придворныхъ лицъ, которые принимали, скажу даже, съ боя брали этотъ постъ и сторожили, съ кѣмъ танцуетъ Государь: если съ Марьей Антоновной Нарышкиной, то польской нѣтъ конца, при маскарадахъ обойдутъ цѣлый кругъ два раза; если съ молоденькой и красивой дамой, то польская дѣлалась продолжительна; но если Государь ведетъ какую-либо старуху, взятую имъ изъ приличія, то, если можно, польская продолжается полкруга залы и никогда болѣе цѣлаго круга.

Въ теченіе моей службы дворцовой мало было мною чего-либо замѣченнаго вонъ изъ ряду пустого дворцоваго быта, кромѣ того, что объяснено.

Во время пребыванія принца Ольденбургскаго, отца мужа Екатерины Павловны, квартирующаго въ Аничковскомъ дворцѣ, въ этомъ дворцѣ вспыхнулъ огромный пожаръ. Это было во время представленія въ театрѣ Эрмитажа. Намъ не было извѣстно, по какой причинѣ три раза подходилъ оберъ-полицеймейстеръ Гарголи и на ухо сообщалъ что-то Государю—но при третьемъ сообщеніи Государь что то на ухо сообщилъ своей матери, всталъ и вышелъ изъ театра, и вся его военная свита за нимъ вслѣдъ—и тутъ мы узнали, что распространился пожаръ въ Аничковскомъ дворцѣ. Государь сѣлъ въ экипажъ, и мы всѣ за нимъ вслѣдъ. По прибытіи на мѣсто мы увидѣли, что большая часть внутренности дворца была вся объята пламенемъ. Государь самъ принялъ распоряженіе объ укрощеніи пожара и раздѣлилъ между своей свитой охраненіе частей, еще необъятыхъ пламенемъ.

Генералъ-адъютанту Павлу Васильевичу Кутузову былъ назначенъ отдѣлъ, а я и флигель-адъютантъ князь Лопухинъ были назначены Государемъ къ нему помощ-

никами. Мы очень удачно охраняли, съ помощью солдатъ, прибывшихъ изъ казармъ, ввѣренный намъ отдѣлъ, и на другой день намъ было объявлено Высочайшее благоволеніе. При прибытіи Государя на пожаръ, прибылъ и принцъ Ольденбургскій и старшій его сынъ—и этотъ послѣдній съ хныканьемъ извинялся предъ Государемъ, что невольно живя во дворцѣ, они причиною пожара. «Finissez donc, Monseigneur, ces lamentations, lui dit-il, qu'outre ces pleurs craignez — vous donc qu'il manque d'eau ici» *). Я помню, какъ при этомъ пожарѣ живая цѣпь солдатъ поспѣшно передавала по лѣстницѣ внутренней воду,—по обѣимъ сторонамъ были довольно часто разставлены солдаты: по одной сторонѣ передавали они ведра съ водой, по другой пустыя, и въ чистомъ смыслѣ слова это были безпрерывные токи воды. Дѣйствіе огня было вездѣ пріостановлено, но пожаръ надѣлалъ много убытку.

Другое обстоятельство имѣетъ нѣкоторую историческую извѣстность. Я былъ дежурнымъ въ тотъ самый день, когда неожиданно былъ арестованъ и вывезенъ Сперанскій. Обыкновенно при бездѣліи нашего дежурства, мы отчасти выходили изъ нашей дежурной комнаты и сидѣли въ такъ называемой секретарской комнатѣ, въ которой обыкновенно дожидались государственные чиновники, пришедшіе съ докладомъ. Въ этотъ день вечеромъ прибылъ Михаилъ Михаиловичъ, нѣкоторое время просидѣлъ онъ со мной, велъ разговоръ и вскорѣ былъ позванъ на докладъ, который продолжался довольно долго. Вышелъ оттуда, и я помню, что онъ мнѣ сказалъ: «Ну нонче хорошъ для меня день, Государь долго и благосклонно меня выслушивалъ». На другой же день узнаю я, что онъ арестованъ и вывезенъ въ ссылку въ Пермь.

*) Прекратите эти вопли, сказалъ онъ ему, или вы боитесь, что безъ этихъ слезъ здѣсь не достанетъ воды.

Обстоятельства его паденія до сихъ поръ есть тайна, но что я изъ этого тогда и послѣ узналъ, выскажу. Сперанскій во время предшествующаго занятія съ Государемъ не могъ не догадываться о предстоящей ему невзгодѣ; прибывъ домой, онъ уже нашелъ у себя генералъ-губернатора и министра полиціи Балашева съ чиновникомъ, завѣдывающимъ сыскной тайной полиціей, Яковымъ Ивановичемъ де-Сангленомъ. Балашевъ объявилъ Сперанскому, что онъ лишенъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, что онъ долженъ выдать всѣ находящіяся у него служебныя и частныя бумаги и быть чрезъ нѣсколько часовъ вывезеннымъ въ ссылку въ Пермь *). Сперанскій, нимало не потерявшійся отъ неожиданности этой встрѣчи, вручилъ Балашеву ключъ своего кабинета и взошелъ съ нимъ въ оный, и тамъ глазъ на глазъ они пробыли нѣсколько часовъ, и потомъ онъ вывезенъ былъ по назначенію.

---

*) Это было 17 марта 1812 года въ 8 часовъ вечера. На другой день, утромъ въ 12 часовъ, Государь потребовалъ къ себѣ де-Сангдена, чтобы узнать отъ него всѣ обстоятельства, сопровождавшія ссылку Сперанскаго. Александръ сказалъ ему: «Вы не можете себѣ представить, какой вчера былъ тяжелый день для меня. Я Сперанскаго возвелъ, приблизилъ къ себѣ, имѣлъ къ нему неограниченное довѣріе и вынужденъ былъ его выслать. Я плакалъ!—Но въ отношеніи къ государству нужно было отправить Сперанскаго. Это доказывается радостью, которую отъѣздъ его произвелъ въ столицѣ,—вѣрно, и вездѣ, погодя немного. Люди мерзавцы! тѣ, которые вчера утромъ ловили еще его улыбку, тѣ нынѣ меня поздравляютъ и радуются его высылкѣ». Государь взялъ со стола книгу и съ гнѣвомъ бросилъ ее опять на столъ, сказавъ съ негодованіемъ: «О, подлецы! вотъ кто окружаетъ насъ, несчастныхъ государей». *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ, т. III. Спб. 1897 г., стр. 48).*

XIX.

Разсказъ де-Санглена объ арестѣ Сперанскаго.—Причины паденія Сперанскаго.—Козни гр. Армфельда.—Бумаги Сперанскаго.—Заслуги его въ Сибири.

Хотя я мало придаю вѣроятія разсказу, лично мною слышанному отъ де-Санглена, но передамъ его. Я очень былъ знакомъ съ нимъ, онъ проживалъ прежде у брата моего Репнина *) и былъ, до поступленія въ тайную полицію, чиновникомъ по управленію Генер. штаба при князѣ Петрѣ Михайловичѣ **).

Вотъ его разсказъ, спустя уже нѣсколько лѣтъ потомъ мнѣ сообщенный: «Немудрено, что ничего не нашли у Сперанскаго, что могло его компрометировать: вѣдь Балашевъ взошелъ самъ—другъ съ Мих. Мих. въ кабинетъ сего послѣдняго и меня не допустилъ вмѣстѣ съ нимъ; немудрено имъ было въ довольно продолжительное время en tête à tête истребить все, что выказало бы его сношенія съ Наполеономъ и преступные его замыслы».

Передаю, что слышалъ, за добросовѣстность не ру-

---

*) (Кн. Волконскаго) Николая Григорьевича.

**) Волконскомъ.

чаюсь. Де-Сангленъ весьма умный, весьма пронырливый человѣкъ—était un homme sans foi, ni loi *). Онъ умеръ тому нѣсколько лѣтъ, въ глубокой старости, въ бѣдности, подъ Москвою, кажется, въ Преображенскомъ или Семеновскомъ. Онъ, какъ мнѣ извѣстно, писалъ записки своей жизни. Зоркій его умъ и бойкое его перо—и временное его значеніе по тайной полиціи—даютъ поводъ предполагать, что эти записки, если и не добросовѣстны, то все же интересны во многомъ отношеніи. Въ отечественной литературѣ онъ извѣстенъ твореніемъ, подъ заглавіемъ «Московскій Жильблазъ».

Жаль, если его записки поступили въ архивъ правительства и, вѣроятно, такъ. Наше правительство слѣдитъ за всѣми, кто пишетъ записки, и по смерти лица покупаетъ ихъ дорогой цѣной у наслѣдниковъ. Записки Бенигсена подверглись этой участи, и мнѣ извѣстно, что всѣ бумаги послѣ смерти князя Платона Александровича Зубова были, по порученію Императора Александра, взяты посланными на это ген. адъют. Николаемъ Михаиловичемъ Бороздинымъ и Павломъ Петровичемъ Сухтеленомъ и представлены Государю. Оба они были въ родственной связи съ княземъ Зубовымъ.

Какая была причина паденія Сперанскаго, о томъ много было толковъ; положительная причина есть до сихъ поръ въ общемъ свѣдѣніи тайна. Объ этомъ обстоятельствѣ передамъ, что зналъ изъ общихъ говоровъ, и заключу сообщеніемъ того, кому поручено было разсмотрѣть его бумаги. Сперанскій былъ въ 10-мъ или 11-мъ году въ большой силѣ и довѣріи у Императора Александра. Кромѣ того, что онъ былъ государственный секретарь, онъ и внѣ этой должности былъ, можно сказать, задушевный сотрудникъ Императора. Исторія внесла въ свои скрижали многія его государственныя

*) Былъ человѣкъ безъ убѣжденій.

нововведенія по государственному управленію, сходныя съ общими понятіями вѣка. — Кредитъ его при Государѣ и нововведенія, были поводомъ нерасположенія не только тѣхъ, которые были во главѣ правленія, но и всего дворянства; какъ первые, такъ и другіе въ измѣненіяхъ, вводимыхъ Сперанскимъ, видѣли одно паденіе ихъ могущества безотчетнаго въ государственномъ управленіи, а дворяне—лишеніе ихъ правъ, не совмѣстныхъ ни съ духомъ времени, ни съ началами истинъ христіанскихъ и справедливости гражданской. Неудовольствіе противъ Сперанскаго было общее въ двухъ этихъ отдѣлахъ общества. Но идти наперекоръ Сперанскому не было у нихъ ни смѣлости, ни общаго порыва.—При этихъ обстоятельствахъ, пришлецъ чужеземный, графъ Армфельдъ, шведъ, перешелъ въ русскую службу послѣ покоренія и присоединенія къ имперіи Финляндіи.

Армфельдъ былъ человѣкъ весьма умный, весьма хитрый, весьма смѣлый. Измѣнивъ отечеству, онъ искалъ случая стать въ первомъ ряду въ томъ краѣ, куда перешелъ, я не говорю: въ новомъ отечествѣ,—мѣнять оное по собственному произволу я не могу допустить. Армфельдъ успѣлъ въ скоромъ времени войти въ довѣріе къ Императору, который расположеніемъ къ нему какъ бы тѣмъ искалъ приголубить новыхъ своихъ подданныхъ. Онъ первоначально Императоромъ былъ употребляемъ по финскимъ дѣламъ, но, какъ человѣкъ хитрый, умѣлъ пріобрѣсть довѣріе Государя.

Вліяніе его по финскимъ дѣламъ не было для него достаточнымъ поприщемъ, и онъ видѣлъ, что пока не удалятъ Сперанскаго, ему по его желанію не будетъ хода. Взойдя въ тайную связь съ непріятелями Сперанскаго въ высшихъ слояхъ государственнаго управленія, онъ старался имѣть опору и въ молодежи. Я очень хорошо помню, какъ, при встрѣчѣ въ обществен-

номъ кругу съ молодежью, онъ старался съ нами сблизиться, и разговоръ его всегда клонился къ тому, чтобъ выказывать намъ, что аристократія должна faire faisceau, *) что аристократія должна и можетъ имѣть вѣсъ въ государственномъ управленіи, что выскочки изъ демократическаго слоя, вышедшіе въ люди — прямые враги значенія аристократіи, что, составляя цѣлое, аристократія получитъ значеніе,—и этими сужденіями возбуждалъ насъ на дѣло, сходное съ его намѣреніемъ. Хотя эти разговоры намъ льстили, но въ то время мы преисполнены были однимъ чувствомъ,— это мщеніемъ за понесенныя нами военныя пораженія отъ дипломатической Франціи и Наполеона, и весь порывъ нашихъ мыслей былъ взяться за мечъ въ отмщеніе врагу отечества, но не могу скрыть, что и попытки Армфельда намъ были по усамъ.—

Армфельдъ, взойдя въ довѣріе къ Царю, сблизился съ врагами Сперанскаго въ государственномъ управленіи, задобрилъ молодежь необычнымъ обращеніемъ съ нею отъ людей государственныхъ и, убѣдясь, что пріобрѣлъ значеніе въ этихъ слояхъ и довѣріе Государя, уже мнѣ неизвѣстно, какими доводами, навелъ подозрѣніе на Сперанскаго и былъ главнымъ двигателемъ его паденія.

Какія были дальнія намѣренія Армфельда, положительно не могу выказать, но изъ мною слышаннаго полагаю, что цѣль его не была только смѣщеніе Сперанскаго, и какъ человѣкъ умный, прозорливый, онъ предугадывалъ, что, подобно Сперанскому, и онъ можетъ быть подверженъ паденію. А перебирая въ памяти его бесѣды съ нами, выказываемое имъ желаніе сблизиться съ нами и имѣть въ насъ опору, я невольно

*) Тѣсно сплотиться.

полагаю, что его замыслы были: устроить въ Россіи образъ правленія на аристократическихъ началахъ.

Но опять обращаюсь къ прерванному мною повѣствованію о Сперанскомъ; удаленіе его и ссылку приписывали одни, въ общемъ говорѣ, сношеніямъ съ Наполеономъ, другіе—замысламъ измѣнить образъ правленія Россіи изъ деспотическаго въ демократическое начало. Что могу положительно завѣрить, это, что князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ, служившій въ Государственномъ совѣтѣ статсъ-секретаремъ,—въ 14-мъ году, по возвращеніи Государя изъ Парижа, имѣлъ порученіе разсмотрѣть всѣ бумаги Сперанскаго. Эти бумаги были сложены въ антресольной комнатѣ, подъ внутренними покоями Государя; Гагаринъ ежедневно приходилъ на половину Государя, объ немъ сейчасъ докладывали, сейчасъ былъ впускаемъ въ кабинетъ, Государь выдавалъ ему ключъ отъ этой комнаты, Гагаринъ входилъ въ антресоль, до трехъ часовъ тамъ занимался, опять входилъ въ кабинетъ, вручалъ Государю ключъ и уходилъ; и это довольно долгое время продолжалось. И онъ, Гагаринъ, съ которымъ тогда я сблизился, сказалъ мнѣ, что во всѣхъ бумагахъ Сперанскаго, которыя онъ перебралъ *по листкамъ и строкамъ* (его собственное выраженіе), не найдено имъ ни одного слова, подающаго подозрѣніе на Сперанскаго.

Императоръ Александръ въ могилѣ, Сперанскій тоже, Гагаринъ тоже. Повѣрятъ-ли моимъ словамъ объ этомъ эпизодѣ общаго моего разсказа - не знаю, но могу завѣрить, что ничего вымышленнаго мною не сообщилъ, а просто разсказалъ, что слышалъ или по нѣкоторымъ даннымъ сообразилъ.

Мое перо слишкомъ слабо, чтобъ выказать великія заслуги Сперанскаго Россіи, но одно могу сказать, что его память живетъ до сихъ поръ въ Сибири: онъ возродилъ ее въ гражданскомъ бытѣ.

Мой теперешній разсказъ предшествуетъ эпохѣ Отечественной войны, и прежде, нежели приступить къ описанію событій оной, бѣглымъ образомъ выскажу общее направленіе умовъ и чувствъ этой эпохи.

съ миніатюры изъ 1814 г. грав. В. УНТЕРЪ

Свиты Е. В. Генералъ-Маіоръ

Князь Сергій Григоріевичъ

ВОЛКОНСКІЙ

XX.

Общее настроеніе въ Россіи передъ Отечественной войной.—Приготовленія.—Выступленіе войскъ.—Отъѣздъ Государя и свиты въ Вильну.—Лщемѣріе поляковъ.—Составъ главной царской квартиры.—Жизнь въ Вильнѣ до начала военныхъ дѣйствій.—Слухи о тайныхъ переговорахъ съ Понятовскимъ.—Неблагопріятное предзнаменованіе.—Извѣстіе о переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ.—Выступленіе главной квартиры въ Свенцяны.—Дальнѣйшія распоряженія.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію событій Отечественной войны 12-го года, брошу бѣглый обзоръ общаго мнѣнія передъ этой эпохой.

Пораженіе Аустерлицкое, пораженіе Фридландское, Тильзитскій миръ, надменность французскихъ пословъ въ Петербургѣ, пассивный видъ Императора Александра передъ политикой Наполеона I-го—были глубокія раны въ сердцѣ каждаго русскаго. Мщеніе и мщеніе было единымъ чувствомъ, пылающимъ у всѣхъ и каждаго. Кто не раздѣлялъ этого—и весьма мало ихъ было—почитался отверженнымъ, презирался.

Ни славныя дѣла Финляндской кампаніи, ни славныя побѣды надъ турками, ни миръ Абовскій, ни предстоящій миръ съ Турціей, готовой къ уступкамъ намъ, не ослабляли чувства мщенія къ французамъ и нена-

вести къ Наполеону. Дружное желаніе отмстить объяло всѣ сердца, и хоть были нѣкоторые, которые предвѣщали, что затѣянная борьба не по рукамъ намъ, но ихъ было весьма мало, и зловѣщее ихъ предсказаніе почитали трусостью; ихъ не оспаривали, но слова ихъ внушали къ нимъ одно презрѣніе.

Порывъ національности дѣломъ и словомъ высказывался при каждомъ случаѣ.

Удалившіеся изъ военной службы вступали въ оную; молодежь стремилась пріобрѣтать чтеніемъ военныхъ книгъ болѣе познаній въ военномъ дѣлѣ. Литература воспѣвала, выясняла всякую особенность патріотическихъ прежнихъ событій отечественныхъ. Живо помню я, съ какимъ восторгомъ, съ какимъ громомъ рукоплесканій принимались нѣкоторыя мѣста Озеровской трагедіи «Дмитрій Донской». Стихи:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнувъ наконецъ насильствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть татаровъ власть, и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?

или

Ахъ! лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!

или

Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу русскій князь покоренъ одному.

бывали покрыты рукоплесканіями, подобными грому; театръ, можно сказать, трещалъ отъ нихъ. А при послѣднихъ сценахъ этой трагедіи, когда Дмитрій говоритъ:

Вы видѣли, князья, татарскую гордыню.
Россіи миру нѣтъ, доколь ее въ пустыню
Свирѣпостью своей враги не превратятъ,
Иль къ рабству пріучивъ, сердецъ не развратятъ,
И не введутъ межъ насъ свои злочестны нравы.

Отъ нашей храбрости намъ должно ждать управы;
Въ крови враговъ омыть прошедшихъ лѣтъ позоръ,
И начертать мечемъ свободы договоръ.
Тогда по истинѣ достойными отцами
Мы будемъ Россіянъ, освобожденныхъ нами.

или

Пойдемъ, веселье ихъ щедротами прибавимъ,
Спокоимъ раненыхъ, къ умершимъ долгъ отправимъ.
Но первый сердца долгъ къ Тебѣ, Царю Царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей;
Прославь, и утверди, и возвеличь Россію;
Какъ прахъ земный, сотри враговъ кичливу выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки вѣдайте, великъ Россійскій Богъ!

слушатели, наполняющіе залу при представленіи этой пьесы, какъ часто ее ни давали, преисполненные чувствомъ этой сцены, въ глубокомъ молчаніи слѣдили за словами актера, а съ опущеніемъ занавѣса, начиналось фурорное хлопанье, выражающее симпатію къ сказанному и надежду на предстоящія событія. Во всѣхъ слояхъ общества одинъ разговоръ, въ позолоченныхъ-ли салонахъ высшаго круга, въ отличающихся-ли простотою казарменныхъ помѣщеніяхъ, въ тихой-ли бесѣдѣ дружеской, въ разгульномъ-ли обѣдѣ или вечеринкѣ –одно, одно только высказывалось: желаніе борьбы, надежда на успѣхъ, на возрожденіе отечественнаго достоинства и славы имени русскаго.

Въ домашнемъ кругу отцы благословляли дѣтей своихъ, жены—мужей, любовницы—милыхъ ихъ сердцу на дѣло святое, близкое каждому русскому.

Уже съ начала 12-го года явно начали говорить о предстоящей войнѣ.

Рекрутскій значительный наборъ, формированіе резервовъ, дѣятельность въ приготовленіяхъ военныхъ, сосредоточеніе войскъ при европейскихъ границахъ, вызовъ регулярныхъ войскъ изъ Сибири, формирова-

ніе 27-й дивизіи въ Москвѣ кадрами изъ гарнизонныхъ полковъ, наполненныхъ рекрутами, формированіе двухъ кирасирскихъ полковъ, укомплектованіе всѣхъ частей войска, кадровые составы резервовъ, формированіе депо, въ которыхъ впослѣдствіи оказалась такая смертность (по нерадѣнію и злоупотребленіямъ начальствующихъ, при чемъ, грустно сказать, что тогда, какъ и въ Крымскую послѣднюю войну, для иныхъ долгъ къ отечеству заглушенъ былъ поискомъ собственныхъ выгодъ, и какихъ?—денежныхъ), всѣ эти приготовленія уже ясно предвѣщали войну.

Съ начатія весны гвардейскіе полки начали выходить изъ Питера, черезъ день по одному, провожаемые и ободряемые Царемъ; выступали не въ парадной формѣ, а въ боевой, не съ Царицына луга, не съ Дворцовой площади,—школъ шагистики,—но отъ Нарвской или Царскосельской заставъ, прямо въ направленіе границъ.

Громкое «ура» встрѣчало Царя и то же «ура» отвѣчало ему на слова «добрый путь». Многое не высказывалось, но все чуялось, какъ это и должно быть въ великія минуты гражданской жизни народовъ. Родина была близка сердцу Цареву и та же родина чутко говорила, хоть не гласно, войску.

Тутъ не было ничего приготовленнаго, все чистосердечное. Слова царскія: «добрый путь» много говорили, а общее «ура» войска выражало то, что Россія ожидала отъ своихъ сыновъ.

Вслѣдъ за стройными батальонами, тянулись экипажи городскіе провожающихъ матерей, женъ, дѣтей; хоть и были видны слезинки на ихъ глазахъ, но то не были слезинки отчаянія, а порука въ чистотѣ того благословенія, которымъ посвящали близкихъ ихъ сердцу на святое дѣло пользы отечественной. Отцы же, въ рядахъ народа, толкались вблизи сыновей, и послѣдній

поцѣлуй, послѣднее сжатіе руки и посланный вслѣдъ сыновьямъ перстовый крестъ—выражали и любовь къ дѣтищу, и любовь къ родинѣ.

Прошло нѣкоторое время по выходѣ гвардейскихъ полковъ изъ Петербурга, и начали уже гласно говорить о выѣздѣ Государя въ Вильну. Отправлены были походные экипажи, походныя конюшни, и наконецъ уже явно приказано было всей военной свитѣ Царя отправиться въ Вильну *).

Обыкновенно передъ походомъ старается запастись всѣми удобствами къ боевой жизни, но, по правдѣ сказать, большею частью, все заготовленное безполезно и только приноситъ пользу господамъ сѣдельникамъ, изготовляющимъ вьючныя сѣдла, которыя бросишь вскорѣ, потому что набиваютъ лошадь,—и другимъ мастеровымъ, предлагающимъ походныя кровати, столы и стулья, которыя останутся безъ употребленія, или походные сервизы, которыхъ по ихъ громоздкости не бываетъ часто время ни выкладывать, ни вкладывать. Лучшее вьючное сѣдло—казачій вьюкъ, лучшая укладка платья—мягкій чемоданъ, лучшій походный сервизъ –маленькій чайный простой погребъ; смотря по времени года, бурка, плащъ или тулупъ, теплые или смазные сапоги, башлыкъ и подушка съ казачьяго сѣдла—вотъ что нужно, да, забылъ и флягу на водку. Не худо имѣть одну или двѣ кастрюли, а при голодовкѣ, или въ сто-

*) 9-го (21-го) апрѣля, въ два часа пополудни, послѣ молебствія въ Казанскомъ соборѣ, Государь, сопровождаемый мольбами во множествѣ стекшагося на пути его народа, выѣхалъ изъ столицы. Императоръ повелѣлъ прибыть въ Вильну принцу Георгію Ольденбургскому, герцогу Александру Виртембергскому, государственному канцлеру графу Румянцеву, графу Нессельроде, графу Кочубею, оберъ-гофмаршалу графу Н. А. Толстому, государственному секретарю Шишкову, генераламъ: барону Бенигсену, графу Аркачееву и Фулю, генералъ-адъютантамъ: Балашову, князю П. М. Волконскому, графу Комаровскому, генералу Армфельду и др. *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. И. К. Шильдеръ. Т. III. Спб. 1897 г., стр. 74—75).*

рожевой службѣ — котелокъ, и кашица солдатская накормитъ вволю.

Я изъ Петербурга отправился вмѣстѣ съ товарищемъ по званью, княземъ Павломъ Петровичемъ Лопухинымъ. Проѣздъ нашъ черезъ Ригу, Митаву, Ковно не имѣлъ ничего замѣчательнаго къ передачѣ.

Пріѣхавъ въ Вильну, мы уже тамъ застали Государя, и, сколько могу припомнить, въ краткомъ очеркѣ выскажу общій и мой частный бытъ. Императоръ Александръ, по свойственному ему въ высокой степени умѣнью очаровывать людей, умѣлъ приласкать всѣхъ мѣстныхъ жителей Литовскаго края. Поляки толпились около него, увѣряли въ ихъ преданности ему и, воспользовавшись его расположеніемъ, получали награды, знаки отличія; словомъ, разсчетливо воспользовались временемъ, для нихъ удобнымъ. Завѣряли въ ихъ преданности Россійскому престолу, но не менѣе того таили врожденную ненависть, и, какъ увидимъ вскорѣ, были расположены къ измѣнѣ.

Въ Вильнѣ была главная квартира 1-й арміи *), которая была подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Барклая де-Толли. Совокупность пребыванія царскаго и главной квартиры арміи сосредоточила въ городѣ народъ всякихъ чиновъ и управленій, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, а близость Царя къ мѣстнымъ жителямъ — много литовскихъ помѣщиковъ, столь нагло и неблагодарно отплатившихъ ему за его милости въ самомъ скоромъ времени.

Не буду и не имѣю особенныхъ данныхъ въ памяти, чтобъ исчислить всѣхъ, тогда прибывшихъ въ Вильну. Главная квартира царская была составлена изъ генераловъ и флигель-адъютантовъ и нѣкоторыхъ

*) Первая армія 120.000 человѣкъ. Вторая армія—40 т. была подъ начальствомъ ген. отъ кав. кн. Багратіона, имѣвшаго въ это время главную квартиру въ Волковискѣ.

гражданскихъ чиновниковъ по разнымъ управленіямъ, а главнымъ лицомъ былъ графъ Аракчеевъ, который тогда завѣдывалъ всѣмъ, что исходило по войску или по гражданскому управленію Россіи; кромѣ того, былъ канцлеръ графъ Румянцевъ и при немъ князь Козловскій и графъ Нессельроде; еще назову въ числѣ государственныхъ сановниковъ князя Зубова и графа Армфельда, пользующихся оба большимъ довѣріемъ у Государя, и генерала Бенигсена, который за неудачную лѣтнюю кампанію въ 1807 г., былъ до сего въ немилости, но теперь былъ приласканъ Царемъ и жилъ тогда въ своемъ помѣстьѣ близъ Вильны—Закретъ.

Жизнь общая въ Вильнѣ, до начала военныхъ дѣйствій, была просто столичная по наружности, а сосредоточеніе около Вильны многихъ корпусовъ войскъ было поводомъ многихъ смотровъ. Армія была въ отличномъ строевомъ положеніи, и въ войскахъ отъ генерала до солдата всякій ждалъ съ нетерпѣніемъ начала военныхъ дѣйствій. Въ тотъ годъ праздникъ Пасхи засталъ насъ въ Вильнѣ и былъ празднованъ по обычаю русскому и церковной службой, и съѣздомъ во дворецъ, и это приводитъ мнѣ на память маленькій анекдотъ, довольно ничтожный, но нѣкоторымъ образомъ выказывающій странную любовь Царя даже изъ религіознаго обряда дѣлать, какъ бы сказать, театральное, вахтъ-парадное представленіе. Къ извѣстному часу передъ полночью, въ день Пасхи, всѣ чины царской свиты, многіе чины военные и гражданскіе, имѣющіе право на дворцовый этого дня входъ, и многіе мѣстные поляки и польки, допущенные на эту церковную службу, собрались во дворецъ. Я и товарищъ мой Лопухинъ опоздали къ назначенному часу, а какъ мы обязаны были находиться въ той комнатѣ, гдѣ свита государева его ждала, то, боясь встрѣтить Государя, для избѣжанія онаго, хотѣли пробраться черезъ церковь домашнюю, удобный

для насъ входъ, чтобъ добраться до нашего мѣста. Но едва подошли къ церкви по заднему ходу, какъ у дверей видимъ: придворный лакей воспрещаетъ намъ взойти въ церковь. На спросъ нашъ, почему? онъ намъ отвѣчалъ: «Нельзя, тамъ Государь».—Да что жъ онъ тамъ дѣлаетъ, вѣдь служба не началась?—На это онъ отвѣчалъ намъ: «Дѣлаетъ репетицію церковнаго служенія». Мы,—дай Богъ ноги, и, будучи увѣрены, что не встрѣтимъ Государя и не подвергнемся выговору, скорѣй туда, гдѣ было наше мѣсто, черезъ главный ходъ для всѣхъ.

Одно обстоятельство, о которомъ въ общихъ описаніяхъ этого времени, кажется, не означено, и о которомъ молва была въ весьма маломъ кругу, но которое, между тѣмъ, заслуживаетъ нѣкоторой значительности, это порученіе, данное полковнику Толлю: тайно видѣться съ княземъ Іосифомъ Понятовскимъ, командовавшимъ тогда однимъ изъ корпусовъ Наполеоновской арміи. Не могу завѣрить, чтобъ мой разсказъ объ этомъ былъ въ сущности своей совершенно справедливъ, но о томъ въ близкомъ мнѣ кругу было говорено, а я передаю, что слышалъ. Толль былъ посланъ, переодѣтый въ партикулярное платье, къ Понятовскому съ тѣмъ, чтобы завѣрить его, что Государь имѣетъ намѣреніе возстановить Польшу и что, если онъ, Понятовскій, согласится оставить Наполеона и тѣмъ увлечетъ за собою и польское войско, имѣвшее полное довѣріе къ нему, Понятовскому, то Александръ провозгласитъ его королемъ Польскимъ, выставляя это не за измѣну, но за содѣйствіе его къ возстановленію отечества. Отвѣтъ Понятовскаго былъ отрицательный, и онъ сказалъ Толлю, что благодаритъ Государя за намѣреніе, но что честь ему не позволяетъ принять предложеніе, а въ удостовѣреніе уваженія и признательности къ Государю, онъ не дастъ гласности всему этому,—и Толль возвратился.

Ничего не имѣю замѣчательнаго положить подъ

перо, о жизни довольно скучной, безцвѣтной, общей въ Вильнѣ. Гдѣ дворъ—тутъ и интриги; гдѣ молодежь—тутъ и буйная жизнь. За первыми, не могъ слѣдить, во второй участвовалъ, но что объ ней толковать.

Было затѣяно свитой Государя дать ему празднество, и со всѣхъ участвующихъ въ ономъ былъ сдѣланъ сборъ по сту червонцевъ, а какъ въ этой свитѣ, какъ выше сказано, были не только генералъ и флигель-адъютанты, но и другія лица, то сборъ былъ значительный, и этотъ праздникъ назначено было дать въ помѣстьѣ Бенигсена—Закретъ. А какъ зданіе, имъ занимаемое, не было достаточно для помѣщенія, то рѣшено было выстроить временную залу. Наканунѣ дня этого праздника это временное строеніе разрушилось, но съѣздъ не былъ отложенъ, и кое-какъ распорядились устроить съѣздъ въ домѣ, занимаемомъ Бенигсеномъ въ его помѣстьѣ. Это вовсе неожиданное разрушеніе временно устроеннаго строенія невольно было сочтено неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ; и точно, въ то время, какъ съѣхались приглашенные и самъ Царь, было получено извѣстіе, что Наполеонъ со всей арміей переправился близъ Ковно черезъ Нѣманъ *).

Это извѣстіе осталось тайной нѣсколькихъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ Царя, и танцы и ужинъ продолжались **).

---

*) Эта переправа произошла 12 (24) іюня.

**) Въ то время, когда всѣ веселились на балу, Балашовъ передалъ Государю извѣстіе, полученное изъ Ковно, о начавшейся переправѣ французской арміи черезъ Нѣманъ. Императоръ Александръ явилъ рѣдкій примѣръ самообладанія: онъ приказалъ Балашову хранить извѣстіе въ тайнѣ и продолжалъ очаровывать всѣхъ приглашенныхъ своею изысканною любезностью. Возвратившись въ Вильну, Государь провелъ въ работѣ большую часть ночи. Призвавъ къ себѣ Шишкова, Императоръ Александръ поручилъ ему написать приказъ нашимъ арміямъ и рескриптъ къ фельдмаршалу графу Салтыкову о вступленіи непріятеля въ русскіе предѣлы. По изготовленіи ихъ,

Но къ крайнему нашему удивленію, рано утромъ, на другой день было получено всѣми въ главной квартирѣ приказаніе о выступѣ оной изъ Вильны по тракту къ Свенцянамъ, куда перенесены были главныя квартиры, какъ царская, такъ и главнокомандующаго.

Сколько было переходовъ отъ Вильны до Свенцянъ, не упомню, но во время пребыванія въ Свенцянахъ, вслѣдствіе общаго распоряженія о движеніи арміи, были посланы отъ Государя черезъ Аракчеева ко всѣмъ корпуснымъ командирамъ флигель-адъютанты съ предписаніемъ направленія движенія для каждаго. Мнѣ досталось везти таковое къ гетману Платову, стоящему тогда въ Гродно, съ казачьимъ Донскимъ войскомъ.

Но прежде, нежели дать отчетъ о моей туда поѣздкѣ, я долгомъ считаю предувѣдомить, что теперь мой разсказъ, какъ и во все время Отечественной войны, будетъ только о томъ, чего я былъ или участникомъ, или свидѣтелемъ. Общія распоряженія не могли быть мнѣ извѣстны, а весь ходъ кампаніи многими подробно, хотя, большею частью, весьма пристрастно въ пользу личностей написанъ.

Государь подписалъ бумаги безъ измѣненій. Рескриптъ графу Салтыкову оканчивался достопамятными словами: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».—«Россія увлечена рокомъ», сказалъ Наполеонъ въ приказѣ по войскамъ передъ переправой черезъ Нѣманъ. Словами: «на зачинающаго Богъ» оканчивался приказъ Александра. *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Т. III. Спб. 1897 г., стр. 83).*

XXI.

Командировка къ атаману Платову съ предписаніемъ направленія движенія.—Удачное исполненіе порученія и благоволеніе Государя.—Новая командировка въ Динабургъ.—Недовольство Аракчеева полковникомъ Тишинымъ.

Я, какъ выше сказалъ, былъ посланъ къ Платову. Поѣздка моя туда была сопряжена съ опасностью, и даже мнѣ было приказано, въ случаѣ, если попадусь въ плѣнъ, уничтожить данный мнѣ пакетъ. Странное приказаніе: или я отъ одного страха уничтожу его и пріѣду съ пустыми руками, или попадусь въ плѣнъ и не успѣю конверта уничтожить. Мнѣ приходилось до Лиды ѣхать проселкомъ, а отъ Лиды почтовымъ трактомъ Виленскимъ въ Гродно. Французы же нѣсколько дней уже заняли Вильну, и извѣстно было, что ихъ отряды отправлены были по всѣмъ направленіямъ.

Лида отъ Вильны двѣнадцать миль. Въ дальнюю поѣздку до Гродно, и по спѣшности, требуемой на оную, я изъ военно-походной почтовой конторы взялъ тройку и своего вѣрнаго слугу Василья, и пустился въ путь; дорогой встрѣтилъ по близости Свенцянъ корпусъ графа Шувалова, но далѣе до Лиды уже

не было нашихъ отрядовъ. Взявъ изъ Оренбургскаго драгунскаго полка унтеръ-офицера и рядового пѣшаго, я, перекрестясь, поѣхалъ далѣе, съ намѣреніемъ добрымъ словомъ или силою перемѣнить лошадей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; такимъ образомъ пріѣхалъ на панскій дворъ съ увѣреніемъ, что везу приказаніе наступательнаго движенія, чтобъ застрашить помѣщика, а драгуны мои—на конюшню, и лошади съ повозкой. Захотѣлъ-бы панъ, связалъ-бы насъ всѣхъ и прямо-бы передалъ въ Вильну. Такимъ образомъ, перемѣняя два или три раза лошадей, я подъѣзжалъ со страхомъ къ Лидѣ и боялся, что того и смотри попаду въ плѣнъ. Въѣзжая въ Лиду, встрѣчаю комиссаріатскаго чиновника русскаго. Спрашиваю, есть-ли французы? «Нѣтъ», онъ мнѣ отвѣчаетъ. Тутъ ужъ мое дѣло въ шапкѣ, перекрестился еще разъ и скорѣй на почтовую станцію, скорѣй взялъ тройку и скорѣй по всѣмъ по тремъ по тракту въ Гродно.

Я встрѣтилъ уже Платова за три перехода отступя отъ Гродно и, отдавъ ему пакетъ, уже тогда узналъ, что ему было приказано стараться соединиться съ 1-й арміей, а если невозможно будетъ, то примкнуть къ 2-й арміи князя Багратіона. Первое уже невозможно было по свѣдѣніямъ, полученнымъ черезъ лазутчиковъ и исковыхъ партій, и рѣшено было имъ направиться къ арміи Багратіона, о чемъ онъ и увѣдомлялъ Государя донесеніемъ, мнѣ врученнымъ.

Возвращаться тою-же дорогою, которою я пріѣхалъ, это было бы попасть прямо въ руки французамъ, и поэтому я опять обывательскими лошадьми повернулъ на Новогрудокъ, а оттолѣ взялъ направленіе къ дорогѣ, ведущей изъ Свенцянъ въ Видзы и, доѣхавъ 10 или 15 верстъ до станціи отъ оной, рѣшился слѣдовать направленію мародеръ нашихъ, имѣющихъ чутье своей безопасности, и, какъ прервалась ихъ нестройная цѣпь,

выѣхалъ на столбовую дорогу и явился къ Государю въ Видзахъ, гдѣ отдалъ донесеніе Платова.

По прочтеніи онаго, Царь разспрашивалъ меня, какъ я могъ учинить такъ успѣшно поѣздку и не попался въ плѣнъ, что онъ полагалъ неизбѣжнымъ по полученнымъ имъ послѣ моего отъѣзда свѣдѣніямъ о движеніяхъ непріятеля.

Я ему отвѣчалъ, отклоняя отъ себя какое-либо право на заслугу, что обязанъ въ столь удачной моей поѣздкѣ преданности помѣщиковъ къ нему, такъ какъ довольно было сообщить имъ, что я посланъ Вашимъ Величествомъ, чтобъ отъ нихъ получить усердное содѣйствіе. Лгалъ въ этомъ, ибо на нихъ болѣе дѣйствовалъ страхъ, но вышереченнымъ отвѣтомъ выказывалъ скромность, что любилъ въ приближенныхъ Государь, и немного мазалъ по усамъ, что всегда пріятно не только царямъ, но почти всякому человѣку. Государь весьма ласково мнѣ отвѣчалъ: «Я очень доволенъ вами, прежде я не былъ расположенъ къ вамъ, шалости ваши петербургскія поставили меня противъ васъ, но теперь я убѣдился, что вы дѣльный малый, и я радъ, что вы дали мнѣ случай измѣнить первое о васъ мое впечатлѣніе. Я васъ буду употреблять; служите и впередъ такъ дѣльно и усердно, какъ вы теперь исполнили порученіе. Подите, отдохните».

Недолго я оставался въ бездѣйствіи; на другой день я былъ потребованъ къ графу Аракчееву, который мнѣ объявилъ, что по волѣ Государя я отправляюсь въ Динабургъ, и далъ мнѣ собственноручную отъ себя инструкцію, сколь я могу упомнить, состоящую изъ слѣдующихъ пунктовъ:

1-е) осмотрѣть степень успѣха воздвигаемыхъ крѣпостныхъ работъ.

2-е) осмотрѣть воздвигнутое и вооруженное мостовое укрѣпленіе и степень возможности защиты онаго.

3-е) отобрать полныя свѣдѣнія о хранящихся въ Динабургѣ всякаго рода заготовленіяхъ: провіантскихъ, комиссаріатскихъ и парковыхъ, о числѣ суммъ, тамъ хранящихся по разнымъ вѣдомствамъ, и сдѣлать предположительное распредѣленіе, какъ со всѣмъ этимъ распорядиться, въ случаѣ натиска непріятеля въ такомъ числѣ, что слабый отрядъ, занимающій мостовое укрѣпленіе не въ силахъ будетъ защитить его.

4-е) по окончаніи сего, поручено съ полными свѣдѣніями возвратиться въ главную квартиру Государя.

Недолги были мои сборы, и, взявъ подорожную и прогоны, я поскакалъ въ Динабургъ. Дорогой поневолѣ задумывался о сложности моего порученія; по неопытности моей, я составлялъ себѣ планъ, какъ и чѣмъ начать.

Пріѣхавъ въ Динабургъ, объявилъ коменданту этой недостроенной въ то время крѣпости, ген.-маіор. Воронову, что я присланъ по назначенію Государя для разныхъ порученій и просилъ его, чтобъ о состояніи всѣхъ частей разныхъ управленій доставлены мнѣ были полныя свѣдѣнія. На мое отношеніе я получилъ отвѣтъ, что по случаю угрожающей опасности завладѣнія Динабурга непріятелемъ, былъ собранъ военный совѣтъ изъ начальствующихъ всѣми частями, составленъ протоколъ и посланъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Государя Императора. Это совершенно измѣнило ходъ моего порученія и, собравъ нѣкоторыя свѣдѣнія и въ особенности осмотрѣвъ мостовое укрѣпленіе и начатыя работы стѣнъ крѣпости, которыя тогда едва выведены были въ ростъ человѣческій, я осмотрѣлъ военные госпитали и сдѣлалъ по симъ частямъ отчетное донесеніе. Содержаніе военнымъ совѣтомъ отправленнаго донесенія должно было измѣнить ходъ моихъ дѣйствій, и лучше всего было возвратиться въ главную квартиру Государя, отдать отчетъ въ томъ, что мною обсуждено,

и, по случаю присланнаго постановленія военнаго совѣта Динабургскаго, получить новую инструкцію.

Вытребовавъ лошадей въ Динабургѣ, я пріѣхалъ обратно въ главную квартиру, которая была уже не въ Видзахъ, а въ Бельмонтѣ. Явившись къ графу Аракчееву, я былъ встрѣченъ его вопросомъ: «Что вы, князь, участвовали въ военномъ совѣтѣ въ Динабургѣ?» Я ему отвѣчалъ, что нѣтъ.—«Умный человѣкъ полковникъ Тишинъ! Всю тяжесть вывезти, пушки крѣпостныя потопить, а денежки предать огню. Умный человѣкъ полковникъ Тишинъ! Благодарю васъ за привезенныя свѣдѣнія, а по представленію Динабургскаго совѣта уже сдѣлано распоряженіе, но полковнику Тишину не то что сжечь, но и не положить ему въ свой карманъ, что столь мудрено по его мнѣнію, казенныхъ денегъ». И точно, Аракчеевъ, не забылъ этого поступка Тишина, руководившаго рѣшеніемъ военнаго совѣта, и Тишинъ, во все царствованіе Александра, хотя и изъ старшихъ полковниковъ, но при производствѣ въ генералъ-маіоры всегда былъ обойденъ.

XXII.

Перемѣщеніе главной квартиры въ Дрисскій лагерь.—Назначеніе начальникомъ штаба генералъ-адъютанта Паулуччи.—Разговоръ съ нимъ Государя.—Заносчивость графа Ожаровскаго.—Командировка къ Багратіону съ распоряженіемъ о движеніи армій.—Пораженіе французовъ подъ Могилевымъ.—Салтановское дѣло.—Прибытіе въ Бобруйскъ и передача Багратіону привезенной депеши. — Неправильное приписываніе этой поѣздки въ Бобруйскъ князю Никитѣ Григорьевичу Волконскому въ исторіи 12 года Бутурлина.

Изъ Бельмонта главная квартира была переведена въ Дрисскій укрѣпленный лагерь, гдѣ по заблаговременному предположенію ген.-маіор. Фуля, перешедшаго изъ прусской службы, былъ устроенъ укрѣпленный лагерь по плану, также перешедшаго изъ прусской службы, полковника Вольцогена, и въ которомъ, по предположенію Фуля, должна была соединиться вся россійская армія, чтобы выжидать напора и отразить французовъ. Я позабылъ сказать, что въ штабѣ арміи, еще въ Свенцянахъ или Дриссѣ, не упомню, начальникъ штаба арміи, ген.-лейтен. Лавровъ, былъ замѣненъ ген.-адъют. Паулуччи, перешедшимъ еще въ 1807 г. изъ австрійской службы, и который передъ кампаніей 12 года, командовалъ Кавказской арміей и удачную велъ тамъ кампанію противъ персіянъ, хотя вно-

слѣдствіи узнали, что вся слава военныхъ дѣйствій принадлежала генералу Котляревскому. Паулуччи, родомъ изъ Италіи, былъ человѣкъ не безъ дарованій и въ особенности весьма смѣлый на языкъ. Это назначеніе въ начальники главнаго штаба 1-й арміи было сдѣлано противъ воли главнокомандующаго Барклая, имѣвшаго полное довѣріе къ Вольцогену, который тогда исполнялъ должность генер.-квартир. арміи. Разумѣется, все это не придавало единства въ распоряженіяхъ по арміи.

Въ Дрисскомъ лагерѣ было два происшествія, которыхъ я былъ свидѣтелемъ: одно общее, а другое, до меня лично относящееся.

Разскажу ихъ: Государь, въ сопровожденіи Паулуччи, принца Петра Ольденбургскаго и дежурныхъ: ген.-адъют. графа Ожаровскаго и меня, поѣхалъ осматривать укрѣпленный лагерь. Ѣхалъ верхомъ впереди Государь, а подлѣ него Паулуччи, за ними вслѣдъ принцъ Ольденбургскій рядомъ съ графомъ Ожаровскимъ, а сзади этихъ я и адъютантъ принца Ольденбургскаго, сколько упомню, Воронинъ. Но можно сказать, что головы лошадей второго ряда были почти на хвостѣ первыхъ, а головы третьяго ряда—на хвостѣ второго, такъ что въ третьемъ ряду былъ слышенъ сполна разговоръ перваго ряда и тѣмъ легче, что Паулуччи, и по привычкѣ, и по глухотѣ Государя, говорилъ очень громко. Вотъ что говорилъ Паулуччи: «Государь! вы видите безтолковость всѣхъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ Вольцогеномъ, и поэтому смѣю вамъ сказать, что Вольцогенъ или пошлый дуракъ, или измѣнникъ, но въ обоихъ случаяхъ Вы не должны имѣть къ нему довѣрія». Что Государь ему отвѣчалъ, не было слышно, но что я высказываю—есть чисто буквальный переводъ того, что на французскомъ языкѣ сказалъ Паулуччи. Неизлишнимъ полагаю добавить что то, что слышно было

въ третьемъ ряду ѣздокамъ, еще болѣе было слышно во второмъ, а какъ обыкновенно нѣмцы держатся рука въ руку, то все это было передано принцемъ Ольденбургскимъ Барклаю, что обострило еще болѣе отношенія между Паулуччи и Барклаемъ не къ пользѣ арміи и распоряженій по оной.

Другое обстоятельство личное, хотя и не заслуживаетъ большого интереса, но передаю его не въ похвалу себѣ, а какъ примѣръ того, какъ легко и безъ заносливости можно остановить превышеніе власти. Надо прежде пояснить, что со времени отступленія нашей арміи изъ Свенцянъ, наше движеніе было столь поспѣшно, а наступательное движеніе французовъ столь еще неопредѣлительно въ направленіи, что нашъ арьергардъ продолжалъ свое движеніе, не бывъ преслѣдуемъ непріятелемъ, и тѣмъ потеряно было всякое свѣдѣніе о движеніи онаго.

При таковыхъ обстоятельствахъ, полученіе отъ главнокомандующаго извѣстія о непріятельскомъ движеніи было предметомъ постояннаго желанія Государя. Въ одинъ день дежурства графа Ожаровскаго вмѣстѣ со мной, послѣ обѣденнаго стола, когда всѣ участвующіе въ царскомъ обѣдѣ разошлись по мѣстамъ своего кочеванія въ сараяхъ, а я остался на крылечкѣ занимаемаго Государемъ дома прикащика мызы, управляющаго эконома на фольваркѣ,—прискакалъ конный адъютантъ главнокомандующаго, съ извѣстіемъ, что наши разъѣзды открыли авангардъ французскій. За отсутствіемъ Ожаровскаго, я сказалъ камердинеру Государя, чтобъ онъ доложилъ Государю, что прибылъ адъютантъ отъ главнокомандующаго съ донесеніемъ, и Государь, нимало не медля, принялъ его въ свой кабинетъ. Ожаровскій, видя изъ довольно отдаленнаго своего пребыванія, что пріѣхалъ какой-то посланецъ, скорыми шагами поспѣшилъ прибыть къ царской квар-

тирѣ и, подошедъ ко мнѣ, спросилъ у меня, кто онъ? Я ему отвѣчалъ, что адъютантъ главнокомандующаго.

«Зачѣмъ вы доложили мимо меня»? Я ему отвѣчалъ, что я полагалъ, что все равно, мнѣ кажется, что я или онъ доложитъ о его прибытіи черезъ камердинера Государю. Онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Какъ вы это мнѣ смѣли отвѣчать, я вправѣ васъ арестовать за несоблюденіе чинопочитанія». Тогда я ему отвѣчалъ:—Графъ, я не вашъ адъютантъ, а Государевъ, да притомъ я имѣю золотую шпагу, и по обѣимъ причинамъ вы не имѣете права меня арестовать, и вамъ я не отдамъ шпагу, какъ это и будетъ объяснено Государю.—

Этимъ разговоръ прекратился между нами, но на другой день меня потребовалъ къ себѣ генералъ Балашевъ, который, какъ старшій въ чинѣ генералъ-адъютантъ, завѣдывалъ нарядомъ въ дежурство генераловъ и флигель-адъютантовъ ежедневно. Когда я прибылъ къ Балашеву, онъ мнѣ сказалъ, что онъ получилъ на меня жалобу отъ Ожаровскаго, что я ему сдѣлалъ грубый отвѣтъ. Я ему передалъ, какъ выше означено, все обстоятельство и мой разговоръ. На это онъ мнѣ сказалъ: «Вы болѣе ничего не говорили»? Отвѣтъ мой былъ:—Завѣряю васъ въ томъ честью, да можете объ томъ спросить и самого графа.—Тутъ Балашевъ мнѣ сказалъ: «Графъ не былъ въ своемъ правѣ, но все-таки вы слишкомъ рѣзко ему отвѣчали, и хоть вы вправѣ не отдавать ему вашей шпаги, но впередъ будьте мягче въ отвѣтахъ». Вотъ чѣмъ все это кончилось, но между моими товарищами я былъ очень одобренъ, и съ тѣхъ поръ Ожаровскій ни со мной, ни съ ними не позволялъ себѣ этихъ выходокъ, къ которымъ онъ былъ склоненъ.

Вскорѣ послѣ этого я уже не по этому обстоятельству былъ призванъ къ графу Аракчееву, и мнѣ объявлено было, что Государь отправляетъ меня съ

конвертомъ, весьма важнымъ по содержанію, къ князю Багратіону, начальнику 2-й арміи.

Мнѣ было приказано изъ Видзъ ѣхать въ Витебскъ, тамъ узнать отъ губернатора Лешерна, безопасенъ-ли трактъ отъ Витебска до Могилева, и въ случаѣ, если узнаю, что разъѣзды французскіе тамъ уже являлись, то взять направленіе на Рославль, на Стародубъ и на Чериковъ, выѣхать въ Могилевъ и слѣдовать къ Бобруйску, въ близости коего я долженъ былъ встрѣтить главнокомандующаго 2-й арміи. Тутъ мнѣ повторено было, что я везу полное распоряженіе о движеніи армій *), и что буде увижу, что могу попасться въ руки французовъ, то долженъ уничтожить врученную мнѣ депешу; опять скажу, вовсе не разсудительное и часто несбыточное наставленіе.

Получивъ отправленіе, которымъ я дорожилъ, какъ знакомъ довѣрія, тѣмъ болѣе, что эти довольно частыя посылки меня не были чередовыя между моими товарищами, а внѣ оныхъ, я отправился и прибылъ прямо въ Витебскъ на квартиру къ губернатору Лешерну; отъ него я узналъ, что французскіе разъѣзды показывались уже на Александровской почтовой станціи между Витебскомъ и Могилевымъ, и направилъ мой путь, нимало не медля и не останавливаясь, по назначенному мнѣ направленію. Проскакалъ въ безопасности до Черикова, но тутъ возникъ у меня вопросъ, не занятъ-ли Могилевъ французами. Извѣстія, мною собираемыя, были противоположны: иные говорили, что занятъ, другіе—что еще нѣтъ. Принявъ въ соображеніе, что у страха глаза велики, а что смѣлымъ Богъ владѣетъ, я рѣшился ѣхать на Могилевъ; на послѣдней станціи подъ Могилевомъ получилъ такія-же про-

*) 1-я армія окончила свое сосредоточеніе въ Дрисскомъ лагерѣ 29-го іюня (11 іюля), а 4 (16) іюля выступила на Полоцкъ и Витебскъ.

тивоположныя извѣстія, но все же не измѣнилъ рѣшенія ѣхать на Могилевъ. Верстъ за десять отъ Могилева встрѣчаются мнѣ дрожки, а въ нихъ сидитъ ген.-маіор. Мницкій, съ которымъ я былъ знакомъ по войнѣ 1806 г. Оба остановились, и первымъ спросомъ отъ него было:—Куда вы скачете, князь?—«Ѣду къ князю Багратіону, посланнымъ отъ Государя».—Что вы дѣлаете, вѣдь тамъ французы!—«Навѣрно-ли это знаете?»—Должны быть; я передъ самымъ ихъ входомъ успѣлъ выѣхать.—Мнѣ этотъ отвѣтъ показался страннымъ; зная, что онъ въ Могилевѣ начальникомъ внутренней стражи и что его мѣсто не утекать-бы на дрожкахъ, а быть при своей командѣ, и зная къ тому же его за порядочнаго труса, рѣшилъ продолжать мой путь, но, признаюсь, съ боязнью попасть въ руки французамъ. Подъѣзжая къ Могилеву, я сказалъ ямщику, показывая ему два пистолета: «Вотъ видишь, они заряжены; смотри, если увидишь французовъ, или поворотн вспять, или проскачи чрезъ Могилевъ во всю прыть, а не то убью тебя на мѣстѣ», и приложилъ пистолетъ ему къ головѣ. Въѣздъ мой въ Могилевъ былъ на разсвѣтѣ, едва свѣтлѣло. Въѣзжая въ Могилевъ, перекрестился; на улицѣ мертвая тишина, нѣтъ прохожихъ, и такъ, въ недоумѣніи, пріѣзжаю къ мосту на Днѣпрѣ, скачу во всю прыть тройки, и, къ крайней моей радости, встрѣчаю на мосту полицейскаго драгуна, родъ теперешнихъ губ. жандармовъ. Еще разъ перекрестился, и прямо въ губернаторскій домъ, застаю тамъ губернатора, графа Димитрія Александровича Толстого и полковника, въ нѣкоторомъ сватовствѣ со мною, Гресера, но тутъ-же подаютъ имъ заложенный экипажъ, и отъ нихъ узнаю, что передовые разъѣзды французскіе за 15 верстъ и что за ними полный корпусъ войскъ въ полномъ маршѣ для занятія Могилева, и что состоящіе подъ начальствомъ у

Гресера два батальона тогдашнихъ піонеръ уже наканунѣ выступили по тракту къ Житоміру или, лучше сказать, къ Бобруйску, и что Толстой и Гресеръ, при первомъ извѣстіи о наступательномъ движеніи французскихъ войскъ, выѣдутъ изъ Могилева.

Я, не теряя времени—почтовую тройку и поскакалъ къ назначенію. Около Дашковки я встрѣтилъ передовые отряды арміи Багратіона, подъ командой графа Сиверса, и передалъ ему извѣстіе, что французы въ теченіе дня должны занять Могилевъ, а онъ былъ именно посланъ, а за нимъ слѣдовалъ корпусъ генерала Раевскаго, чтобъ предупредить это занятіе.

Какъ я потомъ узналъ, Сиверсъ уже встрѣтилъ на равнинѣ подъ Могилевомъ конный егерскій французскій полкъ, немедленно его атаковалъ и разбилъ въ пухъ, такъ-что почти весь полкъ былъ взятъ въ плѣнъ, много штабъ и оберъ офицеровъ и самъ полковникъ, командующій онымъ.

Хотя это дѣло было блистательное, но Сиверсъ не воспользовался этимъ пораженіемъ; ему надо было, если и не въ силахъ былъ занять и вытѣснить изъ Могилева французовъ, то хоть оставить за собою всю равнину на нѣсколько верстъ передъ Могилевымъ и удержать ее до настиженія оной корпусомъ Раевскаго и послѣдующими за онымъ корпусами 2-й арміи. Впослѣдствіи завязалось извѣстное дѣло Солтановское, въ которомъ Раевскій и подъ начальствомъ его войска пріобрѣли славу; но въ исходѣ это дѣло было неудачное *).

Французы уже заняли не только равнину передъ

*) 11 (23) іюля въ день прибытія 1-й арміи къ Витебску, Багратіонъ былъ предупрежденъ Даву у Могилева и, послѣ отбитой французами атаки корпуса Раевскаго подъ Солтановкою, рѣшилъ идти на соединеніе съ 1-й арміей черезъ Мстиславъ на Смоленскъ. Въ Смоленскъ 1-я армія пришла 20-го іюля (1-го авг.), а 2-я—22-го іюля (3-го авг.).

Могилевомъ, но и часть лѣса между равниной и Солтановкой, и, несмотря на всѣ усилія начальниковъ и храбрость войскъ нашихъ, мы не могли вытѣснить изъ нея французовъ. Потери наши въ Солтановскомъ бою были очень значительны, и въ этомъ-то дѣлѣ было то, что передано и тисненіемъ, и художественнымъ образомъ, это есть: атака моста, занимаемаго французами, на который повелъ Раевскій колонну, ставъ въ главѣ оной, взявъ за руки обоихъ своихъ сыновей.

Я же, послѣ встрѣчи съ Сиверсомъ, встрѣтилъ Раевскаго съ его корпусомъ, и потомъ на новой тройкѣ изъ Бобруйска къ Быхову отправился въ кирасирскій корпусъ. Раевскій и Кретовъ, подъ командой которыхъ шли эти войска, были мнѣ знакомы, и я имъ передалъ первую вѣсть о неминуемомъ въ то время занятіи французами Могилева. Наконецъ я прибылъ въ Бобруйскъ, гдѣ засталъ князя Багратіона и вручилъ ему депешу, черезъ меня посланную *).

Такимъ образомъ, поѣздка моя совершилась удачно, что не приписываю нимало моей распорядительности, а просто счастливымъ обстоятельствамъ и нѣкоторой стойкости моей не предаваться побочнымъ внушеніямъ; въ главной квартирѣ Государя полагали по свѣдѣніямъ, полученнымъ о быстрыхъ наступательныхъ движеніяхъ французской арміи, что я непремѣнно долженъ былъ попасться въ руки непріятеля; вслѣдъ за мной, съ тѣмъ-же порученіемъ, отправлены были къ князю Багратіону флигель-адъютантъ полковникъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, а вскорѣ послѣ него генералъ-адъютантъ баронъ Винценгероде, но оба они прибыли уже не въ Бобруйскъ, а, сколько упомню, въ Быховъ.

*) 7 (19) іюля. Это было Высочайшее повелѣніе 2-й арміи идти черезъ Могилевъ и Оршу на соединеніе съ 1-ю арміею.

Не могу не высказать, какъ обыкновенно исторіографы современныхъ событій въ разсказахъ своихъ часто, подъ вліяніемъ побочныхъ обстоятельствъ, искажаютъ истину. Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ въ исторіи войны 12-го года приписываетъ мою поѣздку въ Бобруйскъ брату моему Никитѣ, а причина этой немилости ко мнѣ та, что во время редакціи его записокъ я былъ уже въ Сибири. Исторія его, большею частью, кромѣ искаженій многихъ обстоятельствъ и событій, есть панегирикъ живымъ, въ силѣ при дворѣ состоящимъ во время редакціи его записокъ, и очень часто хула несправедливая о тѣхъ, которые были въ немилости или отъ которыхъ, какъ отъ умершихъ, не ожидалъ онъ себѣ поддержки и не боялся возраженія.

XXIII.

Назначеніе состоять въ распоряженіи Винценгероде.—Оставленіе Государемъ арміи и возвращеніе въ Петербургъ.—Охрана Винценгероде Смоленска.—Распоряженіе главнокомандующаго о командованіи Винценгероде новымъ отрядомъ.—Назначеніе дежурнымъ штабъ-офицеромъ къ этому отряду.—Неудачныя попытки подъ Суражемъ и подъ Велижемъ.—Неудобство ночныхъ экспедицій.—Случай преданности евреевъ Россіи въ то время.—Извѣстіе о битвѣ подъ Смоленскомъ и приказъ объ отступленіи къ Москвѣ.—Стычки около Гжатска и Вязьмы.—Звѣрство французовъ въ селахъ Дугинѣ и Самойловѣ.—Курьезное обвиненіе княгиней Голицыной.

Я выше сказалъ, что Винценгероде прибылъ въ главную квартиру Багратіона; черезъ него получилъ Бенкендорфъ и я Высочайшее повелѣніе состоять въ его распоряженіи. Это назначеніе, по добротѣ и довѣренности ко мнѣ Винценгероде, открыло мнѣ впослѣдствіи ходъ по службѣ; я въ немъ нашелъ не только милостиваго ко мнѣ начальника, но, могу сказать, попечительнаго выше моихъ заслугъ. Память о немъ будетъ для меня всегда священна.

Чрезъ него я узналъ, что Государь Императоръ оставилъ армію и чрезъ Москву обратно поѣхалъ въ Петербургъ. Я слышалъ, что причиною этому было то, что присутствіе двора въ главной квартирѣ 1-й арміи

породило многія интриги, и что его убѣдили, что въ Петербургѣ ему удобнѣе будетъ устроить новыя мѣры къ успленію арміи необходимыми государственными мѣрами.

Винценгероде было поручено сосредоточить отряды въ Смоленскѣ изъ разныхъ запасныхъ эскадроновъ и батальоновъ, въ окрестностяхъ этого города расположенныхъ, и съ этимъ отрядомъ, присоединивъ къ нимъ и выздоровѣвшихъ изъ госпиталей и разныхъ командъ, изъ Москвы прибывшихъ, охранять Смоленскъ по тракту къ Красному и Могилеву отъ занятія Смоленска, какъ пункта, гдѣ 1-ая и 2-ая арміи соединятся. Главныя силы этого отряда сосредоточены были подъ Смоленскомъ и подъ личнымъ завѣдываніемъ Винцсигероде, а передовой отрядъ былъ порученъ генер.-майор. Евгенію Ивановичу Оленину, вновь вступившему въ службу и бывшему тогда въ Смоленскѣ проѣздомъ.

Распорядительность Винценгероде къ очищенію Смоленска отъ накопленія въ ономъ всѣхъ тяжестей армін и госпиталей и мѣры его къ направленію отрядовъ навстрѣчу къ наступающимъ изъ Краснаго и Могилева отрядамъ непріятеля, а также ревностное исполненіе Олениным получаемыхъ отъ Винценгероде приказаній –увѣнчали полнымъ успѣхомъ охраненіе Смоленска отъ внезапнаго coup de main *) французовъ и занятія ими этого города, и тѣмъ споспѣшествовали и охранили возможность отступленія 1-й армін къ Смоленску и потомъ присоединенія къ оной и 2-й армін. Въ Смоленскѣ Винценгероде получилъ отъ Барклая назначеніе командовать отрядомъ, имѣющимъ цѣлью дѣйствовать въ тылъ французъ-

*) Нападенія.

ской арміи на коммуникаціонной ея линіи *). Этотъ отрядъ состоялъ изъ четырехъ казачьихъ полковъ, Казанскаго драгунскаго и двухъ конныхъ орудій. Меня Винценгероде назначилъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ при этомъ отрядѣ.

Выступивъ изъ Смоленска и имѣя въ виду, что соединенныя арміи Барклая и Багратіона предпримутъ наступательное движеніе, отрядъ Винценгероде направился на Духовщину, потомъ на Усвятъ. До вступленія въ Усвятъ мы никакихъ не встрѣчали отрядовъ французскихъ, но по собраннымъ свѣдѣніямъ полагали, что въ Усвятѣ ихъ встрѣтимъ. Не доходя до этого мѣстечка съ сотнею казаковъ, я былъ отправленъ для открытія оныхъ и полагалъ, что будетъ мнѣ случай отличиться, но увы—и слѣдъ ихъ простылъ, и весь отрядъ вслѣдъ за мной прибылъ въ Усвятъ. Посланные разъѣзды къ Суражу открыли тамъ непріятеля, и какъ онъ былъ тоже не въ силахъ, что было намъ по рукамъ, то Винценгероде со всѣмъ отрядомъ туда двинулся; но наше ожиданіе не осуществилось, и принцъ Евгеній Богарне, котораго тамъ была проходомъ корпусная квартира, наканунѣ выступилъ, и тамъ въ добычу намъ досталось нѣсколько больныхъ и отсталыхъ французовъ.

Изъ Суража мы пошли къ Велижу, имѣя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что тамъ отрядъ французовъ весьма безпечно расположился; но какъ дневная атака не была по силамъ нашего отряда, Винценгероде хотѣлъ попытать ночной поискъ; мы подошли къ городу со всѣми должными осторожностями, не были ни встрѣ-

*) Усиливъ 1-ю армію находившимися подъ его начальствомъ резервными баталіонами и артиллерійскими ротами, генер.-адъют. Винценгероде получилъ въ командованіе конный отрядъ, для дѣйствій въ лѣвый флангъ и тылъ французской арміи по направленію къ Витебску.

чены, ни открыты; отсель сотня казаковъ гикнула въ продоль большой улицы, остальной отрядъ кинулся на предмѣстье. Ночь была темная, ни зги не было видно. Сотня проскакала по улицѣ, но непріятель ободрился и сдѣлалъ отпоръ ружейнымъ огнемъ. По страшной темнотѣ ночи, съ нашей стороны не было никакой возможности для атаки; зачало разсвѣтать, а такъ какъ дневная атака намъ было совсѣмъ не по силамъ, мы безъ потери отступили. Не излишнимъ считаю сказать мое мнѣніе о ночныхъ экспедиціяхъ: при осадахъ онѣ могутъ быть полезны, потому что пунктъ натиска обсуженъ и средства соразмѣрны, но въ открытомъ полѣ, въ набѣжной попыткѣ, рѣдко удаются, потому что дѣйствуютъ на удачу безъ общаго направленія по обстоятельствамъ и нельзя обсудить ни натиска, ни отпора; въ сущности завязалась съ обѣихъ сторонъ перепалка, а гдѣ были наши и гдѣ непріятельскіе—не знали. Когда стало разсвѣтать, къ крайнему моему и Бенкендорфа удивленію, мы очутились другъ противъ друга съ саблей на-голо и не могли удержаться отъ смѣха этому наѣздничеству, вовсе невольному другъ противъ друга.

Послѣ неудачной попытки на Велижъ, мы, выступивъ и не бывъ преслѣдованы, пошли къ Витебску; извѣстіе было, что тамъ оставленъ французами малый отрядъ и что тамъ были сосредоточены разнаго рода продовольственные запасы и военные снаряды и учреждены госпитали; а при предполагаемомъ нами наступательномъ движеніи арміи изъ-подъ Смоленска, удачное завладѣніе Витебскомъ весьма бы полезно было въ общемъ соображеніи.

На пути къ Витебску, сколько помнится, невдалекѣ отъ Бабиновича, внезапно явилось къ Винценгероде нѣсколько евреевъ и привезли ими захваченнаго французскаго кабинетъ-курьера, ѣхавшаго

изъ Парижа къ Наполеону. Этотъ курьеръ съ депешами, при немъ находящимися, отправленъ былъ въ Петербургъ; содержаніе депешъ мнѣ неизвѣстно. Но преданному еврею, по случаю нашихъ не общихъ наступательныхъ движеній, а только летучаго поиска, уже нельзя было воротиться въ свое жительство, состоящее въ чертѣ мѣстности, занятой французами. Я его взялъ и содержалъ при себѣ, и уже онъ воротился на родину при преслѣдованіи французской арміи и ея отступленіи. Я объ этой частности упоминаю, какъ о фактѣ преданности евреевъ въ то время Россіи; и точно, большая смѣлость для трусливыхъ евреевъ, несмотря на неопредѣленность еще событій, рѣшиться на опасный подвигъ—схватить курьера и представить его въ русскій отрядъ; это было дѣло смѣлое и заслуживающее быть упомянутымъ; жаль, что не помню его имени, но помню, что онъ былъ въ томъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ, близъ Витебска, не атестованнымъ медикомъ.

Нашъ отрядъ намѣревался сдѣлать поискъ на Витебскъ, когда прибылъ къ намъ изъ главной квартиры отъ Барклая безсмѣнно при немъ находящійся ординарецъ, оберъ-офицеръ, по фамиліи Пирисъ, и привезъ извѣстіе, что, послѣ кровопролитной битвы подъ Смоленскомъ, рѣшено отступить къ Москвѣ, и нашему отряду приказано было, соображаясь съ этимъ движеніемъ, отступать побочными дорогами, и стараться дѣлать набѣги на французскую коммуникаціонную линію. Поневолѣ Винценгероде былъ принужденъ исполнить приказаніе, хотя по собраннымъ нами свѣдѣніямъ поискъ нашъ на Витебскъ обѣщалъ удачу. Началось и наше отступленіе, и мы шли параллельно большой Смоленской дорогѣ и старались тревожить, гдѣ могли по слабымъ спламъ нашего отряда, хвостъ французской арміи, а болѣе захватывать фуражировъ французскихъ, отряжаемыхъ въ бокъ отъ главной до-

роги, и захватывать мародеровъ французскихъ. Мы шли все форспированными маршами, чтобы стать на уровень нашей арміи, и поэтому мало было стычекъ, заслуживающихъ повѣствованія, но упомяну о двухъ: одна была около Гжатска, другая около Вязьмы.

Около Гжатска къ намъ явились крестьяне съ вѣстью, что французскій отрядъ грабитъ село Дугино, принадлежащее графу Никитѣ Петровичу Панину, дядѣ моему по моей матери. Какъ изъ желанія отличиться, такъ и по чувству родственному, я напросился на этотъ поискъ и, получивъ сотню казаковъ, пустился съ ними на рискъ въ Дугино; тамъ не засталъ уже отрядъ французскій, пустился за ними вслѣдъ, и настигъ уже ихъ отступившихъ, но въ боевомъ порядкѣ и въ выгодной для нихъ лѣсной позиціи. Отрѣзать ихъ мнѣ не было по силамъ, гикнулъ на нихъ, но они стройнымъ каре встрѣтили меня батальнымъ огнемъ; разстроить ихъ я не могъ, такъ какъ лѣсъ прикрылъ ихъ отступленіе, и кончилось все ничѣмъ, а жаль мнѣ было и въ военномъ, и въ родственномъ отношеніи. Воротился въ Дугино и былъ очевидцемъ всякихъ неистовствъ, сдѣланныхъ тамъ французами, безчеловѣчно и безъ всякой пользы для себя. Результатъ моего набѣга для меня былъ ничтоженъ, но охранилъ въ это время Дугино отъ большихъ бѣдъ.

Другая стычка, уже полнымъ отрядомъ, была въ селѣ Самойловѣ, принадлежащемъ тогда княгинѣ Голицыной, извѣстной въ Петербургѣ подъ названіемъ Princesse Alexis. Тоже чрезъ крестьянъ узналъ Винценгероде, что тамъ вестфальцы грабятъ и причиняютъ неистовства. Полнымъ отрядомъ пустились мы туда на рискъ. Французы, сторожившіе себя, узнавши о нашемъ приближеніи, отступили, но мы тамъ еще застали малый отрядъ, не успѣвшій отступить; разбредшихъ перехватили, но человѣкъ сто вестфальцевъ заперлись

близъ господскаго дома, въ особенное жилое строеніе, и нами окруженные, на наше предложеніе сдаться не соглашались и, стрѣлявши по насъ, убили и ранили нѣсколько казаковъ. Надо было кончить съ ними, и Винценгероде велѣлъ спѣшить два эскадрона драгунъ, примкнуть штыки и идти на приступъ. Храбрые драгуны съ спѣшившимися казаками, вломились въ строеніе, и началась тамъ рѣзня раздраженными нашими драгунами и донцами, потерявшими упорствомъ непріятеля нѣсколько товарищей. Намъ нужно было живого плѣннаго, какъ говорится, языка, чтобъ узнать о движеніи французской арміи; адъютантъ Винценгероде, по фамиліи Эльсбангеръ, и я кинулись въ этотъ домъ, чтобъ имѣть языка, но наши, раздраженные упорствомъ непріятеля и за потерю своихъ, просто не давали никому пощады: трупъ лежалъ на трупѣ, раненыхъ прикалывали, и мы двое едва могли схватить одного живого и еще офицера, но такъ израненнаго, что онъ едва говорилъ и вскорѣ померъ.

Нашъ отрядъ переночевалъ въ Самойловѣ, и мы могли обсудить звѣрскіе поступки непріятеля съ безоружными жителями, безполезный грабежъ въ господскомъ домѣ и поруганіе святынь въ церкви. И такое святотатство во многихъ мѣстахъ, посѣщенныхъ французами, нами встрѣчалось. При этомъ горестномъ зрѣлищѣ были и сцены смѣха: княгиня Голицына, давно уже перешедшая въ католицизмъ, всегда жила въ Самойловѣ лѣтнимъ временемъ, окруженная французскими аббатами. Простонародіе убѣждено было, что эти аббаты навели на Самойлово французскую рать, и въ горѣ своемъ вопіяли: «вотъ тебѣ, княгиня, и аббатъ Николъ, и аббатъ Саландръ, и аббатъ Мерсье»; а они всѣ были моими наставниками, и эти восклики невольно возбуждали во мнѣ смѣхъ. Про Самойлово разскажу еще одно обстоятельство: ночевавши тамъ и зная,

что, вѣроятно, на дняхъ, послѣ нашего отступленія, займутъ его опять французы, Бенкендорфъ и я на память взяли, какъ дань, рисунки, висящіе на стѣнѣ; но впослѣдствіи княгиня увѣряла, что мы оба въ главѣ съ подчиненными грабили ея жилище.

XXIV.

Продолженіе отступательнаго движенія къ Москвѣ отрядомъ Винценгероде.—Свиданіе Винценгероде съ главнокомандующимъ Кутузовымъ.—Схватка съ французами у Саввинскаго монастыря.—Общій духъ арміи послѣ Бородинскаго сраженія.—Донесеніе Винценгероде Государю о передачѣ Москвы въ руки непріятелей.—Письмо Государя къ Винценгероде.—Военныя дѣйствія отряда Винценгероде.—Оберъ-офицеръ Оде-де-Сіонъ.—Дѣло Яковлева.—Истребленіе виннаго подвала въ Клину.

Нашъ отрядъ, безъ всякихъ стычекъ съ непріятелемъ, продолжалъ свое движеніе отступательное, и 26 августа, въ знаменитый день битвы Бородинской, хотя мы были въ недальнемъ разстояніи отъ этой мѣстности, а именно, въ бывшемъ имѣніи графа Льва Разумовскаго (а нынѣ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова), громъ выстрѣловъ пушечныхъ, которыхъ гулъ доходилъ до Москвы по теченію рѣки, намъ, въ лѣсной мѣстности, безъ водяныхъ сообщеній вовсе не былъ слышенъ. Но вскорѣ вѣсть о битвѣ Бородинской и объ отступленіи главной арміи къ Москвѣ, стала намъ извѣстна *). Генералъ Винценгероде, давъ назначеніе,

*) 27-го августа (8 сентября), когда отрядъ Винценгероде достигъ села Сорочшево (на половинѣ дороги между Можайскомъ и Волоколамскомъ).

куда слѣдовать отряду, самъ взялъ меня съ собой и поскакалъ на перекладныхъ въ Можайскъ, чтобъ узнать о точныхъ военныхъ обстоятельствахъ и принять приказаніе о дѣйствіи и направленіи командуемаго имъ отряда. По неотдаленности нашего отряда отъ коммуникаціонной линіи, мы скоро доѣхали до Можайска, гдѣ была главная квартира, и Винценгероде явился къ Михаилу Илларіоновичу Кутузову, который уже передъ Бородинской битвой прибылъ въ главную армію и принялъ командованіе всей арміей *). Главнокомандующій и ко мнѣ обратилъ свое милостивое вниманіе, зная меня по нахожденію при немъ въ Дунайской арміи, во время кампаніи противъ турокъ въ 1811 г., куда я прибылъ, какъ выше сказано было, въ концѣ августа того года. Хотя мы подъ Бородинымъ и понесли великую убыль въ рядахъ арміи, какъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ и рядовыхъ, но духъ арміи, во всѣхъ слояхъ ея, нимало не упалъ, и всѣ пылали желаніемъ вновь сразиться съ французской арміей **). Винценгероде пробылъ въ главной квар-

*) 17 (29) августа въ Царево-Займище.

**) Кутузовъ, въ своемъ донесеніи Императору Александру I о Бородинскомъ сраженіи, 26 августа, писалъ, что оно «*кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами*». Затѣмъ Кутузовъ присовокупилъ, что, *ночевавъ на полѣ сраженія*, онъ, въ виду громадныхъ потерь, понесенныхъ арміею, отступилъ за Можайскъ. Потеря съ каждой стороны простиралась до 40.000 человѣкъ. По мѣткому выраженію Ермолова, «*французская армія расшиблась о русскую*». Между тѣмъ. Кутузовъ, отступая шагъ за шагомъ, привелъ армію къ Москвѣ и 1-го сентября собралъ въ деревнѣ Филяхъ военный совѣтъ. Здѣсь рѣшилась участь первопрестольной столицы. Послѣ продолжительныхъ преній Кутузовъ заключилъ совѣщаніе, сказавъ: «Je sens que je payerai les pots cassés, mais je me sacrifie pour le bien de ma patrie. J'ordonne la retraite» (Я чувствую, что мнѣ придется поплатиться за все, но я жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать). Только 7-го сентября Императоръ Александръ I получилъ чрезъ Ярославль краткое донесеніе графа Ростопчина о томъ, что Кутузовъ рѣшился оставить Москву. На другой день, 8-го сентября, роковая вѣсть о занятіи Наполеономъ первопрестольной столицы подтвердилась донесеніемъ Кутузова. *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Томъ III, Спб., 1897 г., стр. 108—111.*

тирѣ арміи менѣе сутокъ, и отрядъ его, подкрѣпленный однимъ егерскимъ полкомъ и шестью конными орудіями, получилъ назначеніе, какъ можно поспѣшнѣе занять Звенигородъ и затруднять по дорогѣ отъ этого города къ Москвѣ тѣ войска, которыя будутъ направлены по этому тракту отъ непріятеля *). Винценгероде, въ сопутствіи моемъ, опять поскакалъ на перекладной къ отряду, и на пути чуть мы не попались въ плѣнъ: мы выѣзжали изъ одной деревни, когда съ другой стороны входилъ отрядъ французовъ. Прибыли къ отряду и пошли къ Рузѣ, городу, гдѣ уже застали назначенное нашему отряду подкрѣпленіе. Изъ Рузы мы ретировались по пути, слабо преслѣдуемые французами, и такъ прошли до Звенигорода; тутъ довольно выгодная мѣстность дала возможность генералу попытать сдѣлать маленькій отпоръ; это было тѣмъ болѣе удобно, что близъ Саввинскаго монастыря, въ ущельѣ, можно было устроить засаду казачью, скрытную отъ глазъ непріятеля. Когда они подошли на уровень этого монастыря, казаки изъ засады гикнули, причинивъ разстройство въ авангардѣ французскомъ, и положили нѣкоторыхъ на мѣстѣ, а нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ. Весь-же отрядъ сталъ въ позицію и тѣмъ пріостановилъ на нѣсколько часовъ натискъ непріятеля. Но нашему отряду не было по силамъ принять сраженіе, и мы передъ разсвѣтомъ отступили, дѣлая возможный, по малочисленности нашего отряда, отпоръ въ наступательномъ движеніи непріятельскихъ, по этому тракту, колоннъ; и, такимъ образомъ, соображаясь съ мѣрами отступленія главной арміи, подошли къ святой и ми-

*) Послѣ Бородинскаго сраженія и въ особенности послѣ арьергарднаго дѣла при Крымскомъ, 29-го августа (10 сентября), французы преслѣдовали такъ слабо, что возникло опасеніе, какъ-бы вице-король не обошелъ нашего праваго фланга, чтобы занять Москву, въ тылу нашей арміи. Для противодѣйствія такому обходу и былъ назначенъ отрядъ Винценгероде.

лой для каждаго русскаго, и въ особенности въ то время, бѣлокаменной Москвѣ.

Не буду говорить о всемъ, что въ эту годину происходило въ главной квартирѣ, и о рѣшеніи главнокомандующаго въ послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ,—это гораздо лучше объяснено многими, какъ оффиціальными донесеніями, такъ и частными повѣствованіями; но долженъ сказать, что общій духъ арміи не палъ даже тогда, какъ извѣстно стало, что Москву передаемъ безъ защиты непріятелю. Всякій постигалъ, что защищать Москву на Воробьевыхъ горахъ — это было подвергнуть полному пораженію армію, и что великая жертва, приносимая благу отечества, необходима. Грозный день отступленія за Москву насталъ, и нашъ отрядъ также прошелъ черезъ Москву и сталъ на денекъ близъ деревни, занимаемой главной квартирой. Кровь кипѣла во мнѣ, когда я проходилъ черезъ Москву съ двумя моими знакомыми.

Помню, что билось сердце за Москву, но и билось также надеждою, что Россія не въ одной Москвѣ, и что съ ожидаемыми подкрѣпленіями, съ твердостью духа арміи и простого народа русскаго, отмстимъ сторицею французамъ, которыхъ каждый шагъ во внутрь Россіи отдѣлялъ отъ всѣхъ ихъ запасовъ и подкрѣпленій. Винценгероде получилъ приказаніе съ своимъ отрядомъ окружъ Москвы идти и, ставъ на Петербургскій изъ Москвы трактъ, охранять его по возможности, держать черезъ отряды летучія сообщенія съ главной арміей, имѣть отряды по тракту Ярославскому и Рязанскому и быть, такъ сказать, вѣстникомъ въ Петербургъ о движеніи непріятеля по Московскому тракту *).

*) Въ виду малочисленности отряда Винценгероде, Высочайше повелѣно было поступить подъ команду генералъ-адъютанта Винценгероде тверскому ополченію и 8-ми резервнымъ баталіонамъ изъ Твери. Для прикрытія доступовъ къ

Изъ главной квартиры нашъ отрядъ принялъ назначенный путь, и мы шли, круживъ около Москвы, двое сутокъ. Зарево пылающей Москвы было такъ сильно, что ночью можно было безъ затрудненія читать донесенія отъ оставленныхъ по разнымъ путямъ частей отряда.

Кружили мы отъ Москвы въ 10-ти или 15-ти верстномъ разстояніи, посылали въ самую Москву разъѣзды привозить намъ оттуда плѣнныхъ и, наконецъ, прибыли во Всесвятское, но, при сдѣланномъ на насъ движеніи, отступили до Черной-Грязи, оставя на половинѣ дороги авангардъ, подъ командой Василья Дмитріевича Иловайскаго, извѣстнаго тогда подъ № 12-ымъ, отличнаго штабъ-офицера и по храбрости, и по распорядительности. Винценгероде изъ Черной-Грязи послалъ донесеніе Государю о горестномъ событіи передачи Москвы въ руки непріятеля, и, такимъ образомъ, вопреки пристрастному повѣствованію Данилевскаго, Государь чрезъ Винценгероде былъ извѣщенъ о судьбѣ Москвы. Посланъ былъ лейбъ-казачьяго полка поручикъ, графъ Орловъ-Денисовъ.

Нашъ отрядъ былъ случайно подкрѣпленъ Изюмскимъ гусарскимъ полкомъ и нѣсколькими сотнями лейбъ-казаковъ, которые, бывъ въ аррьергардѣ арміи, были отрѣзаны и не могли, по занятіи французами сообщеній, присоединиться къ главной арміи, и присоединились къ нашему отряду и потомъ, по распоряженію главнокомандующаго, вошли въ составъ нашего отряда.

Посланный отъ Винценгероде графъ Орловъ-Денисовъ, прибывъ въ Петербургъ, былъ при казакѣ направленъ къ графу Аракчееву; по извѣщеніи, что

Петербургу со стороны Двины, на этой рѣкѣ былъ оставленъ корпусъ (23 т.) Витгенштейна, который 20 іюля разбилъ Удино подъ Клястицами.

Москва занята французами, графъ взялъ депеши, его заперъ въ собственномъ своемъ кабинетѣ и, въ скоромъ времени возвратясь къ своему плѣнному, вручилъ ему конвертъ съ наставленіемъ, которое и отъ Винценгероде было ему дано: о сдачѣ Москвы никому не сообщать; затѣмъ его, Орлова-Денисова, посадили на приготовленную тройку и опять, за конвоемъ казака, отправили къ заставѣ и потомъ въ даль къ намъ.

Отвѣтъ Государя преисполненъ былъ чувствомъ и твердостью духа. Винценгероде, прочитавши его, обратился къ присутствующимъ, а именно, къ А. Х. Бенкендорфу, къ Льву Александровичу Нарышкину и ко мнѣ, и сказалъ намъ, передавая это письмо: «Regardez, quel Empereur a la Russie et nous» *). Боюсь умалить содержаніе письма Государя и чувства его при столь неожиданной вѣсти, но оно такъ рѣзко запечатлѣлось въ моей памяти, что я полагаю, что я довольно вѣрно его передамъ; вотъ оно: «Général! je ne puis concevoir ce qui a porté le général Koutouzoff à livrer Moscou à l'ennemi, après la victoire qu'il a remportée à Borodino, mais tout ce que je puis vous dire, c'est que dussé—je à la sueur de mon front cultiver un coin de terre dans le fin fond de la Sibérie—jamais je ne consentirai à faire la paix avec l'implacable ennemi de la Russie et le mien». Le général Danilefsky rapporte le contenu de cette lettre, comme écrite au général Koutouzoff—je puis affirmer qu'elle a été écrite au général Vintzengerode, et cet autographe a été entre mes mains **).

Военныя дѣйствія нашего отряда ограничивались только аванпостными дѣлами и смѣлыми поисками от-

*) Посмотрите, какого Императора имѣетъ Россія и мы.

**) «Генералъ, я не могу постичь, что заставило генерала Кутузова отдать Москву врагу послѣ побѣды, которую онъ одержалъ при Бородинѣ, но все, что я могу вамъ сказать—это то, что, хотя бы мнѣ пришлось въ потѣ лица обработывать землю въ глубинѣ Сибири, я никогда не соглашусь помириться съ непримиримымъ врагомъ Россіи и моимъ».—Генералъ Данилевскій приводитъ содержаніе этого письма, какъ-бы написаннаго генералу Кутузову. Я же могу утверждать, что оно было написано генералу Винценгероде, и этотъ автографъ былъ въ моихъ рукахъ.

рядовъ Иловайскаго, бравшихъ то съ бою, то удачными набѣгами въ мѣстахъ, куда разбрелись хищные къ грабежу французы. Главная цѣль дѣйствій нашего отряда было сторожевое дѣло по трактамъ Ярославскому и Рязанскому для извѣщеній въ главную армію и связи съ ней, а въ особенности наше дѣло было сторожить Петербургскій трактъ и давать объ всякомъ движеніи вѣсть въ Петербургъ и въ главную квартиру.

Съ Петербургомъ наши сообщенія были чрезъ фельдъегерей, чрезъ сутки, какъ въ Питеръ, такъ и изъ Питера къ намъ отправляемыхъ, а съ главною квартирою—чрезъ казачью летучую почту.

Движеніе наступательное французовъ заставило нашъ отрядъ отступать постепенно въ Подсолнечное, въ Чашники и, наконецъ, въ Клинъ, но аррьергардъ нашъ не отступалъ далѣе, сколько упомню, Чашниковъ; и при каждомъ отступательномъ движеніи, мы старались истреблять все то, что могло способствовать къ снабженію продовольствіемъ непріятеля. Нашъ авангардъ не вступалъ, даже избѣгалъ заводить стычки съ непріятелемъ, а ограничивался разъѣздами, чтобъ имѣть свѣдѣнія о его движеніи, и поэтому нѣтъ повода мнѣ описывать дѣйствія онаго, хотя долженъ отдать справедливость безусыпной распорядительности начальника онаго, бывшаго тогда въ чинѣ полковника, Иловайскаго 12-го, и командующаго всѣми постами связи нашей съ главной арміей, подполковника Донского войска, Побѣднова; какъ я сказалъ выше, по причинѣ нѣкоторыхъ движеній наступательныхъ непріятеля, по мѣрѣ отступленія нашего авангарда, и наша отрядная главная квартира также отступала и, наконецъ, была переведена въ городъ Клинъ. Во время нашего пребыванія въ Клину были происшествія, не въ прямой связи съ военными дѣйствіями, но заслуживающія повѣствованія.

На наши аванпосты явился изъ Москвы, переодѣ-

тый въ платье купчика, тогдашняго литовскаго гвардейскаго полка оберъ-офицеръ Оде-де-Сіонъ (Audé de Sion), воспитанный въ Пажескомъ корпусѣ и сынъ надзирателя классовъ въ этомъ заведеніи. Этотъ молодой человѣкъ мнѣ хорошо былъ знакомъ и изъ нашего авангарда былъ препровожденъ къ Винценгероде. При явкѣ его онъ объяснилъ, что онъ былъ захваченъ въ плѣнъ и нашелъ возможность, переодѣвшись купчикомъ, бѣжать изъ Москвы и просилъ быть доставленнымъ въ главную квартиру арміи, такъ какъ состоялъ до плѣна въ безсмѣнныхъ ординарцахъ при генералѣ, бывшемъ главнокомандующемъ, Барклаѣ де-Толли. По прежнему знакомству съ нимъ, я его до отправленія, куда онъ желалъ, пріютилъ къ себѣ, но и теперь помню, что костюмъ его въ видѣ купчика какъ-то щегольствомъ своимъ обратилъ мое вниманіе, и про себя я думалъ, что для удобства побѣга скорѣе и удобнѣе бы было, для избѣжанія подозрѣнія отъ французовъ, переодѣться просто въ мужицкое платье. Онъ такъ щеголевато былъ переодѣтъ, что казалось, что онъ готовится играть роль купчика на театрѣ. Молодой Оде-де-Сіонъ былъ отправленъ въ главную квартиру всей арміи, и вскорѣ мы узнали обстоятельство, весьма невыгодное для него: пойманный французскій шпіонъ, уличенный въ этомъ, былъ осужденъ быть разстрѣленнымъ и при шествіи на смертную казнь онъ, увидѣвъ Оде-де-Сіона, изъ разсчета-ли или по другимъ неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, сказалъ: «вы ведете меня на казнь, но вотъ», указывая на Оде-де-Сіонъ, «такъ же шпіонъ, какъ и я, но еще въ добавокъ и въ русскомъ мундирѣ». Само собою разумѣется, что эти слова должны были навести подозрѣнія на молодого человѣка. Онъ былъ подверженъ слѣдствію; уличенъ онъ не былъ, но, однакожъ, были поводы къ подозрѣнію, и онъ былъ высланъ изъ арміи въ Петербургъ

къ отцу своему подъ надзоръ. Сказывали мнѣ потомъ, что много ему помогло заступничество Барклая де-Толли, сынъ котораго тогда воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и былъ порученъ отцемъ—отцу Одеде-Сіона; его виновности не утверждаю, но разсказываю то, что слышалъ.

Другое обстоятельство, и довольно замѣчательное, это прибытіе на наши аванпосты, подъ парламентерскимъ отъ французовъ флагомъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Яковлева. Прибывъ и явясь къ Иловайскому, онъ требовалъ немедленной отсылки къ генералу Винценгероде, имѣя, какъ онъ говорилъ, важное сообщеніе ему для передачи Государю.

Прежде, нежели объяснять то, что случилось, надо объяснить, что Яковлевъ былъ тѣсно знакомъ съ Винценгероде: оба они были во время Суворовской кампаніи въ Италіи при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ; и еще объяснить надо, что Винценгероде, по созвучію именъ Вейроде, тогдашняго генер. квартир. австрійской арміи при Аустерлицѣ, неправильно былъ подозрѣваемъ въ передачѣ Наполеону плана, предпринятаго для Аустерлицкаго сраженія. Не послѣднее обстоятельство въ дѣлѣ, принимающемъ какой-то тайный видъ,—охранить себя гласностью свиданія, какъ мѣрою осторожности, и поэтому, давъ знать Иловайскому, чтобъ Яковлевъ былъ представленъ въ Клинъ, Винценгероде приказалъ приближеннымъ при немъ, въ томъ числѣ и мнѣ, быть свидѣтелями его свиданія съ Яковлевымъ. По прибытіи сего послѣдняго, насъ нѣсколько человѣкъ было въ комнатѣ, занимаемой Винценгероде.

Яковлевъ, взошедши, по обыкновенію, привѣтствовалъ, какъ знакомый коротко, и сказалъ Винценгероде, что онъ имѣетъ необходимость переговорить съ нимъ глазъ на глазъ; но Винценгероде ему отвѣчалъ, что

всѣ присутствующіе такъ близки ему и такъ пользуются полнымъ его довѣріемъ, что ему нечего опасаться говорить при насъ, и что даже онъ требуетъ, чтобъ тайна, которую онъ имѣетъ сообщить ему, была высказана при насъ.

Тогда Яковлевъ объявилъ ему, что оставался больнымъ въ Москвѣ, при занятіи города французами. Наполеонъ, имѣвшій о немъ свѣдѣніе, какъ о братѣ бывшаго русскаго посланника при королѣ Вестфальскомъ въ Кассель, вызвалъ его къ себѣ и поручилъ ему для передачи русскому Императору отъ себя письмо, и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ, что онъ, Наполеонъ, желаетъ войти въ переговоры о замиреніи съ Императоромъ Александромъ, и что передачу письма и этого порученія передалъ ему, Яковлеву, какъ извѣстному ему дипломату.

Едва только кончилъ это сообщеніе Яковлевъ, Винценгероде ему сказалъ: «Хотя мы и старые знакомые, но долженъ я вамъ сказать, что объявленное вами заставляетъ меня дѣйствовать съ вами, не какъ старый знакомый, но какъ лицо, обязанное служебнымъ долгомъ. Мое одно присутствіе охраняетъ васъ отъ заслуженнаго вами поруганія присутствующихъ господъ. Предложеніе къ миру не можетъ прилечь къ сердцу ни Государю, ни кому изъ его вѣрноподданныхъ, и поэтому письмо, вамъ врученное, перешлю къ Государю, но вмѣстѣ и васъ арестованнымъ. Вотъ все, что я могу вамъ сказать на ваше извѣщеніе и, какъ старый вашъ знакомый, сожалѣю, что вы приняли таковое порученіе».

Какъ я завѣдывалъ письменными дѣлами при Винценгероде, исправляя должность дежурнаго штабъ-офицера по отряду, то Винценгероде приказалъ мнѣ приготовить къ безотлагательному отъѣзду фельдъегеря, пославъ собственноручное донесеніе Государю Императору, и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ назначить офицера и

конвойныхъ для отправки арестованнымъ Яковлева также на курьерскихъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что Государь отправилъ, не распечатавши, письмо Наполеона къ Кутузову для возвращенія въ томъ-же видѣ на французскіе аванпосты, а по прибытіи Яковлева въ Петербургъ, его прямо повезли въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ подвергли его слѣдствію тайному, послѣ котораго Яковлевъ былъ отправленъ въ свои деревни подъ надзоръ мѣстной полиціи, и запрещенъ ему былъ въѣздъ въ обѣ столицы.

По прошествіи нѣкотораго времени донесено было съ нашихъ аванпостовъ, что довольно сильный французскій отрядъ двинулся къ городу Дмитровску и занялъ этотъ городъ. Какъ это движеніе угрожало, что французы имѣютъ, можетъ быть, намѣреніе изъ Дмитровска идти на Тверь, и имѣя свѣдѣнія, что этотъ отрядъ равносиленъ нашему отряду, Винценгероде, собравъ почти весь свой отрядъ и оставивъ только нашъ аррьергардъ въ занимаемой имъ мѣстности, двинулся къ Дмитровску, съ намѣреніемъ сдѣлать внезапное нападеніе на отрядъ, по извѣстіямъ, довольно оплошно тамъ стоящій. Мы двинулись форсированнымъ маршемъ изъ Клина и прибыли къ Дмитровску еще не разсвѣло,— думали тамъ застать непріятеля, но онъ уже прежде отступилъ къ Москвѣ, забравши продовольственные способы. Нашли еще теплый бивакъ непріятеля, въ бивакѣ захватили нѣсколько плѣнныхъ, чрезъ которыхъ узнали, что уже французскій отрядъ намъ достигнуть нельзя.

Вмѣстѣ съ движеніемъ на Дмитровскъ, получено было изъ нашего авангарда донесеніе, что его тѣснитъ непріятель и, ожидая, что при превосходствѣ его, мы должны будемъ оставить Клинъ и отступить въ направленіи на Тверь, гдѣ сформировалось уже ополченіе, данное

подъ начальство Винценгероде, и какъ общей нашей цѣлью было при каждомъ отступленіи истреблять всякіе запасы продовольственные, то поручилъ мнѣ Винценгероде истребить винный подвалъ заранѣе, чтобъ, въ случаѣ съ бою оставленія Клина, не дать поводъ отступающему отряду къ безпорядку. Я взялъ нѣсколько казаковъ, взошелъ въ подвалъ, отколотилъ всѣ втулки бочекъ, по штофамъ сабельными ударами, и признаюсь, все это дѣлалъ съ восторгомъ, ненавидя съ давняго времени, какъ и теперь, это поползновеніе къ разврату продажею питей народу. Тутъ такъ удачно все было исполнено, что просто было вина въ подвалѣ по-колѣно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и капли никому не попало въ ротъ. Я упоминаю объ этомъ антикабацкомъ подвигѣ, потому что въ 1817 году, то есть пять лѣтъ по истеченіи событія, получилъ я запросъ изъ Московской казенной палаты, чтобы дать отчетъ, почему я рѣшился на такой поступокъ, принесшій столь значительный убытокъ казнѣ, и имѣлъ ли я въ оправданіе письменное на то повелѣніе, которое и обязывали меня представить въ оригиналѣ. Само собою разумѣется, что я отвѣчалъ, что я за дѣйствія въ пользу тогдашнихъ обстоятельствъ не обязанъ никакимъ отчетомъ; что этого требовали военныя обстоятельства; что въ военное время исполняешь и словесныя приказанія, а письменныхъ не имѣлъ, и что ежели мой отвѣтъ для палаты неудовлетворителенъ, то пусть снесутся съ господиномъ корпуснымъ нынѣ командиромъ, ген. отъ кавал. барономъ Винценгероде, который не только не будетъ имъ отвѣчать, но представитъ Государю Императору неумѣстное требованіе Московской казенной палаты. Не знаю, чѣмъ это все кончилось, но, по крайней мѣрѣ, меня уже не тревожили.

XXV.

Необходимость фуражировки.—Дѣло по поводу фуражировки въ имѣніи генералъ-адъютанта Балашева.—Командировка по этому дѣлу въ Петербургъ съ письмомъ Винценгероде къ Государю.—Пріемъ Государя и разговоръ его.—Характерная черта изъ отношеній Государя къ Аракчееву.—Разсказъ о плѣнѣ Винценгероде.

Я не разъ уже подтверждалъ, что правиломъ, нами принятымъ, было беречь продовольственные способы, въ тылу у насъ находящіеся, употребляя то, что находилось въ чертѣ расположенія нашихъ войскъ, и это производилось реквизиціоннымъ способомъ самими командирами отдѣльныхъ частей, въ силу даваемыхъ ежедневно изъ дежурства свѣдѣній, что такихъ-то продуктовъ выдать изъ такихъ-то мѣстъ и такимъ-то начальствомъ для войскъ, въ ихъ командѣ состоящихъ, столько-то. Когда вся Россія жертвовала послѣдней копейкой, и, можно сказать, послѣднимъ взрослымъ человѣкомъ, что тутъ было беречь барскія выгоды, доходы,—тѣмъ болѣе, что по вѣроятностямъ того времени и малозначительности нашего отряда, надо было брать то, чтобъ оное не поступило назавтра въ пользу непріятеля.

Въ одинъ день получилъ я отъ подполковника

Розенберга извѣщеніе, что по назначенной реквизиціи ѳуража и людского продовольствія командуемаго имъ Изюмскаго гусарскаго полка изъ имѣній генералъ-адъютанта Балашева,—управляющій этимъ имѣніемъ не только что отказалъ въ выдачѣ по ассигновкѣ, но выгналъ ѳуражировавшую команду и отправилъ нарочнаго въ Тверь, чтобъ оттуда послать эстафету съ жалобой на дѣйствія военнаго управленія. Розенбергъ былъ, по содержанію его записки ко мнѣ, видимо испуганъ и просилъ моего совѣта.

Я, зная образъ сужденія Винценгероде въ отношеніи общихъ тогдашнихъ обстоятельствъ, понесъ прямо записку Розенберга къ Винценгероде, доложилъ о содержаніи оной и получилъ приказаніе передать Розенбергу, чтобъ онъ, если не хотятъ ему дать назначенное мирнымъ путемъ, взялъ бы вдвое силою. Къ этому же Винценгероде еще сказалъ, что впослѣдствіи отъ Царя зависитъ платить за забранное, но теперь, когда правительству на защиту отечества нужна каждая копейка, нечего заботиться о выгодахъ помѣщичьихъ, и что грустно будетъ, если приближенные къ Царю не будутъ давать примѣра пожертвованіями, и особенно въ предстоящихъ обстоятельствахъ, потому что зачѣмъ было беречь теперь русскимъ то, что завтра, если сохранено будетъ, можетъ быть взято французами.

Но вопль чиновниковъ, которымъ препятствовалъ Винценгероде дѣлать закупы по ѳабулезнымъ цѣнамъ, и таковой же вопль господъ помѣщиковъ, которые, какъ тогда, такъ и теперь, и всегда будутъ это дѣлать, кричатъ объ ихъ патріотизмѣ, но изъ того, что можетъ поступить въ ихъ кошелекъ не дадутъ ни алтына,—этотъ вопль нашелъ пріютъ въ Питерѣ, и на эти жалобы, хотя въ выраженіяхъ весьма учтивыхъ, отъ графа Аракчеева былъ присланъ Винценгероде запросъ.

Имѣя рыцарскія чувства, Винценгероде, получивъ это, вспылилъ, не отвѣчалъ графу, но, написавъ письмо прямо Государю, приказалъ мнѣ немедленно отправиться съ этимъ письмомъ въ Петербургъ и далъ мнѣ собственноручную записку, въ чемъ объясниться съ Царемъ, какъ по предмету нанесенной на него жалобы, такъ и по многимъ другимъ обстоятельствамъ.

Сборы мои не были долги; занимаемую мною должность передалъ я Нарышкину, сѣлъ на тройку и помчался въ Питеръ.

По тогдашнему заведенному порядку, пріѣзжіе курьеры прямо привозились къ графу Аракчееву и оттоль, смотря по лицамъ и обстоятельствамъ, онъ, или одинъ, взявши депеши, или съ прибывшимъ, ѣхалъ во дворецъ, и тогда прибывшій допускался до Царя. Графъ Аракчеевъ повезъ меня во дворецъ, и я лично и безъ него былъ допущенъ къ Государю. Подавъ ему депешу, доложилъ, что имѣю записку о личномъ докладѣ ему содержанія оной. Онъ и ту взялъ и, переговоривъ со мною о содержаніи всего врученнаго, сказалъ мнѣ: «Ты немного отдохнешь, а потомъ получишь отправленіе отъ графа». Тутъ онъ мнѣ сдѣлалъ слѣдующіе вопросы:

1)—Каковъ духъ арміи?—Я ему отвѣчалъ: «Государь! отъ главнокомандующаго до всякаго солдата, всѣ готовы положить свою жизнь къ защитѣ отечества и Вашего Императорскаго Величества».

2)—А духъ народный?—На это я ему отвѣчалъ: «Государь! Вы должны гордиться имъ; каждый крестьянинъ-герой, преданный отечеству и Вамъ».

3)—А дворянство?—«Государь!» сказалъ я ему, «стыжусь, что принадлежу къ нему—было много словъ, а на дѣлѣ ничего».

Государь тогда взялъ меня за руки и сказалъ: «Радъ, что вижу въ тебѣ эти чувства; спасибо, много

спасибо.» И кончилъ разговоръ тѣмъ: «Передъ отправленіемъ я съ тобою увижусь и передамъ тебѣ порученіе къ Винценгероде отъ меня прямо къ нему», прибавивъ: «Nous nous comprenons avec lui». *) Этотъ разговоръ такъ мнѣ памятенъ, что завѣряю, что просто слово въ слово передаю его теперь моимъ перомъ.

Жду день, жду два, жду три моего отправленія, жду четыре, пятый, все нѣтъ о томъ вѣсти; живу пріятно, лелѣянъ всѣми старыми знакомыми и даже незнакомыми; въ военное время, и особенно тогда, всякій, привезенный изъ арміи, обращалъ на себя вниманіе. Провожу время пріятно, но совѣстно было оставаться въ мирномъ бытѣ, когда другіе подъ пулями, да и боялся, чтобъ Винценгероде не подумалъ, что я попался въ Новую Капую. Зная, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждетъ моего возвращенія, я рѣшился, чтобъ выйти изъ этого положенія, воспользоваться дружеской связью Маріи Антоновны Нарышкиной съ Винценгероде, и просить ее, чтобъ она мнѣ помогла въ безотлагательномъ отправленіи къ нему; объяснивъ ей и мой долгъ, и мои опасенія, я просилъ ее доложить о томъ Государю.— «Нынче же скажу», отвѣтила она мнѣ. Я поблагодарилъ ее и пустился по городу.

Вечеромъ былъ у Марьи Антоновны Нарышкиной, которая еще болѣе прежняго была расположена ко мнѣ, какъ нынѣшнему сослуживцу ея сына Льва. Уже около полночи мнѣ докладываютъ, что фельдъегерь, присланный отъ Государя, имѣетъ надобность меня видѣть. Я вышелъ, и онъ мнѣ сказалъ: «Государь приказалъ вамъ завтра въ 6 часовъ утра быть во дворцѣ, но приказалъ мнѣ подтвердить вамъ, чтобъ вы не опоздали».

Разумѣется, я еще ранѣе шести часовъ былъ во дворцѣ и извѣстилъ камердинера Государя, что я тутъ

*) Мы съ нимъ понимаемъ другъ друга.

и чтобъ онъ, когда можно будетъ, доложилъ обо мнѣ Государю. Недолго я подождалъ и былъ призванъ въ кабинетъ Государя; принявъ очень благосклонно меня, онъ мнѣ сказалъ: «Вотъ тебѣ письмо къ Винценгероде; онъ поймет меня и убѣдится, что я имѣю полное уваженіе и довѣріе къ нему, но въ ходѣ дѣлъ административныхъ, надо имъ давать общій ходъ, и поэтому, какъ тѣ бумаги, которыми онъ былъ недоволенъ, такъ и тѣ, которыя впередъ могутъ быть ему не по мыслямъ и сердцу, пусть его не тревожатъ и пусть онъ кладетъ ихъ подъ красное сукно и не даетъ исполненія. Онъ и я, мы другъ друга понимаемъ, и ему нечего тревожиться. Поблагодари его отъ меня за преданность и службу. Черезъ нѣсколько часовъ потребуетъ тебя для отправленія графъ Алексѣй Андреевичъ, *ты не говори, что я тебя требовалъ къ себѣ и что ты получилъ отъ меня конвертъ для вручения Винценгероде*». Я указываю на эти послѣднія слова, какъ странный фактъ того, что Государь себя подчинялъ какой-то двуличной игрѣ съ Аракчеевымъ, и какъ доказательство силы Аракчеева у Государя.

Вскорѣ я былъ потребованъ къ Аракчееву, получилъ отправленіе и приготовился къ отъѣзду нѣсколько часовъ послѣ.

Спутникомъ моимъ напросился вступившій тогда въ русскую службу изъ австрійской, подполковникъ баронъ Тетенборнъ, офицеръ, пріобрѣтшій уже извѣстность въ Австрійской Ульмской кампаніи содѣйствіемъ своимъ принцу Фердинанду Австрійскому съ небольшимъ отрядомъ не принять капитуляцію Макка, и совершившій сквозь полчища французскія, можно сказать, не отступленіе, но пробой.

Прибывъ проѣздомъ на станцію Вышневолоцкую, мы встрѣтили тамъ фельдъегеря, ѣдущаго изъ-подъ Москвы къ Государю, и, по спросѣ у него, что дѣлается въ отрядѣ, получилъ я горестное извѣстіе, что Вин-

ценгероде былъ взятъ въ плѣнъ французами и что той же участи подвергнулся и товарищъ мой, Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Эта вѣсть была для меня громовымъ ударомъ, какъ въ отношеніи военныхъ дѣйствій, ибо тутъ же я узналъ, что французы отступаютъ изъ Москвы, такъ и по преданности моей къ доброму для меня начальнику.

Плѣнъ Винценгероде, событіе общаго интереса, а для меня столь близкое моему сердцу по чувствамъ моимъ къ нему, что я прерву повѣствованіе общихъ событій и разскажу въ точномъ видѣ объ этомъ происшествіи то, что я слышалъ отъ Винценгероде и Нарышкина, когда съ ними впослѣдствіи видѣлся, и отъ другихъ очевидцевъ онаго.

Разсказъ этотъ не ограничится однимъ событіемъ захвата Винценгероде и Нарышкина въ плѣнъ, но коснется и всего, что съ ними случилось до отбытія ихъ изъ плѣна, и самаго этого освобожденія ихъ изъ плѣна. Предварительно надо объяснить, что во время поѣздки моей въ Петербургъ, положительно дознано было, что непріятель сбирается отступательнымъ движеніемъ оставить Москву, и нашъ отрядъ изъ Клина, въ теченіе времени моего отсутствія изъ Клина, уже перешелъ въ Черную-Грязь; а Иловайскій съ авангардомъ нашимъ уже стоялъ влѣво и даже подался къ Петровскому парку и Бутырской заставѣ; этотъ авангардъ былъ подкрѣпленъ частью казачьихъ полковъ нашего отряда, другая часть которыхъ была послана, подъ начальствомъ полковника А. Х. Бенкендорфа, къ Можайской дорогѣ, чтобъ слѣдить за движеніемъ и отступленіемъ непріятеля по этой Смоленской дорогѣ и по возможности наносить вредъ непріятелю. Посланный въ подкрѣпленіе Иловайскому 12-му съ частью казачьихъ полковъ генералъ-маіоръ Иловайскій 4-й (Иванъ Дмитріевичъ, старшій чиномъ въ отрядѣ послѣ Винценгероде, донесъ, что

ѳранцузы выступили изъ Москвы, и что онъ занялъ городъ, кромѣ Кремля. Винценгероде тогда былъ съ главными силами еще въ Черной-Грязи. Онъ приказалъ регулярному войску своего отряда идти къ Москвѣ, а самъ съ Нарышкинымъ сѣлъ на перекладную и поскакалъ къ авангарду, изъ котораго получилъ такое важное извѣстіе, чтобъ лично распорядиться послѣдующими движеніями и занятіемъ города. Онъ былъ тѣмъ болѣе встревоженъ, что былъ извѣщенъ лазутчиками нашими въ Москвѣ, что ѳранцузы сдѣлали подкопы (des mines) въ нѣкоторыхъ частяхъ Кремля, и хотѣлъ заключить суточное перемиріе съ ѳранцузами для спокойнаго выхода ихъ, буде согласятся не приступать къ взрыву подкоповъ, ими учиненныхъ. Винценгероде, прибывъ съ Нарышкинымъ и сѣвъ оба на лошадей, данныхъ имъ крымско-татарско-казачьяго полка княземъ Хункаловымъ, хотѣлъ лично съ малымъ конвоемъ въѣхать въ городъ, чтобы, не нанося опасенія ѳранцузамъ, занимавшимъ еще Кремль, взойти съ начальниками въ переговоры и охранить Москву отъ замышленнаго поруганія. Въ то время, какъ Винценгероде хотѣлъ въѣхать въ городъ, Иловайскій 4-ый сказалъ ему: «Генералъ, вамъ опасно въѣзжать».—Почему? возразилъ ему съ негодованіемъ Винценгероде,—развѣ вы не донесли мнѣ, что вы заняли уже Москву?—«Точно такъ», отвѣчалъ ему Иванъ Дмитріевичъ Иловайскій, «но только разъѣздами удостовѣрились, что ѳранцузы отступаютъ, а не то чтобъ вовсе занялъ городъ до Кремля». Тутъ Винценгероде, по характеру очень вспыльчивый, ему возразилъ уже въ запальчивости:—Такъ ты меня обманывалъ ложнымъ донесеніемъ! Ты, къ этому, я вижу, трусъ!—И, взявъ малый конвой, вступилъ въ городъ *). Достигнувъ Тверскихъ

*) 10—22 октября.

воротъ или, лучше сказать, бульвара, наименованнаго Тверскимъ, онъ приказалъ конвою остановиться и, взявъ одного казака, велѣлъ навязать на пику бѣлый свой платокъ и сказалъ ему ѣхать впередъ, а самъ съ Нарышкинымъ отъ бульвара поѣхалъ впередъ до генералъ-губернаторскаго дома. Тутъ, у самаго Газетнаго переулка увидалъ онъ постъ офицера французскаго и, какъ бѣлый флагъ означалъ, что парламентеръ, и какъ у казака тогда не было трубача, то офицеръ французскій и Винценгероде уже одинъ другъ къ другу подошли впередъ; Винценгероде объяснилъ ему, что онъ присланъ парламентеромъ отъ начальника русскаго отряда (скрывъ, что онъ самъ этотъ начальникъ), и былъ французскимъ офицеромъ, какъ парламентеръ, принятъ, и о прибытіи парламентера дано было знать начальствующимъ въ Кремлѣ; но вдругъ внезапно наскакалъ изъ переулка другой французскій офицеръ съ разъѣздомъ и прямо на Винценгероде, и сказалъ ему: «Vous êtes mon prisonnier» *). Первый, принявшій Винценгероде, французскій офицеръ сказалъ своему товарищу: «Que faites-vous, camarade! C'est un parlementaire». Mais celui-là lui répond:—Quel diable de parlementaire! il vous trompe. Cet officier s'est egaré, et craignant d'être pris, il joue le parlementaire **).—Винценгероде, взбѣшенный этимъ поступкомъ противъ всѣхъ принятыхъ вообще правъ военныхъ, и по обычному своему пылкому характеру, еще болѣе во вредъ себѣ, сказалъ: «Дайте знать вашему начальнику, что начальникъ русскаго отряда, стоящаго передъ Москвой, желаетъ имѣть переговоры съ командующимъ французскими войсками въ Кремлѣ».

Фельдмаршалъ Мортье, начальствующій въ Кремлѣ,

---

*) Я васъ беру въ плѣнъ.

**) «Что ты, братъ, дѣлаешь вѣдь онъ парламентеръ». Но этотъ ему отвѣчаетъ:—Что за парламентеръ, онъ тебя обманываетъ. Этотъ офицеръ заблудился, и, чтобы не быть взятымъ, морочитъ тебя, будто онъ парламентеръ.

получивъ донесеніе о захватѣ въ плѣнъ Винценгероде, несмотря на противозаконный этотъ захватъ, приказалъ, чтобъ его представили къ нему, и вмѣстѣ съ нимъ былъ также представленъ и Нарышкинъ, который, не видя возврата Винценгероде, приказавшаго ему остаться поодаль, примкнулъ къ нему и также былъ взятъ въ плѣнъ. Когда русскіе плѣнные были представлены къ фельдмаршалу, Винценгероде сильно возставалъ противъ захвата его въ противность всякихъ военныхъ правъ, но фельдмаршалъ ему возразилъ: «Генералъ! я очень жалѣю о всемъ происшедшемъ, но сами обсудите положеніе дѣла: вы фактически доставлены ко мнѣ, какъ плѣнный, вы начальникъ русскаго отряда, слѣдящаго за войсками, находящимися подъ моимъ начальствомъ, вы лично видите приготовленіе ихъ къ выступленію изъ Москвы,—я не могу рѣшить самъ объ вашемъ освобожденіи и поэтому долженъ донести Императору о всемъ происшедшемъ и ждать его приказаній».

Итакъ, Винценгероде и Нарышкинъ, какъ плѣнные, вмѣстѣ съ выступающими изъ Москвы французскими войсками, вывезены были изъ Москвы по тракту къ Верею. Въ этой мѣстности Наполеонъ, уже начавшій полное отступленіе вспять, дѣлалъ смотръ всей своей арміи и, послѣ обзора оной, поскакалъ къ мѣстности, гдѣ находился за конвоемъ Винценгероде съ Нарышкинымъ, и вотъ что произошло: Наполеонъ подскакалъ къ Винценгероде и сказалъ ему: «Je vous rencontrerai donc partout où il y a guerre contre moi? Qu'est ce que c'est que cette inimitié personnelle? C'est à des misérables, comme vous, qu'est dû tant de sang versé. C'est à vous qu'on doit toutes les cruautés commises par une population déchaînée contre nous. Avez-vous oublié, que vous êtes mon sujet? Vous êtes sujet de la confédération du Rhin, vous êtes donc mon sujet. Qu'on le fusille! Qu'on le fusille! Croyez-vous que je ne sais pas, que vous avez été à la rencontre de l'empereur Alexandre lors de l'entrevue d'Erfurte pour agir

contre moi?» *) На это Винценгероде ему съ бойкостью отвѣчалъ: —Je m'attendais depuis longtemps à être tué par une balle française. Quant à ma femme et mes enfants, je suis tranquille: ils sont sous la protection de l'Empereur Alexandre **).—Тутъ опять Наполеонъ закричалъ: «Qu'on le fusille! qu'on le fusille; ou plutôt qu'on fasse son procès et que dans les 24 heures il soit fusillé ***)».

Потомъ Наполеонъ, обратившись къ Нарышкину, сказалъ ему: «Vous êtes le fils du grand chambellan?»—Oui, Sire, ****)—отвѣчалъ тотъ ему. На что опять Наполеонъ уже Нарышкину сказалъ: «Pourquoi servez-vous ces étrangers? Vous autres, russes, vous êtes de braves gens; je vous estime; mais des misérables comme celui—là!» указывая на Винценгероде «servez vos russes, mais non pas des misérables, comme lui» *****) Военный судъ надъ Винценгероде былъ немедленно учрежденъ, и на предложенные ему пункты, въ которыхъ главное ему было поставлено въ вину, что онъ *подданный Рейнской конфедераціи*, Винценгероде отвѣчалъ, что онъ родился въ Магдебургѣ отъ отца, служившаго въ прусскомъ войскѣ. Этотъ отвѣтъ, а можетъ быть, и сообщеніе, сдѣланное Кутузовымъ, когда онъ узналъ, что Винценгероде былъ

---

*) «Неужели я буду васъ встрѣчать вездѣ, гдѣ война противъ меня? Что это за личная вражда? Это такимъ бездѣльникамъ, какъ вы, мы обязаны тѣмъ, что пролито столько крови. Вамъ мы обязаны всѣми жестокостями, совершенными раздраженнымъ противъ насъ населеніемъ. Развѣ вы забыли, что вы мой подданный? Вы подданный Рейнской конфедераціи, слѣдовательно, вы мой подданный. Разстрѣлять его, разстрѣлять его! Вы думаете, что я не знаю, что вы встрѣтили Императора Александра во время Эрфуртскаго свиданія, чтобы дѣйствовать противъ меня».

**) Я уже давно ожидалъ быть убитымъ французской пулей. Что же касается моей жены и дѣтей—я спокоенъ: они находятся подъ покровительствомъ Императора Александра.

***) «Разстрѣлять его! разстрѣлять его. Или пусть лучше произведутъ надъ нимъ судъ и потомъ въ 24 часа разстрѣляютъ».

****) «Вы сынъ оберъ-камергера»?—Да, Государь.—

*****) «Зачѣмъ вы служите этимъ иностранцамъ? Вы русскіе—хорошіе люди; я васъ уважаю; но бездѣльники, какъ этотъ... указывая на Винценгероде; служите своимъ русскимъ, а не бездѣльникамъ, подобнымъ ему», опять указывая на Винценгероде.

взятъ въ плѣнъ «что за покушеніе на жизнь Винценгероде отвѣчаютъ жизнью всѣ генералы французскіе, у насъ въ плѣну находящіеся», были причиной того, что Наполеонъ, по настоянію своихъ приближенныхъ, отмѣнилъ производство суда надъ Винценгероде; но назначенъ былъ для отправки его маршрутъ не на Эрфуртъ, на который была военная дорога, французскій трактъ сообщенія съ Франціей, а на Кассель; вѣроятно, и даже впослѣдствіи узнано было, для того, чтобъ король Вестфальскій, въ королевствѣ котораго вся фамилія Винценгероде числилась, могъ бы распорядиться съ Винценгероде, какъ съ поднявшимъ оружіе противъ отчизны своей.

Хотя здѣсь должно бы мнѣ прервать разсказъ о плѣнѣ Винценгероде и повѣствовать о современныхъ событіяхъ, но полагаю удобнымъ, чтобъ не прерывать связь того, что относится до Винценгероде, разсказать освобожденіе его отъ плѣна.

Изъ Вереи Винценгероде былъ отправленъ за конвоемъ въ каретѣ, еще взятой въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Нарышкинымъ; къ нимъ присоединили захваченнаго также, неизвѣстно мнѣ гдѣ, въ плѣнъ, числящагося по ополченію, генералъ-маіора Солчана. Отъ Вереи до Смоленска ихъ везли за конвоемъ малыми этапами, но при прибытіи въ Смоленскъ уже отправили ихъ въ той же каретѣ на почтовыхъ лошадяхъ. Въ Дубровнѣ или въ Тихочинѣ въ каретѣ сдѣлалось поврежденіе, и поправка задержала ихъ. По исправленіи, пустились они опять въ путь. Изъ каждаго пункта имъ давались въ видѣ конвоя три жандарма, сидящихъ внѣ кареты. Но на половинѣ дороги изъ Тихочина къ Минску днемъ вдали показались казаки. Къ счастію· везомыхъ, хотя ихъ прежде встрѣчали или обгоняли отряды французскіе, въ настоящую минуту на глазомѣрную дистанцію и далѣе въ протяженіе не видно было ихъ. Казаки

болѣе и болѣе показывались и, наконецъ, человѣкъ тридцать гикнуло прямо на карету. Жандармы закричали пардонъ, и наши плѣнники освобождены, тогда какъ не чуяли объ этомъ счастливомъ для нихъ событіи, потому что были внѣ той мѣстности, гдѣ могли предполагать присутствіе русскихъ войскъ.

Вотъ какъ это произошло. Тогдашній флигель-адъютантъ, ротмистръ Чернышевъ (впослѣдствіи князь, генералъ-адъютантъ, военный министръ и предсѣдатель Государственнаго совѣта и Богъ вѣсть, за какія услуги и способности) изъ арміи Чичагова былъ посланъ открыть проходъ черезъ тылъ французской арміи, чтобъ достигнуть корпуса графа Витгенштейна и условиться объ общемъ движеніи, при извѣстномъ уже обстоятельствѣ отступленія французской арміи. Онъ имѣлъ подъ своею командою казачій полкъ Пантелеева, недавно пришедшій съ Дону и поэтому довольно сильный. Чернышевъ, по обычному своему, какъ прежде, такъ и впослѣдствіи, самохраненію, самъ съ отрядомъ не входилъ въ стычки съ непріятелемъ, даже избѣгалъ ихъ, и перешелъ черезъ большую дорогу; между Тихочиномъ и Минскомъ, въ отдаленіи отъ оной, онъ расположился для отдыха людямъ и лошадямъ. Судьба, всегда къ нему благоволившая, внушила ему послать разъѣздъ пошарить на большой дорогѣ и тѣмъ чужими руками на авось, можетъ быть, удачный сдѣлать набѣгъ и имѣть случай сдѣлать реляцію, что впослѣдствіи въ 1813 и 1815 году онъ и сдѣлалъ: въ 13-мъ, занятіемъ безъ выстрѣла и безъ всякой обороны Касселя, а въ 15-мъ—Шалона, о чемъ будетъ разсказано въ свое время. Чернышевъ, призвавъ къ себѣ Пантелеева, спросилъ его, нѣтъ ли возможности набрать нѣсколько доброконныхъ казаковъ и съ надежнымъ урядникомъ послать пошарить на большой дорогѣ. Полковникъ Пантелеевъ сказалъ, что можно, и что пошлетъ

надежнаго урядника Дудкина. Сказано—сдѣлано, и этотъ урядникъ Дудкинъ не только освободилъ Винценгероде съ его спутниками, но еще захватилъ курьера, ѣхавшаго изъ Парижа съ извѣстіемъ о заговорѣ Mallet и другого—отъ Наполеона съ извѣстнымъ двадцать девятымъ бюллетенемъ de la grande armée, такъ что впослѣдствіи, какъ Наполеону, такъ и Европѣ оба эти событія сдѣлались извѣстными чрезъ сообщеніе отъ русскаго правительства. Счастливый подвигъ, хоть безъ всякаго отраженія, дѣлающій честь Дудкину, между тѣмъ, какъ вся слава или, лучше сказать, выгода отъ событія была Чернышеву; онъ произведенъ въ генералъ-маіоры, назначенъ генералъ-адъютантомъ; за что? за то, что, сложа руки, преспокойно чужими руками, безъ всякой съ его стороны распорядительности, совершилъ удачный подвигъ; а дѣлецъ онаго, хотя за это и произведенъ въ хорунжіе, но, вѣроятно, ни въ какихъ запискахъ о войнѣ 12 года его имя не упомянуто. Винценгероде и Нарышкинъ поскакали въ Петербургъ; первый былъ принятъ съ восторгомъ Царемъ, который въ немъ считалъ себѣ друга,—и оба были произведены въ слѣдующіе чины.

XXVI.

Возвращеніе въ отрядъ.—Дѣйствія временно командующаго отрядомъ Винценгероде ген.-маіор. Иловайскаго 4-го.—Распорядительность А. Х. Бенкендорфа.—Видъ Москвы послѣ французовъ.—Назначеніе начальникомъ отряда ген.-адъют. Голенищева-Кутузова.—Полученіе отдѣльнаго отряда и начало партизанскихъ дѣйствій.—Дѣйствія Платова подъ Смоленскомъ.—Дѣйствія отряда.—Новое назначеніе открыть коммуникацію съ отрядомъ гр. Витгенштейна.—Простуда и ея послѣдствія.—Нежеланіе гр. Витгенштейна преслѣдовать французовъ до переправы черезъ Березину и слѣдствія этого.—Болѣзнь и отъѣздъ въ Вильну.

Теперь обращаюсь къ Москвѣ и тому времени, какъ французы выступили, и вслѣдъ за ними опять русскіе взошли въ Бѣлокаменную, осквернённую пятою французовъ.

Выше я обозначилъ, что вѣсть о плѣнѣ Винценгероде дошла до меня во время моего проѣзда изъ Питера въ Москву. Какъ мнѣ ни грустно было это обстоятельство, но по долгу службы я еще болѣе спѣшилъ прибыть въ отрядъ и съ твердымъ намѣреніемъ вступить въ должность чисто боевую, а не въ письменную должность штабъ-офицера при отрядѣ.

Прибывъ въ Москву, я явился къ командующему временно отрядомъ, какъ старшему генералъ-маіору, Иловайскому 4-му, человѣку нераспорядительному,

даже скажу, трусоватому; и поэтому, если какія-либо и были сдѣланы распоряженія о преслѣдованіи непріятеля, то они были сдѣланы по настоянію и указанію полковника Бенкендорфа (А. Х.). Но если Иловайскій 4-ый не заботился о распоряженіяхъ по военной части и о внутреннихъ первыхъ мѣрахъ устройства Москвы и поруганной святыни, то объ этомъ сейчасъ озаботился Бенкендорфъ и, чтобъ скрыть все неистовство учиненныхъ въ соборѣ Кремлевскомъ пакостей, онъ, Бенкендорфъ, совмѣстно со мною наложилъ печати на всѣ входы во внутрь, чтобъ скрыть отъ глазъ православныхъ эти поруганія до приведенія въ должное устройство, по распоряженію митрополита и духовной части.

Но зато Иванъ Дмитріевичъ Иловайскій съ попечительнымъ вниманіемъ разсматривалъ отбиваемые обозы у французовъ, которые, безъ исключенія, препровождались къ нему на личный осмотръ. Онъ тогда имѣлъ свое пребываніе на Тверской въ теперешнемъ домѣ Бѣлосельскаго. Все вносилось на личное его обозрѣніе, и какъ церковная утварь и образа въ ризахъ были главною добычею, увозимой французами, то на нихъ болѣе обращалъ вниманіе Иловайскій и дѣлилъ все это на два отдѣла: что побогаче въ одинъ, что побѣднѣе въ другой. Эта сортировка Бенкендорфу и мнѣ показалась страннымъ дѣйствіемъ, и Александръ Христофоровичъ спросилъ его: «Зачѣмъ этотъ дѣлежъ? вѣдь все это слѣдуетъ отдать духовному начальству, какъ вещи, ограбленныя изъ церквей Московскихъ и слѣдующія обратно въ оныя». Но на это Иловайскій отвѣчалъ:—Нельзя, батюшка, я далъ обѣтъ, если Богъ сподобитъ меня къ занятію Москвы отъ рукъ вражьихъ, все, что побогаче, все цѣнное, доставшееся моимъ казакамъ, отправить въ храмы Божьи на Донъ, а данный обѣтъ надо свято исполнить, чтобъ не разгнѣвать Бога.—

Попало ли все это въ церкви на Донъ или въ кладовыя Иловайскаго,—мнѣ неизвѣстно, но вѣрно то, что ни убѣжденія Бенкендорфа, ни мои увѣщанія не отклонили Иловайскаго отъ принятаго имъ распорядительнаго рѣшенія.

Видъ погорѣвшей Москвы, поруганіе, сдѣланное французами въ храмахъ Божіихъ и надъ стѣною Кремля, были горькія впечатлѣнія, и, какъ само собою разумѣется, утверждали въ каждомъ русскомъ, съ тѣмъ и во мнѣ, горячее желаніе изгнать врага изъ отечества. Развалины обгорѣлыхъ домовъ, поруганные соборы и церкви, въ которыхъ, большею частью, были конюшни или казармы, ободранные иконостасы и въ соборахъ мощи православныхъ нашихъ угодниковъ, вынутыя изъ ракъ, брошенныя посреди околѣвшихъ лошадей или умершихъ труповъ,—вотъ какое зрѣлище открылось передъ нами; но при этомъ съ какимъ благоговѣніемъ взиралъ я на образъ Святителя Николая надъ Никольскими воротами. Близъ самыхъ воротъ устроенъ былъ пороховой взрывъ, который, при дѣйствіи косвеннымъ направленіемъ надъ образомъ, произвелъ взрывъ стѣны. Стекло образа было покрыто пылью отъ образа, и какъ оно осталось невредимо отъ взрыва, почти коснувшагося до изображенія угодника,—это просто чудо.

Наше присутствіе въ Москвѣ долго не продолжалось; по распоряженію Иловайскаго, или лучше сказать, Бенкендорфа, уже многіе отряды слѣдили за движеніемъ французовъ и отбивали обозы и брали плѣнныхъ. Начальникомъ всего нашего отряда назначенъ былъ Государемъ генералъ-адъютантъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, который и принялъ командованіе онымъ. Прибывшій со мною Тетенборнъ, прибывшій послѣ Константинъ Бенкендорфъ, оба въ чинѣ подполковниковъ, а я уже получившій за отличіе чинъ полковника, каждый получили отъ новаго отряднаго командира осо-

бенный легкій отрядъ и были отправлены въ разныя направленія для преслѣдованія французовъ.

Какъ я записываю единственно то, въ чемъ я имѣлъ или личное участіе, или что извѣстно мнѣ, какъ положительно сбывшееся, то мое повѣствованіе ограничится теперь дѣйствіемъ отряда, мнѣ ввѣреннаго. Мой отрядъ состоялъ изъ двухъ сотенъ Донскихъ казаковъ и одной сотни Камышинскихъ казаковъ Астраханскихъ; офицерами были: три сотенныхъ командира и служившій въ Ямскомъ казачьемъ полку, тогда примкнувшемъ къ нашему главному отряду, Леонидъ Николаевичъ Львовъ, старый знакомый по Петербургу.

Описывая партизанскія дѣйствія своего отряда, я не буду морочить читателя, какъ это многіе партизаны дѣлаютъ, разсказами о многихъ небывалыхъ стычкахъ и опасностяхъ; и, по крайней мѣрѣ, добросовѣстностью моей, въ сравненіи съ преувеличенными разсказами другихъ партизановъ, пріобрѣту довѣріе къ моимъ запискамъ.

При выступленіи моемъ изъ Москвы съ ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ, дано мнѣ было направленіе на Духовщину, и потомъ, смотря по обстоятельствамъ, приказано было идти параллельно большой дорогѣ и тревожить непріятеля въ принятомъ имъ отступательномъ движеніи: уничтожать переправы, мосты и продовольственныя средства и запасы, забирать плѣнныхъ, однимъ словомъ, причинять ему возможный вредъ, соображаясь съ силами своего отряда.

Идя форсированными переходами, я прежде всѣхъ достигъ Духовщины; вскорѣ соединился со мной и Иловайскій 4-ый, отправленный вслѣдъ за мной, съ 4-мя казачьими полками,—и всѣ опередили французскій корпусъ принца Евгенія, отступающій къ Смоленску и преслѣдуемый съ тыла Платовымъ, со всѣми казачьими полками и однимъ егерскимъ полкомъ. Какъ млад-

шій по чину, я поступилъ въ команду Иловайскаго 4-го, какъ я уже выше сказалъ, человѣка не только осторожнаго, но и трусоватаго, и несмотря на мои усиленныя просьбы встать поперекъ дороги, чтобъ затруднить проходъ принца Евгенія, затрудненнаго переправой черезъ рѣку и преслѣдуемаго по пятамъ Платовымъ, Иловайскій на то не согласился, хотя нашъ отрядъ весьма бы затруднилъ движеніе принца Евгенія. Иловайскій только взялъ боковую позицію и тутъ даже, по своей нерѣшимости на натискъ раздробно идущихъ французовъ, пропустилъ ихъ, безъ всякаго на нихъ покушенія, благополучно идти по направленію къ Смоленску. Вслѣдъ за французами показался и Платовъ съ своими полчищами, и весь нашъ отрядъ поступилъ въ его команду. Платовъ, знавшій меня, приказалъ мнѣ, чтобъ мой отрядъ шелъ съ его полчищами. Онъ самъ ѣхалъ въ саняхъ и посадилъ меня на облучокъ оныхъ, и такъ онъ и все войско прибыли къ Смоленску, въ который входили всѣ соединенные корпуса французской арміи. Вытѣснить французовъ изъ Смоленска было ему не по силамъ, но онъ бы лучше сдѣлалъ не останавливаться въ виду Смоленска, а опередить отступленіе французовъ и, при большой силѣ его отряда, затруднить ихъ отступленіе по дорогѣ къ Дубровнѣ. Но Платовъ сталъ бивуакомъ подъ Смоленскомъ, тревожа только французовъ не спереди ихъ, а съ тыла.

Тутъ я при немъ пробылъ цѣлую ночь и былъ свидѣтелемъ того, что грустно мнѣ передавать о немъ. Не отнимая заслугъ его въ эту войну, я долженъ сказать, что онъ многое упустилъ по невоздержности своей. Ставъ на бивуакѣ, онъ приказалъ себѣ подать *горчишной*, т. е. водки, настоенной на горчицѣ, и, выпивъ порядочную чапарочку, огрузъ и заснулъ. Отрезвившись немного, онъ велѣлъ себѣ подать другую,

опять отрезвившись, велѣлъ подать третью, но уже такого размѣра, что свалился, какъ снопъ, и до утра проспалъ; и поэтому уже пропустилъ время къ распоряженію, далъ время французамъ безпрепятственно продолжать свое отступленіе и, вступивъ въ Смоленскъ, захватилъ только отсталыхъ; а между тѣмъ, занятіе Смоленска по реляціямъ поставлено, какъ значительный его подвигъ. Мой отрядъ, по малочисленности его въ сравненіи съ огромной численностью отряда Платова, просто былъ каплей воды въ морѣ, и я не имѣлъ возможности дѣйствовать независимо. Я изложилъ Платову, что имѣю для дѣйствія особое назначеніе отъ отряднаго моего начальника, и вслѣдствіе этого долженъ оное привести въ дѣйствіе, на что получилъ согласіе Платова; велѣлъ своимъ казакамъ сѣсть на коней и, разспросивъ у проводника прямой трактъ проселочный на Бабиновичи, пустился въ это направленіе. Указанный мнѣ проселокъ просто былъ пѣшей тропинкой чрезъ дремучій лѣсъ, весьма затруднительной для конной, даже одиночной, ѣзды, такъ что я съ моими казаками, почти лежа на шеѣ лошади, прошли этимъ лѣсомъ нѣсколько часовъ и пришли мы въ Бабиновичи, какъ лошади, такъ и казаки, весьма уставшими. Въ Бабиновичахъ я не засталъ французовъ, но былъ встрѣченъ радушно жителями евреями. Тутъ я узналъ, что въ полъ-перехода отъ Бабиновичей, въ деревнѣ Неклюдовой стоялъ обозъ французскій, а именно—казна Наполеона. Захватить его было-бы славное дѣло, но я полагалъ, что по усталости лошадей и людей двинуться туда было-бы имъ не по силамъ. Собралъ отрядъ и объявилъ имъ, что тамъ будетъ хорошая пожива. Слово «казна» возъимѣло магическое дѣйствіе на моихъ казаковъ. «Ведите насъ туда»—въ одно слово отъ всѣхъ. Пошли, но, прибывъ туда, узнали, что наканунѣ уже выступилъ этотъ

обозъ, и что мы его не догонимъ. Казаки жалѣли о неудачѣ, но я, признаюсь, былъ доволенъ. Если бы удалось захватить казну, то взять что-либо себѣ, было-бы не сходно съ моими правилами и беззаконно; предоставить же полное пользованіе оной отряду—также было-бы беззаконно, да и съ кишенью полною, худъ былъ бы казакъ въ бою; отдать все въ казну—того и смотри, что при пріемѣ сдѣлали бы еще на меня начетъ, да, притомъ, это понудило бы меня остановиться, сдавать пріемщикамъ и охранять отъ похищенія; словомъ, не взявъ казны, я охраненъ былъ отъ заботъ. Когда я возвратился съ поиска въ Бабиновичи, представился мнѣ случай сдѣлать другой. Ко мнѣ является жидокъ и извѣщаетъ, что на панскомъ дворѣ, верстахъ въ трехъ или четырехъ, ночуетъ французскій генералъ, съ незначительной при немъ свитой и неохраненный отрядомъ. Я, по маломъ отдохновеніи отряда, велѣлъ сѣсть на коней и разсчиталъ такъ, чтобъ придти къ этому панскому двору въ глубокую ночь; не доходя до панскаго двора, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: сотнику Врублевскому назначилъ 50-ть удальцевъ казаковъ и велѣлъ ему, когда дамъ знать, внезапно окружить панскій дворъ и захватить всѣхъ спящихъ, а самъ съ остальнымъ отрядомъ подался къ мѣстечку Орши, чтобъ, въ случаѣ тревоги, сдѣлать возможный отпоръ и дать время Врублевскому не быть съ его командой врасплохъ захваченному. Мои распоряженія вполнѣ увѣнчались. Тревоги со стороны непріятеля изъ Орши никакой не было. Врублевскій распорядился отлично, тихими стопами окружилъ панскій дворъ, такими же тихими стопами взошелъ въ него, засталъ генерала Корсена (Corsin), двухъ его адъютантовъ и 4-хъ конвойныхъ спящими, наскоро заставилъ ихъ всѣхъ одѣться, захватилъ всѣ ихъ пожитки, что казаки никогда не забываютъ, и далъ мнѣ знать объ успѣшномъ окончаніи порученаго ему и о томъ, что онъ съ добычею

отправился въ Бабиновичи; я вслѣдъ за нимъ, и не видавъ французовъ. Мой поискъ вполнѣ удался, даже безъ одного выстрѣла и малѣйшей потери.

При разсказѣ объ этой случайности, по добросовѣстности моей, въ противность разсказамъ всѣхъ партизановъ того времени, я скажу во всеобщее свѣдѣніе, что, большею частію, дѣйствіе партизановъ не подвергаетъ ихъ опасностямъ, ими выводимымъ въ ихъ реляціяхъ. Партизанъ рыщетъ тамъ, гдѣ ему по силамъ, и всегда имѣетъ въ виду не попасть самому впросакъ.

Прибывъ обратно въ Бабиновичи, я пріютилъ къ себѣ на квартиру плѣннаго генерала и его адъютантовъ до ихъ отправленія къ моему отрядному начальнику, и старался обращеніемъ моимъ утѣшить ихъ въ случившейся съ ними бѣдѣ. Въ теченіе нашего разговора ген. Корсенъ выразилъ мнѣ свое горе, что въ числѣ взятыхъ у него казаками вещей былъ карманный книжникъ съ портретомъ его жены. Я ему отвѣчалъ, что надѣюсь, что успѣю возвратить его ему. И, призвавъ Врублевскаго, сказалъ ему: «Вы знаете, что я ни на волосъ не касаюсь добычи вашей, но книжникъ съ портретомъ не имѣетъ цѣнности, я желаю возвратить его плѣнному генералу и надѣюсь, что вы отыщете оный и тѣмъ дадите мнѣ возможность сдѣлать пріятное плѣнному генералу, который тужитъ, что въ плѣну будетъ лишенъ портрета своей жены». Черезъ нѣсколько минутъ Врублевскій приноситъ мнѣ книжникъ, и я его передалъ генералу, обрадованному возвращеніемъ онаго; но эта моя учтивость породила въ немъ новую мысль просить о возвратѣ ему захваченныхъ у него нѣсколькихъ сотъ наполеондоровъ. Но на это уже отъ меня ему былъ отказъ; я объявилъ ему, что мое право не распространяется на отобраніе цѣнностей, взятыхъ съ бою.

Отправленіе взятыхъ въ плѣнъ и необходимость дать

отдохнуть отряду задержали меня въ Бабиновичахъ около сутокъ, по минованіи которыхъ я пустился опять въ новые поиски. Не помню, въ какой мѣстности, отъ истинно расположенныхъ въ то время къ Россіи жидковъ получилъ я свѣдѣнія, что въ окрестностяхъ, въ деревнѣ довольно безпечно расположились французы по домамъ. Опять я за Врублевскаго, далъ ему до ста казаковъ, выступилъ съ дневки и отправилъ его въ эту мѣстность, съ приказаніемъ ночью попытаться ихъ захватить и назначивъ ему мѣстность, гдѣ ему соединиться со мною на пути, куда я шелъ съ отрядомъ по назначенію, мнѣ данному, чтобъ какъ можно болѣе опередить главы колоннъ отступающихъ по большой дорогѣ французовъ и дѣлать задержки ихъ шествію, принимая мѣры къ уничтоженію запасовъ продовольственныхъ и переправъ, что не разъ успѣлъ я учинить внезапнымъ появленіемъ на большой трактъ. Въ тотъ день или, лучше сказать, на разсвѣтѣ, идя съ моимъ отрядомъ, я вдали вижу довольно протянутую колонну и не могу обсудить, мои—или непріятель, но болѣе по логикѣ думаю, что непріятель, потому что команда Врублевскаго, которую я ждалъ съ этой стороны, не могла имѣть такого протяженія. Взявъ нѣсколько казаковъ, я пустился лично на открытіе, и что-же вижу? Это шли казаки мои, ведущіе сотни три французовъ плѣнныхъ, удачно Врублевскимъ захваченныхъ, и вотъ какъ: онъ приблизился тихими стопами ночью къ деревнѣ, съ крайней тишиной взошелъ въ первую избу съ нѣсколькими казаками, перевязалъ едва проснувшихся французовъ, наполнявшихъ избу, и такъ обошелъ всѣ избы, оставляя въ каждой для присмотра казаковъ, и потомъ всѣхъ вывелъ и пустился съ добычей на присоединеніе со мною. Подвигъ этотъ можно почесть сказочнымъ, но завѣряю, что онъ былъ таковъ, какъ я разсказываю. Распорядившись объ отправленіи плѣнныхъ для пере-

дачи ближнему отряду, я опять пошелъ впередъ, имѣя назначеніе, вновь полученное, открыть коммуникацію съ корпусомъ графа Витгенштейна, идущимъ на соединеніе съ арміей Чичагова, и этимъ общимъ движеніемъ препятствовать переправѣ французовъ чрезъ Березину, тогда какъ главная армія преслѣдовала ихъ по пятамъ. Полученное мною новое назначеніе моихъ дѣйствій отдалило меня отъ столбовой дороги, по которой шла отступающая французская армія, и поэтому боевыя дѣйствія моихъ партій пріостановились; говорю — «моихъ партій», потому что по совѣсти скажу, самъ не былъ ни въ одной стычкѣ.

Послѣ нѣсколькихъ переходовъ, при уклонѣ дня я вдали увидѣлъ большой лагерь. Это было въ направленіи къ городу Черьѣ Витебской губерніи, въ мѣстности, окруженной болотами и озерами. Лагерь былъ такъ отдаленъ, что, по малочисленности моего отряда, мнѣ не было возможности приблизиться, тѣмъ болѣе, что уже, при наступившей холодной погодѣ, подернуло льдомъ воду въ рѣкахъ и болотахъ, а по свѣдѣніямъ мѣстнымъ, этотъ бивуакъ былъ французскій. Я, для наблюденія и разузнанія въ точности, пріостановился, не разложивъ даже огня, и не имѣлъ, что у казаковъ называется, ни каши, ни вьючныхъ лошадей, такъ какъ онѣ отправлены были въ другую мѣстность, гдѣ я намѣревался ночевать. Погода была очень дурная, сивережная; безъ огней и безъ вьючныхъ лошадей не было ни чѣмъ прикрыться, ни чѣмъ согрѣться -довольствовались пищей одними сухарями, и я до костей прозябъ. Говорю объ этомъ потому, что впослѣдствіи отъ этой ночевки я былъ постигнутъ простудой, разрѣшившейся горячкой, которая едва не свела меня въ могилу и помѣшала мнѣ быть однимъ изъ первыхъ подъ Вильной и, можетъ быть, имѣть случай отличиться наравнѣ съ другими. Какъ по обстоятельствамъ и по болѣзни мо-

ей прекратились мои здѣсь партизанскія дѣйствія, то я сдѣлаю перечень захваченныхъ мною плѣнныхъ: одинъ генералъ, сколько упомню, 17 штабъ и оберъ-офицеровъ и около 700 или 800 нижнихъ чиновъ, но опять здѣсь повторяю, лично самъ я не былъ въ дѣлѣ. За мои успѣшныя дѣйствія въ это время, впослѣдствіи я получилъ орденъ святаго Владиміра 3-ей степени въ награжденіе, признаюсь чистосердечно, легко схваченное.

Я, какъ выше сказалъ, замѣтивъ и узнавъ, что этотъ бивуакъ французскій, былъ принужденъ остановиться, но уже на разсвѣтѣ, увидѣвъ, что въ оном нѣтъ движенія, и замѣтивъ даже малую перестрѣлку, тогда уже положительно разсудилъ, что отступающіе—французы, а наступающій отрядъ изъ арміи Витгенштейна, и двинулся на присоединеніе къ своимъ. Вслѣдствіе даннаго мнѣ новаго приказанія, я явился къ командующему авангардомъ, генералу Бергу; моему отряду я приказалъ остановиться варить кашу и кормить лошадей (кони наши уже тогда примкнули), а самъ поскакалъ къ графу Витгенштейну и былъ, по совѣсти могу сказать, первымъ, который открылъ коммуникацію отъ главной арміи съ корпусомъ графа Витгенштейна. По реляціямъ это приписано Константину Бенкендорфу *), хотя онъ и прибылъ къ графу нѣсколькими часами позже меня,—но по пословицѣ русской: «нѣмецъ нѣмцу свой братъ». Въ главной квартирѣ графа я пробылъ сутки и тутъ разскажу, чему самъ былъ свидѣтелемъ, и что слышалъ собственными ушами.

Графъ находился въ общей пріемной комнатѣ, когда баронъ Дибичъ, оберъ-квартирмейстеръ его корпуса, просилъ настоятельно графа горячо преслѣдовать отступающихъ—фельдмаршала Виктора и,

*) Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ, братъ графа Александра Христофоровича, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, род. 1785 г., ум. 1828 г.

кажется, Удино, чтобъ разгромить ихъ до настиженія ими переправы черезъ Березину. Но графъ ему отвѣчалъ: «Пусть Чичаговъ съ ними возится, а когда уже по сію сторону останется хвостъ ихъ, тогда я дамъ имъ себя знать». Никакія убѣжденія Дибича не могли склонить графа, и точно, потомъ дивизія французская Партено (Partenot) на голову была разбита и плѣнена; но это былъ хвостъ только двухъ корпусовъ, которые бы сами могли испытать эту участь, если бы ихъ горячо преслѣдовали.

Недоброжательство графа къ Чичагову, или боязнь его поступить, какъ младшему, подъ команду адмирала, спасли Наполеона и французскую армію отъ плѣненія. Если-бы графъ перешелъ Березину въ Лепелѣ и слѣдовалъ тѣмъ же берегомъ для соединенія съ Чичаговымъ,—скопленіе столь значительныхъ силъ воспрепятствовало-бы всякой возможности переправы, и послѣдствія этого были бы неисчислимы, но зато русскія войска не были бы, можетъ быть, въ Парижѣ, и одно замѣняется другимъ. При скопленіи на одномъ пунктѣ столькихъ нашихъ войскъ, мелкимъ партизанскимъ отрядамъ нечего было дѣлать, и прибывшій Константинъ Бенкендорфъ, а за нимъ Тетенборнъ и я отошли всѣ отъ Витгенштейна; нѣсколько переходовъ шли вмѣстѣ, а потомъ, раздѣлившись, каждый принялъ свой окольный путь, давши себѣ слово соединиться подъ Вильной. Но мнѣ не суждено было это исполнить. Ночевка моя въ виду Черьи на меня сильно подѣйствовала, и простуда, тамъ схваченная, болѣе и болѣе усиливалась. Прибывъ съ отрядомъ моимъ въ помѣстье бывшаго губернатора Виленскаго Сулистровскаго, я съ отрядомъ моимъ расположился ночевать и намѣревался выступить рано утромъ, но при разсвѣтѣ такая взяла меня дрожь, что я рѣшился отправить отрядъ мой впередъ по принятому мною направленію, а самъ остался, думая, что,

напившись чего-либо горячаго и пролежавшись на печкѣ,я пропотѣю и, оправившись, догоню на ночлегѣ мой отрядъ.

Не тутъ-то было: жаръ все болѣе и болѣе распространялся, тѣло мое, можно сказать, пылало, во рту была чрезмѣрная сухость, и я чувствовалъ совершенное изнеможеніе. Добрая старушка, мать Сулистровскаго, за мною добродушно ухаживала; жажда непомѣрная объяла меня, пилъ холодную воду стаканъ за стаканомъ, но не могъ утолить жажды; наконецъ, пришло мнѣ на мысль попросить разсола огуречнаго, и этому питью я обязанъ жизнію. Выпитая вода мнѣ много повредила, но разсолъ, который я пилъ, можно сказать, ведромъ, такъ на меня подѣйствовалъ, что сдѣлался спасительный кризисъ, что мнѣ подтвердилъ и медикъ, присланный братомъ моимъ Репнинымъ, узнавшимъ, что я занемогъ. Отъ болѣзни я наскоро оправился и, пробывъ нѣсколько дней у Сулистровскаго, просилъ настоятельно у прибывшаго ко мнѣ медика позволенія ѣхать въ занятую уже русскими Вильну. Онъ поневолѣ согласился, но опять я долженъ былъ пріостановиться по случаю возобновленія горячки; оправившись немного, я, наконецъ, достигъ Вильны, гдѣ опять имѣлъ третій приступъ моей болѣзни и опять былъ у двери гроба; но, наконецъ, началъ поправляться.

XXVII.

Пребываніе главной квартиры въ Вильнѣ. Начало военныхъ дѣйствій.—Военныя дѣйствія подъ Калишемъ.—Переѣздъ главной квартиры Государя въ Калишъ.—Остановка военныхъ дѣйствій.—Награжденіе орденомъ св. Георгія 4 степ.—Русскіе въ Саксонскихъ владѣніяхъ.—Благородство чувствъ Винценгероде.—Самонадѣянность Дениса Давыдова.

Тогда вся молодежь царской и Константина Павловича свиты и главной квартиры была въ Вильнѣ *); между ними было много моихъ знакомыхъ, которые меня навѣщали; между ними былъ адъютантъ Великаго Князя, Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ (теперешній князь), товарищъ мой и по воспитанію, и по жизни петербургской, и по службѣ. Я такъ былъ худъ тѣломъ, что онъ мнѣ говаривалъ: «Ну что, братъ Волконскій, пора тебѣ поправляться; ты теперь такъ худъ, что тебя

*) 28-го ноября (10-го декабря) русскія войска заняли Вильну, захвативъ здѣсь 140 орудій, болѣе 14.000 человѣкъ и обширные склады запасовъ. 30-го ноября (12-го декабря) прибылъ князь Кутузовъ, явившійся въ край, уже знакомый ему, такъ какъ нѣкогда онъ занималъ мѣсто Литовскаго военнаго губернатора.

Населеніе, забывъ Наполеона и исчезнувшія мечты о возстановленіи польскаго королевства, привѣтствовало торжествующаго полководца; посыпались оды, рѣчи, на театральной сценѣ засіяло изображеніе Кутузова съ надписью: «Спасителю отечества». *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Томъ III, Спб. 1897 г., стр. 130).*

можно распять на перекрестѣ вмѣсто рѣзного Іисуса». Эти шутки меня не тревожили; скопище молодыхъ людей, которые каждый вечеръ посѣщали меня, пили, играли въ карты и шумѣли, нимало меня не безпокоило, напротивъ, развлекало меня, но зато музыка похоронная—а при смертности той эпохи, это повторялось по нѣскольку разъ въ день—производила на меня грустное впечатлѣніе. Государь и его свита прибыли въ это время въ Вильну *). Оправившись отъ болѣзни, я, по званію флигель-адъютанта, явился къ Государю и былъ принятъ милостиво. Тогда-же прибылъ и Винценгероде и пригласилъ меня опять состоять при немъ, что я принялъ съ благодарностью, любя и уважая этого человѣка.

Не могу дать отчета о происходившемъ тогда въ Вильнѣ при дворѣ, при главнокомандующемъ и въ общей жизни. Я еще такъ былъ слабъ, что не могъ слѣдить за происшествіями, но зналъ отъ другихъ, что главнокомандующій Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ игралъ первую роль. Это было въ концѣ декабря. Движеніе войскъ до нашихъ границъ не было остановлено, и, наконецъ, рѣшено было, по весьма кратковременномъ отдыхѣ, перейти за границу и преслѣдовать французовъ **).

---

*) Императоръ Александръ прибылъ къ своей арміи въ Вильну 11 декабря 1812 г.

25-го декабря 1812 года (6-го января 1813 г.), въ день Рождества Христова, манифестомъ было возвѣщено Россіи о благополучномъ окончаніи Отечественной войны. Начиналась война за освобожденіе Германіи. 28 декабря 1812 г. (9 января 1813 г.) главныя силы выступили изъ Вильны, направляясь къ Меречу на Нѣманѣ. При нихъ находились Императоръ Александръ и Кутузовъ. (*Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Томъ III, Спб. 1897 г., стр. 137—138*).

**) Преслѣдованіе французовъ за предѣлами Россіи—это была мысль Императора Александра, стремившагося добить своего противника; Кутузовъ же предлагалъ остановиться и предоставить Европѣ собственными силами выбиваться изъ-подъ тяжелой руки Наполеона.

Генералу Винценгероде былъ порученъ корпусъ, состоявшій изъ 3 и 4-ой пѣхотныхъ дивизій, объ вообще въ 18000, и около 6000 кавалеріи. Эти войска были сосредоточены около Гродна, куда и отправился изъ Вильны на почтовыхъ Винценгероде, взявъ меня съ собою. Едва выѣхавъ изъ Вильны (гдѣ скопленіе больныхъ просто заразило воздухъ), я началъ, могу сказать, ежечасно поправляться въ силахъ и, выѣхавъ весьма слабымъ изъ Вильны, пріѣхалъ въ Гродно порядочно уже окрѣпшимъ. Въ Гроднѣ уже была квартира авангарда арміи, подъ начальствомъ Милорадовича, при которомъ были Киселевъ и Граббе, и я у нихъ остановился. Сосредоточіе всего отряда, порученнаго Винценгероде, было назначено въ Гонензахъ, куда примкнули и нѣкоторые батальоны полковъ арміи Чичагова, составлявшіе упраздненный отрядъ Эртеля, и три украинскихъ казачьихъ полка, сформированные графомъ Виттомъ *).

Милорадовичъ двинулся по тракту къ Бѣлостоку, а когда онъ сталъ на уровень съ нами, то оба отряда, каждый по своему назначенію, двинулись впередъ: Милорадовичъ—на Пултускъ и Варшаву, а нашъ отрядъ—на Плоцкъ. Противъ Милорадовича и насъ были австрійцы; стычекъ не было, но каждый день условливались, что они отступятъ до такой-то мѣстности, а мы подадимся впередъ на столько-же, и поэтому, хоть неявно, но уже нѣкоторымъ образомъ скрытно, они переставали быть союзниками Франціи.

Такимъ образомъ, корпусъ, состоящій подъ командой Винценгероде, достигъ Плоцка. Переправу черезъ Вислу, хотя замерзшую, но весьма слабымъ льдомъ, должно было произвесть довольно осторожно, и, учинивъ эту переправу, мы пошли форсированнымъ маршемъ,

*) Это былъ новый авангардъ русской арміи.

уже не имѣя передъ собою австрійцевъ, которые пошли по направленію къ своей границѣ. Наше назначеніе было отрѣзать путь генералу Ренье, отступающему съ двумя дивизіями изъ Варшавы и съ частью саксонскаго корпуса. Не удалось намъ занять Калишъ до прихода Ренье, и тому не наша вина, потому что шли сколь возможно поспѣшно, а болѣе тому виновенъ Милорадовичъ, преслѣдовавшій слишкомъ горячо Ренье при отступленіи изъ Варшавы. Но мы успѣли отрѣзать отъ него саксонцевъ, при его корпусѣ состоящихъ, и стали подъ Калишемъ, занятымъ Ренье съ французскими войсками.

Первый подступилъ подъ Калишъ храбрый и распорядительный ген.-майоръ Ланской, командующій авангардомъ нашимъ, и, по удачной стычкѣ съ вышедшими изъ города французами, опрокинулъ ихъ въ опушку городскихъ строеній. Надо сказать, что корпусъ Ренье, имѣвшій часть польскихъ войскъ и саксонцевъ изъ арміи Шварценберга, не былъ въ томъ плачевномъ положеніи, какъ войско большой французской арміи, и что двѣ французскія дивизіи, въ ономъ состоящія, не участвовали въ кампаніи 1812 г. въ Россіи и поэтому численностью и моральнымъ духомъ были свѣжи. Дѣйствіе авангарда началось тѣмъ, что вновь сформированный польскій кавалерійскій полкъ, извѣстный тогда подъ названіемъ *Рушавка*, былъ на голову разбитъ и почти весь взятъ въ плѣнъ, и въ числѣ другихъ былъ взятъ и командующій полкомъ. Удачный подвигъ авангарда нашего, который долженъ быть приписанъ Ланскому, дозволилъ остальной части подошедшаго нашего корпуса стать въ позицію почти подъ самымъ городомъ. Это уже было за полдень; подъ сильнымъ огнемъ нашей артиллеріи пѣхота наша двинулась въ городъ; ею командовалъ принцъ Евгеній Виртембергскій, храбрый личностью, но не достаточно распорядитель-

ный, который имѣлъ слабость дѣйствовать разсыпнымъ строемъ и, къ несчастью, убѣдилъ Винценгероде дозволить ему такъ вести атаку. Завязалась жестокая перепалка, вся въ пользу французовъ, занимающихъ опушку строеній, гораздо болѣе свычныхъ къ перестрѣльному дѣйствію и находящихся въ большей для него удобности. Покамѣстъ эта перестрѣлка производилась, получено было извѣстіе, что, въ тылу нашемъ, отрѣзанныя по тремъ разнымъ направленіямъ саксонскія бригады генерала Ностица, Лекока и Габленца, не зная, что мы уже передъ Калишемъ, шли, чтобъ соединиться съ Ренье; противъ каждой изъ нихъ были высланы отряды, сперва малозначительные, чтобъ только слѣдить за ихъ движеніемъ, а потомъ и подкрѣпленіе. Противъ Габленца былъ посланъ съ отрядомъ кавалеристъ князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой; противъ Лекока, не помню кто; а противъ Ностица—сперва съ двумя эскадронами Александровскаго гусарскаго полка князь Мадатовъ, а потомъ я съ 3-мъ украинскимъ полкомъ. При видѣ прибывающаго, приводимаго мною подкрѣпленія, Ностицъ, узнавъ также, что чрезъ наши линіи подъ Калишемъ мудрено ему пробиться, вступилъ въ переговоры съ Мадатовымъ и сдался военно-плѣннымъ; нами взято тутъ нѣсколько орудій, при этомъ отрядѣ состоящихъ; кажется, и отрядъ Лекока сдался; но отрядъ Габленца успѣлъ, по оплошности Трубецкого, удержаться до ночи и при удобствѣ темноты ускользнулъ изъ нашихъ рукъ. Подобнаго успѣха, какъ въ этихъ частяхъ военныхъ нашихъ дѣйствій, мы не имѣли противъ Ренье въ Калишѣ; перестрѣлка все продолжалась, наша команда вредила городу, но наша пѣхота не могла занять городъ и всегда была отражаема. Около уже вечера Винценгероде рѣшилъ, чтобъ не терять попустому людей, приказать бить отбой, но съ твердымъ намѣреніемъ при разсвѣтѣ взять городъ съ бою. И было

на этотъ день ему чѣмъ довольствоваться: мы пріобрѣли много трофеевъ и плѣнныхъ. Хоть это и произошло, благодаря удали отдѣльныхъ отрядовъ, — но быстрота движенія отъ Плоцка къ Калишу, смѣлость оставить за собою въ тылу отряды непріятельскіе и, наконецъ, хоть не вовсе удачное дѣло, но все-таки причинившее уронъ непріятелю въ городѣ, все это было слѣдствіемъ распорядительности Винценгероде, и дѣло подъ Калишемъ, какъ первое съ бою по переходѣ за границу нашихъ войскъ, было по моральному вліянію, кромѣ пріобрѣтенной боевой выгоды, весьма значительно. За это дѣло получилъ Винценгероде 2-го Георгія, Ланской 2-го Владиміра, минуя Анну,—и весьма заслужили эту награду; а графъ Виттъ, Мадатовъ и храбрый генералъ артилеріи Никитинъ, каждый—3-го Георгія; я былъ представленъ къ производству въ генералъ-маіоры, но это производство замѣнено было 4-мъ Георгіемъ по обстоятельствамъ, которыя объясню впослѣдствіи.

Выше было объяснено, что битва передъ самымъ Калишемъ вечеромъ была пріостановлена, но когда на разсвѣтѣ двинулись наши войска для возобновленія боя, то увидали, что городъ былъ оставленъ французами.

Тутъ припоминаю разговоръ мой съ Винценгероде по прекращеніи перестрѣлки въ тотъ день, въ то время, когда онъ былъ занятъ соображеніями о предполагаемой атакѣ города. Какъ онъ дозволялъ мнѣ выражать ему свои мысли, то я ему сказалъ: «Генералъ! вотъ у насъ ускользнулъ Габленцъ, какъ-бы того-же не было и съ Ренье, и какъ-бы онъ намъ не выдалъ Калиша безъ боя». На это добрый старикъ, не сердясь за мою выходку, сказалъ: «Отступающему непріятелю никогда не надо мѣшать въ этомъ». Хоть иногда это и истина, но я полагаю, что въ настоящемъ случаѣ не надо было этого принципа держаться: задержа Ренье въ Калишѣ, отрядъ нашъ и идущій изъ-подъ Варшавы отрядъ графа

Сентъ-При, который вступилъ также въ занятый нами городъ, могли-бы просто заставить Ренье, отрѣзаннаго отъ коммуникаціонной линіи, положить оружіе.

По занятіи Калиша, нашъ авангардъ преслѣдовалъ Ренье до австрійской границы, за которую вступилъ онъ. Австрійцы не позволили имъ вооруженнымъ проходить чрезъ ихъ владѣнія; весь составъ корпуса Ренье сложилъ ружья въ обозныя фуры, артиллерія и снаряды были отданы подъ конвой австрійцамъ, и, такимъ образомъ, онъ перешелъ черезъ австрійскія владѣнія до саксонской границы, гдѣ ему все это было возвращено.

Пробывъ дня два въ Калишѣ, корпусъ нашъ занялъ квартиры на саксонской границѣ. Главная квартира Государя перешла въ Калишъ *), и на короткое время была остановка военныхъ дѣйствій, и начались переговоры съ прусскимъ королемъ о союзѣ его съ Россіей **). Подробности этихъ переговоровъ и все происшедшее тамъ можно гораздо отчетливѣе узнать изъ военныхъ повѣствованій, относящихся къ этой эпохѣ.

Наша корпусная квартира была въ Раничѣ, откуда меня послалъ Винценгероде съ общимъ представленіемъ о награжденіи за сраженіе подъ Калишемъ. Государь вполнѣ его утвердилъ и передалъ его для исполненія главнокомандующему, тогда именуемому княземъ Смоленскимъ. Въ то же время при немъ состоялъ начальникомъ штаба князь Петръ Михайловичъ Волконскій ***), женатый на моей сестрѣ. Онъ настоятельно

---

*) 12-го (24-го) февраля 1813 г.

**) Союзный договоръ заключенъ былъ въ Калишѣ 16-го (28-го) февраля 1813 года.

***) Передъ началомъ заграничнаго похода генералъ-адъютантъ князь Волконскій былъ именованъ начальникомъ главнаго штаба всѣхъ армій при фельдмаршалѣ князѣ Кутузовѣ. А. П. Ермоловъ въ запискахъ своихъ пишетъ: «Государю надобенъ былъ человѣкъ, давно къ нему приближенный и совершенно имъ испытанный. Князь Волконскій преданъ ему безпредѣльно, и не

просилъ Кутузова отклонить Государя отъ производства меня въ генералъ-маіоры, выставляя, что я такъ недавно произведенъ въ полковники, что это породитъ въ арміи неудовольствіе и что это припишутъ его заступничеству и лицепріятію, а онъ не хочетъ подвергнуться такому укору. Хотя Государь меня отстаивалъ, но главнокомандующій такъ настаивалъ, что, наконецъ, Государь согласился, и вмѣсто чина награжденъ я былъ, какъ выше сказалъ, орденомъ Св. Георгія 4-го класса. Это обстоятельство весьма остановило мое служебное поприще, потому что я произведенъ былъ въ генералы только въ сентябрѣ и на хвостѣ многихъ, тогда произведенныхъ, и поэтому старшинству моему нанесли значительную невыгоду. Сраженіе подъ Калишемъ было 2-го февраля 1813 г., а производство мое послѣдовало только 15-го сентября. Всѣ движенія арміи были пріостановлены, сколько помнится мнѣ, цѣлый февраль, покамѣстъ условливались о союзѣ съ Пруссіей, и общее движеніе началось, сколько упомню, въ теченіе марта *).

Когда возобновились военныя дѣйствія, нашему корпусу предназначено было вступить въ Лузацію, идти форспрованнымъ маршемъ къ Эльбѣ и дѣйствовать наступательно, минуя Дрезденъ, на Мейсенъ и потомъ

легко было бы замѣнить его другимъ. Съ этого времени отъ самого Государя исходили всѣ распоряженія. Онъ наблюдалъ за исполненіемъ ихъ». (*Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Томъ III, Спб. 1897 г., стр. 140).*

*) Главнокомандующимъ союзными войсками былъ назначенъ Кутузовъ. Для наступленія армія была раздѣлена: 20 т. русскихъ и 30 т. прусскихъ (Іорка и Бюлова) всего 50 т., подъ начальствомъ Витгенштейна—составили сѣверную группу, для наступленія на Берлинъ; подъ начальствомъ Блюхера должна была направиться на Дрезденъ южная группа изъ 27 т. прусскихъ войскъ съ русскимъ авангардомъ Винценгероде, въ 13 т.—всего 40 т.

Главная наша армія, въ 30 т., какъ резервъ первыхъ двухъ группъ. Всего не больше 120 т. Движеніе сѣверной группы началось въ концѣ февраля, а южной—въ началѣ марта. Такъ началась кампанія 1813 года.

на Лейпцигъ, чтобъ отрѣзать отъ соединенія съ главной арміей французской отрядъ, стоящій въ Дрезденѣ. Мы взошли въ Лузацію, заняли Бунцлау, мѣстность, столь знаменитую кончиной князя Смоленскаго, потомъ, не встрѣчая нигдѣ ни сопротивленія, ни французовъ, заняли Герлицъ и Бауценъ. Вездѣ насъ встрѣчало мѣстное начальство и народъ, какъ избавителей отъ ига Франціи, а нашимъ войскамъ приказано было обходиться съ жителями дружелюбно, за чѣмъ и строго смотрѣли, а за продовольствіе платили квитанціями.

Въ Герлицѣ, при встрѣчѣ насъ мѣстнымъ начальствомъ, Винценгероде объявилъ депутаціи, что мы не непріятельское для нихъ войско, какъ онъ всегда выражалъ съ самаго входа въ Саксонскія владѣнія, и прибавилъ, что буде, вопреки данному русскому войску приказанію, сдѣлана будетъ, хоть одному жителю, обида, то всякій имѣетъ право свободнаго къ нему доступа съ жалобой.

Не знаю, по какому обстоятельству, на квартирѣ, занимаемой русскими, было сдѣлано притѣсненіе хозяину оной, и испуганный нѣмецъ съ воплемъ принесъ жалобу Винценгероде, который приказалъ мнѣ сдѣлать розыскъ и виновныхъ представить ему для сужденія по закону. Офицеръ, причинившій эту обиду, былъ изъ батальоновъ, поступившихъ въ нашъ корпусъ изъ бывшаго отряда Эртеля, довольно распущеннаго въ отношеніи дисциплины. Я доложилъ Винценгероде, что привели виновнаго; но прежде долженъ объяснить, что въ батальонахъ, поступившихъ изъ дивизіи, бывшей въ Молдавіи, подъ начальствомъ покойнаго князя Аркадія Александровича Суворова, всѣ офицеры носили солдатскіе мундиры, что было введено княземъ и сохранялось. Винценгероде, взбѣшенный, что его приказаніе о дружелюбномъ обращеніи съ жителями не соблюдается, вышелъ навстрѣчу виновнаго и, какъ

не замѣтилъ, что онъ офицеръ, началъ его ругать и въ горячности далъ ему пощечину.

Это обстоятельство меня поразило глубоко, просто, какъ варомъ обдало. По преданности моей къ Винценгероде, по сочувствію къ носящему мундиръ русскій,—офицеръ-ли онъ или рядовой,—я былъ сильно огорченъ, этимъ поступкомъ, какъ бы отъ собственной бѣды, убѣжалъ во внутреннія комнаты и, вставъ въ углубленіе окошка, началъ отъ злости-ли или, лучше сказать, отъ сочувствія и къ Винценгероде, и къ обиженному навзрыдъ плакать. Возвращающійся мой начальникъ, видя, что я не поворачиваюсь, стоя къ нему спиной и, можетъ быть, замѣтивши мое смущеніе, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Что съ вами случилось?»—Не со мною, генералъ, сказалъ я ему, но съ вами. —«Да что-же?» сказалъ онъ.—Да, генералъ, вы въ запальчивости сдѣлали ужасное дѣло.—«Да что-же? я не понимаю?»—Вы дали пощечину офицеру.—«Да это не офицеръ, а простой рядовой.»—Да и въ такомъ случаѣ было-бы ваше дѣйствіе предосудительно, а вы нанесли такую обиду офицеру.—«Неужели?» -Точно такъ, генералъ. -Тогда добрый старикъ, взявъ меня за руки, сказалъ: «Я уважаю васъ; да, я невольно обидѣлъ офицера, но постараюсь это поправить; позовите мнѣ этого офицера». Когда его привели, онъ ему сказалъ: «Я неумышленно предъ вами виноватъ, я принялъ васъ за рядового, и поэтому мой неумышленный поступокъ не могу другимъ поправить, какъ предложить дать вамъ сатисфакцію поединкомъ, несмотря на наше обоюдное званіе».

Благородный поступокъ, не оправдывающій, но нѣкоторымъ образомъ уменьшающій вину Винценгероде.

Но, къ сожалѣнію, этотъ офицеръ не понялъ благороднаго поступка начальника и, къ стыду моему, отвѣтилъ: «Генералъ! не этого я отъ васъ прошу, но

чтобъ, при случаѣ, не забыли меня представленіемъ». Тутъ уже я покраснѣлъ за соотечественника и внутри себя не могъ не сказать себѣ, что этотъ подлецъ не заслуживалъ моего сочувствія. Этотъ анекдотъ выставляю не въ пользу свою, но чтобъ выказать благородство чувствъ Винценгероде.

Нашъ корпусъ продолжалъ свое движеніе; было приказано командующему легкимъ отдѣльнымъ отрядомъ, полковнику Денису Давыдову, идти на Дрезденъ, съ той именно цѣлью, чтобъ по малочисленности отряда не дать вида, что мы имѣли намѣреніе идти на Дрезденъ, а только, чтобъ занять французовъ и дать время всему корпусу переправиться черезъ Эльбу въ Мейсенѣ и тѣмъ имѣть возможность не дать французскимъ войскамъ, занимавшимъ Дрезденъ, отступить.

Но Денисъ Давыдовъ, не слѣдуя данной ему инструкціи и имѣя свѣдѣнія, что предмѣстье Дрездена, Нейштадтъ, французы не хотятъ сильно защищать, видя къ тому же случай къ пріобрѣтенію личной для себя славы, не только что безъ всякаго почти боя занялъ Нейштадтъ, но вошелъ въ переговоры съ начальствующимъ въ Дрезденѣ генераломъ Дюрютомъ *) о заключеніи двухдневнаго перемирія, позволяющаго французамъ безпрепятственно выступить изъ Дрездена и тогда предоставить русскимъ безпрепятственно взойти въ городъ. Винценгероде, взбѣшенный неисполненіемъ Давыдовымъ въ точности даннаго ему приказанія, отказалъ ему въ командованіи ввѣреннымъ ему отрядомъ, хотѣлъ его отдать подъ судъ военный и только по настоятельному моему ходатайству согласился предоставить ему явиться въ главную квартиру и лично оправдаться; но все же далъ знать начальнику штаба, что ему не

*) Дюрютъ съ 3 т. былъ оставленъ въ Дрезденѣ отступившимъ оттуда Даву.

нуженъ подчиненный, который считаетъ себя умнѣе его.

Вотъ добросовѣстный разсказъ о происшествіи, вовсе иначе разсказанномъ Денисомъ Давыдовымъ, который, обладая бойкимъ умомъ и словцомъ, прибѣгнулъ къ неприличной шуткѣ, сказавъ, что, когда онъ предсталъ передъ Винценгероде, фортуна стала къ нему задомъ. Но если уже говорить о курносыхъ, то скорѣе самого Давыдова можно было назвать таковымъ.

XXVIII.

Стоянка арміи послѣ Калишскаго сраженія.—Злоупотребленіе при обмундированіи арміи.—Вступленіе въ Дрезденъ.—Занятіе Лейпцига.—Смерть Кутузова. — Св. Пасха въ Лейпцигѣ. — Новый главнокомандующій гр. Витгенштейнъ.—Военныя дѣйствія подъ Вейсенфельсомъ.—Удачный выстрѣлъ полубатареи конной артиллеріи.—Командировка къ Государю отъ главнокомандующаго.—Разговоръ Государя.—Возвращеніе изъ командировки.

Желая не прерывать изложенія событій, я упустилъ изъ виду общее и частное положеніе дѣлъ, не до военныхъ дѣйствій относящееся, и сопряженныя съ оными обстоятельства.

Стоянка вообще всей арміи послѣ Калишскаго сраженія была довольно продолжительна. Вскорѣ послѣ Калишскаго сраженія, графъ Воронцовъ, командующій осаднымъ отрядомъ, занялъ Позенъ почти безъ боя, хотя противное было означено въ реляціи его. Армія Чичагова обложила Торнъ. Словомъ, великое герцогство Польское было занято сполна русскими войсками, и, во время переговора съ Пруссіей и тайныхъ приготовленій ея къ борьбѣ вмѣстѣ съ нами противъ французовъ, всѣ арміи, кромѣ войскъ, обложившихъ Торнъ, были расположены, хоть и на тѣсныхъ квартирахъ, для отдохновенія и для устройства и пополненія въ оныхъ

резервовъ и для обмундированія, вовсе истлѣвшаго въ войскахъ, участвовавшихъ въ бояхъ и походахъ въ 1812 г.

Еще до союза съ Пруссіей армія графа Витгенштейна заняла Кенигсбергъ, по случаю перехода къ намъ генерала Іорка со всѣмъ его корпусомъ. Тамъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ графъ Сиверсъ генералъ-губернаторомъ съ русской стороны, и ему было поручено изготовить по мѣрѣ трехъ разрядовъ одежду и обувь для русской арміи вольною покупкою и вольнымъ шитьемъ. Вслѣдствіе слабости и непопечительности графа, не въ укоръ его честности, вкралось въ это дѣло (по обычаю всякаго рода заготовленій въ Россіи) страшное злоупотребленіе: привозимыя вещи, для большого роста назначенныя, не входили даже на малый ростъ; все было шито на живую нитку и качествомъ весьма плохо. При уличеніи всѣхъ этихъ безпорядковъ, графъ былъ отданъ подъ судъ, который продолжался до кончины Александра Павловича, и уже при восшествіи на престолъ Николая дѣло было улажено преданіемъ полному забвенію. Винценгероде же взялъ на свою отвѣтственность наложить реквизиціи въ мѣстахъ, его корпусомъ занимаемыхъ, подъ квитанцію и, слѣдя за доброкачественностью поставокъ сукна, холста и сапожнаго товара и за работою полковыхъ мастеровъ, можно сказать, по истинѣ обмундировалъ свой корпусъ прекрасно, такъ что оный, при послѣдующихъ встрѣчахъ съ другими русскими корпусами, выказывался отлично противъ нихъ обмундированнымъ.

Обращаюсь къ занятію Дрездена Давыдовымъ. Уже нечего было продолжать Винценгероде направленіе главной части командуемыхъ имъ войскъ на Мейсенъ, какъ движеніе, которое не достигало уже предполагаемой имъ цѣли—отрѣзать возможность отступленія французскаго отряда Дрезденскаго къ главной французской арміи. Весь корпусъ вступилъ въ

Дрезденъ, гдѣ жители его приняли не только радушно, но даже съ восторгомъ. Корпусная квартира тамъ расположилась, а ген.-майоръ Ланской, начальникъ нашего авангарда, былъ немедленно отправленъ къ Лейпцигу, и вскорѣ занялъ этотъ городъ. Король Саксонскій заранѣе выѣхалъ въ Богемію со всѣмъ дворомъ, фамиліею и главными лицами управленія, поэтому надо было учредить временное управленіе, какъ города, такъ и той части королевства, которое уже было занято или занимаемо русскими войсками.

Это задержало корпусную квартиру на нѣсколько дней въ Дрезденѣ, но войска корпуса всѣ двинулись къ Лейпцигу, и вскорѣ корпусная квартира туда перешла *), и Ланской съ авангардомъ занялъ Зондергаузенъ и Гальберштадтъ и въ этой мѣстности остановился, потому что уже не только ему, но даже и всему корпусу не по силамъ было входить въ борьбу съ начинающею сосредоточиваться новою французскою арміею, послѣ пораженія въ Россіи старой. Какъ главныя силы всей русской арміи, такъ и нашъ корпусъ, оставались нѣкоторое время въ бездѣйствіи.

Главная квартира арміи русской перешла вслѣдъ за ними въ Бунцлау, куда уже главнокомандующаго М. И. Кутузова перевезли больного, и гдѣ онъ вскорѣ по пріѣздѣ скончался **). Вся армія въ Россіи поражена

---

*) 22 марта (3 апрѣля). Вслѣдъ за Винценгероде шелъ Блюхеръ и въ это время прошелъ черезъ Дрезденъ.

**) По прибытіи главной квартиры въ Бунцлау, 6-го (18-го) апрѣля, болѣзнь Кутузова не позволила ему далѣе слѣдовать за арміею. Фридрихъ-Вильгельмъ поручилъ попеченіе о немъ знаменитому врачу Гуфеланду; но дни фельдмаршала были уже сочтены: онъ скончался 16-го (28-го) апрѣля 1813 г. «Болѣзненная и великая не для однѣхъ васъ, но и для всего отечества потеря», писалъ Государь овдовѣвшей княгинѣ. «Не вы одна проливаете о немъ слезы: съ вами плачу я, и плачетъ вся Россія!» Тѣло князя Кутузова было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Казанскомъ соборѣ. *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Т. III. Спб. 1897 г., стр. 144).*

была этою вѣстью, и смѣю выразить, что, если-бы онъ былъ живъ, мы не потерпѣли бы многихъ неудачъ, встрѣтившихся впослѣдствіи.

Общая стоянка арміи недолго продолжалась. Вскорѣ уже не одна русская армія, но и союзникъ нашъ, король прусскій, двинулъ все, что только могъ сосредоточить изъ регулярной своей арміи, и къ ней примкнули и вновь сформированный ландверъ, и въ разныхъ мѣстахъ сформированные батальоны и эскадроны. Надо отдать справедливость, что общій патріотическій порывъ не имѣлъ предѣла, и что новые войска въ Пруссіи повсемѣстно устраивались и выходили въ походъ. Къ нашей-же арміи примыкали резервы и всѣ арміи, приготовленныя къ бою. Во время стоянки нашей въ Лейпцигѣ насталъ день Свѣтлой Пасхи. Въ Лейпцигѣ есть монастырь греческаго православнаго исповѣданія. Полковые священники полковъ нашего корпуса и настоятель монастыря съ братіею по нашему обряду совершили соборно пасхальную службу. Малое помѣщеніе церкви монастыря едва позволило генералитету, полковымъ командирамъ и штабу быть при служеніи въ оной, но войска всего корпуса были сосредоточены (разумѣется, исключая авангарда) передъ монастыремъ. При извѣстномъ провозглашеніи по церковному чину «Христосъ Воскресе», духовенство соборно вышло изъ церкви, въ сопровожденіи корпусныхъ командировъ, всѣхъ штабъ-офицеровъ и штабныхъ и провозгласило передъ войскомъ, устроеннымъ въ парадѣ и отлично одѣтымъ, теплую для каждаго христіанскаго сердца молитву: «Христосъ Воскресе», а для насъ русскихъ еще болѣе горячую, ибо она для насъ и религіозная, и отечественная. Просто по обоимъ чувствамъ, для всѣхъ присутствующихъ русскихъ это была минута восторженности, а для скопившихся жителей города—небывалое зрѣлище. Потомъ войска были

угощены обычнымъ завтракомъ пасхальнымъ и двойною порціею водки, а генералы, штабъ и оберъ-офицеры—завтракомъ у корпусного командира, и обычное «Христосъ воскресе» и «Воистину воскресе» переходило не только съ устъ, но, могу сказать, вырывалось у каждаго изъ сердца.

Послѣ нѣкоторой стоянки, соединенныя арміи россійская и прусская, состоящія подъ общимъ предводительствомъ русскаго главнокомандующаго, двинулись съ кантониръ-квартиръ, и главная квартира Александра Павловича и союзника его, короля прусскаго Фридриха Вильгельма III, была перенесена въ Дрезденъ, и тамъ уже получено было извѣстіе о смерти князя Кутузова Смоленскаго, оставленнаго больнымъ въ Бунцлау, о чемъ я уже прежде сообщалъ.

Назначенный новый главнокомандующій былъ графъ Витгенштейнъ, пріобрѣтшій въ 12 году себѣ военную славу дѣйствіями своими подъ Клястицами, Полоцкомъ, Чашниками и вообще своими распоряженіями при дѣйствіи прикрытія Петербурга отъ нападенія. Графъ Витгенштейнъ пріобрѣлъ великую популярность, и назначеніе это было принято вообще арміей радушно, хотя многіе изъ корпусныхъ командировъ были старше его по чину; но имѣлъ-ли онъ тѣ многочисленныя дарованія или, лучше сказать, то невыразимое предопредѣленіе, которымъ судьбой выражаются таковыя въ человѣкѣ—это вопросъ, который не легко разрѣшить, а послѣднее его командованіе арміей гласитъ иное.

Наконецъ настаетъ общее наступательное движеніе союзной арміи. Въ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ я буду ограничиваться, большею частью, повѣствованіемъ дѣйствій корпуса, подъ начальствомъ Винценгероде состоящаго, при которомъ я находился, а если что-либо передамъ о другихъ войскахъ, -это будетъ лишь то, чему личнымъ былъ свидѣтелемъ, или что положительно мнѣ

извѣстно. Нашъ корпусъ изъ Лейпцига двинулся въ Вейсенфельсъ, передовые наши отряды и авангардъ, подъ командою Ланского, занимали Зондергаузенъ, Галле и иныя мѣста по этой линіи, а арміи изъ занимаемыхъ ими мѣстностей, при переходѣ чрезъ Эльбу, двинулись къ Лейпцигу. Съ своей стороны, Наполеонъ, можно сказать, магически составилъ новую армію французскую и, присоединивъ ее къ остаткамъ той, которая спаслась отъ пораженія въ 12 году, съ своей стороны, началъ наступательное движеніе. Силы его въ пѣхотѣ и артиллеріи были значительны, но кавалерія весьма слаба *). Наступательнымъ его движеніемъ нашъ авангардъ и передовые отряды были принуждены отступать постепенно къ нашему корпусу, и, наконецъ, дознано было Винценгероде, что однимъ нашимъ корпусомъ нельзя было противиться наступательному движенію французовъ. Получено было донесеніе отъ Ланского, что его сильно тѣснятъ и что онъ, отбиваясь по возможности, ретируется къ Вейсенфельсу, —и отъ генерала Кноринга, что онъ также съ ввѣреннымъ ему отрядомъ отступилъ изъ Галле. Винценгероде занялъ позицію довольно выгодную подъ Вейсенфельсомъ и приказалъ передовымъ отрядамъ отступать, обороняясь по возможности; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ знать главнокомандующему, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ о силѣ наступающихъ французскихъ войскъ, онъ принужденъ будетъ отступить и съ этой позиціи, по несоразмѣрности численности войскъ его корпуса съ войсками непріятеля; но на это донесеніе получилъ онъ приказаніе сдѣлать по всей линіи, занимаемой нашимъ корпусомъ, наступательное движеніе и занять снова Вейсенфельсъ

*) 16 (28) апрѣля Наполеонъ прибылъ въ Веймаръ. Его силы были сгруппированы: 125 т. двигались къ Лейпцигу; 40 т. двигались черезъ Галле къ Мерзебургу. Итого, 165 т. У союзниковъ было не болѣе 92 т., сосредоточенныхъ между Лейпцигомъ и Альтенбургомъ.

и Галле. Въ самое время полученія приказанія, французскій корпусъ, командуемый фельдмаршаломъ Бессіеромъ, вытѣснилъ изъ Вейсенфельса авангардъ Ланского, уступившій съ бою, шагъ за шагомъ, и въ это время была произведена блистательная атака дивизіономъ Бѣлорусскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Весловскаго, который опрокинулъ французскихъ тиральеровъ, выходившихъ изъ Вейсенфельса.

Превосходство численности войскъ французскихъ заставило Винценгероде дать приказаніе Ланскому медленно отступить, дѣйствуя болѣе артиллеріею, для охраненія отъ ущерба войскъ, готовыхъ и желавшихъ схватки. Самъ же Винценгероде приказалъ кавалеріи своего корпуса составить резервъ авангарда, въ случаѣ сильнаго натиска французовъ; и, при убѣжденіи, что съ нѣсколько тысячами пѣхоты онъ не можетъ вступить въ бой съ превышающими силами французскаго атакующаго корпуса, онъ приказалъ отступать всей пѣхотѣ, чтобы не подвергнуть ее урону и затруднительному отступленію при сильномъ натискѣ французовъ, какъ я уже сказалъ, весьма превосходныхъ въ силахъ въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что у Винценгероде было тутъ подъ рукой,—и мы отступили по направленію къ Пегау. Остановлю нѣсколько разсказъ мой о военныхъ дѣйствіяхъ, чтобы сообщить нѣкоторыя обстоятельства, хотя и внѣ боевого предмета. Одно изъ нихъ—разсказъ объ удачномъ выстрѣлѣ полубатареи нашей конной артиллеріи. Этой полубатареей командовалъ нѣкій Горскій. Ланской, стараясь затруднить наступательное движеніе французовъ, и по данному ему приказанію отъ Винценгероде, по мѣрѣ наступленія французовъ, отступилъ боевымъ порядкомъ, прикрывая отступленіе дѣйствіемъ артиллеріи, самъ распоряжался, объѣзжалъ позиціи оной и назначалъ образъ ея отступленія. При временномъ пребываніи его

при полубатареи Горскаго, онъ ему сказалъ: «Ну, хвастунишка» (Горскій былъ таковымъ), «видишь эту кучку,—если ты знаешь свое дѣло, попади въ нее». На это Горскій ему отвѣчалъ:—Съ перваго и второго выстрѣла, можетъ быть, не удастся, но съ третьяго ручаюсь.—«Полно, хвастаешь, навѣрно», сказалъ ему Ланской.—Увидите,—ему отвѣчалъ Горскій. И точно, нацѣлилъ орудіе: первое ядро не долетѣло, другое хватило черезъ, а третье—прямо въ кучку, и внесло въ нее большое смятеніе, а впослѣдствіи было узнано, что именно этотъ выстрѣлъ поразилъ смертельно фельдмаршала Бессьера. Всего, что разсказываю, я былъ личнымъ свидѣтелемъ: и разговора, и происшествія.

Винценгероде, взбѣшенный еще разъ подтвержденнымъ приказаніемъ отъ Витгенштейна, чтобъ онъ наступательно дѣйствовалъ, когда ему это было не по силамъ, принужденъ былъ отправить меня къ главнокомандующему съ тѣмъ, чтобы ему словесно объяснить положеніе дѣлъ. Быстро я понесся на своемъ конѣ для исполненія даннаго мнѣ порученія и для скорѣйшаго привоза новыхъ распоряженій. Прибывъ, не помню уже по названію мѣстность, къ графу, я передалъ и объяснилъ ему положеніе дѣлъ. И въ то самое время прибылъ къ нему фельдъегерь отъ Государя за извѣстіемъ о положеніи дѣлъ при передовыхъ отрядахъ нашей арміи. Витгенштейнъ тогда мнѣ сказалъ: «Садитесь на повозку фельдъегеря и скажите Государю, что все прекрасно идетъ и что я вполнѣ увѣренъ, что все хорошо пойдетъ по предназначенному мнѣ плану». Затѣмъ, графъ прибавилъ: «А я, по случаю вашей поѣздки къ Государю, пошлю другого за васъ къ Винценгероде съ общей диспозиціей дальнѣйшихъ ему дѣйствій». Я поскакалъ съ фельдъегеремъ, но на половинѣ дороги встрѣтилъ Государя, ѣхавшаго на дрожкахъ съ генералъ-адъютантомъ княземъ Волконскимъ.

И онъ, и мы остановили нашъ поѣздъ, и Государь спросилъ у меня: «Что новаго»? Какъ я былъ посланъ къ нему отъ Витгенштейна, то и передалъ Государю то, что главнокомандующимъ мнѣ было сказано и что въ убѣжденіи моемъ было ложное изложеніе дѣлъ.

Государь, пристально смотря на меня и вслушиваясь въ мой отвѣтъ, замѣтилъ-ли, что я невольно передаю то, чему не вѣрю, но сказалъ мнѣ: «Ну, это все, что приказалъ тебѣ передать мнѣ графъ, а теперь скажи мнѣ, какъ обсуживаетъ Винценгероде положеніе дѣлъ, и совѣстливо отвѣчай на мой вопросъ». — Вы, Государь, требуете отъ меня то, что совершенно будетъ противно переданному вамъ отъ графа, что я обязанъ былъ вамъ передать, какъ порученіе его къ вамъ; но если вы желаете знать обсужденіе обстоятельствъ Винценгероде, то оно совершенно не соотвѣтствуетъ обсужденію, переданному мною вамъ отъ главнокомандующаго. Отъ Винценгероде требуютъ невозможнаго исполненія, и вопреки назначаемаго графомъ, Винценгероде увѣренъ, что необходимо сосредоточить все войско, и что неминуемо будетъ безотлагательное генеральное сраженіе.—Государь похвалилъ меня за искренность и отпустилъ меня, сказавъ: «Передай Винценгероде признательность мою за все, имъ сдѣланное, и увѣренность, что онъ и я мы другъ друга понимаемъ».

Возвратившись къ мѣсту пребыванія главной квартиры графа, я освѣдомился, будутъ ли мнѣ даны приказанія къ Винценгероде и, получивъ свѣдѣнія, что они къ нему посланы, я взялъ свою лошадь, оставленную конвойному моему казаку, прибылъ обратно къ Винценгероде и отдалъ отчетъ о всемъ, что встрѣтилось со мной и что выше мною разсказано. Это все было наканунѣ того дня, когда къ вечеру вся армія союзная была сосредоточена около Пегау, какъ помню,

а корпусъ Винценгероде—подъ Люценомъ, въ видѣ авангарда; а какъ Лейпцигъ былъ внѣ нашей боевой линіи, то, не помню, прежде-ли, предъ выступленіемъ нашимъ изъ Лейпцига, или теперь, отъ нашего корпуса для охраненія былъ отправленъ туда генералъ Талызинъ съ состоящимъ подъ его командою въ нашемъ корпусѣ отдѣльнымъ батальономъ, поступившимъ къ намъ изъ отдѣльнаго, бывшаго въ 12-мъ году генерала Эртеля, отряда. Упоминаю объ этомъ отрядѣ потому, что онъ принудилъ Наполеона отправить противъ него корпусъ принца Евгенія, который чрезъ то прибылъ только къ концу Люценскаго сраженія.

XXIX.

Люценское сраженіе.—Находчивость Ланского.—Личное участіе Императора Александра въ военныхъ дѣйствіяхъ.—Отступленіе нашей арміи къ Эльбѣ.—Переправа черезъ Эльбу.

Сраженіе Люценское описано подробно всѣми военными писателями, какъ русскими, такъ и прусскими, и французскими,—и поэтому не дерзаю и не могу изложить весь ходъ онаго, а буду только излагать то, что относится до корпуса, въ которомъ я находился, и то, чему лично былъ свидѣтелемъ въ другихъ мѣстахъ этого сраженія. Общій планъ этого сраженія изложенъ военными повѣствователями, вѣроятно, гораздо отчетливѣе и яснѣе, нежели я могъ бы это сдѣлать, и поэтому ограничусь, какъ выше сказано, личными впечатлѣніями.

Принятый планъ сраженія имѣлъ цѣлью, чтобъ вся армія, соединившись и ставъ въ позицію еще до разсвѣта,—едва заря начнетъ всходить, обсудивъ позицію, наскоро принятую французами, дружнымъ натискомъ сбила-бы ихъ съ этой позиціи, тѣмъ

---

*) 20 апрѣля (2 мая).

болѣе, что невозможно было, чтобъ они успѣли вполнѣ сосредочиться *). Съ того начну, что одинъ нашъ корпусъ, которому не было на всемъ переходѣ никакихъ мѣстныхъ путевыхъ затрудненій, былъ на назначенномъ ему мѣстѣ въ назначенный часъ; прочіе корпуса опоздали и другъ друга задержали; такъ что армія наша уже стала въ позицію едвали не въ 8-мъ или 9-ть часовъ до полдня **). Нашему корпусу, въ извѣстномъ его составѣ, назначено было составлять лѣвый флангъ позиціи союзной арміи, насупротивъ деревни Старзидель, занятой французами и, нѣкоторымъ образомъ, въ виду ужасной равнины изъ Вейсенфельса къ Люцену, извѣстной въ исторіи по военнымъ дѣйствіямъ Густава Адольфа. Нашъ корпусъ, по откомандированіи Талызина, состоялъ изъ едва-ли шести тысячъ пѣхоты, т. е. 3-ей и 4-ой пѣхотныхъ дивизій, той-же численности регулярной кавалеріи, гусаръ, конныхъ егерей и казаковъ и при нихъ соотвѣтствующей артиллеріи. Пруссаки въ центрѣ составляли первую линію, и надо отдать должную справедливость, что союзное наше войско пылало желаніемъ искупить теперь Іенское пораженіе. Первый натискъ пруссаковъ былъ превосходенъ, и повсюду французы опрокинуты; но эта превосходная атака, не знаю, по какому недоумѣнію, не была поддержана второй линіею русскихъ войскъ, и пруссаки были опрокинуты съ большимъ урономъ. Тогда завязалась общая борьба по всей линіи, довольно жаркая, но не клонящаяся, видимо, въ пользу ни той, ни другой стороны. Какъ союзныя войска, такъ и французъ-

*) Большая часть французской арміи успѣла пройти къ Лейпцигу, и рѣшено было бить по частямъ право-фланговые ея корпуса въ направленіи на Вейсенфельсъ.

**) Диспозиція разослана была поздно, въ ней допущено было перекрещиваніе колоннъ.

скія удержали свои позиціи, но при обоюдныхъ натискахъ другъ на друга ни тѣ, ни другіе не имѣли успѣха, и убыль въ рядахъ была значительна. Въ числѣ раненыхъ у пруссаковъ былъ Шарнгорстъ, можно сказать, главный дѣятель всѣхъ распоряженій, такъ какъ онъ былъ и изъ первыхъ основателей Тугенбунда.

Около полдня обѣ дивизіи, находящіяся при нашемъ корпусѣ, были, по приказанію главнокомандующаго, переведены на правый флангъ позиціи всей арміи, для подкрѣпленія тамъ нашихъ войскъ, и, хотя мы остались безъ всякой пѣхоты, гонецъ за гонцомъ привозилъ Винценгероде приказаніе вытѣснить нашей кавалеріей изъ Старзиделя занимающую его сильную французскую пѣхоту. Попытки были сдѣланы, но безъ удачи, чего не случилось бы, если бы у Винценгероде не была отнята пѣхота, т. е. 3-я и 4-я дивизіи, въ числѣ 6000 человѣкъ, передвинутыхъ, какъ выше было сказано, на правый флангъ позиціи всей арміи; а занятая французами позиція была связью ихъ съ Вейсенфельской дорогой, по которой шли войска непріятельскія, отстоящія отъ общаго движенія французскихъ войскъ и подкрѣпленій *). Въ теченіе этого нерѣшительнаго исхода, я помню находчивость Ланского. Бѣлорусскій гусарскій полкъ, стоявшій въ позиціи подъ огнемъ пушечнымъ французскимъ, сталъ колыхаться, какъ это говорятъ въ подобныхъ случаяхъ. Ланской скомандовалъ: «слѣзай», и этимъ удержалъ полкъ отъ послѣдствій колыханій: конными, можетъ быть, ils auraient, comme on dit, laché pied **); пѣшіе-же, держа лошадей за повода, они не могли двигаться, а самъ Ланской, по обыкновенію, разодѣтый, какъ бы на сви-

*) Корпусъ Мармона, началъ дебушпровать изъ Старзиделя около 2 часовъ. Ударъ на Вейсенфельсъ съ этого времени былъ парализованъ.

**) Они, какъ говорится, убѣжали бы.

даніе съ любовницей, на конѣ гарцовалъ передъ своимъ отрядомъ.

Въ это время я былъ посланъ отъ Винценгероде къ главнокомандующему для объясненія неудачныхъ попытокъ кавалеріи, подъ его начальствомъ состоящей, и съ тѣмъ, чтобъ настойчиво просить подкрѣпить его пѣхотой. Я помчался къ главнокомандующему, объяснилъ положеніе мѣстныхъ обстоятельствъ и повторилъ настойчивую просьбу моего начальника о присылкѣ пѣхоты. Это было немного за полдень, еще тогда, когда ходъ сраженія болѣе клонился къ успѣху, нежели къ пораженію. Витгенштейнъ, окруженный свитою и убѣжденный льстецами своего штаба, и по природной своей самонадѣянности, полагалъ, что побѣда неминуема. Помню, что одинъ изъ этихъ льстецовъ говорилъ ему: «На голову разбитъ будетъ Наполеонъ, впередъ васъ поздравляю». Главнокомандующій, упоенный этими хвалебными возгласами, почти не обращалъ вниманія на усиленныя мои представленія, не давалъ мнѣ никакого отвѣта, но, наконецъ, сказалъ: «Къ вамъ пошлю гвардейскую дивизію кирасиръ и финляндскій гвардейскій полкъ». Въ кавалеріи намъ не было нужды, а пѣхота была численностью слишкомъ мала, чтобъ предвидѣть успѣхъ.

Императоръ Александръ, желая самъ обсудить положеніе войскъ лѣваго фланга, подъ командою Винценгероде состоявшихъ, лично прибылъ къ намъ и убѣдился въ невозможности, по недостатку пѣхоты на этомъ пунктѣ, того, что требовалъ отъ моего корпусного командира главнокомандующій, и хотѣлъ самъ объяснить это главнокомандующему.

Слѣдуетъ отдать справедливость Государю, что, хотя онъ во время сраженія оставлялъ полную свободу дѣйствій главнокомандующему, безъ какого-либо личнаго, съ своей стороны, вмѣшательства, но самъ

вездѣ дѣлилъ опасности боя. Весьма хладнокровно разъѣзжалъ онъ подъ стрѣльбою непріятеля, такъ что я помню, что въ то время, когда онъ былъ у насъ, одинъ изъ генераловъ войскъ нашихъ, отъ души или изъ разсчета, того не рѣшу, усиленно просилъ Царя не подвергать себя общей опасности *).

Но вотъ настаетъ время, когда ходъ Люценскаго сраженія обращается не въ пользу союзнымъ войскамъ. Пораженіе началось на правомъ ѳлангѣ позиціи арміи; это было около 4-хъ часовъ пополудни. Наполеонъ, вынужденный къ бою ѳланговымъ нашимъ движеніемъ, началъ бой, но не имѣлъ въ средоточеніи численности всѣхъ своихъ войскъ; въ это время, по новому сдѣланному распоряженію, успѣлъ примкнуть къ нему корпусъ вице-короля, сперва направленный на Лейпцигъ **). Сильное это подкрѣпленіе было направлено къ лѣвому ѳлангу позиціи ѳранцузской, гдѣ продолжался равносильный съ обѣихъ сторонъ бой, стоющій обѣимъ сторонамъ большихъ убытковъ. Но сильное подкрѣпленіе, полученное ѳранцузами, тогда какъ съ нашей стороны почти всѣ резервы были введены въ бой, дало превосходство ѳранцузамъ, и войско наше, несмотря на вводъ въ дѣло и послѣдняго резерва, не могло удержаться, а начало въ этомъ пунктѣ, что ѳранцузы называютъ, une déroute, а на всѣхъ прочихъ пунктахъ

*) Императоръ Александръ и король прусскій, выѣхавъ 17-го (29-го) апрѣля изъ Дрездена, прибыли къ войскамъ и участвовали въ разыгравшемся на Люценскихъ поляхъ сраженіи, находясь нерѣдко подъ ружейнымъ огнемъ. На просьбу окружавшихъ Государя удалиться изъ опаснаго мѣста, Александръ отвѣтилъ: «Для меня здѣсь нѣтъ пуль». *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Т. III. Спб. 1897 г., стр. 146).*

**) Наполеонъ предполагалъ главныя силы союзниковъ у Лейпцига и въ 9 ч. атаковалъ Линденау. Услыша канонаду со стороны Пегау, онъ понялъ положеніе дѣлъ и спѣшилъ бросить свои силы къ югу. Въ 3 ч. онъ прибылъ на поле сраженія, а въ 4 ч. прибыли его главныя силы. Въ началѣ сраженія силы ѳранц. 40 т. противъ 70 т. союзниковъ, съ этого времени 100 т. ѳр. противъ тѣхъ же 70 т. союзниковъ.

нашей позиціи оставались наши войска не отраженными.

Наступающая ночь прекратила битву *). Бывъ въ отдаленіи отъ главной квартиры и происходящихъ тамъ толкованій, я не могу дать свѣдѣній о томъ, что было причиною рѣшенія отступить къ Эльбѣ **); впослѣдствіи говорили, что недостатокъ въ снарядахъ артилерійскихъ былъ тому причиною, но А. П. Ермоловъ ясно доказалъ тогда же, что это была ложь. Онъ тогда былъ начальникомъ артиллеріи дѣйствующей русской арміи. Всѣ войска остались на первой позиціи, занятой нами въ утро дня сраженія подъ Люценомъ, и правый флангъ нашей арміи, послѣ кровопролитнаго боя, отбитый съ урономъ въ наступательномъ своемъ движеніи, въ концѣ дня также остался на прежде занятой позиціи.

Отступленіе къ Эльбѣ было рѣшено; войска главной позиціи нашей съ полночи начали свое отступательное движеніе,—какимъ порядкомъ, мнѣ неизвѣстно;

---

*) Императоръ и король прусскій только съ наступленіемъ темноты оставили поле сраженія и отправились ночевать въ деревню Гроичъ, съ трудомъ пробираясь среди раненыхъ и всякаго рода повозокъ при помощи фельдъегеря, освѣщавшаго имъ путь фонаремъ. (*Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Т. III. Спб. 1897 г., стр. 148*).

**) Лористономъ еще въ 3 ч. дня былъ занятъ Лейпцигъ, откуда онъ могъ двинуться во флангъ и тылъ союзной арміи.

Политическія соображенія не позволили вступать во вторичное сраженіе. не имѣя увѣренности въ успѣхѣ. Нельзя было также забыть Австрію; поэтому Императоръ Александръ справедливо замѣтилъ: «Осторожность должна была взять верхъ, когда приходилось разсчитывать на содѣйствіе третьей державы».—Въ Пенигѣ Государь и нѣсколько приближенныхъ къ нему особъ проскакали мимо Данилевскаго во весь опоръ въ коляскахъ. Князь Волконскій, сидѣвшій въ одной изъ нихъ, увидя Данилевскаго, остановился и сказалъ: «Напиши въ реляціи, что мы идемъ фланговымъ маршемъ». Едва онъ выговорилъ эти слова, какъ закричалъ своему почталіону: «Пошелъ», и понесся вслѣдъ за Государемъ. «Какова должна быть исторія, основанная на подобныхъ матеріалахъ», писалъ будущій историографъ 1813 года въ своихъ запискахъ, «а, къ сожалѣнію, большая часть исторіи не имѣетъ лучшихъ источниковъ». (*Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Т. III. Спб. 1897 г., стр. 148*).

но генералу Винценгероде было приказано прикрыть отступленіе, и мы до самаго бѣлаго дня оставались на мѣстѣ сраженія. Французы не дѣлали никакихъ приготовленій къ началу новаго боя, и нашъ корпусъ, состоящій единственно изъ кавалеріи, по данной ему диспозиціи, началъ отступленіе, весьма слабо бывъ преслѣдуемъ французами. Наше отступленіе было назначено на отдѣльный корпусъ Милорадовича, стоящій въ городкѣ Цейцъ, куда онъ былъ посланъ изъ Альтенбурга въ видѣ наблюдательнаго за идущимъ корпусомъ французовъ, не успѣвшимъ присоединиться къ арміи Наполеона въ день Люценскаго сраженія. Милорадовичъ стоялъ, сколько помню, въ 12 или 15 верстахъ отъ поля сраженія. Приказано было Винценгероде, достигнувъ Милорадовича, сдать ему попеченіе о прикрытіи отступленія и вмѣстѣ съ его войскомъ составить общій арьергардъ.

Не долженъ, ради истинности разсказа о тогдашнихъ событіяхъ, утаить, что отступленіе арміи нашей и прусской по направленію, каждому корпусу назначенному, происходило въ большомъ безпорядкѣ. Общее направленіе, если и было *), то на дѣлѣ не соблюдалось, и можно сказать, что каждый корпусный командиръ только заботился о ввѣренной ему части, а что общаго должнаго порядка не было.

Такимъ образомъ, отступили всѣ войска; но надо отдать честь Милорадовичу, что, хотя предшествующія его отступленію войска, шедшія почти ордой и затрудняли его отступленіе, онъ велъ арьергардъ въ отличномъ порядкѣ и несъ на плечахъ наступленіе французовъ и тѣмъ много способствовалъ общему отступленію къ Эльбѣ.

Только за одинъ маршъ до Дрездена армія была

*) Пруссаки—на Мейсенъ, русскіе—на Дрезденъ.

приведена въ устройство и сдѣлана была диспозиція отступленія оной черезъ Дрезденъ за Эльбу; устроено было три моста: каменный, взорванный французами во время очищенія ими города, и два пловучихъ: одинъ выше этого моста, а другой ниже. Арміи, благодаря неуступчивости Милорадовича, въ порядкѣ переправились за Эльбу, и началось отступленіе арьергарда. Надо сказать, что французы не могли насъ настойчиво преслѣдовать, не имѣя кавалеріи въ достаточномъ числѣ противъ нашей; даже и въ Люценскомъ сраженіи главная сила ихъ кавалеріи состояла изъ двухъ полковъ.

Отрядъ Винценгероде переправился по пловучему мосту, выше каменнаго; но какъ отряженные имъ два полка генералъ-маіора Ланского, состоящіе изъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, сколько мнѣ помнится, и изъ Татарскаго уланскаго полка, и нѣсколько полковъ казачьихъ запоздились, то Винценгероде, въ заботливости своей, хотя самъ и переправился, но, приказавъ главнымъ силамъ отступить, остался на берегу, чтобъ дождаться переправы Ланского; вскорѣ и этотъ отрядъ показался и переправился, и послѣдовалъ за прочими войсками, подъ командой его состоящими; но Винценгероде, по своей обычной заботливости, остался у берега, слѣдя за переправою войскъ, не подъ его начальствомъ состоящихъ.

Тутъ былъ я свидѣтелемъ одного происшествія, могущаго бы имѣть гибельныя послѣдствія. Часть арьергарда Милорадовича, подъ начальствомъ генерала Эмануэля, переправлялась черезъ тотъ мостъ, по которому переправился корпусъ Винценгероде. У этого моста, на противоположномъ берегу, было наскоро устроенное, передовое мостовое укрѣпленіе. Эмануэль впереди переправился, оставивъ въ tête de pont *)

*) Предмостное укрѣпленіе.

Шлюссельбургскій пѣхотный полкъ и сотню казаковъ, которымъ приказано было очистить мостовое укрѣпленіе, когда весь отрядъ перейдетъ, что и было исполнено; и когда всѣ оставшіяся въ ономъ войска уже помѣстились на мостъ, то, по сдѣланному знаку, на плотовомъ мосту приказано было пересѣчь укрѣпленіе онаго къ берегу, такъ чтобы самимъ теченіемъ мостъ, описавъ четверть круга, примкнулъ бы на нашъ берегъ. Но, по непонятной торопливости, пересѣкли мостъ въ укрѣпленіяхъ и при нашемъ берегѣ, такъ что мостъ со всѣмъ находившимся на ономъ отрядомъ былъ понесенъ теченіемъ на каменный мостъ. Винценгероде напустился на Эмануэля, но успѣли кинуть канатъ на оконечность моста отъ нашего берега, чѣмъ возстановилось описаніе имъ четверти круга и были спасены тѣ, которые на немъ были, отъ вѣрной гибели.

XXX.

Назначеніе Винценгероде состоять при Государѣ.—Отъѣздъ въ Прагу для лѣченія.—Разговоръ съ В. Кн. Екатериной Павловной. — Участіе Великой Княгини въ переговорахъ съ австрійскимъ дворомъ.—Возвращеніе въ главную квартиру Государя подъ Швейдницемъ.—Бауценское сраженіе.—Перемиріе съ Наполеономъ. — Наблюдательность А. П. Ермолова. — Назначеніе главнокомандующимъ Барклая-де-Толли.—Ссора Сухозанета съ Фигнеромъ.—Свиданіе Государя съ Бернадотомъ въ Трахенбергѣ.—Назначеніе Винценгероде командиромъ русскаго корпуса Сѣверной арміи.—Причисленіе къ штабу командуемыхъ гр. Винценгероде войскъ.—Пребываніе корпусной квартиры въ Берлинѣ.—Генералъ Моро.—Случай на балу въ Бранденбургѣ.—Захватъ отрядомъ Левенштерна саксонской кассы.

Разныя столкновенія и непріятности, понесенныя Винценгероде съ графомъ Витгенштейномъ, подали ему поводъ просить оставить команду состоящихъ подъ его начальствомъ войскъ, и тѣмъ болѣе Государь согласился на его просьбу, что желалъ имѣть его для совѣтовъ при себѣ. Войска получили другое распредѣленіе, а Винценгероде назначенъ былъ лично состоять при особѣ Государя. Я же, страдая невыносимо грудью, —послѣдствіе тяжкой болѣзни, постигшей меня въ концѣ 12-го года, былъ въ необходимости удалиться отъ военныхъ дѣйствій для лѣченія, и поэтому, для лучшаго пользованія, оставилъ армію и поѣхалъ въ

Прагу, гдѣ находилась мать моя при Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

Я не участвовалъ и не могъ слѣдить очевидцемъ за всѣми военными дѣйствіями отъ Дрездена до перемирія, но одно считаю неизлишнимъ сказать, хоть и слышалъ это впослѣдствіи, но собственными ушами отъ Жомини, что послѣ Бауценскаго сраженія,— а Жомини тогда былъ начальникомъ штаба у Нея,— французская армія была въ такомъ разстройствѣ, что всѣ отдѣльныя части оной были перепутаны и что много было заботъ привести все въ должное устройство.

Вскорѣ я прибылъ въ Прагу; объ лѣченіи моемъ и пребываніи въ этомъ городѣ нечего сообщить занимательнаго, какъ только представленіе мое Великой Княгинѣ и взглядъ на начинавшуюся уже тогда вѣроятность присоединенія Австріи къ союзу противъ Франціи.

Хотя я пріѣхалъ больной въ Прагу, Великая Княгиня Екатерина Павловна, тогда вдова принца Георгія Ольденбургскаго, при которой мать моя была гофмейстериной, требовала, чтобъ я представился къ ней, частью изъ расположенія къ моей матери и, полагаю, болѣе изъ любопытства узнать отъ очевидца о происходящемъ между воюющими арміями. Зная, что все, что я ей скажу о Люценскомъ сраженіи и о горестныхъ послѣдствіяхъ онаго, она можетъ передать Государю, я на ея вопросы отвѣчалъ уклончиво, неопредѣлительно; но эта умная и прозорливая женщина сейчасъ замѣтила это и сказала мнѣ: «Вы передаете мнѣ не то, что есть истинно; вы, вѣроятно, боитесь, чтобъ я не сообщила вашъ разсказъ брату моему; я отъ васъ требую искренняго вашего обсужденія происшедшаго и теперешняго положенія дѣлъ; я требую отъ васъ правды, не какъ сестра Государя, а какъ русская, въ которой любовь къ отечеству на уровнѣ съ вашей любовью къ отечеству и преданностью къ

истинной пользѣ Государя».—На это изложеніе мудрено и несвойственно уже мнѣ было продолжать мой разсказъ въ очеркѣ начатаго, и я ей передалъ все такъ, какъ было, не скрылъ ни неудачу сраженія Люценскаго, ни горестныя послѣдствія онаго.

Она меня благодарила за довѣріе къ ней и повторила, что мой разговоръ останется извѣстенъ ей одной, и радовалась, что я ей сообщилъ, что въ арміи нашей и прусской духъ войскъ не упалъ и что предстоящія битвы найдутъ въ войскахъ твердое намѣреніе загладить понесенную неудачу, лишь бы ихъ дѣльно повели къ бою.

Во время пребыванія Великой Княгини Екатерины Павловны въ Прагѣ, чрезъ нее шли всѣ переговоры съ австрійскимъ дворомъ, чрезъ посредство эрцгерцога, прибывшаго къ ней на свиданіе подъ предлогомъ родства, такъ какъ онъ былъ вдовецъ ея сестры, покойной Александры Павловны; а умъ и свѣтлость воззрѣній Екатерины Павловны приготовили послѣдующее примкнутіе вѣнскаго двора къ коалиціи противъ Наполеона.

Я былъ свидѣтелемъ всѣхъ военныхъ приготовленій австрійцевъ, которыя дѣлались подъ видомъ военнаго нейтралитета; но, взойдя въ тѣсные разговоры съ австрійскими офицерами, удостовѣрился, что Австрія скоро вооруженною рукою примкнетъ къ намъ. Здоровье мое укрѣпилось; а по долгу службы и влеченію къ исполненію моихъ обязанностей я выѣхалъ изъ Праги и прибылъ въ главную квартиру Государя Императора подъ Швейдницемъ.

Въ промежутокъ времени моего отсутствія произошло много военныхъ событій, а главное—Бауценское сраженіе *), битва съ обѣихъ сторонъ воюющихъ армій

*) 8 (20) и 9 (21) мая.

бойкая, но въ которой, по дошедшимъ до меня разсказамъ, удача не оказалась ни на той, ни на другой сторонѣ *). Заключеніе перемирія было большою ошибкою Наполеона; но согласіе на оное доказывало, что въ военномъ отношеніи, а, я полагаю, еще болѣе въ политическомъ, —это перемиріе было для него необходимостью. Безъ этихъ причинъ, какъ ему было согласиться на оное, когда путь къ Берлину былъ ему открытъ, и наша армія почти отсторонена отъ прямой коммуникаціи съ операціонной ея линіей. Перемиріе дало намъ время и способъ, равно и пруссакамъ, усилиться вновь сформированными резервами и, наконецъ, дало время Австріи вполнѣ вооружиться и быть готовой съ огромными силами примкнуть къ коалиціи.

Я прибылъ въ Швейдницъ, какъ флигель-адъютантъ, принялъ обязанности по своему званію, т. е., по совѣсти сказать, бить, какъ говорится, баклуши. Жилъ въ Швейдницѣ и ежедневно ѣздилъ въ занимаемую Государемъ мызу, въ близкомъ разстояніи отъ города, скажу, не за какимъ-либо дѣломъ, а просто шататься отъ бездѣлья. Путь мой для этихъ ежедневныхъ

---

*) 9-го (21) мая въ Бауценѣ разыгралось кровопролитное сраженіе, которое окончилось новымъ торжествомъ Наполеона. Александръ слѣдилъ за сраженіемъ съ высоты при деревнѣ Кайнѣ. Графъ Витгенштейнъ ни на минуту не оставлялъ Государя и ни разу не подъѣзжалъ къ войскамъ. Около четырехъ часовъ пополудни Государю было предложено прервать сраженіе. «Я не желаю быть свидѣтелемъ этого пораженія, прикажите отступать», сказалъ Александръ главнокомандующему, оставляя поле сраженія. Отступленіе исполнено было въ совершенномъ порядкѣ. Союзныя войска понесли въ два дня уронъ въ 12.000 человѣкъ; но непріятелю не удалось взять ни орудія, ни знамени, ни повозки у арміи, выдержавшей двухдневный бой.

Въ Рейхенбахѣ Государь повелѣлъ графу Витгенштейну продолжать отступленіе къ Швейдницу, чтобы сблизиться съ корпусомъ Сакена и съ резервами, шедшими изъ Россіи, но въ особенности для того, чтобы не удаляться отъ Австрійской границы, въ надеждѣ на содѣйствіе вѣнскаго двора. Французы, между тѣмъ, продолжали подвигаться къ Одеру, заняли Лигницъ, Неймаркъ и, наконецъ, Бреславль. (*Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Т. III, Спб. 1897 г., стр. 150–151*).

поѣздокъ шелъ мимо квартиры, занимаемой Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, и какъ это было обыкновенно утромъ, и возвращался я въ городъ къ обѣду, то невольно, обращая глаза на его квартиру, всегда видѣлъ его, сидящаго у окошка, чему я немало удивлялся, зная его келейныя занятія.

Алексѣй Петровичъ былъ всегда расположенъ ко мнѣ; при одномъ изъ моихъ посѣщеній его, я принялъ смѣлость спросить, отчего я вижу его всегда сидящаго у окна, и на мой вопросъ—вотъ его отвѣтъ: «Дорогой товарищъ», сказалъ онъ мнѣ, «вотъ причина этого: я сижу и смотрю, съ какимъ лицомъ ѣдутъ къ Государю и съ какимъ лицомъ отъ него возвращаются. Это для меня хроника любви и обстоятельствъ». И точно, выраженіе лица не было равное въ оба пути—по встрѣчѣ и отъѣздѣ.

Во время моего отъѣзда изъ арміи произошла перемѣна главнокомандующаго въ нашей арміи. Витгенштейнъ, не оказавшій ни въ военной, ни въ административной части того, чего ожидалъ отъ него Государь, былъ отставленъ отъ командованія арміей, и какъ Барклай, прибывшій во время Бауценскаго сраженія изъ арміи, бывшей Чичагова, послѣ сдачи Торуна, былъ старшій и пользовался довѣріемъ Государя, то онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ *), а Витгенштейнъ принялъ командованіе корпусомъ. Хотя чувство честолюбія Витгенштейна могло быть этимъ обижено, но чувство долга и рыцарскій образъ сужденія его не дали хода чувству обиды, и графъ Витгенштейнъ безъ выраженія неудовольствія принялъ второстепенное назначеніе. **)

Во время стоянки въ Швейдницѣ разстроенныя вой-

*) 17 (29) мая.

**) Очевидецъ событій войны 1813 года, Михайловскій-Данилевскій, пишетъ, что послѣ пораженій подъ Люценомъ и Бауценомъ стало очевиднымъ, насколько званіе, въ которое, послѣ смерти Кутузова, былъ облеченъ графъ

ска наши приняли стройный видъ, укомплектовались подходящими резервами, отдохнули, пріодѣлись, пріобулись, и вся административная часть пришла въ устройство.

Хотя частныя происшествія не должны были-бы имѣть мѣсто въ разсказѣ о событіяхъ, столь важныхъ, какъ тѣ, которыя я повѣствую, но, какъ слѣдующій мой разсказъ касается двухъ личностей, я его передамъ моимъ перомъ.

Эти два лица—Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ и Фигнеръ. Первый былъ начальникомъ штаба при начальникѣ артиллеріи, князѣ Яшвилѣ, а Фигнеръ—артиллеристъ, я полагаю, тогда уже штабъ-офицеръ.

На бывшемъ въ этотъ день разводѣ Фигнеръ, прибывъ въ главную квартиру, пришелъ на разводъ, не явясь предварительно къ Сухозанету и, вѣроятно, съ отступленіемъ въ формѣ обмундированія. Заносчивый Сухозанетъ напустился на него по окончаніи развода, вѣроятно, въ выраженіяхъ грубыхъ, но напалъ

Витгенштейнъ, не соотвѣтствовало его силамъ. «Безпечность его относительно внутренняго управленія арміи привела его въ разстройство до такой степени, что иногда не знали расположенія нѣкоторыхъ полковъ. Главная квартира его походила на городскую площадь, наполненную вѣстовщиками. По добротѣ души своей, онъ не воспрещалъ къ себѣ свободнаго доступа никому; комнаты его наполнены были всегда праздными офицерами, которые разглашали свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ, даже и самыхъ секретныхъ; по этой причинѣ, какъ бы тайно ни было дано повелѣніе графу, оно немедленно дѣлалось всѣмъ извѣстнымъ. Я не постигаю, какъ Наполеонъ не воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы собрать свѣдѣнія о томъ, что у насъ происходило. Союзники наши, пруссаки, равномѣрно были недовольны Витгенштейномъ; это и неудивительно: имъ необходима была побѣда, а подъ предводительствомъ его они испытали два пораженія и видѣли ежедневно увеличивавшееся разстройство арміи. . . . .» Принявъ начальство надъ союзными войсками, Барклай немедленно занялся приведеніемъ въ порядокъ арміи; нѣсколько дней онъ не могъ опредѣлить истинный численный составъ ея; сначала полагали ее слишкомъ въ 100.000, а потомъ въ 70.000, а на повѣрку вышло, что она состояла изъ 90.000. Это происходило оттого, что полки были такъ перемѣшаны, что нѣкоторыя дивизіи и бригады имѣли полки, вовсе къ нимъ не принадлежавшіе и не знавшіе, гдѣ отыскать настоящихъ своихъ начальниковъ. (*Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Т. III. Спб., 1897 г., стр. 151, 152, 154*).

на человѣка, не выносящаго этого, и за грубость получилъ и отъ Фигнера грубость. Все это происходило, хотя не при главнокомандующемъ, который уже отошелъ съ развода въ свою квартиру со многими генералами и своимъ штабомъ, но въ хвостѣ было еще много присутствующихъ при разводѣ,—и какъ брани этой не предвидѣлось конца, и какъ особенно Сухозанетъ боялся, чтобъ Фигнеръ не ударилъ его въ щеку, то принялся довольно скоро уходить, чтобы найти убѣжище въ квартирѣ главнокомандующаго; но Фигнеръ за нимъ вслѣдъ и пинками сзади проводилъ до самаго входа въ квартиру главнокомандующаго.

Хоть я не былъ свидѣтелемъ этого, но мнѣ разсказывалъ очевидецъ, стоющій полнаго довѣрія. Кажется, всю эту исторію затушили, потому что явнаго послѣ этого ничего не произошло.

Во время продолженія перемирія и стоянки около Швейдница, происходило свиданіе кронъ-принца шведскаго, т. е. Бернадота, съ Государемъ Александромъ Павловичемъ въ Трахенбергѣ. Подробности и ходъ этихъ переговоровъ мнѣ неизвѣстны, а исходъ оныхъ—сформированіе новой арміи, подъ названіемъ Armée du Nord, составленной изъ русскихъ, прусскихъ и шведскихъ войскъ, подъ предводительствомъ самого Бернадота, и назначеніе командиромъ русскаго корпуса барона Винценгероде,—а этотъ, по довѣрію и расположенію ко мнѣ, просилъ Государя причислить меня къ штабу командуемыхъ имъ войскъ, и я исполнялъ званіе дежурнаго генерала при этомъ отдѣльномъ корпусѣ.

Корпусъ русскій состоялъ изъ... (Не имѣя возможности исчислить подробно эти назначенія, я до справокъ откладываю это исчисленіе, и поэтому оставляю въ пробѣлѣ листъ и послѣ пополню) *).

*) Къ сожалѣнію, автору этихъ записокъ не удалось пополнить оставленный имъ пробѣлъ, что обязываетъ насъ сдѣлать это за него, пользуясь другими источниками.

Генералъ Винценгероде изъ Швейдница отправился съ составомъ его прежняго штаба почтовыми средствами сперва въ Берлинъ и вступилъ въ командованіе вновь порученнымъ ему корпусомъ, составленнымъ изъ соединенныхъ въ одно цѣлое разныхъ отрядовъ.

Во время нашего временнаго пребыванія въ Берлинѣ было обстоятельство, которое полагаю неизлишнимъ сообщить,—это проѣздъ чрезъ Берлинъ генерала Моро (Moreau). Извѣстно, что Моро, по точному ли вмѣшательству его въ заговоръ Жерже и Пишегрю противъ Наполеона, или по политической ревности послѣдняго къ нему, былъ вывезенъ въ Американскіе штаты, гдѣ проживалъ внѣ всякихъ вмѣшательствъ во французскія дѣла частнымъ человѣкомъ; но, такъ какъ онъ былъ замѣчательнымъ лицомъ среди анти-бонапартистовъ, то Императору Александру желательно было присвоить его въ пользу борьбы Европы противъ Наполеона, и въ виду этого повелѣно было россійскому посланнику въ Американскихъ штатахъ склонить Моро къ соучастію своею личностью въ этой борьбѣ, какъ лицо, имѣющее большую партію во Франціи. Во время нѣсколькодневнаго своего пребыванія, Моро былъ предметомъ восторженности берлинскихъ жителей въ пользу его. При мѣстѣ жительства его было безпрерывное стеченіе народа и въ пользу его манифестаціи, и безпрестанно вызывали его на балконъ его дома восклицаніями народа. При немъ находился чиновникъ нашей въ Америкѣ миссіи Свиньинъ, вовсе ничтожный самъ по себѣ, но пользующійся этимъ случаемъ, чтобъ придавать себѣ важности подъ крылышкомъ этой знаменитости. Тогда я

Корпусъ Винценгероде состоялъ изъ 17 бат., 12 эск., 4 батареи и 7 казач. полковъ; кромѣ того, въ составѣ Сѣверной арміи были: корпусъ гр. Воронцова—13 бат., 21 эск., 4 батареи и 8 казач. полковъ; отрядъ геп.-майор. Чернышева—15 эск.. 5 ор., 5 казач. полковъ. Всего *русскихъ войскъ* 30 $^1/_2$ т. *(Г. А. Леверъ. Обзор. войнъ).*

не предвидѣлъ, что эта восторженная встрѣча въ пользу Моро вскорѣ замѣнится колоколомъ погребальнымъ, и что ядро французское вытѣснитъ изъ жизни человѣка, взявшагося за оружіе противъ своихъ соотечественниковъ. Этотъ приговоръ не отнесу къ Бернадоту: съ назначеніемъ кронъ-принцемъ шведскимъ— онъ сдѣлался шведомъ, и, хотя скрѣпя сердце, былъ обязанъ попечительствомъ о прямыхъ выгодахъ новаго своего отечества — Швеціи.

По маловременномъ пребываніи нашей корпусной квартиры въ Берлинѣ, она была переведена въ Бранденбургъ, и тутъ началось прямое дѣйствіе приведенія въ порядокъ и приготовленія къ ожидаемымъ военнымъ дѣйствіямъ корпуса, ввѣреннаго начальству Винценгероде.

Во время этой стоянки было происшествіе, лично до меня относящееся, хотя въ кругу моихъ служебныхъ обязанностей. — Городъ Бранденбургъ давалъ балъ въ честь пріѣзда Винценгероде. Балъ былъ парадный, съ должнымъ приличіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, но въ залѣ танцевъ былъ въ особенной комнатѣ устроенъ буфетъ, въ который былъ входъ, не проходя танцевальной залы. Замѣтивъ, что тамъ происходитъ шумъ, я почелъ обязанностью, въ силу званія моего, прекратить это, и, взошедъ въ буфетъ, увидѣлъ польскаго уланскаго полка офицера, въ растрепанной полуформѣ и уже полупьянаго, причиной этого шума. Не желая, въ виду пруссаковъ, жителей и военныхъ, объясняться съ нимъ здѣсь, я, подъ разными причинами, успѣлъ его пригласить выйти изъ дома, и тутъ я ему объявилъ, что я его арестую именемъ корпусного командира, и хотѣлъ его отправить на гауптвахту. На требованіе мое, чтобъ онъ отдалъ мнѣ свою саблю, онъ полудерзкими и полуумилительными отвѣтами отказывалъ мнѣ. Я вышелъ изъ залы съ намѣреніемъ возвратиться на балъ; но если бы я это

сдѣлалъ, то воротился бы и этотъ уланскій офицеръ въ буфетъ, и, чтобъ избѣгнуть этого, я пошелъ къ себѣ на квартиру и дорогою убѣждалъ его отдать мнѣ саблю и тѣмъ кончить исторію, такъ какъ, въ случаѣ неисполненія, онъ будетъ подвергнутъ строгому взысканію. Но онъ продолжалъ тотъ же разговоръ и не отставалъ отъ меня и даже взошелъ со мной въ мою квартиру. Не выходя изъ должнаго въ этомъ обстоятельствѣ терпѣнія и, скажу даже, изъ самоохраненія отъ лица, не владѣющаго своимъ умомъ по пьяному его состоянію, я продолжалъ хладнокровно уговаривать его исполнить то, что я былъ въ правѣ требовать по званію моему и службѣ, и, наконецъ, ему сказалъ, что онъ подвергнется отвѣтственности, но что я желаю прекратить этотъ ни къ чему не ведущій разговоръ, и, уставши, хочу спать, и сталъ раздѣваться; тогда мой уланскій офицеръ снялъ съ себя саблю и вручилъ ее мнѣ, сказавъ: «У меня есть еще много сабель дома, да еще турецкихъ въ оправѣ». Наконецъ, онъ вышелъ; на другой день, проспавшись, онъ пришелъ просить у меня извиненія, я почелъ лучшимъ прекратить слѣдъ всему этому происшествію и ничего не сообщилъ корпусному командиру, чтобъ не подвергнуть офицера заслуженному взысканію; но, чтобъ и слѣдъ всего этого простылъ, сказалъ полковому командиру отправить офицера въ запасной эскадронъ, формирующійся въ Варшавѣ. Я почелъ неизлишнимъ описать это довольно пустое обстоятельство, чтобъ выказать, что хладнокровіе лучшій исходъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и что не надо принимать въ строку дѣйствія въ послѣдствіяхъ отъ положенія пьянаго безразсудства.

Но обращаюсь къ повѣствованію болѣе занимательному. Время истеченія перемирія приближалось. Корпусъ, сосредоточенный и приготовленный къ военнымъ дѣйствіямъ, ожидалъ повелѣнія начальства, какъ въ

цѣломъ его составѣ, такъ и въ отрядахъ, занимающихъ отдѣльно черты демаркаціонной линіи въ расположеніи нашихъ войскъ. Кронъ-принцъ шведскій Бернадотъ, къ арміи котораго причисленъ былъ нашъ корпусъ, приказалъ въ самый день прекращенія перемирія, какъ отдѣльнымъ отрядамъ, такъ и всему полному составу нашего корпуса двинуться быстро къ Эльбѣ, чтобъ предварить движеніе наступательное французовъ.

Прежде, нежели говорить объ общихъ военныхъ дѣйствіяхъ, изложу здѣсь обстоятельство, относящееся до одного изъ нашихъ отрядовъ, именно, летучаго отряда полковника Левенштерна, довольно замѣчательное по его предпріимчивости и, въ нѣкоторомъ отношеніи, и по обстоятельствамъ, изъ сего послѣдовавшимъ. — Не помню мѣстности, гдѣ стоялъ этотъ отрядъ, но онъ былъ изъ числа передовыхъ, и, при общемъ движеніи, ему приказано было двинуться впередъ и дѣйствовать партизански, отдѣльно. Левенштернъ чрезъ агента узналъ, что касса саксонскихъ войскъ подъ слабымъ прикрытіемъ шла къ саксонскому корпусу, состоящему еще тогда въ арміи Наполеона. Пожива этого рода была по духу войскъ отряда Левенштерна, состоящаго изъ казачьихъ полковъ. Онъ двинулся быстро и засталъ врасплохъ этотъ отрядъ саксонцевъ, полонилъ его и кассу вмѣстѣ. Нажива была славная, и досталось вдоволь и Левенштерну, и бывшему въ прусской, а нынѣ въ русской службѣ, ротмистру Барнеку, и казачьему отряду — отъ старшинъ до простыхъ казаковъ. Онъ донесъ Винценгероде объ удачномъ захватѣ саксонскаго отряда, но умолчалъ о взятой кассѣ.

Чтобъ дать понятіе о количествѣ наплыва саксонской монеты отъ этого захвата, скажу, что нѣсколько дней въ Берлинѣ саксонскій талеръ, котораго цѣнность всегда выше прусскаго, ходилъ меньше цѣною противъ прусскаго.

Обращусь теперь къ военнымъ дѣйствіямъ, начавшимся по истеченіи времени, назначеннаго по перемиріи *). Корпусъ Винценгероде былъ тогда въ составѣ Сѣверной арміи, состоявшей изъ войскъ русскихъ, прусскихъ и шведскихъ, и всѣ оныя были подъ главнымъ начальствомъ кронъ-принца шведскаго Бернадота.

Опять повторяю, что, при описаніи военныхъ дѣйствій, не имѣя въ моемъ распоряженіи ни книгъ, ни оффиціальныхъ бумагъ, и составляя мои записки по памяти, по истеченіи болѣе пятидесяти лѣтъ отъ событій, я не буду излагать связною цѣпью постепенно происшествія, день за день, а болѣе буду разсказывать нѣкоторые отдѣльные факты, которыхъ я былъ свидѣтелемъ или участникомъ, имѣя цѣлью оспариваніе обстоятельствъ, искаженныхъ въ общемъ мнѣніи, или изображеніе въ истинномъ свѣтѣ личностей, неправильно себѣ приписавшихъ незаслуженную знаменитость.

---

*) Послѣ перемирія къ августу мѣсяцу, съ присоединеніемъ Австріи, у союзниковъ было 492 т., раздѣленныя на три арміи: 1) *Богемскую* (главную) кн. Шварценберга—237 т., 2) *Силезскую*—Блюхера—99½ т. и 3) *Сѣверную*—Бернадота—155½ т. У Наполеона было около 440 т.

XXXI.

Начало военныхъ дѣйствій Сѣверной арміи, подъ начальствомъ Бернадота.—Гросъ-Бернское сраженіе.—Переправа черезъ Эльбу.—Кронъ-принцъ Бернадотъ.—Сраженіе подъ Деневицемъ.—Благодарственное молебствіе на полѣ сраженія.—Находчивость Фигнера.—Движеніе французовъ изъ Витенберга.—Смерть Фигнера.

Главнокомандующій Бернадотъ, имѣя цѣлью, съ начатіемъ военныхъ дѣйствій, какъ можно болѣе занять передъ собою мѣстности и сторожить всякое покушеніе непріятеля за Эльбу, приказалъ русскому корпусу, какъ въ цѣломъ его составѣ, такъ и въ отдѣльныхъ отрядахъ, при немъ состоящихъ, двинуться форсированнымъ маршемъ. Это движеніе было нами сдѣлано быстро по даннымъ направленіямъ, но едва мы исполнили оное, какъ вдругъ получается предписаніе, какъ можно поспѣшнѣе обратиться назадъ подъ Берлинъ. Причиною этого было наступательное движеніе французовъ изъ Витенберга на Берлинъ *), и въ этомъ направленіи корпусъ прусскихъ войскъ, стоя-

*) Наполеонъ, находясь у Дрездена, рѣшилъ бить союзниковъ по частямъ, обращаясь то противъ одной, то противъ другой ихъ арміи. Это было наступленіе къ Берлину, порученное Удино съ 70 т.

щій подъ начальствомъ Бюлова, быстро отступалъ, тѣснимый сильно французами въ превосходныхъ силахъ, и принимаемыя мѣры къ оборонѣ засѣками и военными сопротивленіями не останавливали ихъ быстраго натиска.

Приказаніе къ отступленію обратно къ Берлину было получено Винценгероде ночью, сколько помнится, на второмъ переходѣ наступательнаго нашего движенія. Главному корпусу нашихъ войскъ не предстояло никакого затрудненія въ исполненіи даннаго приказанія: шедши впередъ, мы не встрѣчали непріятеля и по этому самому могли, хоть не по сердцу, но по обязанности исполнить приказаніе. Но наши передовые отряды, выдвинутые быстро впередъ, подвергались большой опасности, тѣмъ болѣе, что, за нѣсколько часовъ до полученія отступательнаго приказанія, имъ было дано приказаніе сильно выдвинуться впередъ и тревожить непріятеля. Всѣ диспозиціи движеній дѣлалъ самъ Винценгероде, съ содѣйствіемъ его начальника штаба, генерала Ренни, но отправленіе диспозицій и отвѣтственность за безошибочное доставленіе оныхъ лежали на моей обязанности. Какъ я сказалъ, ночью получено было приказаніе отступательнаго движенія, тогда какъ предшествующія сутки мы были или въ маршѣ, или заняты изложеніемъ письменно сдѣланной диспозиціи и отправленіемъ ордеровъ по разнымъ направленіямъ. Вновь полученное приказаніе измѣняло совершенно данныя прежде; надо было сообразить, гдѣ эти отдѣльные отряды можно застать и какъ имъ, безъ опасности перехвата, соединиться съ нами къ предстоящему генеральному сраженію. Редакція ордеровъ, выборъ гонцовъ смѣлыхъ и распорядительныхъ, при могущихъ быть встрѣчахъ, сильно заботили меня; къ тому же еще боязнь, что припишутъ моей небрежности всякую неудачу, и постоянныя занятія, не дающія

мнѣ ни времени, ни порыва ко сну, совершенно истощили меня, такъ что на третій день, когда мы шли уже къ назначенной позиціи при Гросъ-Беренъ, сидя верхомъ, я крѣпко спалъ, а два казака держали меня подъ локтями, и при всякой остановкѣ шествія колонны, меня соннаго снимали съ лошади, и я, какъ снопъ, лежалъ спящій на землѣ. Конечно, столь обширно описанныя лично обо мнѣ подробности нимало не замѣчательны, но онѣ доказываютъ, какъ моральныя заботы часто поражаютъ силы физическія.

По всѣмъ сдѣланнымъ отъ меня отправленіямъ гонцовъ съ ордерами былъ полный и неожиданный успѣхъ; всѣ во-время и безъ встрѣчи съ непріятелемъ достигли нашихъ отрядовъ, и эти отряды благополучно соединились съ нами; итакъ, заботы мои были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ. Насталъ день сосредоточенія при Гросъ-Бернской позиціи: соединились войска шведскія и русскія въ полномъ ихъ составѣ, а прусскій корпусъ Бюлова дѣлалъ послѣдній отступательный переходъ для соединенія съ нами.

По высказаннымъ причинамъ не въ состояніи я дать полный разсказъ о позиціи, нами занятой; все это, вѣроятно, подробно описано въ дневникахъ армій, но изложу нѣкоторыя частности, вѣроятно, не входившія въ составъ этихъ дневниковъ.

Бюловъ съ пруссаками отступилъ, сильно тѣснимый, но удерживаясь, сколько былъ въ силахъ. Но Бернадотъ былъ недоволенъ быстротой его отступленія. Случайно съ донесеніемъ прибылъ тогда же къ нему адъютантъ Бюлова, съ просьбою отъ этого генерала, чтобы кронъ-принцъ ему прислалъ подкрѣпленіе. На просьбу эту Бернадотъ отвѣчалъ ему:

«Je ne reconnais plus en vous, prussiens, les soldats du grand Frédéric. Dites à votre général Buloff que ni les suédois, ni les russes n'ont ni femmes, ni enfants à Berlin, c'est à vous de dé-

fendre votre capitale, et quand à nous, de Berlin a Stralsound et au Niémen il y a place encore pour nous mésurer avec l'ennemi. Dites à votre général Buloff, que je ne lui enverrai ni un seul russe, ni un seul suédois et que s'il perdait tout son monde et que lui seul reste, qu'il se défende encore» *).

Эти слова, которыя я слышалъ лично, такъ запечатлѣлись въ моей памяти, что могу завѣрить, что они переданы слово въ слово. Описаніе Гросъ-Бернскаго сраженія **), вѣроятно, отчетливо изложено военными повѣствователями и въ дневникахъ армій. Содѣйствіе въ ономъ большомъ бою главного русскаго отряда было незначительно; артиллерія русская соучаствовала въ пораженіи непріятеля, какъ и нѣкоторые легкіе кавалерійскіе отряды на флангахъ непріятеля. Полученнымъ отпоромъ, неожиданнымъ французами, наступательное ихъ движеніе пріостановилось, а полученное ими извѣстіе о быстромъ движеніи Блюхера въ Шлезвигской арміи заставило французскаго маршала отступить для подкрѣпленія и соединенія съ пораженными войсками, и, при отступленіи до самой Эльбы, онъ былъ быстро преслѣдуемъ. Послѣ Гросъ-Бернскаго сраженія мы приблизились къ Эльбѣ и перешли ее, и главная квартира кронъ-принца и наша корпусная была въ Цербстѣ, а часть нашихъ войскъ была при обложеніи Витенберга, вмѣстѣ съ пруссаками, но, при прибытіи Тауэнцина съ ландверомъ, были смѣнены русскіе изъ подъ Витенберга.

Переправа черезъ Эльбу была сдѣлана въ трехъ

---

*) Я не узнаю въ васъ больше, пруссаки, солдаты великаго Фридриха. Скажите вашему генералу Бюлову, что ни у шведовъ, ни у русскихъ нѣтъ ни женъ, ни дѣтей въ Берлинѣ; это ваше дѣло защищать свою столицу; что же касается до насъ, то отъ Берлина до Штральзунда и до Нѣмана для насъ еще много мѣста, чтобы помѣриться съ врагомъ. Скажите вашему генералу Бюлову, что я не пошлю ему ни одного русскаго и ни одного шведа, и что если даже онъ потеряетъ всѣхъ своихъ людей и останется одинъ, пусть и тогда защищается.

**) 11 (23) августа.

колоннахъ, въ каждой національность особенная. Русскія войска переправлялись въ Вахау. Пруссаки, бывъ на родинѣ, пользовались мѣстными средствами и имѣли понтоны. Шведамъ были отданы наши понтоны и собраны рѣчныя суда, а насъ, русскихъ, оставили на собственныхъ средствахъ, т. е. русская воля и топоръ. Въ нѣсколько минутъ были разобраны дома прибрежные, сколочены плоты, и молодцы-пѣхотинцы плывутъ къ Вахау, бѣглымъ шагомъ занимаютъ городъ и, ставъ твердою ногою, устраиваютъ мостовое укрѣпленіе наскоро, но все-таки немного оборонительное, и тѣмъ даютъ способъ всему корпусу перейти на тотъ берегъ. Эта смѣлая переправа и принятыя мѣры были произведены подъ попечительствомъ графа Воронцова. Кронъ-принцъ шведскій, объѣзжая всѣ переправы, прибылъ и къ нашей и не могъ надивиться успѣшности нашей переправы, безъ всякихъ средствъ къ оной, и тутъ я опять помню его слова, имъ во всеуслышаніе произнесенныя:

«Il n'y a rien d'impossible à vous autres russes; si votre Empereur était ambitieux, il faudrait vous tuer, vous autres russes, individuellement, comme on tue les ours blancs dans le Nord». Et puis se tournant vers le maréchal Steding, qui commandait l'armée suédoise, lui dit: «Imitez les russes, il n'est rien d'impossible pour eux. Vous autres suédois, vous ne savez pas faire la guerre, mais cela viendra, cela viendra» *).

Въ Цербстѣ я ежедневно раза по два, по три ходилъ къ Бернадоту для сообщенія получаемыхъ нами извѣстій съ передовыхъ отрядовъ, и по справедливости могу сказать, что пользовался его расположеніемъ. Въ

*) «Для васъ, русскихъ, нѣтъ ничего невозможнаго; если бы вашъ Императоръ былъ честолюбивъ, васъ, русскихъ, пришлось бы убивать особенно какъ убиваютъ бѣлыхъ медвѣдей на сѣверѣ». И потомъ, обернувшись къ маршалу Штедингу, который командовалъ шведской арміей, онъ сказалъ ему: «Подражайте русскимъ; для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго. Вы, шведы, вы не умѣете воевать, но вы еще научитесь этому».

Цербстѣ караулъ у кронъ-принца былъ всегда русскій, и онъ ежедневно выходилъ къ смѣнѣ; всегда здоровался съ людьми и всякій разъ спрашивалъ, дано ли было нижнимъ чинамъ водки, и на отвѣтъ, что порціи выданы, онъ всегда повторялъ: «Qu'on leur en donne encore» *). Кронцъ-принцъ умѣлъ отлично пріобрѣсть себѣ любовь русскаго солдата и всѣхъ высшихъ чиновъ; съ этими былъ вѣжливъ, а съ нижними чинами— ласковъ и попечителенъ. Что въ особенности нравилось нижнимъ чинамъ, это то, что онъ только въ необходимыхъ случаяхъ выдерживалъ ихъ на бивуакѣ, а болѣе располагалъ на частныхъ квартирахъ.

Впослѣдствіи, когда всѣ войска шли въ боевомъ порядкѣ, почти всегда его главная квартира была при русскомъ корпусѣ; само собою разумѣется, что войска выступали раньше поѣзда кронъ-принца, но когда онъ показывался у хвоста колонны и объѣзжалъ ее, то дружный гулъ русскаго «ура» слѣдовалъ за его поѣздомъ, и это не по приказанію, но чисто отъ порыва любви къ кронъ-принцу.

Во время нашего пребыванія въ Цербстѣ, получено было извѣстіе, что изъ Витенберга французы, оттѣснивъ пруссаковъ, облегающихъ крѣпость, приняли наступательное движеніе **). Корпусъ Бюлова, стоящій ближе къ нимъ, былъ первый въ бою съ ними, но былъ оттѣсненъ; но вскорѣ подоспѣлъ нашъ корпусъ и шведскій, и такъ удачно былъ направленъ, что взошелъ въ связь съ Бюловымъ, и изъ побѣждающихъ обратилъ французовъ въ отступающихъ, и французскій корпусъ, вышедшій изъ Витенберга и достигшій почти Треенъ-брица, принужденъ былъ пораженный возвратиться уже черезъ Эльбу на Торгау. Это

*) Пусть имъ еще дадутъ водки!

**) Походъ Нея съ 65 т. къ Берлину.

замѣчательное сраженіе было по Деневицемъ *), и вся честь онаго принадлежитъ распоряженію Бернадота и смѣлому дѣйствію русской и шведской артиллеріи и атакѣ кавалеріи русской; въ числѣ послѣдней была замѣчательная атака барона Палена съ Изюмскимъ полкомъ и еще другого драгунскаго, и дѣйствіе конной роты № 4, подъ командою капитана Баташева, и преудачное дѣйствіе той же роты, поручикъ которой Викторовъ кинулся съ канонерами и отбилъ два орудія у непріятеля.

Подъ Деневицемъ, въ числѣ плѣнныхъ, приводятъ къ Бернадоту одного штабъ-офицера, и что же вышло? Этотъ штабъ-офицеръ былъ ротнымъ командиромъ во время начала французской революціонной войны, а Бернадотъ былъ у него въ ротѣ фельдфебелемъ; первый достигъ только чина полковника, а Бернадотъ былъ не только уже фельдмаршаломъ во французской арміи, но въ это время былъ наслѣднымъ принцемъ Шведскаго королевства.

Послѣ блистательной побѣды подъ Деневицемъ, вышедшіе изъ Витенберга французскіе, какъ помнится, два корпуса **), подъ предводительствомъ храбраго Нея, едва могли спастись, отступая къ Торгау, преслѣдуемые русскими, пруссаками и шведами, и болѣе первыми. Отраженіе французовъ спасло Берлинъ, куда стремились французы, которые тамъ, хоть, вѣроятно, ненадолго но все же нанесли бы большой вредъ военнымъ приготовленіямъ пруссаковъ; жители поплатились бы сильной контрибуціей, а тягости, какъ русской, такъ и шведской арміи, едва бы могли безъ вреда уйти. Ютербокское сраженіе дѣлаетъ большую честь распоряженіямъ Бернадота и, какъ выше сказано,

---

*) 25 августа (6 сентября).

**) Три корпуса—4-й Бертрана, 7-ой Ренье и 12-й Удино.

дѣйствія артиллеріи и кавалерійскія атаки принесли большую честь шведской и русской артиллеріи и русской кавалеріи. Я не упоминаю о пруссакахъ, потому что первый натискъ французовъ въ превосходномъ числѣ войскъ былъ на нихъ, и хотя отпоръ ихъ былъ, по возможности, стоекъ, но они были приведены въ разстройство и выручены были русскою и шведскою артиллеріею, дѣйствующею отлично, подъ распоряженіемъ начальника главнаго штаба арміи кронъ-принца шведскаго, генерала Адлеркрейца.

На другой день, сколько помнится, было произведено на самомъ полѣ сраженія въ россійскихъ войскахъ церковное молебствіе, въ присутствіи нашихъ полчищъ, за одержанную побѣду, и къ радости нашего успѣха прибавилась еще полученная вѣсть объ одержанной побѣдѣ главной арміей подъ Кульмомъ *), и можно сказать, что эти почти современныя сраженія дали союзной арміи тотъ перевѣсъ, который впослѣдствіи ознаменовался подъ Лейпцигомъ. Послѣ нѣсколькодневнаго отдохновенія и послѣ соглашенія движенія всѣхъ союзныхъ армій, и наша Сѣверная армія, въ полномъ составѣ, приняла наступательное движеніе. За давновременностью событій не могу дать день за день отчета о движеніи войскъ Винценгеродова корпуса, но эти движенія были по назначенію Бернадота, и онъ слѣдовалъ лично съ нами.

Въ это время былъ частный случай, о которомъ скажу нѣсколько словъ, такъ какъ онъ выказываетъ находчивость того лица, о которомъ буду говорить. Этотъ

---

*) Побѣда при Кульмѣ (17 (29)—18 (30) авг.) имѣла особенно важное значеніе въ смыслѣ подъема духа арміи... *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Т. III, Спб. 1897 г., стр. 166).*

Почти въ то же время Силезская армія Блюхера одержала побѣду при Кацбахѣ (14 (26) августа).

случай былъ съ Фигнеромъ, котораго имя столь громко прославлено въ Отечественную войну, и котораго смѣлость выказана была въ 13-мъ году, когда онъ лазутчикомъ взошелъ въ крѣпость Данцигъ, чтобъ узнать о силахъ французскаго гарнизона и духѣ онаго. Тогда Фигнеръ высмотрѣлъ и даже успѣлъ, въ видѣ фельдшера, посѣщать Раппа, начальника французскаго гарнизона, и, при ловкости его ума, исполняя обязанность брадобрѣя Раппова, умѣлъ многое вывѣдать и, наконецъ, счастливо вышелъ изъ крѣпости и явился къ главнокомандующему съ весьма великимъ запасомъ свѣдѣній о средствахъ защиты французами Данцига. Но нынѣ вотъ что случилось: Фигнеръ формировалъ легіонъ изъ дезертировъ—испанцевъ и итальянцевъ, служившихъ во французской арміи или попавшихъ къ нимъ въ плѣнъ. Кадръ его отряда составлялъ тотъ партизанскій отрядъ, съ которымъ онъ дѣйствовалъ въ 1812 году. Партизанская война неминуемо ослабляетъ дисциплину, а къ тому же отрядъ былъ составленъ изъ сброда новобранцевъ, склонныхъ къ грабежу. Фигнеръ, едва организовавъ этотъ отрядъ, пустился къ присоединенію съ дѣйствующими войсками, и, бывъ причисленъ къ Винценгеродову корпусу, спѣшилъ къ соединенію, но не могъ съ этимъ сбродомъ, едва собраннымъ въ одно цѣлое, соблюдать при переходахъ, шествіяхъ и на ночлегахъ должную дисциплину. Своевольство его отряда въ отношеніи жителей было поводомъ многихъ жалобъ, которыя принесены были кронъ-принцу, а тотъ, при выраженіи неудовольствія, препроводилъ ихъ къ Винценгероде. Корпусной командиръ, при полученіи этого, вспылилъ и, позвавъ меня, приказалъ, чтобъ я немедленно вытребовалъ Фигнера и привелъ его къ нему. Воротясь на свою квартиру, я неожиданно тамъ засталъ Фигнера, предварилъ его о грозѣ, ему предстоящей, и о томъ, что мнѣ приказано

привести его къ отчету къ Винценгероде.—«Все обдѣлаю», отвѣчалъ онъ мнѣ, «объясняюсь съ корпуснымъ, объяснюсь съ кронъ-принцемъ и улажу дѣло». Пришли мы оба къ Винценгероде, тотъ вспылилъ на него, но Фигнеръ, нимало не смущаясь, отвѣчалъ ему: «Пошлите меня къ кронъ-принцу, и вы увидите, что я возвращусь къ вамъ чистъ, какъ агнецъ». Винценгероде любилъ Фигнера и сказалъ ему: «Поѣзжайте, но если не оправдаетесь, то будетъ вамъ и вашему отряду жутко отъ меня». Фигнеръ поѣхалъ къ кронъ-принцу; что тамъ происходило, я не знаю,—но, вмѣсто взыска, онъ вернулся отъ него съ шведскимъ крестомъ въ петлицѣ, и, слѣдовательно, чистъ отъ всякихъ нанесенныхъ и грозившихъ ему упрековъ.

Около времени, здѣсь мною описываемаго, Наполеонъ, стѣсненный и большой дѣйствующей арміей отъ Богеміи, и Блюхеромъ отъ Лаузаціи, и кронъ-принцемъ съ сѣвера,—принялъ намѣреніе смѣлымъ и неожиданнымъ движеніемъ ускользнуть. Тогда какъ мы всѣ двигались къ центральному пункту, Лейпцигу,—кажется, его намѣреніе было, оставивъ передъ главной арміей видъ защиты, со всѣмъ войскомъ перейти на нашу сторону Эльбы, завернуть съ мечемъ и огнемъ въ Берлинъ *) и дать вѣсть, чтобъ Гамбургскій гарнизонъ пробился въ направленіи Вестфаліи; изъ Берлина идти на Магдебургъ, отогнавъ едва начатое обложеніе, соединиться и выдти изъ Магдебурга, затѣмъ ретироваться въ направленіи къ Рейну, и, собравъ всѣ гарнизоны, въ этомъ направленіи расположенные, удвоить свою армію, и успѣть сдѣлать это первоначальное движеніе, пока не очнутся непріятели. Это движеніе было начато, и составленный авангардъ

*) Отъ этого плана Наполеонъ отказался только въ началѣ сентября, вынужденный къ тому обстоятельствами. Союзники переходятъ съ середины сентября въ рѣшительное наступленіе на сообщенія Наполеона.

Наполеона вышелъ изъ Витенберга и даже сдѣлалъ одинъ переходъ, оттолкнувъ обложившій этотъ городъ прусскій ландверъ, едва сформированный. Но это движеніе не продолжалось, оттого ли что главная армія и Блюхеръ стояли на сторожѣ, или Наполеонъ самъ перемѣнилъ намѣреніе, мнѣ неизвѣстно, но что я могу завѣрить, это то, что первоначальное движеніе авангарда французскаго изъ Витенберга немало озаботило кронъ-принца шведскаго по той причинѣ, что всѣ обозы и парки могли попасть въ руки французамъ, и намъ пришлось бы остаться безъ хлѣба и снарядовъ; а появленіе на правомъ берегу Эльбы французовъ подало поводъ ждать дурныхъ послѣдствій. Я помню, что мы получили это извѣстіе на ночлегѣ при какомъ-то городѣ, гдѣ производится солевареніе. Русскій корпусъ расположенъ былъ бивуакомъ на той сторонѣ текущей тутъ рѣки; главная квартира принца была въ самомъ городкѣ. Онъ меня потребовалъ къ себѣ и, давъ росписаніе объ общемъ движеніи, сказалъ мнѣ: «Вы мнѣ отвѣчаете за порядокъ: русскимъ войскамъ спускаться чрезъ ущелье, переходить артиллеріи и обозу черезъ самый мостъ, а войску—въ бродъ, подыматься опять чрезъ ущелье, и поэтому надо соблюдать большой порядокъ, и пока все войско не выйдетъ изъ ущелья, не пропускать ни одной повозки, даже и моей, понимаете—на вашъ отвѣтъ». И точно, я принялъ всѣ мѣры, мнѣ приказанныя, и не пропустилъ коляску и фургоны принца, попытавшіеся опередить проходъ войскъ, а когда начальникъ этого обоза хотѣлъ прорваться силою, я казакамъ приказалъ взять дротики на перевѣсъ и тѣмъ остановилъ; узнавъ объ этомъ, принцъ меня очень благодарилъ. Предшествующе-описанное движеніе французовъ, ими же отмѣненное, имѣло послѣдствіемъ смерть Фигнера. Онъ въ то время прибылъ еще не съ вооруженнымъ его отрядомъ въ Дессау, а туда же нагрянули

французы; кое-какъ попытался защитить Дессау, но это стало ему не въ силу, моста не было на рѣкѣ, и ему ничего не оставалось, какъ стараться уйти, и то вплавь и преслѣдуемымъ, когда успѣлъ переправить главную часть отряда; но этимъ онъ погубилъ себя, и раненый потонулъ. Жаль этой кончины, онъ былъ не рядовой витязь, честь его имени дорога всякому, любящему славу русскаго войска.

XXXII.

Лейпцигское сраженіе.—Занятіе деревни Цаульсдорфъ.—Переходъ къ намъ саксонскихъ войскъ.—Движеніе арміи къ Лейпцигу.—Фальшивая тревога.—Въѣздъ въ Лейпцигъ союзныхъ государей.—Невниманіе къ саксонскому королю.—Высочайшій смотръ корпуса Винценгероде.—Пребываніе корпусной квартиры въ Лейпцигѣ.—Черта характера Винценгероде.

Теперь приближаюсь къ повѣствованію Лейпцигской битвы *), весьма справедливо названной народнымъ побоищемъ.

Общее движеніе трехдневной битвы описано такъ подробно въ разныхъ повѣствованіяхъ этой эпохи, что ограничусь нѣкоторыми частными происшествіями того корпуса, въ которомъ я служилъ. Мы, т. е. Сѣверная армія, не участвовали въ сраженіи 4-го октября и стали въ линію общей позиціи въ полдень 5-го числа **). Во время нашего приближенія къ позиціи, былъ схваченъ нашими казаками ординарецъ Бертье, который возилъ S-t Cyr въ Дрезденъ повелѣніе и возвращался оттуда съ донесеніями. Упоминаю объ этомъ, не какъ о военномъ подвигѣ, а какъ подтвер-

*) 4 (16)—6 (18) октября.

**) У Брейтенфельда, за Силезской арміей.

жденіе разсказамъ моимъ, что полякъ всегда попытается быть гордымъ, а при осадкѣ дѣлается подлымъ. Его привели къ Винценгероде казаки; этотъ полякъ былъ нѣкій графъ Солтыкъ. Сперва чуть ли не полагалъ онъ себя обиженнымъ плѣномъ, но какъ его Винценгероде осадилъ за заносчивость, то онъ записался сейчасъ къ нему въ родню по женѣ Винценгероде и просилъ покровительства. Его, съ захваченными бумагами, отправили въ главную квартиру, и куда онъ оттуда дѣлся, не знаю; но встрѣча моя съ нимъ еще болѣе подтвердила мое мнѣніе не въ пользу ни его лично, ни польской націи, въ чемъ не разъ и потомъ я убѣждался.

Позиція, занятая нашимъ корпусомъ, была противъ Паульсдорфа *). Сколько я упомню, передъ самымъ началомъ сраженія 6-го октября, кронъ-принцъ шведскій приказалъ всѣмъ генераламъ, начальникамъ отдѣльныхъ частей нашего корпуса, прибыть къ нему, и тутъ, окруженный своимъ штабомъ, онъ имъ выразилъ въ краткихъ словахъ слѣдующее: «Господа,» сказалъ онъ имъ на французскомъ языкѣ: «въ нынѣшній день предстоитъ намъ главное сраженіе; я буду слѣдить за ходомъ онаго въ части войскъ, состоящей подъ моей командой арміи, буду давать приказанія по предстоящимъ случаямъ; но часто минута дорога для нанесенія значительнаго удара; это, особенно, случается при кавалерійскихъ атакахъ; для васъ, господа, начальниковъ этого рода войскъ, тутъ можетъ встрѣтиться случай, гдѣ вы должны сами воспользоваться минутой; будьте бдительны и не пропускайте удачнаго обстоятельства; я надѣюсь, что вы вполнѣ будете на уровнѣ этихъ обстоятельствъ и не пропустите воспользоваться онымп; обратитесь каждый къ своимъ мѣстамъ

*) Сѣверная армія двинулась отъ Брейтенфельда 6 (18) окт. въ 9 ч. утра и, переправившись черезъ р. Парту, въ 3 ч. дня подошла къ Паульсдорфу.

и будьте увѣрены, что я сумѣю оцѣнить заслуги каждаго».—Тутъ графъ Мантейфель въ ловкихъ словахъ выразилъ кронъ-принцу, что онъ вполнѣ его понимаетъ и готовъ исполнить его волю, и выразилъ это съ увлеченіемъ, скажу, слишкомъ неумѣстнымъ. Тогда ему кронъ-принцъ, указывая на французскую батарею, сказалъ: «Графъ, съ вашей бригадой (которая состояла изъ С.-Петербургскаго драгунскаго полка и казачьяго волонтернаго полка петербургскаго ополченія, подъ командою полковника Яхонтова), овладѣйте этой батареей». Тутъ уже не было возможности, въ виду кронъ-принца, не исполнить этого,—бригада ринулась, батареей овладѣли, но потеря съ нашей стороны была значительна, и Мантейфель положилъ тутъ свою жизнь, скажу, за неумѣстное фанфаронство.

Не буду описывать дѣйствій всего нашего корпуса: военные историки описали все это лучше, нежели я могу это сдѣлать изъ памяти; но передамъ два обстоятельства: это занятіе деревни Паульсдорфъ и переходъ къ намъ саксонскихъ войскъ.

При занятіи Паульсдорфа, которое было сдѣлано пруссаками Бюловскаго корпуса, пруссаки дѣйствовали молодцами. Паульсдорфъ сильно былъ занятъ французами, которые открыли сильный на нихъ стрѣлковый огонь, но пруссаки сомкнутыми колоннами атаковали деревню и ворвались съ бѣлымъ оружіемъ въ оную; а въ это же время посланный отъ Винценгероде начальникъ конной артиллерійской роты, подполковникъ Арнольдъ, обскакалъ деревню и съ тыла началъ громить оную, такъ что онъ, можно сказать, былъ между двухъ огней: между французами, занимающими Паульсдорфъ и главной линіей французовъ, поодаль отъ оной стоящихъ. Это отважное предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Не могу себѣ дать отчета, какъ изъ французской линіи не было дано помощи французамъ,

занимающимъ деревню, и какъ допустили Арнольда дѣйствовать, но Паульсдорфъ былъ нами занятъ и французы, занимавшіе деревню, положили оружіе; но въ этомъ дѣйствіи у Арнольда была оторвана нога. Въ военномъ дѣлѣ смѣлое дѣйствіе начальника невольно производитъ впечатлѣніе, и я теперь, послѣ болѣе сорока лѣтъ, такъ живо помню это впечатлѣніе, что могу дать отчетъ, какъ былъ одѣтъ Арнольдъ, какой масти была подъ нимъ лошадь,—все это въ моей памяти живо, какъ бы было нынче.

Другое упомянутое обстоятельство—это переходъ къ намъ саксонскихъ войскъ. Это было на моихъ глазахъ. Вотъ какъ это произошло: вдругъ мы видимъ, что масса войскъ идетъ прямо на насъ; не зная ихъ цѣли, мы приняли сперва это за атаку, но маханіе платками господъ офицеровъ и нестроевой ихъ образъ приближенія къ намъ показывали намъ, что это не атака, и вскорѣ мы убѣдились, что они переходятъ на нашу сторону. Къ нимъ выскакалъ посланный передовой и наши начальники, и вскорѣ вмѣстѣ съ ними явилось нѣсколько начальниковъ, которые объявили, что эти саксонскія войска къ намъ примыкаютъ. Я былъ посланъ Винценгероде отвести всѣ переходившія войска внѣ выстрѣла за нашу позицію, и объ этомъ обстоятельствѣ дано было свѣдѣніе кронъ-принцу и нашему Государю. Винценгероде привѣтствовалъ начальниковъ и войска, и, какъ было все кончено, весь составъ этихъ войскъ съ артиллеріей былъ поставленъ, какъ сказано выше, внѣ выстрѣла.

Но тутъ произошло неожиданое обстоятельство: былъ имъ данъ, въ родѣ почести, конвой уланъ, нашего Польскаго уланскаго полка, подъ командою оберъ-офицера, какого-то, по названію, графа Люксембурга, но, какъ впослѣдствіи оказалось, самозванца. Онъ отобралъ у саксонцевъ знамена и съ ними явился къ Винценге-

роде, какъ бы съ отбитыми имъ у нихъ, имѣя въ виду этимъ обманомъ выслужить награду. Но за знаменами вскорѣ прибыли и начальники перешедшихъ саксонцевъ съ жалобою на эту обиду. Ихъ успокоили, знамена имъ были возвращены, а Люксембургъ подвергнутъ былъ заслуженному взысканію. Вотъ еще одно обстоятельство, которое еще живо въ моей памяти. Обыкновенно, Наполеонъ, при битвахъ, которыми онъ предводительствовалъ, къ 4-мъ часамъ пополудни всегда предпринималъ рѣшительный ударъ. Около этого часа, 6-го числа, мы замѣтили противъ насъ сгущеніе колоннъ французскихъ и, думая, что будетъ обычный этотъ рѣшительный натискъ, готовились къ отбою, но оный не послѣдовалъ; имѣлъ ли намѣреніе Наполеонъ сдѣлать этотъ натискъ или сосредоточилъ всѣ свои войска, чтобъ приготовиться къ общему отступленію,—мнѣ неизвѣстно, но исходъ дня убѣдилъ насъ, что возобновленія сраженія не произойдетъ. Ночь провели мы на полѣ сраженія, каждый думалъ о предстоящемъ днѣ, начальники войскъ сносились между собою для руководства своихъ дѣйствій, каждый относился къ главному начальству для руководства, какъ и гдѣ дѣйствовать; какъ солдаты, такъ и начальствующіе въ разныхъ степеняхъ возобновляли свои ослабѣвшія силы пищей, и, какъ обычно, послѣ сраженія справлялись, кто убитъ, кто раненъ, кто живъ и цѣлъ, и, наконецъ, каждый всхрапнулъ отъ усталости. При разсвѣтѣ мы увидѣли, что французы оставили позиціи, и вскорѣ мы получили приказаніе, куда и какъ ихъ преслѣдовать; армія кронъ-принца приближалась къ самому Лейпцигу въ направленіи къ мѣстности, такъ называемой, Гримницъ-Торъ.

Это было 7-го октября; наша армія приближалась къ предмѣстьямъ города, въ который наши передовыя войска вошли почти безъ сопротивленія. Но въ самомъ

городѣ, за бульваромъ, окружающимъ городъ, опоясанный старымъ валомъ, оказалось, готовились къ защитѣ: наши передовые отряды, состоящіе изъ пруссаковъ, были вытѣснены, и пруссаки просили подкрѣпленія. Кронъ-принцъ послалъ нѣсколько батальоновъ шведовъ и приказалъ Винценгероде туда же отправить, сколько помнится, до восьми батальоновъ русскихъ. Винценгероде, не любившій, чтобъ русскія войска были подъ командою чужеземцевъ и смѣшивались съ союзными войсками, самъ повелъ русскіе батальоны, и опять мы заняли безъ большого боя предмѣстья и вступили до самаго Гримницъ-Тора.

Но тутъ вдругъ вышло обстоятельство непредвидѣнное, которое было причиною, хоть весьма кратковременной, но довольно значительной суматохи. Вотъ оно: головы колоннъ нашего отряда, какъ я уже сказалъ, были противъ вала по направленію Гримницъ-Тора, какъ вдругъ изъ побочной улицы раздался голосъ: «Спасайтесь, спасайтесь! кавалерія!» Этотъ крикъ еще звенитъ въ моихъ ушахъ. Отъ этого возгласа, и при видѣ изъ-за угла улицы латниковъ французскихъ, безъ возможности дать себѣ отчетъ о глубинѣ строя этихъ латниковъ, обуялъ безотчетный страхъ пруссаковъ, шведовъ и русскихъ, и также безотчетно колонны пѣхоты нашей повернулись спиной, вѣроятно, какъ и я самъ, полагая, что французы дружной атакой этихъ латниковъ (которыхъ почитали въ глубокомъ строю) хотѣли нанести намъ пораженіе и вытѣснить насъ изъ занятой нами улицы. При занятіи нами этой части, впереди были стрѣлки, за ними Винценгероде съ его штабомъ, а за нимъ пѣхотныя колонны. Безотчетный страхъ, обуявшій ихъ и стрѣлковъ, и не только эта встрѣча, но убѣжденіе и въ насъ, что нашему штабу лично не устоять противъ воображаемой на насъ атаки, со стыдомъ признаюсь, были поводомъ того, что и мы обратились вспять; но

могу сказать, что лично для меня это былъ первый случай такого неодобрительнаго поступка во всю мою боевую жизнь. Что же вышло изъ этой, воображаемой нами, на насъ атаки латниковъ?

Тутъ не было густой и глубокой колонны, а, можетъ быть, слабый эскадронъ, который и не мыслилъ на насъ сдѣлать атаку, а просто самъ для себя искалъ спасенія, не имѣя уже возможности слѣдовать общему движенію отступленія французской арміи, нашедши первый принятый имъ путь загражденнымъ русскими войсками арміи Бенигсена. Проскакавши вдоль бульвара, занятаго нами до нашего безотчетнаго бѣгства, эти латники кинулись къ встрѣтившейся на ихъ пути рѣкѣ Эльстрѣ, чтобъ спастись отъ плѣна, преслѣдуемые нашими стрѣлками, оправившимися отъ безотчетнаго страха. Многіе погибли, и среди нихъ, какъ впослѣдствіи узнали, князь Іосифъ Понятовскій, погибшій, кинувшись въ Эльстру вплавь и тутъ же смертельно раненый однимъ изъ нашихъ стрѣлковъ.

Не предайся мы и наши войска безотчетному страху, кирасиры, а главное, князь Понятовскій, были бы живыми взяты въ плѣнъ. Намъ была бы честь и слава; но, становя себя на мѣсто князя, я полагаю, что, можетъ быть, смерть была для него лучшимъ удѣломъ. Онъ легъ за свое отечество, не предвидя еще въ то время, что съ Лейпцигской битвы возстановленіе Польши въ цѣломъ ея видѣ—уже событіе не сбыточное, даже и въ теперешнее время, т. е. почти пятьдесятъ лѣтъ позже. Оправившись отъ безотчетнаго общаго страха, мы опять приблизились къ центру города и вошли въ связь съ прочими частями союзной арміи. Вскорѣ городъ, очищенный уже французами, былъ занятъ союзной арміей. Въ городѣ находился король саксонскій, вѣрный союзникъ Наполеона. По распоряженіи, куда и какими войсками преслѣдовать рети-

рующуюся французскую армію, союзные государи въѣхали въ городъ и, не слѣзая съ лошадей, остановились на плацу противъ дворца. Бѣдный король саксонскій, въ преклонныхъ своихъ лѣтахъ, спустился съ лѣстницы занимаемаго имъ дома и вышелъ навстрѣчу союзнымъ государямъ, но они не удостоили его свиданіемъ, и бѣдный старикъ, при горестныхъ событіяхъ правительственныхъ, его постигшихъ, имѣлъ еще испытаніе быть, можно сказать, явно оттолкнутымъ союзными государями. Какъ нѣмецъ, можетъ быть, онъ и заслужилъ это; но дерзну сказать, что невыгодно, не разсчетливо царямъ унижать своего собрата.

Тутъ на этомъ плацу объявилъ Императоръ Александръ Винценгероде, что онъ совершенно доволенъ дѣйствіями его и войскъ его корпуса и хочетъ самъ сдѣлать имъ смотръ. Винценгероде, получивши это приказаніе, подозвалъ меня и приказалъ мнѣ поспѣшнѣе объявить объ этомъ войскамъ, устроить ихъ въ боевомъ, колонномъ порядкѣ и передать начальникамъ войскъ, чтобъ они приготовили ихъ, по возможности, чище. Въ теченіе не болѣе двухъ или трехъ часовъ войска нашего корпуса, пріумывшись, пригладившись, пообчистившись, стройно ждали на мѣстѣ, гдѣ еще лежали трупы пораженныхъ французовъ, прибытія Государя. Онъ объѣхалъ линіи, былъ весьма доволенъ стройностью и наружнымъ видомъ войскъ, благодарилъ корпусного командира, начальниковъ всѣхъ частей, и нашихъ молодцовъ-красавцевъ нижнихъ чиновъ.

Отъ нашего корпуса были отряжены также авангарды для преслѣдованія французовъ. Съ аванпостовъ тогда прибыли переходящіе къ намъ польскіе генералы и офицеры, и нижніе чины, вслѣдствіе объявленія имъ самимъ Наполеономъ, что теперь дѣло идетъ объ одной Франціи, и что каждому предоставлено возвратиться на родину или остаться при немъ. Многихъ я лично,

по порученію корпусного командира, отводилъ къ Государю, который принималъ ихъ благосклонно, приказывалъ снабжать деньгами и давать имъ проѣздныя листы въ Варшаву.

Мнѣ не помнится, долго ли наша корпусная квартира оставалась въ Лейпцигѣ, но полагаю, два дня. Часто былъ я посылаемъ къ Государю и кронъ-принцу для передачи донесеній отъ нашего авангарда. Въ одну изъ этихъ посылокъ я засталъ у Государя кронъ-принца Бернадота. Взошедъ въ комнату, по сдѣланному Государемъ знаку глазами, я передалъ данное мнѣ порученіе кронъ-принцу, несмотря на то, что онъ мнѣ указывалъ на Государя. Тутъ Бернадотъ лестно обо мнѣ отозвался Государю, но Бѣлый Царь, не любившій баловать насъ русскихъ, отвѣтилъ ему, что я только исполнялъ свои обязанности; но все-таки мнѣ лестна была похвала кронъ-принца.

По кратковременномъ пребываніи нашей корпусной квартиры въ Лейпцигѣ, наши войска выступили сперва по частямъ, но скоро, помню, было получено приказаніе нашему корпусу въ полномъ его составѣ слѣдовать для занятія сѣверной части Германіи.

Во время нашего пребыванія въ Лейпцигѣ Винценгероде былъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи. Этотъ примѣрной честности человѣкъ не хотѣлъ быть одинъ награжденъ и желалъ, чтобъ также, до составленія общаго представленія, было награждено близкое ему лицо изъ его сподвижниковъ. Вышедши изъ кабинета, онъ меня подзываетъ и спрашиваетъ, что, по моему мнѣнію, было бы пріятнѣе графу Воронцову — назначеніе генералъ-адъютантомъ, или Александровская лента. На это я ему отвѣчалъ: «первое его не минуетъ и впослѣдствіи, а лента въ существѣ болѣе значительна». Винценгероде взошелъ опять въ кабинетъ Государя и вынесъ графу Воронцову эту

ленту. Объ этомъ упоминаю не для того, чтобъ выставить ту довѣренность, которой меня награждалъ Винценгероде,—но чтобы, какъ впослѣдствіи выкажу, замѣтить, какъ графъ Воронцовъ худо отплатилъ барону Винценгероде за попеченіе этого послѣдняго о немъ.

XXXIII.

Занятіе Касселя. Командировка во Франкфуртъ съ представленіемъ о награжденіяхъ.—Пребываніе главной квартиры во Франкфуртѣ.—Отказъ Императора Александра защитить сербовъ отъ турокъ.—Черта изъ характеристики Аракчеева.—Полученіе Аннинской ленты.—Возвращеніе въ корпусную квартиру въ Бременъ.—Бременскій погребъ 12 апостоловъ.—Сраженіе при Оффенбахѣ.—Движеніе корпуса Винценгероде къ Рейну.

Не помню положительно, но, кажется, въ то время, если не прежде, было занятіе Касселя Чернышевымъ *), подвигъ весьма прославленный имъ, но который, при настоящемъ обсужденіи, недостоинъ этой славы. Чернышевъ, имѣвшій сильный отрядъ, подступилъ къ Кассело, тогда столицѣ бывшаго Вестфальскаго королевства. Этотъ городъ былъ внѣ операціонной линіи отступившей французской арміи, и въ немъ безъ войска находился король Жеромъ Бонапартъ, который, узнавъ о приближеніи русскаго отряда, и не мыслилъ объ оборонѣ, а заранѣе выѣхалъ вспять. По чистой совѣсти скажу, что занятіе Касселя не болѣе стоило труда, какъ если бы войско съ Царицынскаго луга въ Петербургѣ перешло на Дворцовую площадь. Но лов-

*) 18 (30) сентября.

кій во лжи Чернышевъ это вступленіе, скажу просто, мирное, выставилъ въ реляціи, какъ дѣло бойкое. Занятіе столицы всякаго государства удобно къ громкому слову; повѣрка происшествія никому не пришла на умъ, а польза вступленія была очевидна, такъ какъ слѣдствіемъ его было уничтоженіе королевства de facto, и черезъ то вступленіе жителей королевства въ общее германское преобразованіе. Такъ какъ очищеніе Касселя вестфальскимъ королемъ было сдѣлано со спѣхомъ, то всѣ королевскіе дворцовые экипажи были при отступленіи взяты, и я въ числѣ оныхъ, пріобрѣлъ покупкою отъ казаковъ коляску королевскую, запряженную красивыми четырьмя жеребцами, заплативъ за нее сто червонцевъ, и эту коляску парадныхъ поѣздовъ въ 1814 году, на этихъ же лошадяхъ и нанявъ того же кучера, съ гербомъ королевскимъ на дверцахъ и съ королевской ливреей на кучерѣ, доставилъ въ Петербургъ и подарилъ экипажъ и лошадей моему отцу, а кучера обратно отправилъ на родину.

Теперь вспоминаю, что я изъ Касселя былъ отправленъ съ представленіемъ о награжденіяхъ въ Франкфуртъ и, прибывъ туда, передалъ ихъ Государю.

Я имѣлъ приказаніе, представивъ о наградахъ, дождаться утвержденія оныхъ и съ этимъ обратно пріѣхать въ корпусную квартиру.

Въ это время военныя дѣйствія только частью были прекращены; французы, за исключеніемъ занимаемыхъ крѣпостей, повсюду перешли за Рейнъ, кромѣ сѣверной части этой тогда огромной имперіи, а армія союзная, дѣйствующая въ Германіи, была расположена въ правой прибрежной части; съ обѣхъ сторонъ было отдохновеніе, укомплектованіе, снабженіе войскъ всѣмъ тѣмъ, что нужно было для предстоящей новой кампаніи. Пребываніе мое въ главной квартирѣ въ Франкфуртѣ, выведши меня изъ круга служебныхъ боевыхъ

моихъ занятій, не можетъ дать повода къ передачѣ какихъ-либо достопримѣчательныхъ событій.

Главная квартира, особенно, гдѣ присутствовалъ Царь, есть тотъ-же дворцовый бытъ интригъ.

Мое пребываніе во Франкфуртѣ не стоитъ повѣствованія. Встрѣтившись съ товарищами молодости, столичныхъ береговъ Невы и московскими, съ товарищами бивачными по войнамъ, въ которыхъ я участвовалъ, въ 1806, 1807, 1810 и 1811 гг., съ товарищами 1812 и частью 1813, при бездѣльѣ и отдыхѣ отъ служебныхъ занятій,—чѣмъ наполнить день за день свой бытъ, при безпечности молодыхъ лѣтъ, какъ не разгуломъ? И онъ былъ полонъ. Но нынѣ, при моихъ лѣтахъ и съ пріобрѣтеніемъ опытности и переносомъ многихъ испытаній, я не понимаю, какъ ни столкновенія съ людьми, стоющими изученія, ни мысль о предстоящихъ новыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, ни возможность положить жизнь, не отвлекаютъ отъ порывовъ страстей, разгула, просто скажу, разврата.— Эта жизнь не стоитъ повѣствованія, и поэтому перо мое о бытѣ моемъ въ Франкфуртѣ опишетъ только нѣсколько встрѣчъ, хотя не весьма замѣчательныхъ, но разсказъ о которыхъ, хотя отчасти, можетъ быть, заинтересуетъ читателя.

Моя личность была такъ мало замѣчательна, что, я не могъ ни имѣть свѣдѣній о великихъ толкахъ политическихъ того времени, ни слѣдить за оными; но вотъ одно обстоятельство, которому былъ свидѣтелемъ. Во Франкфуртъ прибыли посланцы отъ сербскаго народа съ просьбою къ Императору Александру защитить ихъ родину отъ притѣсненій и злодѣйствъ, учиняемыхъ надъ оной турецкимъ правительствомъ, которое, зная, что всѣ наши военныя силы заняты на западѣ Европы, безнаказанно и злодѣйски дѣйствовало съ сербами. Эти посланцы, прибывъ въ Франк-

фуртъ, просили аудіенціи у Императора Александра, но имъ отказано было, а шли пустые переговоры съ Нессельроде, главою дипломатическаго управленія при Государѣ; и какъ изъ этихъ переговоровъ они не видѣли никакого полезнаго исхода для своего отечества, а злодѣйства и казни не укрощались, эти сербскіе посланцы рѣшились на отчаянную мѣру и неожиданно при разводѣ кинулись на колѣни передъ Государемъ и просили защиты для края и соотечественниковъ, въ силу Бухарестскаго трактата, поставившаго Сербію подъ покровительство Россіи. Но какъ вмѣшательство Россіи на Востокѣ могло бы быть несвоевременно по обстоятельствамъ и могло бы не только помѣшать дѣйствіямъ нашимъ и политикѣ на Западѣ, но и возродить дипломатическія столкновенія и съ Австріей, и съ Англіей, то просьба сербскихъ посланцевъ жестокосердно была отринута; посланцы должны были выѣхать, не успѣвъ ни въ чемъ, и кровь нашихъ единовѣрцевъ, нашихъ братьевъ-славянъ, не переставала литься, и слово, данное по Бухарестскому трактату, осталось мертвой буквой. Мы пожертвовали истинными нашими выгодами, защитою славянъ—соображеніямъ съ выгодами Запада, который, какъ нынѣ извѣстно (во второмъ полувѣкѣ 19-мъ), такъ дурно отплатилъ за оказанную ему помощь въ 1814 г.

Другое обстоятельство, лично до меня относящееся, упомяну я не по отношенію къ себѣ, но какъ относящееся къ одному изъ лицъ, игравшему въ то время при Императорѣ Александрѣ главную роль по русскимъ дѣламъ—Аракчееву, и которое выкажетъ его наклонность завидовать всякому, пользующемуся хоть второстепенно расположеніемъ или довѣріемъ Государя. Я выше сказалъ, что я присланъ былъ отъ Винценгероде съ представленіемъ о наградахъ по командуемому имъ корпусу. Во время моего пребыванія во Франкфуртѣ, былъ

я потребованъ къ Аракчееву, который при встрѣчѣ со мной, и передавая мнѣ утвержденное Государемъ представленіе, мнѣ сказалъ: «Я знаю, что вы въ большомъ довѣріи у барона Винценгероде, а онъ въ большомъ довѣріи у Государя; прошу васъ, князь, замолвить за меня у него словечко». Злая выходка противъ Винценгероде, который не искалъ въ Аракчеевѣ опоры.

Наконецъ, скажу и словечко о себѣ, чтобъ выказать, что человѣкъ весьма падокъ къ тому, что клонится къ его честолюбію. Я, кажется, позабылъ сказать, что 15-го сентября 1813 г. я былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а теперь во Франкфуртѣ былъ пожалованъ въ кавалеры ордена Св. Анны 1-го класса; итакъ, начавъ Отечественную войну ротмистромъ гвардіи, хотя уже тогда флигель-адъютантомъ, я получилъ съ того времени чинъ полковника, Анну 2-ой степ., а потомъ съ брилліантами, третьяго Владиміра, Георгіевскій крестъ и въ Франкфуртѣ Анну первой степени; конечно, все это выше моихъ заслугъ. Не утаю, что получивъ Аннинскую ленту, едва произведенный въ генералъ-маіоры, я былъ очень обрадованъ этимъ награжденіемъ, и чистосердечно сознаюсь въ малодушествѣ своемъ, а именно, получивъ ленту около вечера, я такъ любовался ею, что, ложась спать, ее повѣсилъ на стулъ, поставленный насупротивъ меня, съ тѣмъ, чтобъ до сомкнутія глазъ любоваться ею. Сознаюсь, что это великое малодушіе, но лучше признаться въ ономъ, нежели таить его.

Окончивъ возложенное на меня порученіе во Франкфуртѣ, я поѣхалъ въ обратный путь къ корпусу, котораго квартира была въ городѣ Бременѣ и привезъ радость многимъ утвержденными прдставленіями о наградахъ. Нѣкоторое время корпусъ былъ на стоянкѣ, и войска расположены по квартирамъ въ направленіи къ Рейну, а мы, состоящіе при корпусной квартирѣ, имѣя

много свободнаго времени пользовались обществомъ и развлеченіями городской жизни. Бытъ нашъ, какъ и мой, большею частью, былъ подобенъ жизни моей во Франкфуртѣ, и поэтому нечего и упоминать объ ономъ. Въ Бременѣ, какъ извѣстно, есть городской погребъ 12-ти Апостоловъ, каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ огромная бочка, полная изъ давнихъ лѣтъ отличнымъ рейнвейномъ. Выдача изъ этого погреба всегда производится вслѣдствіе декрета сената. Этимъ виномъ угощаютъ высокихъ путешественниковъ за трапезою городскою, или подносятъ его имъ въ даръ по дюжинѣ бутылокъ, и отпускаютъ его также въ аптеки для употребленія въ видѣ лѣкарства. Выдача эта производится слѣдующимъ образомъ: изъ бочки Св. Петра, въ силу декрета, выпускается по назначенію количество вина, а изъ сосѣдней бочки Павла выпущенное количество пополняется и тѣмъ-же чередомъ изъ бочекъ другихъ апостоловъ по порядку. Этимъ виномъ мы попользовались за столомъ корпусного командира, которому ежедневно отъ сената высылалось по шести бутылокъ. Тетенборнъ, который прежде, еще до нашего прихода, занялъ Бременъ съ русскимъ партизанскимъ отрядомъ, еще болѣе широкою рукою попользовался этимъ виномъ, такъ какъ жители нѣмцы за освобожденіе ихъ отъ французскихъ войскъ поднесли ему нѣсколько сотенъ бутылокъ, и я это вино пилъ у него два года послѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Я забылъ упомянуть, что отрядъ изъ нашихъ войскъ послѣ Лейпцига былъ отправленъ подъ начальствомъ Чернышева по пятамъ за французами, и Чернышевъ участвовалъ въ сраженіи, кажется, при Оффенбахѣ *), гдѣ французы неожиданно имѣли повтореніе перехода войскъ союзныхъ имъ баварцевъ во вра-

*) При Ганау 17 (29) октября.

ждебные. Дѣло было горячее. Баварцы хотѣли помѣшать французамъ въ отступленіи къ границамъ Франціи; французы, несмотря на сильный оттискъ баварцевъ, проложили себѣ путь штыками. Съ обѣихъ сторонъ потеря была велика. Чернышевъ, хотя и приписываетъ значительное участіе себѣ въ этомъ дѣлѣ, могъ-бы точно много помочь баварцамъ, но онъ лишь произвелъ слабую демонстрацію. Чернышевъ былъ мастакъ на реляціи—себѣ много приписалъ, а мало что поистинѣ сдѣлалъ.

Стоянка наша подъ Бременомъ пришла къ концу, и велѣно было корпусу нашему, усиленному войсками изъ арміи Бенигсена (которая стояла подъ Гамбургомъ), подъ командой графа Строганова, и отрядомъ шведскимъ, что въ общей сложности составляло болѣе 40,000, двинуться къ Рейну *). Весь край, по которому мы шли, былъ очищенъ отъ французовъ, и поэтому мы шли по оному мирно, соблюдая строгое охраненіе жителей отъ какихъ бы то ни было притѣсненій.

Отправленъ былъ только летучій отрядъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Александра Христофоровича Бенкендорфа, чтобъ чрезъ Остъфризскія провинціи угрожать Голландіи. О замѣчательномъ успѣхѣ этого отряда, успѣхѣ, который единственно приписать должно прозорливости и смѣлому дѣйствію Бенкендорфа, впослѣдствіи дамъ бѣглый отчетъ.

Во время нашего перехода изъ Бремена къ Рейну, получено было приказаніе, по назначенію Государя, сводные гренадерскіе батальоны, которые находились въ нашемъ корпусѣ и состояли подъ командой графа Воронцова, расформировать и по-ротно укомплектовать оными тѣ пѣхотныя дивизіи, которыя числились въ нашемъ корпусѣ.

---

*) Главная квартира Государя перемѣстилась изъ Франкфурта въ Базель.

Въ этихъ распоряженіяхъ не было никакихъ представленій отъ Винценгероде, а это была Высочайшая мѣра къ приведенію войскъ въ стройное положеніе по всѣмъ арміямъ безъ перетасовки людей изъ одной арміи въ другую, и къ уничтоженію отдѣльныхъ частей, не составляющихъ одно цѣлое, какъ самое названіе «сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ» это означало.

Я объ этомъ упоминаю, ибо позже эта мѣра имѣла слѣдствіемъ своимъ непріязненныя сношенія, или, лучше сказать, была поводомъ интригъ Воронцова противъ Винценгероде, что поставило меня въ положеніе, заставившее меня удалиться отъ того мѣста и званія, которое я занималъ, и это удаленіе впослѣдствіи, можетъ быть, имѣло большое вліяніе на мою службу. Обстоятельство это разскажу впослѣдствіи.

XXXIV.

Прибытіе корпуса Винцингероде въ Дюссельдорфъ.—Знакомство съ Юстіномъ Грунеромъ.—Переправа черезъ Рейнъ.—Командировка въ Кельнъ.—Занятіе Амстердама А. Х. Бенкендорфомъ.—Защита имъ крѣпости Бреды.—Возвращеніе изъ Кельна.—Обѣдъ, данный Бенкендорфомъ въ Ахенѣ.

Обращаюсь къ мирному переходу нашему изъ Бремена къ Дюссельдорфу, гдѣ была назначена наша корпусная квартира; въ военномъ отношеніи мнѣ здѣсь нечего сообщить.

Шли мы краемъ дружелюбнымъ, ненавидѣвшимъ владычество французовъ и принимавшимъ наши войска и насъ не только дружелюбно, но съ восторгомъ. Въ городахъ намъ были встрѣчи не только отъ мѣстныхъ правительственныхъ лицъ, но и отъ жителей, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ депутаціи женщинъ выходили намъ навстрѣчу и раздавали вѣнки. Прибывъ въ Дюссельдорфъ *), мы равномѣрно были приняты съ восторгомъ. Этотъ городъ расположенъ въ прекрасной мѣстности на берегу Рейна; городъ красивъ, высшіе слои общества весьма образованы и оказывали намъ любезный пріемъ.

---

*) 25 декабря (6 января).

Во время этой стоянки въ Дюссельдорфѣ я имѣлъ по службѣ частыя сношенія съ Юстіяномъ Грунеромъ, сподвижникомъ знаменитаго Штейна, котораго, хоть не по военнымъ обстоятельствамъ, но по толчку, данному имъ народному элементу, можно назвать возродителемъ Германіи въ точномъ смыслѣ единства, которымъ тогда воспользовались для вооруженія націи, полагающей двинуться дружною силою на общее свое освобожденіе, но воспользовавшись этимъ движеніемъ, владыки вскорѣ это забыли, и старый ладъ управленія, безъ единства народныхъ правъ, былъ водворенъ. Я съ Юстіяномъ Грунеромъ, не только по службѣ, но имѣлъ и частыя свѣтскія сношенія, и въ этихъ разговорахъ получилъ я болѣе познаній объ обязанностяхъ гражданина къ отечеству.

Среди увеселеній Дюссельдорфскихъ, мы готовились къ военнымъ дѣйствіямъ и получили приказаніе, вслѣдъ за общимъ всѣхъ армій движеніемъ, перейти также черезъ Рейнъ. Мы не имѣли подробныхъ свѣдѣній о численности французскихъ войскъ противъ насъ; но не въ дальнемъ разстояніи отъ Дюссельдорфа была крѣпость Юльенъ (Jullien), занятая французскимъ гарнизономъ, а вдоль по рѣкѣ Рейну были французскіе посты и ихъ резервы.

Сколько помнится, на 1-ое января 1814 года ст. ст., былъ назначенъ переходъ черезъ Рейнъ, или, лучше сказать, переправленіе отряда, отданнаго подъ команду Константина Христофоровича Бенкендорфа, штабъ-офицера отважнаго и распорядительнаго.

Средства къ переправѣ войскъ этого отряда, заранѣе изготовленныя, были подвезены ночью, спущены на воду ночью же, и на разсвѣтѣ Бенкендорфъ самъ въ передовой лодкѣ молодцомъ поплылъ, пѣхота съ ружьями—въ лодкахъ и на плотахъ, а казаки—на лошадяхъ своихъ около лодокъ вплавь. Какъ теперь я

вижу Бенкендорфа во главѣ, дающаго своей отвагой примѣръ и, по моему мнѣнію, плывущаго на вѣрную смерть. За его отрядомъ, на нашемъ берегу Рейна, были наготовѣ къ переправѣ главныя части корпуса. При началѣ переправы видно было нѣкоторое движеніе войскъ на французскомъ берегу, и былъ сдѣланъ слабый отпоръ противъ высадки Бенкендорфа, но вскорѣ его отрядомъ была занята противоположная мѣстность, и французскіе отряды ретировались на Юльенъ. Переправа Бенкендорфа учинена была съ весьма слабыми потерями, но тѣмъ не менѣе отвага его переправиться среди бѣлаго дня, въ виду непріятеля, съ слабымъ отрядомъ, и успѣхъ этого—достойны всякой похвалы. Не могъ онъ знать, что будетъ со стороны французовъ такой слабый отпоръ, а по предпріимчивости своей онъ заслуживаетъ великую похвалу.

Какія были дальнѣйшія дѣйствія Константина Христофоровича Бенкендорфа, какъ учинена была переправа всего корпуса, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ я былъ посланъ Винценгероде въ занятый казачьимъ полкомъ и потомъ пѣхотнымъ отрядомъ городъ Кёльнъ (Cologne), для устройства тамъ военнаго управленія, для приведенія въ ясность большихъ, разнаго рода, запасовъ, принадлежащихъ французскому правительству, для устройства основного пункта, т. е. базиса операціонной нашей дѣйствующей линіи,—размѣщенія магазейновъ, парковъ и всѣхъ частей и для разныхъ первоначальныхъ по этимъ отраслямъ военнаго устройства приготовленій.

Я выше упомянулъ о дѣйствіи отдѣльнаго отряда самаго сѣвернаго нашего корпуса, подъ начальствомъ Александра Христофоровича Бенкендорфа. Буду стараться, сколько могу вѣрнѣе, какъ мнѣ дошло въ то время свѣдѣніе, описать, хоть вкратцѣ, этотъ славный поискъ этого отдѣльнаго отряда, который дѣйствовалъ

не по силамъ, но отвагою своею достигъ весьма важныхъ послѣдствій.

Бенкендорфъ, съ нѣсколькими полками казачьими, съ Павлоградскимъ полкомъ, съ одною конною ротою и, сколько помню, безъ пѣхоты или съ весьма незначительнымъ числомъ оной, какъ я сказывалъ, былъ отряженъ въ Остфризу для диверсіи или, лучше сказать, для отвода французскихъ войскъ, соединенныхъ силами противъ насъ. Но Бенкендорфъ, бѣгло занявъ край до Зюдерзее, не удовольствовался этимъ и рѣшился воспользоваться еще хоть невѣрнымъ замерзаніемъ онаго—перейти оный и угрозить самому Амстердаму. Замышлено и сдѣлано. Не имѣю возможности, за столь давнимъ временемъ этого происшествія, дать подробный отчетъ объ этомъ смѣломъ и удачномъ движеніи, но Амстердамъ былъ имъ занятъ, и тѣмъ положено самое близкое сообщеніе съ Англіей, первое начало отдѣленію Голландіи отъ Французской имперіи и начало народному Голландскому возстанію.

Бенкендорфъ не довольствовался этимъ блистательнымъ дѣйствіемъ, и, хотя онъ могъ бы въ Амстердамѣ найти новую Капую,—долгъ превозмогъ его страсть къ женщинамъ, и, устроивъ временное правленіе, онъ изъ Амстердама спѣшилъ занять сколько можно болѣе мѣстности въ королевствѣ и такъ удачно, что занялъ, почти безъ боя, довольно значительную крѣпость Бреду.

Но тутъ чуть онъ не попался въ бѣду. Начальникъ французскихъ войскъ, въ Голландіи и Бельгіи расположенныхъ, видя довольно бойкое и безъ всякой связи съ главными, вступившими чрезъ Дюссельдорфъ, русскими войсками движеніе, хотѣлъ воспользоваться этимъ положеніемъ отряда генерала Бенкендорфа, занявшаго слабымъ отрядомъ крѣпость Бреду. Французскій генералъ съ превосходнымъ численностью войскомъ окружилъ Бреду и, можно сказать, поставилъ

въ затруднительное положеніе Бенкендорфа, который, по малосильности командуемаго имъ отряда, не могъ и подумать, выступя изъ крѣпости, взойти въ бой полевой; а крѣпость Бреда, не только по запущенности укрѣпленій оной, но еще болѣе по совершенному неснабженію продовольствіемъ на продолжительную защиту, поставляла Бенкендорфа въ почти безвыходное положеніе. Но Бенкендорфъ выказалъ необычайную стойкость и, нимало не унывая, принялъ не только мѣры къ защитѣ Бреды, но смѣлыми поисками высылаемыхъ имъ отрядовъ внѣ крѣпости успѣлъ покрыть малочисленность своего отряда, и въ этихъ поискахъ особенно отличался Павлоградскаго гусарскаго полка маіоръ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ, котораго подвиги были такъ безспорно дѣльны, что онъ могъ, не по ходатайству начальства, но по представленному свидѣтельству отъ думы, получить Георгіевскій крестъ.

Стойкость и распорядительность Бенкендорфа имѣла полный успѣхъ, и начальникъ французскаго корпуса, сколько помнится или Жераръ или Мезонъ *), видя стойкость обороны Бенкендорфа, и изъ опасенія быть самому отрѣзаннымъ отъ границъ Франціи быстрымъ движеніемъ корпуса русскихъ войскъ подъ начальствомъ Винценгероде по переходѣ черезъ Рейнъ и высадкою англичанъ, кажется, подъ Вельюрномъ, рѣшился самъ отступить отъ Бреды, и тѣмъ Бенкендорфъ выведенъ былъ изъ затруднительнаго положенія. Но со всѣмъ тѣмъ—честь и слава ему за подвигъ, если и необдуманно смѣлый, то въ общемъ ходѣ и исходѣ дѣлъ весьма значительный.

Я не прерывалъ разсказа о дѣйствіи отряда Бенкендорфа въ Амстердамѣ и Бредѣ, чтобы выказать вполнѣ значительность послѣдствій онаго; и точно, Бен-

*) Молиторъ. Мезонъ позже командовалъ войсками въ Голландіи.

кендорфъ тѣмъ далъ возможность возстанія Голландіи противъ тогдашняго общаго врага и, въ числѣ заслуженныхъ имъ награжденій, впослѣдствіи полученныхъ, онъ получилъ гражданство и почетную шпагу за освобожденіе Амстердама, поднесенную ему отъ жителей сего города.

Какъ ни блистателенъ былъ послѣдствіями смѣлый набѣгъ Бенкендорфа, съ отрядомъ не по силамъ для исполненнаго предпріятія, но, какъ оно было сдѣлано вопреки даннымъ ему инструкціямъ отъ Винценгероде, корпусной командиръ, получивши только донесеніе о бойкомъ положеніи отряда въ Бредѣ, не могъ не потребовать отчета отъ Бенкендорфа за движеніе, сдѣланное противъ его назначенія, тѣмъ болѣе, что не зналъ, чѣмъ это кончилось; и, отказавъ Бенкендорфу въ командованіи отрядомъ, предписалъ ему явиться въ корпусную квартиру для отчета въ дѣйствіи, совершенномъ вопреки даннымъ ему инструкціямъ. Эта невзгода не имѣла никакихъ послѣдствій для Бенкендорфа, удача покрыла, какъ это всегда случается во всемъ, то, что при неудачѣ почли бы виною, и кратковременное удаленіе отъ командованія было замѣнено новымъ довѣріемъ къ лицу, вполнѣ заслужившему оное, и Бенкендорфъ опять вступилъ въ командованіе вновь назначенной ему частью, но уже не въ отдѣльномъ отрядѣ, а въ боевомъ порядкѣ войскъ.

Я выше сказалъ, что я изъ Дюссельдорфа былъ отправленъ, для устройства многихъ мнѣ порученныхъ частей, въ городъ Кельнъ, какъ базисъ операціонной линіи нашего корпуса, и для приведенія въ особенности въ извѣстность всякаго имущества, принадлежащаго французскому правительству, въ числѣ котораго былъ складъ табачный, и по количеству, и по цѣнности весьма значительный.

Приведя все въ извѣстность, охранивъ все отъ похищенія, и назначивъ въ Кельнѣ комендантомъ маіора

Клемерта, я снабдилъ его инструкціею и отправился къ присоединенію къ корпусной квартирѣ, которая уже, какъ извѣстно мнѣ было, была въ Лютихѣ. Во время этого мирнаго проѣзда по краю, уже занятому нами, я встрѣтился въ Ахенѣ съ Бенкендорфомъ, прежде меня туда прибывшимъ, и встрѣча наша была дружеская, какъ обычно между товарищами по службѣ и собивачниками.

Оба мы остановились въ извѣстномъ и понынѣ строеніи, гдѣ останавливаются и военные, и пріѣзжающіе для лѣченія минеральными водами. Бенкендорфъ, пріѣхавшій туда прежде меня, задалъ мнѣ блистательный обѣдъ, къ которому пригласилъ и при мнѣ находившихся офицеровъ и всѣхъ русскихъ, въ тотъ день въ Ахенѣ бывшихъ. Обѣдъ былъ пышный во всемъ, въ яствіяхъ и питіи удовлетворителенъ, и, какъ обычно, при этихъ случаяхъ и особенно въ военное время, съ провозглашеніемъ многихъ тостовъ.

Возвратясь въ занимаемый мною отдѣлъ, я сказалъ при мнѣ состоящему корнету Шилингу: «А вѣдь и мнѣ надо отплатить обѣдомъ и угощеніемъ, а въ кошелькѣ довольно пусто, просто нечѣмъ уплатить этотъ расходъ». Но онъ мнѣ отвѣчалъ: «Да вѣдь этотъ расходъ не изъ кошелька Бенкендорфа уплоченъ, а просто отнесенъ на счетъ городской, и это я устрою и на вашъ обѣдъ». Сказано-сдѣлано, и я отплатилъ пиршествомъ за пиршество, и на тѣхъ же началахъ, т. е. никакой уплаты собственно отъ меня. Я передаю это обстоятелество съ полнымъ негодованіемъ на мой поступокъ, вовсе неприличный, безсовѣстный по теперешнимъ моимъ понятіямъ. И Бенкендорфъ, и я были люди понимающіе, что хоть во вражьей странѣ, но мы не должны были такъ дѣйствовать, а между тѣмъ это сдѣлали, и я разсказываю объ этомъ съ полнымъ неодобреніемъ нашего поступка.

XXXV.

Пребываніе корпусной квартиры Винценгероде въ Лютихѣ.—Занятіе Авена.—Почтмейстеръ Пети.—Занятіе Лаона.—Взятіе Суассона.—Интриги.

Я засталъ Винценгероде въ Лютихѣ и вступилъ въ исполненіе обязанностей моего званія при корпусномъ штабѣ.

Въ Лютихѣ былъ правительственный оружейный заводъ. Готовое оружіе передано было состоящему при корпусной квартирѣ въ видѣ агента временнаго правительства голландо-бельгійскаго, для вооруженія формируемаго въ этомъ краю ландвера (народнаго ополченія); но кромѣ того нашли мы большой запасъ ложъ орѣховыхъ, хранившихся въ магазинахъ (не такъ, какъ это водится у насъ, что едва срубится ложа въ лѣсу, то еще сырая поступаетъ въ отдѣлку ружья). По приказанію словесному корпусного командира, я объявилъ по полкамъ, что каждый имѣетъ право набрать этихъ ложъ, и разумѣется, полковые командиры воспользовались вдоволь этимъ дозволеніемъ. Кромѣ ложъ, нашли мы покинутыми большіе запасы дубоваго лѣса, сплавляемаго по рѣкѣ Массѣ (Meuse), какъ для устройства пушечныхъ лафетовъ, такъ и для обнесенія крѣпостныхъ палисадниковъ, и въ числѣ правительствен-

наго имущества—стада чистыхъ голштинскихъ мериносовъ. Одинъ изъ ординарцевъ офицерскаго званія просилъ у меня дозволенія распорядиться въ свою пользу этими двумя имуществами; я ему сказалъ: «Оффиціально не дамъ этого дозволенія, но закрою глаза на это похищеніе, если тебѣ удастся это сдѣлать». И онъ точно этимъ воспользовался и, что могъ, на скорую руку частью продалъ. Я объ этомъ упомянулъ потому, что впослѣдствіи чуть я не попался въ отвѣтственность, и какъ меня не могли уличить въ содѣйствіи гласнымъ документомъ, то я и могъ отписаться.

Нашъ корпусъ продолжалъ свое шествіе вторженія въ предѣлы чисто французскіе, и нашъ авангардъ, подъ командою Чернышева, занялъ безъ всякаго боя крѣпостцу Авенъ *) (Avesne), куда вступила вскорѣ и корпусная квартира.

Въ этомъ городѣ было одно происшествіе, лично для меня памятное. Почтмейстеръ этого города, нѣкто по фамиліи Пети (Pestit), послѣ нашего занятія города Авена, далъ знать письменно еще стоящему въ близости этого города французскому военному начальству о численности нашихъ войскъ. Это отъ него донесеніе было перехвачено нашими передовыми разъѣздами, и это донесеніе было почтено за криминалъ. Пети былъ преданъ военному суду и приговоренъ быть разстрѣленнымъ за измѣну. Бѣдному Пети объявили приговоръ и повели даже на мѣсто казни, но мнѣ поручено было отъ Винценгероде быть на мѣстѣ казни и послѣ всей продѣлки пріуготовленій къ казни—объявить ему помилованіе. Память этого порученія жива еще; утѣшительно для меня это порученіе, какъ охранившее жизнь человѣка. И тѣмъ болѣе память этого близка моему сердцу, что впослѣдствіи я былъ очень знакомъ съ

*) 28 января (9 февраля).

его дочерью, вышедшей замужъ за Гераклія Полиньяка, тѣснаго моего пріятеля по бивачной и столичной жизни, бывшаго въ нашей службѣ еще долгое время, вышедшего изъ оной лишь въ 1816 году по непріятностямъ служебнымъ, и перешедшаго на службу во Францію, первобытную свою родину.

Послѣ занятія крѣпостцы Авена, нашъ корпусъ продолжалъ еще шествіе во внутрь Франціи, и корпусная квартира заняла городъ Лаонъ (Laon), и штабъ расположился въ Hôtel de la Préfecture, т. е. въ губернаторскомъ домѣ, гдѣ мы нашли полное обезпеченіе нашего временнаго суточнаго пребыванія и запасы домашніе бѣжавшаго префекта, опять безъ всякаго со стороны нашей расхода, и столовой и погребной провизіи,—что вполнѣ обезпечивало нашу стоянку.

Во время корпусного пребыванія въ *Лаонѣ* авангардъ нашъ, подъ командою Чернышева, подался впередъ по тракту къ Суассону, и какъ извѣстно намъ было, что городъ и гарнизонъ приготовлены къ оборонѣ, то Винценгероде пошелъ съ корпусомъ вслѣдъ за авангардомъ, приказавъ Чернышеву приступить къ Суассону, но не входить отдѣльно въ серьезный натискъ на городъ. Таковы были обстоятельства: авангардъ приступилъ къ Суассону 1-го февраля 1814 г., и весь корпусъ ночевалъ бивакомъ не далѣе, какъ въ семи или восьми верстахъ отъ авангарда. Чернышевъ, вопреки приказанію, данному ему отъ Винценгероде, на разсвѣтѣ 2-го февраля приступилъ къ мостовому укрѣпленію по сю сторону города при рѣкѣ и завязалъ довольно серіезное дѣло. Винценгероде, услышавъ на разсвѣтѣ 2-го февраля довольно сильную пушечную пальбу, приказалъ бить подъемъ, а самъ съ своимъ штабомъ поспѣшилъ къ мѣсту боя.

Прибывъ на мѣсто, онъ увидѣлъ, что, вопреки его приказанію, завязалось дѣло серіезное, что распоря-

женіе Чернышева къ атакѣ мостового укрѣпленія совершено не отчетливо, особенно тѣмъ, что, и при маломъ числѣ войскъ, они слишкомъ раздроблены, и, распушивъ Чернышева за неполное исполненіе его приказаній, онъ подозвалъ меня и сказалъ мнѣ: «Останьтесь здѣсь и посмотрите на свои часы; если дѣло не пойдетъ лучше, то черезъ четверть часа моимъ именемъ прикажите бить отбой; а я обращусь къ главнымъ моимъ силамъ и распоряжусь объ атакѣ города не на авось, какъ Чернышевъ, но съ полнымъ обезпеченіемъ успѣха».

Винценгероде удалился къ корпусу, уже не подали прибывшему, а я остался соглядатаемъ Чернышева и его распоряженій, и съ полнымъ довѣріемъ корпусного командира. Чернышевъ, по обычной привычкѣ загребать жаръ чужими руками, сталъ съ своею свитою за каменнымъ строеніемъ, охранявшимъ его отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, а начатый бой продолжался; я слѣдилъ за ходомъ битвы или, лучше сказать, приступа мостового укрѣпленія. Видя, что оный безъ успѣха, я уже готовился велѣть бить отбой, какъ вдругъ я увидѣлъ, что одна изъ слабыхъ ротъ 34-го егерскаго полка вскарабкалась на валъ, и что въ этомъ мѣстѣ большая суматоха въ защищавшихся французахъ. Овладѣніе этой частью вала, обѣщавшее значительный, успѣхъ, пріостановило меня дать приказаніе отбоя. Скоро всѣ мостовыя укрѣпленія были въ нашихъ рукахъ, и туда были втащены два орудія конно-артиллерійской роты, подъ командою командира роты капитана Мазараки, и вмѣстѣ съ тѣмъ прикомандированный къ этой ротѣ поручикъ Грабигорскій (о которомъ я уже упомянулъ по Вейсенфельскому дѣлу) *), взялъ петарду и, ринувшись одинъ, съ этой петардой въ рукахъ по мосту, соединявшему мостовыя укрѣпленія съ крѣпо-

*) Тамъ авторъ назвалъ его Горскимъ.

стью самаго города, прицѣпилъ петарду къ воротамъ укрѣпленія и зажегъ фитиль оной.

Какъ Грабигорскій пробѣжалъ невредимъ по мосту туда и назадъ подъ градомъ пуль, до сихъ поръ не могу себѣ представить, но петарда вспыхнула и привела въ разстроенное положеніе ворота. Капитанъ Мазараки сталъ оныя громить ядрами, и вскорѣ ворота въ дребезги, и доступъ въ городъ былъ намъ совершенно открытъ; вскочилъ въ оный Волынскій уланскій полкъ, подъ начальствомъ храбраго и смышленнаго полковника и флигель-адъютанта Сухтелена, и городъ былъ нами занятъ, а французскій гарнизонъ обратился въ бѣгство.

Чернышевъ, несмотря на успѣхъ, не участвовалъ личностью и распоряженіями въ этомъ дѣлѣ, и мнѣ очень памятно, что, когда я вскочилъ съ уланами въ городъ, мнѣ Мазараки сказалъ: «Ну, вы, князь, хотя посторонній человѣкъ, а вы съ нами, а прямого нашего начальника (говоря о Чернышевѣ), мы и не видимъ». Обозначенная мною выше суматоха въ французскихъ войскахъ имѣла причиною смерть генерала Руско, которому поручена была защита Суассона, съ гарнизономъ, довольно значительнымъ, полагаю до трехъ тысячъ человѣкъ, которые въ укрѣпленномъ городѣ могли-бы долго оборонять его противъ войскъ, не снабженныхъ осадной артиллеріей. Но упомянутая ротная колонна, завладѣвшая валомъ и которая была подъ командою капитана, сколько упомню, Кучкина, была поводомъ, что Руско туда бросился для защиты, и былъ убитъ выстрѣломъ одного изъ нашихъ егерей, а вслѣдствіе смерти начальствующаго генерала сдѣлалась общая суматоха и, какъ говорится по-французски: «sauve qui peut».

Честь занятія Суассона была приписана Чернышеву, хотя онъ въ этомъ, какъ говорится, «просто ни въ чемъ не виноватъ», а главное содѣйствіе въ этомъ

удачномъ завладѣніи принадлежитъ Кучкину, Грабигорскому и Мазараки, и, безъ всякаго хвастовства. немного, хотя не прямо, и мнѣ, по настойчивости моей не приказать бить отбой, хотя терминъ, мнѣ назначенный, истекъ. Честь занятія Суассона *), какъ выше за нѣсколько строкъ сказано, приписана Чернышеву, и почти столь легко ему досталась, какъ честь взятія Касселя. Кучкинъ, однакожъ, получилъ Георгіевскій крестъ, Мазараки—не помню что; Грабигорскій—также Георгіевскій крестъ, но гораздо позднѣе—уже по возвращеніи изъ Парижа въ 1814 году. Винценгероде встрѣтился съ Грабигорскимъ во дворцѣ и, удивившись, что на немъ нѣтъ креста Георгіевскаго, взошелъ въ кабинетъ Государя и, изложивъ заслугу и право на этотъ крестъ Грабигорскаго, тутъ-же и вынесъ ему оный. Ни за что, ни про что Чернышевъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, чего, скажу просто, ничѣмъ не заслужилъ, а я, хотя мое участіе въ успѣхѣ не было прямое, но все-таки кое-какъ побочное, не получилъ, несмотря на это, никакой награды, и тѣмъ болѣе, что не мнѣ было выказывать свою заслугу, а Чернышевъ, по разсчету, не хотѣлъ уменьшать вовсе не заслуженной имъ чести.

Кажется, что при этомъ было обстоятельство, которое лично до меня относится. Какъ ожидалось военное дѣло передъ Суассономъ и какъ въ корпусѣ, между генералами, были интриги противъ Винценгероде и зависть противъ меня, по случаю довѣрія, которымъ я пользовался при немъ,—передъ дѣломъ одинъ изъ генераловъ просилъ меня взять къ себѣ двухъ офицеровъ, которымъ я скорѣе могъ-бы доставить награду, нежели онъ въ строю; я, бывъ довольно близокъ къ этому генералу, не отказалъ въ этомъ, но тутъ-же я узналъ, что онъ это сдѣлалъ, чтобъ приставить соглядатаевъ за

*) 2 (14) февраля.

мной въ моемъ бытѣ; во время дѣла я не высказалъ, что зналъ его намѣреніе, но это меня подстрекнуло, чтобъ изъ этого испытанія выдти безъукорно.

Я добросовѣстно скажу, что я въ дѣлѣ всегда былъ не въ числѣ трусливаго десятка, но тутъ я съ намѣреніемъ исполнялъ болѣе, чѣмъ долгъ свой, и такимъ образомъ, не я, а соглядатаи, ко мнѣ приставленные, прошли черезъ испытаніе.

Во время самаго занятія Суассона, жители, полагая насъ умилостивить въ пользу ихъ, изъ оконъ кричали намъ: «Vive l'Empereur Alexandre, Vive l'Empereur d'Autriche, vive le Roi de Prusse»; но какъ этотъ разсчетливый восторгъ могъ имѣть послѣдствіемъ вторженіе разошедшихся по городу нашихъ нижнихъ чиновъ, то мы уговорили довольно круто домовладѣльцевъ запереть окошки и двери и тѣмъ охранить себя отъ грабежа. Проѣздомъ черезъ одну улицу я услышалъ крикъ въ домѣ, слѣзъ съ лошади и, догадываясь, что тамъ наши хозяйничаютъ, взошелъ и что же увидѣлъ? Трое солдатъ забрались къ часовому мастеру и тамъ хозяйничали надъ часами и что-жъ они дѣлали? выламывали внутренность часовъ, а коробки оныхъ клали въ свои ранцы. Видъ кучи внутренностей часовъ и смѣтливость солдатъ, отбросившихъ то, что они полагали безцѣнностью, и прибиравшихъ единственно цѣнностный металлъ, невольно привели меня къ смѣху, и я выгналъ ихъ изъ дома, но съ ихъ добычей.

Отклонившись отъ описанія военныхъ дѣйствій, я снова обращаюсь къ онымъ. Въ занятомъ нами городѣ, мы, не знавши точно выхода, искали онаго, хоть было видно съ высоты вала все поле, окружающее городъ, унизанное бѣжавшими; наконецъ, отыскали выѣздныя ворота и преслѣдовали бѣжавшихъ, которыхъ наша кавалерія сполна всѣхъ захватила.

XXXVI.

Извѣстіе о пораженіи подъ Сезаномъ и Монмиралемъ.—Движеніе корпуса Винценгероде къ Рейму.—Недостатокъ въ продовольствіи.—Интриги Воронцова противъ Винценгероде.—Письмо къ князю Петру Михайловичу Волконскому.—Вторичное занятіе Суассона.

На другой день нашего занятія Суассона, Винценгероде получилъ частное извѣщеніе отъ Илларіона Васильевича Васильчикова, сообщающее ему извѣстіе о пораженіи союзныхъ прусскихъ и русскихъ войскъ подъ Сезаномъ и Монмиралемъ *) (Sezane et Montmirail) о пораженіи, постигшемъ Блюхера, и объ отступленіи всѣхъ его войскъ къ Шалону. Кромѣ того, Васильчиковъ предварялъ этимъ сообщеніемъ, чтобъ Винценгероде былъ на сторожѣ, и почти въ то же время получено было приказаніе русскому корпусу, оставя только казачій постъ извѣстителемъ подъ Суассономъ, въ полномъ составѣ корпуса идти къ Реймсу (Rheims), отдѣльно отъ корпуса прусскаго Бюлова, идущаго параллельно намъ при вторженіи въ французскія границы, лѣвѣе

*) 30 января (11 февраля). Наполеонъ бросился противъ разбросавшаго свои силы Блюхера, чтобъ разбить его отдѣльно.

насъ, и вступить въ ближнюю связь чрезъ Блюхера съ большою дѣйствующею арміею.

Это приказаніе безотлагательно было исполнено, и мы, перешедъ черезъ рѣку (Aisne) Эну и истребивши все, что могло быть полезно въ случаѣ обратнаго занятія Суассона французами, пошли берегомъ рѣки въ Реймсъ. Этотъ переходъ продолжался, сколько упомню, трое сутокъ. Во время этихъ переходовъ, вовсе мирныхъ въ военномъ отношеніи, одно обстоятельство мнѣ памятно—это крутая необходимость заглушать въ своемъ сердцѣ чувство человѣколюбія. При взятіи Суассона взято нами было въ плѣнъ отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ человѣкъ. Мы, при очищеніи отъ занятія нами Суассона, должны были взять ихъ съ собой, а продовольствіе для собственныхъ нашихъ войскъ было скудное, только на себѣ на три дня. Намъ нечѣмъ было кормить этихъ плѣнныхъ, которые изнемогали отъ голода и выбивались изъ силъ. Помню, какіе, при проѣздѣ колоннъ маршовыхъ, они дѣлали намъ упреки; но помочь имъ не было возможности по скудости нашихъ съѣстныхъ запасовъ, которыхъ едва достаточно было для насъ самихъ, а если бы еще отдѣлять плѣннымъ, то это было бы во вредъ нашимъ. Жестокое впечатлѣніе, но по обстоятельствамъ необходимое. Наконецъ, достигли мы города Реймса—богатаго и вполнѣ удовлетворяющаго всѣмъ потребностямъ продовольствія нашего корпуса.

По званію моему было мнѣ поручено озаботиться всѣмъ, что относилось до продовольствія нашихъ войскъ, которыхъ численность увеличилась примкнувшимъ къ корпусу отрядомъ графа Воронцова и графа Строганова, такъ что численность подъ ружьемъ нашего корпуса почти удвоилась и достигала до 45 тысячъ. Для всѣхъ потребностей продовольственныхъ учреждено было городское временное правленіе, распространяющее свою

власть на округъ, занимаемый нашими войсками въ довольно пространномъ районѣ.

Въ Реймсѣ жилъ тогда аббатъ Макаръ, нѣкогда принявшій отъ аббата Никола частное учебное заведеніе, въ которомъ я воспитывался въ Петербургѣ. Его горожане назначили въ число членовъ этого временнаго управленія въ краѣ, узнавъ что онъ нѣкогда былъ моимъ наставникомъ и, полагаю, въ той мысли, что его посредничество не безполезно будетъ для нихъ. Хотя мнѣ было довольно затруднительно во многомъ отказывать его ходатайству, но я, сохраняя личное мое къ нему уваженіе, по долгу службы, долженъ былъ такъ поступить. Здѣсь еще скажу, что во время нашей стоянки подъ Реймсомъ, которая продолжалась безъ всякихъ военныхъ дѣйствій, винныя порціи водки, по невозможности достать ее, были замѣнены на каждаго человѣка по ½ бутылкѣ шампанскаго вина, такъ что я выдавалъ ежедневно квитъ на 225,000 человѣкъ, и очень помню, что солдаты говорили: «вино это просто квасокъ, и нимало не понутру намъ въ сравненіи съ сивухой».

Во время нашего пребыванія въ Реймсѣ возникло обстоятельство, имѣвшее большое вліяніе на мою послѣдующую службу. Уже нескрытыя интриги графа Воронцова противъ Винценгероде приняли такую гласность и объемъ, что я почелъ обязанностью предварить объ оныхъ Винценгероде— это было въ моей обязанности и по долгу службы, и по чувству личной преданности и неограниченной признательности за расположеніе и довѣренность ко мнѣ.

Прежде еще соединенія отряда Воронцова съ корпусомъ, получилъ я отъ графа довольно черствое письмо, въ которое онъ вложилъ письмо незапечатанное къ Винценгероде, съ порученіемъ передать его ему. Онъ могъ бы прислать его запечатаннымъ, и тогда я

былъ бы въ сторонѣ, но присланное незапечатанным, оно подлежало моему свѣдѣнію и разбору. Въ этомъ письмѣ онъ въ дерзкихъ выраженіяхъ приписывалъ Винценгероде личнымъ для себя оскорбленіемъ расформированіе сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ, полагая поводомъ этой мѣры представленіе Винценгероде, хотя, какъ я выше сказалъ, все это распоряженіе имѣло началомъ волю Государя Императора. Я это письмо не передалъ по назначенію и обратно отправилъ его къ графу, объяснивъ ему письмомъ, что я не хочу и не долженъ быть передатчикомъ письма обиднаго и на началахъ, по содержанію вовсе не основательныхъ.

Я о содержаніи этого письма не сообщалъ Винценгероде, но, какъ выше сказалъ, предварилъ его, что противъ него дѣлаютъ интриги,—но онъ мнѣ отвѣчалъ: «Je ne puis croire, que des gens d'honneur agissent ainsi» *). Видя его упорство судить людей по благороднымъ чувствамъ своимъ и убѣдясь, что интриги принимали все большій и большій размѣръ, я рѣшился написать, хотя и не предувѣдомилъ объ этомъ Винценгероде, къ князю Петру Михайловичу Волконскому, что мое желаніе оставить занимаемое мною мѣсто и служить во фронтѣ, чтобъ пріобрѣсть и навыкъ въ оном и заслужить собственную репутацію, и просилъ его вытребовать меня изъ корпуса Винценгероде, чтобы вступить въ ряды не штабныхъ обязанностей, но чисто фронтовыхъ.

Въ свое время я сообщу исходъ этой моей попытки, а теперь обращусь къ чисто военнымъ дѣйствіямъ. Послѣ долговременной стоянки въ Реймсѣ, получено было приказаніе нашему корпусу, въ связи съ общимъ наступательнымъ движеніемъ всѣхъ армій, также соучаствовать въ оном, занять опять Суас-

*) Я не могу повѣрить, чтобы честные люди такъ поступали.

сонъ и дѣйствовать по обстоятельствамъ въ общемъ наступательномъ движеніи.

Нашъ корпусъ двинулся изъ Реймса на Суассонъ по берегу рѣки Эны (Aisne), но не по тому, по которому шли прежде, а по противоположному къ Суассону, а Бюловъ съ пруссаками шелъ къ Суассону отъ сѣвера. Послѣ трехъ-дневнаго марша мы подошли къ Суассону, а Бюловъ съ противоположной стороны, и такимъ образомъ, городъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ. Городъ послѣ нашего выхода былъ опять занятъ французами и приведенъ ими въ оборонительное положеніе. Начальникъ онаго былъ французскій генералъ Моро (Moreau), соименникъ, но не родня извѣстному побѣдителю, такъ мгновенно убитому подъ Дрезденомъ.

Хоть около Суассона собралось значительное число войскъ, но французскій гарнизонъ приготовлялся къ отраженію. Обложивши крѣпость въ весьма близкомъ разстояніи, какъ Винценгероде, такъ и Бюловъ послали парламентеровъ для склоненія къ сдачѣ крѣпости, угрожая приступомъ и выводя невозможность защиты противъ такового огромнаго числа войскъ. Переговоры продолжались довольно тихо по неуступчивости французской, а намъ необходима была сдача города, потому что получено было извѣстіе, что занесшійся, по обыкновенію, Блюхеръ былъ разбитъ подъ Мо (Meaux) и въ большомъ разстройствѣ, и шибко преслѣдуемый отступалъ черезъ Вилеръ-Котре (Vilers Cotré) къ Суассону, а занятіе нами Суассона было единственнымъ способомъ для нихъ онымъ переправиться на другой берегъ Aisne *). Во все время, пока шли переговоры, въ

*) Собственно Блюхеръ не былъ разбитъ подъ Мо, но потерпѣлъ неудачу въ своихъ намѣреніяхъ занять этотъ пунктъ и отрѣзать тѣмъ отъ Парижа Мармона и Мортье. Вслѣдствіе наступленія противъ него Наполеона, Блюхеръ очутился въ критическомъ положеніи и могъ соединиться съ Винценгероде только въ Суассонѣ.

нашемъ лагерѣ приказано было музыкантамъ играть, а пѣсенникамъ пѣть, чтобъ этими звуками заглушать гулъ безпрестанно приближавшейся пушечной пальбы французовъ, атакующихъ Блюхера, и его защиты противъ французовъ. Необходимость приведенія къ окончанію сдачи намъ города болѣе и болѣе становилась ощутительною, и, чтобъ дать знать переговаривающемуся съ нашей стороны подполковнику Левенштерну, Винценгероде приказалъ мнѣ ѣхать парламентеромъ въ городъ, подъ предлогомъ, чтобъ Бюловъ не усиливалъ атаки во время переговоровъ, но съ единственною цѣлью, по возможности, дать понять Левенштерну, чтобъ во что-бы то ни стало онъ заключилъ сдачу, хотя на самыхъ выгодныхъ кондиціяхъ для французовъ, и тѣмъ привелъ бы къ желаемой развязкѣ довольно крутыхъ обстоятельствъ. Я былъ принятъ парламентерами, видѣлся съ Левенштерномъ при свидѣтеляхъ и, по возможности, осторожно сообщилъ ему, въ чемъ дѣло, и Левенштернъ, наконецъ, заключилъ условіе о сдачѣ съ полнымъ для гарнизона почетомъ и свободой выхода. Тутъ не шло дѣло о выгодахъ болѣе или менѣе тягостныхъ для французовъ условій, а только о завладѣніи нами крѣпостью, которая для Блюхера была просто «un point de salut» *).

Я давно тому назадъ читалъ гдѣ-то статью, что честь сдачи Суассона принадлежитъ дипломатической ловкости капитана или маіора Мертенса, адъютанта Бюлова, но это ложь; вся честь этихъ переговоровъ принадлежитъ Левенштерну. Гарнизонъ французскій вышелъ изъ крѣпости съ полными почестями военными и съ полной свободой дѣйствій по выходѣ изъ черты, ему постановленной.

---

*) Спасеніемъ.

Мы заняли городъ *), и мнѣ поручено было принять въ перечисленіе все казенное имущество, а для войскъ была наложена контрибуція сукномъ, холстомъ и сапожнымъ товаромъ, котораго, по воспослѣдовавшимъ обстоятельствамъ, въ весьма маломъ количествѣ успѣли собрать.

На другой день нашего завладѣнія Суассономъ, нашъ корпусъ перешелъ на ту сторону рѣки, занявъ только гарнизономъ городъ, и въ тотъ-же день начали прибывать къ городу въ большомъ безпорядкѣ прусскія и русскія войска, разбитыя подъ Мо (Meaux) и сильно преслѣдуемыя при ихъ отступленіи. Я помню, что встрѣтивъ Гнейзенау при въѣздѣ его въ городъ, я ему донесъ, что въ числѣ пріобрѣтенныхъ нами запасовъ военныхъ былъ и порохъ, и заряды, и онъ мнѣ приказалъ безъ замедленія отпускать ихъ въ войска арміи Блюхера, претерпѣвающія въ оныхъ большой недостатокъ, что мною и было исполнено.

---

*) Преждевременная сдача крѣпости Суассона малодушнымъ комендантомъ Моро разстроила превосходно задуманный планъ Наполеона. *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Томъ III, Спб., 1897 г., стр. 194).*

XXXVII.

Значеніе взятія Суассона.—Беріобакское дѣло.—Краонская битва.—Пв. Петр. Липранди.—Лаонское сраженіе.—Причины выхода изъ корпуса Винценгероде.

Заключу повѣствованіе удачнаго занятія Суассона неоспоримымъ завѣреніемъ, что этотъ удачный фактъ спасъ армію Блюхера отъ совершеннаго уничтоженія, и что это достигнуто настойчивостью и распорядительностью Винценгероде и таковымъ-же веденіемъ переговоровъ Левенштерномъ, которому поручены были эти переговоры о сдачѣ Суассона, занятаго достаточнымъ французскимъ гарнизономъ, такъ что крѣпость легко могла бы защититься временно. Сдача сей крѣпости, какъ я выше сказалъ, спасла отъ совершеннаго пораженія Блюхера, отступающаго въ безпорядкѣ отъ Мо (Meaux) послѣ слишкомъ отважнаго его движенія наступательнаго, а при несдачѣ Суассона онъ былъ-бы безвыходно примкнутъ къ Энѣ *) (Aisne). Я помню, что, выѣхавъ изъ Суассона навстрѣчу къ Блюхеру съ донесеніемъ, что Суассонъ занятъ, я рапортовалъ

*) Наполеонъ, именно, и задумалъ это, 19 февр. (3 марта) двинувшись къ Шато-Тьерри и Фиму и приказавъ Мармону и Мортье перейти Уркскій каналъ (отъ Мо) и тѣснить Блюхера передъ собою.

сго начальнику штаба, Гнейзенау, о занятіи нами крѣпости, и, видимо, онъ обрадовался этой вѣсти, а при сообщеніи моемъ, что сдано намъ большое количество военныхъ снарядовъ, онъ сказалъ: «Какъ это кстати, мы наши всѣ разстрѣляли, немедленно сдайте' ихъ тѣмъ комиссарамъ», которыхъ тутъ-же и назначилъ для пріема, какъ военныхъ снарядовъ, такъ равномѣрно и кассы, и запасовъ, найденныхъ нами въ комиссаріатскихъ вещахъ. А самъ городъ былъ обложенъ контрибуціей—сукномъ, холстомъ и сапогами.

Соединеніе корпуса, состоящаго подъ начальствомъ Винценгероде, съ арміей Блюхера поставило нашего корпусного командира уже въ зависимое положеніе, и мы получили приказаніе поступить въ составъ Силезской арміи, какъ тогда называли армію Блюхера, и тѣмъ изъ независимаго въ дѣйствіяхъ своихъ — Винценгероде поступилъ уже въ прямую зависимость отъ Блюхера.

Мнѣ и тогда неизвѣстенъ былъ планъ общихъ дѣйствій, и какъ мои записки исключительно повѣствуютъ то, чему я былъ личнымъ свидѣтелемъ, то, не вмѣшиваясь въ общія сужденія, буду только излагать про соучастіе, которое въ послѣдующихъ дѣлахъ имѣлъ корпусъ Винценгероде. По сдачѣ Суассона и по обсужденію обстоятельствъ, по которымъ невозможно было взять всей арміи позицію, имѣющую въ тылу рѣку Эну и на лѣвомъ своемъ флангѣ армію Наполеона, уже двинувшуюся, а можетъ быть, и занявшую городъ Реймсъ, всѣ войска арміи Блюхера, а въ числѣ ихъ и русскій корпусъ Винценгероде, перешли Эну (оставя довольно значительный отрядъ для защиты крѣпости) и взяли позицію насупротивъ Суассона почти до Беріобака. Въ этой позиціи нашему корпусу назначено было составлять правый флангъ, но внезапно приказаніе это было измѣнено, и приказано намъ было составлять лѣвый флангъ. Это вовсе непонятное chassé-croisé мною

истолковывается только тѣмъ, что Блюхеръ, разсчитывая какъ это и случилось, что непріятель наступательное движеніе начнетъ, перейдя Эну въ Беріобакѣ, имѣлъ въ виду, чтобъ первый натискъ французовъ былъ не на всю Силезскую армію, а на нашъ, поступившій подъ его начальство, корпусъ Винценгероде.—Во время этого, послѣдствіями гибельнаго, chassé croisé, мы еще не могли осмотрѣться въ мѣстности и ощупать движенія непріятеля,—а Наполеонъ, разбивъ на голову Сенъ-При въ Реймсѣ *), не теряя времени **), внезапно двинулся къ Беріобаку, перешелъ Эну черезъ каменный мостъ, который, къ несчастью, не успѣли разрушить, и дружно велѣлъ атаковать лѣвый флангъ нашей позиціи, т. е. авангардъ нашего корпуса, который состоялъ подъ командою графа Воронцова. Тутъ завязалась жаркая стычка, предшествующая Краонскому сраженію. Не отнимаю у графа Воронцова военныхъ дарованій, но у него всегда, и тогда, и впослѣдствіи была излишняя самонадѣянность и склонность выказаться. Этотъ недостатокъ вполнѣ выказался въ этой стычкѣ; вмѣсто того, чтобъ отступать постепенно и навести непріятеля на соединеныя главныя силы—Воронцовъ ввелъ войска, подъ начальствомъ его состоящія, въ общее отразительное дѣло, которое не было по его силамъ, а французы, воспользовавшись мѣстностью черезъ долину, заросшую лѣсомъ, такъ удачно въ пользу свою дѣйствовали, что едва не зашли въ тылъ отряду Воронцова и не отрѣзали его отъ арміи. Тутъ надо отдать справедливость графу, что онъ отлично поправилъ свою ошибку и, взявъ единственные

*) Пораженіе С.-При въ Реймсѣ относится къ 1 (13 марта), т. е. послѣ сраженія при Лаонѣ (25—26 февр.), когда Наполеонъ отступилъ на лѣвый берегъ р. Эны и узналъ о взятіи (28 февр.) С.-При Реймса.

Автору здѣсь измѣнила память.

**) Рѣшивъ движеніемъ къ Лаону отрѣзать Блюхера отъ Бельгіи (его базы).

оставшіеся у него въ резервѣ два полка, находящіеся подъ начальствомъ генерала Понсета, повелъ ихъ на штыки французовъ, и тѣмъ далъ время прочему своему отряду выдти изъ угрожающаго ему затруднительнаго положенія. Атака графа Воронцова вполнѣ удалась, французы были опрокинуты, но она стоила большихъ потерь, и, кромѣ графа Воронцова, который среди града пуль остался невредимъ, изъ штаба его почти всѣ или нашли смерть, или были ранены; въ числѣ убитыхъ изъ этого штаба былъ подполковникъ Краснокутскій—молодой человѣкъ, обѣщавшій выйти изъ общихъ рядовъ.

Ночь, какъ всегда, прекратила битву, но движеніе французовъ, выказавшее ихъ намѣреніе къ наступленію, должно было быть принято во вниманіе Блюхеромъ. Слѣдуя мною принятому правилу излагать только то, что мнѣ положительно извѣстно, или чему я былъ лично свидѣтелемъ, я ничего не могу сообщить, по совершенной мнѣ въ то время неизвѣстности, о принимаемыхъ Блюхеромъ распоряженіяхъ,—но мнѣ помнится, что, кажется, былъ промежутокъ одного дня между вышеописаннымъ дѣломъ и Краонскимъ сраженіемъ.

По диспозиціи Блюхера приказано было Винценгероде, оставя всю пѣхоту, пѣшую артиллерію и малую часть кавалеріи, кажется, только одну бригаду съ ея артиллеріей и, передавъ начальство старшему по немъ графу Строганову, самому Винценгероде, съ кавалеріей и конной артиллеріей его корпуса и, какъ мнѣ помнится, съ подкрѣпленіемъ изъ арміи Блюхера частью кавалеріи, обойти кружной дорогой правый флангъ французскаго движенія въ назначенной ему именно мѣстности; и тогда, когда Наполеонъ нападетъ на Краонъ, позицію, защищаемую Строгановымъ — должна была начать наступательное движеніе Силезская армія съ фланга, а въ тылъ приказано было учинить смѣлую атаку войскамъ, ввѣреннымъ Винценгероде.

Для начала этого окружнаго движенія, Винценгероде ввѣреннаго, былъ назначенъ войскамъ его сборный пунктъ. Заранѣе прибылъ туда Винценгероде, и по обзору мѣстности и по разспросамъ убѣдившись, что проходъ черезъ крутыя ущелья весьма затруднитъ шествіе его отряда, особенно артиллеріи,—письменно отнесся къ Блюхеру, прося отъ него дозволенія, не отклоняясь отъ назначеннаго ему порученія, не идти путемъ, который ему былъ назначенъ, по неудобству мѣстности, а дозволить ему этотъ обходъ сдѣлать, воспользовавшись шоссейнымъ сообщеніемъ, хотя кружнѣе объемомъ, но болѣе удобнымъ для сомкнутаго порядка шествія,—и бралъ на себя отвѣтственность прибыть въ тылъ французской арміи въ назначенный ему срокъ. На это представленіе былъ рѣшительный отказъ отъ Блюхера, и въ подтвержденіе мною высказаннаго—я знаю, что у служившаго тогда въ Генеральномъ Штабѣ и состоящаго при нашемъ корпусѣ Ивана Петровича Липранди хранится, не знаю, по какому случаю, доставшійся ему оригинальный отвѣтъ Блюхера. Я настаиваю на этомъ обстоятельствѣ потому, что оно совершенно оправдываетъ Винценгероде въ тѣхъ навѣтахъ, которые частью недоброжелающими, а частью себѣ въ оправданіе другими, были взведены на него.

По прибытіи на сборный пунктъ для начала нашего окружнаго движенія, надо было дать войскамъ малый отдыхъ и пищу, но, не упуская времени, Винценгероде поручилъ авангардъ своего отряда генералъ-адъютанту Чернышеву, и приказалъ ему начать движеніе и тѣмъ содѣйствовать предварительными мѣрами къ беззатруднительному шествію всего главнаго отряда.

Чернышевъ двинулся, но какъ и ему приходилось дать привалъ ввѣренной ему части, къ общему несчастію и по оплошности своей, онъ далъ этотъ привалъ, не пройдя узкаго дефиле (ущелья), чрезъ кото-

рое приходилось тянуться. Это его распоряженіе—главная причина неуспѣшности этого нашего движенія. Мы съ нашимъ отрядомъ двинулись и наткнулись на отрядъ Чернышева, еще не двинувшійся съ мѣста, и тѣмъ было много времени потеряно. Какъ отрядъ Чернышева, такъ впослѣдствіи и нашъ, по крутости спуска и узкости ущелья, очутились въ задруднительномъ положеніи: кавалерія едва могла идти справа по три, а пушки и зарядные ящики должно было спускать при помощи прислуги, зарядные же ящики на однихъ коренныхъ. Изложеніе этого явно выказываетъ понесенныя нами затрудненія въ пути, и неприбытіе во-время нашего отряда въ тылъ непріятеля приписать должно самому Блюхеру, а потомъ и Чернышеву, а совсѣмъ не Винценгероде. Мы-же не довершили нашего обходнаго марша, потому что получено было отъ Блюхера предписаніе и велѣно было уже идти къ Лаону, куда вся армія предприняла отступленіе *). Здѣсь сдѣлаю малое отступленіе отъ принятаго мною правила не повѣствовать того, чему я не былъ свидѣтелемъ, такъ какъ, по совѣсти и справедливости, считаю обязанностью изложить нѣкоторыя обстоятельства, за которыя подвергался упрекамъ Винценгероде, и пересказать о нихъ то, что передано мнѣ изъ неоспоримыхъ и совѣстливыхъ источниковъ.—Краонская битва **) надѣлала много шума, и немудрено, потому что она дала поводъ дворнослужащимъ Воронцова восхвалять его и приписать ему въ славу то, въ чемъ онъ участвовалъ, только какъ подчиненный, и что, по всей справедливости, должно болѣе быть приписано Строганову, какъ главному начальствующему въ этой битвѣ.

*) Убѣдившись, что задуманный имъ маневръ въ тылъ французовъ не удался, Блюхеръ рѣшилъ собрать свои войска у Лаона.

**) 23 февраля (7 марта).

Строгановъ принялъ сраженіе съ самаго начала и начальствовалъ въ немъ почти до самаго конца,— но, не задолго до этого онъ получилъ свѣдѣніе, что единственный его сынъ, состоящій при генералъ-адъютантѣ Васильчиковѣ, убитъ. Отцовская скорбь взяла верхъ надъ долгомъ службы, и онъ сдалъ команду Воронцову. Краонское сраженіе, конечно, славно было для чести русскаго войска дружнымъ отбоемъ всѣхъ попытокъ Наполеона сбить русскую рать съ позиціи, но, не отнимая чести у войска и начальствующихъ, я долженъ сказать, что сама позиція была весьма удобна для защиты, потому что эта позиція étant encaissée entre l'Aisne et des ravins énormes *), не дозволяла обхода, а гдѣ русская грудь обороняетъ, то тутъ она непреодолима.—

Въ Краонскомъ сраженіи противостояли на флангѣ французской арміи войска Силезской арміи, въ особенности русская кавалерія весьма удачно, но съ значительной потерею, ибо здѣсь погибли два отличнѣйшіе генерала: Сергѣй Николаевичъ Ланской, не только что витязь по личной храбрости, но человѣкъ съ отличною опытностью и дарованіями, и которому на военномъ поприщѣ была открыта просторная дорога, и Сергѣй Николаевичъ Ушаковъ, также ознаменовавшій свое военное служеніе изъ ряду вонъ. Товарищи, подчиненные ихъ оплакивали, друзья—тоже, но могу сказать, что и для Россіи—ихъ смерть была уронъ. Описавъ эти двѣ личности по долгу сослуживца, имъ близкаго, я не могу обойти молчаніемъ еще одну личность, въ предыдущихъ строкахъ упомянутую, это Липранди. Какъ молодой человѣкъ, онъ пріобрѣлъ уваженіе, любовь своихъ товарищей и довѣренность начальниковъ. . . . . **); служа въ томъ-же

*) Будучи расположена между Эной и громадными оврагами.

**) Слово не разобрано.

Генеральномъ Штабѣ, состоялъ онъ при второй арміи и, по непріятностямъ съ высшимъ начальствомъ по его роду службы, перешелъ въ одинъ изъ егерскихъ полковъ 16-й дивизіи, и былъ—въ уваженіе его передовыхъ мыслей и убѣжденій—принятъ въ члены открывшагося въ этой дивизіи отдѣла Тайнаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ «Зеленой книги». При открытіи въ 20-хъ годахъ возстанія въ Италіи, онъ просилъ у начальства дозволенія стать въ ряды волонтеровъ народной Итальянской арміи и по поводу непріятностей за это, принятое, какъ дерзость, его ходатайство, онъ принужденъ былъ выдти въ отставку и, выказывая себя вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ къ прогрессу и званію члена Тайнаго общества, былъ кореннымъ другомъ маіора, сослуживца его по 32-му егерскому полку, Владиміра Ѳедосѣевича Раевскаго, о которомъ буду говорить впослѣдствіи при происшествіяхъ 25-го года. И этотъ Липранди, при такихъ предшествующихъ данныхъ, служа впослѣдствіи въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ при Перовскомъ и его преемникахъ по особымъ порученіямъ, былъ тайнымъ и усерднымъ сыщикомъ въ царствованіе Николая, былъ орудіемъ гоненія раскольниковъ, былъ орудіемъ розысканія едва установившагося общества соціалистовъ и, наконецъ, имѣлъ дерзость уже при Александрѣ II подать проектъ объ учрежденіи при университетахъ школы шпіоновъ, вмѣняя въ обязанность попечителямъ давать свѣдѣнія министерству о тѣхъ студентахъ, которыхъ употребляютъ они, чтобы имѣть данныя о мысляхъ и дѣйствіяхъ ихъ товарищей,—а министерство этими данными руководствовалось-бы, чтобъ этихъ мерзавцевъ (но не такъ онъ ихъ выставлялъ) назначать къ употребленію, какъ сыщиковъ и шпіоновъ въ обществѣ, и, основываясь на полученныхъ отъ попечителей свѣдѣніяхъ, давать имъ по службѣ ходъ. Это діаволь-

ское изобрѣтеніе не могло имѣть доступа при высокихъ чувствахъ правосудія Императора Александра II, и въ отвѣтъ на представленный имъ проектъ, Липранди былъ отставленъ отъ занимаемой имъ должности. Хвала Царю за заслуженную кару Липранди.

Послѣ Краонскаго дѣла вся армія, состоящая подъ начальствомъ Блюхера, и въ томъ числѣ корпусъ Винценгероде, учинила отступательное движеніе къ гор. Лаону, и было приказано Вудзевичу, занимавшему Суассонъ, оставить оный и присоединиться къ арміи, что едва онъ могъ исполнить. Какъ отступленіе было съ праваго фланга, а нашъ корпусъ составлялъ лѣвый, то Винценгероде оставилъ въ хвостѣ движенія арьергардъ и поручилъ его генералу Чернышеву, давъ ему подъ команду значительное число кавалеріи и подкрѣпивъ его пѣхотой. Всѣ войска арміи Блюхера заняли позицію, весьма крѣпкую, подъ городомъ Лаономъ. Довольно значительный этотъ городъ опоясываетъ гору отъ подошвы до самаго хребта, и съ высоты онаго глазомъ можно обнять большое пространство мѣстности. Корпусъ Винценгероде составлялъ центръ позиціи тыломъ къ самой подошвѣ горы. Мы тутъ, сколько помнится, день или два оставались въ бездѣйствіи *) и, не помню, на второй или на третій день завидѣли на этой пространной долинѣ отступленіе нашего авангарда, тѣсниmаго атакующими въ большой силѣ французами **). Тутъ опять обращусь къ личности Чернышева. При отступленіи всякому арьергарду прямая обязанность такъ вести дѣло, чтобъ умѣть не на своихъ плечахъ наводить непріятеля въ полномъ и стройномъ видѣ, а хитрыми и своевременными движеніями замедлять

*) Всѣ войска сосредоточились у Лаона 24 февраля (8 марта).

**) Чернышевъ былъ атакованъ неожиданно Неемъ въ ночь на 25 февраля (9 марта) у Этувеля.

его наступательное движеніе. Чернышевъ этого не съумѣлъ и вмѣстѣ съ собой привелъ на нашу позицію всю армію Наполеона. Вообще должно сказать, что военныя дарованія Чернышева, столь воспѣтыя Бутурлинымъ и Данилевскимъ, весьма оспариваемы. Нѣкоторые удачные набѣги, какъ занятіе Касселя, скорое его шествіе къ Ганау, гдѣ, однакожъ, онъ и не вполнѣ воспользовался предстоящими ему выгодами,—все это сорванные весьма легко лавры, событія громкія, но, по существу, не стоющія приписанной имъ заслуги. Чернышевъ, кромѣ нерѣшимости въ собственной предпріимчивости, тяжелъ былъ для подчиненныхъ ему войскъ безпрестанно измѣняющимися распоряженіями, чѣмъ войско часто приходило въ изнеможеніе. Но что онъ имѣлъ въ отличномъ размѣрѣ—это умѣнье выбрать себѣ сотрудниковъ и ихъ руками загребать жаръ себѣ во славу.

Обращаюсь снова къ движенію Чернышева къ Лаонской позиціи. Распоряженія отступательнаго движенія Чернышева производились точно на Царицыномъ лугу. Незнаніе соображать отступленіе въ должномъ боевомъ порядкѣ и торопливость въ отступленіи вполнѣ выказались, и онъ навелъ на насъ непріятеля неожиданно и врасплохъ.

На другой день съ ранняго утра уже началось сраженіе общее, битва была горячая, но, несмотря на всѣ усилія Наполеона и настойчивость натиска французовъ,—не могли они сбить насъ съ позиціи. Уронъ съ обѣихъ сторонъ былъ значителенъ. Битва на другой день опять возобновилась, но шла довольно вяло *); но нѣкоторыя движенія Наполеона подали поводъ Блюхеру или, лучше сказать, дядькѣ его Гнейзенау, пред-

*) Вслѣдствіе болѣзни Блюхера, удачное ночное нападеніе на корпусъ Мармона не было развито энергическимъ преслѣдованіемъ.

полагать, что французы, отклоняя попытку сбить насъ съ позиціи фронтовымъ натискомъ, предпримутъ обходъ и отрѣжутъ насъ отъ коммуникаціонной линіи нашей, тогда лишь на Бельгію направленной. Это было причиной, что всѣ войска получили приказаніе приготовиться къ отступленію по тремъ параллельнымъ дорогамъ и распорядиться объ этомъ, но для начатія этого движенія ожидать вторичнаго подтвердительнаго приказанія.

Между тѣмъ, такъ какъ въ этотъ второй день битвы получено было свѣдѣніе, что по Реймской въ Лаонъ дорогѣ идетъ сильный отрядъ французовъ,—Блюхеръ приказалъ Ланжерону послать значительную часть его кавалеріи узнать объ этомъ и охранять Лаонъ отъ внезапнаго нападенія. Посланная кавалерія открыла, что это шелъ запасный паркъ не съ большимъ прикрытіемъ, и смѣлымъ натискомъ завладѣла онымъ. Этотъ удачный поискъ, лишившій французовъ боевыхъ снарядовъ, или же полученное Наполеономъ извѣстіе о наступательномъ движеніи большей арміи были причиною неожиданнаго нами отступленія французовъ, и тѣмъ самымъ уже не отступленія нашего, но снова наступательнаго движенія, которое, какъ мнѣ извѣстно, было ведено сначала довольно вяло *).

Описаніемъ, сколько могъ припомнить, главныхъ чертъ Лаонскаго сраженія кончится мой разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ, по случаю выхода моего изъ состава корпуса Винценгроде, а какой былъ этому поводъ, постараюсь безпристрастно выказать, хотя и не люблю говорить о собственной моей личности.

Предварительно долженъ пояснить, что по моимъ служебнымъ сношеніямъ съ графомъ Воронцовымъ

*) Гнейзенау, замѣнившій больного Блюхера, не рѣшился энергично преслѣдовать отступающихъ французовъ и далъ Наполеону спокойно перейти р. Эну.

возникли отъ него на меня незаслуженныя неудовольствія, по поводу расформированія сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ, въ его отрядѣ состоящихъ, которые онъ считалъ своей преторіанской гвардіей. Онъ эту мѣру приписывалъ весьма неосновательно представленіямъ Винценгероде, тогда какъ эта мѣра имѣла своимъ началомъ волю Государя. Когда во время остановки военныхъ дѣйствій достигли берега Рейна, Императоръ очень справедливо озаботился привести всѣ части арміи, по численности, въ общій строевой порядокъ нормальнаго состава по корпусамъ и полкамъ, причисливъ уже отдѣльныя команды, временемъ и обстоятельствами составленныя, къ строю тѣхъ войскъ, при которыхъ онѣ отдѣльно находились. Хотя я, кажется, объ этомъ уже упоминалъ, но здѣсь опять повторяю, чтобъ объяснить причину отклоненія моего отъ почетной должности, которую я занималъ.

Я еще до перваго нашего приступа на Суассонъ получилъ отъ графа Воронцова на мое имя письмо довольно рѣзкаго и обиднаго содержанія, въ которомъ было вложено письмо отъ графа къ Винценгероде грубаго, неумѣстнаго отъ подчиненнаго къ начальнику тона, которое, будучи не запечатаннымъ, давало мнѣ полное право узнать его содержаніе; такъ какъ подобное письмо могло породить непріятности между Винценгероде и графомъ, то я почелъ возложенную на меня передачу его неудобной, и при учтивомъ письмѣ къ графу (еще не примкнувшему къ корпусу, но шедшему для соединенія съ онымъ) возвратилъ ему оное съ объясненіемъ, что я не хочу и не долженъ быть посредникомъ въ этихъ дѣлахъ, и не долженъ и не хочу быть путемъ непріятностей, а что доставленіе мнѣ незапечатаннаго письма графа къ Винценгероде давало мнѣ полное право на чтеніе содержанія онаго. Въ моемъ письмѣ я выставлялъ весь ходъ дѣла по расформировкѣ свод-

ныхъ гренадерскихъ батальоновъ въ настоящемъ его видѣ, и письмо мое заключалось тѣмъ, что буде графу угодно, чтобъ его письмо было получено Винценгероде, онъ можетъ переслать оное мимо меня запечатаннымъ на имя Винценгероде, но я желаю быть въ сторонѣ по этому дѣлу. Графъ Воронцовъ не возобновилъ отправленія письма, но, по мстительному своему характеру, началъ интригами своими возстановлять многихъ противъ корпусного командира столь явно, что я въ этомъ не могъ имѣть сомнѣнія и поставленъ былъ по долгу службы и личной преданности къ Винценгероде нѣкоторымъ образомъ въ обязанность предварить его объ оныхъ. Но рыцарскія его чувства и понятія не допускали возможности этого, а я все болѣе и болѣе убѣждался въ злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ графа Воронцова и въ группировкѣ около него имъ выдвинутыхъ недовольныхъ и, видя, что Винценгероде продолжаетъ быть увѣреннымъ въ невозможности всего этого отъ сослуживцевъ, имъ уважаемыхъ,—я почелъ лучшимъ для себя удалиться отъ круга этихъ сплетенъ и происковъ и писалъ къ зятю моему, князю П. М. Волконскому, бывшему тогда начальникомъ штаба всѣхъ армій, что я желаю, для пріобрѣтенія большей опытности въ военномъ дѣлѣ, оставить службу штабную и поступить на боевую строевую службу, и просилъ его вытребовать меня въ главную квартиру и причислить въ боевыя войска, съ порученіемъ уже отдѣльной части. Все это я скрылъ отъ Винценгероде, чтобъ онъ не уговорилъ меня отъ этого рѣшенія отклониться.

Наконецъ, наканунѣ Лаонскаго дѣла, я получилъ пакетъ на собственное мое имя, по содержанію котораго я вызывался въ главную квартиру. Тутъ былъ я въ недоумѣніи: наканунѣ ожидаемаго сраженія какъ мнѣ удалиться, и я рѣшился объявить о полученномъ мною вызовѣ лишь по окончаніи сраженія. Какъ я

выше сказалъ, два дня сряду сраженіе продолжалось, и мнѣ приходилось быть въ доволно сильномъ огнѣ и хотя я безъ хвастовства скажу, что я не изъ трусливаго десятка, но внутренно я себѣ говорилъ: «*ну, не дуракъ ли я, вчера могъ бы выѣхать, объявивъ о вызовѣ, мною полученномъ, а теперь того и смотри, что убьютъ, или, что еще хуже, попаду въ калѣки на всю жизнь*» и уже поклялся самому себѣ, что едва кончится сраженіе, то доложу Винценгероде о полученномъ мною предписаніи и, не отлагая, въ путь.

На другой день, второй день сраженія, когда убѣдились мы, что французскія войска отступили, я взошелъ къ Винценгероде съ полученнымъ мною предписаніемъ. Онъ сейчасъ догадался, что этотъ вызовъ послѣдовалъ по моей просьбѣ, и началъ меня упрекать, что я отдѣляюсь отъ него. Но я ему объяснилъ, что меня вынудило къ этому, что, можетъ быть, съ моимъ удаленіемъ многія интриги прекратятся, оттого что многихъ обижаетъ его довѣріе ко мнѣ, что дѣло и по службѣ, и по совѣсти рѣшено, что я никогда не забуду всего того, что онъ для меня сдѣлалъ, что я буду всегда гордиться его довѣріемъ и что теперь, прощаясь съ нимъ, одного у него прошу: назначить преемникомъ на мое мѣсто барона Палена, человѣка благороднаго, дѣльнаго и который такъ же ему преданъ будетъ, какъ я,—и тѣмъ избѣгнуть, какъ бы разными происками ему не выставили на мое мѣсто человѣка изъ шайки Воронцова, ненадежнаго, скажу даже, враждебнаго ему; Винценгероде повѣрилъ мнѣ и назначилъ моимъ преемникомъ барона Палена.

Теперь достигъ я рубежа боевой моей жизни, потому что, хотя и состоялъ въ 1815 году опять при Винценгероде, но тогда не только нашъ отрядъ, но и почти вся россійская армія, кромѣ отрядовъ Чернышева и Орлова Алексѣя, не была въ дѣлѣ, о которомъ, въ свое время, я скажу, что слышалъ.

XXXVIII.

Графъ Воронцовъ.—Отъѣздъ изъ арміи въ Петербургъ.—Образъ жизни въ Петербургѣ.—Поѣздка за границу и свиданіе съ А. П. Ермоловымъ въ Краковѣ.—Вѣнскій конгрессъ.—Отношеніе Императора Александра къ русскимъ во время конгресса.—Портреты Наполеона.—Свиданіе Александра съ Лагарпомъ.—Принцъ Евгеній.

Теперь въ своихъ запискахъ я перейду къ описанію своей свѣтской жизни и коснусь большихъ политическихъ событій, которыхъ я былъ соглядатаемъ. Буду стараться съ тою же добросовѣстностью описывать это, какъ и боевую мою жизнь. Въ предыдущемъ заключеніи бѣглыхъ моихъ разсказовъ я принужденъ былъ отвести мѣсто личнымъ моимъ отношеніямъ къ графу Воронцову, имѣя въ виду хоть поверхностно выказать этого человѣка въ прямомъ его видѣ, ненасытнаго въ тщеславіи, не терпящаго совмѣстничества, неблагодарнаго къ тѣмъ, которые оказывали ему услуги, неразборчиваго въ средствахъ для достиженія своей цѣли и мстительнаго донельзя противъ тѣхъ, которые, или стоятъ на его пути, или, дѣйствуя по совѣсти, не хотятъ быть его рабами. Придется еще сказать, что, мстя мнѣ за то, что въ вышесказанныхъ каверзахъ его противъ моего начальника и благодѣтеля, я ему по

чести и долгу далъ отбой, онъ впослѣдствіи еще разъ выказалъ злобу на меня, когда я былъ уже сосланъ въ Сибирь.

Корпусъ генерала Винценгероде послѣ отступленія слѣдовалъ за наступательнымъ движеніемъ Блюхера, а я, распростившись съ уважаемымъ моимъ начальникомъ и добрыми товарищами, предпринялъ мой путь, чтобъ по данному мнѣ назначенію явиться въ главную квартиру Государя. Путь этотъ былъ кружный, ибо для выигрыша времени я, отъѣзжая, продалъ своихъ лошадей и рѣшился ѣхать почтовымъ трактомъ; итакъ, заѣхавъ въ Брюссель, гдѣ я пробылъ сутокъ трое для отдохновенія и нѣкоторыхъ заказовъ и покупокъ, я продолжалъ свой путь на Кёльнъ и Франкфуртъ на Майнѣ и намѣревался оттуда поспѣшнѣе прибыть въ главную квартиру. Но въ Франкфуртѣ я узналъ о занятіи союзными войсками Парижа, объ отреченіи отъ престола Наполеона и о воцареніи во Франціи Людовика XVIII; видя, что боевое поприще для меня кончилось и желая къ тому же еще, по одному любовному обстоятельству, выказать, что пренебрегъ всѣми прелестями Парижской жизни, такъ какъ я еще до войны искалъ руки одной дѣвушки, я повернулъ оглобли и прямо отъ Франкфурта поѣхалъ въ Петербургъ. Пріѣхавъ однимъ изъ первыхъ, воротившихся изъ арміи, при блистательной карьерѣ служебной, ибо изъ чина ротмистра гвардейскаго, немного свыше двухъ лѣтъ, я былъ уже генераломъ съ лентой и весь увѣшанный крестами и, могу безъ хвастовства сказать, съ явными заслугами, — я былъ принятъ въ высшемъ обществѣ радушно, скажу даже, отлично, но не удалось мнѣ получить руки той, которую искалъ; эту неудачу я забылъ въ общемъ угарѣ свѣтскомъ и до пріѣзда Государя въ Петербургъ велъ жизнь пустую, разсѣянную. По пріѣздѣ Государя въ Петербургъ, я состоялъ у него въ

свитѣ, дежурилъ за флигель-адъютанта, по недостатку ихъ на-лицо, и этакъ провелъ время, занятый то службой, то свѣтомъ до отъѣзда Государя на Вѣнскій конгрессъ. Бывъ причисленъ къ 2-й драгунской дивизіи, я предпочелъ лучше быть вольнымъ казакомъ, и мнѣ восхотѣлось узнать Европу—не съ обзора съ казачьяго сѣдла или съ этаннаго маршрута, а съ точки зрѣнія туриста и съ подробнымъ изученіемъ ея быта. Надо сказать при-этомъ, что вообще все, что мы хоть мелькомъ видѣли въ 13-мъ и 14-мъ годахъ въ Европѣ, породило во всей молодежи чувство, что Россія въ общественномъ, внутреннемъ и политическомъ бытѣ весьма отстала, и во многихъ вселило мысль поближе познакомиться съ Европой. Матушка моя, по неограниченной своей мило-сти, назначила мнѣ 20,000 р. ас. годового дохода, что тогда имѣло значительность, и я съ кошелькомъ, пол-нымъ денегъ, съ заграничнымъ паспортомъ въ рукахъ, устроивъ порядокъ высылки мнѣ денегъ постепенно,— выѣхалъ изъ Петербурга съ твердымъ намѣреніемъ околесить всю Европу и даже съ предположеніемъ по-сѣтить и прочія части свѣта, особенно Американскіе Штаты, занимавшіе тогда умы нашей русской моло-дежи по ихъ самостоятельному быту и по демократи-ческому политическому составу.

Итакъ, выѣхавъ изъ Петербурга, я черезъ Краковъ принялъ путь въ Вѣну, тогда занимавшую всѣ умы соединеніемъ въ оной Европейскаго конгресса. Доро-гой дня три я остановился въ Краковѣ, гдѣ была кор-пусная квартира Алексѣя Петровича Ермолова, кото-рый до конца своей жизни оказывалъ мнѣ милости-вое расположеніе и который и тутъ принялъ меня, какъ онъ умѣлъ это дѣлать, какъ онъ выражался, по-товарищески, не роняя вмѣстѣ съ тѣмъ своего до-стоинства, какъ начальника; скажу даже, этимъ самымъ онъ еще болѣе возвышалъ свое достоинство полнымъ

чувствомъ заслуженнаго уваженія и неограниченной преданности всѣхъ къ нему.

Изъ Кракова я поѣхалъ прямо въ Вѣну; сколько могу припомнить, прибылъ я туда въ октябрѣ или ноябрѣ. Конгрессъ былъ въ полномъ разгарѣ: царей, владѣтельныхъ князей, государственныхъ лицъ, дипломатовъ всѣхъ странъ и степеней «нѣсть бо числа»; князьковъ, смѣщенныхъ Наполеономъ, порядочная груда, а не смотрящихъ во владѣтельные пріѣзжихъ всѣхъ націй тоже «нѣсть бо числа».

Не могу дать послѣдовательнаго отчета о веденіи и трактаціи всѣхъ дѣлъ: ни мое служебное положеніе, ни мой общественный бытъ не давали мнѣ возможности на это. Но все-таки кое за чѣмъ я могъ слѣдить и урывками наблюдать и это постараюсь передать, сколько память мнѣ въ этомъ поможетъ.

Императоръ Александръ, главный дѣятель войнъ 12-го, 13-го и 14-го годовъ, основатель, двигатель и охранитель коаліціи, свергнувшей Наполеона съ престола, случаемъ и побѣдами пріобрѣтеннаго, Александръ, по всей справедливости, долженъ бы былъ играть на конгрессѣ первую роль—но и тогда враждебная Россіи Англія и также шаткая въ союзахъ Австрія всячески старались противодѣйствовать намѣреніямъ и требованіямъ Императора Россіи. Дѣятели этихъ государствъ, тонкій и бойкій Меттернихъ отъ Австріи, и самонадѣянный Кестельри самъ собою и за Англію, дѣйствуя заодно съ хитрымъ представителемъ Франціи, Талейраномъ, — во всемъ противоборствовали видамъ Александра, не только въ пользу Россіи, но даже и въ видахъ его для Европы совершенно въ духѣ времени и народныхъ правъ. Весьма замѣчательно, что сначала было положено, что Франція будетъ безъ голоса распорядительнаго въ дѣлахъ конгресса, а лишь съ голосомъ совѣщательнымъ, но хитрый Талейранъ

сумѣлъ себя поставить такъ, что сдѣлался главнымъ дѣятелемъ. Это было общее мнѣніе государственныхъ людей, слѣдившихъ и имѣющихъ способы обсуждать дѣйствія конгресса.

Императоръ Александръ былъ съ весьма ограниченной свитой. При немъ, чисто по дѣламъ, были по военному вѣдомству: князь Петръ Михайловичъ Волконскій, какъ начальникъ штаба при его Императорскомъ Величествѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ исправляющій должность оберъ-гофъ-маршала двора; два генералъ-адъютанта: Ожаровскій и Чернышевъ,—послѣдній, *comme on dit, pour la représentation* *), два флигель-адъютанта: Киселевъ и Панкратьевъ, оба выбранные Императоромъ не по бабушкинымъ ходатайствамъ, а отмѣченные имъ, какъ дѣловые люди, и, наконецъ, флигель-адъютантъ Михайловскій-Данилевскій, о которомъ можно сказать то, что сказалъ про него фельдмаршалъ Сакенъ при чтеніи его «Исторіи кампаніи 12-го года»: *лакей*. Онъ, Данилевскій, и въ Вѣнѣ былъ почти тѣмъ-же, ибо чрезъ него шли дѣла дворцовыя къ докладу Волконскому, т. е. былъ нѣчто въ родѣ гофъ-фурьера.—Временно былъ вызванъ генералъ—адъютантъ Павелъ Васильевичъ Кутузовъ, но не по дѣламъ конгресса, а для какихъ-то переговоровъ и порученій по Россіи. Не военнаго вѣдомства были при Государѣ: графъ Нессельроде, какъ статсъ-секретарь по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ, и который вмѣстѣ съ графомъ Андреемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ и графомъ Штакельбергомъ были представителями Россіи на конгрессѣ.

Были еще: графъ Каподистріа, князь Адамъ Чарторижскій и знаменитый Штейнъ, не какъ члены конгресса, а какъ состоящіе при особѣ Государя, но которымъ Але-

*) Какъ говорится, для представительства.

ксандръ давалъ обработывать вопросы для обсужденія и представленія ему ихъ мнѣній. Канцелярію Нессельроде составляли: Аншетъ, Булгаковъ, Шредеръ, графъ Иванъ Воронцовъ и Кокошкинъ; а чисто по сношеніямъ съ Россіей, какъ докладчикъ: статсъ секретарь Марченко, человѣкъ очень дѣльный и умный. Вотъ, кажется, всѣ, которые составляли свиту Государя; а другіе, прибывшіе, какъ и я, были охотники, путешественники, хотя многіе принимали на себя видъ приглашенныхъ и соучаствующихъ въ конгрессѣ. Упомянувъ о Штейнѣ, я не могу умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, довольно замѣчательномъ, которое мнѣ уже впослѣдствіи было сообщено. Императоръ Александръ поручилъ Разумовскому, Штакельбергу и Штейну, порознь каждому, обсудить выгоды и невыгоды для Россіи присоединенія Польши. Первые два, какъ царедворцы, представили матеріалы въ пользу присоединенія, какъ отдѣльнаго королевства, такъ какъ это была любимая мысль Александра; Штейнъ же былъ противъ и представилъ сильные доводы, прибавляя при этомъ, что, если уже рѣшено будетъ присоединеніе, то не какъ отдѣльнаго королевства, а какъ губерніи, входящей въ составъ коренной Россіи. Русскіе изъ видовъ угодливости навязывали петлю Россіи, а нѣмецъ, отстаивая прямыя выгоды Россіи, предугадывалъ всю невыгодность для Россіи присоединенія Польши, какъ *Царства Польскаго*, невыгодность—вполнѣ послѣ оказавшуюся.

Въ числѣ замѣчательныхъ лицъ, прибывшихъ въ это время въ Вѣну—былъ принцъ Евгеній, бывшій вице-король Италіи, впослѣдствіи именуемый принцемъ Лейхтенбергскимъ, англійскій адмиралъ сэръ Сидней Шмитъ и, наконецъ, извѣстный художникъ живописецъ Изабе.

Жизнь вѣнская всегда довольно шумная—во время конгресса была еще шумнѣе. Празднества слѣдовали за

празднествами; дворцовые выходы, концерты, спектакли, маскарады, большіе пиры—смѣняли другъ-друга. Какъ-то выпалъ снѣгъ, и затѣяли санное катанье, для котораго и свозили снѣгъ изъ окрестностей; были и звѣриныя охоты, и тутъ подъ царскіе выстрѣлы подгоняли легкую добычу. Были и потѣшные войсковые парады; а что стоило болѣе всего замѣчанія, такъ это примѣръ битвы Аспернской *), которую показывалъ эрцъ-герцогъ Карлъ Императору Александру на самой мѣстности этого сраженія. Эрцъ-герцогъ по наружности нимало не замѣчательный, хилый старикъ, неловкій въ пріемахъ, тутъ былъ прямымъ витяземъ, осанкой, взглядомъ, просто не тотъ былъ, какимъ его обыкновенно видали, такъ онъ былъ одушевленъ воспоминаніемъ.

Говоря объ Аспернскомъ сраженіи, какъ не вспомнить слова, сказанныя Наполеономъ, когда онъ, при окончаніи этого сраженія (гдѣ французская армія претерпѣла столь сильное пораженіе), переѣхавъ черезъ Дунай въ лодкѣ, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта князя Гагарина и флигель-адъютанта Чернышева, бывшихъ при немъ комиссарами отъ Александра I, сказалъ имъ: «Si j'avais eu sous mes ordres mes vieilles légions d'Espagne ou l'armée russe, vous ne me verriez pas, messieurs, dans la position où je me trouve maintenant **). Эти слова лично мнѣ переданы Гагаринымъ и Чернышевымъ, съ которыми я былъ очень близокъ по возвращеніи ихъ въ Петербургъ, по заключеніи мира Пресбургскаго.

Были и частные празднества, между ними замѣчательное у графа Разумовскаго, гдѣ такъ сильно освѣщено было, что отъ теплоты освѣщенія таяли восковыя свѣчи, что подало случай принцу де-Линь сказать: «Nous

*) Въ 1809 году.

**) Если бы у меня были мои старые испанскіе легіоны или русская армія—вы бы не увидѣли меня, господа, въ положеніи, въ которомъ я теперь нахожусь.

avons à Vienne une pluie de Sire (Cire)». Онъ-же тогда сказалъ: «Le congrès danse, mais n'avance pas *). Я часто встрѣчалъ у жены брата моего (Никиты) Зинаиды, урожденной Бѣлосельской, принца де-Линь, но, несмотря на приписанный ему и провозглашенный его умъ, и въ прежнее время, и тогда я не нашелъ его столь занимательнымъ,—онъ просто былъ, по-моему, болтунъ, и къ тому-же еще выболтавшійся.

Положеніе насъ, русскихъ, было довольно щекотливое въ Вѣнѣ во время конгресса. Нашъ Императоръ, при безпрестанныхъ отличительныхъ привѣтствіяхъ ко всѣмъ иностранцамъ, не тотъ былъ къ намъ, и казалось намъ, что онъ полагалъ, что мы въ образованіи свѣтскомъ отстали отъ европейцевъ. Полный учтивости къ каждому прапорщику, не носившему русскаго мундиръ, онъ крутенько съ нами обходился, такъ что мы нехотя отказывались отъ приглашеній дворцовыхъ и высшаго круга, и болѣе жили въ средѣ соотечественниковъ и вели жизнь шумную между собою, но не обидную для народной гордости. Во время конгресса, я у Изабе, которому заказалъ портретъ свой **), познакомился съ принцемъ Евгеніемъ и какъ-то заслужилъ его расположеніе. Что за чудесный былъ человѣкъ! какая скромность и вмѣстѣ съ тѣмъ теплота души! онъ такъ меня полюбилъ, что подарилъ свой портретъ, который и донынѣ у меня.

Говоря о портретахъ, я припомнилъ случай, до меня относящійся. Восторженный Наполеоновымъ бытомъ въ исторіи, я возъимѣлъ желаніе имѣть полное собраніе всѣхъ его портретовъ, начиная съ осады Тулона до отреченія въ Фонтенбло и просилъ книгопродавца Арторія мнѣ это собрать. Но это какъ-то встревожило австрійскую полицію, и Меттерниху былъ на меня до-

*) Конгрессъ танцуетъ, но не подвигается впередъ.

**) Портретъ этотъ прилагается къ изданію.

носъ отъ оной, а онъ довелъ это до свѣдѣнія Государя, а отъ этого мнѣ головомойка. Коллекція этихъ портретовъ, переплетенная въ книгѣ in folio, была дана мною временно на сохраненіе комодору Лобанову, но онъ, вѣроятно, мысля, что я не возвращусь изъ Сибири, почелъ ее своею собственностью.

Продалъ-ли онъ ее въ числѣ своей библіотеки, или оставилъ у себя—не знаю, и хотя я на водахъ въ 1859 г. и встрѣчался съ нимъ, отъ него ни полъ-слова объ этомъ, а я не упоминалъ ему, чтобъ его не затруднить отвѣтомъ.

Во время пребыванія моего въ Вѣнѣ я былъ свидѣтелемъ одного происшествія, довольно замѣчательнаго и относящагося. какъ къ Императору Александру, такъ и къ бывшему его наставнику Лагарпу, который былъ наставникомъ во время царствованія Екатерины при тогдашнихъ великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ.

Лагарпъ, при воцареніи Павла, былъ удаленъ изъ Россіи; хотя Александръ, воцарившись, былъ въ перепискѣ съ прежнимъ своимъ наставникомъ, но личнаго свиданія съ нимъ не имѣлъ. Лагарпъ, участвуя тогда въ новомъ политическомъ образованіи Швейцаріи, былъ однимъ изъ правителей и, вѣроятно, поэтому не посѣтилъ своего царствующаго уже воспитанника. Такъ или иначе, но Лагарпъ впервые имѣлъ съ нимъ свиданіе, пріѣхавъ въ Вѣну во время конгресса. На другой день прибылъ онъ во дворецъ, вѣроятно, уже приглашенный, и едва взошелъ въ комнату, предшествующую кабинету Государя, какъ былъ призванъ къ Императору. Какъ теперь помню этого маститаго старца въ маіорскомъ военномъ мундирѣ временъ Екатерины. Какой былъ и о чемъ разговоръ между представителемъ демократическихъ идей и царственнымъ его воспитанникомъ, уже тогда поборникомъ этихъ началъ, не знаю, но послѣ долговременнаго, вѣроятно, задушевнаго раз-

говора, выходитъ Лагарпъ изъ кабинета Государя въ Андреевской звѣздѣ и лентѣ, т. е. въ высшей почетной наградѣ, которую могъ ему дать Государь. Честь и слава Царю за признаніе вѣнценосцемъ уже въ своемъ воспитателѣ начало той славы и могущества, коими онъ обладалъ; это неожиданное событіе возродило уваженіе даже въ черствыхъ сердцахъ присутствовавшихъ царедворцевъ.

Я выше сказалъ, что образъ жизни насъ, русскихъ, въ Вѣнѣ во время конгресса не былъ для насъ пріятенъ, и потому я рѣшился искать другихъ впечатлѣній, и изъ Вѣны поѣхалъ прямо въ Парижъ, гдѣ, какъ сказано мною выше,—я не былъ въ началѣ 14-го года, а отъ бывшихъ тамъ соотечественниковъ слышалъ чудеса объ образѣ жизни въ этомъ современномъ Вавилонѣ. Но прежде разсказа о бытѣ моемъ въ Парижѣ, еще обращусь къ эпохѣ Вѣнскаго конгресса, чтобъ объ ономъ не прерывать разсказа.

Мнѣ уже впослѣдствіи положительно разсказывали, что дѣла конгресса приняли такой враждебный оборотъ противъ желаній и требованій Императора Александра, что онъ рѣшительно велѣлъ объявить чрезъ своихъ представителей въ засѣданіяхъ конгресса, что, видя, что во всемъ ему противодѣйствуютъ иныя державы,—онъ находитъ свое присутствіе въ Вѣнѣ излишнимъ и поэтому отправится въ Краковъ, гдѣ былъ авангардъ русской арміи, расположенной въ Царствѣ польскомъ, и тогда, смотря по обстоятельствамъ и рѣшенію конгресса, не слово, а мечъ кинетъ на вѣсы, опредѣляющіе общее разграниченіе государствъ. И чтобъ эти слова не показались лишь одной угрозой, а обдуманнымъ рѣшеніемъ,—были сдѣланы приготовленія къ отъѣзду и распоряженія о выставкѣ лошадей почтовыхъ по тракту изъ Вѣны въ Краковъ. Но вѣсть о побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы и о его торжественномъ шествіи по

Франціи помирила спорящихъ владыкъ Европы, и съ общаго соглашенія приняты были мѣры къ новой борьбѣ съ Наполеономъ и Франціей и для извѣстнаго объявленія, что Наполеонъ *est mis au ban des nations* *).

Къ этому-же времени должно отнести одно обстоятельство, хоть не весьма значительное, но обрисовывающее нѣкоторыхъ личностей. Вотъ оно: какъ я уже говорилъ, въ Вѣнѣ былъ принцъ Евгеній, впослѣдствіи герцогъ Лейхтенбергскій. Императоръ Александръ отдавалъ полную справедливость этому благороднѣйшему человѣку и въ общественной, политической жизни, и въ частной семейной, такъ какъ въ понятіяхъ Александра было выказывать себя защитникомъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ паденіе было слѣдствіемъ паденія Наполеона. Сей послѣдній, по возвращеніи своемъ въ Парижъ, отправилъ тайнаго агента въ Вѣну, съ предложеніемъ ему, принцу Евгенію, возвратиться во Францію и участвовать въ увозѣ изъ Вѣны тайкомъ сына Наполеона, короля Римскаго. Этотъ агентъ успѣлъ тайно прибыть въ Вѣну, видѣлся съ принцемъ Евгеніемъ, и, получивъ отъ него письмо, содержаніе котораго мнѣ неизвѣстно, — но, какъ слышалъ, оно доказывало невозможность исполненія предложеннаго, — успѣлъ неузнаннымъ выѣхать обратно; но какъ-то австрійская полиція напала на слѣдъ его пребыванія въ Вѣнѣ, была послана погоня, и онъ схваченъ былъ, не доѣхавъ до границы Франціи, и по обыскѣ его нашли *dans un double fond d'une casserole* **) письмо принца Евгенія къ Наполеону. Это письмо было доставлено Меттерниху, а имъ послано къ Государю съ ѣдкимъ письмомъ противъ заступничества Императора Александра за принца Евгенія. Получивъ это письмо, Императоръ вручилъ его де-

*) Лишенъ покровительства народныхъ законовъ.

**) Въ двойномъ днѣ кострюльки.

журному въ тотъ день флигель-адъютанту Панкратьеву (который лично мнѣ это сообщилъ), и поручилъ ему съѣздить къ Лейхтенбергскому, сказавъ: «*Поѣзжай къ принцу Евгенію, покажи ему это письмо, и опять это письмо возьми отъ него и привези мнѣ обратно*». Сказанное было исполнено, но уже отношенія между Александромъ и Евгеніемъ измѣнились, и взамѣнъ дружественныхъ отношеній возродилась холодность, но не преслѣдованіе,—видно, по смыслу письма къ этому не было повода,—и негодованіе, что за довѣріе не отплачено было довѣріемъ.

Вотъ все, что осталось у меня въ памяти о Вѣнскомъ конгрессѣ. Хотя во многихъ современныхъ твореніяхъ онъ описанъ гораздо подробнѣе, отчетливѣе, но въ нихъ не упомянуто о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, мною переданныхъ, и въ точности которыхъ завѣряю.

XXXIX.

Въ Парижѣ.—Знакомство съ Сентъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ.—M-me de Stael.—Benjamin Constant.—Шатобріанъ.—Салонъ герцогини Сентъ-Лё.—Процессъ Луи-Наполеона съ его женой Гортензіей.—Похороны актрисы Рокуръ.—Отъѣздъ въ Лондонъ.

Наконецъ, пріѣхалъ я въ Парижъ; по обычаю моему, и впослѣдствіи мною не оставляемому, я мало заботился объ обзорѣ мѣстностей и артистическихъ знаменитостей, а изучалъ народности и людей. Тогда въ Германіи было пусто: вся жизнь ея и будущность были въ Вѣнѣ, и я просто прокатился на почтовыхъ безъ остановки до Парижа.

Пріѣхалъ я въ Парижъ, снабженный рекомендательными письмами отъ сестры ко многимъ лицамъ высшаго круга, и, между ними, къ бывшей королевѣ Голландской, уже тогда именовавшейся duchesse de Saint-Leu, и нашелъ въ Парижѣ Николая Николаевича Демидова, добраго моего знакомаго по Питеру, который пригласилъ меня жить подъ одной кровлей съ нимъ; да еще въ Парижѣ нашелъ графиню Лаваль, также знакомую мнѣ по Петербургу и бывшую въ свойствѣ съ женой брата моего, княгиней Зинаидой Александров-

ной Волконской, рожденной Бѣлосельской. — Письмо къ duchesse de St.-Leu открыло мнѣ входъ въ ея домъ, посѣтители котораго были почти исключительно изъ общества наполеонистовъ. Знакомство съ графиней Лаваль меня невольно, скажу даже противъ желанія, познакомило съ предмѣстьемъ Сентъ-Жерменъ—завѣтнымъ кругомъ легитимистовъ, а знакомство съ Демидовымъ—avec le tiers état, по связямъ его торговымъ и страсти къ разнымъ переворотамъ. Тутъ я познакомился avec la finance, les brocanteurs, les artistes; черезъ графиню Лаваль былъ приглашенъ dans les salons légitimistes, chez la duchesse de Courlande, chez m-me de Stael et autres *), а у этой послѣдней встрѣчался съ Шатобріаномъ и Benjamin Constant. Мои впечатлѣнія объ этихъ трехъ знаменитостяхъ слѣдующія:

M-me de Stael, дочь извѣстнаго Неккера, была личность, вызванная на первый планъ современный и по знаменитости отца, и по собственнымъ достоинствамъ, а частью и по преслѣдованію ея Наполеономъ, ибо личная вражда знаменитаго человѣка выставляетъ и преслѣдуемаго. Обладая обширнымъ умомъ и обширными познаніями, имѣла она даръ слова, можетъ быть, выше способности ея пера; некрасивая собой, она имѣла глаза, преисполненные огня, выражающіе и глубокія думы, и святое пламя въ сердцѣ. Рѣдко сидящая, она эффектно обходила своихъ гостей, и ея звучный, преисполненный особенныхъ взглядовъ, разговоръ всегда былъ сопровождаемъ эффектными жестами ея рукъ (bras), весьма красивыхъ, что давало еще болѣе вѣсу ея сужденіямъ; но скажу, однако, что прелесть ея разговора вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла что-то театральное, мнѣ не нравившееся по изысканности; простота, по-моему, болѣе краснорѣчива, когда она вытекаетъ—не изученная, а какъ-бы невзначай.

*) Въ салоны легитимистовъ, къ герцогинѣ Курляндской, къ г-жѣ Сталь и другимъ.

Другая упомянутая личность это—Benjamin Constant, великій ораторъ, великій мыслитель, тоже лицо, преслѣдуемое нѣкогда Наполеономъ, и при новомъ порядкѣ во Франціи глава партіи прямыхъ конституціонныхъ началъ; наружности болѣе неловкой, нежели красивой, постоянный цѣнитель m-me de Stael, и своею знаменитостью сопутствующій, можно сказать, ея знаменитости. Шатобріанъ не произвелъ на меня столь сильнаго впечатлѣнія, какъ эти двѣ именованныя выше особы. Конечно, слѣдуетъ отдать должную дань дару слова его, но этотъ даръ слова, въ то время приправленный изысканностью, а не убѣжденіемъ, имѣлъ своимъ предметомъ защищать тогда начала вовсе мнѣ не симпатичныя, не современныя, уже пораженныя временемъ и общими убѣжденіями, пахнувшія такъ сильно обветшалостью, что я не могъ понять, какъ такой умный человѣкъ могъ стать защитникомъ оныхъ.

Я выше сказалъ, что я имѣлъ доступъ въ домъ de la duchesse de St.-Leu, бывшей королевы Голландской, и тоже былъ принятъ ею самымъ радушнымъ образомъ. Письмо, которое я имѣлъ, было адресовано ей черезъ ея lectrice, mademoiselle Cochelet, бывшую въ тѣсной связи съ сестрой моей. Я былъ принятъ m-elle Cochelet просто запросто, вполнѣ, могу сказать, по дружбѣ ея къ сестрѣ моей, какъ родственникъ, и она доложила обо мнѣ герцогинѣ,—я былъ приглашенъ къ ней и весьма благосклонно ею принятъ. Эта благосклонность обѣихъ выражена, можетъ быть, и незаслуженно съ моей стороны, въ запискахъ, изданныхъ г-жею Cochelet, впослѣдствіи m-me Parquin. Принятый въ общество избранное, посѣщающее герцогиню Сентъ-Лё, я попалъ въ кругъ людей совершенно иного взгляда, иныхъ убѣжденій, чѣмъ общество у m-me de Stael. Тутъ, т. е. у герцогини Сентъ-Лё, общество, большею частью состояло изъ живыхъ еще обломковъ едва исчезнувшей имперіи, изъ горячей моло-

дежи, полной обожанія къ великому мужу, изъ молодежи, еще ненасыщенной почестями и, поэтому, неискавшей средствъ лишь къ сохраненію того, что при случившемся переворотѣ прежнія выскочки желали себѣ упрочить; это были молодые люди, полные надеждъ, не сбывшихся вслѣдствіе общаго переворота политическаго.

Въ числѣ этой молодежи были генералы: Эксемонъ, два брата Бертоны, два брата Lalemand и многіе другіе, которыхъ именъ не упомню. Было нѣсколько иностранцевъ, болѣе симпатизирующихъ временамъ имперіи, нежели возрождавшемуся снова обветшалому королевству, державшемуся и тогда лишь благодаря уму Людовика XVIII, но ежедневно подкапываемому братомъ его, герцогомъ Артуа и сыновьями его, Ангулемскимъ и Беррійскимъ герцогами, и, въ особенности, герцогиней Ангулемской, испытавшей столько бѣдствій, но не наученной ими. Совокупно всѣ они не понимали требованій современныхъ началъ общества. Эти прямые враги собственной своей пользы, окруженные людьми, принесшими изъ изгнанія лишь предразсудки и сильное поползновеніе къ отмщенію, были предвѣстниками или, лучше сказать, дѣятелями тѣхъ горестныхъ событій, которыя впослѣдствіи привели къ событіямъ 20-го марта 1815 г., потрясшимъ бурбонское владычество и, наконецъ, свергнувшимъ съ престола первую линію Бурбонскаго дома. И какъ при всѣхъ этихъ сужденіяхъ моихъ не повторить слова Наполеона о легитимистахъ: «Ils n'ont rien appris, ni rien oublié *)».

Вотъ полный и, можетъ быть, слишкомъ длинный разсказъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на меня людьми, въ кругъ которыхъ я имѣлъ доступъ. Герцо-

*) Они ничему не научились и ничего не забыли.

гиня Сентъ-Лё и m-lle. Cochelet были личности также замѣчательныя и по значенію своему во время имперіи, и по умѣнію сохранить это значеніе, благодаря уму, и par leur position sociale *) въ новомъ ихъ бытѣ; блестяще образованныя, гостепріимныя и любезныя, онѣ имѣли всю очаровательность падшихъ съ высокаго значенія не по своей винѣ, но по неожиданному, не заслуженному капризу судьбы. Тутъ-же я видѣлъ и двухъ сыновей королевы Гортензіи, тогда еще дѣтей, но потомъ игравшихъ роль въ первомъ возстаніи Италіи, и изъ которыхъ одинъ умеръ, а другой, пройдя черезъ ни съ чѣмъ несообразныя попытки (Стразбургскую и Булонскую), наконецъ, достигъ званія императора Франціи, подъ именемъ Наполеона III-го.

При воспоминаніи о немъ, приходитъ мнѣ на память того же времени событіе: это процессъ бывшаго короля Голландіи Louis Napoléon съ его женой Гортензіей; первый требовалъ судебнымъ порядкомъ возвратить ему двухъ сыновей его. Я былъ зрителемъ и слушателемъ этого процесса и припоминаю, какъ его адвокатъ Tripier развивалъ законность правъ отцовскихъ надъ сыновьями; а другой адвокатъ, котораго имени не упомню, но также знаменитость того времени, выставлялъ въ пользу своей кліентки права чисто природныя, материнскія; и какъ не сказать при этомъ, что законъ, не основанный на началахъ природныхъ чувствъ и дающій первенство одному лицу противъ равностепенныхъ правъ другихъ, есть законъ, основанный не на справедливыхъ началахъ.

Такъ какъ я пишу мои записки не съ цѣлью говорить о себѣ, то я не стану описывать всѣ *mes faits et gestes*, вовсе нестоющія вниманія, въ особенности, при пустой тогда моей жизни, а разскажу еще одно обстоя-

*) И по своему общественному положенію.

тельство общественное той эпохи, которому былъ я свидѣтелемъ, и которое стоитъ разсказать. Это похороны m-lle Raucourt *), знаменитой актрисы du théatre français. M-lle Raucourt, трагическая актриса этого театра, жившая давно уже въ отставкѣ и пріобрѣтшая во время театральнаго своего поприща значительное состояніе, посвятила себя благодѣтельному порыву помогать своимъ достояніемъ нуждающимся, и раздавателемъ ея милостыни былъ приходскій ея священникъ церкви святаго Рока (St. Roch), который и напутствовалъ ее въ предсмертныя ея минуты исповѣдью и причащеніемъ Святыхъ Таинъ. Въ назначенный для похоронъ день, тѣло усопшей при печальной церемоніи было привезено къ приходской ея церкви для отслуженія погребальной службы, но священникъ Мардуель воспретилъ внести тѣло усопшей, основываясь на положеніи церковномъ, что актеры (скоморохи) лишены права на преданіе ихъ праха, какъ говорится по-французски, *en terre sainte* **). Дѣйствовалъ-ли священникъ по собственному началу или получилъ онъ на то приказаніе архіепископа, не знаю; но тогда была молва, что архіепископъ это ему приказалъ. Неожиданный отказъ хотя и удивилъ сопровождавшихъ тѣло родныхъ, знакомыхъ и въ полномъ количествѣ всѣхъ артистовъ первой театральной сцены парижской, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, но, чтобы не произвесть смуты, рѣшились не настаивать и, по давно соблюдаемому обычаю, направили печальное шествіе къ зданію французскаго театра для исполненія соблюдаемаго обряда «*la station d'usage*», по которому шествіе останавливается при томъ мѣстѣ, гдѣ усопшая пріобрѣла себѣ знаме-

*) Франсуаза-Марія-Антуанета Saucerotte-Raucourt (1756—1815), французская трагическая артистка; въ 1772 г. дебютировала въ Comédie Française, въ роли Дидоны, и имѣла чрезвычайный успѣхъ. Во время революціи нѣкоторое время содержалась подъ стражей. *(Энц. сл. Брокг., Ефронъ, т. 53, стр. 30).*

**) Въ святой землѣ.

нитость, и здѣсь въ память ея талантливой жизни произносится ея панегирикъ. Но шествіе не достигло еще до этого мѣста, какъ было силою народа, скопившагося отъ этого происшествія, обращено паки къ церкви St. Roch, гдѣ стали насильственно требовать впуска тѣла въ церковь. Я, случайно присутствовавшій при этомъ, по сосѣдству моего мѣстожительства, могу завѣрить, что къ сопровождавшимъ по чувству тѣло усопшей, присоединилась масса недовольной публики, вѣроятно, до 20,000, страшно возбужденной и возмущенной оскорбленіемъ, нанесеннымъ всѣми уважаемой усопшей, извѣстной своею благотворительностью. Скопившійся народъ требовалъ открытія входныхъ дверей въ церковь, но клиръ причетницкій и самъ священникъ не соглашались на оное. Наконецъ, народъ, разсерженный противодѣйствіемъ его требованіямъ, принялся за насильственный способъ, и желѣзныя врата входа въ церковь разлетѣлись, какъ-бы стеклянныя двери; затѣмъ, снявши гробъ съ колесницы, торжественно внесли его въ средину церкви, которая была убрана трауромъ, по случаю совершающагося поминовенія 21-го января, т. е. дня казненія Людовика XVI, и при освѣщеніи, приготовленномъ для совсѣмъ другого случая, началось отпѣваніе, причемъ молитвы пѣлись не хриплымъ и изученнымъ голосомъ священно-служителей, но восторженными тысячами народа, чтившаго покойную и разъяреннаго сопротивленіемъ духовной власти.

Но умный Людовикъ XVIII, которому было донесено о происходившемъ, понимая всю силу народной власти, поспѣшилъ дать приказаніе, чтобъ и церковное богослуженіе присоединилось къ народной почести, и, кромѣ того, велѣлъ объявить, что здѣсь просто произошло недоразумѣніе. *La messe des morts* *), какъ это

*) Заупокойная обѣдня.

называютъ католики, была отсужена въ должномъ церковномъ порядкѣ, а затѣмъ печальная церемонія отправилась на station d'usage devant le théatre français, и потомъ au cimetière *).

Этотъ мой разсказъ во всѣхъ его подробностяхъ, чистый снимокъ съ происшествія, которое должно бы было многимъ лицамъ, съ обветшалыми понятіями, быть урокомъ, но которое имъ и подобнымъ имъ не послужило впрокъ.

Вотъ все, что я счелъ болѣе или менѣе интереснымъ для передачи за время моего пребыванія въ Парижѣ. Проживъ здѣсь безцвѣтно еще нѣсколько недѣль, я въ концѣ февраля или въ первыхъ дняхъ марта выѣхалъ изъ Парижа, чтобъ посѣтить Лондонъ, съ намѣреніемъ исколесить Англію (тогда еще не было желѣзныхъ дорогъ). Тутъ я попробовалъ впервые морское путешествіе, бывшее ни тогда, ни впослѣдствіи, нимало мнѣ не по нутру, и, по обыкновенію моему, нигдѣ на пути не останавливаясь, прибылъ въ Лондонъ, и не думая тогда, что придется мнѣ такъ скоро и такъ невзначайно опять прибыть въ Парижъ.

*) На мѣсто остановки, по обычаю, передъ французскимъ театромъ и потомъ на кладбище.

XL.

Пріѣздъ въ Лондонъ.—Лондонскіе таможенные чиновники.—Лондонскія гостинницы.—Соотечественники.—Салонъ О. А. Жеребцовой.—Пренія о Corn bill'ѣ.—Сэръ Френсисъ Бюрдетъ.—Извѣстіе о возвращеніи Наполеона во Францію.—Сэръ Робертъ Вильсонъ и члены оппозиціи.—Представленіе принцу-регенту.—Пріемъ принцемъ депутаціи квакеровъ.—Обычай при представленіи.—Салонъ графини Ливенъ.—Намѣреніе ѣхать въ Парижъ.—Слова Государя по этому поводу.

Въ Лондонъ я прибылъ, по совѣсти скажу, съ занозою въ сердцѣ, а когда есть заноза, то о другомъ мало и думаешь. Но все-таки городъ, край, люди невольно занимали мои думы. Коснулся я материка Англіи въ Доверѣ (Douvres); первый шагъ мой въ этой странѣ ознаменовался встрѣчей неожиданной; едва сошелъ я съ пакетбота, перевезшаго меня,—какъ былъ окруженъ толпой таможенныхъ надсмотрщиковъ, которые просто ощупывали меня съ головы до ногъ, и только выкупомъ я отдѣлался отъ ихъ придирчивости. Какъ не сказать при этомъ, что если законъ постановливаетъ мѣры таможеннаго взыска денежнаго, то законъ же долженъ блюсти, чтобъ это дѣлалось извѣстнымъ порядкомъ, и въ особенности бдительно смотрѣть, чтобъ не было ни для казны убытка, ни для частнаго лица притѣсненія.

Итакъ, я въ Лондонѣ; прокатясь по живописной мѣстности, выказывающей высокую степень развитія общаго быта во всемъ томъ, что относится до богатства края и народнаго быта, я въѣхалъ въ Лондонъ. Самъ городъ, отъ висящаго надъ нимъ непроницаемымъ облакомъ густого дыма, отъ употребленія въ топливо каменнаго угля, показался мнѣ мрачнымъ, но зато кипящимъ жизнью по многочисленности населенія, двигающагося по улицамъ.

Первый мой пріютъ былъ въ Hôtel de Riga, гдѣ я принятъ былъ съ обычнымъ во всей Европѣ вниманіемъ въ этого рода домахъ, и мнѣ было отведено отлично устроенное помѣщеніе.

Я, какъ скоро оглядѣлся, послалъ данное мнѣ рекомендательное письмо къ священнику нашей миссіи, отцу Смирнову, который въ скоромъ времени меня посѣтилъ; и тотъ, зная по долговременному своему пребыванію всѣ оттѣнки и наклонности мѣстныя воспользоваться неопытностью прибывающихъ иностранцевъ, спросилъ меня, уговорился ли я въ цѣнѣ съ хозяиномъ hôtel garni. И когда я спросилъ о цѣнѣ, то убѣдился, что она не по моему карману, и тутъ же, въ сопровожденіи отца Смирнова, пошли мы отыскивать, какъ говорится, chambre à louer (т.-е. частную квартиру), и нашедъ ее, хоть въ третьемъ или четвертомъ этажѣ, но за сходную цѣну и посреди города, place St. James, я оставилъ ее за собой, давъ задатокъ. Пришедъ въ Hôtel de Riga, я попросилъ счетъ для расплаты и, хотя едва я тамъ провелъ сутки, меня заставили заплатить за трое сутокъ, объясняя, что въ день моего пріѣзда могла бы квартира быть нанята другимъ, и что по выѣздѣ моемъ она простоитъ сутки не нанятой. Спорить и судиться нечего было и, разсчитавшись, я перебрался на нанятую квартиру. По общему обычаю въ этихъ квартирахъ, бѣлье, посуда и прочее необходимое

состоитъ при квартирѣ, а ежедневная приборка комнатъ производится служанкою по всему дому. Я объ этомъ упоминаю не потому, что это достойно какого-либо интереса, но буде еще это все существуетъ нынѣ—въ свѣдѣніе тѣмъ, которымъ можетъ быть это въ пользу.

Въ это время былъ россійскимъ посланникомъ въ Лондонѣ генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ, съ которымъ по службѣ моей, какъ флигель-адъютантъ, я былъ близокъ, а по петербургскому обществу былъ довольно знакомъ и съ графиней. По долгу учтивости я посѣтилъ ихъ, и былъ весьма радушно принятъ ими и часто къ нимъ приглашаемъ. Кромѣ нихъ, я былъ вхожъ къ одной соотечественницѣ — Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой, сестрѣ извѣстнаго фаворита Екатерины, князя Зубова, женщинѣ весьма умной и пользующейся нѣкоторой знаменитостью, по соучастію ея въ заговорѣ противъ Императора Павла I-го и по отношеніямъ ея къ тогдашнему принцу Валлійскому. Кромѣ того, въ Лондонѣ я нашелъ петербургской и боевой жизни товарища, Льва Александровича Нарышкина, хорошаго моего пріятеля. Въ англійскомъ обществѣ имѣлъ я только одного знакомаго—это сэра Роберта Вильсона, бывшаго въ кампаніи 1806 и 1807 гг. и потомъ въ 1812, 13 и 14 гг. комиссаромъ отъ англійскаго правительства при россійской арміи. Упоминаю объ этомъ лишь потому, что впослѣдствіи чрезъ нихъ я познакомился съ лондонскимъ бытомъ и происшествіями во время пребыванія моего въ Англіи.

Да еще забылъ упомянуть соотечественника, это адмирала Павла Ивановича Чичагова, человѣка весьма умнаго, но который питалъ, можетъ быть, и заслуженно, негодованіе противъ современниковъ своихъ по кампаніи 1812 г.; въ мстительномъ своемъ чувствѣ онъ отечество не отдѣлялъ отъ лицъ, и просто грустно мнѣ было часто слушать его ѣдкія нападки, выражаемыя

имъ во всеуслышаніе, не на одни лица, но и на всю Россію, и гдѣ-же? въ чужомъ краю, передъ чужими, враждебными, можетъ быть, лицами.

О лицахъ, среди которыхъ или съ кѣмъ болѣе я имѣлъ сношеніе, я буду говорить по мѣрѣ нѣкоторыхъ происшествій, со мной случившихся. Болѣе всего я былъ вхожъ къ Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой, женщинѣ высокаго ума, и у которой кругъ знакомыхъ былъ изъ среды высшаго слоя лицъ лондонскихъ. Тутъ я встрѣчался довольно часто съ принцемъ Кларенскимъ, сыномъ тогда уже сумасшедшаго короля Георга III-го и братомъ принца-регента, принца Галльскаго. Кларенскій былъ добрый и простой человѣкъ, съ пріемами общежительными, любезнаго обращенія, умомъ довольно простъ. У Жеребцовой соединялась также молодежь фешенебельная и все болѣе лица, приближенныя къ принцу Валлійскому, какъ ея старыя знакомыя. Но спѣсь аристократическая въ Англіи уступаетъ волѣ массъ, такъ какъ и массы умѣютъ чтить стойкость характера—даже, когда она противна высказанному желанію народному.

Въ то время была въ парламентѣ трактація о такъ называемомъ *Corn-bill*, т.-е. народъ желалъ, чтобъ ввозъ зернового хлѣба былъ безпрепятственно допущенъ, а землевладѣльцы желали, чтобъ о ввозѣ хлѣба продолжался запретъ; просто сказать, желудокъ воевалъ противъ кошелька. Народонаселеніе Лондона было въ большомъ движеніи и волненіи; на казенныхъ строеніяхъ и даже на заборѣ дворца принца-регента были дѣлаемы надписи: *Bread or blood* (хлѣба или крови), и для усмиренія этихъ безпорядковъ былъ изданъ Мютиней-билль, въ которомъ говорилось, что войска усиливаются и что при всякомъ скопищѣ, по прочтеніи три раза этого билля, войска имѣютъ право, для разсѣянія скопища, дѣйствовать оружіемъ.

Сэръ Фрэнсисъ Бюрдетъ—тогда представитель вест-

министерскій и глава оппозиціи въ Нижней камерѣ, объявилъ, что онъ объяснитъ свой образъ мыслей по этому дѣлу своимъ избирателямъ. Въ назначенный имъ день устроенъ былъ на Вестминстерской площади родъ балкона, съ котораго онъ будетъ говорить народу. Площадь съ ранняго утра кипѣла народомъ. Бюрдетъ пріѣхалъ, взошелъ на амвонъ и началъ говорить народу, желавшему ввозъ хлѣба, что онъ противъ этой мысли и мѣры, и сталъ излагать свои причины. Любимецъ народный, хотя и защищалъ свои убѣжденія, несогласныя съ желаніемъ массъ, такъ увлекъ всѣхъ своею рѣчью и внушилъ такое къ себѣ уваженіе, что былъ покрытъ изъявленіями общаго сочувствія, но, не желая дать повода къ болѣе значительной манифестаціи,— онъ старался невзначай ускользнуть и тишкомъ, сѣвъ во ѳіакръ, отправился домой. Но онъ былъ узнанъ народомъ; народъ изъ наемной кареты выпрягъ лошадей и на рукахъ помчалъ его къ дому. Это шествіе, провожаемое тысячами народа, проходило именно мимо дома, занимаемаго Жеребцовой, гдѣ въ это время случайно находился я и многіе другіе, какъ англичане, такъ и русскіе; въ числѣ насъ былъ полковникъ англійской службы Губтонъ, близкій къ принцу-регенту, который хотѣлъ намъ выказать, вѣроятно, что все это не стоитъ вниманія; онъ выступилъ на балконъ въ шляпѣ на головѣ. Эта поза не понравилась народу, и тысячи голосовъ начали кричать: «*долой шляпу*»! и Губтонъ, чтобъ не навлечь на себя и на насъ града каменьевъ, долженъ былъ снять шляпу и вмѣсто выходки, какъ бы пренебрежительной къ черни, долженъ былъ повиноваться святой ея волѣ.

Пренія о *Corn-bill*'ѣ продолжались нѣсколько дней, и всегда во время нихъ передъ парламентомъ собирались массы народныя съ крикомъ: «*Bread or blood*», но пренія шли своимъ чередомъ и порядкомъ, а лазутчики

народные сообщали, кто за и кто противъ Corn-bill'я говоритъ. Но разъ узнали, что толпа народа сбирается сдѣлать одному противнику Corn-bill'я непріятную встрѣчу, и распорядились его домъ внутри охранить военнымъ карауломъ. Противникъ Corn-bill'я, защищавшій невпускъ зернового хлѣба въ Англію, возвращаясь домой, былъ узнанъ, и толпа народа, собравшаяся противъ его дома, готова была ему нанести оскорбленія и, какъ это дѣлается въ Англіи, выказать свое негодованіе, перебивъ окошки дома. При подъѣздѣ кареты къ дому, изъ мѣръ предосторожности, военная команда, впущенная въ домъ, вышла навстрѣчу для защиты хозяина. Но онъ, увидавъ это, громогласно сказалъ: «Господа военные, англичанинъ находится подъ защитою законовъ, и ему ненужно пособіе штыковъ, прошу васъ не имѣть попеченія о моемъ охраненіи». Эти слова такъ сильно подѣйствовали на массы народа, что вмѣсто знаковъ и дѣйствій негодованія, народъ ему отвѣчалъ громкими рукоплесканіями и затѣмъ тихо, по одиночкѣ разошелся. Хвала тому краю, гдѣ есть убѣжденіе въ такой силѣ законовъ.

Какъ я выше сказалъ, при объявленіи Mutiney-bill'я введено было усиленіе войскъ въ Лондонѣ, но этотъ родъ военнаго положенія, къ чести правительства, ничего не измѣнилъ въ личной свободѣ каждаго, а только разсѣивалъ скопища и то не оружіемъ, а просто разъѣздами конныхъ патрулей, которые, напирая грудью лошадей на собравшихся, разсѣивали ихъ. Ругательства черни войску нимало не выводили оное изъ терпѣнья, при отбоѣ же черни не словами, а дѣломъ войско имѣло право дѣйствовать оружіемъ, но сколько мнѣ извѣстно, ни разу не случилось въ томъ нужды.

Другая личность, о которой я упомянулъ—это былъ сэръ Робертъ Вильсонъ. Разъ, шедши по *Пэль-Мэлъ* (мѣстность Лондонская), я слышу голосъ, мнѣ

кричащій: «Wolkonsky, Wolkonsky»! и обернувшись, увидѣлъ сэра Роберта Вильсона. Сойдясь со мною, онъ мнѣ сказалъ: «Savez vous la grande nouvelle, чортова кукла a débarqué en France *)». Я сейчасъ вспомнилъ, что онъ во время своего пребыванія въ русской арміи такъ называлъ Наполеона. Это въ то время непонятное, вовсе неожиданное происшествіе вскорѣ было подтверждено газетами, и, хоть я не зналъ англійскаго языка, но по наименованію городовъ уже видѣлъ, что Наполеонъ быстрыми шагами шелъ впередъ. Убѣдившись, что онъ уже занялъ Ліонъ, я возымѣлъ желаніе быть свидѣтелемъ этихъ событій и рѣшилъ ѣхать въ Парижъ.

Отъѣздъ мой и все происшедшее послѣ него опишу въ статьѣ о сношеніяхъ моихъ съ графомъ Ливеномъ, а здѣсь я буду продолжать описывать то, чему я былъ свидѣтелемъ уже по возвращеніи изъ Франціи опять въ Англію. Само собою разумѣется, что возвращеніе Наполеона и принятіе имъ опять браздовъ правленія сильно подѣйствовало на политическія партіи Англіи, смотря по направленію оныхъ.

Оппозиція старалась воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ свергнуть министерство, и искала свѣдѣній для обсужденія обстоятельствъ, и тутъ сэръ Робертъ Вильсонъ, состоя въ оппозиціонной партіи, предложилъ мнѣ познакомить меня съ лордомъ Греемъ, съ лордомъ Лаудерделемъ, съ лордомъ Лаунсдономъ, все членами оппозиціи. Этотъ кругъ тогдашнихъ знаменитостей и входъ къ нимъ не могъ не заинтересовать меня, и я поддался на его предложеніе. Быть слушателемъ ихъ сужденій, имѣть чрезъ нихъ способъ къ входу въ парламентъ при обстоятельствахъ, столь замѣчательныхъ, все это увлекло меня на это знакомство. Бывъ

*) Знаете ли Вы великую новость—чортова кукла уже высадилась на берегъ Франціи.

приглашенъ на обѣды, я, однакожъ, замѣтилъ, что учтивость этихъ господъ ко мнѣ имѣла еще другую цѣль— это вывѣдать отъ меня свѣдѣнія о состояніи нашей арміи, о большей или меньшей возможности скоро придти къ границамъ Франціи, о намѣреніяхъ нашего правительства при предстоящей борьбѣ и объ общемъ мнѣніи моихъ соотечественниковъ по вновь возникающимъ вопросамъ. Имѣя въ виду, что всякое слово, мною сказанное, не только будетъ моими слушателями принято въ соображеніе, но того и смотри, что передано будетъ во всеуслышаніе въ парламентѣ, я, чтобъ не отвѣчать передъ Государемъ за болтовню, былъ очень остороженъ, такъ что не попался въ устроенную не противъ меня, а противъ долга моего, ловушку, и удачно такъ отыгрался, что, и не выказавъ боязни передъ ними и не вполнѣ отвѣчая на ихъ ожиданія, я, въ то же время сохранилъ ихъ расположеніе и успѣлъ чрезъ нихъ не разъ имѣть входъ въ засѣданіе парламента.

Въ одно изъ этихъ посѣщеній слышалъ я большіе упреки брату моему Репнину *), который былъ со времени Лейпцигской битвы правителемъ Саксоніи, и въ то время сдавалъ часть этого королевства, по рѣшенію Вѣнскаго конгресса, во владѣніе Пруссіи.

Теперь обращусь къ сношеніямъ моимъ съ графомъ Ливеномъ, который оказывалъ мнѣ расположеніе. Чрезъ него я былъ представленъ принцу-регенту. При этомъ представленіи былъ я свидѣтелемъ двухъ особенностей, которыя остались живы въ моей памяти: это пріемъ принцемъ-регентомъ депутаціи отъ квакеровъ и представленіе ему сэра Роберта Вильсона. Квакеры, по ихъ религіозному убѣжденію, не снимаютъ шляпъ въ честь земныхъ владыкъ; какъ-же этотъ обычай

*) Князь Николай Григорьевичъ.

сохранить при представленіи правителю края? А вотъ какъ: когда квакеры входили въ пріемную къ Царю, то, при пропускѣ ихъ въ дверь, *les huissiers* *) снимали съ нихъ шляпы, а при выходѣ послѣ представленія тѣ же *les huissiers* эти шляпы надѣвали имъ на головы, такъ что они сами не снимали шляпъ, а представлялись королю съ обнаженными головами.

Представленіе же сэра Роберта Вильсона также имѣло, по крайней мѣрѣ, для меня замѣчательную особенность. Всякій англичанинъ обязанъ при представленіи цѣловать руку у короля, ставъ при этомъ на одно колѣно et sous la garde des huissiers de la verge noire— qui les agittent sur le récipiandaire. C'est ainsi que j'ai vu sir Robert Wilson un genou à terre, baisant la main du prince-Régent— et quelques quarts d'heures après, comme membre de l'opposition, fulminer contre le gouvernement existant. Singulier amalgame des coutumes du moyen âge avec la liberté conquise par la grande charte et après.

Maintenant c'est du comte Liewen que je vais parler et de moi un peu. Notre ambassadeur menait grand train d'existence; son épouse, femme du monde et d'esprit, rendait leur salon la réunion de la crême fashionable et gouvernementale de Londres. J'ai assisté plus d'une fois à ces réunions, où le genre anglais du mode d'existeuce et de récéption était textuellement accepté. Comme je l'ai dit plus haut, après avoir appris les premiers succès de Napoléon, l'événement par lui-même, sa marche triomphante, acclamée par les populations, les trouppes passant à lui à Grenoble, à Lyon, les conséquences, que tout cela pouvait amener, me portèrent à la décision d'en être témoin oculaire, et parsuite je me présente un beau matin chez notre ambassadeur et le prie de viser mon passeport pour la France. Je vois le comte, tout stupéfait de ma demande, ouvrir de grands yeux et finalement me dire: «Mais que voulez-vous faire, mon prince, tous les étrangers de quelque nation qu'ils soient quittent la France, vu

*) Придверники.

les événements qui se passent, et vous voulez y aller». Je lui répondis: «Monsieur le comte! cette fuite est peut être la raison pour laquelle j'y vais; ces événements sont dignes d'être étudiés pour moi même et pour le service de Sa Majesté l'Empereur, et moi, comme particulier, j'en aurai toute facilité. Je les étudierai, de quelque côté que la fortune ne penche». Lui me répondit: «Mais songez-vous, mon prince, aux conséquences que cela peut amener et du jugement, qu'en portera Sa Majesté l'Empereur qui probablement ne sera pas favorable pour vous»? Je lui répondis alors: «Monsieur le comte, je crois pouvoir être utile à Sa Majesté, recueillir des données, il faut espérer qu'il y aura lutte, je suivrai la cour royale,—et finalement je dis au comte: mon parti est pris, je partirai pour la France et ne m'en voulez pas, monsieur le comte, si je vous observe que je suis en Angleterre, et que votre signature n'est pas necessaire pour moi, par droit de voyageur, mais qu'entrant en France sans passeport légalisé par vous, je serais mis en doute sur ma position, et je pourrais être considéré comme suspect, et moi, général au service de Sa Majesté, je pourrais être soumis à des poursuites qui porteraient atteinte à l'uniforme russe». Après cette tirade, qui lui prouvait que mon parti était pris, le comte me dit: «Eh bien, prince, vous êtes si tenace dans votre détermination malgré tout ce que je vous expose, que je signerai votre passeport, mais sachez, mon prince, que je ferai mon rapport à Sa Majesté que j'ai mis en oeuvre toute mon éloquence à vous dissuader de votre détermination et, si cela vous amène des désagréments, vous ne pourrez pas me les reprocher.

J'ai sû plus tard que l'Empereur Alexandre, apprenant mon départ, avait dit: «Je conçois que M-r Serge (c'est ainsi qu'il me nommait pour me distinguer des autres personnes de ma famille qui formaient sa, cour militaire) ait voulu voir ce qui se passe en France, mais si avec sa tête un peu trop près du bonnet, il se charge d'une mission de Napoléon près de moi *) прямо—въ Петропавловскую

*) И подъ присмотромъ привратниковъ съ черными прутьями, которыми они шевелятъ надъ представляющимся. Точно также я увидалъ и сэра Роберта Вильсона, преклонившимъ колѣно и цѣлующимъ руку принца-регента, а черезъ нѣсколько времени, какъ члена оппозиціи, гремящимъ противъ существую-

крѣпость». Какъ не замѣтить, что хоть не по этому обстоятельству, но гораздо позже и по другой причинѣ, я не избѣгнулъ этого почетнаго помѣщенія, и съ послѣдствіями, болѣе значительными для всего моего быта.

щаго правительства. Странное смѣшеніе обычаевъ среднихъ вѣковъ съ свободою, завоеванной Великой хартіей и послѣ нея.

Теперь я буду говорить о графѣ Ливенѣ и немного о себѣ. Нашъ посланникъ жилъ очень открыто, а его жена, свѣтская и умная женщина, сдѣлала свой салонъ собраніемъ сливокъ Лондонскаго общества. Я былъ нѣсколько разъ на этихъ собраніяхъ, на которыхъ строго придерживались англійскихъ обычаевъ пріемовъ. Какъ я выше сказалъ, когда я узналъ о первыхъ успѣхахъ Наполеона, это событіе само по себѣ, торжественное шествіе Наполеона, привѣтствуемое народомъ, переходъ къ нему войскъ въ Греноблѣ и Ліонѣ и могущія быть отъ этого послѣдствія, возбудили во мнѣ желаніе быть личнымъ свидѣтелемъ всего этого, и вслѣдствіе того, въ одно прекрасное утро я явился къ нашему посланнику и сталъ просить его подписать мой паспортъ для отъѣзда во Францію. Графъ былъ пораженъ моей просьбой, широко открылъ глаза и, наконецъ, сказалъ мнѣ: «Но что вы хотите дѣлать, князь? иностранцы всѣхъ націй уѣзжаютъ изъ Франціи, въ виду происходящихъ тамъ событій, а вы хотите туда ѣхать»! Я ему отвѣтилъ: «Графъ, это бѣгство, можетъ быть, и есть причина, по которой я ѣду; эти событія стоютъ того, чтобы ихъ изучить для себя лично и для службы Государю Императору; мнѣ, какъ частному человѣку, это будетъ легко. Я изучу все это, на какую бы сторону ни клонилась удача». Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Но подумайте, князь, какія это можетъ навлечь на васъ послѣдствія, подумайте о взглядѣ на это Государя Императора, который, вѣроятно, не будетъ благопріятенъ для васъ». Тогда я ему отвѣтилъ: «Графъ, я думаю, что могу быть полезенъ Его Величеству, собравъ данныя; надо надѣяться, что будетъ борьба; я послѣдую за королевскимъ дворомъ и, наконецъ,—я уже рѣшился,—я поѣду во Францію, и не сердитесь на меня, графъ, если я вамъ замѣчу, что я въ Англіи, и что ваша подпись не необходима для меня по праву путешественниковъ; но, пріѣхавъ во Францію безъ засвидѣтельствованнаго вами паспорта, я подвергнусь сомнѣнію насчетъ моего положенія и меня могутъ счесть подозрительнымъ, и я, генералъ, состоящій на службѣ Его Величества, могу быть подвергнутъ преслѣдованію, которое можетъ задѣть русскій мундиръ». Послѣ этой тирады, которая доказывала ему, что я рѣшился, графъ сказалъ мнѣ: «Ну, князь, вы такъ упорны въ своемъ рѣшеніи, несмотря на все, что я вамъ изъясняю, что я подпишу вашъ паспортъ, но знайте, князь, что я доложу Государю, что я употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить васъ измѣнить ваше рѣшеніе, и если это навлечетъ на васъ непріятности, на меня не пеняйте».

Позднѣе я узналъ, что Императоръ Александръ, узнавъ о моемъ отъѣздѣ, сказалъ: «Я понимаю, что М-г Serge (такъ онъ меня называлъ въ отличіе отъ другихъ членовъ нашей фамиліи, которые входили въ составъ его свиты) захотѣлъ видѣть то, что происходитъ во Франціи; но если онъ со своей увлекающейся головой возьметъ на себя какое-нибудь порученіе отъ Наполеона ко мнѣ, то его прямо въ Петропавловскую крѣпость».

XLI.

Возвращеніе въ Парижъ. — Присяга принцевъ хартіи Людовика XVIII. — Смотръ на Марсовомъ полѣ.—Прокламація Людовика XVIII.—Бѣгство королевской фамиліи. — Возвращеніе Наполеона. — Народный восторгъ.—Смотръ Наполеономъ старой гвардіи.—Хлопоты о выѣздѣ изъ Парижа.—Отъѣздъ въ Англію.

Получивъ паспортъ, я безъ замедленія пустился въ путь; на другой же день ступилъ пятой на материкъ Франціи, и затѣмъ—въ Парижъ. На пути я встрѣтилъ многихъ соотечественниковъ, оставляющихъ Францію изъ опасенія могущихъ быть безпорядковъ, которые всѣ считали неминуемыми, но я все таки продолжалъ путь и при весьма поспѣшномъ переѣздѣ достигъ до Парижа.

Волненіе въ ономъ приняло уже пространный объемъ. Переходъ Нея со всѣмъ его войскомъ уже обрисовывалъ точное положеніе Бурбоновъ, и хоть не гласно, но уже принимались предварительныя мѣры къ ихъ бѣгству. Я пріѣхалъ въ Парижъ наканунѣ того дня, въ который принцы королевской фамиліи, въ созванной тогда на-скоро палатѣ депутатовъ, рѣшились присягнуть хартіи, дарованной Людовикомъ XVIII при возвращеніи во Францію послѣ Фонтенблоскаго отреченія. До

того времени, несмотря на присягу короля соблюдать хартію, принцы первой линіи противились дать эту присягу. Тутъ-же они на это рѣшились, полагая, что этой мѣрой они какъ-бы сроднятся съ народомъ. Но эта комедія никого не обманула, какъ мы вскорѣ это увидимъ. Само собою разумѣется, что пріѣхавъ въ Парижъ, чтобъ слѣдить за возрождающимися обстоятельствами политическими, я сильно интересовался ежедневными событіями, и зная, что въ засѣданіи палаты депутатовъ принцы будутъ присягать хартіи, поспѣшилъ къ зданію палаты депутатовъ, чтобъ попытаться войти въ оную. Тутъ я встрѣтилъ знакомаго мнѣ по встрѣчѣ у герцогини Сентъ-Лё французскаго дипломатическаго чиновника Latour Maubour, который, какъ депутатъ, имѣлъ право впустить меня. Принцы дали присягу хартіи и, хоть партія роялистовъ старалась рукоплесканіями придать этому факту великое значеніе, но глубокое молчаніе нѣкоторыхъ членовъ народной партіи и, можно сказать, еще вящее молчаніе скопища народа, собравшагося внѣ зданія, давало всей этой продѣлкѣ не торжественный, а скорѣе погребальный видъ.

На другой день, сколько мнѣ помнится, былъ смотръ на Марсовомъ полѣ дворянской гвардіи королевской, называемой *les quatre compagnies nobles* *). Я на этотъ смотръ отправился въ кабріолетѣ и имѣлъ спутникомъ Кравцова, безногаго. Надо сказать, что составъ этой гвардіи былъ на странныхъ основаніяхъ. Каждая рота состояла изъ 1.000 человѣкъ, а лошадей было на роту только 250, можетъ, я ошибаюсь въ цыфрахъ, но не въ отношеніи числа человѣкъ къ числу лошадей. Причисленіе въ эти роты сопряжено было съ значительнымъ жалованьемъ, и поэтому вся голь прежней эмиграціи туда наперерывъ поступала. Служба ихъ была двор-

*) Четыре благородныхъ компаніи.

цовая, очередная, болѣе почетная. Но какъ въ настоящемъ случаѣ это странное войско предназначалось для защиты, то со всѣхъ сторонъ Франціи наплывали эти престарѣлыя чучела, по виду прямые донкихоты, которыхъ народъ не иначе называлъ, какъ *les voltigeurs de Louis XV**), и, чтобъ показать свое рвеніе, они спѣшили возсѣсть на коней, причемъ тутъ не было соблюдаемо ни ранжира, ни пригонки стремянъ, однимъ словомъ, это было не войско, а Богъ вѣсть, что за комическій сбродъ. Но кое-какъ они выстроились, наконецъ; Людовикъ XVIII объѣхалъ ихъ, сидя въ каретѣ, и потомъ проѣхалъ мимо народа, скопившагося на Марсовомъ полѣ. Народъ принялъ его молчаливо, и равнодушно, и только мы съ Кравцовымъ весьма неосторожно закричали: «Vive le roi!» полагая, что звуки нашего возгласа сольются съ возгласами народа, но наши два голоса одиноко раздались, что насъ поставило въ затруднительное положеніе и заставило поспѣшно убраться.

Въ этотъ день была отъ короля прокламація: qu'il s'enterrerait sous les décombres de Paris, qu'il déffendrait contre l'usurpateur et appelait tous ses fidèles sujets à être prêts pour la déffense du *trône et de l'autel* **). Но этимъ лишь маскировалось настоящее намѣреніе къ побѣгу и, хотя было объявленіе, что 18 марта будетъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ *un lever royal*, съ ночи 18-го на 19-ое, сколько упомню, король и вся королевская фамилія, въ сопровожденіи этой почетной гвардіи и нѣкоторыхъ войскъ, оставшихся вѣрными королю, направили путь на Lille къ границамъ Бельгіи.

Какъ скоро бѣгство короля стало извѣстно, Lavallette, бывшій главно-управляющій почтовымъ вѣдомствомъ,

---

*) Волтижеры Людовика XV.

**) Что онъ готовъ пасть подъ развалинами Парижа, защищая его отъ узурпатора, и призываетъ всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ быть готовыми къ защитѣ трона и алтаря.

принялъ бразды правленія этого вѣдомства самовластно, чтобъ имѣть возможность направлять всѣ сношенія со всей внутренностью Франціи. И того-же 19-го марта вздернутъ былъ надъ Тюльерійскимъ дворцомъ, взамѣнъ бѣлаго флага королевскаго, ненавидимаго французами, трехъ-цвѣтный имперскій, столь близкій сердцамъ новой Франціи и напоминающій каждому эпоху политическаго возрожденія страны и столь великихъ подвиговъ и славы войска.

Это было суточное междуцарствіе, хотя таковымъ его нельзя назвать, потому что силою обстоятельствъ все уже приняло прежній имперскій бытъ, и все уже совершенно измѣнилось съ пріѣздомъ просто на почтовыхъ съ малымъ конвоемъ Наполеона 20-го марта. Я цѣлый день на площади Карусель ждалъ его проѣзда изъ любопытства, но, какъ смерклось, удалился изъ глупой какой-то осторожности, полагая, что можетъ быть une effervessence populaire *), но потомъ мнѣ разсказывали, что при пріѣздѣ въ Тюльери Наполеонъ былъ вынесенъ и внесенъ на рукахъ при громогласныхъ восклицаніяхъ во дворецъ.

На другой день я поспѣшилъ въ Тюльерійскій садъ рано утромъ, и поэтому могъ занять мѣсто подъ самыми окошками занимаемыхъ Наполеономъ комнатъ, и какъ эти комнаты были au rez de chaussée, то все происходящее внутри могъ я видѣть совершенно отчетливо.

Къ утреннему пріему въ передовыхъ комнатахъ собрались всѣ начальствующіе разныхъ категорій управленій, но первымъ допущенъ къ представленію былъ l' Institut de France, и какъ при этомъ не сказать, что Наполеонъ понималъ свой вѣкъ, показавъ этимъ предпочтеніемъ главныхъ представителей ученой Франціи, что

*) Народный бунтъ.

заслуга ума есть даровитость не сословная, а національная!

Я потомъ не разъ ходилъ къ Тюльерійскому дворцу, передъ которымъ ежедневно толпился народъ, и какъ les gamins de Paris *) умѣютъ изъ всего вынести себѣ барышъ, то вспоминаю ихъ тогдашнія продѣлки, и вотъ что я слышалъ собственными ушами: «Qui veut voir l' Empereur? l'Empereur pour trois sous! **)» и, получивъ отъ нѣсколькихъ лицъ эту плату, gamins эти начинаютъ crier à tue-tête: «Vive l'Empereur! Vive le roi de Rome! Vive le général Bertrand! ***)» и до тѣхъ поръ не перестаютъ кричать, пока Наполеонъ не выйдетъ на балконъ. Такъ какъ крики этихъ gamins сливались съ восторженными криками народа, то Наполеонъ выходилъ на балконъ и всегда въ сопровожденіи Бертрана, этого преданнаго друга, оставшагося вѣрнымъ ему и въ безславіи Эльбы, и потомъ—въ жестокомъ изгнаніи на островѣ святой Елены. Я ежедневно и по нѣсколько разъ ходилъ передъ Тюльери и всегда видѣлъ тотъ же народный восторгъ и передъ дворцомъ, и во всѣхъ общественныхъ сходкахъ.

Разъ я шелъ по бульвару des Italiens съ повѣреннымъ нашихъ дѣлъ Бутягинымъ (который съ возвращеніемъ въ Парижъ Наполеона не почиталъ себя агентомъ отъ своего правительства); прогуливаясь по бульвару, мы встрѣчаемъ Лабедойера, извѣстнаго въ эту эпоху переходомъ съ командуемымъ имъ полкомъ къ Наполеону въ Гренобле. Я съ нимъ встрѣчался у герцогини Сентъ-Лё, а съ Бутягинымъ онъ былъ и давно знакомъ и друженъ. При встрѣчѣ съ нами, онъ сказалъ: «Que direz vous, messieurs, des événements du jour? de l'enthousiasme national pour l'Empereur? Je suis pour quelque chose

*) Парижскіе мальчики.

**) Кто хочетъ видѣть Императора? Императоръ за 3 копѣйки.

***) Кричать во все горло: Да здравствуетъ Императоръ, да здравствуетъ римскій король, да здравствуетъ Бертранъ.

dans ce retour, mais je puis vous assurer que si l'Empereur tentait à redevenir de nouveau le tyran de la France, je serais le premier à lui donner un coup de poignard *)». Это я сообщаю, какъ доказательство чистоты чувствъ этого лица, вскорѣ падшаго жертвою за то, что съ нимъ раздѣляла вся Франція.

Передъ послѣднимъ днемъ моего пребыванія въ Парижѣ въ эту эпоху, я присутствовалъ на смотрѣ Наполеономъ прибывшей въ Парижъ изъ Меца старой гвардіи, примкнувшихъ къ ней гвардейцевъ, прибывшихъ съ Эльбы съ Наполеономъ, и оттуда же прибывшаго эскадрона польскихъ уланъ, сопровождавшихъ Наполеона на островъ Эльбу. Живо мнѣ помнится это зрѣлище: войска были поставлены сомкнутой колонной—пѣхота между рѣшеткой тюльерійской и дворцомъ, а кавалерія и пѣхота на площади за рѣшеткой; толпа народа стояла по овую сторону рѣшетки. Эти воины, оставшіеся обломки войскъ, прославившихся столь многочисленными побѣдами и столь рѣдкими пораженіями, невольно возбуждали во мнѣ должное къ нимъ уваженіе. Вскорѣ послѣ устройства войскъ, вышелъ со свитой Наполеонъ и сѣлъ на коня. Едва завидѣли его, какъ громогласный общій гулъ съ неописаннымъ увлеченіемъ потрясъ воздухъ восклицаніями: Vive l'Empereur, а гвардейцы, наткнувъ свои медвѣжьи шапки на ружья, какъ бы въ одинъ темпъ, но безъ командnаго слова, волновали ими воздухъ. Этотъ знакъ восторженности, этотъ гулъ преданности не можетъ быть достойно описанъ, а на меня произвелъ очаровательное впечатлѣніе; но вскорѣ войска стали опять въ стройную позицію, и Наполеонъ со свитою верхомъ началъ проѣзжать по шеренгамъ ша-

*) Что скажете вы, господа, о современныхъ обстоятельствахъ, о народномъ энтузіазмѣ къ Императору? Я тоже участвовалъ немного въ этомъ возвращеніи, но я могу васъ увѣрить, что если Императоръ вздумаетъ сдѣлаться опять тираномъ Франціи, я первый его убью.

гомъ, причемъ шеренга, которую онъ проѣхалъ, подвигалась впередъ, а императоръ проѣзжалъ слѣдующую и такъ далѣе. Во время этого проѣзда по шеренгамъ часто изъ шеренги выходили солдаты и, взявъ ружья съ караула на плечо и потомъ сдѣлавъ опять на караулъ, представляли Императору прошеніе, которое онъ самъ принималъ и передавалъ дежурному адъютанту и, какъ прежде, такъ и теперь, на другой день по поданнымъ прошеніямъ проситель всегда получалъ отвѣтъ удовлетворительный или отказъ, смотря по обсужденію самимъ Императоромъ просьбы. Такимъ образомъ, Наполеонъ проѣхалъ всѣ шеренги и, наконецъ, проѣхалъ мимо рѣшетки, за которою стоялъ народъ и я въ томъ счету. Онъ проѣхалъ шагомъ и, по обычаю своему, малымъ нагибомъ головы кланялся народу, который ему отвѣчалъ громкими возгласами. Я, заглядѣвшись на него, позабылъ снять шляпу, какъ вдругъ услышалъ около себя крикъ: «M-r l'étranger, à bas le chapeau *)», что я и сдѣлалъ. Вообще всѣ приверженцы Наполеона надѣвали тогда un bouquet de violettes à leurs boutonnières **), что сдѣлалъ также и я, чтобъ не быть узнаннымъ, однако, это не помѣшало имъ не признать меня за соотечественника. Если бы кто-нибудь возымѣлъ намѣреніе покуситься на жизнь Императора, то здѣсь очень легко можно было бы это исполнить, но, кромѣ общаго восторга, я ничего не видѣлъ, не слышалъ. Оговорюсь, однакожъ: когда проѣзжалъ Наполеонъ, то какой-то изъ присутствующихъ, хоть не во весь голосъ, но такъ, что я могъ слышать, сказалъ: «Tout ce qu'on voit ici, fait verser des larmes de sang» ***). Этотъ человѣкъ былъ въ простонародной голубой рубашкѣ (blouse), но по изысканному его разсужденію полагаю, что это былъ пере-

*) Господинъ иностранецъ, снимите шляпу.

**) Букетъ фіалокъ въ бутоньеркахъ.

***) Все, что здѣсь видишь, заставляетъ проливать кровавыя слезы.

одѣтый легитимистъ. Во все время восьмидневнаго пребыванія моего въ Парижѣ, я слышалъ только это слово, не соотвѣтствующее общему восторгу.

Этимъ я закончу разсказъ мой объ этой эпохѣ, а всякому, желающему имѣть вѣрное понятіе *о ста днях*ъ, совѣтую взять описаніе *Des cent jours, par* Fleuri de Chaboulong, кажется, камердинера Наполеона, и по совѣсти скажу, что тѣ восемь дней, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, разсказаны точно.

Послѣ описанія обстоятельствъ, столь замѣчательныхъ, я поневолѣ долженъ сказать нѣсколько словъ и о себѣ.

При новомъ оборотѣ дѣлъ, по случаю возвращенія Наполеона съ Эльбы, мнѣ оставаться въ Парижѣ, какъ служебному лицу, значило — подвергнуть себя отвѣтственности, въ чемъ я еще болѣе убѣдился изъ словъ россійскаго повѣреннаго по дѣламъ Франціи, Бутягина. На просьбу мою, чтобъ онъ заявилъ мой паспортъ въ посольствѣ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что званіе его прекращается при перемѣнѣ образа правительства, и поэтому онъ не можетъ удовлетворить моей просьбы.

Это меня понудило прямо обратиться во французское министерство иностранныхъ дѣлъ съ просьбою заявить на моемъ паспортѣ право выѣзда. Я самъ пошелъ въ министерство и объявилъ о своемъ желаніи; мнѣ отвѣчали: «Nous sommes si occupés pour délivrer les passeports aux émigrés qui ne sont pas en légalité pour leur séjour en France, que nous vous prions de passer dans trois jours» *). Не знаю,—была-ли это уловка, чтобъ получить разрѣшеніе на исполненіе моей просьбы, или отговорка была справедливая, но что клонитъ меня къ первому мнѣнію это то, что на другой же день послѣ моего посѣщенія министер-

*) Мы такъ заняты паспортами эмигрантовъ, которые незаконно проживаютъ во Франціи, что мы васъ просимъ придти черезъ три дня.

ства я получилъ приглашеніе de la part de m-lle Cochelet, о которой я уже говорилъ, посѣтить ее. На ея зовъ я явился къ ней, и вотъ что она мнѣ сказала: «L'Empereur a appris que vous désirez sortir de France, vous en êtes le maître; mais il a chargé la reine Hortense de vous assurer qu 'il ne suppose pas une conflagration entre les puissances, réunies au congrès de Vienne, et lui, mais en cas même que cela ait lieu, les étrangers pourraient même alors sortir de France sans la moindre difficulté. Je suis chargé de vous en prévenir de la part de la reine qui le fait au nom de l'Empereur *).

Поблагодаривъ m-lle Cochelet и попросивъ ее передать мою благодарность и королевѣ, я увѣрилъ ее, что частныя мои обстоятельства понуждаютъ меня выѣхать, но что я истинно признателенъ за соучастіе ко мнѣ. Въ назначенный день я опять пошелъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, и по моей просьбѣ было отмѣчено на моемъ паспортѣ право выѣзда изъ Франціи; но было дано распоряженіе всѣмъ ѣхавшимъ въ Англію (а это былъ и мой путь) не иначе ѣхать, какъ на Діэппъ, а по материку Европы—на Базель. Это распоряженіе имѣло основаніемъ отдалить иностранцевъ отъ соглядания движенія войскъ къ границамъ Бельгіи, Германіи и Италіи.

Итакъ, мой выѣздъ былъ рѣшенъ, и я вывезъ съ собою находящихся по службѣ въ Парижѣ при больныхъ русскихъ чинахъ военныхъ, еще оставшихся во Франціи, доктора Арендта, потомъ столь знаменитаго по своему званію, преображенскаго полка поручика Хвощинскаго, семеновскаго—Буйницкаго и еще, не помню какой фамиліи, оберъ-офицера Измайловскаго полка,

*) Императоръ узналъ, что вы хотите выѣхать изъ Франціи; это въ вашей волѣ; но онъ поручилъ королевѣ Гортензіи увѣрить васъ, что онъ не предполагаетъ, чтобы между властителями, собравшимися на Вѣнскомъ конгрессѣ, и имъ было сильное столкновеніе; но если бы даже это и было, иностранцы и тогда могли бы выѣзжать изъ Франціи безъ малѣйшихъ затрудненій. Королева поручила мнѣ отъ имени Императора предупредить васъ объ этомъ.

которыхъ, по прибытіи въ Лондонъ, я отправилъ въ Петербургъ, имѣя на выѣздъ русскихъ военныхъ чиновниковъ временныя деньги отъ кн. П. М. Волконскаго.

Пріѣхавъ въ Діэппъ, я взялъ мѣста на пассажирскомъ англійскомъ суднѣ для себя, для выше означенныхъ лицъ и еще для одной родственницы Александры Петровны Жеребцовой, которая поручила мнѣ вывезти ее изъ Парижа.

Здѣсь я долженъ засвидѣтельствовать, что видѣлъ ту же восторженность къ Наполеону, поразившую меня въ парижскомъ населеніи, на всемъ моемъ пути (тогда еще не было желѣзныхъ дорогъ, по которымъ мчишься безъ сообщенія съ народомъ) и въ самомъ городѣ Діэппѣ.

Мы сѣли на пакетботъ и вышли изъ порта при погодѣ довольно бурной и при ночной темнотѣ, и насъ немилосердно качало; тогда еще не ходили пароходы, и при этой темнотѣ чуть-чуть не столкнулся нашъ пакетботъ съ военнымъ англійскимъ кораблемъ; и этотъ корабль былъ Беларофонъ, тотъ самый, который послѣ Ватерло плѣнилъ Наполеона, при попыткѣ его уѣхать въ Америку.

Поспѣшность Англіи выслать крейсеровъ и наблюдать за морскими берегами Франціи, не теряя времени, доказываетъ, какъ возвратъ Наполеона во Францію не былъ по вкусу принцу-регенту и министерству.

Плаваніе наше продолжалось менѣе сутокъ, но закачало насъ всѣхъ вволю, всѣ лежали больными и при мнѣ бывшая лягавая собака тоже. Намъ еще не былъ виденъ берегъ, какъ вдругъ мой песъ сталъ веселѣе, сталъ ласкаться около меня, и на мое удивленіе отъ происшедшей въ немъ перемѣны, мнѣ моряки сказали, что мы, вѣроятно, близко къ берегу: собаки чутьемъ это чувствуютъ; и точно, вскорѣ намъ открылся берегъ Англіи, и мы причалили въ Брейтонъ.

XLII.

На англійской таможнѣ.—Члены парламентской оппозиціи.—Изъ Лондона во Франкфуртъ.—Путевыя впечатлѣнія.—Общее состояніе умовъ и чувствъ въ Германіи.—Во Франкфуртѣ.—Вступленіе русскихъ войскъ во Франкфуртъ.—Назначеніе начальникомъ штаба при корпусѣ Винценгероде.—Пребываніе главной квартиры въ Гейдельбергѣ.—Пораженіе арміи Блюхера при Флерюсѣ.—Извѣстіе о битвѣ при Ватерло.

При вступленіи нашемъ на берегъ, мы подверглись тѣмъ же придиркамъ таможенныхъ чиновниковъ, о которыхъ я говорилъ при описаніи моей первой поѣздки въ Англію; но уже по опыту я зналъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться. При осмотрѣ моихъ вещей не могло выдти никакой придирки, но у меня были брилліантовые уборы, принадлежавшіе Жеребцовой и данные ею мнѣ, чтобъ вывезти изъ Парижа, и съ ними могла произойти задержка, но вотъ что я сдѣлалъ. Еще въ Парижѣ, я запечаталъ такъ называемый *écrin* съ ея драгоцѣнностями въ конвертъ съ печатью моей фамиліи, но какъ въ моей печати орелъ и ангелъ, то я увѣрилъ таможенныхъ чиновниковъ, что это пакетъ изъ русскаго посольства, въ чемъ могутъ удостовѣриться по адресу, и печать моя будто-бы печать государственная.

Моя шутка удалась вполнѣ, и, къ крайнему моему удовольствію, я безнаказанно провезъ значительной цѣнности брилліанты и вручилъ ихъ владѣтельницѣ. Прибывъ въ Лондонъ, я узналъ о всемъ томъ, что рѣшено было на Вѣнскомъ конгрессѣ относительно Наполеона и Франціи, узналъ о движеніи нашихъ войскъ и, разсчитавъ время прихода ихъ къ Рейну, остался въ Лондонѣ съ тѣмъ, чтобъ выѣхать уже къ тому времени, когда арміи соберутся. Это пребываніе продолжалось съ мѣсяцъ и болѣе, кажется, и время было занимательное и по ежедневнымъ извѣстіямъ съ материка европейскаго, и по преніямъ въ обѣихъ палатахъ.

Припомню нѣкоторыя обстоятельства, лично до меня относящіяся, хоть и не замѣчательныя, но для меня памятныя.

Старый мой знакомый, сэръ Робертъ Вильсонъ, принадлежавшій тогда къ оппозиціи, часто меня посѣщалъ и старался вывѣдать подробности, относящіяся до войскъ русскихъ, и въ этомъ, я полагаю, предположеніи привозилъ мнѣ зовы на обѣды къ главнымъ членамъ тогдашней оппозиціи: лорду Грею, лорду Лаунсдону и лорду Лаудерделю. Я поддавался на эти зовы изъ приличія, учтивости, но программа моихъ сообщеній на дѣлаемые мнѣ вопросы была заранѣе мною приготовлена, такъ что я ничего болѣе не сообщалъ, какъ то, что извѣстно было изъ оффиціальныхъ источниковъ. Эти мѣры были необходимы для охраненія себя, а не то, такъ и смотри, что брякнутъ мое имя и мои слова въ жару какого-либо публичнаго пренія, а тогда мнѣ отвѣчать предъ Александромъ Павловичемъ.

Помню, что разъ, бывши на засѣданіи палаты перовъ, я слышалъ ужасныя нападки членовъ оппозиціи на дѣйствія брата моего Репнина при сдачѣ отторженныхъ отъ королевства Саксонскаго округовъ во владѣніе Пруссіи.

Мало по малу время текло и, наконецъ, пришла и мнѣ пора выѣхать. Недолги были сборы, и я выѣхалъ изъ Лондона на Гаричъ и оттуда въ Гельветъ Шлюзъ. Плаваніе мое было въ большой компаніи и продолжалось за безвѣтріемъ почти три дня. Не знаю, что хуже, при плаваніи на парусномъ суднѣ, бурная-ли погода или штиль. Съ бурей хоть качаетъ, но если попутный вѣтеръ, то несемся, какъ стрѣла; но при штилѣ томительное бездѣйствіе, отъ котораго невольно предаешься хандрѣ.

Прибывъ въ Гельветъ Шлюзъ, передовой портъ Ротердама, мы вышли на берегъ въ Ротердамѣ. Я былъ въ Голландіи въ первый разъ. Ѣдучи изъ Ротердама въ Амстердамъ, я невольно изумлялся и богатству, и довольству народонаселенія, и силѣ воли человѣческой, отвоевавшей у пучины водъ пространныя землевладѣнія, и чѣмъ?—камышевыми заборами и тыномъ, заботливо поддерживаемыми. Амстердамъ для русскаго имѣетъ нѣкоторую занимательность по преданіямъ о Петрѣ; я былъ и въ Сардамѣ, знаменитомъ тѣмъ, что здѣсь, можно сказать, собственнымъ топорнымъ трудомъ изучилъ Петръ кораблестроеніе, и вслѣдствіе этого достопамятномъ для русскаго флота, ознаменовавшаго себя многими морскими побѣдами и даже при грустныхъ Севастопольскихъ событіяхъ поддержавшаго славу русскихъ моряковъ. Изъ Амстердама мой путь шелъ на Гаарлемъ, столь знаменитый садоводствомъ, гдѣ я посѣтилъ заведеніе садовника Ванъ-Эдена, а потомъ чрезъ Бергольцомъ я отправился въ Антверпенъ. Тутъ я уже увидѣлъ рать англійскую, готовую къ бою.

Съ Антверпена начинается, сколько помню, рубежъ плодородной Бельгіи, имѣющей совершенно различный типъ мѣстности съ Голландіей. Наконецъ, пріѣхалъ я въ Брюссель, гдѣ еще болѣе видно было военныхъ приготовленій и, пробывъ тамъ нѣсколько сутокъ, прибылъ

въ Франкфуртъ на Майнѣ, опередивъ нѣсколькими недѣлями прибытіе русскихъ войскъ.

Въ эпоху этого пріѣзда моего въ Франкфуртъ, общее германское чувство было противно вновь водворившемуся порядку во Франціи. Гнетъ надъ Германіей владычества Наполеона 1-го былъ еще свѣжъ въ памяти; еще Германія не была разочарована въ неисполненныхъ впослѣдствіи обѣщаніяхъ германскому народу отъ правителя; самонадѣянность была сильна послѣ побѣдъ въ 1814 году, занятія Парижа и отреченія отъ престола Наполеона. Такое, можно сказать, ненормальное положеніе умовъ и чувствъ въ Германіи придало и Франкфурту особый видъ. Пріѣхавъ въ этотъ городъ, когда еще ни одного русскаго не было, ведя праздную жизнь въ трактирѣ, я познакомился à la table d'hôte со многими мѣстными негоціантами и поэтому могъ слѣдить за ихъ убѣжденіями. Наконецъ, прибылъ одинъ русскій полковникъ Гейсмаръ, старый дунайскій мой сослуживецъ. Встрѣча двухъ бивачныхъ товарищей обыкновенно кончается попойкой; это было за ужиномъ, въ общей залѣ; къ намъ примкнули и нѣмцы, и между ними былъ купецъ, который скупилъ весь наборъ вина въ 1811 г. изъ извѣстнаго виноградника Johannisberg. Потчеваніе присутствовавшихъ нѣмцевъ началось съ нашей стороны, потомъ тѣмъ-же потчеваніемъ отплачивали и они; вскорѣ хмѣль одолѣлъ всѣхъ, и мой вышеозначенный нѣмецъ, отклоняя уже всякую обычную нѣмецкую разсчетливость, послалъ къ себѣ домой взять завѣтнаго вина, и по осушеніи принесенныхъ, при нѣмецкой аккуратности, въ корзинахъ шести бутылокъ, повторилась эта посылка еще нѣсколько разъ, и мы продолжали осушивать бутылки до тѣхъ поръ, пока уже не въ силахъ были поднести рюмку ко рту. Описаніе этой попойки помѣстилъ я здѣсь не потому, что въ ней что-либо замѣчательно, но какъ предо-

стереженіе отъ излишняго употребленія рейнъ-вейна, даже и извѣстнаго Johannisberg или Scholswein, какъ теперь его называютъ. Дошелъ ли я, или донесли меня въ мой номеръ послѣ этой попойки, продолжавшейся цѣлую ночь,—не помню, но могу въ наставленіе другимъ дать совѣтъ не брать меня въ примѣръ, потому что, хоть и не разъ мнѣ случалось въ юные бойкіе мои годы участвовать въ попойкахъ, но послѣ описанной мною я былъ самъ не свой цѣлые три дня, голова постоянно трещала, и долго одинъ запахъ рейнъ-вейна былъ мнѣ противенъ.

Но пора возвратиться къ разсказу не о своихъ шалостяхъ, а объ общемъ ходѣ обстоятельствъ. Вскорѣ начали вступать русскія войска во Франкфуртъ, и прибыла главная квартира главнокомандующаго, а затѣмъ и самъ Барклай де-Толли. Тутъ я узналъ о назначеніи барона Винценгероде корпуснымъ командиромъ 2-го резервнаго корпуса, а меня начальникомъ штаба при немъ; вскорѣ прибылъ и самъ Винценгероде; я явился къ старому моему, столь уважаемому мною начальнику и благодѣтелю, и оба мы занялись покупкою для себя верховыхъ лошадей и всего того, что нужно къ обезпеченію нашихъ нуждъ къ предстоящей кампаніи. Тутъ мы и узнали, что главная квартира союзныхъ государей находится въ Гейдельбергѣ, и что они лично присутствуютъ тамъ *). Винценгероде и я поѣхали въ этотъ городъ. Всякая главная квартира, а особенно царская, имѣетъ обычный элементъ дворцовыхъ интригъ или частныхъ côteries **); и тутъ было то же. По

*) Во время пребыванія Государя въ Гейдельбергѣ туда явились великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи. Бывшій воспитатель ихъ, генералъ Ламздорфъ, возвратился въ Россію, а мѣсто его занялъ генералъ-адъютантъ Коновницынъ. Затѣмъ туда же пріѣхала великая княгиня Екатерина Павловна. (*Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Томъ III, Спб. 1897 г., стр. 328*).

**) Партій.

ничтожеству моего служебнаго званія и по общему моему взгляду я не имѣлъ ни причины, ни наклонности участвовать въ оныхъ, но по родственной моей связи съ княземъ Петромъ Михайловичемъ *) и по знакомству со многими лицами, я могъ за всѣмъ этимъ слѣдить и все это изучать. Жалки эти царедворцы, поворачивающіеся туда, куда вѣтеръ подуетъ, не ставящіе ни во-что ни свои убѣжденія, ни собственное свое достоинство и передъ другими, и передъ самими собою.

Недѣль около двухъ прожилъ я тамъ, въ безцвѣтныхъ собственныхъ занятіяхъ: бродилъ по окрестностямъ, посѣщалъ извѣстную бочку, въ которой по пространству могъ внутри ставиться столъ и вокругъ него помѣщались четыре игрока въ вистъ или бостонъ, бочку, нѣкогда полную виномъ, но нынѣ пустую, ибо вино было выпито еще при первомъ вторженіи французскихъ войскъ въ Германію во время революціи. Бродилъ я и по мѣсту общаго сосредоточія гуляющихъ въ полдень тунеядцевъ чиновниковъ главной квартиры, между которыми дипломаты высказывали себя записными героями, витязями; все это казалось мнѣ, не скажу страннымъ, но какъ-то неприличнымъ, какъ вдругъ въ одинъ день выказался явный упадокъ духа во всѣхъ этихъ лже-выказывающихся геройхъ.

Вскорѣ я узналъ, что прибылъ изъ арміи Блюхера посланный туда генералъ-маіоръ Толь, для отчета о дѣйствіяхъ этой арміи. Онъ прибылъ съ извѣстіемъ о пораженіи прусскихъ войскъ въ сраженіи при Fleurus, гдѣ эти войска на голову были разбиты Наполеономъ съ большою потерею и принуждены были отступить въ безпорядкѣ. Неожиданный исходъ первой битвы произвелъ всеобщій упадокъ духа среди этихъ

*) Волконскимъ.

царедворцевъ, считавшихъ до этого происшествія себя les arbitres des destinées et des événements *); съ полнымъ презрѣніемъ и теперь о нихъ вспоминаю. Но этотъ упадокъ духа продолжался не болѣе сутокъ, вслѣдъ за извѣстіемъ о пораженіи прусскихъ войскъ при Флерюсѣ пришло донесеніе отъ Поццо ди Борго, состоящаго комиссаромъ отъ Императора Александра, о пораженіи Наполеона Веллингтономъ при Ватерло **), и при этомъ извѣстіи эти же наканунѣ упадшія духомъ лица приняли снова свой видъ нахальной самонадѣянности.

Но довольно о нихъ; теперь я перейду къ описанію происшествій, которыхъ я былъ соглядатаемъ.

---

*) Властителями судебъ и событій.

**) 10-го (22-го) іюля 1815 г. На другой день Императоръ Александръ перенесъ свою главную квартиру въ Мангеймъ. Между тѣмъ событія во Франціи быстро подвигались къ окончательной развязкѣ; 13-го (25-го) іюля Наполеонъ вторично отказался отъ престола въ пользу своего сына и отправился въ Рошфоръ, чтобы удалиться въ Америку. Теперь Людовику XVIII оставалось только возвратиться въ свою столицу и принять корону изъ рукъ временнаго правительства, что онъ не замедлилъ исполнить съ возможною для него поспѣшностью и подъ покровительствомъ иностранныхъ штыковъ. (*Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Томъ III, Спб. 1897 г., стр. 330).*

XLIII.

Военныя дѣйствія 1815 года.—Занятіе Шалона.—Вступленіе въ Парижъ.—Бертье.—Политическій бытъ Парижа.—Опустошеніе галлереи Лувра.—Судъ Лабедойера.—Лавалетъ.—Ней.—Carnot.—Смотръ подъ Вертю.—Смотръ англійской арміи подъ Парижемъ.

Войска русской, австрійской и нѣмецкой конфедераціи вторгнулись въ предѣлы Франціи и, какъ французскія войска, противъ насъ расположенныя, по численности, равно и вслѣдствіе претерпѣннаго пораженія подъ Ватерло, должны были безъ боя стянуться къ пораженной арміи, оставя гарнизоны въ крѣпостяхъ,—наша армія и 2-й резервный кавалерійскій корпусъ просто безъ всякихъ стычекъ мирными переходами направлены были къ Парижу. Во всѣ эти шествія произошла только одна незначительная стычка между квартирьерами главной царской квартиры и партизанскимъ французскимъ отрядомъ, въ которомъ начальствующій квартирьеровъ, генеральнаго штаба офицеръ Левъ Перовскій, былъ раненъ въ ногу, такъ что во все кратковременное продолженіе кампаніи 1815 года только одного русскаго лица кровью была обагрена земля Франціи.

Гдѣ именно русскія войска и нашъ 2-й кавалерій-

скій корпусъ мирно перешли рубежъ границы французской, не помню, но памятно мнѣ было, что, когда проходили мы занятыя французскими гарнизонами крѣпости: Toul и Verdun, они не въ силахъ были намъ противиться. При этомъ мирномъ шествіи передовой отъ арміи отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Чернышева, подступалъ къ городу Шалону, и не укрѣпленному, и не занятому французскими войсками. Но при обычномъ шарлатанствѣ Чернышева, онъ и тутъ хотѣлъ опять повторить ту же свою проказу, какъ и при занятіи Касселя, донесъ Государю, что занялъ Шалонъ съ бою и прислалъ своего адъютанта Шепинга съ ключами города и съ пышной реляціей о его занятіи. Этотъ городъ былъ перепутьемъ при проѣздѣ Императора Александра; при встрѣчѣ Государя мэромъ города, Императоръ выяснилъ ему свое сожалѣніе, что городъ долженъ былъ пострадать отъ боя, но высказалъ, что это обыкновенное послѣдствіе военныхъ дѣйствій.

Немало Государь былъ удивленъ, когда городской голова (le maire) сказалъ ему, что боя никакого не было, и что русскій отрядъ взошелъ мирно въ городъ. Это происшествіе было причиною временнаго негодованія Государя на Чернышева; но для такого разряда людей, какъ Чернышевъ, даже такое явное изобличеніе во лжи,—какъ съ гуся вода; они умѣютъ подлостью загладить свой проступокъ; такъ было и здѣсь, и Чернышевъ и Шепингъ остались при награжденіяхъ, данныхъ имъ за, какъ оказалось, ложное занятіе Шалона съ бою.

Итакъ, мирными переходами достигъ Императоръ и русская армія Парижа, уже занятаго Веллингтономъ и Блюхеромъ *).

*) 28 іюня (10 іюля) Александръ благополучно достигъ Парижа и остановился въ Елисейскомъ дворцѣ. Когда парижане, не ожидавшіе такъ скоро увидѣть Государя, узнали его, то взывали въ восторгѣ: «вотъ Александръ, вотъ

Не имѣя никакихъ данныхъ о занятіи Парижа, многими столь подробно описанномъ, я безъ всякихъ объясненій скажу только, что 2-й резервный кавалерійскій корпусъ прибылъ совершенно мирно къ Парижу, и наша корпусная квартира была въ Gros-bois, помѣстьѣ герцога Невшательскаго (Berthier), а корпусъ былъ расположенъ въ тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ, съ строгимъ предписаніемъ не обижать жителей. Сосѣдство Gros-bois отъ Парижа дозволяло мнѣ почти безвыѣздно быть въ Парижѣ.

Но прежде, нежели описывать то, чему я былъ свидѣтелемъ, сдѣлаю малое отступленіе по поводу Berthier.

При первой реставраціи онъ, какъ многіе изъ приближенныхъ Наполеона, примкнулъ къ Бурбонамъ. Послѣ происшествія 20-го марта 1815 года, Бертье выѣхалъ изъ Франціи и временно остановился въ Бамбергѣ. Въ это время проходила тамъ главная квартира Барклая де-Толли, и проходилъ какой-то корпусъ русскихъ войскъ парадомъ. Когда войска проходили мимо квартиры Бертье, онъ стоялъ у открытаго окна во второмъ этажѣ, и вдругъ свалился на улицу и былъ поднятъ за-мертво. Что было причиною его паденія, обморокъ-ли, или умышленное желаніе лишить себя жизни при видѣ этихъ войскъ, шедшихъ съ вооруженною рукою на его родину, ни во время этого несчастнаго приключенія, ни впослѣдствіи, сколько мнѣ извѣстно, не выяснено,

---

нашъ избавитель». Прибытіе Императора Александра успокоило жителей Парижа; всѣ партіи признали въ немъ своего покровителя и возлагали на него свои надежды. Блюхеръ, намѣревавшійся взорвать Іенскій мостъ, приступилъ уже къ необходимымъ для сего приготовленіямъ, не взирая на протесты французскаго правительства; Государь немедленно запретилъ исполнить намѣченное пруссаками варварское и безцѣльное распоряженіе. Кромѣ того, контрибуція, наложенная Блюхеромъ на Парижъ, была уменьшена, и, наконецъ, *Александръ явился защитникомъ цѣлой Франціи* противъ неумѣренныхъ требованій своихъ союзниковъ. *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Т. III. Спб. 1897 г., стр. 335—339).*

но чувство гражданина могло его склонить къ самоубійству—и мнѣ оно понятно.

Но обращусь къ Парижу; объ личной моей жизни въ этомъ нравственномъ Вавилонѣ новыхъ временъ нѣтъ охоты, да и не къ чему говорить, но о событіяхъ какъ не упомянуть.

Политическій бытъ Парижа уже былъ не тотъ, что при занятіи этой столицы союзными войсками въ 1814 г. Занятый англичанами и пруссаками до прибытія Императора Александра, Парижъ уже не пользовался тѣмъ попечительнымъ охраненіемъ, какъ при первомъ его занятіи. Спѣсь и народное нерасположеніе англичанъ, заносчивость и мстительность пруссаковъ явно высказывались во всемъ, и вслѣдствіе этого Парижъ имѣлъ видъ города, находящагося въ осадномъ положеніи, хотя вмѣстѣ съ этими войсками воротились и Бурбоны. Всякая мѣстная власть была подчинена прусскому или англійскому надзору, а болѣе всего прусскому, какъ я уже сказалъ, мстительному. Постоянные патрули, постоянныя мѣры военной предосторожности страшно обременяли французовъ, и только съ прибытіемъ Александра ихъ тяжелое положеніе стало немного легче.

Первое оскорбленіе, нанесенное народной гордости—это было снятіе съ воротъ рѣшетки Тюльерійскаго дворца извѣстной колесницы, снятой Наполеономъ въ Берлинѣ съ воротъ Бранденбургскихъ, и въ тотъ-же день вынесеніе изъ галлереи Лувра всѣхъ тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя были похищены, не спорю, изъ разныхъ мѣстъ Европы при завоеваніи французскими войсками мѣстностей въ теченіе почти четверти вѣка. Конечно, это была плата такою-же монетою, но признаніе важности въ художественномъ отношеніи и для пользы науки сосредоточія этихъ образцовыхъ произведеній въ одномъ храмѣ художествъ, можно сказать, европейскомъ, долж-

но бы было имѣть перевѣсъ, et la générosité eut été plus noble que la vengeance, ce qui a été si noblement déffendu en principe par l'Empereur Alexandre en 1814 г. *). Мѣра эта, оскорбляющая народную гордость, не могла быть принята безъ военныхъ предосторожностей, что доказываетъ насильственность оной. Всѣ площади и улицы, прилегающія къ Тюльери и Лувру, были заняты прусскими войсками и артиллеріей, готовыми къ бою. Я изъ любопытства присутствовалъ при этой, не могу не высказать, печальной для искусства, погребальной церемоніи, и видѣлъ, какъ, подобно гробовому выносу, исторгались изъ храма искусства европейскаго эти образцовыя произведенія для отправленія въ какой-либо закоулный монастырь, часто недоступный входу художника, или къ какому-либо ненавистному герцогу Моденскому, къ этому злодѣю, къ которому не только итальянецъ, но и всякій честный человѣкъ почтетъ для себя стыдомъ вступить.

Другое политическое событіе, котораго я былъ свидѣтелемъ,—это судъ Лабедойера. При высадкѣ Наполеона съ острова Эльбы на материкъ Франціи полковникъ Labedoyère, квартирующій съ командуемымъ имъ полкомъ, имѣлъ мѣстопребываніе въ г. Гренобле. На пути Наполеона изъ Канна, Гренобль былъ первый городъ, а полкъ Лабедойера—первое встрѣтившееся ему стройное войско. При видѣ бывшаго Императора, ихъ вождя, по всей Европѣ водившаго ихъ отъ побѣдъ къ побѣдамъ, полкъ и полковникъ, бывшій прежде при имперіи адъютантомъ Наполеона, не только не воспротивились шествію Императора, но съ восклицаніемъ: «да здравствуетъ Императоръ»! перешли на его сторону. Конечно, этотъ фактъ, при паденіи Наполеоновскаго предпріятія,

*) И великодушіе было бы благороднѣе мстительности, какъ это и было благородно защищаемо въ принципѣ Императоромъ Александромъ въ 1814 г.

вслѣдствіе Ватерло, былъ поставленъ въ вину Лабедойеру, но эту вину онъ дѣлилъ со всею Франціей, принявшей съ восторгомъ Наполеона.

Съ возвращеніемъ Бурбоновъ, началось преслѣдованіе бонапартистовъ, и въ числѣ лицъ, подлежащихъ суду за измѣну, былъ и Лабедойеръ. Не успѣвъ укрыться за границу, онъ былъ схваченъ и привезенъ подъ стражей въ Парижъ, и надъ нимъ былъ назначенъ военный уголовный судъ.

Любопытство къ предстоящему пренію завлекло меня присутствовать при этомъ судномъ дѣлѣ и, забравшись довольно рано, я имѣлъ возможность занять мѣсто посереднѣ первой скамьи для присутствующихъ, такъ что по вводѣ подсудимаго я сидѣлъ прямо за нимъ. Въ мѣстахъ для почетныхъ лицъ сидѣли, сколько упомню, между многими другими—генералъ-адъютанты Ожаровскій и Чернышевъ. Вхожу въ эти подробности, какъ имѣющія значеніе по отношенію ко мнѣ. Докладчикъ по суду прочелъ актъ подсудимости, были выслушаны свидѣтели противъ и за подсудимаго; въ числѣ первыхъ бригадный командиръ, генералъ, фамиліи котораго не упомню, высказывалъ факты противъ Лабедойера, не опирающіеся на положительныя данныя, и какъ то невольно у меня вырвался во всеуслышаніе возгласъ: «Cela n'est pas net, cela n'est pas net!» *) а какъ всякая манифестація во время суда воспрещена, то мой возгласъ невольно обратилъ на меня вниманіе всѣхъ присутствующихъ. По закону президентъ суда имѣлъ право велѣть меня вывесть, но, не знаю почему, онъ этого не сдѣлалъ; однако мнѣ это не сошло безнаказанно съ рукъ отъ Императора Александра, которому, вѣроятно, или Ожаровскій, или Чернышевъ о томъ донесли, о чемъ сообщу послѣ, чтобъ не прерывать повѣствованія о судѣ и приговорѣ.

*) Это неясно, это неясно!

Послѣ докладчика отъ короны, говорилъ адвокатъ Лабедойера съ большой теплотой и чувствомъ, и когда ему возразили, что Лабедойеръ *измѣнникъ*, то благородный юноша прервалъ рѣчь защищавшаго его адвоката, сказавъ: «Нѣтъ, я не измѣнникъ, я могъ ошибаться въ своихъ воззрѣніяхъ насчетъ счастія моей родины, но я не измѣнникъ; и теперь, ожидая себѣ неминуемаго приговора смертной казни, я одного желаю, чтобъ мои еще малолѣтнія дѣти не носили укора, что ихъ отецъ былъ измѣнникомъ своего и ихъ отечества».

Смертная казнь была провозглашена, и я, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этого грустнаго обстоятельства, поспѣшилъ къ сестрѣ моей, кн. С. Г. Волконской, и къ женѣ брата моего Зинаидѣ Волконской, имѣвшимъ доступъ къ герцогинѣ Ангулемской, чтобъ склонить ихъ ходатайствовать о помилованіи Лабедойера, и таковое-же ходатайство искалъ у многихъ значительныхъ лицъ. Но всѣ эти попытки не принесли никакой пользы: на другой день Labedoyère былъ разстрѣлянъ. Но хотя въ совѣсти, я и сестры мои можемъ сказать, что мы исполнили свой долгъ.

Я упоминалъ, что мой возгласъ не остался ненаказаннымъ. Императоръ Александръ, узнавъ объ этомъ и, кромѣ того, получивъ въ оригиналѣ всѣ письма моихъ сестеръ, доставленныя ему отъ лицъ, которымъ были адресованы, поручилъ князю П. М. *) выразить мнѣ свое негодованіе за то, что я не только себя, но и сестеръ увлекъ къ недолжнымъ дѣйствіямъ, и передать мнѣ, чтобъ я пересталъ вмѣшиваться въ дѣла Франціи, а обратился бы къ Россіи. Исполнилъ-ли я это его предназначенье мнѣ, это будетъ видно въ концѣ моего повѣствованія. Настроеніе умовъ во Франціи въ это время было противное Бурбонамъ. Пре-

*) Князь Петръ Михайловичъ Волконскій.

слѣдованія всѣхъ защитниковъ строя имперіи, которые были только представителями общаго порыва массы народной, страшно ожесточили народъ. Въ главѣ тѣхъ, которые подверглись преслѣдованію, были Лавалетъ и фельдмаршалъ Ней, и я полагаю нелишнимъ сообщить нѣчто объ этихъ двухъ личностяхъ.

Лавалетъ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Онъ былъ во время этихъ двухъ имперій главнымъ директоромъ почтоваго управленія и, конечно, разными мѣрами по своему вѣдомству способствовалъ водворенію новаго порядка при возстановленіи второй имперіи, провозгласивъ по всему пространству Франціи воцареніе новаго правительства. Онъ въ промежутокъ времени съ отъѣзда Бурбоновъ и до въѣзда Наполеона, то есть въ промежутокъ трехъ-дневный par sa propre initiative *) провозгласилъ воцареніе Наполеона и въ день отъѣзда короля и королевской фамиліи водрузилъ на Тюльерійскомъ дворцѣ императорскій флагъ, столь обожаемый, вопреки всѣмъ увѣреніямъ. Вслѣдствіе паденія имперіи, онъ, конечно, въ глазахъ новаго правительства являлся не гражданиномъ, любящимъ свою родину, а преступникомъ по отношенію къ вновь возстановленному нынѣ порядку, возведенному штыками союзныхъ арміи. Онъ былъ посаженъ въ тюрьму и назначенъ былъ надъ нимъ судъ военный; но при содѣйствіи двухъ англичанъ—сэра Роберта Вильсона и Брюса, и съ помощью своей жены, онъ былъ исторгнутъ изъ тюрьмы и вывезенъ въ Бельгію, и тѣмъ спасенъ отъ приговора къ смертной казни. Всѣ обстоятельства этого подробно объяснены въ современныхъ этому дѣлу извѣстіяхъ. Честь и слава двумъ англичанамъ и самоотверженному, заслуживающему высокаго уваженія, поступку madame Lavalette.

*) По своей собственной иниціативѣ.

Ней не былъ столь счастливъ, хотя онъ и успѣлъ выѣхать изъ Франціи въ Швейцарію. Какъ то тайкомъ онъ опять въѣхалъ въ предѣлы Франціи для устройства своихъ семейныхъ дѣлъ, былъ узнанъ, схваченъ, привезенъ въ Парижъ и преданъ, какъ членъ палаты перовъ, уголовному суду. Приговоренъ былъ онъ къ смертной казни уже послѣ отъѣзда моего изъ Франціи; все это подробно описано въ современныхъ изданіяхъ. Приговорили къ смертной казни того, котораго Франція и армія величала названіемъ «le brave des braves *)». Казнь этого знаменитаго по заслугамъ своимъ человѣка была непростительной ошибкой, отозвавшейся впослѣдствіи, обидѣвшей особенно армію. Нелишнимъ считаю напомнить послѣднія слова его во время суда надъ нимъ; когда адвокатъ, защищавшій его, хотѣлъ въ защиту его вывести то, что онъ уже не французскій подданный, такъ какъ по рожденію своему происходитъ изъ Саарбрюкена, мѣстности, отошедшей изъ французскихъ владѣній, то онъ остановилъ своего адвоката, сказавъ ему: «*Je suis français, et je saurai mourir français*» **). Невольно выскажу, что непонятно мнѣ, какъ нашлись французскіе солдаты, которые могли согласиться стрѣлять въ того, котораго вся Франція и армія называла le brave des braves, и который столь часто водилъ ихъ къ побѣдамъ; не порочитъ-ли это то, что называютъ «l'obéissance passive du soldat ***)». При этомъ еще скажу, что хотя и взвалили на Нея, что онъ будто обѣщалъ привезти Наполеона въ клѣткѣ, но это ложный вымыселъ: онъ принялъ командованіе войскомъ, посланнымъ противъ Наполеона, при завѣреніи, что Наполеонъ не имѣетъ общей поддержки въ народѣ, въ арміи, чему противное оказалось; но, увидя противное, увле-

*) Храбрый изъ храбрыхъ.

**) Я французъ и съумѣю умереть французомъ.

***) Слѣпымъ повиновеніемъ солдата.

ченный общимъ порывомъ войскъ, подъ его начальство поступившихъ, онъ покорился необходимости. Ему оставалось или оставить врученное ему порученіе, или примкнуть къ общему желанію. Все это надо было принять въ соображеніе и тѣмъ умалить его вину. Онъ выбралъ долгъ гражданина; это необходимо было поставить ему нѣкоторымъ образомъ въ извиненіе, но нельзя не сказать, что проступокъ свой, если признать его таковымъ, онъ искупилъ замѣчательными словами послѣднихъ минутъ своей жизни. Въ числѣ лицъ, подвергнутыхъ преслѣдованію, былъ и Carnot, чистый и неизмѣнный республиканецъ, тотъ, который управлялъ военнымъ министерствомъ, былъ изъ главныхъ дѣятелей организаціи арміи во время начала французской революціи, ознаменованной столькими побѣдами, тотъ, который всенародно отказался признать первую имперію и примкнулъ къ имперіи второй, при видѣ грозящаго ей наплыва арміи всей Европы. Какъ я слышалъ, онъ взятъ былъ Императоромъ Александромъ подъ личное свое покровительство и былъ только помѣщенъ въ число изгнанныхъ изъ Франціи.

Отъ политическихъ событій обращусь къ событіямъ русской сферы дѣлъ,—это къ смотру сперва гренадерскаго корпуса и 2-го кавалерійскаго корпуса въ Парижѣ и потомъ къ смотру подъ Вертю.

Приключившійся со мною зашибъ ноги, при паденіи подо мною лошади съ придворной конюшни, послужилъ для меня уловкою къ отклоненію отъ участія дѣятелемъ въ этомъ смотру, какъ оффиціальное лицо; а я, прихрамывая болѣе по разсчету, нежели по боли, былъ просто зрителемъ, какъ лицо военнаго званія, что для меня было пріятнѣе и беззаботливѣе. Вся русская армія, бывшая во Франціи въ 1815 году, участвовала въ этомъ смотру, на которомъ присутствовали всѣ на лицо находящіеся тогда въ Парижѣ владыки

государствъ, состоящіе въ союзѣ противъ Франціи, первыя лица союзныхъ войскъ и посторонніе зрители, скопившіеся въ эту эпоху въ Парижѣ. Смотръ былъ замѣчателенъ стройностью движеній и наружнымъ видомъ войскъ; въ первомъ отношеніи сосредоточеніе колоннъ, прибывшихъ съ разныхъ направленій на назначенныя имъ позиціи, пріемъ Высочайшихъ особъ, сосредоточеніе всѣхъ войскъ въ одну плотную массу, наконецъ, церемоніальный маршъ,—все это производилось такъ стройно, такъ вѣрно, что было предметомъ удивленія всѣхъ иностранцевъ-экспертовъ и вообще зрителей. Что-же касается до наружнаго вида обмундированія, то на это въ каждый полкъ было отпущено нѣсколько тысячъ франковъ, а сколько именно, не упомню; да стало въ копѣйку и полковымъ командирамъ, наверставшимъ впослѣдствіи этотъ расходъ обсчетомъ отчетности полковой, иногда съ грѣхомъ и въ обиду нижнимъ чинамъ. Таковъ былъ тогда бытъ русскаго солдата: снаружи казалось все гладко, глянцовито, чисто, а копни внутрь,—все шероховато, подмазано, а часто и гадко, безсовѣстливо. Но это все наша отечественная тайна, и многое нынѣ измѣнилось.

Среди огромной равнины подъ Вертю возвышается родъ кургана, довольно пространнаго, высокаго; противъ этого кургана, неподалеку отъ подошвы онаго, сосредоточились всѣ приглашенные цари, владѣтели, вельможи разныхъ странъ и службы, всѣ верхомъ, съ огромными свитами, и передъ ними стройно начался церемоніальный маршъ. Самъ курганъ, можно сказать, былъ унизанъ частными любопытными зрителями обоихъ половъ и всѣхъ націй. Въ числѣ знаменитыхъ лицъ изъ присутствующихъ приглашенныхъ былъ Веллингтонъ, и Императоръ Александръ оказывалъ ему особенное вниманіе. Стройность движеній и отличный наружный видъ всякаго рода войскъ не остались безъ общей

похвалы, но вотъ анекдотъ, который доказываетъ, какой вѣрный взглядъ военный имѣлъ Веллингтонъ. Вся русская кавалерія была въ полковомъ составѣ въ 6-ть эскадроновъ. По случаю разстройства отъ войнъ, а можетъ быть, и отъ нерадѣнія бывшаго во время войны полкового командира Владимірскаго уланскаго полка, этотъ полкъ былъ въ 4-хъ эскадронномъ составѣ. Несмотря на скорость движенія, и, такъ сказать, цѣпность церемоніальнаго марша и густоту онаго, недочетъ 2-хъ эскадроновъ въ этомъ полку не ускользнулъ отъ глазъ Веллингтона, и онъ спросилъ у Императора Александра причину этого; что сказано, мнѣ неизвѣстно, но, вѣроятно, Государь далъ ему отвѣтъ не прямой по обстоятельствамъ, но придуманный для покрытія точной причины. Не помнится, прежде-ли Вертю, или послѣ былъ подъ самымъ Парижемъ смотръ англійской арміи въ честь союзныхъ государей. Смотръ состоялъ изъ примѣрнаго сраженія подъ Тулузой; сраженія, по мнѣнію англичанъ, выиграннаго надъ фельдмаршаломъ Даву Веллингтономъ, а по мнѣнію французовъ не проиграннаго ими; послѣдствія же этого сраженія не ясно выказались, потому что при исходѣ этого сраженія получено было извѣстіе о совершенномъ переворотѣ въ Парижѣ въ мартѣ 1814 г. Я присутствовалъ въ свитѣ Государя на этомъ смотру, и что болѣе всего обратило мое вниманіе, это не натяжка въ одиночной стройности солдата, непринужденность движеній въ ногу, какъ у прочихъ европейскихъ войскъ, и во многихъ случаяхъ практичность. Вотъ примѣръ этому: при промежуткѣ какого-либо движенія, пріостановленная часть войска не держится въ строю на ногахъ, а просто въ томъ составѣ, въ которомъ застала ее пріостановка въ движеніи, ложится на землю, чѣмъ охраняется усталость и что доказываетъ, что пригонка амуниціи не обременительна. Практичность есть первое условіе въ военной органи-

зацiи, и эта практичность доведена нынѣ, т. е. въ 1861 г. до высшей степени во французской арміи. Но обращаясь къ англiйской арміи во время смотра подъ Парижемъ въ 1815 г., замѣчу, что въ ея кавалеріи при атакѣ нѣтъ этой гибельной привычки, чтобъ по слову «*стой—равняйся*» атакующая часть останавливалась, какъ у насъ добиваются, въ струнку, что въ лошадяхъ и въ сѣдокахъ обращается въ невольную привычку, и чѣмъ теряется импетъ въ столкновеніи на атакующую часть, импетъ, способствующій желаемой цѣли, пораженію препятствія. Въ англiйской кавалеріи конная атака оканчивается почти разсыпнымъ строемъ, потому что лошади, пущенныя во всю прыть, и люди, не обязанные равняться, несутся опрометью, а занесшаяся кавалерія уже тѣмъ достигаетъ цѣли пораженія тоï части, противъ которой она послана. Повторяю, мое убѣжденіе, что кавалерія, которая занеслась въ атакѣ, гораздо ближе къ цѣли пораженія противника, чѣмъ та, которой движеніе пріучено къ «*стой — равняйся*». Мои убѣжденія по этому вопросу передаю сужденію современныхъ дѣятелей, при которыхъ начала военнаго дѣла во многомъ уже измѣнены.

XLIV.

Возвращеніе въ Россію.—Вліяніе на мысли и убѣжденія событій 1814 и 1815 гг.—Назначеніе командиромъ бригады и отъѣздъ въ Волынь.—Служебная дѣятельность.—Вражда поляковъ къ русскимъ.—Дуэль и причина ея.—Переведеніе бригады въ Сумы.—Рѣчь Императора Александра на польскомъ сеймѣ.—Впечатлѣніе, произведенное ею.

Послѣ великихъ событій 1815 г. и тогдашняго трактата Парижскаго, столь различнаго и по началу, и по послѣдствіямъ съ трактатомъ, заключеннымъ послѣ Крымской войны, пришлось всѣмъ, какъ царямъ *), такъ и всей численности служебной, воротиться во-свояси; тотъ-же исходъ предстоялъ и мнѣ.

Не могу дать себѣ отчета, почему я не исполнилъ своего прежняго намѣренія исколесить всѣ части свѣта и рѣшился возвратиться въ Россію на служебное поприще.

---

*) Ночью на 2-е (14-е) декабря Государь возвратился въ Петербургъ; наканунѣ этого дня изъ-за границы прибыла Императрица Елисавета Алексѣевна.

Но Петербургъ уже не увидѣлъ прежняго Александра; по свидѣтельству современниковъ, онъ казался скученъ и даже сердитъ. Никакими восторгами столица не встрѣтила его; казалось, Россія какъ бы сознавала, что наступало время тихое, но сумрачное. Государь сдѣлался болѣе взыскательнымъ и строгимъ въ отношеніи къ военной дисциплинѣ. (*Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Т. III, Спб. 1897 г., стр. 358*).

Не буду говорить о безцвѣтномъ моемъ бытѣ въ общественномъ отношеніи, о жизни вахть-парадной, выходахъ и даже о частной жизни, просто скучной, тягостной. Зародышъ сознанія обязанностей гражданина сильно уже началъ выказываться въ моихъ мысляхъ и чувствахъ, причиной чего были народныя событія 1814 и 1815 гг., которыхъ я былъ свидѣтелемъ, вселившія въ меня, вмѣсто слѣпого повиновенія и отсутствія всякой самостоятельности, мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественныя, ьдущія, по крайней мѣрѣ, на ряду съ вѣрноподданническими.

Мое пребываніе въ Петербургѣ было кратковременно и безцвѣтно для меня по новымъ моимъ убѣжденіямъ; вскорѣ я былъ назначенъ командиромъ 1-ой бригады 2-ой уланской дивизіи и отправился въ Новоградъ Волынскій, гдѣ были дивизіонная и моя бригадная квартиры. Поневолѣ надо было заняться дѣломъ служебнымъ, но и въ этомъ дѣлѣ старался я ввести въ отношенія начальника къ подчиненнымъ болѣе мягкости и теплоты: былъ учтивъ съ господами офицерами, и дружески попечителенъ о нижнихъ чинахъ, старался заслужить общее ихъ довѣріе и любовь, чего можно достичь и безъ упадка въ дисциплинѣ, вопреки убѣжденію старой, грубой палочной системы.

Не буду распространяться день за день о всемъ происшедшемъ въ продолженіе этого войскового служенія гарнизоннаго, и упомяну только о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ этой эпохи моей жизни въ связи съ общественной.

Прибывъ, какъ я выше сказалъ, на Волынь, я нашелъ въ общественномъ бытѣ два враждующихъ отдѣла: къ одному принадлежали русскіе, къ другому—поляки. Это обстоятельство было выведено ревизіей сенатора Сиверса надъ управленіемъ сенатора-же Комбурлея, бывшаго нѣсколько лѣтъ губернаторомъ Волынскимъ. Хоть я и не дѣлилъ общей вражды русскихъ

къ полякамъ, но все-таки русскіе были ближе моему сердцу, и при всемъ моемъ стараніи этого не выказывать, это никакъ не могло остаться незамѣченнымъ.

Въ это время былъ назначенъ проѣздъ Императора чрезъ Житомiръ, гдѣ былъ тогда губернаторомъ Гажицкій, бывшій прежде губернскимъ предводителемъ и главой партіи польской и коноводомъ, какъ они называли, противъ Комбурлевской. Корпусной командиръ Корфъ и командиръ 2 кирасирской дивизіи Кретовъ выѣхали навстрѣчу Государю въ Бердичевъ, съ ними и генералъ Засъ, бригадный 2-ой кирасирской дивизіи; а какъ въ корпусной квартирѣ былъ эскадронъ моей бригады, то, по обязанности, я долженъ былъ быть при немъ во время этого проѣзда, а за отсутствіемъ вышеозначенныхъ лицъ, я былъ старшимъ въ городѣ военнымъ начальникомъ.

Корпусной командиръ Корфъ, на время своего отсутствія для встрѣчи Императора, поручилъ мнѣ присутствовать и за обѣденнымъ столомъ его штаба ежедневно и пріѣзжать въ корпусную квартиру гг. офицеровъ. Въ одинъ изъ этихъ дней, возвращаясь на свою квартиру, я встрѣтилъ оберъ-провіантмейстера корпуса Олова въ разстроенномъ видѣ, бѣгущаго мнѣ навстрѣчу; приблизившись ко мнѣ, онъ сказалъ: «Князь! защитите меня и мое семейство отъ дерзостнаго поступка, которому я подвергнутъ».—Да что съ вами дѣлаютъ?—спросилъ я его.—«Вотъ мое положеніе: жена моя на дняхъ родила, еще лежитъ въ постели, и вдругъ, не знаю, съ какого повода, вытѣсняютъ меня съ отведенной мнѣ квартиры, и на отказъ мой изъ нея выдти, полицеймейстеръ велѣлъ изъ окошекъ вынуть рамы».—Я ему сказалъ, что не дозволю такого безчеловѣчія и законно вступлюсь за него, какъ старшій военный начальникъ въ городѣ, и тутъ-же, завидѣвъ полицеймейстера, подозвалъ его, выразилъ ему свое неудоволь-

ствіе и потребовалъ объясненія этого поступка. Полицеймейстеръ отвѣчалъ мнѣ, что все это онъ дѣлалъ по приказанію губернатора, назначившаго квартиру, занимаемую Оловымъ, для какого-то польскаго пана, пріѣхавшаго въ городъ для присутствія при пріемѣ Государя въ Житомірѣ.—«Но точно-ли вамъ это приказано въ томъ размѣрѣ, какъ вы это исполнили»? возразилъ я ему.—Навѣрное,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—и приказано выставить окошки, если г. Оловъ не очистить квартиру.—«Если такъ», сказалъ я, «то извольте идти со мною къ г. губернатору, и я въ вашемъ присутствіи настою, чтобъ данное вамъ приказаніе было отмѣнено». Весь этотъ разговоръ происходилъ недалеко отъ квартиры, занимаемой Гажицкимъ, и я съ Оловымъ и полицеймейстеромъ туда пошли.

Для ясности обстоятельствъ встрѣчи моей съ губернаторомъ надо предварительно сказать, что въ этотъ день и часъ былъ у него обѣдъ для пріѣзжихъ помѣщиковъ, и нѣкоторые изъ главныхъ лицъ военныхъ были приглашены на этотъ обѣдъ и я въ ихъ числѣ, но никто изъ насъ не поѣхалъ, чтобъ избѣгнуть неловкаго положенія—намъ русскимъ быть свидѣтелями польскихъ манифестацій. Прибывъ на квартиру къ Гажицкому и взошедъ въ переднюю, я послалъ черезъ его прислугу сказать, что имѣю надобность съ нимъ безотлагательно видѣться, и тѣмъ болѣе я хотѣлъ видѣться съ нимъ не въ присутствіи польской шляхты, что слышалъ, что тамъ идутъ прежаркія пренія—обычай въ кругу поляковъ, которые при всякомъ съѣздѣ воображаютъ, что они на сеймѣ. Гажицкій вышелъ изъ-за стола ко мнѣ въ переднюю и встрѣтилъ меня такъ: «Mon prince, soyez le bienvenu! venez partager notre diner et réunion» *). Что онъ не догады-

*) Князь, милости просимъ! раздѣляте съ нами нашъ обѣдъ и присоединитесь къ нашему обществу.

вался о цѣли моего прибытія, тому доказательство, что онъ, какъ сидѣлъ съ заткнутой салфеткой, такъ и вышелъ. Я же ему отвѣчалъ: «M-r le gouverneur, ce n'est pas pour dîner que je suis venu chez vous, mais pour des redressements d'actes impardonnables, auxquels on a soumis m-r Oloff; c'est mon dévoir de prendre sa défense, comme le plus ancien chef militaire présent dans la ville, et comme le maître de police prétend qu'il y a eu recours d'après vos ordres, ce que je ne puis m'expliquer,—j'exige que si tels ont été vos ordres, vous en donniez de tous contraires, et qu'on laisse m-r Oloff et sa famille paisibles possesseurs d'un logement, légalement à lui assigné» *). Настоятельность моихъ словъ и требованій и неожиданность оныхъ взбѣсили Гажицкаго, и онъ мнѣ сказалъ: «Tous les princes russes réunis ne m'en imposeront pas à moi, noble polonais, et je m'étonne de votre démarche et de votre exigeance» **). На это я ему отвѣчалъ: «Si vous vous croyez offensé personnellement, vous pouvez en temps et lieu me demander satisfaction, et je suis prêt à vous la donner, mais dans l'affaire qui m'a amené ici, il y a une question de service, de justice, réclamant d'être vidée sans délai administrativement, et je ne vous laisse pas rentrer dans votre salle à manger près de vos compatriotes réunis en diète qu'après que vous aurez donné l'ordre à m-r le maître de police de laisser m-r Oloff en possession légale de son logement que l'on n'avait aucun droit de lui enlever par sollicitude pour qui que ce soit de vos amis et compatriotes» ***), и съ этими словами я удачно успѣлъ

*) Г. губернаторъ, я пришелъ къ вамъ не обѣдать, но для того, чтобы выяснить тѣ непростительныя дѣйствія, которымъ былъ подвергнутъ г. Оловъ; моя обязанность, какъ старшаго военнаго начальника въ городѣ, взять его подъ свою защиту, а такъ какъ полицеймейстеръ утверждаетъ, что онъ дѣйствовалъ по вашему приказанію, чего я не могу себѣ объяснить, я требую, чтобы вы, если точно таковы были ваши приказанія, тотчасъ же дали бы противоположныя имъ, и оставили бы въ покоѣ г. Олова на его квартирѣ, законно ему отведенной.

**) Всѣ русскіе князья, собранные вмѣстѣ, не устрашатъ меня, благороднаго поляка, и меня удивляетъ ваша выходка и ваше требованіе.

***) Если вы считаете себя лично оскорбленнымъ, вы можете въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ требовать удовлетворенія, и я согласенъ дать его вамъ; но дѣло, которое привело меня сюда, есть вопросъ слу-

встать между Гажицкимъ и дверью въ столовую, такъ что входъ въ оную былъ ему невозможенъ безъ рукопашни со мною, на что онъ не рѣшился. Видя это, Гажицкій, для прекращенія спора, приказалъ полицеймейстеру не тревожить Олова, и я достигъ того, что имѣлъ право требовать, и что было въ моихъ служебныхъ обязанностяхъ. Какъ разумѣется, это дѣло разгласилось и въ русскомъ отдѣлѣ, и въ польской шляхтѣ; соотечественники мои меня высоко возносили, а поляки, какъ я слышалъ, раздирали меня на всѣ корки. На другой день пріѣхалъ Государь и пробылъ только сутки, которыя прошли въ пріемахъ; хотя по описанному происшествію ничего еще не высказывалось, но доходила до меня вѣсть, что по проѣздѣ Государя я буду вызванъ на поединокъ Гажицкимъ.

Императоръ выѣхалъ въ Варшаву, и въ тотъ-же день я получилъ вызовъ отъ Гажицкаго и, какъ разумѣется, отвѣчалъ ему согласіемъ. День прошелъ въ обычныхъ переговорахъ по этому казусу, и какъ основное дѣло, подавшее поводъ, было болѣе народныхъ началъ, нежели частныхъ, и какъ притомъ служебное положеніе губернатора и мое выходило изъ общей рамы частныхъ соотношеній, то я, принявъ вызовъ, предложилъ Гажицкому, чтобъ поединокъ не былъ на мѣстѣ обоюднаго нашего служенія, а чтобъ мы оба выѣхали на австрійскую границу, не такъ далеко отстоящую отъ Житоміра. Но Гажицкій не согласился и настоялъ, чтобъ поединокъ нашъ былъ подъ Житоміромъ. Народное начало нашей распри требовало, чтобъ соблюдено

жбы и справедливости, который долженъ быть оконченъ безотлагательно административнымъ порядкомъ, и я до тѣхъ поръ не пропущу васъ въ вашу столовую, гдѣ собрался цѣлый сеймъ вашихъ компатріотовъ, пока вы не дадите приказанія полицеймейстеру оставить г. Олова на законно принадлежащей ему квартирѣ, которую вы не имѣли никакого права у него отнять изъ за попеченій о комъ бы то ни было изъ вашихъ друзей и соотечественниковъ.

было нѣкоторое народное начало и при назначеніи секундантовъ, и положено было для соблюденія по этому поводу приличія и избѣжанія толковъ, чтобъ при каждомъ изъ противниковъ было по одному русскому и одному поляку секундантомъ. Гажицкій встрѣтилъ было затрудненіе на согласіе кого-либо изъ русскихъ принять это званіе: онъ адресовался къ генералъ-маіору Ивану Сергѣевичу Леонтьеву, но тотъ первоначально отказался, сказавъ, что его дружескія сношенія со мной ему въ долгъ ставятъ быть моимъ секундантомъ. Но я уговорилъ его принять предложенное ему званіе, и тогда рѣшено было, что секундантами Гажицкаго будутъ Леонтьевъ и флигель-адъютантъ Артуръ Потоцкій, а моими—генералъ Засъ и Станиславъ Потоцкій. Какъ разумѣется, всѣ подробности поединка я предоставилъ рѣшенію моихъ секундантовъ. Оружіемъ назначены были пистолеты, мѣстомъ поединка—окрестность Житоміра. Полагая, что поединокъ будетъ имѣть исходомъ пораненіе на смерть одного изъ насъ, я приготовилъ два письма: одно на имя Государя, другое на имя моей матери, въ которыхъ изложилъ всѣ обстоятельства дѣла, подавшаго поводъ къ поединку. Не скрою, что второе письмо писалъ со скорбію въ сердцѣ, зная, какое горе нанесетъ моей матери моя смерть, но разъяснялъ ей, что я принялъ вызовъ по долгу не только свѣтскихъ приличій, но по долгу гражданскому, и высказывалъ увѣренность, что если смерть моя и нанесетъ ей горе, она пойметъ, что, не напрашиваясь на это происшествіе, я приведенъ былъ къ оному силою обстоятельствъ.

Тѣмъ болѣе я полагалъ, что поединокъ нашъ будетъ для меня роковымъ, что Гажицкій былъ отличный стрѣлокъ, а я никогда не упражнялся въ стрѣльбѣ. Недѣли за двѣ до описаннаго происшествія была волчья охота, въ которой и я участвовалъ. Какъ

часто случается въ такого рода съѣздахъ, мы всѣ и волчьяго хвоста не видали, и неудачная охота кончилась пышнымъ завтракомъ, пикникомъ. Тутъ пошли пари о лучшей стрѣльбѣ, и Гажицкому назначали вѣтвь и сучекъ дерева, и онъ ни разу не давалъ промаха. Но обращаюсь къ поединку; мы, оба противника, въ назначенный часъ выѣхали къ назначенному мѣсту съ нашими секундантами и, какъ причина поединка имѣла большую гласность, поодаль отъ насъ, хоть и не выказывались, собралась ватага русскихъ и въ другомъ мѣстѣ ватага поляковъ, и извѣстно было, что между обоими отдѣлами рѣшено было, что за падшаго въ поединкѣ явится новый противникъ изъ того отдѣла, къ которому тотъ принадлежалъ. Я упоминаю объ этомъ, какъ доказательство, что въ происшествіи было явное начало народной распри.

Еще прежде поединка я объявилъ, что всѣ подробности устройства порядка поединка и послѣдующія распоряженія я первый предоставляю отвѣтственности моихъ секундантовъ и совершенно буду повиноваться ихъ рѣшенію, и что поэтому они—отвѣтчики передъ судомъ общаго мнѣнія.

Пистолеты были выбраны и подарены секундантами, и при заряженіи ихъ ни Гажицкій, ни я не присутствовали. Мы были поставлены на 15 шаговъ одинъ отъ другого, пистолеты намъ были вручены—и по сигналу: одинъ, два, три... по послѣднему слову, предоставлялось намъ стрѣлять. Ставъ на мѣсто, я снялъ съ себя мундиръ и жилетъ, чтобъ показать, что отъ пули не было у меня защиты; роковое «три» едва было провозглашено, какъ почти въ одинъ моментъ раздались оба выстрѣла, мой—секундой послѣ моего противника; чувствуя, что я не раненъ, и что противникъ мой тоже невредимъ, я передалъ пистолетъ моимъ секундантамъ и сказалъ имъ: «Ваше дѣло о новыхъ

распоряженіяхъ». Гажицкій и я не сходили съ нашихъ мѣстъ, а секунданты наши послѣ кратковременныхъ совѣщаній стали склонять насъ прекратить поединокъ. Я отвѣчалъ моимъ, что не я вызывалъ Гажицкаго, а онъ меня, и что я ни въ чемъ не полагалъ себя обиженнымъ, а защищалъ подчиненнаго отъ притязаній служебныхъ, и поэтому съ моей стороны не можетъ и не должна быть инициатива, и что, какъ я и прежде сказалъ, я вполнѣ приму рѣшеніе моихъ секундантовъ.

Всѣ секунданты обратились къ Гажицкому и, хотя уже вторые пистолеты были заряжены, но еще намъ не вручены, Гажицкій подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы, князь, погорячились и заставили меня требовать у васъ сатисфакціи; секунданты рѣшаютъ, что такъ какъ мы оба выдержали огонь, то нѣтъ болѣе причины къ возобновленію поединка, и поэтому даю вамъ руку въ знакъ личнаго моего къ вамъ прежняго уваженія, еще болѣе усиленнаго встрѣчею нашею теперь». Я ему на это отвѣчалъ: «Вы, г. Гажицкій, меня вызвали, полагая себя обиженнымъ, вы желаете не возобновлять поединка, секунданты мои находятъ, что я могу исполнить ваше желаніе, и поэтому протягиваемую вами руку принимаю радушно».

Итакъ, много шуму попустому, и если осудятъ мирный исходъ этого поединка, пусть порочатъ секундантовъ, а не меня. А имъ въ оправданіе скажу я, что какъ личности противниковъ, такъ и причина поединка, и національный колоритъ онаго, я полагаю, заставили ихъ склонить насъ на мировую, чтобъ предотвратить могущія произойти дурныя послѣдствія.

Подробности всего вышесказаннаго не приношу, мой другъ, какому-либо желанію выставить себя,—ты знаешь, что я не падокъ на самохвальство, но какъ этотъ эпизодъ моей жизни носитъ печать отношеній русскихъ къ полякамъ въ то время, я почелъ неиз-

лишнимъ объ ономъ дать довольно подробное повѣствованіе.

Мои сношенія съ Гажицкимъ послѣ этого не были тѣсны, но уже не враждебныя, а урокъ, ему мною данный, былъ въ пользу русскаго отдѣла: къ нему стали относиться осторожнѣе, хотя скрытое обоюдное нерасположеніе русскихъ къ полякамъ и обратно—оставалось неизмѣннымъ.

Описанное мною происшествіе выставило меня между соотечественниками и подчиненными на видъ не только въ тѣсномъ кругу моего служебнаго званія, но и внѣ онаго. Я пріобрѣлъ популярность и въ кругу подчиненныхъ, и въ кругу товарищей, и въ кругу всего, что носило русское имя тогда на Волыни, а этимъ чувствомъ я всегда дорожилъ. Многіе годы миновали, а память всего этого и донынѣ близка моему сердцу.

Вскорѣ послѣ этого я поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, а какъ 2-ой кавалерійскій резервный корпусъ переведенъ былъ на квартиры во внутрь Россіи—то я уже не возвратился на Волынь, а бригадная моя квартира была назначена въ Харьковской губерніи въ городѣ Сумахъ.

При поѣздкѣ изъ Питера черезъ Москву и во время этой стоянки моей въ Сумахъ, въ теченіе 1817 и 1818 годовъ, хотя и были кое-какія встрѣчи въ моей жизни, но относящіяся до жизни частной и поэтому мало стоющія разсказа. Но не умолчу, что во время этой стоянки дошла до меня вѣсть о рѣчи Императора Александра на первомъ, въ царствованіе его, польскомъ сеймѣ *), въ которомъ слова его о намѣре-

*) Варшавскія рѣчи Императора Александра не могли пройти безслѣдно въ Россіи и должны были подѣйствовать на умы, и безъ того уже возбужденные; онѣ вызвали разнообразные толки и произвели глубокое впечатлѣніе. Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: «Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые»... «Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ серд-

ніи его распространить и въ Россіи вводимый имъ конституціонный порядокъ управленія сильное произвели впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ, какъ по любви моей къ отечеству, такъ и по желанію моему, чтобъ отечество выдвинулось изъ грязной колеи внутренняго своего быта.

Съ этой поры моей жизни думы мои приняли другое направленіе, а измѣненіе, встрѣтившееся въ служебномъ моемъ бытѣ, дало совсѣмъ другое направленіе моей жизни.

цахъ: спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать.... Но будетъ, чему быть». *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Т. IV. Спб. 1898 г., стр. 92).*

XLV.

Измѣненіе въ служебномъ бытѣ.—Поѣздка въ Одессу.—Цѣнность пустопорожнихъ земель въ Россіи.—Одесскій бытъ при гр. Ланжеронѣ.—Отъѣздъ въ Кіевъ.—Тогдашнее настроеніе умовъ въ Россіи.—Вліяніе Кіевскаго кружка.—Масонская ложа «Les slaves réunis.—Вступленіе въ общество «Зеленой книги».—Члены этого общества.—Михаилъ Ѳеодоровичъ Орловъ.

Измѣненіе въ служебномъ моемъ бытѣ воспослѣдовало отъ обстоятельства нижеслѣдующаго: Государемъ было рѣшено, весьма опрометчиво для выгодъ единства Россіи, устроить отдѣльный корпусъ Литовскій, въ который вошли всѣ полки, носящіе имена литовскихъ и другихъ губерній, присоединенныхъ отъ прежней Польши во время Екатерины; и всѣ нижніе чины и гг. офицеры, родомъ изъ этихъ мѣстностей, были перечислены въ этотъ корпусъ, а родомъ изъ Россіи—переведены въ полки, подъ кореннымъ названіемъ русскихъ. Командуемая мною уланская бригада состояла изъ полковъ Польскаго и Владимірскаго. Польскій былъ переведенъ въ этотъ корпусъ, а Владимірскій въ 1-ую уланскую дивизію, состоявшую при гвардейскомъ корпусѣ, откуда Литовскіе уланы поступили въ Литовскій корпусъ. Меня-же въ званіи бригаднаго не перевели ни въ Литовскій, ни въ гвардейскій корпусъ, а назна-

чили бригаднымъ во 2-ую гусарскую дивизію. Это исключеніе меня изъ двухъ вышеозначенныхъ корпусовъ и переводъ безъ моего на то согласія во 2-ую гусарскую дивизію, какъ ни достойно, могу сказать, служить въ оной, почелъ я себѣ обидой, и не могъ не высказать, что генералъ-маіора, безъ согласія его, нельзя переводить по прихотямъ, какъ это дѣлаютъ съ прапорщикомъ, а затѣмъ подалъ просьбу объ отпускѣ меня безъ срока за границу, что и воспослѣдовало.

Этотъ шагъ, самъ по себѣ малозначительный, привелъ, какъ видно будетъ далѣе, къ весьма значительнымъ послѣдствіямъ въ ходѣ моей жизни.

Получивъ заграничный отпускъ и сдѣлавшись поэтому вольнымъ казакомъ, я, хотя имѣлъ твердое намѣреніе ѣхать за границу, имѣя въ виду, какъ и въ 14-мъ году, не только объѣхать и изучить многое въ Европѣ, но и посѣтить Америку—тогда образцовый по своему гражданственному быту край,—однако, поѣхалъ сперва въ Одессу, гдѣ жила тогда сестра моя и съ нею вмѣстѣ жена брата моего Зинаида. Кромѣ того я имѣлъ въ виду устроить вновь купленную мною дикую степь, въ количествѣ 10 тысячъ десятинъ въ Таврической губерніи, неподалеку отъ Молочныхъ водъ.

Въ отношеніи этой степи, вотъ достовѣрный фактъ, весьма интересный для статиста, о возвышающейся цѣнности пустопорожнихъ земель въ Росіи. Эти 10,000 десятинъ земли были пріобрѣтены мною по цѣнѣ публичнаго торга правительственныхъ мѣръ за 18,000 р. ассигнаціями. Это было въ 1816 году, а нынѣ въ 1862 г. изъ этой земли 9,000 десятинъ отданы въ арендное содержаніе извѣстному арендатору Фейну за 7,000 р. сер. въ годъ. То-есть: куплены были 10,000 десятинъ въ вѣчное владѣніе за $5,142^{3}/_{7}$ р. с., а нынѣ получается за $^{9}/_{10}$ этой земли въ годъ дохода 7,000 р.; т. е. годо-

вой доходъ на 1857 р. выше покупной цѣны за полное и вѣчное владѣніе, да еще аренды за всю нашу продажу 1,400 р. с. въ годъ, такъ что весь годовой доходъ превышаетъ покупную цѣну на 3.257 р. с. Неизлишнимъ считаю присообщить къ этому еще статистическую данную. Я въ 1816 г. купилъ эти 10,000 десятинъ земли по 1 р. 80 к. асс. за десятину, графъ Григорій Григорьевичъ Строгановъ имѣлъ имѣніе, смежное съ моимъ, купленное въ 1836 г., и тогда уже за десятину заплочено было по 20 р. асс., а нынѣ въ 1862 г. Фейнъ предлагалъ дочери моей, которой поступило это имѣніе въ приданое, по 23 р. сер. за десятину, если она согласится на продажу онаго *).

Господа защитники крѣпостного права, убѣдитесь изъ этого, какова цѣнность земли при вольномъ трудѣ; вѣдь Фейнъ не дворянинъ и извлекаетъ доходъ не крѣпостнымъ правомъ, а вольнымъ трудомъ; онъ самъ создалъ свое состояніе и изъ простыхъ колонистовъ владѣетъ теперь и собственностью, и наймомъ десятками тысячъ десятинъ, имѣетъ до 200,000 мерносовъ, и поэтому, самъ добывъ копѣйку, умѣетъ и беречь ее.

Но обращусь къ моему быту. Какъ я сказалъ, я поѣхалъ изъ Сумъ въ Одессу, гдѣ нашелъ пріютъ родственный, и радушно былъ принятъ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ Новороссійскимъ, графомъ Ланжерономъ, при которомъ я временно находился, какъ выше означено, при осадѣ Силистріи.

Бытъ Одесскій въ тогдашнее время былъ самый пріятный; общество не было стѣснено ни аристократическими замашками, какъ впослѣдствіи при графѣ М. С. Воронцовѣ, корчившемъ изъ себя въ Новороссійскомъ краѣ — Остъ-Индскаго генералъ-губернатора;

*) Это имѣніе продано въ 1889 году по 90 руб. сер. за десятину.

ни спѣсью и деспотизмомъ теперешняго генералъ-губернатора Строганова (въ 1862 г.). Ланжеронъ, хоть и не былъ великимъ администраторомъ, но былъ умный человѣкъ и слѣдовалъ предназначеніямъ герцога де-Ришелье—истиннаго основателя устройства Новороссійскаго края и, въ особенности, Одессы.

Родъ общественной жизни одесской мнѣ очень понравился, и я привязался къ этому краю и по вольному моему быту въ ономъ, и по занятіямъ по устройству хозяйства въ купленной мною степи въ Таврической губерніи. Кромѣ того, я пріобрѣлъ въ Одессѣ мѣсто на постройку дома и купилъ подъ городомъ, въ прекрасной мѣстности надъ моремъ, хуторъ (т. е. дачу), извѣстный прежде подъ названіемъ хутора графа Витгенштейна, а при ссылкѣ моей въ Сибирь, проданный негоціанту Картаци.

Эти всѣ причины отклонили меня на время отъ поѣздки въ чужіе края, и я въ томъ-же году зимой отправился въ Питеръ для нѣкоторыхъ распоряженій, чтобъ оборотомъ займа въ Опекунскомъ совѣтѣ на имѣніи Нижегородскомъ, въ моемъ владѣніи состоящемъ, добыть капиталъ на постройку дома и устройство дачи; но все-же имѣлъ въ виду, обезпечивъ эти расходы, ѣхать за границу. По устройству дѣлъ въ Петербургѣ, я отправился обратно на югъ въ началѣ 1819 г. и путь мой направилъ на Кіевъ, чтобъ побыть на контрактахъ, тогда шумѣвшихъ и дѣлами денежными, и общественнымъ съѣздомъ.

Въ Кіевѣ начальникомъ штаба при 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ былъ тогда Михаилъ Орловъ, товарищъ по воспитанію (мы оба были въ одномъ заведеніи у аббата Никола), товарищъ по полку кавалергардскому, товарищъ боевой бивачной жизни; мы встрѣтились съ нимъ, какъ старые друзья. У насъ сбирался кружокъ образованныхъ людей, какъ русскихъ, такъ и поляковъ, до-

вольно большой по случаю съѣзда на контракты, и даже кругъ дамскаго знакомства не былъ пусто свѣтскій, а дѣльный. Въ это время у насъ въ Россіи ненависть къ Франціи, порожденная нашими военными пораженіями въ войнахъ 1805, 1806 и 1807 гг., вовсе исчезла; кампаніи 12-го года и послѣдующихъ 13 и 14 гг. подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ установленіями ея, порядкомъ управленія и народными гарантіями; противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія—рѣзко выказались уму и сердцу многихъ и, какъ всякая новая идея имѣетъ коноводa,—Михаилъ Орловъ по уму и сердцу былъ этимъ коноводомъ и дѣйствовалъ на просторѣ въ Кіевѣ, гдѣ ни предразсудки столичныхъ, закоренѣлыхъ недвигателей, лицъ высшаго общества, ни неусыпный и рабски усердный надзоръ полиціи явной и секретной—не клали помѣхи въ широкомъ дѣйствіи, и гдѣ съѣздъ на контракты образованныхъ людей давалъ случай узнавать людей и сѣять сѣмяна прогресса политическаго.

Благодаря тому, что я остановился на квартирѣ Орлова, я вошелъ въ этотъ замѣчательный кружокъ людей, а чувства мои давно уже клонились къ проповѣдуемымъ въ ономъ истинамъ. Болѣе, нежели когда, я понялъ тогда, что преданность къ отечеству должна меня вывести изъ душнаго и безцвѣтнаго быта ревнителя шагистики и угодническаго царедворничества. Сожитіе съ столь замѣчательнымъ лицомъ, какъ Михаилъ Орловъ, кругъ людей, съ которыми имѣлъ я ежедневныя сношенія, оказали сильное вліяніе на меня, развили во мнѣ чувства гражданина, и я вступилъ въ новую колею убѣжденій и дѣйствій.

Съ этого времени началась для меня новая жизнь.

Я вступилъ въ нее съ гордымъ чувствомъ убѣжденія и долга гражданина, и съ твердымъ намѣреніемъ исполнять во что что бы то ни стало мой долгъ исключительно изъ любви къ отечеству. Избранный мною путь привелъ меня въ Верховный уголовный судъ, въ Сибирь, въ каторжную работу и къ тридцатилѣтней жизни въ ссылкѣ . . . . . .

. . . . . .

Но обращаюсь ко времени моего первоначальнаго заѣзда въ Кіевъ. Вышеприведенныя подробности о кругѣ людей, между которыми я проводилъ время и съ которыми бесѣдовалъ, доставили мнѣ возможность познакомиться со многими поляками, какъ юго-восточнаго края Россіи, такъ и съ пріѣхавшими по дѣламъ довольно значительными лицами и молодежью изъ Варшавы и царства Польскаго. Въ то время не было той рѣзкой черты непріязненности, скажу даже, вражды, между русскими и поляками; не было въ этихъ послѣднихъ желанія отдѣлиться отъ Россіи со всѣми безразсудными для ихъ пользы, сумасшедшими, заносчивыми теперешними ихъ требованіями (пишу я это въ 1862 году), въ родѣ того, что юго-восточная часть Россіи до Чернаго моря, Малороссія, Бѣлоруссія, Литва, Кіевъ, Смоленскъ, Остъзейскія губерніи — все это есть коренная Польша и должно отойти отъ Россіи. Тогда господствовалъ въ обоюдныхъ убѣжденіяхъ соединенный славянскій элементъ, и это я подкрѣплю не одними моими воззрѣніями, но фактомъ: въ то время учредилась въ Кіевѣ масонская ложа, подъ именемъ: Les slaves réunis (ложа соединенныхъ славянъ),— одно это названіе доказываетъ наклонность общую къ соединенію. Le grand Maître de la chaire (мастеръ стула) былъ полякъ, губернскій предводитель дворянства Кіевской губерніи, графъ Оливеръ; les deux surveilleurs (надзиратели) были русскіе, а члены были безъ разбора и

русскіе, и поляки, и дружно, по-братски подавали другъ другу руку.

Такъ какъ я былъ масономъ, или, какъ это именуется, вольнымъ каменьщикомъ, то мнѣ было предложено быть почетнымъ членомъ этой ложи, и я въ пріемномъ, на это званіе, засѣданіи говорилъ рѣчь, въ которой выразилъ чувства благодарности за честь, мнѣ дарованную,—и указывалъ, какія великія послѣдствія истекутъ изъ добровольнаго соглашенія между поляками и россіянами составить одно нераздѣльное цѣлое; моя рѣчь была принята съ общимъ одобреніемъ, выраженнымъ обычнымъ масонамъ перстничнымъ рукоплесканіемъ, повтореннымъ три раза, въ знакъ высшаго всеобщаго одобренія.

О первомъ моемъ пребываніи въ Кіевѣ, кромѣ вышесказаннаго, нечего сообщить.

По разъѣздѣ лицъ, участвовавшихъ въ контрактовомъ съѣздѣ, познакомившись съ семействомъ графини Потоцкой-Тульчинской, я былъ приглашенъ, какъ и многіе другіе, посѣтить Тульчинъ во время обычнаго туда съѣзда на масляницѣ. Это пребываніе въ Тульчинѣ ввело меня въ кругъ людей, мыслящихъ и мечтавшихъ о преобразованіи политическаго внутренняго быта въ Россіи. Эти мечты нашли теплый отголосокъ и въ моихъ чувствахъ и думахъ.

Мнѣ было сдѣлано предложеніе вступить въ члены общества, преслѣдующаго эту цѣль и названнаго: «*Союзъ благоденствія*», а болѣе извѣстнаго подъ названіемъ «*Зеленой книги*». Съ самаго начала вступленія моего въ это общество, я сдѣлался ревностнымъ дѣятелемъ по опому, почелъ обязанностью не удаляться изъ Россіи и измѣнилъ принятое мною намѣреніе надолго отлучиться за границу.

Я вступилъ въ тѣсную связь съ Пестелемъ и съ Юшневскимъ, предсѣдательствующими Южной думы

этого общества. Съ самаго начала моего знакомства, я могъ оцѣнить великія дарованія, пылкое чувство къ дѣлу и стойкость характера Пестеля; хотя Юшневскій имѣлъ также два первыхъ упомянутыхъ о Пестелѣ качества, но не было въ немъ ни силы воли, ни неуклонной настойчивости Пестеля. При первомъ вступленіи моемъ въ общество, тѣсно сблизился я и съ другими членами: М. А. фонъ-Визинномъ, человѣкомъ дѣльнымъ, съ теплой душой, но легко подчинявшимся вліянію старыхъ связей дружбы; познакомился съ Бурцовымъ, человѣкомъ съ дарованіями, но систематикомъ и подчиняющимъ свои убѣжденія какимъ-то формуламъ,—а въ дѣлѣ, нами задуманномъ, формулы охлаждаютъ чувства. и впослѣдствіи выкажется, что онъ изъ ревностныхъ членовъ постепенно удалялся и, наконецъ, вышелъ изъ общества. Познакомился съ П. В. Абрамовымъ, личностью, отличающейся теплымъ отношеніемъ къ дѣлу, но никакими иными замѣчательными чертами не выдающейся. Возобновилъ знакомство съ княземъ Барятинскимъ, человѣкомъ замѣчательнымъ по теплотѣ чувствъ къ дѣлу, но который въ частной жизни часто заслуживалъ неодобрительныя сужденія. Въ числѣ членовъ былъ Клейнъ, старый мой знакомый по бивачной жизни въ 1806 и 1807 гг. Въ Тульчинѣ были тогда, сколько упомню, слѣдующія лица — члены: медикъ Вольфъ, человѣкъ мыслящій и теплый къ дѣлу и выходящій изъ общей рядовой обстановки; потомъ два брата Крюковы; два брата Пушкины-Бобрищевы, Лачиновъ, Заикинъ, тогда рядовые члены. Былъ также Ивашевъ, лицо образованное, но безхарактерное и скоро вышедшее изъ общества. Узналъ я тогда же, что въ числѣ членовъ былъ Василій Львовичъ Давыдовъ, личность замѣчательная по уму и теплотѣ чувства къ дѣлу; его я назову коноводомъ, по вліянію его бойкихъ обсужденій и ловкаго увлекательнаго разго-

вора, а мѣстожительство его въ селѣ Каменкѣ, Чигиринскаго уѣзда – было ежегоднымъ сборнымъ пунктомъ для совѣщаній. Этотъ съѣздъ не навлекалъ на себя подозрѣній мѣстнаго полицейскаго начальства, потому что срокъ съѣзда былъ назначенъ на 24 ноября—день именинъ его матери, почтенной старушки, къ которой въ этотъ день съѣзжались и вся семья ея, и посторонніе. Я тутъ же узналъ, что въ числѣ членовъ былъ В. Ѳ. Раевскій, маіоръ 32-го егерскаго полка, и поручикъ Охотниковъ, о которыхъ придется мнѣ впослѣдствіи говорить, и, наконецъ, старый мой односкамейникъ и однополчанинъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ. Эта личность настолько замѣчательна, что я долженъ сказать о ней предварительно нѣсколько словъ. Воспитанный, какъ и я, въ институтѣ аббата Никола—онъ былъ первымъ ученикомъ въ отношеніи учебномъ и нравственномъ, и былъ уважаемъ и наставниками, и товарищами.

По окончаніи курса ученія онъ былъ опредѣленъ юнкеромъ въ кавалергардскій полкъ, и въ этомъ званіи участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, въ которомъ проявилъ замѣчательную храбрость, за что и былъ произведенъ въ корнеты, участвовалъ въ походѣ съ полкомъ въ Пруссію въ 1807 г., но какъ полкъ этотъ не былъ въ дѣлѣ, то ему не было случая выказаться. Служа въ кавалергардскомъ полку, за годъ или за два до 1812 года, онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ князю Петру Михаиловичу Волконскому, завѣдывавшему квартирмейстерской частью, при которомъ, хотя и въ мирное время, но уже выказалъ свои отличныя дарованія и прилежаніе къ усовершенствованію въ военной наукѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ кругу петербургскаго общества пріобрѣлъ уваженіе и уже тогда всталъ во главѣ и мыслящей, и свѣтской молодежи. Въ званіи адъютанта онъ былъ при Волконскомъ во время пріѣзда

Государя въ Вильну къ арміи и до выѣзда Царя изъ оной, послѣ Дриссенскаго лагеря. При отъѣздѣ Государя изъ арміи и вмѣстѣ при отъѣздѣ съ нимъ Волконскаго, онъ остался въ арміи, но въ какомъ званіи, не упомню. При пріѣздѣ главнокомандующаго Кутузова, этотъ молодой человѣкъ обратилъ на себя вниманіе воина-старца, который давалъ ему разныя порученія, затѣмъ онъ участвовалъ волонтеромъ въ экспедиціи изъ-подъ Тарутинскаго лагеря въ городъ Верею, занятую французами, и былъ при начальникѣ этой экспедиціи, отличномъ вождѣ, генералъ-маіорѣ Иванѣ Семеновичѣ Дохтуровѣ, а при взятіи штурмомъ Вереи былъ въ охотникахъ, и за отличные подвиги былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса. Во время преслѣдованія французовъ въ 1812 г. командовалъ онъ партизанскимъ отрядомъ, и, наконецъ, при взятіи Парижа въ 1814 г. онъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ Орловъ, заключилъ извѣстное условіе о капитуляціи Парижа *)— капитуляціи, столь противоположной Парижскому миру послѣ Крымской войны, нанесшей постыдное пятно на величіе и славу Россіи.

Но обратимся къ теченію происшествій, столь много вліявшихъ на весь ходъ моей гражданской жизни.

---

*) См. «*Утренняя Заря*», Альманахъ на 1843 г., изд. В. Владиславлевымъ, стр. 3—65.

XLVI.

Первыя попытки къ уничтоженію крѣпостного права.—Сближеніе съ П. Пв. Пестелемъ и другими членами тайнаго общества.—Дѣятельность, какъ члена этого общества.—Съѣздъ депутатовъ Сѣверной и Южной думы въ Москвѣ.—Дѣятельность Южной думы.—Предложеніе М. Н. Раевской.—Отъѣздъ на Кавказъ.—Кавказское тайное общество.—Женитьба на М. Н. Раевской.—Съѣздъ депутатовъ русскаго и польскаго тайнаго общества.—Пав. Пв. Пестель.

Какъ я уже упомянулъ, во время перваго моего пребыванія въ Кіевѣ я взошелъ въ кружокъ людей, мыслящихъ, что дѣла ихъ не должны ограничиваться шарканіемъ и пустопорожней жизнью петербургскихъ гостиныхъ и шагистикой военной гарнизонной жизни, а что жизнь и дѣла ихъ должны быть посвящены пользѣ родины и гражданскимъ преобразованіямъ, имѣющимъ цѣлью поставить Россію на уровень гражданскаго быта, введеннаго въ Европѣ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ начало было не власть деспотовъ, но права человѣка и народовъ; и къ этому времени надо приписать первыя общія попытки общественнаго мнѣнія къ уничтоженію крѣпостного права въ Россіи. Первая гласная попытка въ этомъ родѣ была сдѣлана еще въ 1815 г. Михаиломъ Орловымъ, который составилъ адресъ къ Императору Александру объ уничтоженіи крѣпост-

ного права въ Россіи, подписанный тогда многими изъ первенствующихъ служебныхъ чиновниковъ; какъ я узналъ впослѣдствіи, были тамъ имена: князя Илларіона Васильевича Васильчикова, графа Воронцова и Блудова, который впослѣдствіи этотъ вопросъ отстаивалъ и тѣмъ заслуживаетъ того, чтобы имя его вмѣстѣ съ именемъ Ростовцева было высѣчено на скрижаляхъ отечественной исторіи.

Изъ Кіева, полный впечатлѣніями отъ собесѣдованія съ лицами новыхъ убѣжденій, я поѣхалъ въ Одессу, гдѣ жила тогда сестра моя Софія и жена брата моего Зинаида, и проѣздомъ остановился въ Тульчинѣ, гдѣ была главная квартира 2-й арміи, командуемой тогда графомъ Витгенштейномъ. При немъ было много молодежи мыслящей, и въ числѣ ихъ адъютантъ Павелъ Ивановичъ Пестель, человѣкъ замѣчательнаго ума, образованія, и въ сердцѣ котораго гнѣздились высокія и пылкія чувства патріотизма. Въ сихъ моихъ запискахъ эта личность будетъ выставлена во всемъ просторѣ его дѣяній, которыя выкажутъ, каковъ былъ этотъ человѣкъ и гражданинъ, и выкажутъ его достоинства лучше, нежели могъ бы я это сдѣлать своимъ слабымъ очеркомъ о немъ. Общія мечты, общія убѣжденія скоро сблизили меня съ этимъ человѣкомъ и породили между нами тѣсную дружескую связь, которая имѣла исходомъ вступленіе мое въ основанное еще за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ тайное общество, подъ названіемъ «*Союзъ благоденствія*», но болѣе извѣстное подъ названіемъ «*Зеленой книги*», по цвѣту обертки устава этого общества. Предложеніе вступить въ это общество было мнѣ сдѣлано Михаиломъ Александровичемъ Фонъ-Визинымъ, сослуживцемъ моимъ по гвардіи, и тутъ опять я взошелъ въ тѣсную связь со многими членами этого общества, между которыми замѣчательными лицами по сочувствію къ общей отечественной пользѣ были: Алексѣй Петро-

вичъ Юшневскій, Павелъ Васильевичъ Абрамовъ, князь А. Барятинскій, Фонъ-Визинъ, мною упомянутый, два брата Крюковы и впослѣдствіи Василій Львовичъ Давыдовъ, Владиміръ Николаевичъ Лихаревъ, Андреи Васильевичъ Янтальцевъ; здѣсь я узналъ, что въ числѣ членовъ были еще: М. Ѳ. Орловъ, Якушкинъ, Александръ Николаевичъ Муравьевъ, Никита и Александръ Муравьевы, полковникъ Граббе, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, М. С. Лунинъ, братья Поджіо, Илья Бибиковъ, медикъ Вольфъ, Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій, Клейнъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы, Иванъ Семеновичъ Швейковскій, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ и Карлъ Карловичъ Тизенгаузенъ. Я упоминаю объ этихъ лицахъ, какъ оставшихся вѣрными принятой ими клятвѣ; были и другіе, какъ въ Тульчинѣ, такъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, но которые отлынули, и какъ всякому надо воздать по дѣламъ его, и о нихъ упомяну; извѣстны мнѣ были: Бурцовъ, Ивашевъ, два брата Шиповы—гвардейцы, Колошины, Долгорукій—артиллеристъ, Михаилъ Муравьевъ, Комаровъ, который впослѣдствіи былъ доносчикомъ. Изъ этихъ, кромѣ Ивашева, который присужденъ былъ вмѣстѣ съ дѣйствительными членами, прочіе остались внѣ преслѣдованія по дѣлу о тайномъ обществѣ. Вступленіе мое въ члены тайнаго общества было принято радушно прочими членами, и я съ тѣхъ поръ сталъ ревностнымъ членомъ онаго и скажу по совѣсти, что я въ собственныхъ глазахъ вполнѣ понялъ, что вступилъ на благородную стезю дѣятельности гражданской.

По минованіи временнаго моего пребыванія въ Тульчинѣ я поѣхалъ въ Одессу и тамъ вступилъ на поприще пропаганды и принялъ въ общество адъютанта Ланжерона, Меера, и офицера путей сообщенія Бухновскаго, двухъ пылкихъ юношей, но съ которыми я впослѣдствіи не встрѣчался, и которые, къ утѣшенію мо-

ему, не были въ числѣ осужденныхъ по нашему дѣлу. Изъ Одессы я поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ познакомился ближе съ Никитой Муравьевымъ, Сергѣемъ Трубецкимъ и Митьковымъ, всѣ трое дѣйствительные члены Петербургской думы; потомъ поѣхалъ опять въ Кіевъ, на контракты, куда многіе изъ насъ съѣжались для толкованій о дѣлахъ Южной думы, о связяхъ оной съ Сѣверной, затѣмъ—опять въ Одессу черезъ Тульчинъ. Изъ Одессы я пріѣхалъ опять въ Тульчинъ, и какъ было рѣшено, по общимъ дѣламъ общества, депутатамъ сѣвера и юга соединиться въ Москвѣ, то отъ Тульчинской думы были назначены для совѣщанія Бурцовъ, Комаровъ и я, и приглашенъ былъ также по довѣрію общему Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ; съ нимъ я съѣхался въ Тульчинѣ, куда онъ пріѣхалъ изъ Кишинева, гдѣ тогда командовалъ дивизіей, и съ нимъ вмѣстѣ прибыли мы въ Кіевъ. Здѣсь опять прерву разсказъ свой о дѣлахъ общества и скажу нѣсколько словъ объ Орловѣ.

Проѣздомъ черезъ Кіевъ онъ рѣшился сдѣлать попытку относительно давно затѣянной имъ женитьбы съ дочерью Николая Николаевича Раевскаго—Екатериною Николаевною. Переговоры эти шли черезъ брата ея, Александра Николаевича, который ему поставилъ первымъ условіемъ выходъ его изъ тайнаго общества, т. е. изъ дѣйствительныхъ членовъ его. Александръ Николаевичъ, какъ человѣкъ умный, не былъ въ числѣ отсталыхъ, но, какъ человѣкъ хитрый и осторожный, видѣлъ, что тайное общество не минуетъ преслѣдованія правительства, а потому и положилъ первымъ условіемъ Орлову выходъ его изъ общества, и Орловъ, выѣхавъ изъ Кіева, былъ въ шаткомъ убѣжденіи, что ему дѣлать.

Прибывъ въ Москву, нашли мы московскихъ и петербургскихъ депутатовъ уже собранныхъ, но какъ было положено, что правомъ голоса могутъ пользоваться

только члены основатели общества, а не члены, впослѣдствіи поступившіе въ тайное общество, то я и Комаровъ были устранены отъ участія въ преніяхъ, а это право предоставлено было одному Бурцову изъ членовъ Южной думы. Въ числѣ московскихъ членовъ были: Фонъ-Визинъ, Якушкинъ, Колошины, Граббе; въ числѣ петербургскихъ, не упомню, кто былъ; предсѣдателемъ-же былъ выбранъ Михаилъ Орловъ. Съ самаго начала съѣзда было получено изъ Петербурга отъ тамошней думы сообщеніе, что правительство слѣдитъ за дѣйствіями тайнаго общества, и что будетъ осторожнѣе прекратить гласное существованіе общества и положить закрытіе онаго, а членамъ по одиночкѣ дѣйствовать по цѣли онаго. Главное побудительное основаніе къ этому обстоятельству было сообщеніе Ѳеодора Глинки, который, бывъ адъютантомъ у Милорадовича, имѣлъ положительное свѣдѣніе о возбужденномъ надзорѣ правительства *). Рѣшено было

*) Немедленно по возвращеніи Императора Александра въ Царское Село (24-го мая (5-го іюня) 1821 г.) послѣ отсутствія изъ Россіи, продолжавшагося почти годъ, генералъ-адъютантъ Васильчиковъ поспѣшилъ къ нему въ Царское Село, чтобы довести до свѣдѣнія Государя тайну, уже столько мѣсяцевъ, угнетавшую его страшною отвѣтственностью, и которую онъ никому не считалъ себя въ правѣ повѣрить. Тогда произошла слѣдующая замѣчательная сцена.

Васильчиковъ сначала докладывалъ о текущихъ дѣлахъ. Государь сидѣлъ за письменнымъ столомъ, Васильчиковъ напротивъ. Окончивъ докладъ, онъ сказалъ Государю, что имѣетъ передать ему доносъ о политическомъ заговорѣ, поданный ему во время отсутствія Императора, незадолго до происшествія въ Семеновскомъ полку; вмѣстѣ съ тѣмъ Васильчиковъ представилъ приложенный къ доносу списокъ лицъ, участниковъ этого заговора. Государь, выслушавъ эти разоблаченія, которыя, повидимому, не были для него неожиданны, долго оставался задумчивымъ и безмолвнымъ, погрузившись въ глубокое и тихое размышленіе; потомъ онъ произнесъ по-французски слѣдующія слова, имѣющія важное историческое значеніе: «Mon cher Wassiltchikoff! Vous qui êtes à mon service depuis le commencement de mon règne, vous savez que j'ai partagé et encouragé ces illusions et ces erreurs». (*Дорогой Васильчиковъ, вы, который находитесь на моей службѣ съ начала моего царствованія, вы, знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія*). Итакъ, вотъ на какомъ рѣшеніи остановился Императоръ Александръ: «не мнѣ подобаетъ карать».

кореннымп членами московскаго конгресса закрыть совокупныя два общества, и къ этому рѣшенію присталъ и Орловъ. Я съ этой вѣстью прибылъ въ Кіевъ и сообщилъ оную Южной думѣ, но это положеніе не было принято ею, и положено было, почти единогласно, отдѣльно дѣйствовать по прежней программѣ, исключая Бурцова и Комарова, которые остались при рѣшеніи московскаго конгресса. Въ Петербургѣ тоже положено было продолжать дѣйствовать, но отдѣльно, не въ связи съ Южной думой, а каждой порознь.

Съ этого времени Южная и Сѣверная думы поставили себѣ программы различныя. Южная, чисто демократическую, а Сѣверная — монархическую конституціонную. Въ это-же время положено было, что цареубійство должно быть въ Южной думѣ принято основнымъ правиломъ, какъ для старыхъ, такъ и при пріемѣ новыхъ членовъ. *Эта мѣра въ основаніи своемъ имѣла не безусловное приведеніе въ дѣйствительность, но была какъ бы обуздывающимъ предохранительнымъ средствомъ отъ удаленія*

Дѣйствительно. Александръ долженъ былъ признать, что стремленія тайныхъ обществъ не шли въ разрѣзъ съ его прежними убѣжденіями и что, слѣдовательно, преслѣдовать членовъ этихъ обществъ значило бы преслѣдовать самого Александра 1801-го и послѣдующихъ годовъ.

Съ этого же времени въ рукахъ Государя находилась еще записка о тайныхъ обществахъ генералъ-адъютанта А. Х. Бенкендорфа, занимавшаго тогда мѣсто начальника штаба Гвардейскаго корпуса. Въ этой запискѣ описаны существовавшія тогда въ Россіи тайныя общества съ такою точностью и вѣрностью, что почти все сказанное въ ней подтвердилось слѣдствіемъ 1826 года; поэтому записка Бенкендорфа имѣетъ поразительное сходство съ извѣстнымъ донесеніемъ слѣдственной комиссіи, написаннымъ Блудовымъ. Такимъ образомъ, оказывается, что и въ 1821 году Императоръ Александръ уже имѣлъ въ рукахъ положительныя свѣдѣнія о заговорахъ, но не приступилъ къ обнаруженію ихъ, несмотря на то, что Бенкендорфъ назвалъ всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и далъ правительству указанія, по которымъ легко было своевременно предупредить готовившійся взрывъ съ меньшими жертвами, чѣмъ это оказалось нужнымъ впослѣдствіи. Послѣ кончины Императора Александра, записка Бенкендорфа была найдена безъ всякихъ помѣтокъ въ кабинетѣ Государя въ Царскомъ Селѣ. *(Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдеръ. Т. IV. Спб. 1898 г., стр. 203—204).*

членовъ изъ общества: согласіе на такую мѣру не давало уже возможности къ выходу; удаленіе-же изъ членовъ общества не уменьшало полной отвѣтственности за первоначальное согласіе. *Это изложеніе не есть вымыселъ, теперь мною придуманный, но чистая того времени уловка; и это я высказываю по сущей истинѣ.*

Впослѣдствіи я и Василій Давыдовъ ежегодно въ декабрѣ ѣздили въ Петербургъ для совѣщаній съ Сѣверной думою, хотя дѣйствія ея членовъ не были по одной программѣ съ нами, а болѣе для собесѣдованія о дѣйствіяхъ каждой порознь; мы оба возвращались къ контрактамъ и давали отчетъ о нашихъ сношеніяхъ и о томъ, что узнавали, и о ходѣ дѣлъ Сѣвернаго общества, и о дѣйствіяхъ въ отношеніи насъ правительства. У насъ на югѣ шло все дружно, и, кромѣ значительной пропаганды въ окрестностяхъ нашего мѣстопребыванія, Южная дума взошла въ сношенія съ тайнымъ обществомъ «Соединенныхъ славянъ», съ которымъ и соединилась, а затѣмъ взошла въ сношенія съ обществомъ польскимъ.

Вслѣдствіе моей безусловной преданности дѣламъ тайнаго общества мнѣ довѣрили переговоры съ назначенными для совѣщаній депутатами отъ польскаго тайнаго общества: лица эти были князь Яблоновскій и *), люди вполнѣ акредитованные отъ общества; это происходило на контрактахъ 1825 г. Кромѣ этихъ двухъ членовъ для письменныхъ сношеній со мною и постоянной передачи дѣлъ, касающихся обоихъ обществъ, Южнаго и польскаго, назначенъ былъ отъ второго Антоній Чарковскій. Контракты 1825 года были въ январѣ, къ этому времени прибылъ въ Кіевъ и Павелъ Ивановичъ Пестель и совокупно со мною долженъ былъ вести переговоры съ польскими депутатами.

Но прежде, нежели высказать ходъ оныхъ, упо-

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

мяну объ обстоятельствѣ, лично до меня относящемся,— о моей свадьбѣ съ дѣвицею Маріею Николаевной Раевской. Давно влюбленный въ нее, я, наконецъ, въ 1824 году рѣшился просить ея руки. Это дѣло началъ я вести черезъ Михаила Орлова; но для очищенія себя отъ упрека въ томъ, что я виною всѣхъ тѣхъ испытаній, которымъ подверглась она впослѣдствіи отъ послѣдовавшаго опальнаго моего гражданскаго быта—я долженъ сказать, что, препоручивъ Орлову ходатайствовать въ мою пользу у ней, у ея родителей и братьевъ, я положительно высказалъ Орлову, что если извѣстныя ему мои сношенія и участіе въ тайномъ обществѣ будутъ помѣхою въ полученіи руки той, у которой я просилъ согласія на это, то, хотя скрѣпя сердце, я лучше откажусь отъ этого счастія, нежели рѣшусь измѣнить своимъ политическимъ убѣжденіямъ и своему долгу. Не будучи увѣреннымъ, что получу согласіе и чтобъ вывести себя и ея семью изъ затруднительнаго положенія, я выставилъ причиной вымышленное разстройство моего здоровья и поѣхалъ на Кавказскія воды, съ намѣреніемъ, буде получу отказъ, искать поступленія на службу въ кавказскую армію и въ боевой жизни развлечь горе отъ неудачи въ жизни частной. Получивъ отпускъ, отправился я въ путь, просивъ, чтобы положительное рѣшеніе по этому вопросу было мнѣ доставлено туда, и тамъ я получилъ отъ Орлова извѣщеніе, что могу формально приступить къ исполненію своего намѣренія относительно женитьбы, съ надеждой на успѣхъ.

Я выбралъ для своей поѣздки именно Кавказскія воды, потому что принялъ порученіе отъ верховной думы Южнаго общества стараться узнать положительнѣе о дошедшемъ до насъ слухѣ, что на Кавказѣ и въ самой главной квартирѣ въ Тифлисѣ существуетъ общество, имѣющее цѣлью произвести политическій переворотъ въ Россіи.

Тамъ я встрѣтился съ Александромъ Ивановичемъ Якубовичемъ, который за дуэль Завадовскаго съ Шереметевымъ изъ гвардіи былъ переведенъ тѣмъ-же чиномъ на Кавказъ. При первомъ знакомствѣ съ нимъ я убѣдился, что опала, надъ нимъ разразившаяся, явныя, нескрываемыя прогрессивныя убѣжденія его и при этомъ заслуженное общее мнѣніе сослуживцевъ его о немъ, какъ объ отличномъ боевомъ лицѣ, угнетенномъ опалой,— все это могло быть мнѣ ручательствомъ, что я встрѣчу въ немъ сочувствіе къ общему затѣянному дѣлу того общества, въ которомъ я былъ членомъ, и я рѣшился узнать отъ него, точно-ли есть тайное общество на Кавказѣ и какая его цѣль?

Постепенно ведя съ нимъ разговоры интимные, судя по его словамъ, я получилъ, если не убѣжденіе, то довольно ясное предположеніе, что существуетъ на Кавказѣ тайное общество, имѣющее цѣлью произвести переворотъ политическій въ Россіи, и даже нѣкоторыя предположительныя данныя, что во главѣ онаго самъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, и что участвуютъ въ оном большею частью лица, приближенныя къ его штабу. Это меня ободрило къ большей откровенности, и я уже безъ околичностей открылъ Якубовичу о существованіи нашего тайнаго общества и предложилъ ему, чтобъ кавказское общество соединилось съ Южнымъ всѣмъ его составомъ. На это Якубовичъ мнѣ отвѣчалъ: «Дѣйствуйте, и мы тоже будемъ дѣйствовать, но каждое общество порознь, а когда придетъ пора приступить къ явному взрыву, мы тогда соединимся. Въ случаѣ неудачи вашей, мы будемъ въ сторонѣ, и тѣмъ будетъ еще зерно, могущее возродить новую попытку. У насъ на Кавказѣ и болѣе силъ, и во главѣ человѣкъ даровитый, извѣстный всей Россіи, а при неудачѣ общей, здѣсь край и по мѣстности отдѣльный, способный къ самостоятельности. Около васъ сила, вамъ, вѣроятно, не сруч-

ная, а здѣсь все наше по преданности общей къ Ермолову».

Былъ-ли разсказъ Якубовича оттискомъ дѣйствительности или вымышленная эпопея, тогда мнѣ трудно было рѣшить, но теперь послѣ совмѣстнаго тюремнаго заключенія съ нимъ, гдѣ каждое лицо выказывается безъ чуждой оболочки, я полагаю, что его разсказъ былъ не основанъ на фактахъ, а просто былъ, какъ я уже назвалъ, эпопея, сродни его умственному направленію.

Я такъ пространно выяснилъ весь этотъ разговоръ, потому что я, можетъ быть, и ошибочно завѣрилъ все это въ моемъ отчетѣ въ Верховную думу по возвращеніи съ Кавказа, а какъ этотъ отчетъ будетъ играть роль въ моемъ осужденіи, то я почелъ нужнымъ заблаговременно передать нашъ разговоръ. Какъ уже я сообщилъ, въ январѣ 1825 г. было положено съѣхаться поименованнымъ депутатамъ русскаго и польскаго общества для переговоровъ. Хотя именно въ это время была моя свадьба, но я не отклонился отъ участія въ оныхъ, и это новый знакъ моей преданности къ дѣлу тайнаго общества.

Общее засѣданіе насъ четверыхъ было у меня, уже женатаго, на квартирѣ.

Изложеніе о ходѣ нашихъ дѣлъ начали русскіе депутаты, потомъ давали отчетъ польскіе, но какъ изъ ихъ словъ выяснилось, что для общаго согласія въ дѣлѣ нужно полякамъ знать, согласно-ли наше общество на присоединеніе къ Польшѣ, какъ они выражались, отторгнутыхъ отъ нея нынѣ губерній, то Пестель сказалъ: «О границахъ не ставить кондицій, мы клониться должны къ общему дѣлу: союзъ Польши съ Россіей не долженъ быть въ ущербъ послѣдней. Вы ищете совокупнаго дѣйствія съ нами; что издавна русское, то должно остаться русскимъ; мы по національности составимъ федеративное цѣлое, не требуйте замыслова-

тыхъ уступокъ. Вы найдете въ насъ братьевъ и гранью между нами не будетъ произволъ какого-либо сословія. Мы желаемъ добра и самостоятельности Польшѣ, но первое наше дѣло—отстаивать свое отечество. Однимъ словомъ, согласитесь по этому вопросу ожидать и довольствоваться тѣмъ, что вамъ дадимъ, а не мечтайте о невозможномъ. Главное дѣло, это на обоюдныхъ правилахъ устроить возстаніе, не въ отвлеченныхъ мысляхъ, а на дѣлѣ; мы начнемъ, и вы начинайте». Этотъ разговоръ положилъ конецъ сарматскимъ попыткамъ поляковъ, не имѣющимъ никакого историческаго основанія, и главная цѣль, общаго дѣйствія къ возстанію въ одно время при объявленіи отъ насъ, была единогласно принята. Вотъ не вымышленный, но чисто фактическій разговоръ.

Прежде, нежели взяться за нить дѣйствій по тайному обществу, еще отклонюсь къ частной личности; полагаю обязанностью оспаривать убѣжденіе, тогда уже вкравшееся между членами общества и какъ-то донынѣ существующее, что Павелъ Ивановичъ Пестель дѣйствовалъ изъ видовъ тщеславія и искалъ при удачѣ захватить власть, а не имѣлъ цѣлью чистыя общія выгоды,—мнѣніе обидное памяти того, кто принесъ свою жизнь въ жертву общему дѣлу. Я помню, что въ 1824 г., говоря о дѣлахъ общества, въ интимной бесѣдѣ со мной, онъ мнѣ сказалъ: «On continue à voir en moi, au sein même de la Société, un ambitieux qui a l'intention de pêcher dans l'eau trouble; je ne parviendrai à détruire ces préventions, qu'en me démettant de la présidence de la Vente du midi, et même en m'éloignant de Russe à l'étranger; c'est un parti pris et je compte sur votre amitié pour moi que vous ne serez pas contre. On me nomme Syès, et moi je n'ambitionne qu'à être tout aussi désintéressé que . . . . *).

*) Продолжаютъ видѣть во мнѣ, даже въ самомъ Обществѣ, честолюбца, который намѣренъ въ мутной водѣ половить рыбу; мнѣ тогда только удастся

На это рѣшеніе я высказалъ Пестелю, что удаленіе его отъ званія главы Южной думы нанесетъ ударъ ея успѣшнымъ дѣйствіямъ, что онъ одинъ можетъ управлять и ходомъ дѣлъ, и личностями, что съ отъѣздомъ его прервется нить общихъ дѣйствій, что ему, спокойному совѣстью, нечего принимать къ сердцу пустомелье нѣкоторыхъ лицъ, которыя пустили въ ходъ такіе неосновательные выводы не изъ чистой преданности къ дѣлу, а подъ вліяніемъ тѣхъ, которые выбыли изъ членовъ общества и желаютъ оправдать свое отступничество. Теплыя мои увѣщеванія, голосъ истиннаго убѣжденія моего заставили Пестеля отказаться отъ своего намѣренія; но какъ суждено было нашему обществу потерпѣть неудачу, то теперь я и не радъ, что отклонилъ его отъ поѣздки въ чужіе края. Онъ былъ-бы живъ и былъ-бы въ глазахъ Европы инымъ историкомъ нашему дѣлу, чѣмъ Николай Тургеневъ, который увѣряетъ, что онъ не былъ членомъ общества, тогда какъ я ежегодно, пріѣзжая въ Петербургъ, давалъ ему отчетъ о ходѣ дѣлъ нашего общества.

разрушить это предубѣжденіе, когда я перестану быть предсѣдателемъ Южной думы и даже удалюсь изъ Россіи за-границу. Это уже рѣшено, и я надѣюсь, что вы, по вашей дружбѣ ко мнѣ, не будете противъ. Меня называютъ Сіэсомъ, а я стремлюсь только быть такимъ же безкорыстнымъ, какъ . . . .

XLVII.

Основная цѣль тайнаго общества.—Николай Ивановичъ Тургеневъ.—Труды Пестеля и Тургенева. –Предательскія дѣйствія графа Вита.—Шпіонство Бошняка.—Предостереженіе Киселева.—Доносы Шервуда и Майбороды.

Приближаюсь къ тому времени, когда правительство насъ предало суду. Полагаю необходимымъ приступить къ изложенію состава нашего общества и цѣли его. Такъ какъ я пишу по памяти и по истеченіи болѣе, чѣмъ 30-тилѣтняго промежутка времени, то разсказъ мой не можетъ быть подробнымъ и отчетливымъ; но все-таки, при текущемъ безвѣдѣньи, кое-что сообщу.

Уставъ Южнаго общества и замѣчательный очеркъ Пестеля о предположеніяхъ его, высказанныхъ имъ въ уставѣ, подъ заглавіемъ: «*Русская Правда*», будутъ когда нибудь извлечены изъ-подъ архивнаго гнета и выкажутъ вполнѣ и въ ясномъ свѣтѣ это дѣло и замѣчательныхъ лицъ, бывшихъ въ составѣ онаго.

Я уже говорилъ объ измѣненіи правилъ тайнаго общества, котораго я былъ членомъ, теперь я хочу обозначить его основную цѣль послѣ происшедшей, опредѣленіемъ Московскаго конгресса, перемѣны.

Южная и Сѣверная думы приняли два различныхъ направленія: первая положила себѣ цѣлью демократическій переворотъ; вторая—монархически-конституціонный. Несмотря на это разногласіе цѣлей и средствъ, обѣ думы, не дѣйствующія совокупно, не прекращали сношеній между собою. Двигателемъ по Южной думѣ былъ Пестель; по Сѣверной—Никита Муравьевъ. Ежегодно я и Василій Львовичъ Давыдовъ ѣздили въ Петербургъ для совѣщаній, соображеній и свода успѣховъ по каждому отдѣлу.

Дѣла Южнаго общества, замышляющаго радикальный переворотъ (теперь скажу, можетъ быть, не сбыточный, преждевременный), быстрыми шагами подвигались впередъ; вербовка членовъ шла успѣшно, причемъ самоотверженіе отъ аристократическихъ началъ придавало какую-то восторженность частнымъ убѣжденіямъ и поэтому и самому общему ходу дѣла.

Дѣйствія-же Сѣвернаго общества, какъ по существу своему, такъ и по принятымъ имъ началамъ, были не такъ живительны, и болѣе относились къ приготовленію разныхъ проэктовъ конституціи, между которыми трудъ Никиты Муравьева болѣе всѣхъ другихъ былъ Сѣверной думой одобряемъ, какъ мысль; но въ затѣянномъ переворотѣ ставить все въ мысленную рамку (впрочемъ, это только мое убѣжденіе) преждевременно.

Для успѣшнаго переворота надо просторъ, увлеченіе, а по переворотѣ—надо сильную волю, чтобъ избѣгнуть анархіи, и къ этой цѣли клонилось постановленіе Южнаго общества, чтобъ при удачѣ вслѣдъ за переворотомъ учредить временное правительство на три года, а впослѣдствіи отобрать отъ народа или чрезъ назначенныхъ отъ него довѣрителей, чего и что хочетъ Россія.

Хоть я уже сказалъ нѣсколько словъ о Николаѣ Ивановичѣ Тургеневѣ, но выскажу добавочно еще

кое-что о немъ. Отдавая ему полную справедливость, какъ постоянному защитнику словомъ и дѣломъ уничтоженія крѣпостного права въ Россіи, не могу и не долженъ утаить, что высказанное имъ, даже въ печати, увѣреніе, что онъ не участвовалъ въ тайномъ обществѣ и не былъ его членомъ, есть явная ложь. Въ ежегодныя мои поѣздки въ Петербургъ, какъ я выше сказалъ, по дѣламъ общества, я не только имѣлъ съ нимъ свиданія и разговоры, но было постановлено Южной думой давать ему полный отчетъ о нашихъ дѣйствіяхъ, и онъ Южной думой почитался, какъ усерднѣйшій дѣятель, и былъ однимъ изъ учредителей тайнаго общества. Я помню, что во время одного изъ этихъ свиданій, при разсказѣ о дѣйствіяхъ Южной думы, онъ спросилъ меня: «А что, князь, приготовили-ли вы вашу бригаду къ возстанію при началѣ нашего общаго дѣла»? А я ему отвѣчалъ: «Николай Ивановичъ! приготовлять явно къ этому, это дать прямой поводъ къ оглядкѣ правительству; но я убѣжденъ, что я внушилъ въ моей бригадѣ, скажу даже въ дивизіи, довѣріе и любовь солдатъ ко мнѣ, такъ что при начальномъ возстаніи увлеку ихъ за собою, а разъ это достигнуто, то уже они у меня въ рукахъ и пойдутъ безъ оглядки за мной». Вотъ какъ Тургеневъ лжетъ, когда говоритъ и печатаетъ, что никогда не былъ членомъ тайнаго общества.

Еще приходитъ мнѣ на память сказанное мнѣ Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ; вотъ что этотъ рыцарь правды мнѣ сказалъ: «Во время бунта семеновскаго полка, я встрѣтился съ Николаемъ Ивановичемъ, и онъ спросилъ меня: «Что же вы не въ рядахъ возстанія семеновскаго полка? вамъ бы тамъ надлежало быть»! Кто могъ это сказать, какъ не членъ общества? Все это передаю, какъ сущую

истину. Только случай выпихнулъ его изъ верховнаго уголовнаго суда. Я радуюсь за Тургенева; но не поставило ли ему это еще болѣе въ обязанность не порочить печатно своихъ собратій, а выставить ихъ въ истинномъ свѣтѣ и особенно тамъ, гдѣ его слова не подвергались никакому преслѣдованію? Пусть каждый читающій эти мои строки рѣшитъ это самъ, но я увѣренъ, что всякій, кто знаетъ меня, не припишетъ высказанное мною сужденіе о Тургеневѣ злобѣ на то, что онъ не дѣлилъ нашего опальнаго быта, или зависти, что онъ, несмотря на то, что признанъ былъ въ верховномъ уголовномъ судѣ виновнымъ, былъ вовсе даже отклоненъ отъ этого приговора, и ему былъ дозволенъ безпрепятственный въѣздъ въ Россію, безъ всякаго надзора, причемъ были сохранены всѣ его чины и знаки отличія.

Но опять обращусь къ ходу событій, чисто до тайнаго общества относящихся; какъ я сказалъ уже, за давностью времени, невозможно отчетливо и подробно изложить все о Русской Правдѣ и о положенныхъ послѣ переворота мѣрахъ образа управленія. Все это, рано или поздно, изъ самихъ документовъ выкажется на-явь. Но одно скажу, что постановлено было, что по истеченіи срока временнаго правленія—члены онаго, какъ и члены общей народной думы, не могутъ быть участниками новаго, уже постояннаго, формулированнаго правленія, и что миссія ихъ соучастія кончена навсегда.

Въ предварительныхъ уставахъ, разныя части управленія были розданы для обработки разнымъ лицамъ: административная часть и военная организація были поручены Пестелю; судопроизводственная и финансовая части были поручены Тургеневу по первому разряду Русской Правды. При гласности, когда она получится, окажется, какой огромный

трудъ и съ какимъ отчетливымъ и свѣтлымъ взглядомъ былъ исполненъ Пестелемъ. Въ военномъ уставѣ было постановлено, что не будетъ привилегированныхъ войскъ, обыкновенный исходъ которыхъ или опричина, или преторіанская гвардія.

Труды Тургенева не попались въ руки правительству, но не скрою, что все, что печатно высказано имъ о финансахъ и судопроизводствѣ для Россіи, во время его безмятежнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, есть сводъ того, что имъ приготовлено было для примѣненія при переворотѣ, имъ и нами замышляемомъ для Россіи, и это я завѣряю совѣстью.

Еще одно обстоятельство долженъ я выяснить прежде, нежели приступить къ формальному разсказу объ явныхъ мѣрахъ противъ тайнаго общества; оно относится до предательскихъ дѣйствій Вита.

Въ половинѣ 1824 года, графъ Витъ чрезъ избраннаго имъ агента-помѣщика, живущаго близъ Елизаветграда, Херсонской губерніи, Бошняка, человѣка умнаго и ловкаго и принявшаго видъ передового лица по политическимъ мнѣніямъ, взошелъ въ сношенія съ тайнымъ обществомъ. Витъ, какъ хитрый человѣкъ, догадывался во многомъ о существованіи этого общества, но открытіемъ тайнаго общества, въ видахъ предательства, хотѣлъ выслужиться предъ Государемъ и тѣмъ возстановить довѣріе Государя къ себѣ, колеблющееся, вслѣдствіе происковъ Аракчеева, который имѣлъ данныя о его денежныхъ злоупотребленіяхъ въ расходахъ по южному военному поселенію, котораго онъ былъ начальникомъ. По внушеніямъ Вита, Бошнякъ сблизился съ офицеромъ генеральнаго штаба Лихаревымъ, молодымъ человѣкомъ пылкимъ и неосторожнымъ. Зная его постоянную и даже родственную связь съ Василіемъ Львовичемъ Давыдовымъ, онъ по чутью полагалъ или, лучше сказать, несомнѣнно заключилъ, что онъ также

принадлежитъ къ таïному обществу. Лихаревъ попался въ ловушку и, обвороженный принятой Бошнякомъ личиной человѣка передовыхъ убѣжденій, принялъ его въ члены общества и представилъ его, какъ присообщеннаго къ обществу, Давыдову, который также попался въ эту ловушку. По прошествіи малаго времени, Бошнякъ объявилъ Лихареву, что графъ Витъ раздѣляетъ наши убѣжденія и готовъ примкнуть къ нашему обществу, присовокупивъ, что пріобрѣтеніе этого лица, начальствующаго такоï огромноï силоï военноï, было бы весьма значительно для пользы тайнаго общества, но что онъ, какъ лицо, стоящее на первыхъ степеняхъ служебныхъ, не можетъ гласно, даже между членами общества, быть извѣстенъ таковымъ, а потому онъ, Бошнякъ, будетъ проводникомъ сношеніи Вита съ Южноï думой. Какъ само собою разумѣется, вѣсть эта передана была въ Южную думу Тульчинскую, и дѣйствія Лихарева были опорочены и Пестелемъ, и Юшневскимъ, предсѣдателями оноï, но положено было ими, что недовѣріе къ Виту не надо явно выказывать, а, какъ говоритъ французская пословица, и Бошняка, и Вита *tenir le bec dans l'eau* *); что же касается до принятія Вита въ общество, то стараться отклонять его, не оказывая недовѣрія, но высказать, что къ положительному, открытому дѣйствію не настало еще время, а когда оно рѣшено будетъ, то, цѣня въ полноï мѣрѣ предложеніе Вита, его примутъ съ неограниченною признательностью. Конечно, ни Витъ, ни Бошнякъ не приняли этого отвѣта, переданнаго послѣднему Лихаревымъ, за чистыя деньги, но, какъ ловкіе и хитрые люди, не показали недовѣрія, и Бошнякъ продолжалъ вывѣдывать, что хотѣлъ и могъ, отъ Лихарева. Но что Витъ на усъ намоталъ все, дознанное имъ, къ подтвержденію этого получилъ я до-

*) Держать на пустыхъ обѣщаніяхъ.

казательство изъ одного разговора со мною Павла Дмитріевича Киселева. Жена его въ это время поѣхала на Кавказскія воды, и мужъ проводилъ ее до Елизаветграда, гдѣ была корпусная квартира Вита, который былъ братъ Киселевой. На обратномъ пути Павелъ Дмитріевичъ заѣхалъ въ имѣніе своей жены «Буки», а тогда 19-я дивизія стояла лагеремъ въ Соколахъ, верстъ 15 или 20 отъ Букъ. Я поѣхалъ къ нему, и онъ мнѣ сказалъ: «Послушай, другъ Сергѣй, у тебя и у многихъ твоихъ тѣсныхъ друзей бродитъ въ умѣ, Богъ вѣсть что, вѣдь это поведетъ васъ въ Сибирь; помни, что ты имѣешь жену, и она беременна; уклонись отъ всѣхъ этихъ пустяшныхъ бредней, которыхъ столица въ Каменкѣ (имѣніе Давыдова); повторяю: ради себя и жены твоей, выпутайся изъ этого грозящаго тебѣ исхода; повторяю, это пахнетъ Сибирью, послушайся давнишняго и теперешняго твоего друга»! Я же на все это отвѣчалъ ему невѣдѣніемъ того, что онъ мнѣ высказалъ, и завѣреніемъ, что заключеніе его обо мнѣ ошибочно. Убѣдилъ ли я его, не знаю, но этотъ разговоръ тѣмъ и кончился. Онъ поѣхалъ въ Тульчинъ, а я въ лагерь, и мы разстались, какъ-бы и слова по этому разговору не было, и при послѣдующихъ встрѣчахъ разговоръ этотъ не возобновлялся. Но по существу онаго я тогда былъ и теперь убѣжденъ, что Витъ, если не обо всемъ его увѣдомилъ, то намекнулъ кое о чемъ.

Разговоръ мой съ Киселевымъ я сообщилъ и въ Тульчинъ, и въ Каменку, чтобъ приняли его къ соображенію и стояли на сторожѣ. Но каша, какъ говоритъ пословица, была заварена, и впослѣдствіи пришлось всѣмъ намъ туго ее расхлебывать. Кромѣ Вита и Бошняка, оказались еще два предателя, это Шервудъ и Майборода. Шервудъ былъ также агентъ Вита, и вотъ что я знаю о личности его и дѣйствіяхъ. Въ чужихъ краяхъ была напечатана книженка, подъ заглавіемъ «Шер-

вудъ». Кто онъ, откуда вышелъ, и первые шаги его общественной жизни—все это изложено въ ней довольно отчетливо, но что относится до совершившагося въ немъ переворота, его дѣйствіи и цѣлей оныхъ въ дѣлѣ открытія нашего тайнаго общества, то это сущая ложь. Все, что онъ высказывалъ о сборѣ въ Каменкѣ у Василія Давыдова, о случайности, доставившей ему возможность подслушать тайныя совѣщанія присутствующихъ въ съѣздѣ членовъ—также есть чистый вымыселъ.

Какъ человѣкъ довольно смѣтливый, онъ кое-что угадалъ. Его присутствіе въ Каменкѣ объясняется просто тѣмъ, что Александръ Львовичъ Давыдовъ употреблялъ его, какъ большого обжору, на посылки въ Крымъ для привоза устрицъ, такъ какъ онъ былъ рекомендованъ полковымъ своимъ командиромъ, полковникомъ Гревсомъ, командующимъ 3-мъ Украинскимъ полкомъ, въ сосѣдствѣ Каменки расположеннымъ. Въ этихъ поѣздкахъ Шервудъ заработывалъ себѣ копѣйку. Какъ смѣтливая особа, онъ кое-что угадывалъ, можетъ быть, и отъ Вита имѣлъ порученіе кое за чѣмъ слѣдить, и съ этими догадками, употребляемый, какъ сыщикъ, по разнымъ предметамъ ловкимъ Витомъ, былъ посланъ въ Харьковъ, чтобъ кое-что узнать о распространенномъ слухѣ о какихъ-то замыслахъ въ пользу Греческой Имперіи, т. е. о тайномъ сообществѣ въ пользу греческаго возстанія, въ замыслахъ котораго участвовалъ нѣкій графъ Булгари. Не знаю, открылъ-ли онъ что по этому дѣлу, но поѣздка его въ Харьковъ дала ему случай познакомиться и сблизиться съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Вадковскимъ, членомъ нашего общества, молодымъ человѣкомъ пылкимъ, умнымъ, но слишкомъ довѣрчивымъ. Вадковскій былъ переведенъ изъ кавалергардскаго полка въ армейскій, Нѣжинскій, сколько упомню, драгунскій полкъ, за смѣлые разго-

воры и, кажется, за распространеніе стихотвореній, имѣющихъ цѣлью осужденіе правительства и Государя, и этимъ переводомъ былъ ожесточенъ.

Шервудъ съумѣлъ вкрасться въ его довѣріе, какъ тонкій лазутчикъ; имѣя нѣкоторыя догадки о происходящихъ довольно рѣдко, не болѣе раза въ годъ, на именины старухи Давыдовой, въ Екатерининъ день, съѣздахъ членовъ тайнаго общества въ Каменкѣ, онъ объявилъ Вадковскому, что онъ членъ общества, а тотъ, по довѣрчивости, повѣрилъ ему и взошелъ съ нимъ въ короткое знакомство; отъ него Шервудъ узналъ подробности о тайномъ обществѣ; Вадковскій сообщилъ даже ему, что уставъ общества и списокъ членовъ хранятся у него въ потаенномъ ящичкѣ, въ футлярѣ его скрипки; и со всѣми этими измѣннически добытыми данными Шервудъ возвратился къ Виту. Вотъ совѣстливый отчетъ о Шервудѣ, такъ ловко искаженный въ печатныхъ запискахъ о немъ, въ чемъ не виню автора, писавшаго со словъ Шервуда и не имѣвшаго ни случая, ни средствъ провѣрить его разсказъ.

Я здѣсь такъ подробно все высказалъ о Шервудѣ и Вадковскомъ потому, что, вслѣдствіе доноса Шервуда, Вадковскій былъ, до смерти еще Императора Александра, арестованъ и препровожденъ въ Шлиссельбургскую крѣпость по распоряженію Аракчеева, и такимъ образомъ еще ранѣе доноса Майбороды уже было много подробныхъ данныхъ для раскрытія тайнаго общества и всѣхъ дѣйствій его.

При воспоминаніи о Вадковскомъ—прочь отъ моего пера всякое осужденіе его неосторожныхъ дѣйствій. Я храню къ памяти его глубокое уваженіе, какъ къ одному изъ замѣчательныхъ лицъ по уму, по теплотѣ его чувствъ и сердца и по неизмѣнчивости его убѣжденій, а неосторожное его довѣріе извинительно отчасти

вслѣдствіе этихъ самыхъ чувствъ, при неопытности его и молодости.

Тутъ нахожу умѣстнымъ высказать мое предположеніе, что воспослѣдовало бы съ членами тайнаго общества, если бы Александръ Павловичъ не скончался въ Таганрогѣ. Хоть à priori заключаю, но я убѣжденъ, что Императоръ не далъ-бы такой гласности, такого развитія слѣдствію о тайномъ обществѣ. Спасено-бы было нѣсколько двигателей, которые, быть можетъ, сгнили бы заживо въ Шлиссельбургѣ, но онъ почелъ бы позоромъ для себя выказать, что была попытка противъ его власти. Гласность, приданная нашему дѣлу и намѣреніямъ, возвеличила насъ передъ современниками и потомствомъ. Можетъ быть, я и ошибаюсь въ моихъ заключеніяхъ, но это мое убѣжденіе: огонь подъ спудомъ не только не виденъ—но погасаетъ.

Что мнѣ сказать о Майбородѣ? Это личность такая подлая, что просто нечего о немъ выразить, какъ только не въ пользу его. Онъ началъ свою службу въ Московскомъ гвардейскомъ полку; какъ и откуда туда поступилъ, мнѣ неизвѣстно, но былъ слухъ, что переводъ его въ армію былъ слѣдствіемъ негодованія общества офицеровъ этого полка противъ него за предосудительные поступки. — Переведенный въ Вятскій полкъ, какъ офицеръ, знающій всѣ тонкости фронтовой службы, онъ былъ назначенъ Пестелемъ командиромъ 1-ой гренадерской роты. Пестелю нужно было дать толчекъ полку къ поставленію его на уровень требуемой въ то время фронтовой образованности, такъ какъ этотъ полкъ страшно отсталъ по этой части. Майборода, какъ человѣкъ хитрый, хорошо понялъ, что при достиженіи этой цѣли во ввѣренной ему части, чтобы угодить взглядамъ и сужденіямъ Пестеля, надо избѣгать жестокихъ мѣръ съ нижними чинами. Этимъ образомъ дѣйствій онъ плѣнилъ Пестеля и постепенно

взошелъ къ нему въ довѣріе, играя роль человѣка, понимающаго мысли, чувства и цѣль высшихъ политическихъ воззрѣній Пестеля, и обворожилъ его до того, что Павелъ Ивановичъ почелъ его достойнымъ быть принятымъ въ члены тайнаго общества. Въ одно изъ моихъ посѣщеній Пестеля въ Линцахъ, сей послѣдній меня познакомилъ съ Майбородою, и сказалъ мнѣ: «Онъ изъ нашихъ и вполнѣ заслуживаетъ нашего довѣрія». Смотръ Государемъ въ 1823-мъ году южной арміи, въ которомъ Вятскій полкъ заслужилъ одобреніе Императора, и еще болѣе общее управленіе полкомъ сблизили Пестеля съ Майбородой. Постепенно входя въ его довѣренность, онъ сдѣлался весьма близкимъ къ нему человѣкомъ, и высказалъ однажды Пестелю, что если онъ ему поручитъ пріемъ комиссаріатскихъ вещей и выхлопочетъ полученіе оныхъ и заготовленіе многихъ заказовъ для полковъ въ Москвѣ, то все это будетъ имъ сдѣлано выгодно и въ лучшемъ видѣ. Пестель объяснилъ, что пріемъ вещей былъ назначенъ прямо изъ Московской комиссіи, гдѣ удобно можно сойтись съ подрядчиками и сдѣлать вольные заказы. Это порученіе было дано Майбородѣ, но впослѣдствіи при возвращеніи его, оказалось, что все обѣщанное имъ не исполнено по ожиданіямъ, и въ полученныхъ деньгахъ Майборода не могъ дать надлежащаго отчета и поэтому подлежалъ законной отвѣтственности. Поставленный, такимъ образомъ, по этому дѣлу въ безвыходное положеніе, чтобъ отклонить отъ себя эту отвѣтственность, онъ, какъ подлая душа, для собственнаго своего спасенія, рѣшился погубить другихъ—выказаніемъ существованія тайнаго общества, лицъ, составлявшихъ оное, и цѣлей общества, о чемъ онъ, по первоначальному довѣрію Пестеля къ нему, имѣлъ полныя данныя.

Бывъ мелкопомѣстнымъ помѣщикомъ близъ Ели-

заветграда совмѣстно съ братомъ своимъ, онъ выхлопоталъ себѣ отъ Пестеля отпускъ, подъ предлогомъ полученія денегъ, чтобъ имѣть средства къ разсчету, отправился туда и тамъ взошелъ въ сношенія съ упомянутымъ уже Бошнякомъ, а чрезъ него съ графомъ Витомъ и высказалъ имъ все, что зналъ. Но какъ Майборода не довольствовался этимъ измѣннническимъ своимъ дѣйствіемъ, то сдѣлалъ доносъ прямо на имя Государя въ Таганрогъ. Какъ я слышалъ впослѣдствіи, этотъ доносъ Государемъ никому не былъ сообщенъ, а былъ найденъ на его столѣ послѣ его смерти и подалъ тогда Дибичу поводъ сообщить объ ономъ въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поручить Чернышеву, не теряя времени, ѣхать въ Тульчинъ для безотлагательнаго слѣдствія. Чернышевъ, проѣзжая чрезъ Гайсинъ (почтовая станція неподалеку отъ расположенія Вятскаго полка), послалъ за Майбородой и съ нимъ прибылъ въ Тульчинъ, гдѣ Майборода, при очныхъ ставкахъ, уличилъ многихъ, вытребованныхъ при первоначальномъ слѣдствіи.

Высказавъ всѣ подлыя дѣйствія Майбороды, надѣюсь, что тѣ, которые прочтутъ эти строки, убѣдятся, что онъ дѣйствовалъ не по какому-либо чувству преданности (правительству), а просто для самоспасенія, попавшись въ явной кражѣ и растратѣ денегъ, ему не принадлежащихъ.

Общимъ замѣчаніемъ о Шервудѣ и Майбородѣ скажу, что, несмотря на выгодный, данный имъ ходъ по службѣ за сдѣланные ими доносы, судьба ихъ была плачевна. Шервудъ, получившій въ добавокъ къ своей фамиліи прозвище «*вѣрный*», въ обществѣ, даже петербургскомъ, иначе не назывался, какъ «*скверный*»; онъ былъ переведенъ въ лейбъ-драгунскій полкъ, но товарищи его чуждались и прозвали собачьимъ именемъ «*фиделька*»; отчужденный, такимъ образомъ, общимъ мнѣ-

ніемъ товарищей по полку, онъ перечислился въ жандармскій корпусъ, чтобъ имѣть пріютъ безъ поруганія; но и тутъ новыми происками, подобными тѣмъ, которые его вывели на-явь, запутался, уличенъ былъ во лжи ради собственныхъ разсчетовъ и, наконецъ, будучи и изъ жандармовъ выстороненъ, какъ мнѣ сказывали, пренебреженный всѣми—жилъ съ позоромъ и въ нуждѣ.

Подобно ему, Майборода, выдвинутый по службѣ черезъ свой доносъ, переведенный тѣмъ-же чиномъ капитана изъ арміи въ гвардію, и награжденный деньгами—былъ предметомъ презрѣнія своихъ сослуживцевъ въ полку; онъ вышелъ подполковникомъ въ армію на Кавказъ и, несмотря на поддержку начальства, былъ, какъ и Шервудъ, вездѣ презираемъ; будучи назначенъ командующимъ полкомъ, какъ мнѣ сказывали, онъ промоталъ казенныя деньги и поносную и преступную свою жизнь кончилъ самоубійствомъ. О Бошнякѣ не имѣю свѣдѣній, но безгласность о его жизни также служитъ поводомъ къ заключенію моему, что онъ отъ содѣйствія съ Витомъ не пожалъ явныхъ выгодъ. О самомъ же Витѣ скажу, что этотъ человѣкъ во всю свою жизнь съумѣлъ вывернуться изъ всего этого безъукоризненно, подъ личиною преданности, тогда какъ поводомъ къ его дѣйствіямъ была не преданность, а средство выпутаться этой услугой изъ затруднительной отвѣтственности по растратѣ значительныхъ суммъ по южному военному поселенію, состоявшему въ его завѣдываніи.

Но пора возвратиться къ прямому разсказу о ходѣ дѣла по тайному обществу и о моемъ соучастіи въ ономъ.

XLVIII.

Послѣдніе дни жизни Императора Александра I.—Его свѣдѣнія о тайномъ обществѣ.—Предостерегательный намекъ Государя.—Тревожныя извѣстія.—Свиданіе съ Пестелемъ въ Тульчинѣ.—Уничтоженіе въ Умани компрометирующихъ бумагъ.—Отъѣздъ съ женой въ Болтушку.—Возвращеніе въ Умань.—Полученіе извѣстія о рожденіи сына.—Вторичный отъѣздъ въ Болтушку къ женѣ.—Полученныя тамъ извѣстія и отъѣздъ въ Умань.

Я остановился въ моемъ разсказѣ о дѣйствіяхъ моихъ по тайному обществу на разговорѣ моемъ съ Киселевымъ. Успѣлъ-ли я его убѣдить, что нѣтъ мыслимаго имъ общества,—не думаю. Что-же касается до моихъ дѣйствій въ кругу общаго направленія оныхъ, я не имѣю о себѣ что-либо сказать, какъ то, что твердость моихъ убѣжденій никогда не ослабѣвала, и что я приносилъ, по мѣрѣ моихъ силъ, полную лепту усердія, которое неизмѣнно продолжалось до той великой минуты, когда вышеописанные доносы не только поставили правительство на сторожѣ, но вызвали уже полныя предостерегательныя и карательныя мѣры противъ замысловъ тайнаго общества.

Прежде, нежели приступить къ повѣствованію оныхъ, надо высказать подробности той эпохи. Это было въ

ноябрѣ 1825 г. Императоръ въ то время былъ въ Таганрогѣ, гдѣ пользовался южнымъ климатомъ по разстроенному своему здоровью.

Въ первыхъ числахъ ноября онъ одинъ, съ малою свитою, поѣхалъ въ Крымъ. При поѣздкѣ изъ Севастополя въ Егорьевскій монастырь онъ былъ настигнутъ весьма дурною погодою и, возвращаясь, простудился. Признаки болѣзни сначала были слабые, но, на возвратномъ пути въ Таганрогъ, эти признаки усилились; онъ почувствовалъ, что объявшій его недугъ усиливается, и остановился на ночлегъ. Сопровождавшій его медикъ Виллье посовѣтовалъ ему принять лѣкарство, но Императоръ не согласился и сказалъ, что отдыхъ ночью и добрый стаканъ пуншу, который причинитъ ему во время ночного отдохновенія потъ, помогутъ ему, и, несмотря на убѣжденія Виллье, настоялъ на своемъ. При зародышѣ воспалительной болѣзни, средство, принятое имъ, не только не помогло ему, но имѣло дурныя послѣдствія: по возвращеніи въ Таганрогъ, онъ почувствовалъ, что болѣзнь усилилась, и 19 ноября опочилъ.

Была молва, что всѣ вышеупомянутые доносы, имъ полученные, извѣстны были ему до отъѣзда изъ Таганрога и сильно взволновали его душу. Властелинъ не только Россіи, но частію и глава политическаго міра Европы, когда, какъ ему казалось, онъ обуздалъ въ Европѣ всѣ попытки къ перерожденію быта народовъ,—онъ былъ изумленъ, узнавъ, что горсть пылкихъ лицъ въ средѣ самой Россіи замышляла переворотъ. Былъ также слухъ, что онъ, разочарованный этимъ обстоятельствомъ, возымѣлъ мысль отреченія отъ престола; но что достовѣрно, это то, что полученные имъ доносы не были имъ никому сообщены, но онъ писалъ къ Аракчееву, вызывая его въ Таганрогъ, а этотъ, въ то время взбѣшенный убійствомъ дворней его любовницы, отклонился отъ немедленнаго выѣзда.

Но опять отвлекусь отъ хода событій главныхъ, чтобъ повѣствовать здѣсь эпизодъ, лично до меня относящійся, который показываетъ, что зародышъ и дѣйствія тайнаго общества были извѣстны Императору Александру. Вотъ этотъ разсказъ. Въ октябрѣ 1823 г. Государь дѣлалъ смотръ второй арміи, и я, бывъ бригаднымъ командиромъ въ этой арміи, былъ на этомъ смотру дѣйствующимъ лицомъ. Когда моя бригада прошла мимо Царя, я, при началѣ ея шествія и въ продолженіе онаго, по порядку службы, долженъ былъ пріостановиться неподалеку отъ Государя, и когда послѣдній взводъ мой миновалъ, я уже поворачивалъ снова лошадь, какъ вдругъ услышалъ призывъ Государя подъѣхать поближе къ нему. Исполнивъ это, я услыхалъ слѣдующія слова, имъ ко мнѣ адресованныя: «Я очень доволенъ вашей бригадой; Азовскій полкъ—изъ лучшихъ полковъ моей арміи, Днѣпровскій немного отсталъ, но видны и въ немъ слѣды вашихъ трудовъ. И, по-моему, гораздо для васъ выгоднѣе будетъ продолжать оные, а не заниматься управленіемъ моей Имперіи, въ чемъ вы, извините меня, и толку не имѣете». Этотъ разговоръ или, лучше сказать, выходка ко мнѣ ясно доказываетъ, что Царю уже тогда многое было извѣстно о тайномъ обществѣ. Какъ никто не внялъ тому, что мнѣ было сказано—этого я не понимаю; ко мнѣ посыпались поздравленія по случаю бесѣды со мною Царя, даже Киселевъ, когда послѣ смотра я пришелъ къ нему, мнѣ сказалъ: «Ну, братъ Сергѣй, твои дѣла, кажется, хороши! Государь долго съ тобой говорилъ.» А когда я ему сказалъ: «Но что говорилъ!» и передалъ ему Государевы слова, то Киселевъ меня спросилъ, что я намѣренъ дѣлать? «Подать въ отставку!» сказалъ я. «Нѣтъ, другъ, напиши письмо Государю, полное довѣрія къ нему; онъ приметъ твое оправданіе и, выслушавъ тебя, убѣдится, что ты окле-

ветанъ; отдай мнѣ это письмо, я при докладѣ вручу его Государю». Я такъ и сдѣлалъ, и, когда Киселевъ ему его вручилъ, Государь, прочитавъ оное два раза, сказалъ ему: «Monsieur Serge меня не понялъ; я ему выразилъ, что пора ему остепениться, сойти съ дурного пути, имъ прежде принятаго, и что я вижу, что онъ это сдѣлалъ. Мнѣ кажется, что я проѣду черезъ его бригадную квартиру, пусть онъ тамъ будетъ съ почетнымъ карауломъ, я тамъ успокою его и исправлю то ошибочное впечатлѣніе, которое произвели на него мои слова».

Я, находясь при почетномъ караулѣ, встрѣтилъ Царя. Онъ отлично былъ доволенъ карауломъ и, подозвавъ меня, сказалъ: «Ты не понялъ меня! Я хотѣлъ тебѣ сказать, что твоя головушка прежде заносилась туда, куда ей не слѣдовало-бы заноситься, но теперь я убѣдился, что ты принялся за дѣло; продолжай, и мнѣ будетъ пріятно это въ тебѣ оцѣнивать». Вотъ истинный разсказъ о томъ эпизодѣ моей жизни, о которомъ я такъ подробно распространился болѣе для того, чтобы выказать, что многое о тайномъ обществѣ было извѣстно Государю, и что сказанное имъ мнѣ было предостерегательнымъ намекомъ и мнѣ, и моимъ сообщникамъ по тайному обществу.

Передъ повѣствованіемъ этого эпизода я остановился на смерти Императора. Когда еще общегласно не была она извѣстна, я узналъ объ оной по сообщенію одного изъ проѣзжихъ фельдъегерей, знакомаго мнѣ. Вскорѣ послѣ проѣзда этого фельдъегеря, другой передовой фельдъегерь извѣстилъ о немедленномъ проѣздѣ Чернышева, который и прибылъ въ Умань. Я его по порядку службы встрѣтилъ на станціи. Два передовыхъ фельдъегеря, ему сопутствующіе, произвели невольно на меня впечатлѣніе, что не съ добромъ онъ ѣдетъ, и, припоминая разговоръ его со мной, я думаю теперь, что и въ то время я долженъ бы былъ изъ

его словъ догадываться объ ожидающей меня участи. «Вы здѣсь съ женой, князь! и она, какъ мнѣ извѣстно, беременна на сносѣ. Приняли-ли вы всѣ мѣры предосторожности? въ теперешнее время при событіяхъ общихъ надо, чтобъ она окружена была всѣми мѣрами предосторожности». Многое должно бы было этими словами мнѣ открыться, но я это принялъ просто за участіе къ быту моей жены.

Я тогда командовалъ 19-й дивизіей за отсутствіемъ Корнилова, находившагося въ отпуску. Сперва приказано было мнѣ привесть дивизію къ присягѣ на вѣрноподданство Константину Павловичу. Я, собравъ отъ шести полковъ оной дивизіи присяжные листы, на третій день послѣ проѣзда Чернышева, поѣхалъ съ оными въ главную квартиру и на станціи Крапивной узналъ, что Чернышевъ и Киселевъ въ Линцахъ, что изъ этого мѣста, гдѣ штабъ Вятскаго полка, былъ вызванъ въ Тульчинъ Пестель, и засталъ на станціи денщика Пестеля, котораго везли за карауломъ. «Это все не къ добру», подумалъ я про себя и, какъ при мнѣ было письмо къ Пестелю отъ меня, съ нѣкоторыми сообщеніями по дѣламъ тайнаго общества—я, выѣхавъ изъ Крапивной, изорвалъ его въ мелкіе куски и по дорогѣ разметалъ въ разныхъ мѣстахъ.

Пріѣхавъ въ Тульчинъ, я узналъ, что Пестель подъ присмотромъ, что Абрамовъ также вызванъ, что Барятинскій отправился къ Сабанѣеву, и что слѣдствіе началось, и многіе уже арестованы. Какъ говоритъ пословица: j'ai du faire bonne figure à mauvais jeu *). Явившись къ главнокомандующему графу Витгенштейну, я былъ принятъ этимъ добрымъ старикомъ, по обыкновенію, очень ласково. Я привезъ присяжные листы отъ полковъ 19 дивизіи на вѣрноподданство Императору

*) Я долженъ былъ скрывать свои чувства.

Константину, потому что отреченіе его отъ престола еще не было извѣстно; а какъ у насъ въ Россіи правительственно ничего не дѣлается ладно, то вышла путаница: въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ, состоявшихъ подъ вѣдомствомъ Константина Павловича, онъ запретилъ гражданской власти и жителямъ ему присягать, а войска, не состоявшія подъ его начальствомъ, присягнули ему. При разговорѣ со мной, графъ меня спросилъ: «А что ты, князь, кого ты признаешь Государемъ»? Я ему отвѣчалъ: «Того, которому вы присягнете»! Онъ мнѣ сказалъ: «Я за Константина, какъ старшаго по престолонаслѣдію».

Тутъ я просилъ у графа позволенія отлучиться изъ Умани, чтобъ отвезти жену мою въ Болтушку для родовъ. Онъ мнѣ сказалъ: «Поѣзжай, но не замедли, и, особенно, не заѣзжай въ Каменку къ Давыдову». Вотъ одинъ только былъ его намекъ о моемъ причастіи къ тайному обществу. Воротясь на квартиру, гдѣ я остановился, и зная, что Пестель находится у дежурнаго генерала Байкова, я рѣшилъ попытаться свидѣться съ Пестелемъ, и, подъ предлогомъ переговоровъ о продовольствіи дивизіи, совершенно неожиданно для Байкова, взошелъ къ нему и засталъ его пьющаго чай съ Пестелемъ. Хоть Байкову не по-нутру былъ мой приходъ, но не выгнать-же ему было меня; я разговорился съ нимъ о продовольствіи дивизіи, а чтобъ дать знать Пестелю, что я увижусь съ Юшневскимъ, главой Тульчинской-думы—я попросилъ у Байкова, по случаю грязи въ Тульчинѣ, дать мнѣ для этого посѣщенія дрожки, на что тотъ согласился, такъ какъ очень радъ былъ избавиться отъ незванаго и затруднительнаго для него гостя. Приказали закладывать дрожки, вдругъ внезапно прибылъ фельдъегерь изъ Таганрога, и, для полученія депешъ, Байковъ долженъ былъ идти въ сосѣднюю комнату, но не спускалъ глазъ ни съ меня, ни

съ Пестеля. Въ этотъ промежутокъ я тихимъ голосомъ сообщилъ Пестелю, что на него сдѣлалъ доносъ Майборода, что мнѣ добрымъ знакомымъ, хотя и не членомъ общества, было сообщено. На это Пестель также въ полъ-голоса сказалъ: «Смотри, ни въ чемъ не сознавайся! Я же, хоть и жилы мнѣ будутъ тянуть пыткой,—ни въ чемъ не сознаюсь! Одно только необходимо сдѣлать, это уничтожить «Русскую Правду», одна она можетъ насъ погубить».

Тутъ вернулся Байковъ, и мой разговоръ съ Пестелемъ невольно прекратился. Я опять повторилъ Байкову, что ѣду къ Юшневскому, чтобъ указать Пестелю, что передамъ къ исполненію его слова; но, къ несчастію, «Русскую Правду» не уничтожили, а закопали въ одномъ огородѣ въ деревнѣ Клебани, и впослѣдствіи укажется, что она была отыскана и была главною уликою противъ Пестеля и всѣхъ членовъ тайнаго общества.

Я не засталъ Киселева въ Тульчинѣ, онъ съ инквизиторомъ Чернышѐвымъ былъ тогда въ Линцахъ на квартирѣ у Пестеля, а я, желая даже избѣгнуть встрѣчи съ нимъ, и желая и имѣя обязанность при крутыхъ обстоятельствахъ, мнѣ грозившихъ, скорѣе свезти беременную жену въ пріютъ ея семейства, принялъ обратный путь въ Умань, куда уже прибылъ за полночь.

Первымъ занятіемъ моимъ было, хоть не подробно, а слегка обозначить всю сумятицу происшествій въ Тульчинѣ, затѣмъ я просилъ жену сказать прислугѣ моей зажечь каминъ, будто-бы по той причинѣ, что озябъ дорогой, а моя цѣль была—уничтожить разныя бумаги, которыя могли-бы компрометировать меня; каминъ былъ зажженъ, бумаги въ него кинуты и обращены въ пепелъ. Въ числѣ сихъ бумагъ было нераспечатанное мною письмо отъ Бестужева-Рюмина къ

члену польскаго общества, назначеннаго этимъ обществомъ для переговоровъ между двумя обществами. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, я не передалъ этого письма по адресу и лично не зналъ объ его содержаніи, но, несмотря на все это, Слѣдственной комиссіи въ Петербургѣ письмо это было извѣстно слово въ слово и послужило многимъ и мнѣ обвинительнымъ фактомъ.

На другой-же день моего возвращенія въ Умань, я повезъ жену въ Болтушку и, переночевавъ въ Матусовѣ у Алексѣя Петровича Орлова, къ обѣду былъ у тестя моего. Тутъ я узналъ нѣкоторыя обстоятельства о томъ разгарѣ, которое приняло дѣло по поискамъ о существованіи тайнаго общества и объ арестѣ нѣкоторыхъ лицъ; здѣсь же сообщили мнѣ о положительномъ признаніи Николая Императоромъ, и, хотя вскользь, я услышалъ о происшедшемъ 14 декабря въ Петербургѣ. Съ сокрушеннымъ сердцемъ долженъ былъ я разстаться съ женой, и воротился уже одинъ въ Умань. Какъ Корниловъ былъ еще въ отсутствіи, получено мною было приказаніе изъ главной квартиры привесть дивизію къ присягѣ уже Николаю Павловичу; я собралъ Днѣпровскій полкъ и, учинивъ это, поѣхалъ въ Ставище, чтобъ то же сдѣлать и съ Азовскимъ полкомъ, что и было исполнено. По возвращеніи изъ Ставища въ Умань, я встрѣтилъ посланца съ летучей военной почтой, въ которой уже возвратившійся дивизіонный командиръ Корниловъ давалъ приказаніе Азовскому полку помимо меня и приказывалъ также полковому командиру относиться къ нему помимо меня. Тутъ ужъ ясно мнѣ стало, что и мой чередъ, если еще не преслѣдованія, то опалы начинается.

Возвратясь въ Умань, явился я по долгу службы къ дивизіонному командиру, который, избѣгая какихъ либо служебныхъ отношеній, о многомъ говорилъ со

мною частно, передалъ мнѣ многія подробности о 14 декабрѣ, какъ самовидецъ, и обычнымъ язвительнымъ языкомъ высказалъ, какъ при этомъ обстоятельствѣ во дворцѣ всѣ, исключая самого Императора Николая, потеряли головы, и какъ легко бы было возмутившимся стать твердой ногой и съ успѣхомъ въ ихъ предпріятіи.

Возвращеніе мое въ Умань одинокимъ было, сколько мнѣ помнится, въ послѣднихъ числахъ декабря 25 года; тутъ я получилъ извѣстіе изъ Болтушки, что жена моя благополучно разрѣшилась отъ бремени 2-го или 3-го января, но помню, что эту вѣсть я получилъ 4-го января за полдень. Добрая эта вѣсть, заставшая меня среди обстоятельствъ весьма сложныхъ, поставила меня въ затрудненіе о поѣздкѣ къ ней по долгу мужа и отца, и я пошелъ къ Корнилову объявить о моей радости и просить у него позволенія ѣхать къ женѣ, хоть на нѣсколько часовъ. Корниловъ мнѣ сказалъ: «Позволить не могу, какъ начальникъ, но, какъ отецъ и мужъ, могу смотрѣть сквозь пальцы на вашу отлучку». Мнѣ довольно этого было, и я сталъ собираться въ путь. Въ это время былъ Витъ въ Умани, по близкому моему знакомству съ нимъ, я и ему сказалъ о моей радости и о затрудненіи рѣшиться ѣхать къ женѣ, но онъ, по обычному его двуличію, даже поддержалъ меня въ рѣшеніи поѣздки, и я ночью же отправился въ путь. Прибывъ въ Болтушку 5-го рано утромъ, я обрадовалъ жену и ея семейство, взглянулъ на новорожденнаго первенца (*Николая*) и тутъ же узналъ о многихъ подробностяхъ арестовъ и возстанія 14 декабря, а также объ арестѣ Сергѣя Муравьева; всѣ эти обстоятельства уже ясно говорили о широкихъ размѣрахъ, которые приняло преслѣдованіе всего тайнаго общества; а передъ разсвѣтомъ 7-го числа прибылъ ко мнѣ нарочный отъ Корнилова съ письмомъ, въ

которомъ онъ увѣдомлялъ меня (хоть ложно), что моя бригада двинута противъ Черниговскаго полка, и что мнѣ необходимо прибыть къ оной. Я еще не догадывался, что со стороны Корнилова это была уловка, а присланный съ письмомъ офицеръ не зналъ, или, знавши, не высказывалъ ничего, и эта неизвѣстность продолжалась до половины пути, гдѣ я встрѣтилъ отправленнаго изъ моего Уманскаго дома тайкомъ посланца, который объявилъ мнѣ, что къ моему дому приставленъ часовой, и вхожія двери запечатаны. Тутъ уже все стало мнѣ ясно, и сердце мое исполнилось грусти, не изъ страха за послѣдствія, которыя меня ожидали, а изъ опасенія, какъ это повліяетъ на мою жену, лежавшую на родильномъ одрѣ.

XLIX.

Арестъ.—Отправленіе въ Петербургъ.—Дорожныя встрѣчи.—Пріѣздъ въ Петербургъ и доставленіе въ Зимній дворецъ.—Слова Государя Николая Павловича.—Начатіе допроса.

Пріѣхавъ въ Умань, я пришелъ на свою квартиру, но была уже ночь, и впускъ меня былъ воспрещенъ; я къ Корнилову, который не грозно, но съ добросердечіемъ объяснилъ мнѣ, что за мною присланъ фельдъегерь изъ Петербурга, куда меня должно доставить арестованнымъ, и что обыскъ у меня на квартирѣ и сдача фельдъегерю учинятся завтра 7-го января; а покамѣстъ я отдохну у него.

Сонъ не шелъ мнѣ на глаза при мысли о положеніи жены. На другой день Корниловъ со всѣмъ дивизіоннымъ штабомъ и мною пошелъ на мою квартиру; всѣ бумаги, найденныя у меня (но всѣ пустыя), были запечатаны и отданы фельдъегерю; Корниловъ взялъ шпагу мою и также съ ярлыкомъ отдалъ фельдъегерю и потомъ протоколъ моего ареста, подписанный всѣми членами дивизіоннаго штаба. Подвели тройку, и я, фельдъ-

егерь и человѣкъ мой пустились въ путь. Въ эту минуту я видѣлъ большое участіе сослуживцевъ моихъ и моей дворни, и храню къ нимъ за это въ сердечной памяти большое спасибо.

Провожавшій меня фельдъегерь, кажется, Тимоѳеевъ по фамиліи или Андреевъ, не упомню, былъ очень вѣжливъ со мною и, проѣздомъ черезъ города, являлся къ военнымъ начальникамъ, оставляя меня одного, что и дало мнѣ случай написать изъ Бердичева письмо къ тестю о себѣ, да еще до выѣзда изъ Умани, съ дозволенія Корнилова, я написалъ шесть писемъ къ женѣ, скрывая, что меня увезли, а что будто бы, по открывшимся политическимъ обстоятельствамъ съ Турціей, я выступилъ къ границѣ; эти письма должны были понедѣльно ей вручаться.

Во время пути я обогналъ нѣсколькихъ, подобно мнѣ препровождаемыхъ арестантовъ, и въ числѣ ихъ хорошо знакомыхъ мнѣ двухъ братьевъ Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ, посылаемыхъ изъ Тульчина, которые мнѣ сообщили многое о Тульчинскихъ арестахъ; затѣмъ я встрѣтилъ генералъ-адъютанта Демидова и при немъ флигель-адъютанта Николая Дмитріевича Дурново, ѣдущихъ по Высочайшему повелѣнію для розысковъ по дѣлу Черниговскаго полка, и эти два коротко мнѣ знакомыя лица настоятельно меня упрашивали ничего не скрывать, потому что все ясно и явно извѣстно въ Петербургѣ, и увѣряя, что тогда можно надѣяться на неограниченное милосердіе Государя; а вышли: бубны за горами; встрѣтилъ еще ѣдущаго изъ Петербурга въ Кіевъ адъютанта князя Щербатова, которому также вручилъ письмо къ тестю. Наконецъ, неподалеку отъ Питера, попался мнѣ листокъ Инвалида на станціи, и въ ономъ я прочелъ уже первоначальный отчетъ объ открытіи всѣхъ тайнъ тайнаго общества, въ которомъ были поименованы нѣкоторые изъ его членовъ, и ска-

зано было, «что коварныя и преступныя ихъ цѣли не только извѣстны, но и сознаны ими». Всѣ эти встрѣчи, особенно послѣдняя, произвели на меня впечатлѣніе невыгодное . . . . . .

. . . . . .

Препровожденіе меня арестованнымъ и въ сопутствіи фельдъегеря, наконецъ, достигло цѣли: мы пріѣхали въ Питеръ. Сперва привезли меня къ такъ называемому Шепелевскому дворцу, гдѣ жилъ начальникъ штаба Его Императорскаго Величества, баронъ Дибичъ; фельдъегерь пошелъ доложить о моемъ прибытіи или, лучше сказать, о привозѣ меня, а я остался на повозкѣ, подъ карауломъ казака, который препровождалъ насъ отъ заставы; возвратившись, фельдъегерь повезъ меня въ Главный Штабъ къ дежурному генералу Потапову; здѣсь опять фельдъегерь пошелъ за приказаніемъ и неизвѣстнымъ мнѣ порученіемъ, ему даннымъ, а я остался въ повозкѣ опять подъ присмотромъ казака. Во время отсутствія фельдъегеря, къ Потапову пріѣхалъ адъютантъ Дибича, князь Петръ Ивановичъ Трубецкой, поспѣшно взошелъ на квартиру дежурнаго генерала, поспѣшно-же возвратился и, не входя въ разговоръ со мной, приказалъ ямщику ѣхать въ Зимній дворецъ, хотя онъ и коротко былъ со мною знакомъ. Меня привезли къ части дворца, называвшейся тогда конюшеннымъ дворикомъ, и повели подвалами, въ которыхъ, и это было уже передъ вечерней зарей, находился въ полномъ вооруженіи, по крайней мѣрѣ, цѣлый батальонъ гвардейской пѣхоты. Я выставляю это обстоятельство, какъ доказательство, что даже по истеченіи мѣсяца отъ 14 декабря, по боязни ли, или по предположенію, что можетъ еще вспыхнуть мятежъ, принимались мѣры осторожности.

Итакъ, проведенный черезъ эти подвалы, я былъ выведенъ на лѣстницу Эрмитажнаго въѣзда съ Невы

и введенъ сначала въ переднюю комнату, а затѣмъ, по докладѣ обо мнѣ, въ пріемное зало, изъ котораго выходилъ тогда Басаргинъ, адъютантъ Киселева, арестованный въ Тульчинѣ и привезенный въ Питеръ.

Взойдя въ эту залу, я увидѣлъ, что въ ней за письменнымъ столомъ сидѣлъ генералъ-адъютантъ Василій Васильевичъ Левашевъ, старый однополчанинъ мой по кавалергардскому полку. Онъ вышелъ доложить Государю о моемъ прибытіи, а я остался нѣсколько минутъ одинъ, что мнѣ дало случай взглянуть на бумаги, лежавшія на столѣ, которыя оказались показаніями Басаргина, Лемана и Якушкина, вѣроятно, допрошенныхъ Левашевымъ до моего прихода къ нему. Изъ бѣглаго, кратковременнаго взгляда на эти бумаги я узналъ, что всѣ трое, особенно Басаргинъ и Якушкинъ, не утаивали принадлежности своей къ тайному обществу, но только въ первоначальномъ его видѣ, когда оно носило названіе «*Зеленой книги*», т. е. до перемѣны устава общества послѣ Московскаго конгресса; на Леманскій же допросъ я не имѣлъ времени уже взглянуть.—Тутъ явился самъ Государь Императоръ Николай, въ сопровожденіи Левашева, и сказалъ мнѣ, тогда еще не гнѣвно: «Отъ искренности вашихъ показаній зависитъ ваша участь, будьте чистосердечны, и я обѣщаю вамъ помилованіе».

Государь вышелъ, и я остался глазъ на глазъ съ Левашевымъ. Начался допросъ и я, руководствуясь тѣми данными, которыя успѣлъ прочесть, какъ выше пояснилъ, и въ убѣжденіи изъ многихъ прежде мнѣ извѣстныхъ данныхъ, что существованіе общества извѣстно, дѣлалъ свои показанія, не выходя изъ рамокъ устава «Зеленой книги». Какъ Левашевъ ни домогался отъ меня болѣе подробныхъ объясненій, выставляя и прежнія наши товарищескія отношенія, и

преданность свою къ зятю моему Петру Михайловичу, а потому и ко мнѣ, ему все-таки не удалось узнать ничего болѣе.

Левашевъ взялъ мой допросный листъ и пошелъ къ Государю; вскорѣ оба опять воротились ко мнѣ. Государь мнѣ сказалъ: «Я..».

На этомъ словѣ «Я» Императора Николая Павловича прерываются «Записки» моего отца, князя С. Г. Волконскаго. Смерть не дала ему довести ихъ до конца.—Дополняя «Записки» свѣдѣніями о дальнѣйшей судьбѣ автора въ связи съ его семейной жизнью и политическими событіями того времени, на основаніи офиціальныхъ документовъ и другихъ источниковъ, — я воздержался, насколько это было возможно, отъ всякой личной оцѣнки фактовъ и событій. Еще менѣе я считалъ себя въ правѣ излагать его взгляды и убѣжденія: пусть его собственныя слова и приводимые мною факты, связанные между собою краткимъ повѣствованіемъ, дадутъ сами его духовный обликъ. Какъ нельзя было обойти вовсе его семейную хронику, такъ нельзя было обойти и судьбу товарищей его по ссылкѣ: всѣ они были настолько связаны другъ съ другомъ, что происходившее съ однимъ касалось и другихъ; но я ограничился въ этомъ отношеніи тѣсными предѣлами и говорю о нихъ, насколько это касается жизни самого автора «Записокъ».

Личнымъ допросамъ Императора Николая Павловича, одинъ изъ которыхъ приводится авторомъ записокъ, подвергались и другіе члены Тайныхъ Обществъ, которые были привозимы въ Петербургъ. Послѣ допроса самого Государя, присутствовавшій при этомъ генералъ Левашевъ отбиралъ письменно показанія каждаго допрашиваемаго.

17 декабря 1825 года Высочайшимъ указомъ учреждена была Комиссія для изысканій о злоумышленныхъ Обществахъ *). Слѣдствіе было сю окончено и представлено Государю Императору 30 мая 1826 года.

Вслѣдъ за симъ 1-го іюня учрежденъ по Высочайшему Манифесту Верховный Уголовный Судъ **). Въ силу Высочайшаго Манифеста, преданы Уголовному Суду: Сѣвернаго Общества 61, Южнаго Общества 37 и Общества Соединенныхъ Славянъ 23, всего 121 лицо.

Верховный Уголовный Судъ, разсмотрѣвъ дѣло, представилъ въ первыхъ числахъ іюля 1826 года всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: «*Всѣ подсудимые, безъ изъятія, по точной силѣ нашихъ законовъ, подлежатъ смертной казни.* И потому, если установленіемъ разрядовъ въ наказаніяхъ благоугодно будетъ Вашему Императорскому Величеству даровать нѣкоторымъ изъ нихъ жизнь: то сіе будетъ не дѣйствіемъ закона, а тѣмъ менѣе дѣйствіемъ Суда, но дѣйствіемъ единаго Монаршаго милосердія; будетъ особеннымъ изъятіемъ, на сей токмо случай, по Высочайшему Вашему предназначенію допускаемымъ. И хотя Милосердію, отъ самодержавной власти исходящему, законъ не мо-

*) Въ составъ Комиссіи вошли: предсѣдатель, военный министръ Татищевъ, члены: генералъ-фельдцейхмейстеръ В. К. Михаилъ Павловичъ, д. т. с. кн. Голицынъ, С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, генералъ-адъютантъ Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашевъ и Потаповъ; производитель дѣлъ ст. совѣтникъ Блудовъ.

**) Верховный Уголовный Судъ состоялъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта, Святѣйшаго Сунода, сенаторовъ и другихъ лицъ по выбору Государя Императора, всего изъ 80 членовъ. Онъ началъ свои засѣданія въ Сенатѣ 15 іюня, подъ предсѣдательствомъ кн. Лопухина; обязанности генералъ-прокурора исполнялъ князь Лобановъ-Ростовскій, производителемъ былъ оберъ-прокуроръ Журавлевъ. Занятія суда продолжались 2 недѣли. Онъ выбралъ изъ среды своей Комитетъ для распредѣленія преступниковъ по разрядамъ; членами Комитета были избраны: гр. П. А. Толстой, Васильчиковъ, Сперанскій, Строгановъ, Комаровскій, Кушниковъ, сенаторъ Энгель, Д. О. Барановъ и гр. Кутайсовъ (*Записки декабриста, барона Розена*).

жетъ положить никакихъ предѣловъ, но Верховный Уголовный Судъ пріемлетъ дерзновеніе представить, что есть степени преступленія столь высокія, и съ общею безопасностью Государства столь смежныя, что самому Милосердію они, кажется, должны быть недоступны». По симъ соображеніямъ судъ большинствомъ голосовъ опредѣлилъ слѣдующія положенія о казняхъ и наказаніяхъ: «Смертную казнь четвертованіемъ; смертную казнь отсѣченіемъ головы; положеніемъ головы на плаху и потомъ ссылку въ вѣчную каторжную работу; тоже на опредѣленное время и потомъ вѣчно на поселеніе; вѣчную ссылку на поселеніе; вѣчную ссылку въ Сибирь; написаніе въ солдаты съ выслугою; во всѣхъ сихъ случаяхъ съ предварительнымъ лишеніемъ чиновъ и дворянства». Сдѣлавъ сіи положенія о казняхъ и наказаніяхъ, Судъ раздѣлилъ подсудимыхъ на одиннадцать разрядовъ, поставивъ 5 изъ нихъ, приговоренныхъ къ четвертованію, внѣ разряда *).

На этотъ докладъ Верховнаго Уголовнаго Суда послѣдовалъ 10 іюля 1826 г. Указъ, которымъ смягчались нѣкоторыя изъ постановленныхъ судомъ наказаній; между прочимъ, преступникамъ 1-го разряда, смертная казнь замѣнялась вѣчною каторжною работою **). Что касается наказанія лицъ, поставленныхъ внѣ разрядовъ, то тѣмъ же Высочайшимъ Указомъ оно было передано рѣшенію Верховнаго Уголовнаго Суда и «тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ Судѣ состоится». Въ силу сего судъ постановилъ: «пяти лицамъ ***), вмѣсто мучительной смертной казни четвертованіемъ, приговоромъ Суда опредѣленной, сихъ преступниковъ повѣсить» ****).

13 іюля, по выслушаніи протокола Верховнаго Уголовнаго Суда отъ 11 іюля и означеннаго Именнаго Высочайшаго Указа 10 іюля о пощадахъ, послѣдовалъ о семъ Указъ Правительствующаго Сената и одновременно объявленъ Высочайшій, по сему предмету, Манифестъ *****).

---

*) Всеподданнѣйшій докладъ Верховнаго Уголовнаго Суда.

**) Указъ Верховному Уголовному Суду 10 іюля 1826 г. Царское Село.

***) Полковникъ Пестель, подпоручикъ Рылѣевъ, подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ, поручикъ Каховскій.

****) Выписка изъ протокола Верховнаго Уголовнаго Суда, 11 іюля 1826 г.

*****) Указъ Правительствующаго Сената и Высочайшій Манифестъ 3-го іюля 1826 года.

Кн. С. Г. Волконскій принадлежалъ, въ качествѣ члена, къ Южному Обществу и въ движеніи 14 декабря 1825 г. участія не принималъ. Отнесенный Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ въ числѣ 31 *) человѣка къ первому разряду, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая замѣнена ссылкою «въ каторжную работу на 20 лѣтъ и потомъ на поселеніе, по уваженію совершеннаго раскаянія» **). Въ «Росписи государственнымъ преступникамъ», приложенной къ приговору Верховнаго Уголовнаго Суда, противъ имени генералъ-маіора князя Волконскаго сказано: «участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на Цареубійство и истребленіе всей Императорской Фамиліи; имѣлъ умыселъ на заточеніе Императорской Фамиліи; участвовалъ въ управленіи Южнымъ Обществомъ и старался о соединеніи его съ Сѣвернымъ; дѣйствовалъ въ умыслѣ на отторженіе Областей отъ Имперіи и употреблялъ поддѣльную печать Полевого Аудиторіата».

Изъ этихъ пунктовъ обвиненія кн. Волконскій категорически отрицалъ два послѣдніе. По первому изъ нихъ—объ умыслѣ на отторженіе областей отъ Россіи—слѣдуетъ сказать, что, какъ въ это время, такъ и впослѣдствіи, такая мысль противорѣчила его коренным убѣжденіямъ, и что онъ всегда стоялъ за цѣлость Имперіи *(стр. 416 и 417 «Записокъ»)*; а по второму.—что однажды онъ, дѣйствительно, употребилъ казенную, а не поддѣльную печать, чтобы запечатать вскрытое имъ письмо и сдѣлалъ это по данному ему разрѣшенію лица, которому письмо было адресовано (П. Д. Кисе-

---

*) Полковникъ кн. Трубецкой, поручикъ кн. Оболенскій, подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, подпоручикъ Борисовъ 1-ый, подпоручикъ Борисовъ 2-ой, подпоручикъ Горбачевскій, маіоръ Спиридовъ, штабсъ-ротмистръ кн. Барятинскій, коллежскій ассесоръ Кюхельбекеръ, капитанъ Якубовичъ, подполковникъ Поджіо, полковникъ Артамонъ Муравьевъ, прапорщикъ Вадковскій, прапорщикъ Бечасный, полковникъ Давыдовъ, 4-аго класса Юшневскій, штабсъ-капитанъ Александръ Бестужевъ, подпоручикъ Андреевичъ 2-ой, капитанъ Никита Муравьевъ, коллежскій ассесоръ Пущинъ, генералъ-маіоръ кн. Волконскій, капитанъ Якушкинъ, подпоручикъ Пестовъ, лейтенантъ Арбузовъ, лейтенантъ Завалишинъ, полковникъ Повало-Швейковскій, поручикъ Сутгофъ, штабсъ-капитанъ Щепинъ-Ростовскій, мичманъ Дивовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тургеневъ.

**) Указъ Верховному Уголовному Суду 10 іюля 1826 года.

лева), для спасенія одного изъ бывшихъ членовъ Общества (М. Ѳ. Орлова) *). Это неправильное обвиненіе, задѣвающее честь человѣка, осталось для него оскорбленіемъ на всю жизнь. Что же касается главнаго пункта—«участія согласіемъ въ умыслѣ на Цареубійство», то всѣ мы, близкіе къ нему и къ его товарищамъ по осужденію, слышали отъ нихъ, что въ дѣйствительности умысла такого не было; при началѣ сформированія Южнаго Общества о немъ не упоминалось, и лишь впослѣдствіи, когда стали отпадать многіе изъ его членовъ, было рѣшено ввести это условіе въ Уставъ Общества, чтобъ затруднить выходъ изъ Общества. На стр. 412 и 413 «Записокъ» авторъ говоритъ: «*Эта мѣра въ основаніи своемъ имѣла не безусловное приведеніе въ дѣйствительность, но была какъ бы обуздывающимъ, предохранительнымъ средствомъ отъ удаленія членовъ изъ Общества*: удаленіе же членовъ изъ Общества не уменьшало полной отвѣтственности за первопачальное согласіе. *Это изложеніе не есть вымыселъ, теперь мною придуманный, но чистая того времени уловка; и это я высказываю по сущей истинѣ*».

По доставленіи въ Петербургъ и послѣ личнаго допроса, сдѣланнаго ему Императоромъ Николаемъ I, кн. С. Г. Волконскій былъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ и пробылъ до отправленія въ Сибирь.

Заключеніе въ Петропавловской крѣпости въ тѣсномъ, полусвѣтломъ и сыромъ помѣщеніи было едва ли не самымъ тяжелымъ временемъ въ жизни кн. С. Г. Волконскаго. Но не столько физическія условія тюрьмы, сколько нравственныя причины его удручали: неизвѣстность о положеніи жены и ребенка, оставленныхъ имъ въ Малороссіи, въ деревнѣ, полное разобщеніе съ матерью, братьями и сестрою, и невѣдѣніе своего будущаго не могли не вліять на его душевное состояніе. Всего же болѣе тяготили его допросы Слѣдственной Комиссіи, ежедневно засѣдавшей въ Комендантскомъ домѣ крѣпости. Какъ видно изъ самаго приговора Верховнаго Суда, показанія кн. Волконскаго были по отношенію къ

*) Разсказъ объ этомъ подробно изложенъ въ неизданныхъ запискахъ княгини М. Н. Волконской.

самому себѣ безусловно искренни, но страхъ своими неосторожными показаніями привлечь къ дѣлу людей непричастныхъ, или же увеличить долю виновности привлеченныхъ, неотступно его преслѣдовалъ.

Между тѣмъ, допросы слѣдовали быстро одинъ за другимъ, давались очныя ставки, дѣлались тяжелые перекрестные допросы. Напримѣръ, на одномъ изъ такихъ, генералъ-адъютантъ Чернышевъ обратился къ кн. С. Г. Волконскому съ слѣдующими словами: «Стыдитесь, генералъ-маіоръ кн. Волконскій, прапорщики больше васъ показываютъ!» Слова эти, слышанныя многими, остались въ памяти потерпѣвшихъ наказаніе, какъ характеристика человѣка, ихъ произнесшаго. Здѣсь, можетъ быть, кстати будетъ сказать, какое впечатлѣніе оставили въ допрашиваемыхъ нѣкоторые изъ членовъ Слѣдственной Комиссіи. Предсѣдатель ея, военный министръ Татищевъ, постоянно присутствовавшій, принималъ мало личнаго участія въ допросахъ; В. К. Михаилъ Павловичъ держалъ себя съ достоинствомъ и вообще оставилъ по себѣ добрую память. Такую же память оставилъ по себѣ и генералъ Бенкендорфъ, всегда прямой и вѣжливый, хотя входящій во всѣ подробности показаній. Совершенно противоположное впечатлѣніе, передававшееся впослѣдствіи изъ устъ въ уста между сосланными, оставилъ по себѣ Чернышевъ, не разъ останавливаемый Бенкендорфомъ и другими сочленами въ вопросахъ, не относившихся къ фактической сторонѣ дѣла, а задѣвавшихъ человѣческую совѣсть. Замѣчанія его Розену, Назимову, Граббе и другимъ остались документами въ дѣлѣ. Между тѣмъ, онъ былъ едва ли не главнымъ дѣятелемъ Комиссіи, постоянно присутствовалъ и неутомимо велъ допросы. Дѣлопроизводитель с. с. Блудовъ почти никогда въ Комиссіи не присутствовалъ, а въ своей канцеляріи сличалъ письменныя показанія и составлялъ изъ нихъ выводы и отчетъ Слѣдственной Комиссіи; замѣнялъ же его въ засѣданіяхъ, въ должности временнаго секретаря, полковникъ Адлербергъ *).

Подробностей о времени, проведенномъ княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ въ заточеніи, имѣется мало. Уцѣлѣла слѣдующая

*) Все это подтверждаетъ, между прочимъ, и А. Е. Розенъ въ своихъ запискахъ.

записка сго къ сестрѣ, Софьѣ Григорьевнѣ Волконской, величиною въ полтора квадратныхъ вершка и написанная мельчайшимъ почеркомъ: Chère amie, voici un billet que je t'envoie clandestinement, en grâce, garde le secret, tu me perdrais ainsi que le porteur, à qui tu donneras 15 roubles et lui promettras 10, quand il repassera chez toi de ma part. Ecris-moi par lui, mais sans marquer que tu as reçu mon billet, sans adresse, et je voudrais que le billet ne soit pas de ta main. Ecris-moi sur un chiffon de papier, mais lisiblement. Je crains bien qu'on ne me fasse partir sans que je te voie, toutefois j'ai dit et recommandé au messager de venir te le dire, car il craint de t'effrayer, et quoique je serai loin de ma cellule, du moins tu sauras que je ne suis plus ici et t'occuperas de pouvoir me faire parvenir l'aisance que tu veux me donner. On m'a prévenu sous secret que l'on nous faisait partir sur chariots, je ne sais si c'est pour gagner le Volga ou jusqu'à notre destination. Dans ce dernier cas je ne sais comment je le soutiendrais avec ma chétive santé si l'on fait voyager avec vitesse. Un voyage à pied même serait plus conforme à l'état de ma santé. Il y a déjà des femmes qui ont demandé et obtenu la permission de venir rejoindre leurs maris à leur future destination dont elles seront prévenues. Aurais-je ce bonheur et mon adorable femme me refuserait—elle cette consolation? Je n'en doute pas, elle et son coeur me feront tous les sacrifices, mais je crains les influences et c'est pour pouvoir mieux agir que l'on l'a éloignée de vous tous. Si ma femme vient me voir, je voudrais bien que cela fut sans son frère, on me l'enleverait de suite. Un médecin serait beaucoup plus nécessaire. N'aurais-je pas de ma femme des consolations que d'autres ont la certitude d'avoir? Je sens ce qu'elle doit à son fils, et certes cela ne sera pas moi qui la séparerais pour toujours de ce pauvre enfant. Donne-moi quelques nouvelles. Que pouvons —nous attendre pour le Sacre? Les bonnes et vertueuses Impératrices ne compatiront—Elles pas à nos pauvres mères, femmes et parents, et n'allégera—t-on pas notre sort? Les hauts personnages parents, amis et étrangers ne s'intéresseront-ils pas au sort des victimes d'opinions politiques conçues et qui ont été si loin de pouvoir être exécutées. Les crimes se pardonnent quelquefois, et

sera—t-on donc inflexible pour des erreurs? Influencez le parler des décisions mondaines, la voix publique plaide bien la cause des malheureux. On m'a fait part sous secret que l'on nous construisait des logements aux lieux de notre destination, afin de pouvoir y loger avec femmes. Serons-nous et elles condamnés à une sévère réclusion, même en Sibérie? Ce n'est pas un consolant avenir. En grâce, point d'indiscrétion, tu me perdrais. Songe à ce que ma femme ait des fonds à sa disposition et quelque peu d'argent pour moi . . . .

. . . . . .

Je te serre contre mon coeur avec ma femme et mon fils! *) Кромѣ этой записки уцѣлѣлъ акварельный портретъ его жены, который ему дозволено было имѣть въ крѣпости, но который онъ не могъ взять съ собою въ каторгу и оставилъ той же сестрѣ, сдѣлавъ на немъ слѣдующую

*) Милый другъ, вотъ записка, посылаемая тебѣ мною тайкомъ; умоляю сохранить ее въ тайнѣ, иначе, ты погубишь меня и подателя, которому выдай 15 руб. и пообѣщай еще 10 руб., когда онъ вторично придетъ къ тебѣ отъ меня. Напиши мнѣ чрезъ него, но не упоминая о полученіи моей записки и безъ адреса; я желалъ бы также, чтобы твоя записка не была написана твоею рукою. Напиши на клочкѣ бумаги, но четко. Я очень боюсь, чтобы меня не отправили, не давъ увидѣться съ тобою; поэтому я говорилъ посланному и настаивалъ, чтобы онъ далъ тебѣ знать объ этомъ, не боясь напугать тебя, и тогда, хотя я буду уже далеко отъ своей тюрьмы, но, по крайней мѣрѣ, ты будешь знать, что я уже не здѣсь, и займешься тѣмъ, чтобы доставить мнѣ все необходимое, чѣмъ ты хочешь меня снабдить. Меня увѣдомили по секрету, что насъ отправятъ на телѣгахъ, не знаю до Волги ли, или до мѣста назначенія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ не знаю, какъ я перенесу это путешествіе при своемъ слабомъ здоровьѣ, если насъ повезутъ быстро. Даже переходъ пѣшкомъ я перенесъ-бы легче при теперешнемъ состояніи моего здоровья. Уже нѣкоторыя изъ женъ просили и получили разрѣшеніе слѣдовать за своими мужьями къ мѣсту ихъ назначенія, о которомъ онѣ будутъ предувѣдомлены. Выпадетъ ли мнѣ это счастье, и неужели моя обожаемая жена откажетъ мнѣ въ этомъ утѣшеніи? Я не сомнѣваюсь въ томъ, что она съ своимъ добрымъ сердцемъ всѣмъ мнѣ пожертвуетъ, но я опасаюсь посторонихъ вліяній, и ее отдалили отъ всѣхъ васъ, чтобы сильнѣе на нее дѣйствовать. Если жена пріѣдетъ ко мнѣ на свиданіе, то я бы желалъ, чтобы она пріѣхала безъ своего брата, иначе ее тотчасъ же увезутъ отъ меня. Врачъ былъ бы при этомъ нужнѣе. Получу ли я отъ своей жены утѣшеніе, въ которомъ другіе уже увѣрены? Я понимаю, какой долгъ лежитъ на ней по отношенію къ сыну, и, конечно, я не рѣшился бы разлучить ее навсегда съ этимъ несчастнымъ ребенкомъ. Сообщи, нѣтъ ли чего новаго. Что мы можемъ ожидать къ коронаціи? Добрыя и добродѣтельныя Государыни Императрицы не выкажутъ ли сочувствіе нашимъ матерямъ, женамъ и родственникамъ, и не облегчатъ ли онѣ нашу участь? Наши высокостоящіе родственники, друзья

надпись: «Je confie aux soins de ma bonne soeur Sophie celle qui avait assuré mon bonheur détruit par moi» *).

Во время заточенія, только въ концѣ апрѣля выпала на долю кн. С. Г. Волконскаго радость свидѣться съ женою. Императоръ Николай Павловичъ, разрѣшая это свиданіе, и зная, что княгиня Волконская была больна, приказалъ сопровождать ее врачу и поручилъ графу Орлову лично проводить ее въ крѣпость. Свиданіе произошло на квартирѣ коменданта въ присутствіи его и другихъ лицъ. Кажется, оно было единственнымъ.

Настало 12-ое іюля 1826 года. Слѣдствіе было закончено. Верховный Уголовный Судъ, засѣдавшій всего въ теченіе 2-хъ недѣль, постановилъ приговоръ, послѣдовалъ приведенный выше Высочайшій Указъ, 10-го іюля,—и 12-го числа назначено было объявленіе приговора. Верховный Уголовный Судъ собрался въ крѣпости; осужденныхъ вводили разрядами, и лицамъ каждаго разряда объявлялся приговоръ надъ нимъ, послѣ чего всѣ были возвращены въ номера заточенія.

Нельзя не отмѣтить здѣсь одного обстоятельства, къ которому придется вернуться. За кн. С. Г. Волконскимъ осталось въ официальныхъ документахъ причисленіе къ 1-му разряду преступниковъ; между тѣмъ, какъ въ семейныхъ документахъ имѣются свѣдѣнія о томъ, что по ходатайству его матери, княгини Александры Николаевны Волконской, Императоръ Николай изъявилъ согласіе

и посторонніе не примутъ ли они къ сердцу участи жертвъ своихъ политическихъ убѣжденій, которыя были такъ далеко отъ приведенія ихъ въ исполненіе. Даже преступленія прощаются иногда, неужели-же останутся неумолимыми къ однимъ заблужденіямъ. Постарайтесь воздѣйствовать на свѣтскія сужденія, общественный голосъ умѣетъ вступаться за несчастныхъ. Мнѣ по секрету сказали, что возводится зданіе въ мѣстахъ нашей ссылки для помѣщенія насъ вмѣстѣ съ женами. Будемъ ли мы и онѣ осуждены на строгое заключеніе даже въ Сибири? Какое неутѣшительное будущее!

Умоляю, будь осторожна, иначе, ты меня погубишь. Позаботься о томъ, чтобы жена имѣла средства въ своемъ распоряженіи и оставь немного денегъ и для меня . . . . . .

. . . . . .

Прижимаю тебя къ своему сердцу вмѣстѣ съ моею женою и моимъ сыномъ (*Точки обозначаютъ неразобранныя слова въ подлинникѣ*).

*) Поручаю заботамъ моей доброй сестры Софьи ту, которая составила мое счастіе, разбитое мною.

на перечисленіе его во 2-ой разрядъ. Это обстоятельство имѣло бы впослѣдствіи значеніе, такъ какъ въ 1856 году, при общемъ помилованіи осужденныхъ, только лицамъ 1-ой категоріи не было возвращено княжеское достоинство.

13-ое іюля было днемъ исполненія приговора.

На разсвѣтѣ, всѣ осужденные были выведены на крѣпостную площадку, гдѣ, въ срединѣ большого каре изъ нѣсколькихъ шеренгъ разнаго оружія, они въ первый разъ свободно свидѣлись и могли сообщить другъ другу содержаніе приговоровъ. Не было только пятерыхъ, осужденныхъ на смертную казнь. Каждый изъ осужденныхъ долженъ былъ стать на колѣни, надъ головой его ломалась шпага, а мундиръ и ордена бросались въ приготовленные тутъ же костры для сожженія, и затѣмъ, одѣтые уже въ арестантскіе халаты, осужденные были разведены по своимъ тюрьмамъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ приведенъ въ исполненіе и смертный приговоръ.

Не касаясь вопроса о томъ, насколько правъ законъ, когда, лишая осужденныхъ чиновъ, орденовъ и дворянства, онъ отнимаетъ титулъ у того изъ нихъ, кому титулъ не пожалованъ по Грамотѣ, а принадлежитъ роду по историческому его происхожденію и составляетъ неотъемлемую часть самого имени,—мы будемъ далѣе называть автора «Записокъ» именемъ, оставленнымъ ему судебнымъ рѣшеніемъ.

Чрезъ нѣсколько дней началась высылка приговоренныхъ въ мѣста заключенія и ссылки, имъ предназначенныя.

17-го іюля начальникъ Главнаго Штаба *) Е. И. В. сообщилъ военному министру, что Высочайше повелѣно преступниковъ разослать по назначенію, причемъ сообщилъ и порядокъ ихъ высылки; при этомъ, между прочимъ, сказано:

«Изъ числа приговоренныхъ въ каторжную работу, 8 человѣкъ, а именно: Сергѣя Трубецкого, Евгенія Оболенскаго, Артамона Муравьева, Василія Давыдова, Якубовича, Сергѣя Волконскаго, Борисова 1-го и Борисова 2-го отправить немедленно закованными въ двухъ партіяхъ, имѣя при каждомъ преступникѣ

*) Архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи.

одного жандарма и при каждыхъ четырехъ одного фельдъегеря. въ Иркутскъ къ Гражданскому Губернатору Цейдлеру, коему сообщить Высочайшую волю, дабы сіи преступники были употребляемы, какъ слѣдуетъ, въ работу и поступлено было съ ними во всѣхъ отношеніяхъ по установленному для каторжниковъ положенію, чтобы онъ назначилъ, для неослабнаго и строгаго за ними смотрѣнія, надежнаго чиновника, за выборъ коего онъ отвѣтствуетъ, и чтобы онъ о состояніи ихъ ежемѣсячно доносилъ въ собственныя руки Его Величества чрезъ Главный Штабъ».

Отправленіе ихъ изъ крѣпости должно было быть произведено по ночамъ съ 21-го по 31-е іюля и 1-го августа. По этому предмету военный министръ Татищевъ, 20-го іюля, сообщалъ управляющему министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Высочайшую волю объ отправкѣ ихъ въ означенныя числа не черезъ Москву, а по Ярославскому тракту, съ тѣмъ, чтобы это дѣлалось при отвѣтственности губернаторовъ и «чтобы о поведеніи и содержаніи оныхъ преступниковъ они доносили въ Собственныя руки Его Величества черезъ Главный Штабъ».

По имѣющимся въ семействѣ свѣдѣніямъ, С. Г. Волконскій былъ высланъ въ ночь 26-го іюля. О путеслѣдованіи его свѣдѣній въ семейныхъ бумагахъ не имѣется.*) Слѣдъ остался лишь въ показаніяхъ жандармовъ **), препровождавшихъ арестантовъ въ Иркутскъ. Въ каждой повозкѣ ѣхалъ арестантъ и при немъ жандармъ, а на пятой повозкѣ фельдъегерь впереди; у всѣхъ арестантовъ были на ногахъ кандалы. Дорогою жандармы брали всѣ предосторожности, чтобы любопытные около нихъ не толпились, о чемъ и сами арестанты ихъ просили, стараясь при выходѣ изъ повозокъ придерживать кандалы, чтобъ не гремѣть и тѣмъ не возбуждать любопытства народа. Вообще путешествіе было очень

*) По сохранившимся документамъ, удостовѣреннымъ бывшимъ въ то время Тобольскимъ Губернаторомъ Бантышъ-Каменскимъ, «прослѣдовали черезъ г. Ялуторовскъ 9-го августа подъ надзоромъ фельдъегеря Куста: «Трубецкой, Волконскій, Борисовъ 1-й и Борисовъ 2-й скованные». (*Декабристы въ западной Сибири, книга Дмитріева-Мамонова*).

**) Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, показаніе жандармовъ 12 октября 1826 года.

тягостное. Арестанты (по показанію жандармовъ) отъ скорой ѣзды и тряски ослабѣвали и часто хворали; кандалы протирали имъ ноги, «отчего нѣсколько разъ дорогою ихъ снимали и протертыя до крови мѣста тонкими тряпками обвертывали, и потомъ опять кандалы накладывали, а иного по нѣсколько станцій безъ оныхъ везли». Въ городѣ Канскѣ ихъ водили, спявъ кандалы, въ баню, находящуюся у городничаго во дворѣ. Въ заключеніе жандармы показываютъ: арестанты, «особливо пока по Россійскимъ губерніямъ ѣхали, очень были печальны, большею частью молчали и часто плакали, а больше прочихъ Давыдовъ и Муравьевъ. Между собою же, когда на станціяхъ вмѣстѣ были, всегда пофранцузски говорили. Проѣзжая Сибирскія губерніи, они стали менѣе печальны, разспрашивали иногда на станціяхъ у смотрителей, которые тѣ мѣста знаютъ, объ Нерчинскѣ, и располагали между собою, какъ они тамъ жить будутъ, причемъ показывали болѣе бодрости духа, чѣмъ съ начала дороги».

Въ Иркутскъ четыре арестанта первой партіи прибыли послѣ 37-ми дневнаго путешествія 27-го августа, и были отвезены прямо къ губернатору, а оттуда въ первую полицейскую часть. Вѣроятно, около этого же числа прибыли и другіе четверо, въ числѣ которыхъ находился и С. Г. Волконскій.

Отправленные изъ Иркутска тѣмъ же порядкомъ, всѣ восемь человѣкъ прибыли въ Нерчинскіе заводы, и 25 октября 1826 года были помѣщены въ Благодатскомъ рудникѣ, въ 12 верстахъ отъ главнаго Нерчинскаго завода. Управляющій горною конторою и всѣми рудниками, маркшейдеръ Черниговцевъ доноситъ объ этомъ начальнику Нерчинскихъ заводовъ 26 октября, прибавляя, что «всѣ означенные восемь человѣкъ размѣщены по принадлежности на Благодатскомъ рудникѣ, что всѣ они ремесла никакого за собой не имѣютъ, кромѣ Россійскаго языка и прочихъ наукъ, входящихъ въ курсъ Благороднаго воспитанія; нѣкоторые знаютъ иностранные языки, на каковыхъ написаны ими самими за подписью прописи, которыя съ засвидѣтельствомъ моимъ при семъ также представляются». При этомъ Черниговцевъ представляетъ перепись вещамъ каждаго изъ нихъ, въ которыхъ находятся, между прочимъ,

у каждаго: образъ, Евангеліе, «грудные» кресты, бѣлье, платье, въ ограниченномъ количествѣ, нагольные тулупы, у нѣкоторыхъ чугунныя распятія; изъ книгъ: календари и пр. Часть вещей при нихъ оставлена, другая, въ томъ числѣ деньги, въ ничтожномъ количествѣ, отобраны на храненіе.—Относительно ихъ содержанія и употребленія въ работы, сдѣлано губернаторомъ Цейдлеромъ 27-го августа 1826 года, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, распоряженіе начальнику заводовъ Бурнашеву, «чтобы сіи преступники были употребляемы, какъ слѣдуетъ, въ работу, и поступлено было съ ними во всѣхъ отношеніяхъ по установленному для каторжныхъ положенію, чтобы былъ назначенъ для неослабнаго за ними смотрѣнія надежный чиновникъ, и чтобы о состояніи ихъ ежемѣсячно доносилось въ собственныя руки Его Величества черезъ Главный Штабъ». При этомъ губернаторъ Цейдлеръ указываетъ, между прочимъ, чтобы рудникъ былъ для нихъ избранъ въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ и не близко къ границѣ «Китайской», и чтобы содержаніе ихъ было обезпечено, дабы не допускать ихъ «до свободы, которую каторжные по окончаніи работъ имѣютъ для снисканія себѣ вольными работами средствъ къ содержанію подкрѣпленія» *).

Между тѣмъ, княгиня Марія Николаевна Волконская и княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая выѣхали изъ Петербурга въ Сибирь, чтобы раздѣлить участь своихъ мужей. Княгиня Волконская сдѣлала это вопреки воли своего отца и несмотря на нежеланіе всѣхъ членовъ семьи. Тайно отъ нихъ, она добивалась, сначала частнымъ путемъ, разрѣшенія слѣдовать за мужемъ, а потомъ обратилась съ письмомъ къ Императору, и получила слѣдующій отвѣтъ**): J'ai reçu, Princesse, la lettre que Vous m'avez écrite du 15 de ce mois, j'y ai vu avec plaisir l'expression des sentiments que Vous me témoignez pour l'intérêt que je Vous porte, mais c'est à cause de cet intérêt même que je prends à Vous, que je crois devoir renouveler ici les avertissements, que je Vous ai déjà communiqués sur ce qui Vous attend une fois passé Irkoutsk.

*) Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.
**) Семейный Архивъ.

Au reste j'abandonne entièrement à Votre propre conviction, Madame, de Vous décider à tel parti que Vous jugerez le plus convenable dans votre situation.

Votre affectionné.

(Signé) «Nicolas»

1826, le 21 Décembre *)

Вслѣдъ затѣмъ Государь еще дважды старался отклонить княгиню Волконскую отъ принятаго ею рѣшенія,—разъ, черезъ фельдъегеря, догнавшаго ее до переѣзда черезъ Уралъ, и вторично въ Иркутскѣ, черезъ посредство генералъ-губернатора Цейдлера.

Переѣздъ до Иркутска описанъ княгинею въ ея семейныхъ запискахъ. Въ Иркутскѣ, въ виду твердаго рѣшенія ея слѣдовать къ своему мужу, ей было сдѣлано слѣдующее объявленіе, въ чемъ и взята съ нея подписка: «1-е, жена, слѣдуя за своимъ мужемъ и продолжая съ нимъ супружескую связь, сдѣлается естественно причастной его судьбѣ и потеряетъ прежнее званіе, то есть будетъ уже признаваема не иначе, какъ женою ссыльнокаторжнаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ принимаетъ на себя переносить все, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, ибо даже и *Начальство не въ состояніи будетъ защищать ихъ* отъ ежечасныхъ, могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право считать жену государственнаго преступника, несущую равную съ ними участь, себѣ подобною; оскорбленія сіи могутъ быть даже насильственныя. Закоренѣлымъ злодѣямъ не страшны наказанія. 2-е, дѣти, которыя прижившуся въ Сибири, поступятъ въ казенные заводскіе крестьяне.

---

*) Я получилъ, Княгиня, письмо Ваше отъ 15 числа сего мѣсяца и съ удовольствіемъ въ немъ усмотрѣлъ изъявленіе чувствъ благодарности ко мнѣ за то участіе, которое я въ Васъ принимаю; но это то именно мое участіе къ Вамъ и побуждаетъ меня здѣсь снова повторить Вамъ тѣ предупрежденія, которыя я уже дѣлалъ Вамъ относительно того, что Васъ ожидаетъ, лишь только Вы проѣдете Иркутскъ. Впрочемъ, предоставляю вполнѣ Вашему собственному усмотрѣнію, Сударыня, избрать то рѣшеніе, которое Вы найдете наиболѣе подходящимъ къ Вашему положенію.

Благорасположенный къ Вамъ

(подпись) «Николай».

1826 г. 21 декабря.

3-е, ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ съ собой взять не дозволено; это запрещается существующимъ правиломъ, и нужно для собственной ихъ безопасности по причинѣ, что сіи мѣста населены людьми, готовыми на всякаго рода преступленія. 4-е, отъѣздомъ въ Нерчинскій край уничтожается право на крѣпостныхъ людей, съ ними прибывшихъ» *).

8-го февраля 1827 года княгиня Волконская пріѣхала на Благодатскій рудникъ, гдѣ и помѣстилась на жительство противъ тюрьмы въ крестьянской избѣ, вмѣстѣ съ княгинею Трубецкою. Разрѣшая сій это пребываніе, начальникъ Нерчинскихъ заводовъ Бурнашевъ доноситъ о томъ коменданту при Нерчинскихъ рудникахъ, генералъ-маіору Лепарскому, 11-го февраля, прилагая слѣдующее обязательство, взятое съ нея при двухъ чиновникахъ и засвидѣтельствованное ими и Бурнашевымъ:

«Я, нижеподписавшаяся, имѣя непреклонное желаніе раздѣлить участь мужа моего, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденнаго, и жить въ томъ заводскомъ, рудничномъ или другомъ какомъ селеніи, гдѣ онъ содержаться будетъ, если то дозволится отъ Коменданта Нерчинскихъ рудниковъ, Господина Генералъ-Маіора и Кавалера Лепарскаго, обязуюсь, по моей чистой совѣсти, наблюсти нижеписанныя, предложенныя мнѣ имъ, Г. Комендантомъ, статьи; въ противномъ же случаѣ и за малѣйшее отступленіе отъ постановленныхъ на то правилъ, подвергаю я себя осужденію по законамъ. Статьи сіи и обязанности есть слѣдующія: 1-е, желая раздѣлить (какъ выше изъяснено) участь моего мужа и жить въ томъ селеніи, гдѣ онъ будетъ содержаться, не должна я отнюдь искать свиданія съ нимъ никакими просьбами и никакими постороннимъ способами, но единственно по сдѣланному на то отъ г. Коменданта дозволенію, и токмо въ назначенные для того дни и не чаще, какъ черезъ два дня на третій. 2-е, не должна я доставлять ему (мужу) никакихъ вещей: денегъ, бумаги, чернилъ, карандашей, безъ вѣдома г. Коменданта или офицера, подъ присмотромъ коего находиться будетъ мужъ мой. 3-е, равнымъ образомъ не должна я принимать

*) Семейный Архивъ.

и отъ него никакихъ вещей, особливо же писемъ, записокъ и никакихъ бумагъ для отсылки ихъ къ тѣмъ лицамъ, кому они будутъ адресованы или посылаемы. 4-е, не должна и я ни подъ какимъ видомъ, ни къ кому писать и отправлять куда бы то ни было моихъ писемъ, записокъ и другихъ бумагъ иначе, какъ токмо чрезъ Коменданта, равно, если отколь мнѣ или мужу моему, чрезъ родныхъ или постороннихъ людей, будутъ присланы письма и прочее, изъясненное въ семъ и 3-мъ пунктѣ, должна я ихъ ему же г. Коменданту при полученіи объявлять, если оныя не чрезъ него будутъ мнѣ доставляемы. 5-е, то же самое обѣщаюсь наблюсти и касательно присылки мнѣ и мужу моему вещей, какія-бы онѣ ни были, равно и денегъ. 6-е, изъ числа вещей моихъ, при мнѣ находящихся, и которыхъ регистръ имѣется у г. Коменданта, я не въ правѣ, безъ вѣдома его, продавать ихъ, дарить кому, или уничтожать. Деньгамъ же моимъ собственнымъ, оставленнымъ для нуждъ моихъ теперь, равно и впредь отъ г. Коменданта мнѣ доставляемымъ, я обязуюсь вести приходо-расходную книгу и въ оную записывать всѣ свои издержки, сохраняя между тѣмъ сію книгу въ цѣлости; въ случаѣ же востребованія ея г. Комендантомъ, оную ему немедленно представлять. Если же окажутся у меня вещи или деньги сверхъ значущихся у г. Коменданта по регистру, которыя были мною скрыты, въ такомъ случаѣ, какъ за противопоступокъ, подвергаюсь я законному сужденію. 7-е, также не должна я никогда мужу моему присылать никакихъ хмѣльныхъ напитковъ, какъ-то: водки, вина, пива, меду, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, да и сіи доставлять ему чрезъ старшаго карауленаго унтеръ-офицера, а не чрезъ людей моихъ, коимъ воспрещено личное свиданіе съ мужемъ моимъ. 8-е, обязуюсь имѣть свиданіе съ мужемъ моимъ не иначе, какъ въ арестантской палатѣ, гдѣ указано будетъ, въ назначенное для того время и въ присутствіи дежурнаго офицера, и не говорить съ нимъ ничего излишняго, паче чего-либо не принадлежащаго; вообще имѣть съ нимъ дозволенный разговоръ на одномъ русскомъ языкѣ. 9-е, не должна я къ себѣ нанимать никакихъ иныхъ слугъ или работниковъ, а довольствоваться только прислугами, предоставленными мнѣ: однимъ

мужчиною и одною женщиною, за которыхъ также отвѣтствую, что они не будутъ имѣть никакого сношенія съ моимъ мужемъ, и вообще за ихъ поведеніе. 10-е, наконецъ, давши такое обязательство, не должна я сама никуда отлучаться отъ мѣста того, гдѣ пребываніе мое будетъ назначено, равно и посылать куда-либо слугъ моихъ по произволу моему безъ вѣдома г. Коменданта или, въ случаѣ отбытія его, безъ вѣдома старшаго офицера. Въ выполненіи всего вышеизъясненнаго въ точности, подъ симъ подписуюсь, въ Нерчинскомъ заводѣ февраля 1827 года.

Подпись».

Для присмотра за государственными преступниками и ихъ содержаніемъ, былъ передъ тѣмъ учрежденъ постъ коменданта, на который назначенъ вышеупомянутый генералъ-маіоръ Лепарскій, снабженный особой Высочайшей инструкціей. О замѣчательной личности Лепарскаго будетъ сказано ниже; здѣсь же приведемъ изъ данной ему инструкціи слѣдующее указаніе, касающееся переписки осужденныхъ и ихъ женъ. Въ инструкціи этой, между прочимъ, сказано: «преступникамъ, осужденнымъ въ каторжную работу, воспрещается вовсе писать и посылать отъ себя письма кому бы то ни было. Женамъ же ихъ позволено посылать отъ себя письма къ родственникамъ ихъ и къ другимъ лицамъ, но таковыя письма должны онѣ доставлять открытыя г. Коменданту, который обязанъ препровождать ихъ къ Гражданскому Губернатору для дальнѣйшаго отправленія. Письма простыя, а также съ деньгами и посылками, ежели слѣдовать будутъ изъ Россіи на имя осужденныхъ въ каторжную работу и ихъ женъ, то, по доставленіи ихъ къ Гражданскому Губернатору, который имѣетъ право раскрывать ихъ, и тѣ, въ коихъ не найдетъ ничего противнаго, доставлять къ нимъ по адресамъ, открытыя чрезъ Коменданта, отсылая къ нему также деньги и посылки» *).

Тюрьма, въ которой были помѣщены арестанты, была тѣсная и до-нельзя грязная; она раздѣлялась сѣнями на двѣ большихъ комнаты: въ одной помѣщались рецидивисты—каторжные, а въ другой восьмеро государственныхъ преступниковъ; въ послѣдней

*) Архивъ Главнаго Управленія Восточной Сибири.

были устроены маленькія отдѣленія, низкія и темныя, въ которыхъ нельзя было ни стоять, ни чѣмъ-либо заниматься. Отдѣленіе Волконскаго раздѣляли съ нимъ Трубецкой и Оболенскій.

Закованные въ кандалы, арестанты работали въ подземныхъ шахтахъ, спускаясь въ нихъ въ пять часовъ утра и оставаясь до 11-ти дня. Норма выработки руды полагалась въ три пуда на каждаго. Эта работа, сравнительно облегченная, была установлена въ ноябрѣ 1826 года, по распоряженію генералъ-губернатора Восточной Сибири, сообщенному Т. С. Бурнашеву губернаторомъ Цейдлеромъ, который писалъ: «нынѣшній порядокъ объ употребленіи ихъ въ работу признаю нужнымъ перемѣнить, и потому распорядиться, чтобы они были употреблены въ работу одну смѣну въ сутки, посылать ихъ безъ изнуренія, и съ обыкновенными льготными днями, но надзоръ за ними усугубить». Распоряженіе это, сколько можно судить, послѣдовало по Высочайшей волѣ. Высочайшимъ же повелѣніемъ 22-го августа 1836 года, срокъ каторжныхъ работъ С. Г. Волконскому былъ сокращенъ съ двадцати лѣтъ на пятнадцать.

Вмѣсто повѣствованія о жизни осужденныхъ въ рудникѣ, приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, взятыя изъ отмѣтокъ, представляемыхъ ближайшими тюремными надзирателями начальнику Нерчинскихъ заводовъ Бурнашеву, при особыхъ рапортахъ. Послѣдніе посылались еженедѣльно съ приложеніемъ составлявшихся ежедневно «Списковъ о поведеніи, занятіяхъ и здоровьѣ государственныхъ преступниковъ», которые ярко рисуютъ жизнь и занятія ихъ за этотъ періодъ времени. «Вели себя», говорится въ одномъ изъ списковъ, «добропорядочно, при производствѣ работъ были прилежны и ничего противнаго не говорили, къ поставленнымъ надъ ними смотрителямъ были послушны, характеръ показывали скромный, въ квартирахъ своихъ никакихъ въ чемъ-либо ропотныхъ словъ не говорили, кромѣ словъ чувствительныхъ, раскаяніе въ своихъ преступленіяхъ изъявляющихъ». Въ декабрѣ 1826 года: «Сергѣй Трубецкой одержимъ грудною и внутреннею болѣзнью, какъ кажется, чахоткою, одержимъ кровохарканіемъ, чувствуетъ великую слабость въ груди». 16-го февраля 1827 года «Сергѣй Трубецкой и Сергѣй Волконскій съ пріѣздомъ женъ сдѣлались примѣрно ве-

селы». 1-го апрѣля 1827 г. «съ 22 марта Сергѣй Волконскій былъ нездоровъ простудной горячкой». Мартъ 1827 года «Сергѣй Трубецкой и Сергѣй Волконскій навыкаютъ къ роду пыпѣшней жизни, больше бываютъ спокойны, но Волконскій по слабому здоровью чаще задумчивъ». 1-го апрѣля 1827 года, противъ имени Артамона Муравьева: «съ полученія имъ письма (27-го марта) отъ его жены душевно страдаетъ» *). 28-го февраля: «Сергѣй Волконскій, для свиданія съ женою, въ работу посылаемъ не былъ». «Сергѣй Трубецкой и Сергѣй Волконскій, 14-го числа сего марта, для свиданія съ женами въ работу не посылались». «17-го и 20-го числа марта Трубецкой и Волконскій съ женами ихъ имѣли свиданія». «23-го, 26-го и 29 числа марта, Трубецкой и Волконскій съ ихъ женами имѣли свиданія». Противъ имени Александра Якубовича: «часто жалуется на боль въ головѣ» (отъ раны въ черепѣ, полученной на Кавказѣ) «и груди, но въ работу ходитъ безъ ропота, унылъ, иногда и бываетъ веселъ, но съ большимъ принужденіемъ» Въ мартѣ мѣсяцѣ: «Сергѣй Волконскій и другіе работали въ горѣ въ Крещенскомъ провалѣ прилежно и старались быть веселыми, работали съ великимъ терпѣніемъ». О братьяхъ Борисовыхъ повторяются слѣдующіе отзывы: «всегда печальны, тихи, молчаливы и съ большимъ терпѣніемъ переносятъ свое состояніе». О Василіи Давыдовѣ частая отмѣтка: «хотя и бываетъ веселъ, но очень рѣдко». Часто попадается слѣдующая отмѣтка, относящаяся ко всѣмъ: «занимаются болѣе чтеніемъ священныхъ книгъ». То же въ мартѣ мѣсяцѣ сказано обо всѣхъ вообще: «между собой очень дружны; харчевые припасы и табакъ куртельный употребляютъ общій, которые доставляются имъ отъ княгини Трубецкой и Волконской, и нерѣдко одежныя вещи безъ всякаго въ деньгахъ учета». Всѣ остальныя помѣтки въ этомъ родѣ; нигдѣ нѣтъ дурного отзыва. Строгость отношенія къ нимъ и количество работъ къ концу заточенія видимо ослабѣваютъ **).

---

*) Извѣстно, что жена А. З. Муравьева за нимъ въ Сибирь не послѣдовала.

**) Рапорты и списки, представляемые Начальнику нерчинскихъ горныхъ заводовъ, шихтмейстеромъ Рикомъ, бергъ-гешвореномъ Котлевскимъ и прапорщикомъ Резановымъ.

Относительно здоровья осужденныхъ имѣется, между прочимъ, рапортъ, отъ 27-го февраля 1827 года, управляющаго медицинскою частью, лѣкаря Владзимірскаго, гдѣ говорится, что Трубецкой страдаетъ болью горла и кровохарканіемъ. Волконскій слабъ грудью. Давыдовъ слабъ грудью, и у него открываются раны, у Оболенскаго цынготная болѣзнь съ болью зубовъ, Якубовичъ отъ увѣчьевъ страдаетъ головой и слабъ грудью, Борисовъ Петръ здоровъ, Андрей страдаетъ „помѣшательствомъ въ умѣ“ *).

На другой день по пріѣздѣ своемъ въ Благодатскій рудникъ, княгиня Волконская свидѣлась съ своимъ мужемъ и съ своимъ роднымъ дядей Давыдовымъ. Свиданіе съ мужемъ произошло въ его тюрьмѣ, а съ дядею въ шахтѣ рудника, куда ей удалось проникнуть. За чистотой своего помѣщенія княгиня Волконская и княгиня Трубецкая смотрѣли сами и сами варили себѣ кушанье, такъ какъ, по ихъ желанію, горничныя ихъ вскорѣ были отправлены мѣстною властью обратно въ Россію, вслѣдствіе дурного ихъ поведенія. Деньги были у нихъ отобраны и хранились въ мѣстномъ казначействѣ. Сношенія съ начальникомъ заводовъ были установлены письменныя; такъ, для новаго свиданія княгини Волконской съ Давыдовымъ потребовалось прошеніе; посѣщеніе церкви въ Нерчинскомъ заводѣ разрѣшалось каждый разъ тоже письменно. Но обращеніе съ ними было всегда вѣжливое, и ихъ присутствіе имѣло большое вліяніе на положеніе преступниковъ.

Что касается обращенія начальствующихъ съ осужденными, то оно было рѣзкое. Начальникъ заводовъ Бурнашевъ говорилъ съ ними, употребляя мѣстоименіе «ты»; тѣмъ не менѣе, усмотрѣвъ со стороны шихтмейстера Рика чрезмѣрно дерзкое съ ними обхожденіе и найдя ложнымъ сдѣланный имъ на нихъ доносъ, онъ его смѣнилъ. Послѣ посѣщенія Благодатскаго рудника генераломъ Лепарскимъ 5-го февраля 1827 года, эти отношенія значительно сгладились **).

*) Это тихое помѣшательство осталось у него на всю жизнь. Онъ покончилъ самоубійствомъ въ деревнѣ Разводной подъ Иркутскомъ, 30 сентября 1854 г., при видѣ брата, скончавшагося отъ разрыва сердца.

**) Архивы Нерчинскихъ горныхъ заводовъ и III отд. С. Е. И. В. К.

Пребываніе въ Благодатскомъ рудникѣ и работы въ немъ продолжались до 13-го сентября 1827 года, всего около одиннадцати мѣсяцевъ. Генералъ Лепарскій, усмотрѣнію котораго было предоставлено избрать мѣсто для содержанія декабристовъ, остановилъ свой выборъ на с. Читѣ и распорядился постройкою тамъ большого острога. 9-го сентября, находясь въ Нерчинскомъ заводѣ, онъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: «Княгинямъ Волконской и Трубецкой объявить, чтобы онѣ отправились 11-го сентября и слѣдовали бы въ Читу въ сопровожденіи унтеръ-офицера Макавеева, которому дать открытое предписаніе, чтобы, отъ станціи до станціи, давали для безопаснаго проѣзда княгинь по три или по два человѣка конныхъ вооруженныхъ крестьянъ. Затѣмъ 13-го сентября отправить всѣ восемь человѣкъ государственныхъ преступниковъ и вести ихъ по указанному маршруту при командѣ изъ унтеръ-офицера и 12-ти казаковъ, находившихся при нихъ въ рудникѣ». Отъ станціи до станціи назначалось по 5-ти конныхъ вооруженныхъ крестьянъ, а на ночлегахъ по 6-ти пѣшихъ въ помощь казакамъ. При встрѣчѣ на пути партій ссыльныхъ, предписывалось удалять ихъ на нѣкоторое разстояніе отъ большой дороги. «Порядокъ похода на подводахъ» предписано было наблюдать слѣдующій: «впереди на одной повозкѣ ѣхать унтеръ-офицеру, за нимъ двумъ повозкамъ казаковъ, двумъ повозкамъ съ арестантами, двумъ съ казаками, и взамкѣ ѣхать послѣдней повозкѣ г-на офицера; крестьянамъ верховымъ ѣхать одному впереди, а по два по сторонамъ противъ повозокъ арестантскихъ. На пути арестантамъ ни съ кѣмъ не позволять говорить, и никого къ нимъ не впускать, хотя бы то были земскіе или военные чиновники» *). Одновременно съ этимъ генералъ Лепарскій пишетъ Бурнашеву: «При осмотрѣ вчерашняго числа на Благодатскомъ рудникѣ государственныхъ преступниковъ, я нашелъ, что изъ нихъ Волконскій, болѣе всѣхъ похудѣвшій, и довольно (какъ мнѣ показался) слабъ, а какъ при переѣздѣ ихъ не встрѣтится на пути, на случай надобности въ лѣкарствахъ, никакой помощи медицинской, потому прошу Вашего

*) Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

Высокородія дозволить получить отъ княгини Волконской тому г. офицеру, кто отправится съ преступниками, двѣ бутылки вина мадеры и одну водки, чтобы производить по разсмотрѣнію его Волконскому порціи по двѣ рюмки въ сутки одного изъ сихъ напитковъ».

Черезъ нѣсколько дней послѣ того княгини Трубецкая и Волконская прибыли въ Читу и помѣстились въ одной комнатѣ у мѣстнаго дьякона, а черезъ два дня послѣ нихъ были доставлены и восемь государственныхъ преступниковъ, отправленныхъ изъ Благодатска, которые были помѣщены въ острогѣ.

Къ этому времени, осенью 1827 года былъ оконченъ строившійся подъ надзоромъ генерала Лепарскаго большой острогъ съ пятью отдѣленіями, часть котораго сохранилась и понынѣ. Въ немъ предполагалось помѣстить 73 человѣка, но пришлось занять его 82-мя, большая часть которыхъ находилась уже на мѣстѣ ко времени прибытія переведенныхъ изъ Благодатскаго рудника, такъ какъ прочіе осужденные пересылались прямо въ Читу, минуя рудники.

Острогъ былъ обнесенъ высокимъ 5-ти аршиннымъ частоколомъ изъ бревенчатыхъ заостренныхъ стоекъ, за который заключенныхъ выводили только на работы и, лѣтомъ, купаться въ мелководной рѣчкѣ Читѣ. При острогѣ была особая церковь. Свиданія съ женами они имѣли сначала только у этого частокола по два раза въ недѣлю, но впослѣдствіи сношенія съ ними имъ облегчены *).

Каторжныхъ работъ, собственно говоря, въ Читѣ не было, за отсутствіемъ заводовъ и рудниковъ, такъ что осужденные занимались земляными работами, чисткою улицъ, исправленіемъ дорогъ, рытьемъ канавъ подъ фундаментъ зданій, въ томъ числѣ подъ нѣкоторыя части острога, а равно работами въ огородѣ, помѣщавшемся въ острожной оградѣ. Пришлось, однакоже, придумать общественную работу, и генералъ Лепарскій приказалъ устроить ручныя

*) Женъ декабристовъ было въ Читѣ восемь изъ десяти, за ними послѣдовавшихъ: княгини Трубецкая и Волконская, А. Г. Муравьева, рожденная графиня Чернышева, Е. П. Нарышкина, рожденная графиня Коновницына, А. В. Ентальцева, П. Д. Фонвизина, рожденная Апухтина, А. П. Давыдова и П. Е. Анненкова, вышедшая замужъ уже по пріѣздѣ въ Читу.

съ жерновами мельницы, на которыхъ осужденные мололи муку. Работа была поурочная, съ пуда.

Сначала положеніе осужденныхъ было тяжелое, особенно въ зимнее время, такъ какъ помѣщенія были тѣсны и темны; но впослѣдствіи, благодаря сердечному отношенію къ нимъ генерала Лепарскаго, мало-по-малу, вступали въ силу разнаго рода разрѣшенія, облегчавшія ихъ участь. Имъ разрѣшалось чтеніе книгъ, частныя и общія занятія музыкой, пѣніемъ, особенно церковнымъ, лекціи, которыя они читали товарищамъ: по физикѣ, химіи, анатоміи (Ф. Б. Вольфъ), по высшей прикладной математикѣ (П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ), по русской исторіи (А. О. Корниловичъ и П. А. Мухановъ), по русской словесности (А. И. Одоевскій), по стратегіи и тактикѣ (Н. М. Муравьевъ); занятія разнаго рода ремеслами—токарнымъ, слесарнымъ, переплетнымъ и другими, а также рисованіемъ (П. П. Борисовъ, Н. А. Бестужевъ и другіе). Больныхъ разрѣшалось лѣчить врачу Ф. Б. Вольфу. Всѣ книги предварительно разсматривались, и каждая помѣчалася подписью: «видалъ Лепарскій».

Здѣсь считаемъ умѣстнымъ привести объ этомъ выдающемся человѣкѣ нѣсколько словъ декабриста А. Е. Розена. «Комендантъ нашъ, г.-м. Станиславъ Романовичъ Лепарскій, пожилой холостякъ, командовалъ слишкомъ двадцать лѣтъ Сѣверскимъ К. Е. полкомъ, котораго шефомъ былъ Императоръ, бывъ еще Великимъ Княземъ. Когда въ полкахъ гвардіи случались непріятности между офицерами, вслѣдствіе коихъ приходилось перевести ихъ въ другіе полки армейскіе, то такъ называемыхъ безпокойныхъ перемѣщали въ полкъ Лепарскаго, который умѣлъ обходиться со всѣми, умѣлъ жить, не наживая себѣ личныхъ враговъ»... «Хотя онъ полвѣка провелъ въ строевой службѣ, въ манежахъ, на ученіяхъ и въ походахъ, но видно было, что онъ въ юности получилъ хорошее образованіе. Онъ былъ питомцемъ іезуитовъ въ Полоцкѣ, зналъ языкъ латинскій, свободно и правильно выражался и писалъ по-французски и понѣмецки, читалъ классическихъ писателей на этихъ языкахъ, но главное дѣло—онъ былъ честный человѣкъ вполнѣ и имѣлъ доброе сердце. Если кто изъ моихъ соузниковъ безусловно

не согласится съ выраженнымъ мнѣніемъ моимъ, то дѣйствія Лепарскаго, о коихъ упомяну далѣе, докажутъ правильность словъ моихъ». Но соузники не могли не признать правдивости этого отзыва и до такой степени, что каждый изъ нихъ имѣлъ впослѣдствіи, на память о Лепарскомъ, портретъ его, сдѣланный акварелью Н. А. Бестужевымъ въ большомъ числѣ экземпляровъ. Сохранилось преданіе, что Лепарскій былъ избранъ самимъ Императоромъ и получилъ отъ него указаніе относиться къ преступникамъ строго, но въ то же время сердечно. Во всякомъ случаѣ, гдѣ только Лепарскій ни прикладывалъ свою руку—въ рудникахъ-ли, въ Читѣ или Петровскомъ заводѣ,—вездѣ грубый тонъ подчиненныхъ переходилъ въ вѣжливый, и допускались для осужденныхъ возможныя въ ихъ положеніи льготы, при строгомъ, въ то же время, соблюденіи установленныхъ законоположеній.

Въ сентябрѣ 1828 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе снять съ преступниковъ кандалы. Это было большимъ для нихъ облегченіемъ.

Во время пребыванія въ Читѣ, жены государственныхъ преступниковъ сносились съ родственниками, находящимися въ Европейской Россіи, чрезъ посредство III-го Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, куда ихъ письма представлялись генераломъ Лепарскимъ, проходя черезъ руки Иркутскаго генералъ-губернатора; Лепарскому же вручались открытыми; получаемыя ими отъ родственниковъ письма проходили черезъ ту же цензуру и руки генерала Лепарскаго.

Въ Читѣ жены декабристовъ мало-по-малу обзавелись собственными деревянными помѣщеніями; однѣ купили крестьянскія избы, другія выстроили небольшіе бревенчатые дома на собственныя средства; деньги, имъ принадлежавшія, хранились у начальника тюрьмы Смольянинова и отпускались по предписаніямъ Лепарскаго большею частью по провѣркѣ счетовъ. Въ Петровскомъ заводѣ сохранилось особое по этому дѣло *). Средства, которыми въ это время распола-

*) Вотъ нѣсколько предписаній, взятыхъ изъ этого дѣла: «Коменданта при Нерчинскихъ рудникахъ Читинскому заводскому Коммиссіонеру, оберъ-Гиттенферваltеру и кавалеру Смольянинову. Читинскій острогъ 1829 года:

гала княгиня Волконская, составляли 10,000 рублей ассигнаціями; высылка ей этой суммы была исходатайствована ея свекровью, княгиней А. Н. Волконской, и разрѣшена 8 февраля 1828 года *), но впослѣдствіи сведена только къ 2000 рублей ассигнаціями.

Пребываніе въ Читѣ продолжалось четыре года. Въ этотъ промежутокъ времени княгиня и С. Г. Волконскіе понесли три тяжкихъ утраты. Черезъ годъ послѣ ихъ пріѣзда, въ 1829 году 14-го сентября, въ помѣстьѣ своемъ Кіевской губ. Чигиринскаго повѣта, въ селѣ Болтышкѣ, на 59-мъ году отъ рожденія скончался отецъ княгини, генералъ Николай Николаевичъ Раевскій, горячо любимый и уважаемый ими обоими. Затѣмъ скончался полутора года отъ роду сынъ ихъ Николай, оставленный княгинею при отъѣздѣ въ Сибирь на попеченіе свекрови, княгини А. Н. Волконской **). Не сохранилось офиціальнаго документа о томъ, что княгинѣ Волконской было запрещено взять этого сына съ собою, но указаніе на это запрещеніе имѣется въ семейныхъ бумагахъ. О недозволеніи же другимъ женамъ сосланныхъ взять съ собою дѣтей есть и офиціальныя данныя. Наконецъ, умерла, не проживъ и одного дня, родившаяся въ Читѣ дочь ихъ Софія, погребенная въ оградѣ старой Читинской церкви.

Генералъ Лепарскій, въ виду тѣсноты Читинскаго острога и неудобствъ для надзора, торопился постройкою въ Петровскомъ

Іюня 30-го: Изъ числа хранящихся денегъ княгини Волконской, прошу для уплаты извѣстныхъ мнѣ ея долговъ купцу Мичурину, выдать подъ ея росписку пятьсотъ рублей». Іюля 10-аго такое же: «Княгинѣ Волконской выдать подъ ея росписку двѣсти рублей ассигнаціями». Іюля 1-аго, 3-аго, 4-аго и такъ далѣе, такія же предписанія о выдачѣ денегъ «госпожѣ Фонвизиной, семисотъ рублей ассигнаціями», «госпожѣ Анненковой, для уплаты купцу Мичурину, пятисотъ рублей», «госпожѣ Нарышкиной для уплаты извѣстныхъ мнѣ ея долговъ 525 рублей и для домашнихъ ея расходовъ 200 руб.» и т. д.

*) Архивъ III-го Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

**) Пушкинъ, узнавъ объ этомъ, послалъ кн. М. Н. Волконской въ Сибирь извѣстное четверостишіе, дошедшее до нея много позже.

Въ сіяньи, радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца.

заводѣ постояннаго каземата для осуждешныхъ, который и былъ оконченъ лѣтомъ 1830-го года. 4-го августа, по полученіи генераломъ Лепарскимъ разрѣшенія на то изъ Петербурга, осужденные направлены были въ Петровскій желѣзодѣлательный заводъ двумя партіями; одну велъ подполковникъ І. А. Лепарскій, племянникъ коменданта, а другую онъ самъ при надлежащемъ числѣ солдатъ и казаковъ; шли пѣшкомъ, причемъ отсутствіе кандаловъ облегчало этотъ переходъ сравнительно съ прежними. На подводахъ ѣхали только больные, въ числѣ которыхъ былъ и С. Г. Волконскій. Для привала останавливались въ избахъ, а болѣе въ степныхъ бурятскихъ юртахъ. Жены слѣдовали за партіями, переѣзжая отъ одного привала до другого *).

Пройдя шестисотверстное разстояніе, осужденные прибыли въ Петровскій заводъ 22-го сентября и были размѣщены въ казематѣ. Онъ состоялъ изъ одного большого зданія съ тремя фасами; наружныя стѣны были безъ оконъ, окна же выходили на внутренній дворъ, раздѣленный на восемь отдѣльныхъ дворовъ, съ особыми въ каждомъ изъ нихъ воротами и входомъ въ главное зданіе; кухни помѣщались въ серединѣ большого двора, а съ наружной стороны тюрьмы выдвинуты были караульня и гауптвахта, запиравшая собою единственный выходъ, такъ какъ съ противуположной стороны воздвигнутъ былъ высокій деревянный частоколъ, подобный Читинскому. Изъ каждаго отдѣльнаго двора, обнесеннаго такимъ же частоколомъ, вело крыльцо въ свѣтлый корридоръ шириною въ 4 аршина, въ который выходили отдѣльныя кельи въ 7 аршинъ длины и 6 ширины, но почти совершенно темныя, получавшія свѣтъ изъ корридора черезъ окно, прорубленное надъ дверью. Эта темнота особенно удручала заключенныхъ, принужденныхъ сидѣть впотьмахъ или цѣлый день со свѣчею. Генералъ Лепарскій понималъ это неудобство, но, не рѣшаясь самъ мѣнять Высочайше утвержденнаго плана каземата, сдѣлалъ о томъ представленіе, и, по докладу графа Бенкендорфа, Государь повелѣлъ, чтобы въ наружной стѣнѣ каждой кельи было прорублено

*) Изъ записокъ барона Розена и семейныхъ документовъ.

окно. Это было исполнено по истеченіи зимы въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года. Всего было 64 отдѣльныхъ номера *).

Жены раздѣляли помѣщенія своихъ мужей въ первое время, а затѣмъ стали пріобрѣтать себѣ мало-по-малу помѣщенія внутри завода, или выстроили собственные небольшіе домики, продолжая имѣть въ опредѣленное время свободный входъ въ помѣщенія мужей въ казематѣ. Черезъ нѣкоторое время и этимъ послѣднимъ было разрѣшено посѣщать своихъ женъ, причемъ они сопровождались однакоже конвойными.

Установленныя работы заключенныхъ были тѣ же, какъ и въ Читѣ: поправка дорогъ, устройство огородовъ и другія земляныя работы и помолъ на ручныхъ мельницахъ. Занятія каждаго изъ нихъ происходили въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, а общія занятія, подобно какъ въ Читѣ,—въ общихъ, съ большими противъ прежнихъ удобствами, въ виду большей распространности зданій. Хозяйство было общее, при чемъ они выбирали, для веденія его, изъ своей среды хозяина, или старосту. Деньги, по средствамъ каждаго, вносились въ общую кассу. Завѣдываніе хозяйствомъ подало поводъ къ единственному диссонансу, явившемуся въ ихъ тѣсной дружеской семьѣ. Это было по поводу завѣдыванія хозяйствомъ въ Читѣ (или Петровскомъ заводѣ) Д. П. Завалишинымъ; случай, послѣ котораго было постановлено не поручать ему болѣе хозяйства, и почти всѣ товарищи отъ него отстранились **). Сергѣй Григорьевичъ и княгиня Волконскіе помѣщены были въ 54 номерѣ, между докторомъ Ф. Б. Вольфомъ и П. А. Мухановымъ. Первый былъ, при своихъ замѣчательныхъ познаніяхъ въ медицинѣ, благодѣтелемъ всѣхъ заключенныхъ, которыхъ ему разрѣшено было пользовать. Со вторымъ—Волконскіе потомъ опять встрѣтились на поселеніи.

Чрезъ нѣкоторое время княгиня перешла въ собственный небольшой деревянный домъ и проводила время съ своимъ мужемъ

---

*) Изъ записокъ барона Розена.

**) Много лѣтъ спустя, когда Завалишинъ сталъ печатать ложныя статьи въ Морскомъ Сборникѣ и писать на мѣстную администрацію доносы, всѣ жившіе въ Сибири его товарищи порвали съ нимъ всякія сношенія.

или въ этомъ домѣ, или въ самомъ казематѣ; въ 1835 же году (24-го іюня) Высочайше было разрѣшено С. Г. Волконскому жить уже въ собственномъ домѣ.

Весною 1832 года родился у нихъ сынъ Михаилъ, а черезъ два съ половиною года—дочь Елена. Съ этого времени княгиня Волконская, кромѣ ухода за мужемъ, всецѣло посвятила себя дѣтямъ, заботамъ о ихъ воспитаніи и развитіи. Вся жизнь ея, до самой кончины, принадлежала имъ.

Во время пребыванія въ Петровскомъ заводѣ С. Г. Волконскій не пользовался хорошимъ здоровьемъ. Весною 1836 года онъ два мѣсяца не вставалъ съ кровати, страдая ревматизмомъ и полнымъ безсиліемъ, такъ что ему разрѣшено было отправиться на Туркинскія минеральныя воды, въ 180 верстахъ отъ г. Верхнеудинска, откуда, въ концѣ іюля, онъ былъ доставленъ обратно въ Петровскій заводъ, подъ надзоромъ двухъ казаковъ. Между тѣмъ, лѣчебныя средства въ Петровскомъ заводѣ изсякли: Вольфъ и другіе заключенные, занимавшіеся медициной, высланы были на поселенія, тюрьма мало-по-малу освобождалась, а С. Г. Волконскій все еще оставался въ заводѣ.

За годъ передъ тѣмъ былъ поднятъ вопросъ объ его освобожденіи отъ каторжныхъ работъ. Скончалась его мать, и, при вскрытіи духовнаго завѣщанія покойной, оказалось при немъ собственноручное письмо ея къ Государю, въ которомъ она просила облегчить, послѣ кончины ея, участь сына и вывести его изъ Сибири, дозволивъ ему жить подъ надзоромъ въ имѣніи. Доложивъ это письмо Государю, военный министръ графъ Чернышевъ писалъ графу Бенкендорфу: «Его Величество, находя невозможнымъ вполнѣ удовлетворить сему желанію покойной княгини, но уважая память ея, Высочайше повелѣть соизволилъ освободить С. Волконскаго нынѣ же отъ каторжной работы, обративъ его въ Сибири на поселеніе» *).

При этомъ графъ Чернышевъ спрашивалъ, въ какомъ именно мѣстѣ или городѣ предполагалось бы назначить осужденному житель-

*) Письмо 13 февраля 1835 года. Архивъ III-го Отдѣленія С. Е. И. В. Канцелярія.

ство. Но вопросъ объ избраніи мѣста для поселенія оставался не рѣшеннымъ въ теченіе почти двухъ лѣтъ, и С. Г. Волконскій и его семья, находясь въ Петровскомъ заводѣ и томясь въ ожиданіи, недоумѣвали, чѣмъ объяснить эту отсрочку въ исполненіи Царской милости. Оказалось, что графъ Бенкендорфъ на вопросъ графа Чернышева отвѣтилъ, что могъ бы быть назначенъ для этой цѣли городъ Курганъ, но что тамъ уже находятся шестеро изъ числа поселенныхъ государственныхъ преступниковъ, а потому, если Его Величеству неблагоугодно будетъ указать Курганъ, то можно бы водворить Волконскаго въ городѣ Ялуторовскѣ. Въ отвѣтъ на это, графъ Чернышевъ писалъ, что «Его Величеству угодно, дабы избрано было такое мѣсто, гдѣ не поселено ни одного изъ другихъ государственныхъ преступниковъ. Если же такового удобнаго для поселенія мѣста въ Сибири не находится, то его Величество желаетъ, чтобы изъ Ялуторовска государственные преступники были переведены въ другое мѣсто, а Волконскій былъ помѣщенъ на жительство въ семъ городѣ, но во всякомъ случаѣ одинъ» *).

Разсмотрѣвъ списки всѣхъ поселенныхъ въ губерніяхъ Иркутской, Тобольской, Енисейской и Томской декабристовъ, графъ Бенкендорфъ, 28-го февраля 1836 г., въ виду затрудненія въ исполненіи Высочайшаго указанія и на основаніи новаго всеподданнѣйшаго доклада, запросилъ черезъ генерала Лепарскаго самого С. Г. Волконскаго, желаетъ ли онъ остаться въ Петровскомъ заводѣ свободнымъ отъ работъ, или переѣхать на поселеніе въ г. Баргузинъ, въ Забайкальской Области **). При этомъ было сообщено генералъ-губернатору Браневскому, чтобы находящійся въ Баргузинѣ государственный преступникъ Кюхельбекеръ, въ случаѣ назначенія туда Волконскаго, былъ переведенъ въ другое мѣсто. Переселеніе въ Баргузинъ, малолюдный, отброшенный въ сторону отъ главнаго тракта и суровый по климату городъ, представило бы лишь ухудшеніе въ положеніи сосланнаго, и 23-го

*) Архивъ III-го Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.
**) Архивъ III-го Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

апрѣля того-же года, генералъ Лепарскій донесъ, что Волконскій предпочитаетъ остаться въ Петровскомъ заводѣ. Такой исходъ дѣла повергъ, однако, въ отчаяніе больного С. Г. Волконскаго, а еще болѣе его жену; въ виду болѣзни мужа и слабаго здоровья дѣтей, она, преслѣдуя постоянную мысль о сохраненіи ихъ жизни и здоровья, обратилась съ письмомъ къ графу Бенкендорфу, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

«Monsieur le Comte! je ne puis voir dans le choix qui nous a été proposé, qu'un souvenir de bienveillance de Sa Majesté l'Empereur pour la mémoire de ma belle-mère. Veuillez être l'organe de ma profonde gratitude et Vous charger en même temps de m'obtenir une seule grâce, c'est d'être dans le même endroit que le docteur Wolf ou à proximité de ses secours, à 5—10 verstes tout au plus. L' idée seule, de n'avoir pas à ma portée les soins d'un homme éclairé pour mes enfants, me ferait trembler sans cesse pour leur existence et empoisonnerait la mienne. Je ne connais pas encore le lieu de sa destination, mais s'il est aux environs d'Иркутскъ, c'est tout ce qui serait de plus heureux pour moi, car ma demande ne souffrirait plus de difficulté. Monsieur le Comte, veuillez être l'avocat d'une cause, qui n'offre d'autre intérêt, que celui d'assurer à une mère l'existence de ses enfants, et croyez aux sentiments de reconnaissance que je Vous porterai à jamais» *).

*) «Графъ, въ выборѣ, намъ предложенномъ, я вижу только милостивое отношеніе Его Величества къ памяти моей свекрови. Благоволите выразить мою глубокую признательность Его Величеству и взять на себя въ то же время трудъ исходатайствовать единственную для насъ милость быть поселенными въ томъ же мѣстѣ, гдѣ поселенъ докторъ Вольфъ, или по близости его, верстахъ въ 5—10, чтобы можно было пользоваться его медицинской помощью. Одна мысль о невмѣніи подъ рукою человѣка науки для ухода за моими дѣтьми заставитъ меня постоянно трепетать за ихъ жизнь и отравитъ мою собственную. Я не знаю, гдѣ онъ (Вольфъ) поселенъ, но если въ окрестностяхъ Иркутска, то это было бы наибольшимъ для меня счастьемъ, такъ какъ исполненіе моей просьбы не встрѣтило бы затрудненія. Графъ, будьте защитникомъ моего ходатайства, которое не имѣетъ иной цѣли, какъ обезпечить матери жизнь ея дѣтей, и вѣрьте чувству благодарности, которую я сохраню къ Вамъ во всю мою жизнь» (*Семейный Архивъ*).

По докладу этого письма Государю, графъ Бенкендорфъ, 7-го августа 1836 года, писалъ генералъ-губернатору Восточной Сибири слѣдующее:

«Государь Императоръ, снисходя къ просьбѣ жены государственнаго преступника Волконскаго, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ поселить Волконскаго въ Иркутской губерніи въ Урковскомъ селеніи, куда назначенъ государственный преступникъ Вольфъ, бывшій медикъ, который понынѣ оказывалъ пособіе Волконскому и его дѣтямъ въ болѣзненномъ ихъ положеніи» *). Но и этою милостью С. Г. Волконскому не пришлось воспользоваться тотчасъ-же, и 18-го ноября генералъ-губернаторъ доносилъ шефу жандармовъ, что «назначенный на поселеніе въ Урковское селеніе Волконскій, по причинѣ болѣзни дѣтей и по невозможности переправиться черезъ Байкалъ, впредь до закрытія онаго льдомъ, пріостановленъ въ Петровскомъ заводѣ». Лишь 26-го марта 1837 года С. Г. Волконскій «прибылъ», какъ донесъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири шефу жандармовъ, «въ Иркутскъ и того же числа отправленъ на мѣсто жительства», т. е. въ селеніе Урикъ. Такимъ образомъ, пребываніе С. Г. Волконскаго съ семействомъ въ Петровскомъ заводѣ продолжалось шесть съ половиною лѣтъ, при чемъ почти два года онъ не могъ оттуда выѣхать, по возникшей перепискѣ о назначеніи ему мѣста жительства и, въ послѣднее время, за прекращеніемъ сообщеній.

Выѣхавъ изъ Петровскаго завода по зимнему пути и переѣхавъ озеро Байкалъ по льду, прибыла и княгиня Волконская въ селеніе Урикъ, гдѣ вскорѣ же было приступлено къ постройкѣ дома, а до тѣхъ поръ всему семейству пришлось жить въ деревнѣ Усть-Кудѣ, на рѣкѣ Ангарѣ у свойственника княгини, Іосифа Викторовича Поджіо, прибывшаго за годъ передъ тѣмъ и обзаведшагося уже небольшимъ домомъ. Деревянный домъ былъ готовъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и теплымъ и просторнымъ въ немъ помѣщеніемъ С. Г. Волконскій съ семьею пользовался долгіе годы, до переѣзда семьи въ Иркутскъ. Урикъ представлялъ изъ себя

*) Иркутскій Архивъ.

мѣсто неприглядное. Дома Волконскихъ и Муравьевыхъ стояли рядомъ внѣ села, на плоскости, безъ воды и безъ растительности. Поэтому на лѣтніе мѣсяцы Волконскіе переѣзжали въ деревню Усть-Куду, гдѣ, въ двухъ верстахъ отъ нея, была ихъ *заимка*. Деревянный домикъ построенъ былъ въ лѣсу и высился надъ быстрой и холодной Ангарой, одной изъ красивѣйшихъ рѣкъ Сибири.

Изъ товарищей Сергѣя Григорьевича были уже поселены въ Урикѣ и окрестныхъ селеніяхъ, а частію прибыли позднѣе: въ Урикѣ — докторъ Ф. Б. Вольфъ, М. С. Лунинъ, Н. М. Муравьевъ, схоронившій свою жену въ Петровскомъ заводѣ *) и воспитывавшій единственную свою дочь Софію **), и братъ его А. М. Муравьевъ; въ десяти верстахъ, въ селѣ Усть-Кудѣ, были поселены: П. А. Мухановъ и братья І. В. и А. В. Поджіо; въ восьми верстахъ, въ деревнѣ Хомутовой: Н. А. Пановъ, А. А. Быстрицкій и А. Н. Сутговъ съ женою ***), въ тридцати верстахъ, въ селѣ Оёкѣ: С. П. Трубецкой съ женою и дѣтьми и Ф. Ф. Вадковскій. Всѣ они переведены были изъ Петровскаго завода, за исключеніемъ старшаго изъ братьевъ Поджіо, Іосифа Викторовича, присланнаго прямо изъ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ онъ просидѣлъ восемь лѣтъ въ одиночномъ заключеніи. Другіе декабристы, поселенные въ Иркутской губерніи, были размѣщены на болѣе далекомъ разстояніи отъ Урика. По другую сторону Иркутска жили: въ дер. Разводной,— А. З. Муравьевъ, братья Борисовы и А. П. Юшневскій съ женою; въ дер. Смоленщинѣ—В. А. Бечасный и въ Иркутскѣ А. В. Веденяпинъ. Вверхъ по рѣкѣ Ангарѣ, въ с. Олонкахъ, В. Ф. Раевскій и въ селѣ Бѣльскѣ ****) П. Ф. Громницкій. Отношенія между всѣми ними, безъ исключенія, были самыя близкія и дружественныя, видались они довольно часто, посѣщая другъ друга, и эти сношенія составляли главную усладу ихъ жизни во время нахожденія на поселеніи; хотя переѣздъ изъ одной волости въ другую не былъ имъ дозволенъ,

*) А. Г. Муравьева, р. гр. Чернышева, скончалась 22 ноября 1833 г.

**) Впослѣдствіи Бибикова.

***) А. Ф. Сутгова, дочь чиновника Горнаго вѣдомства Янчуковскаго.

****) Владиміръ Федосѣевичъ (а не Федоровичъ, какъ его называютъ въ печати) Раевскій, собственно говоря, къ числу декабристовъ не принадлежалъ.

но въ этомъ отношеніи они не встрѣчали препятствій со стороны мѣстныхъ властей, и лишь въѣздъ въ Иркутскъ строго запрещался и не могъ имѣть мѣста безъ особаго, каждый разъ, разрѣшенія. У Н. М. Муравьева и М. С. Лунина были замѣчательныя библіотеки, пересланныя имъ родственниками; получались книги и газеты, просматриваемыя предварительно въ Иркутскѣ, не воспрещена была охота, словомъ, жизнь текла въ обычной, хотя и крайне тѣсной рамкѣ, ограничиваемой опредѣленнымъ пространствомъ и строгими во многихъ отношеніяхъ требованіями. Въ качествѣ поселенца, каждый изъ нихъ получилъ опредѣленный надѣлъ, и многіе хозяйничали на немъ, въ томъ числѣ и С. Г. Волконскій, отдавшійся съ любовью агрономіи и дорожившій сближеніемъ съ рабочимъ людомъ. Къ крестьянамъ они стояли очень близко, и встрѣчали съ ихъ стороны полное сочувствіе къ своему исключительному положенію и знаки почтенія; многихъ они учили грамотѣ и разнымъ ремесламъ. С. Г. Волконскій былъ ближе всѣхъ къ рабочему люду; это была, можно сказать, его слабость; онъ входилъ въ подробности занятій крестьянъ, ихъ хозяйства и даже семейной жизни; они обращались къ нему за совѣтомъ, за медицинскими пособіями, за содѣйствіемъ. Эти отношенія продолжались и въ Иркутскѣ, гдѣ, въ базарные дни, они постоянно приходили къ нему за тѣмъ же или просто—повидаться. И, видно, не истекало изъ этихъ отношеній ничего дурного, коль скоро мѣстныя власти никогда не препятствовали этой близости декабристовъ къ народу, въ которомъ долго потомъ сохранялась благодарная къ нимъ память за эти отношенія и неподлежащее сомнѣнію образовательное ихъ вліяніе.

Мирная жизнь того времени однажды была нарушена нечаяннымъ для нихъ событіемъ. Одинъ изъ ближайшихъ друзей С. Г. Волконскаго, товарищъ его по кавалергардскому полку, М. С. Лунинъ, былъ арестованъ. Его схватили ночью, сдѣлавъ въ квартирѣ его обыскъ, и увезли за Байкалъ въ Акатуевскій рудникъ, гдѣ онъ и умеръ отъ разрыва сердца. Говорили, что поводомъ къ тому были его письма, полныя осужденія правительственныхъ мѣропріятій.

Средства къ жизни Волконскихъ въ это время очень сократились. Неизвѣстно почему, вмѣсто прежнихъ 10,000 руб. ассигнаціями, имъ разрѣшено было получать только 2,000. Это крайне стѣсняло ихъ, тѣмъ болѣе стѣсняло, что приходилось помогать многимъ нуждающимся товарищамъ. Въ виду этого, братья и сестры княгини Волконской стали высылать имъ изъ Москвы одежду, бѣлье, разнаго рода провизію и т. д., что нѣсколько облегчало ихъ положеніе. Княгиня Волконская пользовалась седьмою частію бывшаго состоянія ея мужа и своимъ собственнымъ имѣніемъ, поступившимъ ей въ приданое; завѣдывалъ ея состояніемъ братъ ея, Александръ Николаевичъ Раевскій, проживавшій въ Москвѣ и постоянно заботившійся о ея матеріальномъ положеніи. Не лишено интереса то обстоятельство, что для выдачи ему довѣренности отъ княгини Волконской на управленіе ея имѣніемъ, потребовалось скрѣпленіе этой довѣренности Иркутскимъ гражданскимъ губернаторомъ и отзывъ III-го отдѣленія о томъ, что на совершеніе ея, по существующимъ Высочайше утвержденнымъ постановленіямъ, княгиня имѣла законное право.

Стѣсненіе въ средствахъ становилось съ каждымъ годомъ болѣе чувствительнымъ, такъ что въ 1838 году княгиня Волконская вынуждена была обратиться къ генералъ-губернатору Восточной Сибири Руперту съ ходатайствомъ объ увеличеніи получаемыхъ ею 2.000 р. еще на 2.000 руб.; она ссылалась на то, что затрудняется удѣлять изъ получаемой ею суммы на воспитаніе дѣтей своихъ, такъ какъ цѣны на жизненные припасы въ окрестностяхъ Иркутска втрое дороже, нежели въ другихъ мѣстахъ Сибири. Но на представленіе объ этомъ генерала Руперта, графъ Бенкендорфъ отвѣтилъ ему, что о полученіи княгинею Волконскою отъ родственниковъ по 2.000 руб. въ годъ, собственно на воспитаніе дѣтей, «Его Величество изволилъ Высочайше отозваться, что учителей въ Сибири не имѣется, а потому воспитаніе дѣтей не требуетъ издержекъ, а одного попеченія родителей» *). Въ слѣдующемъ 1839 году, княгиня Волконская возобновляетъ свое ходатайство о назначеніи

*) 28-го марта 1838 года.

2.000 руб., при чемъ ссылается на дороговизну жизненныхъ припасовъ и продуктовъ *). Это ходатайство было поддержано въ Петербургѣ сестрою С. Г. Волконскаго, княгинею С. Г. Волконскою, но успѣха тоже не имѣло.

Къ этому же времени относится другое ходатайство—брата княгини М. Н. Волконской, генералъ-лейтенанта Н. Н. Раевскаго, командовавшаго Черноморской линіей на Кавказѣ, который писалъ графу Бенкендорфу: «Ваше Сіятельство обѣщали мнѣ, при удобномъ случаѣ, ходатайствовать о сестрѣ моей Волконской. Предстоящіе маневры на Бородинскомъ полѣ, гдѣ предполагается воздвигнуть памятникъ на батареѣ, носящей имя отца моего, и бракосочетаніе великой княгини Маріи Николаевны представляютъ счастливое событіе къ благодѣяніямъ милосерднаго Государя нашего. Удачное занятіе важнаго пункта на восточномъ берегу между Субаши и Шахе быть можетъ присоединено къ усердному исполненію моему намѣреній Его Величества. Осмѣливаюсь привести на память Вашему Сіятельству обѣщаніе, столь благосклонно, столь милостиво мнѣ Вами данное. Единственное желаніе мое состояло и состоитъ въ томъ, чтобы всемилостивѣйше дозволено было: опредѣлить солдатомъ въ линейный баталіонъ или поселить на восточномъ берегу мужа сестры моей съ семействомъ. Та же Сибирь для него, но это сблизитъ сестру мою съ родными и дѣтямъ ея доставитъ лучшую будущность. Волконскому болѣе шестидесяти лѣтъ, недолго будетъ онъ пользоваться перемѣною мѣста. Слѣдовательно, она останется милостью болѣе для невинныхъ дѣтей и почтенной ихъ матери. Исполненіе сего да будетъ единственною моею наградою. Оно придастъ усердію моему двойныя силы. Субаши, 8-го мая 1839 года». Фельдмаршалъ князь Воронцовъ, весьма цѣнившій Раевскаго, командовавшаго береговой линіей подъ его начальствомъ, изъ дружескаго къ нему расположенія поддерживалъ его неоднократныя ходатайства за С. Г. Волконскаго. Тѣмъ не менѣе, и на настоящую

*) Приводимъ цѣны ихъ: масло 24 р. пудъ, мясо отъ 3 р. 50 к. до 5 руб. пудъ, ржаная мука 2 р. пудъ, пшеничная 3 р. пудъ, мыло 16 р. пудъ, сальныя свѣчи 16 р. и. т. д.

просьбу графъ Бенкендорфъ отвѣчалъ ему, что подобная милость оказана быть не можетъ.

Жизнь въ деревнѣ много укрѣпила здоровье С. Г. Волконскаго; лишь застарѣлые ревматизмы заставляли его страдать отъ времени до времени и вынудили проситься на Забайкальскія минеральныя воды. На сдѣланное въ 1840 году представленіе генерала Руперта о разрѣшеніи С. Г. Волконскому и А. В. Поджіо отлучиться на минеральныя воды, первому на Туркинскія и Погроменскія, а послѣднему на Тункинскія, графъ Бенкендорфъ сообщилъ Высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе ихъ лѣченія на водахъ учрежденъ былъ за ними надлежащій надзоръ *).

Во время пребыванія на поселеніи, родители воспитаніемъ своихъ дѣтей занимались сами, при помощи своихъ товарищей по ссылкѣ. Воспитательная часть дѣтей С. Г. Волконскаго всецѣло лежала на ихъ матери, ревниво слѣдившей за каждымъ ихъ шагомъ. Она сама преподавала имъ французскій и англійскій языки, П. А. Мухановъ—математику, А. В. Поджіо—русскій языкъ, исторію и географію, М. С. Лунинъ—англійскій языкъ, сосланный по движенію въ Польшѣ 1837 года Сабинскій—французскій языкъ. Она питала надежду помѣстить сына въ Иркутскую гимназію, и для латинскаго языка, а впослѣдствіи, и для законовѣдѣнія пришлось приглашать учителей изъ Иркутской гимназіи, что, при значительномъ разстояніи отъ города, обходилось чрезмѣрно дорого.

По поводу воспитанія дѣтей ссыльныхъ, въ 1841 году произошло событіе, имѣвшее большое значеніе, какъ для нихъ, такъ и для самихъ сосланныхъ. Вотъ его подробности.

Въ началѣ 1841 года, по почину графа Бенкендорфа, по случаю предстоявшаго бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, послѣдовала Высочайшая воля о разсмотрѣніи, въ видахъ Монаршаго милосердія, вопроса «о дѣтяхъ, рожденныхъ въ Сибири отъ сосланныхъ туда государственныхъ преступниковъ, вступившихъ въ бракъ въ дворянскомъ состояніи до постановленія о нихъ приговора». Для этого потребовались предварительныя

*) 13-го января 1841 года.

справки, и были доставлены слѣдующія свѣдѣнія: у Сергѣя Волконскаго—сынъ Михаилъ и дочь Елена, у Никиты Муравьева—дочь Софія, у Сергѣя Трубецкого—дочери: Александра, Елисавета и Зинаида, у Александра Муравьева—сынъ Никита, у Василія Давыдова—сыновья: Василій, Иванъ и Левъ, дочери: Александра и Софія, у Ивана Анненкова—дочь Ольга и сыновья: Владиміръ, Иванъ и Николай, у Василія Ивашева (умершаго) *)—сынъ Петръ и дочери: Марія и Ольга **).

Изъ перечисленныхъ здѣсь только дѣти С. Г. Волконскаго, Н. М. Муравьева, С. П. Трубецкого и В. Л. Давыдова подходили подъ вышеозначенную категорію лицъ, указанныхъ въ Высочайшемъ повелѣніи***).

Такъ опредѣлилъ это и управляющій Министерствомъ Юстиціи графъ Паninъ въ отвѣтѣ своемъ графу Бенкендорфу, спрашивавшему его о томъ, какія бы онъ полагалъ принять мѣры по исполненію Высочайшей воли. Что же касается сихъ послѣднихъ, то графъ Паninъ высказалъ, что онъ полагалъ бы возможнымъ принять слѣдующія: 1) Дѣтей мужскаго пола, достигшихъ возраста, въ который они могутъ поступить въ военноучебныя заведенія, отдать, буде того пожелаютъ родители, въ кадетскій корпусъ, съ тѣмъ, что они утверждены будутъ въ правахъ дворянства токмо по выпускѣ изъ корпуса, если заслужатъ сей милости нравственнымъ поведеніемъ, хорошими правилами и успѣхами въ наукахъ. 2) Дѣтей женскаго пола, равнымъ образомъ, по желанію родителей и по достиженіи установленнаго возраста, отдать въ учебныя заве-

*) Дѣти В. П. Ивашева, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ апрѣлѣ 1841 года отправлены были къ родственникамъ въ Симбирскую губернію.

**) Кромѣ того, отъ женъ, вышедшихъ въ замужество въ Сибири и происходящихъ изъ податного состоянія, въ Иркутскомъ округѣ: у Дмитрія Таптыкова—сынъ Хрисанеъ и дочери: Татьяна и Анна, у Хрисанеа Дружинина дочери: Христина и Надежда, у Василія Колесникова—сыновья: Митрофанъ, Иванъ и дочь Александра, у Ивана (умершаго)—дочь Ольга, у Юліяна Люблинскаго—дочь Христина и сынъ Павелъ; въ Верхнеудинскомъ округѣ: у Михаила Кюхельбекера—дочь Анна; въ Нерчинскомъ округѣ: у Вильгельма Кюхельбекера—сыновья: Михаилъ и Иванъ; въ городѣ Минусинскѣ: у Николая Мозголевскаго—сыновья: Павелъ, Валентинъ и Александръ и дочери: Варвара, Елена и Пелагея; въ городѣ Туруханскѣ у Николая Лисовскаго—сыновья: Владиміръ и Алексѣй и дочь Надежда.

***) Впослѣдствіи мѣра эта была распространена и на дѣтей А. Е. Розена.

денія, состоящія подъ надзоромъ правительства и 3) Дѣтямъ обоего пола не дозволять носить фамиліи, коей невозвратно лишились ихъ отцы, но именоваться по отечеству, т. е. Сергѣевыми, Никитиными и Васильевыми *). Спрошенный по этому предмету управляющій II-мъ Отдѣленіемъ С. Е. И. В. Канцеляріи, д. т. с. Блудовъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ графа Панина. Въ Высочайшемъ повелѣніи, послѣдовавшемъ за симъ по общему всеподданнѣйшему докладу Блудова, графа Панина и графа Бенкендорфа 21 февраля 1842 года, и сообщенномъ графомъ Бенкендорфомъ генералъ-губернатору Руперту къ исполненію, эти условія повторены буквально **).

Сосланные въ Сибирь отнеслись къ Монаршей волѣ, какъ къ великой милости, но одно изъ условій произвело не только на нихъ и родственниковъ, но и на всѣхъ лицъ, узнавшихъ о томъ въ Сибири, удручающее впечатлѣніе, а именно: требованіе отъ дѣтей ихъ перемѣны фамиліи.

Въ немъ они видѣли желаніе уничтожить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ даже и эту связь съ отцами и предками. Приписывалось это жестокосердію, которое одни относили къ самому Государю, а другіе обвиняли докладчика графа Бенкендорфа. Изъ приведенныхъ документовъ видно, что починъ этой мѣры принадлежалъ графу Панину.

Генералъ-губернаторъ Рупертъ вызвалъ къ себѣ Волконскаго, Муравьева и Трубецкого и, объявляя имъ Высочайшую волю, настаивалъ на безусловномъ ея принятіи, при чемъ потребовалъ отъ каждаго изъ нихъ письменнаго отзыва. Но рѣшился принять сдѣланное предложеніе только поселенный въ г. Красноярскѣ В. Л. Давыдовъ, имѣвшій кромѣ четырехъ дѣтей, оставленныхъ въ Петербургѣ, еще пятерыхъ, воспитаніе которыхъ въ Сибири встрѣчало большія затрудненія ***); остальные трое отказались. Н. М.

*) Письмо графа Панина къ графу Бенкендорфу 14 января 1842 года. Архивъ III-го Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

**) О томъ, чтобы это Высочайшее повелѣніе, о наименованіи дѣтей государственныхъ преступниковъ при опредѣленіи ихъ въ учебныя заведенія, всегда принималось общимъ закономъ, сообщено также военному и другимъ министрамъ.

***) Сыновья его воспитывались впослѣдствіи въ корпусахъ подъ именемъ Васильевыхъ и только въ 1856 году получили обратно принадлежащее имъ имя.

Муравьевъ, въ отзывѣ на имя генерала Руперта, высказалъ: «Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ при торжествованіи своего брака, обратилъ умиленные взоры на участь дѣтей нашихъ и пожелалъ, чтобы пламенныя молитвы матерей, отцовъ и сиротъ вознеслись за него къ престолу Божьему. Государь Императоръ поручилъ комитету изыскивать средства къ осуществленію великодушной мысли Цесаревича, но члены онаго не были одушевлены христіанскимъ высокимъ чувствомъ юной души. Отнятіе у дочери моей фамильнаго ея имени поражаетъ существо невинное и бросаетъ тѣнь на священную память матери и супруги» *). С. П. Трубецкой писалъ генералу Руперту, между прочимъ, слѣдующее: «До глубины души исполненный чувствомъ живѣйшей признательности къ вниманію, Всемилостивѣйше обращенному на женъ и дѣтей нашихъ, смѣю уповать, что Государь Императоръ по милосердію своему не допуститъ наложить на чело матерей незаслуженное ими пятно и, лишеніемъ дѣтей фамильнаго имени отцовъ, не причислитъ ихъ къ незаконнорожденнымъ» **). При этомъ оба отъ милости Царской отказывались ***). Приводимъ цѣликомъ письмо С. Г. Волконскаго къ генералу Руперту: «Частыя и сильныя болѣзни сына моего совершенно разстроили его здоровье. Въ положеніи семъ, не только предназначеніе къ военной службѣ, но и самое путешествіе его изъ Сибири въ Россію будетъ для него несомнѣнно пагубнымъ. Дочь моя еще ребенокъ, и что можетъ ей замѣнить заботливое попеченіе матери? Существованіе жены моей такъ совершенно слито съ благополучіемъ и жизнію ея дѣтей, что одна мысль о возможности разлуки сдѣлалась для нея мученіемъ. Должны ли дѣти мои вступить въ свѣтъ съ горькою увѣренностью, что отецъ ихъ купилъ имъ житейскія выгоды новыми страданіями и самою жизнію ихъ матери? На сердце уже полное любви и добродѣтели

*) Письмо 19-го апрѣля 1842 года, село Урикъ.

**) Письмо 19-го апрѣля 1842 года, село Оёкъ.

***) Вскорѣ затѣмъ, послѣ смерти Н. М. Муравьева, скончавшагося въ Урикѣ 28 апрѣля 1843 года, его дочь, ставшая круглою сиротой, была принята въ Московскій Екатерининскій Институтъ съ фамиліей «Никитина», а двѣ дочери С. П. Трубецкого въ Иркутскій дѣвичій институтъ, гдѣ онѣ сохранили, однако, свое имя.

Государя Цесаревича и Наслѣдника возлагаю я нераздѣльную судьбу жены и дѣтей моихъ и чрезъ сердобольное ходатайство Его испрашиваю милости не лишить дѣтей моихъ имени, переданнаго имъ святостію брака родителей, имени, которое изгладить въ ихъ памяти можно только съ уничтоженіемъ сыновней въ нихъ любви. Симъ отзывомъ имѣю честь отвѣтствовать на предложеніе, сдѣланное мнѣ чрезъ Ваше Высокопревосходительство» *).

Генералъ Рупертъ слѣдующимъ образомъ отнесся къ искренности чувствъ, выраженныхъ въ приводимыхъ письмахъ: «*Я приглашалъ къ себѣ*», пишетъ онъ графу Бенкендорфу, «поселенныхъ вблизи Иркутска *государственныхъ преступниковъ: Волконскаго, Муравьева и Трубецкого и лично объявилъ имъ* то безконечное снисхожденіе и высокую неизреченную *милость, которую угодно было явить Государю Императору относительно возвращенія изъ Сибири и воспитанія дѣтей* ихъ, изложивъ при томъ подробно всѣ выгоды, имѣющія сопровождать сіе безпредѣльное благодѣяніе къ нимъ Отца—Монарха; *но, къ крайнему огорченію* и прискорбію, *не могъ не замѣтить, что настоящая милость* и состраданіе Его Величества *не нашли* ни малѣйшаго *отголоска въ сердцахъ этихъ холодныхъ, закоренѣлыхъ эгоистовъ.* Вмѣсто умиленія, безусловной покорности, благодарности и благоговѣнія, съ коими бы слѣдовало принять и исполнить милосердую волю Царя, они обнаружили лишь одну суетность, противорѣчіе и неопредѣленность своихъ желаній, такъ что я вынужденъ былъ, наконецъ, приказать имъ, посовѣтовавшись съ женами, изложить отвѣты свои въ продолженіе 48-ми часовъ, на письмѣ. Эти *письменные отзывы имѣю честь* почтительнѣйше *представить* у сего на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства *вмѣстѣ* съ вытребованнымъ мною чрезъ г. Енисейскаго гражданскаго губернатора таковымъ же отъ поселеннаго въ Красноярскѣ преступника Давыдова.

Изъ нихъ, Ваше Сіятельство, усмотрѣть изволите, что *одинъ только Давыдовъ умѣлъ понять и вполнѣ почувствовалъ всю благодать снисхожденія и милосердія* добраго *Государя, и потому одинъ*

*) 19-го апрѣля 1842 года, селеніе Урикъ. (*Семейный Архивъ*).

достоинъ воспользоваться настоящею высокою Монаршею милостію.— Что же касается до Волконскаго, Муравьева и Трубецкого, то обнаруженная ими неготовность къ принятію ея, вслѣдствіе какого-то неизъяснимаго упрямства и себялюбія, по мнѣнію моему, должна навсегда лишить ихъ всякаго права на какое-бы то ни было снисхожденіе Правительства» *). Достаточно сравнить приведенныя выше три письма съ этою оцѣнкою со стороны генерала Руперта, закрывающаго для подписавшихъ двери «къ какому-бы то ни было снисхожденію Правительства», даже и въ будущемъ,—чтобы убѣдиться, насколько справедливъ и добросовѣстенъ отзывъ генералъ-губернатора. Къ счастію, подобный отзывъ не имѣлъ, сколько можно судить по послѣдствіямъ, особеннаго значенія въ Петербургѣ.

Душевныя волненія, черезъ которыя прошла при этихъ обстоятельствахъ княгиня Волконская, и боязнь, что, несмотря на отказъ родителей, дѣти все-таки будутъ отъ нея отняты,—такъ потрясли ее, что она впала въ продолжительную и опасную болѣзнь, оставившую на ея здоровьѣ тяжелый слѣдъ на всю ея жизнь. Съ тѣхъ поръ она постоянно хворала и не могла болѣе вернуть своего крѣпкаго здоровья.

Опасенія ея были напрасны, но необходимость въ медицинской помощи вынудила ее обратиться въ августѣ 1844 года съ письмомъ къ графу А. Ѳ. Орлову **), замѣнившему графа Бенкендорфа, объ исходатайствованіи ей дозволенія проживать, вмѣстѣ съ мужемъ, въ Иркутскѣ. Въ виду серьезнаго оборота болѣзни, генералъ Рупертъ разрѣшилъ ей временное пребываніе въ Иркутскѣ и поддержалъ ея ходатайство, утверждая, что «Волконская одержима упорной болѣзнью, къ излѣченію которой она въ селеніи Урикѣ не въ состояніи имѣть способовъ». Но, несмотря на это, въ октябрѣ 1844 года посланъ на это ходатайство отвѣтъ, въ которомъ сказано, что Высочайшаго соизволенія по докладѣ о немъ не послѣдовало.

---

*) Письмо 11 мая 1842 г. Архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи.
**) Семейный Архивъ.

Начальникомъ Штаба при шефѣ жандармовъ былъ тогда Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, который началъ свою службу при генералѣ отъ инфантеріи Н. Н. Раевскомъ, былъ его адъютантомъ и домашнимъ въ его семьѣ человѣкомъ. Въ письмѣ отъ 23 ноября на его имя, княгиня Волконская, припоминая эти обстоятельства, просила его заступничества и, между прочимъ, писала: «Le Gouverneur Général m'a accordé de passer provisoirement en ville vu la tournure sérieuse que prenait mon mal; toutefois cette autorisation ne pouvait s'étendre jusqu'à Serge. Comment voulez-Vous qu'il reste à Ourik, me sachant en danger et mes enfants seuls auprès de moi. Me fondant alors sur la permission qu'ont plusieurs camarades de mon mari d'habiter des villes de gouvernements,—Bariatinsky, Davidoff,—qui sont de la première catégorie et mon mari n'étant que de la seconde,—j'ai pris mon grand courage pour écrire à Алексѣй Ѳедоровичъ *), tout comme je le faisais au comte Benkendorf, qui me répondait toujours avec bonté. La réponse du comte Orloff au Géneral Rupert n'a pas été favorable à mon mari, quoiqu'il n'y ait pas défense pour moi d'habiter la ville. Je ne puis vous cacher que cette nouvelle m'a vivement saisie et que mes crampes au coeur m'ont reprise fortement. Voyez à présent dans quelle position je me trouve, notre translation n'ayant pas été accordée, je ne sais même pas si l'on me tolérera longtemps en ville, d'un jour à l'autre on peut me dire de la quitter, et je crains tant de mourir sans secours à Ourik. N'osant pas importuner une seconde fois Monsieur le Comte, je m'adresse à Vous, cher Леонтій Васильевичъ, et Vous prie de lui expliquer mon état. Obtenez-moi la permission officielle d'habiter Irkoutsk до излѣченія болѣзни, et que mon mari puisse venir pour me soigner ainsi que mes enfants. Je finis en Vous priant de croire que je Vous conserve un sentiment d'estime et d'amitié bien réel» **).

*) Графъ А. Ѳ. Орловъ.

**) Генералъ Губернаторъ мнѣ разрѣшилъ переѣхать на время въ городъ, въ виду серьезнаго оборота моей болѣзни. Но это разрѣшеніе не могло распространяться на моего мужа. Но развѣ онъ можетъ оставаться въ Урикѣ, зная, что я нахожусь въ опасности, и дѣти мои одни со мною. Основываясь на разрѣшеніи, которое получили многіе изъ товарищей моего

Въ январѣ 1845 года, вслѣдствіе этого письма и по всеподданнѣйшему новому докладу, графъ Орловъ увѣдомилъ генерала Руперта, что «Волконской дозволяется остаться въ Иркутскѣ впредь до выздоровленія, съ дозволеніемъ мужу ея пріѣзжать туда по временамъ».

Въ томъ же январѣ мѣсяцѣ послѣдовало, по примѣру предыдущаго, разрѣшеніе и княгинѣ Трубецкой проживать съ дѣтьми въ Иркутскѣ съ тѣмъ, чтобы мужъ пріѣзжалъ къ ней временно съ дозволенія генералъ-губернатора *).

О положеніи въ это время женъ государственныхъ преступниковъ въ Иркутскѣ и ихъ самихъ при поѣздкахъ въ Иркутскъ свидѣтельствуетъ переписка, возникшая между III-имъ Отдѣленіемъ и генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири по поводу посѣщеній Иркутскаго дѣвичьяго института. Княгиня Волконская, которой были сдѣланы не разъ непріятныя, со стороны губернатора Пятницкаго, замѣчанія, жаловалась на это своей сестрѣ Е. Н. Орловой, которая сообщила ея письмо графу А. Ѳ. Орлову, а послѣдній отнесся къ генералу Руперту и писалъ ему, что «Марія Волконская претерпѣваетъ иногда непріятности, тогда какъ она должна бы была пользоваться снисхожденіемъ, потому что не раздѣляла преступленія своего мужа и послѣдовала за нимъ въ Сибирь по собственному своему желанію», при чемъ просилъ генерала Руперта «удостоить

мужа—жить въ губернскихъ городахъ—Барятинскій, Давыдовъ, которые принадлежатъ къ первой категоріи, тогда какъ мужъ моей ко второй,—я рѣшилась написать Алексѣю Ѳедоровичу, какъ я писала прежде графу Бенкендорфу, всегда мнѣ отвѣчавшему со вниманіемъ. Отвѣтъ графа Орлова генералу Руперту не былъ благопріятенъ въ отношеніи моего мужа, хотя и не заключалъ въ себѣ запрещенія проживать мнѣ въ городѣ. Не могу отъ Васъ скрыть, что это извѣстіе сильно меня потрясло, и судорги въ сердцѣ у меня возобновились. Взгляните, въ какомъ положеніи я нахожусь за отказомъ намъ въ перемѣщеніи въ городъ; я даже не знаю, долго ли меня здѣсь оставятъ, со дня на день могутъ мнѣ приказать выѣхать, а я такъ боюсь умереть безпомощной въ Урикѣ. Не рѣшаясь вторично утруждать графа, я обращаюсь къ Вамъ, дорогой Леонтій Васильевичъ, и прошу Васъ разъяснить ему мое положеніе. Испросите мнѣ оффиціальное разрѣшеніе жить въ Иркутскѣ до излѣченія болѣзни, и чтобъ мой мужъ могъ пріѣзжать для ухода за мной и нашими дѣтьми. Кончаю, прося Васъ вѣрить, что я храню къ Вамъ чувства уваженія и дружбы самыя искреннія. (*Семейный Архивъ*).

*) Иркутскій Архивъ.

Волконскую покровительствомъ и приказать, дабы ближайшія власти дѣйствовали въ отношеніи къ ней сколь возможно снисходительнѣе и прилично ея положенію». Это было первое письмо такого характера, полученное Сибирскими властями изъ Петербурга. Встревоженный имъ генералъ Рупертъ, оправдываясь передъ графомъ Орловымъ, писалъ ему, между прочимъ: «Отецъ Маріи Волконской, генералъ Раевскій, былъ нѣкогда моимъ начальникомъ. Память о вниманіи и покровительствѣ, оказанныхъ мнѣ покойнымъ, и настоящее положеніе дочери его, послѣдовавшей добровольно за мужемъ своимъ въ Сибирь, чтобы раздѣлить постигшую его участь, давали Волконской право на постоянное, особенное снисхожденіе мое къ ея просьбамъ, и всѣ желанія Волконской, если они не превышали возможности исполненія, я удовлетворялъ всегда съ охотою, въ чемъ, конечно, не откажетъ свидѣтельствовать сама Волконская»; но такъ какъ необходимо было что-нибудь по этому поводу высказать, то генералъ Рупертъ прибавлялъ, что «жалоба Волконской должна была относиться къ мѣрамъ, принятымъ гражданскимъ губернаторомъ, вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ государственныхъ преступниковъ и ихъ жены посѣщали женскій институтъ, вопреки сдѣланному распоряженію о непосѣщеніи онаго (исключая семейства Трубецкого)». «Присутствіе государственныхъ преступниковъ, *равно ихъ женъ и дѣтей*, на балахъ и въ публичныхъ собраніяхъ вообще», говоритъ далѣе генералъ Рупертъ, «я находилъ и нахожу по настоящему ихъ быту нисколько не соотвѣтственнымъ, а тѣмъ болѣе неумѣстнымъ свободное посѣщеніе ими, подъ какимъ либо-предлогомъ, казенныхъ заведеній, для воспитанія юношества предназначенныхъ». Графъ Орловъ благодарилъ генерала Руперта «за вниманіе къ положенію жены государственнаго преступника Волконскаго», что же касается до мнѣнія его, «что женамъ преступниковъ неудобно являться въ общественныхъ собраніяхъ», то въ этомъ случаѣ графъ вполнѣ соглашался съ генераломъ Рупертомъ *). Какъ бы то ни было, но эти письма графа Орлова сильно подѣйствовали на боязливаго генералъ-губернатора и нѣсколько сгладили рѣзкое отношеніе мѣстныхъ властей къ женамъ сосланныхъ.

*) Архивъ III отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

Если генералъ Рупертъ и сказалъ въ своемъ отзывѣ правду относительно присутствія С. П. Трубецкого и С. Г. Волконскаго на дѣтскомъ вечерѣ въ институтѣ, гдѣ воспитывались дочери перваго, то онъ былъ совершенно неправъ, обобщая единичный фактъ и обвиняя ихъ и ихъ товарищей въ принятіи участія въ общественныхъ собраніяхъ въ городѣ. Напротивъ того, всѣ они постоянно и всюду ихъ избѣгали, какъ въ виду исключительнаго своего положенія ссыльныхъ, такъ и изъ боязни навлечь непріятности на своихъ знакомыхъ. Мѣстное-же общество стремилось къ нимъ. Купечество, духовенство, даже чиновники, всѣ поддерживали съ ними близкое знакомство, видя въ нихъ людей религіозныхъ, широкообразованныхъ, кроткихъ и любящихъ родину. Такъ относились къ нимъ Иркутскіе епископы и священники, купцы, отдававшіе имъ своихъ дѣтей на воспитаніе (братья Бѣлоголовые воспитывались у А. В. Поджіо, Анкундиновъ у А. Н. Сутгова, Звѣревъ и дѣвица Разгильдѣева у Волконскихъ и т. д.); многимъ они давали уроки. Но все это не одобрялось генераломъ Рупертомъ и потому дѣлалось подъ постояннымъ страхомъ непріятностей или запрещенія. Въ 1843 году была назначена ревизія сибирскихъ государственныхъ учрежденій съ сенаторомъ Толстымъ во главѣ, окончившаяся отозваніемъ Руперта. Всѣ вошедшіе въ составъ ея чиновники изъ Петербурга и Москвы сдѣлались близкими знакомыми декабристовъ, посѣщая ихъ въ Иркутскѣ и сосѣднихъ деревняхъ. Но и это дѣлалось, такъ сказать, келейно и подъ страхомъ отвѣтственности и доносовъ. Только съ назначеніемъ на мѣсто Руперта генерала Муравьева положеніе сосланныхъ сдѣлалось опредѣленнымъ.

Въ 1844 году постигло Волконскихъ новое горе: скончалась 16-го декабря въ Римѣ, гдѣ и была погребена, мать княгини, Софія Алексѣевна Раевская, рожденная Константинова, внука Ломоносова. Въ этомъ же году, и тоже въ Римѣ, (6-го декабря) скончался братъ Сергѣя Григорьевича, князь Никита Григорьевичъ, а въ слѣдующемъ 1845 году, 7 января, старшій его братъ, князь Николай Григорьевичъ Репнинъ *).

*) «Родъ Князей Волконскихъ» Кн. Е. Г. Волконской.

Въ 1846 году Сергѣй Григорьевичъ и его жена рѣшили ходатайствовать о помѣщеніи сына ихъ въ Иркутскую гимназію. Княгиня Волконская отнеслась къ графу Орлову 25-го февраля съ письмомъ, изъ котораго приводимъ слѣдующее:

Monsieur le Comte! Je n'ai plus de parents, Vous le savez, personne pour intercéder en ma faveur, c'est à Vous que je m'adresse et Vous prie de me soutenir dans la pénible circonstance où je me trouve. Souffrant depuis plusieurs années d'un mal constant dans le coeur, craignant d'y succomber, ma seule préoccupation est de ne pouvoir donner une bonne éducation à mon fils, et, d'une autre part, me séparer d'avec lui serait un coup mortel pour moi dans l'état précaire de ma santé. Voilà pourquoi je désire vivement lui faire suivre un cours d'études au gymnase d'Иркутскъ, où, sous les auspices d'un établissement public, il s'assurerait une existence tranquille. Je vous conjure donc, Monsieur le Comte, d'obtenir de Sa Majesté l'Empereur Sa bienveillante autorisation afin que mon fils soit admis comme extèrne au gymnase d'Иркутскъ, et je devrai à Sa Majesté le repos du reste de mes jours. Monsieur le Comte! Ce n'est point une pétition officielle que je Vous adresse, c'est la prière d'une mère qui Vous parle avec toute la confiance et l'espoir de son coeur» *).

Генералъ Рупертъ поддержалъ это ходатайство, которое, по мнѣнію его, «заслуживало уваженія, тѣмъ болѣе, что публичное воспитаніе есть лучшее средство дать юному уму направленіе, со-

*) «Графъ! у меня нѣтъ болѣе родителей, Вы это знаете, нѣтъ никого, кто бы могъ за меня ходатайствовать, я обращаюсь къ Вамъ и прошу поддержать меня въ томъ затруднительномъ положеніи, въ которомъ я нахожусь. Страдая уже нѣсколько лѣтъ постоянной болѣзнью сердца и боясь не перенести ея, я озабочена мыслію, что не даю достаточно хорошее образованіе сыну, а съ другой стороны разлука съ нимъ нанесла бы смертельный мнѣ ударъ при такомъ состояніи моего здоровья. Вотъ почему я желала бы, чтобы онъ прошелъ курсъ гимназіи въ Иркутскѣ, гдѣ при направленіи казеннаго заведенія, онъ обезпечилъ бы себѣ спокойную будущность. Итакъ, я умоляю Васъ, графъ, исходатайствовать милостивое соизволеніе Государя Императора на то, чтобы сыну моему было разрѣшено поступить приходящимъ ученикомъ въ Иркутскую гимназію, и я буду обязана Его Величеству спокойствіемъ остальныхъ дней моей жизни. Графъ! Не съ формальнымъ прошеніемъ обращаюсь я къ Вамъ, а съ просьбою матери, которая говоритъ Вамъ со всею искренностью и упованіемъ своего сердца. (*Семейный Архивъ*).

гласное съ видами правительства». Графъ Орловъ испросилъ на это Высочайшее соизволеніе и сообщилъ о томъ Министру Народнаго Просвѣщенія графу Уварову, министрамъ Военному и Внутреннихъ Дѣлъ и генералу Руперту *). О перемѣнѣ имени не было и рѣчи, и сынъ С. Г. Волконскаго поступилъ въ V классъ семиклассной Иркутской гимназіи, которую и окончилъ въ 1849 году съ правомъ на чинъ XIV-го класса и съ золотой медалью. О его за это время поведеніи и успѣхахъ постоянно доносилось, по сдѣланному распоряженію, въ III Отдѣленіе, а по поводу выдачи ему гимназическаго аттестата министръ Народнаго Просвѣщенія писалъ графу Орлову, который счелъ нужнымъ испросить и на это Высочайшее соизволеніе. Чтобъ покончить съ этимъ эпизодомъ, тѣсно связаннымъ съ судьбою С. Г. Волконскаго, неотступнымъ желаніемъ котораго было вывести изъ ссылки своихъ дѣтей, пребываніе которыхъ въ Сибири онъ не переставалъ ставить себѣ въ вину,—приведемъ еще письмо графа Орлова къ генералъ-губернатору Муравьеву (впослѣдствіи графу Муравьеву-Амурскому) и отвѣтъ къ нему сего послѣдняго. Неоффиціальныя старанія родственниковъ С. Г. Волконскаго въ Петербургѣ о томъ, чтобы сыну его было разрѣшено поступить въ Университетъ (Московскій), остались тщетными, и пришлось подумать о другомъ для него пути—служебномъ: «Сынъ государственнаго преступника Сергѣя Волконскаго, Михаилъ», писалъ графъ Орловъ Н. Н. Муравьеву, «воспитывавшійся съ Высочайшаго соизволенія въ Иркутской губернской гимназіи, по окончаніи нынѣ полнаго курса наукъ, изъявилъ желаніе поступить на службу и въ особенности желаетъ имѣть честь служить при Вашемъ Превосходительствѣ. Имѣя въ виду, что во все время нахожденія своего въ гимназіи, онъ велъ себя хорошо и учился прилежно, такъ что при окончательномъ экзаменѣ награжденъ золотою медалью, я нахожу такое стремленіе молодого человѣка похвальнымъ, и какъ для него, такъ и вообще полезнымъ, чтобы онъ во избѣжаніе всякой праздности занятъ былъ дѣятельно службою и находился подъ ближайшимъ надзоромъ

*) Архивъ III-го Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

Вашего Превосходительства, и потому обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшею просьбою, если Вы находите это удобнымъ и ежели тѣ слухи, которые дошли до меня о нравственности и познаніяхъ его справедливы, то не изволите-ли обратить на этого молодого человѣка особенное вниманіе и о послѣдующемъ удостоить меня увѣдомленіемъ». На это письмо генералъ-губернаторъ Муравьевъ отвѣчалъ, что онъ помѣстилъ Михаила Волконскаго въ V-ое Отдѣленіе Главнаго Управленія Восточной Сибири, какъ находящееся подъ ближайшимъ его надзоромъ. «Я исполнилъ это», прибавляетъ онъ, «съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что Волконскій вполнѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ по поведенію и прилежанію своему, такъ и по тому похвальному нравственному направленію, *которое онъ получилъ въ родительскомъ домѣ*» *). Если мы позволили себѣ привести эти два письма, то единственно съ цѣлью показать, какъ различно относились къ оцѣнкѣ декабристовъ генералъ-губернаторъ Муравьевъ и его предшественникъ; генералъ Рупертъ, называя ихъ «холодными, закоренѣлыми эгоистами», говорилъ, «что они должны быть навсегда лишены всякаго права на какое-бы то ни было снисхожденіе Правительства» **), а генералъ Муравьевъ свидѣтельствуетъ, что хорошее нравственное направленіе сына С. Г. Волконскаго получено было *въ родительскомъ домѣ*,—отзывъ, относимый имъ къ семейному быту и всѣхъ вообще декабристовъ.

Генералъ Н. Н. Муравьевъ былъ назначенъ на мѣсто генерала Руперта въ 1847 году. Прибывъ въ Иркутскъ, онъ сразу поставилъ сосланныхъ въ иныя условія: сталъ принимать ихъ у себя, входилъ во всѣ ихъ нужды, и постоянно ходатайствовалъ за нихъ. Жена его, Екатерина Николаевна, поддерживала дружескія отношенія съ ихъ женами ***). Этому примѣру слѣдовали и гражданскіе губернаторы В. Н. Заринъ, К. К. Вещель и прочія

*) Письмо отъ 1-го декабря 1849 года (*Иркутскій Архивъ*).

**) Письмо генерала Руперта 11 мая 1842 года, приведенное выше, стр. 485.

***) См. книгу «Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій». Ивана Барсукова, стр. 187—188, изданіе князя М. С. Волконскаго.

служащія лица. Такія отношенія Н. Н. Муравьева сохранились и впослѣдствіи, за предѣлами Сибири, и прекратились лишь съ его смертію.

Нельзя не упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, внесшемъ много радости въ жизнь Волконскихъ. Сестра княгини Волконской, Софія Николаевна Раевская, не безъ труда получившая разрѣшеніе посѣтить ее въ Иркутскѣ, пріѣзжала въ 1850 году провести съ ними нѣсколько недѣль. Это было первое родственное лицо, которое они увидѣли послѣ двадцати четырехъ лѣтъ, проведенныхъ вдали отъ родственниковъ. Въ 1854 году тоже сдѣлала и сестра С. Г. Волконскаго, вдова фельдмаршала, княгиня Софія Григорьевна. Обѣ эти поѣздки были обставлены особаго рода требованіями и наблюденіемъ, при чемъ отъ княгини Волконской была отобрана подписка о томъ, что она не будетъ входить ни съ кѣмъ въ переписку, несоотвѣтствующую обстоятельствамъ, а при возвращеніи не приметъ ни отъ кого писемъ и вообще будетъ поступать съ тою осторожностью, которой требуетъ положеніе ея брата въ Сибири *).

Ранѣе этого, 15-го сентября 1850 года, дочь С. Г. Волконскаго, Елена Сергѣевна, вышла замужъ за состоявшаго при генералъ-губернаторѣ чиновника Молчанова и 19-го числа отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ. Донося объ этомъ обстоятельствѣ въ III Отдѣленіе С. Е. И. В. Канцеляріи начальникъ 8-го округа корпуса жандармовъ присовокупляетъ, что онъ не имѣетъ свѣдѣній о томъ, «имѣютъ ли право дѣти государственныхъ преступниковъ, прижитыя въ Сибири, выѣзжать отсюда безъ разрѣшенія высшаго начальства». Но вопросъ этотъ болѣе не поднимался, и С. Г. Волконскій имѣлъ утѣшеніе видѣть, что его дочь стала свободнымъ человѣкомъ. Затѣмъ Молчановы возвратились въ Иркутскъ и жили вмѣстѣ съ Волконскими въ недавно выстроенномъ послѣдними домѣ.

Разразилась Турецкая война. Какъ только началась осада Севастополя, Сергѣй Григорьевичъ сталъ просить перевода его туда солдатомъ. Ему было уже 67 лѣтъ: какъ семья его ни удерживала

*) Архивъ III-го Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

отъ этого, онъ былъ такъ настойчивъ, что пришлось искать помощи Н. Н. Муравьева, и тотъ отказалъ ему въ ходатайствѣ. Помимо этого обстоятельства, жизнь въ Иркутскѣ шла обычнымъ путемъ, но здоровье княгини Волконской, съ трудомъ переносившей уже сибирскій климатъ, постепенно ослабѣвало. Это обстоятельство вынудило Е. С. Молчанову, находившуюся вновь въ Петербургѣ, обратиться съ письмомъ къ Государынѣ Императрицѣ, въ которомъ она просила предстательства Ея для разрѣшенія матери прибыть въ Москву для совѣщанія съ врачами, съ тѣмъ, чтобы она могла потомъ возвратиться къ мужу въ Сибирь *).

Во всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ графъ Орловъ говоритъ слѣдующее: «подобныхъ случаевъ пріѣзда женъ государственныхъ преступниковъ не было, и онѣ, на основаніи существующихъ постановленій, не могутъ возвращаться оттуда, доколѣ находятся тамъ мужья ихъ; впрочемъ, разрѣшеніе сего совершенно зависитъ отъ Вашего Императорскаго Величества». Видимо милостивое заступничество Государыни Императрицы имѣло въ этомъ случаѣ значеніе, и Государь на просьбу Е. С. Молчановой соизволилъ **). Въ началѣ августа, княгиня Волконская выѣхала изъ Иркутска въ Москву, прибывъ куда, поселилась вмѣстѣ съ дочерью, мужъ которой въ это время находился въ тяжкой болѣзни, сведшей его, два года спустя, въ могилу.

За отъѣздомъ изъ Сибири княгини Маріи Николаевны и ея дочери, жизнь С. Г. Волконскаго стала одинокою, такъ какъ сынъ его былъ въ постоянныхъ командировкахъ на далекія окраины. Оставалось въ утѣшеніе общество друзей по ссылкѣ и постоянное къ нему вниманіе генералъ-губернатора Муравьева и гражданскаго губернатора Вещеля, въ обществѣ которыхъ онъ часто проводилъ время. Тѣмъ не менѣе, въ первый разъ почувствовалъ онъ тяжесть своего одиночества. Не желая возвращенія больной своей жены въ холодную Сибирь на явную гибель, онъ душою стремился къ Россіи и не могъ не питать надежды увидѣть ее передъ смертію.

---

*) *Семейный Архивъ.* Письмо 12-го іюня 1855 года.

**) Отношеніе отъ 24 іюня 1855 года графа Орлова къ министру Внутреннихъ Дѣлъ. (*Архивъ III-го Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи*).

Въ это время произошли великія событія: въ Сибири—пріобрѣтеніе Муравьевымъ безъ пролитія крови Амура съ свободнымъ выходомъ въ Восточный Океанъ, а въ Петербургѣ—кончина Императора Николая I-го, заключеніе мира послѣ Крымской компаніи и, затѣмъ, Парижскій трактатъ.

По занятіи устьевъ Амура и послѣ отраженія союзнаго флота отъ Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ, генералъ Муравьевъ отправился въ Петербургъ, отъѣзжая куда, послалъ сына князя Волконскаго, только что вернувшагося съ Амура, въ Монголію, въ видахъ третьей экспедиціи на Амуръ (1856 года), и поручилъ ему собранныя свѣдѣнія доставить къ нему прямо въ Петербургъ,—что и было исполнено. Упоминаемъ объ этомъ, чтобы показать, что Муравьевъ не хотѣлъ возбуждать вопроса о томъ, имѣетъ ли сынъ государственнаго преступника, въ силу служебнаго своего положенія, право свободнаго пребыванія внѣ Сибири. Такимъ путемъ было фактически разрѣшено это сомнѣніе, и С. Г. Волконскій получилъ утѣшеніе видѣть и сына своего освобожденнымъ отъ обязательнаго пребыванія въ предѣлахъ Сибири и отъ тѣхъ стѣсненій, въ которыхъ онъ постоянно упрекалъ самого себя. Успокоеніе его завершилось одновременнымъ пріобрѣтеніемъ его сыномъ дворянскаго достоинства путемъ награжденія орденомъ Влад. 4-ой степени за устройство первыхъ русскихъ крестьянскихъ поселеній на Амурѣ.

По вступленіи на престолъ Императоръ Александръ II-ой повелѣлъ готовящіяся къ коронаціи милости распространить и на обвиненныхъ 1825 года, и съ наступленіемъ весны 1856 года Комитетъ Министровъ занялся разработкою этого вопроса. Не подлежитъ сомнѣнію благотворное участіе Муравьева въ рѣшеніи Государя помиловать декабристовъ. Подробности постановленія Комитета Министровъ остались, однако же, ему неизвѣстны до появленія въ день коронованія самаго манифеста. Въ этотъ день, 26-го августа 1856 года дарованы «государственному преступнику Сергѣю *Волконскому* и законнымъ дѣтямъ его, рожденнымъ послѣ приговора надъ нимъ, всѣ права потомственнаго дворянства, только безъ почетнаго титула, прежде имъ носимаго, и безъ правъ на прежнее имущество, съ дозволеніемъ воз-

вратиться съ семействомъ изъ Сибири и жить гдѣ пожелаетъ въ предѣлахъ Имперіи, за исключеніемъ С.-Петербурга и Москвы, но подъ надзоромъ».

На подробностяхъ манифеста, всѣмъ извѣстнаго, мы не останавливаемся; скажемъ только, что лицамъ первой категоріи и ихъ дѣтямъ не былъ возвращенъ прежній титулъ, въ томъ числѣ княжескій—Волконскимъ, Трубецкимъ, Оболенскимъ и Щепину-Ростовскому. С. Г. Волконскій, считая себя перечисленнымъ во вторую категорію, о чемъ сказано выше, однако, никогда не хотѣлъ поднять этого вопроса, но княгиня Марія Николаевна обратилась съ письмомъ къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, прося ея ходатайства предъ Государемъ о возвращеніи дѣтямъ помилованныхъ лицъ принадлежавшаго ихъ имени титула. Черезъ три дня, 30-го августа, послѣдовалъ объ этомъ особый дополнительный Высочайшій указъ.

Нельзя не остановиться здѣсь и на другомъ вниманіи Государя, доказывающемъ чуткость Его сердца. Узнавъ отъ Муравьева о нахожденіи въ Москвѣ сына С. Г. Волконскаго, Государь изъявилъ волю, чтобъ именно имъ были отвезены въ Сибирь милости, Царемъ дарованныя. Вытребованный въ самый день коронованія въ Кремлевскій дворецъ титулярный совѣтникъ Волконскій получилъ отъ шефа жандармовъ, князя Долгорукова, Высочайшій манифестъ и, исполняя волю Государя, въ тотъ же вечеръ выѣхалъ на перекладной въ Сибирь.

Милости, заключающіяся въ манифестѣ, хранились втайнѣ, телеграфа въ Сибирь не было, но предчувствіе о нихъ стояло какъ бы въ воздухѣ; никто не могъ предвидѣть, въ чемъ онѣ будутъ заключаться, но декабристы до того въ нихъ вѣрили, что многіе выѣхали на большой сибирскій трактъ въ ожиданіи проѣзда курьера. Слѣдуя этимъ трактомъ, Волконскій объявлялъ милости манифеста и на шестнадцатый день прибылъ съ нимъ въ Иркутскъ.

Къ сожалѣнію, изъ декабристовъ въ живыхъ оставалось немного: изъ 121-го человѣка—собственно въ Сибири только 19. Изъ нихъ въ Иркутскѣ находились: С. Г. Волконскій, С. П. Трубецкой,

А. В. Поджіо *), М. К. Кюхельбекеръ и А. В. Веденяпинъ; въ деревнѣ Хомутовѣ А. А. Быстрицкій; въ деревнѣ Смолепщинѣ В. А. Бечасный; въ Селенгинскѣ М. А. Бестужевъ; села Урикъ, Оёкъ и Разводная опустѣли; въ Петровскомъ заводѣ—П. П. Горбачевскій; въ Читѣ Д. И. Завалишинъ; въ Красноярскѣ—семья В. Л. Давыдова **), остальные находились въ Западной Сибири и на Кавказѣ,—болѣе 90 человѣкъ уже не стало.—Бечасный и Веденяпинъ, по недостатку средствъ, правомъ возвратиться на родину не воспользовались и вскорѣ затѣмъ скончались на мѣстѣ поселенія. Смерть застигла княгиню Е. И. Трубецкую ***) за два года передъ тѣмъ въ Иркутскѣ и В. Л. Давыдова въ Красноярскѣ. Сборы С. Г. Волконскаго въ дорогу были не долги и продолжались лишь двѣнадцать дней. Наскоро было продано кое-какое имущество, поручена была продажа дома (купленнаго впослѣдствіи городомъ подъ ремесленное училище), и «23-го сентября», какъ донесъ о томъ управляющій губерніей въ III Отдѣленіе, «Сергѣй Волконскій выѣхалъ изъ Иркутска». Черезъ мѣсяцъ послѣ того, сопровождаемый сыномъ, онъ прибылъ въ Москву, гдѣ ожидали его жена и дочь съ своимъ семействомъ.

Тридцать одинъ годъ легъ между двумя событіями: арестомъ Сергѣя Григорьевича и возвращеніемъ его изъ Сибири въ Москву.

Жительство въ Москвѣ было ему запрещено, и онъ считался проживающимъ въ деревнѣ Зыковой. Старый его товарищъ по боевой жизни, московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій, относился къ нему съ большимъ вниманіемъ и не препятствовалъ пребыванію его въ семействѣ, сначала на Спиридоновкѣ въ наемномъ домѣ, а потомъ въ собственномъ домѣ его дочери Е. С. Молчановой, на Подновинскомъ. Что касается московскаго общества, то оно его приняло болѣе, чѣмъ дружески, нашлись въ немъ его прежніе товарищи по службѣ и общественной жизни, прежніе друзья его молодости. Кружокъ славянофиловъ съ Хомяковымъ и

*) Братъ его Іосифъ † въ Иркутскѣ 8 января 1848 года.

**) † 25 октября 1855 года и погребенъ въ Красноярскѣ.

***) † 14-го октября 1854 года и погребена въ Иркутскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, а ея мужъ С. П.—22 ноября 1830 года въ Москвѣ, гдѣ и похороненъ.

Аксаковыми во главѣ и лица, близко стоявшія къ литературѣ и наукѣ, выражали ему постоянное вниманіе. Какъ и въ Иркутскѣ, онъ не показывался въ собраніяхъ и ограничивался интимными посѣщеніями своихъ знакомыхъ или пріемомъ ихъ у себя. Скромный по природѣ и «полный высокой внутренней простоты», по выраженію П. С. Аксакова, онъ избѣгалъ разговоровъ о своей жизни въ Сибири; перенесенныя имъ страданія онъ называлъ «заслуженными», и только на замѣчанія о *продолжительности* понесеннаго наказанія не могъ не отвѣчать молчаніемъ. Изъ родственниковъ своихъ онъ засталъ въ Москвѣ шурина А. Н. Раевскаго *) и вдову его брата Н. Н. Раевскаго, Анну Михайловну, съ двумя сыновьями, студентами. Обоихъ братьевъ его уже не было на свѣтѣ; зять, князь Петръ Михайловичъ тоже скончался **). Пріѣзжалъ иногда въ Москву его племянникъ, князь Александръ Никитичъ Волконскій (сынъ княгини Зинаиды, проживавшей въ то время въ Римѣ ***); онъ служилъ за границею и за два года передъ тѣмъ возвратилъ дядѣ имѣнія, которыя перешли къ его отцу послѣ ссылки Сергѣя Григорьевича ****); проживала въ Москвѣ вдова его старшаго брата, княгиня Репнина, рожд. граф. Разумовская, съ дочерью. Въ Петербургѣ, находились изъ ближайшихъ родственниковъ: его сестра, княгиня Софія Григорьевна и ея сыновья — князья Дмитрій, Григорій, и дочь А. Н. Дурново съ семьею; также сестры княгини Маріи Николаевны — Екатерина Николаевна Орлова съ дѣтьми и Софія Николаевна Раевская *****). Отношенія со всѣми имъ были родственныя и дружескія; ничего недоставало въ его спокойной семейной жизни за двухлѣтнее пребываніе въ Москвѣ. Нельзя не вспомнить при

*) † въ Ниццѣ 23 октября 1868 года.

**) 26 августа 1852 года.

***) Скончалась и погребена въ Римѣ 5 февраля 1862 года.

****) Скончался и погребенъ въ Римѣ 14 апрѣля 1878 года. (*«Родъ Князей Волконскихъ». Кн. Е. Г. Волконской*).

*****) Третья ея сестра Елена Николаевна скончалась въ 1852 году въ Италіи и погребена въ Фраскатти, близъ Рима; Е. Н. Орлова скончалась въ Петербургѣ 22 января 1884 году; С. Н. Раевская—въ своемъ малороссійскомъ имѣніи Сумки 13 февраля 1881 года, гдѣ и погребена.

этомъ о вліяніи, которое онъ имѣлъ, вовсе къ тому не стремясь, на молодежь, особенно имъ любимую. Въ это время, какъ и послѣ, нерѣдко бывали безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и сыновья его друзей и родственниковъ часто обращались къ нему за совѣтомъ, излагая свои огорченія и юныя политическія бредни; но вмѣсто ожидаемой поддержки послѣднихъ, они встрѣчали успокоительные совѣты и доводы, основанные на долгомъ опытѣ и примѣрѣ оцѣненныхъ умомъ и пережитыхъ сердцемъ событій. Какъ въ Сибири, въ тѣсномъ кругѣ мѣстнаго общества, такъ и здѣсь оставалось благотворнымъ его вліяніе на все, что окружало его.

Въ это время уже поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и о гласномъ судопроизводствѣ,—двѣ идеи, къ которымъ, особенно къ первой, постоянно стремилась его душа: въ молодости, въ ссылкѣ и въ послѣдніе годы жизни, до осуществленія ихъ Императоромъ Александромъ II. Съ жадностью собиралъ онъ мельчайшія подробности разработывавшейся въ Петербургѣ реформы, чему давала возможность ежедневная переписка его съ сыномъ, служившимъ въ Петербургѣ, и близкія отношенія съ серьезными людьми московскаго общества. Можно сказать, что всѣ мысли его сосредоточились съ этой поры на осуществленіи завѣтной мечты, освобожденіи крестьянъ, и онъ боялся лишь одного—не дожить до дня ея осуществленія, но судьба была къ нему милостива, и государственный актъ 19-го февраля засталъ его еще въ живыхъ.

Тяжело ему было выносить недовѣріе къ себѣ правительства, продолжавшееся и въ это время и выражавшееся въ полицейскомъ надзорѣ, весьма бдительномъ. Такъ въ февралѣ 1857 года, шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ писалъ генералъ-губернатору Закревскому: «Я получилъ частное свѣдѣніе, что возвратившійся изъ Сибири Сергѣй *Волконскій* находится на жительствѣ въ Московской губерніи, а по временамъ пріѣзжаетъ и въ самую Москву, тогда какъ ему въѣздъ въ столицы воспрещенъ», и спрашивалъ графа Закревскаго «справедливо ли такое свѣдѣніе, и если справедливо, то какое мѣсто Московской губерніи избрано имъ для постояннаго своего пребыванія и на какомъ основаніи онъ пріѣзжаетъ въ

Москву». На это графъ Закревскій отвѣчалъ: «Сергѣй Волконскій проживаетъ въ Московскомъ уѣздѣ, за Петровскимъ паркомъ, въ деревнѣ Зыковой, откуда, дѣйствительно, пріѣзжаетъ иногда въ Москву съ моего разрѣшенія, на короткое время, для совѣта съ докторами о его собственной болѣзни и для свиданія съ живущими въ Москвѣ его больною женою и дочерью, мужъ коей находится въ совершенно болѣзненномъ состояніи. Допускаемые мною изъ состраданія къ горестному положенію Волконскаго временные пріѣзды его сюда дѣлаются всякій разъ съ моего вѣдома, и въ семъ отношеніи имѣется за нимъ надлежащій надзоръ». Графъ Закревскій ходатайствовалъ о дозволеніи С. Г. Волконскому проживать въ Москвѣ въ виду затрудненій, встрѣчающихся со стороны болѣзни, какъ его, такъ и его жены, на что получилъ отъ 17-го февраля 1857 года отъ князя Долгорукова слѣдующій отвѣтъ: «По всеподданнѣйшему докладу моему относительно дворянина Сергѣя Волконскаго, Государь Императоръ, единственно во вниманіе къ объясненію Вашему, что Вы, изъ состраданія къ горестному положенію Волконскаго, разрѣшили ему временный переѣздъ въ Москву, предоставляетъ Вамъ, Милостивый Государь, на томъ же основаніи дѣйствовать и впредь, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы означенный пріѣздъ дозволять Волконскому только до тѣхъ поръ, пока онъ поведеніемъ своимъ и скромностью будетъ достоинъ разрѣшенной ему милости. Въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть подвергнутъ самому строгому взысканію». Въ концѣ февраля того же года графъ Закревскій ходатайствовалъ о разрѣшеніи С. Г. Волконскому «прибыть на короткое время въ С.-Петербургъ для свиданія съ престарѣлою сестрою его, вдовою фельдмаршала, княгинею Софіею Григорьевной Волконской, передъ отъѣздомъ ея за границу, и для поклоненія могилѣ отца и матери, похороненныхъ въ С.-Петербургѣ; если же разрѣшеніе пріѣзда въ С.-Петербургъ признано будетъ для него невозможнымъ, то хотя о дозволеніи ему прожить нѣкоторое время въ окрестностяхъ онаго, единственно для свиданія съ сестрою». 8-го марта князь Долгоруковъ отвѣтилъ, что «Государь Императоръ Высочайше соизволилъ отозваться, что такъ какъ въ 1854-мъ году вдова генералъ-фельдмаршала княгиня Волконская для сви-

данія съ братомъ своимъ совершила поѣздку изъ С.-Петербурга въ Иркутскъ, то нѣтъ сомнѣнія, что теперь она найдетъ полную возможность отправиться туда, гдѣ будетъ находиться братъ ея, уже возвратившійся изъ Сибири, и что здоровье ея, вѣроятно, тому не воспрепятствуетъ, а что дворянину Сергѣю Волконскому поѣздка въ С.-Петербургъ или окрестности онаго разрѣшена быть не можетъ». Въ іюлѣ того же года княгиня С. Г. Волконская заболѣла и находилась при смерти. Графъ Закревскій вновь ходатайствовалъ, по телеграфу, о разрѣшеніи брату ея прибыть на недѣлю въ Петербургъ для свиданія съ нею, на что было на этотъ разъ получено Высочайшее разрѣшеніе, а черезъ десять дней уже было донесено о возвращеніи С. Г. Волконскаго обратно въ Москву *). Княгиня С. Г. Волконская, оправившись отъ болѣзни, считавшейся смертельною, отправилась за границу **).

Туда же отправилась въ 1857 году и княгиня М. Н. Волконская съ дочерью, передъ тѣмъ овдовѣвшею, для лѣченія отъ болѣзни; Сергѣю-же Григорьевичу было разрѣшено съѣздить въ Костромскую губернію, изъ Московской, на нѣсколько дней для осмотра имѣнія. О возвращеніи его оттуда, 5-го сентября, гражданскій губернаторъ князь Щербатовъ тотчасъ донесъ III-му Отдѣленію.

Прошелъ годъ, княгиня Волконская болѣла за границею, и находившаяся при ней ея дочь обратилась, въ началѣ августа 1858 года, съ письмомъ къ князю Долгорукову, прося его исходатайствовать разрѣшеніе ея отцу пріѣхать за границу, такъ какъ состояніе здоровья ея матери требуетъ продолженія пребыванія въ чужихъ краяхъ еще въ теченіе года. Но Высочайшаго соизволенія на докладъ о семъ князя Долгорукова не послѣдовало; лишь 19-го сентября того-же года по новому ходатайству и докладу о томъ генерала Тимашева, С. Г. Волконскому было Высочайше разрѣшено отправиться «для свиданія съ женою за границу на три мѣсяца съ тѣмъ, чтобы онъ въ срокъ прибылъ обратно».

---

*) Свѣдѣнія, взятыя въ Архивѣ III-го Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

**) Свѣтлѣйшая Княгиня С. Г. Волконская скончалась 26 марта 1868 года и погребена въ городѣ Аккерманѣ, гдѣ похороненъ и ея сынъ, князь Григорій Петровичъ, скончавшійся 24 апрѣля 1882 года (*Кн. Е. Г. Волконская. «Родъ Князей Волконскихъ»*).

Въ началѣ октября онъ воспользовался этимъ разрѣшеніемъ и выѣхалъ за границу. Несмотря на свои годы, онъ отправился въ почтовой каретѣ, на козлахъ, рядомъ съ кондукторомъ, и отъ этого неудобнаго путешествія заболѣлъ дорогою и едва доѣхалъ до Дрездена, гдѣ остановился у своего племянника, въ то время посланника нашего, А. Н. Волконскаго. Въ этомъ положеніи онъ писалъ изъ Дрездена, 19-го октября, къ своему шурину, А. Н. Раевскому, въ Москву: «Вы удивитесь, получивъ сей листокъ еще изъ Дрездена: постигшій меня недугъ тому причиною—опухоль въ ногахъ и открывшіяся раны на опыхъ въ третій день моего отъѣзда изъ Москвы. Страданія были большія пока дотащился до Варшавы, гдѣ и остановился на трое сутокъ; вотъ уже пятыя сутки я въ Дрезденѣ, страданія тѣ же, и сіи строки пишу Вамъ лежа, при невозможности безъ боли опустить ноги. Сегодня выѣзжаю въ Парижъ; выписалъ сына во Франкфуртъ. Не могу двинуться безъ помощи, хотя теперь опухоль въ ногахъ спала, и раны закрылись. Постигшая меня болѣзнь, вѣроятно, понудитъ меня на долгое лѣченіе. Боюсь, чтобы это не почли вымышленной уловкой, чтобы не явиться къ сроку отпуска. Лишь бы силы позволили—исполню данное слово; это—обязанность, но все таки скажу, что на то нужны силы, а это не въ моей волѣ. Это обстоятельство заставляетъ меня просить Васъ, многоуважаемый А. Н., сообщенное Вамъ о себѣ передать по Вашему усмотрѣнію, куда почтете нужнымъ, дабы охранить меня отъ упрека въ томъ, въ чемъ я волею не буду виновенъ, если болѣзнь моя (въ чемъ можно удостовѣриться) заставитъ меня просить отсрочки въ отпускѣ. Я слишкомъ высоко цѣню данное мнѣ позволеніе Государемъ Императоромъ, чтобы не стараться на всякій случай заранѣе отклонить отъ себя всякую причину Его негодованія. Жена уже выѣхала въ Ниццу изъ Парижа; дѣти меня еще тамъ ждутъ, но, дотащившись до нихъ, склоню ихъ къ выѣзду туда-же. Быть скорѣе при больной женѣ—долгъ и чувство сердца; свѣтской жизни я не ищу и не хочу» *). Это письмо А. Н. Раевскій препроводилъ къ помощнику шефа жандармовъ, А. Е. Тимашеву, своему родствен-

*) Семейный Архивъ.

нику, поддерживая просьбу С. Г. Волконскаго, и шефъ жандармовъ 18-го декабря увѣдомилъ министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Иностранныхъ Дѣлъ о Высочайшемъ соизволеніи на пребываніе С. Г. Волконскаго за границею въ теченіе еще трехъ мѣсяцевъ *).

Съ этого приблизительно времени началась у С. Г. Волконскаго болѣзнь, которая, то усиливаясь, то уменьшаясь, не проходила до послѣдняго времени его жизни. Онъ сталъ страдать припадками падагры и расширеніемъ венъ на ногахъ. Сдѣлавшіяся на нихъ раны являлись и проходили, а затѣмъ исчезли совсѣмъ.

Семья собралась въ это время въ Парижѣ по случаю свадьбы дочери С. Г. Волконскаго, вышедшей вторымъ бракомъ за Николая Аркадьевича Кочубея, а затѣмъ переѣхала на зиму въ Ниццу. Но срокъ отпуска кончался въ январѣ, и, по новому ходатайству, возвращеніе въ Россію было отсрочено С. Г. Волконскому еще на три мѣсяца. Изъ Ниццы С. Г. переѣхалъ въ семействомъ въ Римъ, гдѣ, передъ истеченіемъ вышеозначеннаго срока, снова ходатайствовалъ въ мартѣ 1859 года чрезъ нашего посланника въ Римѣ, Н. Д. Киселева, о продленіи заграничнаго отпуска до 1-го августа для лѣченія минеральными водами въ Виши, на что и получилъ Высочайшее разрѣшеніе. Къ необходимости ѣхать въ Виши присоединялся и другой поводъ—желаніе присутствовать на свадьбѣ сына съ княжною Е. Г. Волконскою, совершившейся въ Женевѣ весною того же года.

Благословивъ сына, С. Г. Волконскій отправился въ Виши на воды, принесшія ему значительную пользу, и возвратился къ сроку въ Россію, въ Черниговскую губернію къ своей дочери, въ село Воронки. Но въ теченіе зимы его болѣзнь и страданія значительно усилились; это обстоятельство и желаніе въ слѣдующемъ году возобновить лѣченіе заставили его въ февралѣ 1860 года обратиться чрезъ Кіевскаго генералъ-губернатора, князя Васильчикова, съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему новаго отпуска. 4-го марта князь Долгоруковъ увѣдомилъ князя Васильчикова о послѣдовавшемъ Высочайшемъ разрѣшеніи С. Г. Волконскому отправиться для излѣченія болѣзни за границу на шесть мѣсяцевъ.

*) Архивъ III-го Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

Послѣ лѣченія въ Виши, С. Г. Волконскій пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ въ то время былъ посломъ его старый другъ и товарищъ по службѣ, графъ П. Д. Киселевъ, о которомъ онъ не разъ упомпнаетъ въ своихъ «Запискахъ». Графъ Киселевъ отнесся къ нему въ высшей степени сердечно, часто видался съ нимъ и настаивалъ на возобновленіи прежнихъ дружескихъ отношеній, но С. Г. Волконскій уклонялся отъ этого, вѣрный своему правилу быть признательнымъ за вниманіе людей, высоко стоящихъ на служебной лѣстницѣ, но не ставить ихъ въ неловкое положеніе. Легко понять, чего ему на этотъ разъ стоило такое рѣшеніе.— Графъ Киселевъ, въ ноябрѣ 1860 года, ходатайствовалъ чрезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ о разрѣшеніи С. Г. Волконскому остаться за границею еще на годъ. Въ концѣ отношенія графа Киселева есть собственноручная его приписка: «обязываюсь присовокупить, что князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій и въ особенности супруга его находится въ болѣзненномъ состояніи» *). Разрѣшеніе этого ходатайства послѣдовало по Высочайшему повелѣнію 16-го ноября 1860 года.

Сергѣй Григорьевичъ находился въ Парижѣ, когда государственный актъ 19-го февраля 1861-го года объ освобожденіи крестьянъ былъ тамъ полученъ. Русскіе собрались въ церковь, протоіерей Васильевъ сказалъ прекрасное слово, С. Г. Волконскій стоялъ тутъ же. Чувствуя, что этимъ актомъ увѣнчалось завѣтное желаніе его жизни, и что съ высоты престола являлся какъ бы отвѣтъ на все то, чѣмъ онъ, для осуществленія своего желанія пожертвовалъ,—онъ плакалъ, руки и ноги его дрожали, и слезы счастья и благодарности къ Царю-Освободителю катились по лицу старика. Послѣ онъ говорилъ, что это была лучшая минута его жизни.

Лѣтомъ 1861 года онъ вернулся въ Россію и отправился въ майоратное имѣніе графа Бенкендорфа, Фалль (теперь имѣніе князей Волконскихъ), близъ Ревеля, въ семью сына и племянницы (княгини М. А. Волконской), владѣтельницы майората. Оттуда онъ переѣхалъ въ Черниговскую губернію къ женѣ и дочери, при чемъ получилъ разрѣшеніе пробыть въ теченіе 3-хъ дней, проѣздомъ

*) Архивъ III-го Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи.

въ Петербургѣ. Живя въ деревнѣ, онъ въ началѣ 1863 года рѣшился на важный для него шагъ. Постоянное вмѣшательство въ его жизнь полицейскихъ властей, необходимость увѣдомлять ихъ о каждомъ своемъ передвиженіи, а главное—нравственная тягота отъ сознанія, что онъ, въ свои старые годы, находится подъ надзоромъ не довѣряющей ему правительственной власти,—подвинули его на то, чтобы ходатайствовать о снятіи этого надзора. 13-го января онъ обратился съ письмомъ къ мѣстному губернатору, князю С. П. Голицыну, прося его представить въ законномъ порядкѣ всеподданнѣйшее свое прошеніе. Князь Голицынъ представилъ упомянутое прошеніе Министру Внутреннихъ Дѣлъ Валуеву, который передалъ его въ III-е Отдѣленіе С. Е. И. В. Канцеляріи. Въ прошеніи своемъ С. Г. Волконскій говоритъ: «ходатайствую о снятіи съ меня полицейскаго надзора, какъ излишней предосторожности, несогласной съ тѣми чувствами искренней вѣрноподданнѣйшей вѣрности и глубочайшей благодарности къ Особѣ Вашего Величества. Дарованіе мнѣ общихъ безъ ограниченія правъ Вашихъ подданныхъ дастъ мнѣ 75-ти лѣтнему старику возможность спокойно провести остатокъ дней въ кругу моего семейства» *). Ходатайство было принято во вниманіе, и генералъ-адъютантъ Потаповъ увѣдомилъ о томъ письмомъ отъ 19-го февраля 1863 года **) сына его, говоря: «Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу шефомъ жандармовъ письма родителя Вашего, Высочайше повелѣть соизволилъ освободить его отъ тѣхъ ограниченій, которымъ онъ еще былъ подвергнутъ».

Никогда не жалѣвшій о своей сломленной карьерѣ и относившійся хладнокровно къ лишенію его знаковъ отличія, С. Г. Волконскій сожалѣлъ лишь о потерѣ имъ Георгіевскаго креста, знака отличія въ память Прейсиш-Эйлаускаго сраженія и военной медали двѣнадцатаго года, какъ свидѣтелей его прежнихъ военныхъ подвиговъ. Находясь въ Петербургѣ у своего сына, онъ 17-го ноября 1863 года ходатайствовалъ предъ шефомъ жандармовъ, княземъ Долгоруковымъ, о возвращеніи ихъ. Приводимъ это письмо:

*) Семейный Архивъ.

**) Семейный Архивъ.

«Государь Императоръ, въ безпредѣльномъ милосердіи Своемъ, возвратилъ меня изъ ссылки и даровалъ мнѣ права гражданскія. Нѣтъ предѣла чувству моей вѣрноподданической признательности, и до конца дней моихъ я сохраню его неизмѣннымъ. Къ оказаннымъ мнѣ Высочайшимъ милостямъ я принимаю смѣлость просить Его Императорское Величество присоединить еще одну: возвратить мнѣ право носить дарованные мнѣ въ прежней моей боевой жизни: знакъ отличія въ память Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія и серебряную военную медаль 1812 года, а равно и бронзовую дворянскую медаль, въ память той же войны установленную. Эти знаки дороги мнѣ, какъ памятникъ посильнаго участія моего въ этихъ великихъ событіяхъ, какъ воспоминаніе о томъ, что нѣкогда и я имѣлъ счастье проливать свою кровь за Россію. Я изъ числа весьма немногихъ, удостоенныхъ знака отличія Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія и оставшихся еще въ живыхъ, и изъ числа, хотя менѣе ограниченнаго, но также небольшого, современниковъ Отечественной войны. Если и теперь Государь подниметъ мечъ на враговъ Россіи, я, несмотря на преклонныя мои лѣта, буду всегда готовъ, изъ преданности моей къ Царю и Отечеству, стать въ ряды войскъ Его Императорскаго Величества. Примите, Ваше Сіятельство, подъ покровительство Ваше настоящую просьбу мою и, если почтете возможнымъ, то дайте ей ходъ къ подножію Престола; я не буду въ этомъ случаѣ первымъ примѣромъ. Не рѣшаясь просить для себя возвращенія ордена Св. Георгія четвертой степени, хотя, конечно, онъ мнѣ дорогъ болѣе всѣхъ другихъ,—я ходатайствую лишь о такой милости, которою нѣсколько изъ моихъ товарищей по изгнанію уже воспользовались» *). Просьба эта также удостоилась Высочайшаго разрѣшенія, и С. Г. Волконскій получилъ право носить серебряную и бронзовую медали въ память двѣнадцатаго года и Прейсишъ-Эйлаускій крестъ.

Это было послѣднею милостію къ нему со стороны Императора Александра II-го, и онъ вступилъ съ этого времени въ гражданскую жизнь, ничѣмъ не ограниченную.

Долгъ признательности заставляетъ меня засвидѣтельствовать

*) Семейный Архивъ.

здѣсь, что Государь Императоръ былъ постоянно внимателенъ къ судьбѣ моего отца и всегда удовлетворялъ ходатайства его или его родственниковъ о немъ. Вотъ почему трудно вѣрится, чтобы два случая отказа, приведенные выше по оффиціальнымъ документамъ, исходили отъ Государя, и я охотно приписываю ихъ всеподданнѣйшимъ докладамъ, составленнымъ не въ пользу разрѣшенія. Тѣмъ менѣе я расположенъ этому вѣрить, что когда, по снятіи съ С. Г. Волконскаго всѣхъ стѣсненій, я явился благодарить Государя, то Онъ, выслушавъ меня, сказалъ: «повѣрь, что и Я отъ души этому радъ и всегда былъ радъ, когда могъ что-либо сдѣлать для твоего старика». И теплымъ и искреннимъ былъ въ эту минуту Его голосъ.

На прекращеніи надзора останавливаются наши оффиціальные источники. Остается дополнить ихъ краткимъ повѣствованіемъ о послѣднихъ годахъ жизни С. Г. Волконскаго. Лѣто 1863-го года онъ проводилъ въ имѣніи Фалль, въ Эстляндіи, откуда я былъ внезапно вызванъ въ Малороссію, въ село Воронки, къ заболѣвшей опасно матери. Подточенныя испытаніями ея силы не выдержали новыхъ страданій—болѣзни печени, и, изнуряемая постоянною лихорадкою, черезъ 6-ть недѣль, она скончалась на рукахъ сына и дочери 10-го августа 1863 года, 56-ти лѣтъ отъ роду. С. Г. Волконскій не могъ пріѣхать къ ней, прикованный къ мѣсту сильнымъ припадкомъ подагры. Эта утрата потрясла его, отозвалась сразу на его физическихъ силахъ, и когда я вернулся къ нему въ Фалль, то нашелъ его очень измѣнившимся. Тутъ началась новая болѣзнь—прогрессивный параличъ оконечностей. Онъ постепенно сталъ терять движеніе ногъ, а черезъ годъ долженъ былъ прибѣгнуть къ креслу на колесахъ, которое самъ передвигалъ. Проведя зиму въ моей семьѣ въ Петербургѣ, онъ могъ, однако же, съѣздить на могилу своей жены, а затѣмъ отправился на минеральныя воды въ Виши, приносившія ему пользу, но на этотъ разъ онѣ причинили только вредъ его ослабѣвшему организму. Мѣстные врачи вызвали меня къ нему и, къ крайнему ихъ удивленію, онъ мало-по-малу оправился и окрѣпъ настолько, что я могъ перевезти его къ себѣ въ Петербургъ на зиму.

Весною 1865 года, ослабѣвая все болѣе и болѣе, онъ рѣшился переѣхать въ Малороссію къ дочери, ближе къ могилѣ своей жены. Я проводилъ его до Москвы, гдѣ усадилъ въ карету и гдѣ видѣлъ его въ послѣдній разъ.

Лѣто онъ провелъ въ постоянныхъ занятіяхъ, въ продолженіи своихъ записокъ, въ перепискѣ съ друзьями и мною, имѣя обыкновеніе писать мнѣ ежедневно. Потеря физическихъ силъ нисколько не ослабила его умственныхъ способностей: до послѣдняго дня своей жизни, онъ сохранилъ свою необыкновенную память, остроумную рѣчь, горячее отношеніе къ вопросамъ внутренней и внѣшней политики и участіе ко всѣмъ близкимъ ему.

Въ ноябрѣ сестра писала мнѣ, что силы его убываютъ, и что мнѣ слѣдовало бы къ нему пріѣхать. Но желѣзныхъ дорогъ отъ Москвы на югъ еще не было, и я опоздалъ. Между тѣмъ, онъ ждалъ меня, собрался говѣть и откладывалъ со дня на день, говоря, что «любитъ говѣть вмѣстѣ съ сыномъ». Однако, видя быстрое паденіе его силъ, дочь уговорила его не откладывать долѣе, и 28 ноября, рано утромъ, онъ причастился Св. Таинъ. Въ этотъ день онъ еще разъ выбрался на своемъ креслѣ въ комнату, гдѣ обыкновенно занимался, взялъ перо и, написавъ первую строку письма ко мнѣ (у меня сохранившагося), остановился, сказавъ дочери, что ему хочется спать, и попросилъ ее что-нибудь почитать ему, затѣмъ перебрался на свою кровать и закрылъ глаза. Дочь, взявъ первую попавшуюся книгу и сидя у его постели, стала читать въ полголоса, но въ это время вошелъ его давній врачъ и сверстникъ по годамъ, докторъ Фишеръ, прислушался къ его дыханію и сдѣлалъ дочери знакъ, что онъ кончается. Она встала, послала за священникомъ, перемѣнила книгу на молитвенникъ и, вернувшись на прежнее мѣсто, стала читать отходную. Черезъ нѣсколько минутъ дыханіе прекратилось.....

С. Г. Волконскій похороненъ рядомъ съ своей женой въ селеніи Воронкахъ, Черниговской губерніи, подъ зданіемъ церкви, возведенной надъ ихъ прахомъ ихъ дочерью.

Князь М. С. Волконскій.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Отъ издателя. . . . . I—VII

ГЛАВА I.

Посвященіе «Записокъ».—Предки.—Воспитаніе.—Первые служебные шаги и настроеніе тогдашней молодежи.—Начальство и товарищи . . . . . 1—6

ГЛАВА II.

Война съ Франціей въ 1806 году.—Назначеніе адъютантомъ къ графу М. Ѳ. Каменскому.—Разстроенное положеніе арміи.—Оставленіе графомъ Каменскимъ арміи. — Чиновникъ Степановъ. — Ложный доносъ Шубина.—Дѣло о смерти графини О. . . . . 7—12

ГЛАВА III.

Пултуское сраженіе и военныя дѣйствія, предшествовавшія ему.—Расположеніе войскъ.—Остерманъ.—Назначеніе адъютантомъ при гр. Остерманѣ.—Бенигсенъ.—Удаленіе Буксгевдена.—Лишеніе гр. Каменскаго званія главнокомандующаго и ссылка въ деревню Орловскую.—Трагическая смерть его.—Передвиженіе главной арміи . . . . . 13—21

ГЛАВА IV.

Военныя дѣйствія предъ сраженіемъ при Прейсишъ-Эйлау.—Сраженіе подъ Ланцбергомъ.—Генеральное Прейсишъ-Эйлауское сраженіе.—Рана.—Распорядительность Остермана. — Стойкость Павловцевъ. — Отъѣздъ въ Кенигсбергъ и въ Тильзитъ . . . . 22—30

стр.

ГЛАВА V.

Возвращеніе въ дѣйствующую армію.—Военныя дѣйствія послѣ Прейсишъ-Эйлау.—Донскіе казаки и ихъ предводитель Платовъ.—Пріостановленіе военныхъ дѣйствій.—Знакомство съ А. А. Закревскимъ.—Безпорядки въ снабженіи войскъ.—Пріѣздъ Государя и короля Прусскаго въ Бартенштейнъ . . . . . 31—35

ГЛАВА VI.

Причисленіе въ свиту Бенигсена.—Образъ жизни свѣтской молодежи въ главной квартирѣ.—Составъ главной квартиры.—Князь Багратіонъ.—Знакомство съ Н. Н. Раевскимъ . . . . . 36—39

ГЛАВА VII.

Отъѣздъ Государя и короля Прусскаго изъ главной квартиры.—Начало военныхъ дѣйствій.—Наступательное движеніе французовъ.—Занятіе Гейльсбергской позиціи.—Атака кирасиръ близъ Лаунау.—Смерть генерала Кожина . . . . . 40—42

ГЛАВА VIII.

Гейльсбергская битва.—Сраженіе подъ Фридландомъ.—Болѣзнь Бенигсена.—Переправа въ бродъ черезъ рѣку.—Находчивость графа Сиверса.—Остановка нашей арміи въ г. Велау.—Дальнѣйшее движеніе до Тильзита.—Переправа черезъ Нѣманъ.—Пріѣздъ въ главную квартиру Государя и перемиріе.—Тильзитское свиданіе . . . . . 43—52

ГЛАВА IX.

Пребываніе Александра I въ Тильзитѣ и веденіе переговоровъ.—Смотры.—Заключеніе мира и возвращеніе въ Россію.—Дезертерство.—У брата кн. Н. Г. Репнина въ Москвѣ.—Почтовый трактъ изъ Москвы въ Псковъ.—Прибытіе въ Петербургъ . . . . . 53—57

стр.

ГЛАВА X.

Служба въ кавалергардскомъ полку.—Образъ жизни и нравы офицеровъ.—Товарищи.—Ненависть къ французамъ.—Первая любовь.—Дуэли.—Служебная непріятность.—Шумная жизнь офицеровъ въ деревнѣ.—Забавы.—Скарятинъ . . . . . 58—71

ГЛАВА XI.

Шведская кампанія.—Назначеніе Буксгевдена главнокомандующимъ.—Отказъ принять званіе адъютанта при главнокомандующемъ.—Причины объявленія войны.—Осада Свеаборга.—Перемѣна главнокомандующихъ.—Храбрость генерала Булатова.—Похороны князя Мих. Ѳед. Долгорукова.—Переходъ нашихъ войскъ черезъ Ботническій заливъ по льду.—Фридрихсгамскій миръ . . . . . 72—76

ГЛАВА XII.

Поѣздка въ Оренбургъ для свиданія съ отцемъ.—Пребываніе въ Москвѣ.—Оренбургское общество.—Назначеніе въ штабъ главнокомандующаго Молдавской арміи . . . . . 77—82

ГЛАВА XIII.

Выѣздъ въ Бухарестъ.——Прибытіе въ Яссы и Бухарестъ. Свита главнокомандующаго.—Жизнь въ Бухарестѣ.—Причины отрѣшенія князя Багратіона отъ должности главнокомандующаго и назначеніе гр. Н. М. Каменскаго 2-го.—Дѣятельность гр. Каменскаго.—Переправа черезъ Дунай и начало военныхъ дѣйствій.—Взятіе Базарджика.—Осада Силистріи и сдача ея.—Командировка.—Очеркъ дѣйствій Каменскаго при взятіи Силистріи . . . . . 83—93

ГЛАВА XIV.

Движеніе войскъ къ Шумлѣ.—Взятіе Туртукая генераломъ Зассомъ.—Нерасположеніе молодежи къ главно-

стр.

командующему.—Дѣйствія генерала Цызарева подъ Варной.—Переходъ арміи отъ Силистріи до Шумлы.—Военныя дѣйствія подъ Шумлой.—Дѣйствія Каменскаго.—Контуженіе.—Прикомандированіе къ ген. Воинову волонтеромъ.—Дѣйствія этого отряда.—Примѣры молодечества тогдашняго поколѣнія.—Осада Измаила.—Перемѣна плана кампаніи и движеніе арміи къ Рущуку . . . . . 94—104

ГЛАВА XV.

Мирное шествіе арміи къ Рущуку.—Жестокость Каменскаго.—Осадныя работы подъ Рущукомъ.—Начало военныхъ дѣйствій.—Забава Каменскаго.—Генералъ Гартингъ.—Звѣрство главнокомандующаго.—Штурмъ Рущука.—Смерть графа Сиверса.—Неимовѣрная численность убитыхъ и раненыхъ.—Перемиріе на 24 часа.—Возрастающее недовольствіе противъ Каменскаго . . . . . 105—114

ГЛАВА XVI.

Батинское сраженіе.—Генералъ Кульневъ.—Взятіе редута и бѣгство турокъ.—Безкорыстіе нашего солдата.—Участіе въ переговорахъ съ турками и принятіе оружія отъ сдавшихся турокъ.—Результатъ Батинскаго сраженія . . . . . 115—126

ГЛАВА XVII.

Возвращеніе арміи подъ Рущукъ.—Мѣры главнокомандующаго противъ недовольныхъ его дѣйствіями.—Командировка въ Петербургъ.—Вѣсть о назначеніи флигель-адъютантомъ.—Встрѣча съ Великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Павловичами.—Пріемъ военнаго министра.—Свиданіе съ матерью.—Полковой бытъ и духъ, господствующій между офицерами.—Недовольство Государя . . . . . 127—132

стр.

ГЛАВА XVIII.

Представленіе Государю.—Шалости.—Дворцовая служба.—Французскій посолъ Коленкуръ.—А. Х. Бенкендорфъ и его проэктъ жандармеріи.—Маневры на Смоленскомъ полѣ.—Отношеніе Государя къ флигель-адъютантамъ.—Средства для снисканія расположенія Государя.—Пожаръ въ Аничковскомъ дворцѣ.—Арестъ и ссылка Сперанскаго . . . . . 133—140

ГЛАВА XIX.

Разсказъ де-Санглена объ арестѣ Сперанскаго.—Причины паденія Сперанскаго.—Козни графа Армфельда.—Бумаги Сперанскаго.—Заслуги его въ Сибири . . 141—146

ГЛАВА XX.

Общее настроеніе въ Россіи передъ Отечественной войной. — Приготовленія.—Вступленіе войскъ. — Отъѣздъ Государя и свиты въ Вильну.—Лицемѣріе поляковъ. — Составъ главной царской квартиры. — Жизнь въ Вильнѣ до начала военныхъ дѣйствій.—Слухи о тайныхъ переговорахъ съ Понятовскимъ.—Неблагопріятное предзнаменованіе. — Извѣстіе о переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ.—Выступленіе главной квартиры въ Свенцяны.—Дальнѣйшія распоряженія . . . . . 147—156

ГЛАВА XXI.

Командировка къ атаману Платову съ предписаніемъ направленія движенія.—Удачное исполненіе порученія и благоволеніе Государя.—Новая командировка въ Динабургъ.—Недовольство Аракчеева полковникомъ Тишинымъ . . . . . 157—161

ГЛАВА XXII.

Перемѣщеніе главной квартиры въ Дрисскій лагерь.—Назначеніе начальникомъ штаба генералъ-адъютанта Паулуччи.—Разговоръ съ нимъ Государя.—Заносчи-

стр.

вость графа Ожаровскаго.—Командировка къ Багратіону съ распоряженіемъ о движеніи армій.—Пораженіе французовъ подъ Могилевымъ.—Салтановское дѣло.—Прибытіе въ Бобруйскъ и передача Багратіону привезенной депеши.—Неправильное приписываніе этой поѣздки въ Бобруйскъ князю Никитѣ Григорьевичу Волконскому въ исторіи 12-го года Бутурлина . . . . . 162—170

ГЛАВА XXIII.

Назначеніе состоять въ распоряженіи Винценгероде.—Оставленіе Государемъ арміи и возвращеніе въ Петербургъ.—Охрана Винценгероде Смоленска.—Распоряженіе главнокомандующаго о командированіи Винценгероде новымъ отрядомъ.—Назначеніе дежурнымъ штабъ-офицеромъ къ этому отряду.—Неудачныя попытки подъ Суражемъ и подъ Велижемъ.—Неудобство ночныхъ экспедицій.—Случай преданности евреевъ Россіи въ то время.—Извѣстіе о битвѣ подъ Смоленскомъ и приказъ объ отступленіи къ Москвѣ.—Стычки около Гжатска и Вязьмы.—Звѣрство французовъ въ селахъ Дугинѣ и Самойловѣ.—Курьезное обвиненіе княгиней Голицыной . 171—178

ГЛАВА XXIV.

Продолженіе отступательнаго движенія къ Москвѣ отрядомъ Винценгероде.—Свиданіе Винценгероде съ главнокомандующимъ Кутузовымъ.—Схватка съ французами у Саввинскаго монастыря.—Общій духъ арміи послѣ Бородинскаго сраженія.—Донесеніе Винценгероде Государю о передачѣ Москвы въ руки непріятелей.—Письмо Государя къ Винценгероде.—Военныя дѣйствія отряда Винценгероде.—Оберъ-офицеръ Оде-де-Сіонъ. Дѣло Яковлева.—Истребленіе виннаго подвала въ Клину . . . . . 179—190

ГЛАВА XXV.

Необходимость фуражировки.—Дѣло по поводу фуражировки въ имѣніи генералъ-адъютанта Балашева.—

стр.

Командировка по этому дѣлу въ Петербургъ съ письмомъ Винценгероде къ Государю.—Пріемъ Государя и разговоръ его.—Характерная черта изъ отношеній Государя къ Аракчееву.—Разсказъ о плѣнѣ Винценгероде . . . . . 191—203

ГЛАВА XXVI.

Возвращеніе въ отрядъ.—Дѣйствія временно командующаго отрядомъ Винценгероде ген.-маіор. Иловайскаго 4-го.—Распорядительность А. Х. Бенкендорфа.—Видъ Москвы послѣ французовъ.—Назначеніе начальникомъ отряда ген.-адъют. Голенищева-Кутузова.—Полученіе отдѣльнаго отряда и начало партизанскихъ дѣйствій.—Дѣйствія Платова подъ Смоленскомъ.—Дѣйствія отряда.—Новое назначеніе открыть коммуникацію съ отрядомъ гр. Витгенштейна.—Простуда и ея послѣдствія.—Нежеланіе гр. Витгенштейна преслѣдовать французовъ до переправы черезъ Березину и слѣдствія этого.—Болѣзнь и отъѣздъ въ Вильну . . . . . 204—216

ГЛАВА XXVII.

Пребываніе главной квартиры въ Вильнѣ.—Начало военныхъ дѣйствій.—Военныя дѣйствія подъ Калишемъ.—Переѣздъ главной квартиры Государя въ Калишъ.—Остановка военныхъ дѣйствій.—Награжденіе орденомъ св. Георгія 4 степ.—Русскіе въ Саксонскихъ владѣніяхъ.—Благородство чувствъ Винценгероде.—Самонадѣянность Дениса Давыдова 217—228

ГЛАВА XXVIII.

Стоянка арміи послѣ Калишскаго сраженія.—Злоупотребленіе при обмундированіи арміи.—Вступленіе въ Дрезденъ.—Занятіе Лейпцига.—Смерть Кутузова.—Св. Пасха въ Лейпцигѣ.—Новый главнокомандующій гр. Витгенштейнъ.—Военныя дѣйствія подъ Вейсенфельсомъ.—Удачный выстрѣлъ полубатареи конной артиллеріи.—Командировка къ Государю отъ главнокомандующаго.—Разговоръ Государя.—Возвращеніе изъ командировки . . . . . 229—238

стр.

ГЛАВА XXIX.

Люценское сраженіе.—Находчивость Ланского.—Личное участіе Императора Александра въ военныхъ дѣйствіяхъ.—Отступленіе нашей арміи къ Эльбѣ.—Переправа черезъ Эльбу . . . . . 239—247

ГЛАВА XXX.

Назначеніе Винценгероде состоять при Государѣ.—Отъѣздъ въ Прагу для лѣченія.—Разговоръ съ В. Кн. Екатериной Павловной.—Участіе Великой Княгини въ переговорахъ съ австрійскимъ дворомъ.—Возвращеніе въ главную квартиру Государя подъ Швейдницемъ.—Бауценское сраженіе.—Перемиріе съ Наполеономъ.—Наблюдательность А. П. Ермолова.—Назначеніе главнокомандующимъ Барклая-де-Толли.—Ссора Сухозанета съ Фигнеромъ.—Свиданіе Государя съ Бернадотомъ въ Трахенбергѣ.—Назначеніе Винценгероде командиромъ русскаго корпуса Сѣверной арміи.—Причисленіе къ штабу командуемыхъ Винценгероде войскъ.—Пребываніе корпусной квартиры въ Берлинѣ.—Генералъ Моро.—Случай на балу въ Бранденбургѣ.—Захватъ отрядомъ Левенштерна саксонской кассы . . . . 248—259

ГЛАВА XXXI.

Начало военныхъ дѣйствій Сѣверной арміи, подъ начальствомъ Бернадота.—Гросъ-Бернское сраженіе.—Переправа черезъ Эльбу.—Кронъ—принцъ Бернадотъ.—Сраженіе подъ Деневицемъ.—Благодарственное молебствіе на полѣ сраженія.—Находчивость Фигнера.—Движеніе французовъ изъ Витенберга.—Смерть Фигнера . . . . . 260—271

ГЛАВА XXXII.

Лейпцигское сраженіе.—Занятіе деревни Паульсдорфъ.—Переходъ къ намъ саксонскихъ войскъ.—Движеніе арміи къ Лейпцигу.—Фальшивая тревога.—Въѣздъ въ Лейпцигъ союзныхъ государей.—Невниманіе къ

стр.

саксонскому королю.—Высочайшій смотръ корпуса Винценгероде. — Пребываніе корпусной квартиры въ Лейпцигѣ.—Черта характера Винценгероде . . 272—281

ГЛАВА XXXIII.

Занятіе Касселя. — Командировка во Франкфуртъ съ представленіемъ о награжденіяхъ. — Пребываніе главной квартиры во Франкфуртѣ. — Отказъ Императора Александра защитить сербовъ отъ турокъ.—Черта изъ характеристики Аракчеева.—Полученіе Аннинской ленты. — Возвращеніе въ корпусную квартиру въ Бременъ. — Бременскій погребъ 12-ти апостоловъ.—Сраженіе при Оффенбахѣ.—Движеніе корпуса Винценгероде къ Рейну . . . . . 282—289

ГЛАВА XXXIV.

Прибытіе корпуса Винценгероде въ Дюссельдорфъ.—Знакомство съ Юстіяномъ Грунеромъ.—Переправа черезъ Рейнъ.—Командировка въ Кельнъ.—Занятіе Амстердама А. Х. Бенкендорфомъ. — Защита имъ крѣпости Бреды. — Возвращеніе изъ Кельна.—Обѣдъ, данный Бенкендорфомъ въ Ахенѣ . . . . 290—296

ГЛАВА XXXV.

Пребываніе корпусной квартиры Винцегероде въ Люттихѣ. — Занятіе Авена. — Почмейстеръ Петп.—Занятіе Лаона.—Взятіе Суассона.—Интриги . . . . 297—303

ГЛАВА XXXVI.

Извѣстіе о пораженіи подъ Сезаномъ и Монмиралемъ.—Движеніе корпуса Винценгероде къ Рейну. — Недостатокъ въ продовольствіи.—Интриги Воронцова противъ Винценгероде. — Письмо къ князю Петру Михаиловичу Волконскому. — Вторичное занятіе Суассона . . . . . 304—310

стр.

ГЛАВА XXXVII.

Значеніе взятія Суассона.—Беріобакское дѣло.—Краонская битва.—Пв. Петр. Липранди.—Лаонское сраженіе.—Причины выхода изъ корпуса Винценгероде 311—324

ГЛАВА XXXVIII.

Графъ Воронцовъ.—Отъѣздъ изъ арміи въ Петербургъ.—Образъ жизни въ Петербургѣ.—Поѣздка за границу и свиданіе съ А. П. Ермоловымъ въ Краковѣ.—Вѣнскій конгрессъ.—Отношеніе Императора Александра къ русскимъ во время конгресса.—Портреты Наполеона.—Свиданіе Александра съ Лагарпомъ.—Принцъ Евгеній . . . . . 325—336

ГЛАВА XXXIX.

Въ Парижѣ.—Знакомство съ Сентъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ.—M-me de Stael.—Benjamin Constant.—Шатобріанъ.—Салонъ герцогини Сентъ-Ле.—Процессъ Луп-Наполеона съ его женой Гортензіей.—Похороны актрисы Рокуръ.—Отъѣздъ въ Лондонъ . . . . . 337—344

ГЛАВА XL.

Пріѣздъ въ Лондонъ. Лондонскіе таможенные чиновники.—Лондонскія гостинницы.—Соотечественники.—Салонъ О. А. Жеребцовой. Пренія о Corn bill'ѣ.—Сэръ Френсисъ Бюрдетъ.—Извѣстіе о возвращеніи Наполеона во Францію.—Сэръ Робертъ Вильсонъ и члены оппозиціи.—Представленіе принцу-регенту.—Пріемъ принцемъ депутаціи квакеровъ.—Обычай при представленіи.—Салонъ графини Ливенъ.—Намѣреніе ѣхать въ Парижъ.—Слова Государя по этому поводу . . . . . 345—355

ГЛАВА XLI.

Возвращеніе въ Парижъ.—Присяга принцевъ хартіи Людовика XVIII.—Смотръ на Марсовомъ полѣ.—Прокламація Людовика XVIII.—Бѣгство королевской фамиліи.—Возвращеніе Наполеона.—Народный во-

стр.

сторгъ. — Смотръ Наполеономъ старой гвардіи.— Хлопоты о выѣздѣ изъ Парижа. — Отъѣздъ въ Англію . . . . . 356—365

ГЛАВА XLII.

На англійской таможнѣ. — Члены парламентской оппозиціи. — Изъ Лондона во Франкфуртъ. — Путевыя впечатлѣнія. — Общее состояніе умовъ и чувствъ въ Германіи. — Во Франкфуртѣ. — Вступленіе русскихъ войскъ во Франкфуртъ.—Назначеніе начальникомъ штаба при корпусѣ Винценгероде.—Пребываніе главной квартиры въ Гейдельбергѣ.—Пораженіе арміи Блюхера при Флерюсѣ. — Извѣстіе о битвѣ при Ватерло . . . . . 366—372

ГЛАВА XLIII.

Военныя дѣйствія 1815 года. — Занятіе Шалона. — Вступленіе въ Парижъ. — Вертье. — Политическій бытъ Парижа.—Опустошеніе галлереи Лувра.—Судъ Лабедойера.—Лавалетъ.—Ней.—Carnot.—Смотръ подъ Вертю.—Смотръ англійской арміи подъ Парижемъ 373—385

ГЛАВА XLIV.

Возвращеніе въ Россію.—Вліяніе на мысли и убѣжденія событій 1814 и 1815 гг.—Назначеніе командиромъ бригады и отъѣздъ въ Волынь.—Служебная дѣятельность.—Вражда поляковъ къ русскимъ. — Дуэль и причина ея.—Переведеніе бригады въ Сумы.—Рѣчь Императора Александра на польскомъ сеймѣ.— Впечатлѣніе, произведенное ею . . . . . 386—396

ГЛАВА XLV.

Измѣненіе въ служебномъ бытѣ.—Поѣздка въ Одессу.— Цѣнность пустопорожнихъ земель въ Россіи.— Одесскій бытъ при гр. Ланжеронѣ. — Отъѣздъ въ Кіевъ.—Тогдашнее настроеніе умовъ въ Россіи.— Вліяніе Кіевскаго кружка. — Масонская ложа «Les Slaves réunis». — Вступленіе въ Общество «Зеленой книги».—Члены этого Общества.—Михаилъ Ѳеодоровичъ Орловъ . . . . . 397—406

стр.

ГЛАВА XLVI.

Первыя попытки къ уничтоженію крѣпостного права.—Сближеніе съ П. Ив. Пестелемъ и другими членами тайнаго общества.—Дѣятельность, какъ члена этого общества.—Съѣздъ депутатовъ Сѣверной и Южной думы въ Москвѣ.—Дѣятельность Южной думы.—Предложеніе М. Н. Раевской.—Отъѣздъ на Кавказъ.—Кавказское тайное общество.—Женитьба на М. Н. Раевской.—Съѣздъ депутатовъ русскаго и польскаго тайнаго общества.—Пав. Ив. Пестель. . 407—418

ГЛАВА XLVII.

Основная цѣль тайнаго общества.—Николай Ивановичъ Тургеневъ.—Труды Пестеля и Тургенева.—Предательскія дѣйствія графа Вита.—Шпіонство Ботняка.—Предостереженіе Киселева.—Доносы Шервуда и Майбороды. . . . . 419—431

ГЛАВА XLVIII.

Послѣдніе дни жизни Императора Александра I.—Его свѣдѣнія о тайномъ обществѣ.—Предостерегательный намекъ Государя.—Тревожныя извѣстія.—Свиданіе съ Пестелемъ въ Тульчинѣ.—Уничтоженіе въ Умани компрометирующихъ бумагъ.—Отъѣздъ съ женой въ Болтушку.—Возвращеніе въ Умань.—Полученіе извѣстія о рожденіи сына.—Вторичный отъѣздъ въ Болтушку къ женѣ.—Полученныя тамъ извѣстія и отъѣздъ въ Умань . . . . . 432—441

ГЛАВА XLIX.

Арестъ.—Отправленіе въ Петербургъ.—Дорожныя встрѣчи.—Пріѣздъ въ Петербургъ и доставленіе въ зимній дворецъ.—Слова Государя Николая Павловича.—Начатіе допроса . . . . . 442—446
Заключеніе издателя . . . . . 446—509
Указатель личныхъ именъ . . . . . 523—546
Опечатка.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Абрамовъ, Павелъ Васильевичъ. 404, 409, 436.

Адамъ, герцогъ Виртембергскій. 3.

Адлербергъ, флиг.-адъютантъ, членъ Слѣдственной Комиссіи. 451.

Адлеркрейцъ, генералъ. 267.

Аксаковъ, Ив. Серг., славянофилъ. III, 499.

Аксаковы. 498.

Александра, Елизавета и Зинаида, дочери С. Трубецкого. 482.

Александра Павловна, вел. княг., эрцгерцогиня австрійская, супруга эрцгерцога Іосифа, Палатина Венгерскаго. 250.

Александръ, герцогъ Виртембергскій, бѣлорусскій воен. губернаторъ. 151.

Александръ II-й, Императоръ. 27, 318, 319, 481, 496, 500, 507.

Александръ Николаевичъ, наслѣдникъ цесаревичъ. См. Александръ II.

Александръ, вел. князь. См. Александръ I-й.

Александръ I-й Государь Императоръ. VI, 7, 10, 35, 50, 53, 54, 64, 79, 82, 137, 140, 142, 145, 147, 152, 154, 155, 156, 161, 180, 188, 199, 200, 218, 230, 233, 242, 243, 244, 251, 254, 255, 279, 284, 285, 303, 328, 329, 330, 331, 333, 334, 335, 336, 354, 355, 367, 372, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 382, 383, 384, 386, 395, 408, 411, 412, 427, 428, 434.

Алексѣй Андреевичъ, графъ. См. Аракчеевъ.

Али-паша изъ Янинины, названный Тепеделенти, родился въ 1741 г., онъ былъ сынъ албанскаго властителя въ Тепе-деленѣ въ Южной Албаніи. 121.

Альбединль, флигель-адъютантъ. 135.

Ангулемская, герцогиня. 340, 379.

Ангулемскій, (герцогъ Бурбонскій)—старшій сынъ графа Артуа, впослѣдствіи короля Карла X и Маріи Терезы Савойской. 340.

Андреевичъ 2-й, подпоручикъ, декабристъ. 449.

Андреевъ, фельдъегерь. 443.

Анкудиновъ, иркутскій купецъ. 490.

Анна, дочь М. Кюхельбекера. 482.

Анненкова П. Е., жена декабриста. 467, 470.

Анненковъ Иванъ, декабристъ. 482.

Анрепъ, Романъ Карловичъ, ген.-лейт., командовалъ дивизіею въ корпусѣ Буксгевдена, отличился при Пултускѣ и Морунгенѣ (1807); въ послѣднемъ дѣлѣ убитъ. 23.

Анштетъ, баронъ, Иванъ Осиповичъ, дипломатъ. 330.

Аптъ, Иванъ Ѳедоровичъ, подполковникъ. 37.

Аракчеевъ, графъ, Алексѣй Андреевичъ, ген. отъ инф., любимецъ Александра I-го, членъ Госуд. Совѣта. 74, 137, 151, 153, 156, 159, 161, 165, 183, 192, 193, 195, 285, 286, 423, 427, 433.

Арбузовъ, лейтенантъ, декабристъ. 449.

Арендтъ, Николай Ѳедоровичъ, докторъ медицины, род. въ Казани, ум. 1859 г., пользовался славою отличнаго оператора. 361.

Армфельдъ, графъ, Густавъ Маврикій, канцлеръ абовскаго унив. 143, 144, 151, 153.

Арнольдъ, подполковникъ. 274, 275.

Арсеньевъ, полковникъ. 25, 63.

Арторій, книгопродавецъ. 332.

Артуа, герцогъ, братъ Людовика XVIII. 340.

Б.

Багратіонъ, князь, Петръ Ивановичъ, ген.-отъ-инф., сподвижникъ Суворова. 26, 34, 38, 41, 42, 47, 49, 76, 82, 85, 86, 152, 158, 166, 167, 168, 169, 171, 173.

Байковъ, генералъ. 437, 438.

Балашевъ, Александръ Дмитріевичъ, спб. воен. губернаторъ, впослѣдствіи министръ полиціи. 134, 140, 141, 151, 155, 165, 192.

Бантышъ-Каменскій, Тобольскій губернаторъ, авторъ «Словаря достопамятн. людей Русской земли» и др. соч. 456.

Барановъ, Д. О. членъ коми-

тета Верховнаго Уголовнаго Суда. 447.

Баратынскій, Евгеній Абрамовичъ, поэтъ, род. 19 февр. 1800 г. въ селѣ Вяжлѣ, Кирсановск. уѣзда, Тамбовской губ., воспитывался въ пажескомъ корпусѣ. 79.

Барклай-де-Толли, князь, Михаилъ Богдановичъ, генер.-фельдмаршалъ и военный министръ. 14, 15, 25, 28, 74, 75, 129, 152, 163, 164, 172, 173, 175, 186, 187, 252, 253, 370, 375.

Барнекъ, ротмистръ. 258.

Барсуковъ, И. П., авторъ біографій: «Иннокентій, Митрополитъ Московскій» и «Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій». III, 493.

Барятинскій, князь, Александръ Ивановичъ. Адъютантъ гр. Витгенштейна. Членъ общ. «Союзъ благоденствія», болѣе извѣстнаго подъ названіемъ «Зеленой Книги». 404, 409, 436, 449, 487, 488.

Басаргинъ, Николай Васильевичъ, адъютантъ П. Д. Киселева, декабристъ. 445.

Баташевъ, капитанъ. 266.

Башмакова, Евлампія. 80, 82.

Бенигсенъ, гр. Леонтій Леонтьевичъ, ген.-отъ-кавалеріи. V, 7, 8, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 26, 27, 32, 35, 36, 37, 40, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 55, 72, 142, 151, 153, 155, 278, 288.

Бенкендорфъ, графъ Александръ Христофоровичъ, ген.-адъютантъ, начальникъ штаба гвард. корп. 135, 169, 171, 174, 178, 184, 196, 205, 206, 288, 412, 447, 451, 471, 473, 474, 475, 476, 479, 480, 481, 482, 483, 485, 486, 487, 488, 505.

Бенкендорфъ, Константинъ Христофоровичъ, братъ гр. Александра Христофоровича, впослѣдствіи ген.-адъютантъ. 206, 214, 215, 291, 292, 293, 294, 295, 296.

Бенкендорфы, Александръ и Константинъ. 3.

Бергъ, генералъ. 214.

Бернадотъ, маршалъ, наслѣдный принцъ, впослѣдствіи король шведскій Карлъ XIV. VI, 20, 254, 256, 258, 259, 260, 262, 264, 266, 267, 280.

Беррійскій герцогъ. 340.

Бертоны, французск. генералы, братья. 340.

Бертранъ, графъ, генералъ, приверженецъ Наполеона I. 266, 360.

Бертье, Александръ, князь Невшательскій и герцогъ Ваграмскій, маршалъ франц. 272, 375.

Бессьеръ, Жанъ-Батистъ, франц. маршалъ, герцогъ Истрійскій. 235, 236.

Бестужевъ, Александръ (Марлинскій), декабристъ. 449.

Бестужевъ, Н. А. декабристъ. 468, 469.

Бестужевъ-Рюминъ, Миха-

илъ Александровичъ, декабристъ. Вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ Александровичемъ были членами Общества «Союзъ благоденствія», и въ концѣ 1827 г. отправлены въ заточеніе въ Читинскій острогъ, а потомъ въ Петровскій. Умеръ въ Москвѣ въ 1871 г. Послѣ него остались: большое сочиненіе о буддизмѣ и богатыя, по своему содержанію, «Записки», которыя были напечатаны въ «Русской Старинѣ» за 1870, 1871 и 1881 гг. 409, 438, 498.

Бестужевъ-Рюминъ, подпоручикъ, декабристъ. 448.

Бечаевный, В. А. прапорщикъ, декабристъ. 449, 477, 498.

Бибикова, С. Н. 477.

Бибиковъ, Илья, членъ Общ. «Союзъ благоденствія». 409.

Билибинъ, Петръ Ивановичъ. 60.

Бирономъ, принцъ. 68.

Блудовъ, графъ, Дмитрій Николаевичъ. Племянникъ Державина, другъ Карамзина, сверстникъ и другъ Жуковскаго. Принималъ дѣятельное участіе въ освобожденіи крестьянъ. 408, 412, 447, 451, 483.

Блюхеръ, князь Вальштадтскій, прусскій фельдмаршалъ. 224, 231, 259, 263, 267, 269, 270, 304, 305, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 319, 320, 321, 326, 371, 374, 375.

Бобрищевъ-Пушкинъ, П. С. декабристъ. 468.

Бобрищевы-Пушкины, братья, офицеры Ген. Штаба, члены «Союза благоденствія». 443.

Богарне, см. Евгеній, герцогъ Лейхтенбергскій.

Богговутъ. 14, 16.

Борисовъ, 1-й, Петръ, декабристъ. 449, 455, 465, 468.

Борисовъ, 2-й, Андрей, декабристъ. 449, 456, 465.

Борисовы, братья. 464, 477.

Бороздинъ, Николай Михайловичъ, ген.-адъютантъ. 142.

Бошнякъ, помѣщикъ. 423, 424, 425, 430, 431.

Браневскій, генер.-губернаторъ Забайкальской области. 474.

Брюловъ, Карлъ, знаменитый историч. живописецъ, род. 1799 г. въ Петербургѣ, производилъ превосходныя копіи съ Рафаэля и пріобрѣлъ славу картиною «Послѣдній день Помпеи»; ум. 1852 г. 79.

Брюсъ. 380.

Буйницкій, поручикъ Семеновскаго полка. 364.

Букгевденъ, графъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, ген.-отъ-инф. 7, 9, 14, 18, 19, 72, 74.

Булатовъ, ген.-маіоръ. 74.

Булгаковъ, ген.-лейт. 330.

Булгари, графъ Андрей. 426.

Бурнашевъ, начальникъ Нерчинскихъ заводовъ. 458, 460, 463, 465, 466.

Бурцовъ, членъ «Союза благоденствія». 404, 409, 410, 411, 412.

Бутовичъ, В. В., капитанъ Генеральнаго Штаба. III.
Бутурлинъ, Димитрій Петровичъ, историкъ, флигель-адъют. 15, 73, 170, 320.
Бутягинъ, секретарь русской миссіи въ Парижѣ. 360, 363.
Бухновскій, офицеръ путей сообщенія. 409.
Быстрицкій, А. А., декабристъ. 477, 498.
Бѣлоголовые, купцы, 490.
Бѣлоголовый, Н., докторъ медицины. I.
Бѣляевъ, декабристъ. I.
Бюловъ. 224, 261, 262, 263, 265, 304, 308, 309.
Бюрдетъ, сэръ Фрэнсисъ. 348, 349.

В.

Вадковскій, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, прапорщикъ, членъ «Союза благоденствія». 426, 427, 449, 477.
Валлійскій, принцъ. 347, 348.
Валуевъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. 506.
Валуевъ, Пётръ Петровичъ, кавалергард. офицеръ, убитъ при Бородинѣ. 9, 69, 83, 85, 114, 128.
Ванъ-Эденъ, садовникъ. 368.
Василій, Иванъ, Левъ, Александра и Софія, дѣти декабриста В. Давыдова. 482.
Василій, слуга князя С. Гр. Волконскаго. 157.
Васильевъ, графъ. 60.
Васильевъ, протоіерей. 505.
Васильевы, сыновья В. Давыдова. 483.
Васильчиковъ, князь, Иларіонъ Васильевичъ, генер.-адъют. 304, 317, 408, 411, 447.
Васильчиковъ, князь, Кіевскій генералъ-губернаторъ. 504.
Веденяпинъ, А. В. декабристъ. 477, 498.
Вейроде. 187.
Вели — паша (сынъ Али-паши). 121.
Веллингтонъ. 372, 374, 383, 384.
Веневитиновъ, Димитрій Владиміровичъ, поэтъ, род. въ Москвѣ 1805 г., ум. 1827 г. 79.
Венцель, К. К. 493, 495.
Вееловскій, подполковн. 235.
Викторовъ, поручикъ. 266.
Викторъ, фельдмаршалъ. 214.
Вильеонъ, англійск. ген. 54.
Виллье, медикъ Императора Александра I. 433.
Вильеонъ, Робертъ, англійскій генералъ. 347, 350, 351, 352, 353, 354, 367, 380.
Винценгероде, баронъ, генер.-адъют. VI, 169, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 188, 189, 190, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 203, 204, 219, 221,

222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 230, 231, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 241, 242, 245, 246, 247, 248, 254, 255, 256, 258, 259, 261, 267, 268, 269, 273, 275, 277, 279, 280, 281, 285, 286, 289, 292, 294, 295, 297, 298, 299, 300, 302, 304, 306, 307, 308, 309, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 319, 321, 322, 323, 324, 326, 370.

Витгенштейнъ, графъ, Петръ Христіановичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ. VI, 120, 202, 213, 214, 215, 224, 230, 233, 236, 237, 242, 248, 251, 252, 253, 400, 408, 436.

Виттъ, графъ, Иванъ Осиповичъ, ген.-отъ-кавалеріи. 219, 222, 423, 424, 425, 426, 427, 430, 431, 440.

Владзимірскій, лѣкарь. 465.

Владиміръ, Алексѣй и Надежда—дѣти Н. Лисовскаго. 482.

Воиновъ, генералъ. 102, 104.

Волконская, княгиня Александра Николаевна. V, 2, 454, 470.

Волконская, Елена Сергѣевна, дочь С. Г. Волконскаго. VII, 473, 482, 494, 495, 498.

Волконская, княгиня Елизавета Григорьевна. (Авторъ книги: «Родъ князей Волконскихъ» СПБ. 1900). 81, 490, 499, 502, 504.

Волконская, княгиня Зинаида Александровна, рожденная княжна Бѣлосельская. 2, 79, 332, 337, 338, 379, 398, 408, 499.

Волконская, княгиня М. А. 505.

Волконская, княгиня Марія Николаевна, рожденная Раевская, супруга князя С. Г. Волконскаго. III, VII, 450, 458, 459, 460, 464, 465, 466, 467, 470, 472, 473, 476, 479, 480, 486, 487, 488, 489, 491, 494, 495, 497, 499, 502.

Волконская, княгиня Софія Григорьевна. 452, 480, 494, 499, 501, 502.

Волконскіе, князья. 3, 490, 499, 502, 505.

Волконскіе, С. Г. и княгиня М. Н. 472, 477, 479, 490, 494, 497.

Волконскій, князь Александръ Никитичъ. 499, 503.

Волконскій, князь Григорій Петровичъ. 499, 502.

Волконскій, князь, Григорій Семеновичъ, ген.-отъ-инфан. V, 2, 17, 80, 81.

Волконскій, князь, Димитрій Михайловичъ. 37, 38.

Волконскій, князь Дмитрій Петровичъ. 499.

Волконскій, князь Михаилъ Сергѣевичъ, статсъ-секретарь, Оберъ-гофмейстеръ, членъ Государственнаго Совѣта, бывшій товарищъ министра Народнаго Просвѣщенія. 473, 482, 493, 497.

Волконскій, князь, Никита Григорьевичъ, генералъ свиты. 2, 79, 135, 332, 490.

Волконскій, князь, Николай Григорьевичъ (по Высочайшему указу былъ названъ

въ честь своего дѣда княземъ Репнинымъ), впослѣдствіи намѣстникъ королевства Саксонскаго и ген.-губернаторъ Малороссіи. 2, 56, 77, 80, 81, 141, 216, 352, 367, 490.

Волконскій, свѣтл. князь, Петръ Димитріевичъ, 134.

Волконскій, свѣтл. князь, Петръ Михайловичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ. 2, 36, 37, 81, 137, 141, 151, 223, 236, 244, 307, 323, 329, 365, 371, 379, 405, 406, 408, 446, 499.

Волконскій, князь, Семенъ Ѳедоровичъ, генералъ - аншефъ. 2.

Волконскій, князь, Сергѣй Григорьевичъ (декабристъ). I, III, IV, V, VI, VII, 17, 26, 27, 46, 65, 66, 128, 129, 217, 351, 425, 434, 435, 446, 449, 450, 451, 454, 455, 456, 456, 457, 463, 464, 465, 466, 467, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509.

Вольеръ, медикъ. 404, 409.

Вольтеръ. 37.

Вольфъ Ф. Б. врачъ, декабристъ. 468, 472, 473, 475, 476, 477.

Вольцогенъ, полковникъ. 162, 163.

Воронинъ, адъютантъ принца Ольденбургскаго. 163.

Вороновъ, ген.-маіоръ. 160.

Воронцовъ, графъ, Иванъ. 330, 408.

Воронцовъ, графъ, Михаилъ Семеновичъ, впослѣдств. князь и фельдмаршалъ. 63, 229, 255, 264, 280, 281, 288, 289, 305, 306, 313, 314, 316, 317, 321, 322, 323, 324, 325, 399. 480.

Врублевскій, сотникъ. 210, 211, 212.

Вудзевичъ. 319.

Вуичъ. 39.

Вяземскій, князь, Петръ Андреевичъ, поэтъ. Стихотворенія его отличаются глубокимъ чувствомъ, остроуміемъ и легкою игривостью. 79.

Г.

Габленцъ. 221, 222.

Гагаринъ, князь, ген.-адъют. 331.

Гагаринъ, князь, Григорій Ивановичъ. 145.

Гагаринъ, князь, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. 294.

Гагарины, княжны: Вѣра, Надежда, Софья и Любовь. 78.

Гагарины, князья, Ѳедоръ и Василій. 78.

Гагарины, князья. 3.

Гажитскій, губернаторъ жито-

мірскій. 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395.
Гаплькій, принцъ. 348.
Гарголи, флигель-адъютантъ. 135, 138.
Гартингъ, генералъ. 107.
Гвидо Рени, одинъ изъ величайшихъ живописцевъ XVII в., предст. Болонск. школы. 62.
Гейемаръ, полковникъ. 369.
Георгъ III. 348.
Герцдорфъ, ген.-маіоръ. 24.
Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ, военный писатель и романистъ, членъ «Союза Благоденствія». 409, 411.
Гнейзенау, гр., прусскій принцъ, фельдмаршалъ. 310, 312, 320, 321.
Гогель. 39.
Голенищевъ-Кутузовъ, графъ, Павелъ Васильевичъ, ген.-адъютантъ. 138, 206, 329, 447.
Голицына, княгиня. 176, 177.
Голицынъ, князь, Александръ Николаевичъ, д. тайн. сов., министръ Духовн. Дѣлъ и Народн. Просвѣщ. 137, 447.
Голицынъ, князь, Димитрій Владиміровичъ. 13, 18, 45.
Голицынъ, князь, Михаилъ Сергѣевичъ. 25.
Голицынъ, кн. С. П. 506.
Голицыны, князья. 3.
Горбачевскій, И. И. подпоручикъ, декабристъ. I, 449, 498.
Горемыкинъ, И. Л. бывш. мин. Внутреннихъ Дѣлъ. III.
Горскій. 235, 236, 300, 301, 302.
Гортензія. См. Сентъ-Лё.
Граббе, членъ «Союза благоденствія». 219, 409, 411, 451.
Грабигорскій, поручикъ. См Горскій.
Грамонъ, графиня. 69.
Гревеъ, полковникъ. 426.
Грей, лордъ. 351, 367.
Грееверъ, полковникъ. 167, 168.
Громницкій, П. Ф. декабристъ. 477.
Грунеръ, Юстіанъ. 291.
Губтонъ, полковникъ англійской службы. 349.
Гундерштрубъ, эскадронный командиръ Изюмскаго полка. 25.
Густавъ, Адольфъ, Шведскій принцъ. 240.
Густавъ IV, Адольфъ (Гага), король шведскій. 55.
Гуфеландъ, Христоферъ Вильгельмъ, профессоръ медицины въ Берлинѣ. 231.
Гученеонъ, генералъ. 46, 47.

Д.

Даву, франц. маршалъ. 18, 168, 227, 384.
Давыдова. 427.
Давыдова, А. И., жена декабриста. 467.
Давыдовскій, ген.-маіоръ. 14.
Давыдовъ, Александръ Львовичъ. 69, 70, 426.
Давыдовъ, Василій Львовичъ, членъ «Союза благоденствія».

404, 409, 413, 420, 423, 424, 425, 426, 437, 449, 455, 457, 464, 465, 482, 483, 485, 487, 488, 498.

Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ, поэтъ и знаменитый партизанъ, адъютантъ кн. Багратіона, впослѣдствіи генер.-лейтенантъ. 227, 228, 230.

Дывыдовъ, Евдокимъ Васильевичъ. 4.

Данилевскій. См. Михайловскій-Данилевскій.

Дельвигъ, Антонъ Антоновичъ, баронъ, извѣстный русскій поэтъ, родился въ Москвѣ 1798 года. Воспитывался въ Царскосельск. лицеѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ. 79.

Демидовъ, ген.-маіоръ, впослѣдствіи ген.-адъют. 75, 337, 338, 443.

Депрерадовичъ, Николай Ивановичъ, полковой командиръ кавалергардск. полка, впослѣдствіи генер.-адъютантъ. 66, 67, 70, 131.

Джуаръ-Ассанъ. 90.

Дибичъ, баронъ, начальникъ Штаба Его Императорскаго Величества. 214, 215, 430, 444.

Дивовъ, мичманъ, декабристъ. 449.

Димитріевъ, Иванъ Ивановичъ, д. тайн. сов., министръ Юстиціи. 395.

«Димитрій Донской», изъ трагедіи В. А. Озерова. 148.

Дмитріевъ-Мамоновъ. I, 456.

Долгорукій, артиллеристъ. 409.

Долгоруковъ, князь, Василій Юрьевичъ. 25, 84.

Долгоруковъ, князь, Михаилъ Петровичъ. 22, 75.

Долгоруковъ, князь, шефъ жандармовъ. 497, 500, 501, 502, 504, 506.

Дохтуровъ, Димитрій Сергѣевичъ, впослѣдствіи ген.-отъ-инфантеріи. 13, 14.

Дохтуровъ, Иванъ Семеновичъ, ген.-маіоръ. 406.

Дружининъ, Хрисанфъ. 482.

Дубельтъ, Леонтій Васильевичъ, начальникъ Штаба при шефѣ жандармовъ. 487, 488.

Дудкинъ, урядникъ. 203.

Дурново, А. П. 499.

Дурново, Николай Димитріевичъ, флигель-адъютантъ. 443.

Дюрютъ, генералъ. 227.

Е.

Евгеній Виртембергскій, пр-цъ. 207, 208, 220, 238.

Евгеній, принцъ, бывшій вице-король Италіи, впослѣдствіи именуемый принцемъ Лейхтенбергскимъ. 173, 330, 332, 335, 336.

Екатерина II, Императрица. 97, 333, 347, 397.

Екатерина Исаевна, княгиня,

Волконская, рожденная баронесса Шафирова. 37.
Екатерина Николаевна, см. Муравьева Е. Н.
Екатерина Павловна, великая княжна, была въ супружествѣ: 1) за принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, 2) за наслѣдн. принцемъ, а впослѣдствіи корол. виртембергскимъ Вильгельмомъ. 129, 138, 249, 250, 370.
Елена, см. Волконская, Елена Сергѣевна.
Елисавета Алексѣевна (Луиза-Марія-Августа, принцесса Баденская), Императрица. 69, 73, 386.
Ентальцева, А. В., жена декабриста. 467.
Ермолаевъ, маіоръ. 81.
Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, ген.-отъ-артил. 29, 96, 180, 223, 244, 252, 327, 415, 416.

Ж.

Жераръ, начальникъ французскаго корпуса. 294.
Жеребцова Александра Петровна. 365, 366.
Жеребцова Ольга Александровна. 347, 348, 349.
Жерже. 255.
Жибури-Анжельмъ, генералъ-маіоръ. 103.
Жомини, баронъ, ген.-адъют. 249.
Жуковскій, Василій Андреевичъ, тайный совѣтникъ, поэтъ. 79.
Журавлевъ, оберъ-прокуроръ, дѣлопроизводитель Верховнаго Уголовнаго Суда. 447.

З.

Завадовскій. 415.
Завалишинъ, Д. И. лейтенантъ, декабристъ. 449, 472, 498.
Загряжская, Наталья Кирилловна. 68.
Заикинъ. 404.
Закревскій, Арсеній Андреевичъ, ген.-адъютантъ. 27, 33, 85, 117, 119, 128, 498, 500, 501, 502.
Заринъ, В. Н. 493.
Засѣ, Андрей Павловичъ, ген.-лейтенантъ. 87, 88, 95, 104, 106, 110, 115, 388, 392.
Звѣревъ. 490.
Звѣревъ, Василій, денщикъ князя Сергія Григорьевича Волконскаго. 18.
Зинаида. См. Волконская, княгиня Зинаида Александровна.
Зубовъ, князь, Платонъ Александровичъ. 142, 153, 347.

И.

Ивашевъ. 404, 409, 482.
Изабе (Isabey), Жанъ Батистъ, извѣстный франц. портретистъ, род. 1767 г. въ Нанси. Написалъ, между прочимъ, нѣсколько портретовъ Наполеона I, что и доставило ему извѣстность. III, 330, 332.
Иловайскій, Василій Димитріевичъ. 183, 185, 187, 196.
Иловайскій, ген.-маіоръ, Иванъ Димитріевичъ. 196, 197, 204, 205, 206, 207, 208.
Иловайскій, ген.-лейт., Павелъ Димитріевичъ. 117.
Ипсилантій, кн. Молдавск. 85.

І.

Іоркъ, фонъ Вартенбургъ, графъ, прусск. фельдмаршалъ. 224, 230.

К.

Каблуковы. 67.
Каленбергъ, баронъ. 78.
Каменскій, графъ, Михаилъ Ѳедотовичъ, фельдмаршалъ. V, 7, 8, 9, 13, 14, 16, 18, 19, 33, 83.
Каменскій, графъ, Николай Михайловичъ, ген.-отъ-инфант. 24, 33, 74, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 92, 100, 105, 107, 114, 115, 119, 121, 127.
Каменскій, графъ, Сергѣй Михайловичъ. 82, 88, 89, 94, 95, 98, 106, 116, 117, 122.
Каподистріа, графъ. 329.
Карамзинъ, Николай Михайловичъ, исторіографъ. 395.
Карлъ, эрцъ-герцогъ. 331.
Carnot. 382.
Картаци, негоціантъ. 400.
Каховскій, поручикъ, декабристъ. 448.
Кестельри. 328.
Кикинъ, флигель-адъют. 135.
Кирѣевскіе, братья, писатели. 79.
Киселева. 425.
Киселевъ, Н. Д., посланникъ въ Римѣ. 504.
Киселевъ, Павелъ Димитріевичъ, ген.-адъют., впослѣдствіи графъ и министръ Государст. Имущ. 219, 329, 425, 432, 434, 435, 436, 438, 449—450, 505.
Кларенскій, принцъ, сынъ короля Георга III. 348.
Клейнъ, членъ общества «Союза благоденствія». 404, 409.
Клемертъ, маіоръ. 296.
Кноррингъ, Богданъ Ѳедоровичъ, ген.-лейт. 32, 74, 234.
Кожинъ, Сергѣй Алексѣевичъ, ген.-маіоръ. 15, 30, 42.
Козловскій, князь. 153.

Кокошкинъ. 330.
Коленкуръ, французскій посланникъ. 61, 135.
Колесниковъ, Василій. 482.
Колесниковъ, Иванъ. 482.
Кологривова, Прасковья Юрьевна. 78.
Колошины. 409, 411.
Колычевъ. 67.
Комаровскій, графъ, Евграфъ Ѳедотовичъ, генер.-адъют., членъ Комитета Верховнаго Уголовнаго Суда. 151, 447.
Комаровъ. 409, 410, 411, 412.
Комбурлей, сенаторъ. 387, 388.
Коновницынъ, графъ, Петръ Петровичъ, ген.-адъют. 370.
Конетантинъ Павловичъ, цесаревичъ и великій князь. 10, 136, 187, 217, 333, 436, 437.
Constant Benjamin, французск. писатель и полит. дѣятель. 338, 339.
Корниловичъ, А. О., декабристъ. 468.
Корниловъ, полковникъ. 101, 436, 439, 440, 441, 442, 443.
Кореенъ, генералъ. 210, 211.
Корфъ, корпусной команд. 388.
Котлевскій, берггешворенъ Нерчинскихъ горныхъ заводовъ. 464.
Котляревскій, генералъ. 163.
Кочубей. 3.
Кочубей, графъ, впослѣдствіи князь, Викторъ Павловичъ. 68, 151.
Кочубей, Е. С., см. Волконская Е. С.
Кочубей, Николай Аркадьевичъ, зять С. Г. Волконскаго. 504.
Cochelet. 339, 341, 364.
Кравцовъ. 357, 358.
Краснокутскій, подполк. 314.
Красовскій, капитанъ. 95.
Кретовъ, командиръ 2 кирасирской дивизіи. 169, 388.
Крюковы, братья, члены общ. «Союзъ благоденствія». 404, 409.
Крюсоль, графъ. 100.
Кудашевъ, князь. 63.
Кульневъ, Яковъ Петровичъ, ген.-маіоръ. 74, 76, 87, 90, 94, 98, 118, 119, 120, 121.
Куракина, княгиня. См. Волконскій, князь, Дмитрій Михайловичъ.
de Courlande, duchesse. 338.
Кустъ, фельдъфебель. 456.
Кутайсовъ, графъ, членъ Комитета Верховнаго Уголовнаго Суда. 447.
Кутузовъ, князь, Михаилъ Иларіоновичъ, фельдмарш. V, 8, 12, 127, 180, 184, 189, 200, 217, 218, 223, 224, 231, 233, 252, 406.
Кутузовъ. См. Голенищевъ-Кутузовъ.
Кучкинъ, капитанъ. 301, 302.
Кушинковъ, членъ Комитета Верховнаго Уголовнаго Суда. 447.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ, декабристъ. 482.
Кюхельбекеръ, декабристъ. 449, 474.
Кюхельбекеръ, Михаилъ, декабристъ. 482, 498.

Л.

Лабедойеръ, французск. полковникъ. 360, 377, 378, 379.
Lavalette, madame. 380.
Lavalette, Антоанъ-Мари-Шоманъ, графъ, француз. дипломатъ, директоръ почтъ. 358, 380.
Лаваль, графиня. 337, 338.
Лавровъ, ген.-лейт. 162.
Лагарпъ, Фридрихъ-Цезарь, воспитатель Имп. Александра I. 333, 334.
Lalemand. 340.
Ламздорфъ, графъ, Матвѣй Ивановичъ, флигель-адъютантъ, впослѣдствіи ген.-отъ-инф., воспитат. Имп. Николая I. 100, 101. 370.
Ланжеронъ, графъ Александръ Ѳедоровичъ, ген.-отъ-инф. ген.-губерн. Новороссійскій. V, 84, 90, 91, 104, 107, 115, 127, 321, 399, 400, 409.
Ланнъ, герцогъ Монтебелло, франц. маршалъ. 18, 46.
Ланской, Сергѣй Николаевичъ, ген.-маіоръ. 220, 222, 231, 234, 235, 236, 241, 246, 317.
Latour-Maubour, французскій дипломатич. чиновникъ. 357.
Лаудердель, лордъ. 351, 367.
Лаунсдонъ, лордъ. 351, 367.
Лачиновъ, членъ общества «Союзъ благоденствія». 404.
Левашевъ, Василій Васильевичъ ген.-адъют. 5, 60, 445, 446, 447.
Левенвольдъ, Карлъ Карловичъ. 4, 59.
Левенштернъ, полковникъ. 258, 309, 311.
Левизъ. 99, 100, 102.
Левицкій, ген.-маіоръ. 24.
Левъ, см. Нарышкинъ, Левъ Александровичъ.
Лекокъ. 221.
Леманъ. 445.
Леонтьевъ, Иванъ Сергѣевичъ, ген.-маіоръ. 392.
Лепарекій, Станиславъ Романовичъ, комендантъ при Нерчинскихъ рудникахъ. 460, 462, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 474, 475.
Лепарекій, И. А., племянникъ коменданта при Нерчинскихъ рудникахъ. 471.
Лестонъ. 21.
Лешернъ. 166.
Ливенъ, графъ, ген.-адъют. Россійскій посланникъ въ Лондонѣ. 347, 351, 352, 353, 355.
де-Линъ, принцъ. 331, 332.
Липранди, Иванъ Петровичъ. 315, 317, 318, 319.
Лисовскій, Николай, декабристъ. 482.
Лихаревъ, Владиміръ Николаевичъ, членъ общества «Союзъ благоденствія». 409.
Лихаревъ, офицеръ Генеральнаго штаба. 423, 424.
Лобанова-Ростовская, княжна. 62.
Лобановъ, комодоръ. 333.

Лобановъ-Ростовскій, князь, Димитрій Ивановичъ, ген.-лейт., впослѣдствіи ген.-отъ-инф., министръ Юстиціи. 50, 51, 447.
Ломоносовъ. 490.
Лопухинъ, князь, предсѣдатель Верховнаго Уголовнаго Суда. 447.
Лориетонъ, графъ, французск. посолъ. 244.
Louis Napoléon, бывшій король Голландскій. 341.
Louis XV. 358.
Лунинъ, Михаилъ Сергѣевичъ, декабристъ. 5, 68, 69, 409, 477, 478, 481.
Львовъ, Леонидъ Николаевичъ. 207.
Люблинскій, Юліанъ. 482.
Людовикъ XVI. 343.
Людовикъ XVIII., король французскій. 326, 340, 343, 356, 358, 372.
Людовикъ, Филиппъ, герцогъ Орлеанскій. 52.
Люксембургъ, графъ, самозванецъ. 275, 276.

М.

Мадатовъ, князь. 221, 222.
Мазараки, капитанъ. 300, 301, 302.
Майборода. 425, 427, 428, 429, 430, 431, 438.
Макавеевъ, унтеръ—офицеръ. 366, 466.
Макаръ, аббатъ. 306.
Мантейфель, графъ, адъютантъ гр. Милорадовича. 274.
Мардуель, священникъ. 342.
Марія Александровна, Императрица. 497.
Марія Николаевна, великая княгиня. 480.
Марія Ѳеодоровна (Доротея Софія — Луиза, принцесса Вюртембергская), 2-ая супруга Импер. Павла I. 3, 129.
Марковъ, ген.-маіоръ. 22, 23.
Мармонъ, герцогъ Рагузскій, маршалъ Франціи. 241, 308, 311, 320.
Марчелло, Бенедетто, извѣстный музыкальный композиторъ венеціанской школы. 81.
Марченко, статсъ-секрет. 330.
Мееръ, адъютантъ Ланжерона. 409.
Мезонъ, начальникъ французск. корпуса. 294.
Мейровичъ, еврей, подрядчикъ. 9, 10.
Мерье, аббатъ. 177.
Мертенсъ, адъютантъ Бюлова. 309.
Меттернихъ, графъ,—князь и канцлеръ, австрійскій посолъ въ Парижѣ. 328, 332, 335.
Милорадовичъ, графъ, Михаилъ Андреевичъ. 219, 245, 246, 411.
Митрофанъ, Иванъ и Александра—дѣти В. Колесникова. 482.
Митьковъ, 410.

Михайловскій - Данилевскій, Александръ Ивановичъ, ген. лейт., историкъ. 183, 184, 244, 252, 320, 329.
Михаилъ Павловичъ, великій князь. 129, 370, 447, 451.
Михаилъ Сергѣевичъ, см. Волконскій, князь Димитрій Михайловичъ.
Михаилъ, см. Волконскій, князь Михаилъ Сергѣевичъ.
Михаилъ и Иванъ, дѣти В. Кюхельбекера. 482.
Мижельеонъ. 79, 82, 104.
Мицкевичъ, Адамъ, извѣстный польскій поэтъ. 79.
Мичуринъ, купецъ. 470.
Мницкій, ген. маіоръ. 167.
Моденскій, герцогъ. 377.
Моденъ, графъ. 63.
Мозгалевскій, Николай. 482.
Молиторъ, начальникъ француз. корпуса. 294.
Молчанова, Е. С.; см. Волконская, Елена Сергѣевна.
Молчановъ, зять С. Г. Волконскаго. 494.
Молчановы, 494.
Моро, франц. генералъ. 255, 256, 308, 310.
Мортье, герцогъ Тревизскій, маршалъ француз. 198, 308, 311.
Муравьева, А. Г.; рожденная граф. Чернышева, жена декабриста. 467, 477.
Муравьева, Екатерина Николаевна. 493.
Муравьевъ Александръ, членъ общества «Союзъ благоденствія». 409, 477, 482.
Муравьевъ, Артамонъ Захаровичъ, декабристъ. 449, 455, 457, 464, 477, 478.
Муравьевъ Михаилъ. 409.
Муравьевъ Никита, членъ общества «Союзъ благоденствія». 409, 410, 420, 449, 468, 477, 482, 483, 484, 485, 486.
Муравьевъ, Н. Н., впослѣдствіи графъ Муравьевъ-Амурскій. 490, 492, 493, 494, 495, 496, 497.
Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй, декабристъ. 449.
Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй Ивановичъ, декабристъ. 440, 448.
Муравьевы. 477.
Муравьевы, Сергѣй и Матвѣй, декабристы. 409.
Мухановъ, П. А., декабристъ. 468, 472, 477, 481.
Мухтаръ-Паша (сынъ Али-паши). 121.
Мюратъ. 24.

Н.

Назимовъ, декабристъ. 451.
Наполеонъ (Бонапартъ), франц. императоръ. V—VI, 7, 18, 20, 21, 24, 26, 32, 41, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 62, 66, 68, 73, 79, 81, 98, 103, 135, 141, 144, 145, 147, 148, 154, 155, 156, 175, 180, 187, 188, 189, 199, 200, 201, 203, 209,

215, 217, 218, 234, 238, 242, 243, 245, 250, 251, 254, 255, 258, 259, 260, 269, 270, 276, 278, 279, 304, 308, 310, 311, 312, 313, 314, 317, 320, 321, 326, 328, 331, 332, 334, 335, 338, 339, 340, 351, 353, 354, 355, 359, 360, 361, 362, 363, 365, 367, 369, 371, 372, 375, 376, 377, 378, 380, 381.

Наполеонъ II, король Римскій, сынъ Наполеона I. 335.

Наполеонъ III. 341.

Нарышкина, Е. П., рожденная граф. Коновницына, жена декабриста. 467, 470.

Нарышкина, Марія Антоновна, рожденная княжна Четвертинская. 134, 138, 194.

Нарышкинъ, Левъ Александровичъ. 184, 193, 194, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 203, 347.

Наталья Алексѣевна, княгиня Волконская, рожденная графиня Мусина-Пушкина. 38.

Небольсинъ. 85, 100.

Ней, герцогъ эльхингенскій, франц. маршалъ. 20, 41, 47, 249, 265, 266, 319, 356, 380, 381.

Неккеръ. 338.

Неклюдовъ. 23.

Нессельроде, графъ, Карлъ Васильевичъ. 151, 153, 285, 329, 330.

Никита, см. Волконскій, князь Никита Григорьевичъ.

Никита, сынъ Александра Муравьева, декабриста. 482.

Никитина, дочь Н. М. Муравьева. 484.

Никитинъ, ген.-отъ-артил. 222.

Никола, аббатъ. 3, 177, 306, 400, 405.

Николай I Павловичъ, императоръ. 87, 129, 136, 318, 370, 439, 440, 445, 446, 450, 454, 459, 496.

Николай, сынъ С. Г. Волконскаго, умершій въ младенчествѣ. 470.

Новосильцевъ. 120.

Ноетицъ. 221.

О.

Оболенскіе, князья. 497.

Оболенскій, князь, Евгеній, декабристъ. 449, 455, 463, 465.

Обрѣзковъ. 118.

Оде-де-Сіонъ. 186, 187.

Одоевскій, князь, Александръ Ивановичъ, поэтъ. 79, 468.

Ожаровскій, графъ, Адамъ Петровичъ, ген.-адъют. 163, 164, 165, 329, 378.

Оленина, Анна Семеновна. 79.

Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ. 79.

Оленинъ, ген.-маіоръ, Евгеній Ивановичъ. 172.

Оливеръ, графъ. 402.

Оловъ, оберъ-провіантмейстеръ. 388, 389, 390, 391.

Ольга, Владиміръ, Иванъ и Николай, дѣти декабриста Ив. Анненкова. 482.

Ольга, дочь Ив. Колесникова. 482.

Ольденбургскій, принцъ. 138, 139.
Ольденбургскій, принцъ, Георгій. 151.
Ольденбургскій, принцъ, Петръ. 163, 164.
Орлова, Е. Н., сестра кн. М. Н. Волконской. 488, 499.
Орловъ, Алексѣй Петровичъ. 438.
Орловъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ, ген.-адъютантъ, впослѣдствіи графъ и князь. 217, 324, 454, 486, 487, 488, 489, 491, 492, 495.
Орловъ, графъ, Григорій. 60.
Орловъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, ген.-маіоръ, флигель-адъют. Импер. Александра I, декабристъ. 5, 60, 400, 401, 405, 406, 407, 409, 410, 411, 412, 414, 450.
Орловъ-Денисовъ, графъ. 183, 184.
Орловы, Алексѣй и Михаилъ. 3.
Остенъ-Сакенъ, Фабіанъ Вильгельмовичъ, впослѣдствіи графъ, фельдмаршалъ. 41, 251, 329.
Остерманъ-Толстой, графъ, Александръ Ивановичъ. V, 13, 14, 16, 17, 24, 28, 29, 31, 32.
Охотниковъ, поручикъ. 405.
Очкинъ, брандъ-маіоръ. 81.

П.

Павелъ, Валентинъ, Александръ, Варвара, Елена и Пелагія, дѣти Н. Мозголевскаго. 482.
Павелъ I Петровичъ, императоръ. 39, 42, 79, 333, 347.
Паленъ, баронъ. 266, 324.
Панинъ, графъ, Викторъ Никитичъ, управл. министерствомъ Юстиціи. 482, 483.
Панинъ, графъ, Никита Петровичъ. 176.
Панкратьевъ, флигель-адъютантъ импер. Александра I. 329, 336.
Пановъ, Н. А., декабристъ. 477.
Пантелеевъ. 202.
Parquin. 339.
Партено (**Partenot**). 215.
Паулуччи, ген.-адъют. 126, 163, 164.
Пеглеванъ, паша. 88, 89, 98.
Перголезе, Джованни Баттиста, италіанск. композиторъ. 81.
Перовскій. 318.
Перовскій Левъ, офицеръ генеральнаго штаба. 373.
Пестель, Павелъ Ивановичъ, полковникъ, декабристъ. 403, 404, 408, 413, 416, 417, 418, 419, 420, 422, 423, 424, 428, 429, 430, 436, 437, 438, 448.
Пестовъ, подпоручикъ, декабристъ. 449.
Пети (Pestit) почтмейстеръ города Авена (Avesne). 298.
Петрулинъ, адъютантъ. 42.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ. 368.
Петръ Михайловичъ, см. Волконскій, свѣтлѣйшій князь.
Петръ, Марія, и Ольга, дѣти декабриста В. Ивашева. 482.
Пириеъ. 175.
Пишегрю. 255.
Платовъ, графъ, Матвѣй Ивановичъ, ген.-отъ-кав., атаманъ войска Донского. 32, 43, 54, 156, 157, 158, 159, 207, 208, 209.
Плещеевъ Александръ. 3.
Побѣдновъ. 185.
Повало-Швейковскій, декабристъ. 449.
Поджіо, А. В., декабристъ. 449, 477, 481, 490, 498.
Поджіо, І. В., декабристъ. 476, 477, 498.
Поджіо, братья, декабристы. 409.
Полиньякъ Гераклій. 27, 299.
Понеетъ, генералъ. 314.
Понятовскій, Іосифъ, князь. 154, 278.
Потаповъ, генералъ, членъ Слѣдственной Комиссіи въ 1825 г. 444, 447, 506.
Потемкинъ, см. Раевскій, Николай Николаевичъ.
Потоцкая-Тульчинская, графиня. 403.
Потоцкій, Артуръ, флигель-адъютантъ. 392.
Потоцкій Станиславъ. 133, 392.
Поццо ди Борго, графъ, Карлъ Осиповичъ, ген.-адъютантъ, посолъ при франц. дворѣ. 372.
Прозоровскій, князь, Александръ Александровичъ. 82, 86.
Пугачевъ. 81.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, поэтъ. 39, 79, 134. 470.
Пушкины-Бобрищевы, братья, члены общества «Союзъ благоденствія». 404.
Пущинъ, Иванъ Ивановичъ, декабристъ. 421, 449.
Пятницкій, Иркутскій губернаторъ. 488.

Р.

Раевская, Анна Михайловна. 499.
Раевская, Екатерина Николаевна. 410.
Раевская, Елена Николаевна. 499.
Раевская, Марія Николаевна. 414.
Раевская, Софія Алексѣевна, рожденная Константинова. 490.
Раевская, Софія Николаевна. 494, 499.
Раевскій, Александръ Николаевичъ. 410, 479, 499, 503.
Раевскій, Владиміръ Ѳедосѣевичъ, маіоръ, членъ общества «Союзъ благоденстія». 318, 405, 409, 477.
Раевскій, Николай Николаевичъ, генералъ-отъ-кавалеріи. VI, 4, 38, 39, 69, 74, 76, 99,

100, 107, 168, 410, 470, 487, 489.
Раевскій, Н. Н., генер.-лейтен., братъ княг. М. Н. Волконской. 480, 499.
Разгильдѣева. 490.
Разумовская, графиня В. А.; см. Волконскій, князь Николай Григорьевичъ.
Разумовскій, графъ, Андрей Кирилловичъ. 329, 330, 331.
Разумовскій, графъ, Левъ. 179.
Раппъ, начальникъ французъ. гарнизона. 268.
Растопчинъ. 3, 180.
Резановъ, прапорщикъ. 464.
Ренни, генералъ, начальникъ штаба. 261.
Ренни, фрейлина великой княгини Анны Ѳедоровны. 63, 64.
Ренье, герцогъ Масса, министръ Юстиціи при Наполеонѣ. 220, 221, 222, 223, 266.
Репнина, княгиня, рожд. граф. Разумовская. 499.
Репнинъ, князь, Николай Васильевичъ, фельдмаршалъ. 2, 79.
Репнинъ; см. Волконскій, князь, Николай Григорьевичъ.
Рикъ, шихтмейстеръ Нерчинскихъ горныхъ заводовъ. 464, 465.
Римскій - Корсаковъ, Александръ Михайловичъ, генералъ. 21.
Ришелье, герцогъ, Эммануилъ Осиповичъ (Жерменъ дю-Плесси Ришелье), ген.-лейтенантъ, новороссійскій ген.-губернаторъ. 400.
Родофиникинъ, дѣйст. стат. сов. 123, 124.
Розенбергъ, полковникъ. 192.
Розенъ, А. Е., баронъ, декабристъ. I, 447, 451, 468, 470, 471, 472, 482.
Raucort, Франсуаза — Марія-Антуанета, француз. трагическая артистка. 342.
Ростовцевъ, Яковъ Ивановичъ. 408.
Румянцевъ, графъ, Николай Петровичъ, министръ Коммерціи, а потомъ Иностранныхъ Дѣлъ, впослѣдствіи госуд. канцлеръ. 141, 153.
Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Александровичъ. 2, 92.
Рупертъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири. 479, 481, 483, 484, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493.
Руско, генералъ. 301.
Рылѣевъ, К. Ѳ., декабристъ. 428.
Рѣзвой, ген.-маіоръ. 125, 126.

С.

Сабанѣевъ. 118, 121, 436.
Сабинскій, участв. въ польскомъ возстаніи. 481.
Сакенъ, см. Остенъ-Сакенъ.
Саландеръ, аббатъ. 177.
Салтыковъ, графъ, Иванъ Петровичъ, фельдмаршалъ, московскій военный губернаторъ. 155, 156.
де-Сангленъ, Яковъ Ивановичъ,

директоръ канцеляріи мин. полиціи. 140, 141, 142.
Свиньинъ, чиновникъ. 255.
Свистуновъ, П. И. I.
Себастьянъ, франц. генералъ. 98.
Седморацкій, генералъ. 13.
Селимъ, турецкій султанъ. 88.
Сенармонъ, генералъ. 47.
de-Saint-Leu, бывшая королева Голландская. 337, 338, 339, 341, 357, 360, 364.
Сентъ-При, графъ. 118, 223, 313.
Сергѣй, см. Волконскій, князь Сергѣй Григорьевичъ.
S-t Cyr. (Сенъ-Сиръ), Лун Гувіонъ, маршалъ. 272.
Serge, см. Волконскій, князь, Сергѣй Григорьевичъ.
Сиверсъ, графъ. 48, 111, 112, 114, 168, 169, 230.
Сиверсъ, сенаторъ. 387.
Сидней-Шмитъ, англійскій адмиралъ. 330.
Сіэсъ (Syès). 417, 418.
Скарятинъ. 70, 71.
Смирновъ, священникъ въ Лондонѣ. 346.
Смольяниновъ, начальникъ тюрьмы въ Читѣ. 469.
Соколовъ, художникъ. III.
Солтыкъ, графъ. 273.
Софія, дочь С. Г. Волконскаго, умершая въ младенчествѣ. 470.
Софія, см. Волконскій, свѣтлѣйшій князь, Петръ Михайловичъ. 454.
Софія Григорьевна, княгиня Волконская; см. Волконскій, свѣтлѣйшій князь, Петръ Михайловичъ.
Софія Семеновна; см. Волконскій, князь Григорій Семеновичъ.
Софія, дочь М. Н. Муравьева. 477, 482.
Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ, тайн. совѣт., впослѣдствіи графъ. 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 447.
Спиридовъ, маіоръ, декабристъ. 449.
Stael. 338, 339.
Стедингъ, графъ, шведскій посланникъ. 55.
Степановъ, чиновникъ. 9, 10, 11.
Страделла, Александръ, пѣвецъ XVII вѣка, композиторъ. 81.
Строгановъ, баронъ, Н. Г. 80.
Строгановъ, графъ, Григорій Григорьевичъ. 399, 400.
Строгановъ, графъ, Павелъ Александровичъ. 114, 128, 288, 305, 314, 316, 317.
Строгановъ, членъ комитета Верховнаго Уголовнаго Суда. 447.
Струковъ, полковникъ Генеральнаго штаба. 81.
Суворовъ, графъ Рымникскій, свѣтлѣйш. князь Италійскій, Александръ Васильевичъ, генералиссимусъ. V, 2, 8, 38, 45, 80, 85, 109.
Суворовъ, князь, Аркадій Александровичъ. 225.
Сулистровскій. 215, 216.
Сутгова, А. Ф., жена декабриста. 477.

Сутговъ, А. Н. декабристъ. 449, 477, 490.
Сухозанетъ, Иванъ Онуфріевичъ, генералъ. 253, 254.
Сухтеленъ, Павелъ Петровичъ, флигель-адъютантъ. 142, 301.
Сысоевъ. 102, 103.
Сюше. 16.

Т.

Талейранъ. 328.
Талызинъ, генералъ. 238, 240.
Таптыковъ, Д., декабристъ. 482.
Татищевъ, военный министръ при Императорѣ Николаѣ. 447, 451, 456.
Тауэнцинъ (Tauentzien), графъ, прусскій посланникъ. 263.
Тетенборнъ, баронъ. 195, 206, 215, 287.
Тизенгаузенъ, Карлъ Карловичъ, членъ общества «Союзъ благоденствія». 409.
Тимашевъ, Николай Ивановичъ. 81.
Тимашевъ, А. Е., помощникъ шефа жандармовъ. 502, 503.
Тимоѳеевъ, фельдъегерь. 443.
Тишинъ, полковникъ, 161.
Толь, полковникъ, впослѣдствіи ген.-маіоръ. 154, 371.
Толстая, Софія Петровна. 64.
Толстой, сенаторъ. 490.
Толстой, графъ. 18.
Толстой, графъ, Димитрій Александровичъ. 167, 168.
Толстой, графъ, Николай Александровичъ, оберъ-гофмаршалъ. 151.
Толстой, графъ П. А. 447.
Tripier, адвокатъ. 341.
Трубецкая, княгиня, Екатерина Ивановна, жена декабриста. 458, 460, 464, 465, 466, 467, 488, 498.
Трубецкіе, князья. I, 497.
Трубецкой, князь, Василій Сергѣевичъ. 99, 114, 128, 221.
Трубецкой, князь, Петръ Ивановичъ, адъютантъ Дибича. 444.
Трубецкой, князь, Сергѣй, декабристъ. 410, 449, 455, 456, 463, 464, 465, 477, 482, 483, 484, 485, 486, 489, 490, 497, 498.
Тургеневъ, Николай Ивановичъ, публицистъ, членъ общества «Союзъ благоденствія». 418, 420, 421, 422, 423, 449.
Тутолминъ, полковникъ. 84.
Тучковъ, ген.-маіоръ. 14.

У.

Уваровъ, графъ, Алексѣй Сергѣевичъ. 179.
Уваровъ, графъ, Сергѣй Семеновичъ. 59, 492.
Уваровъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ. 60.
Уваровъ, Ѳедоръ Петровичъ, ген.-адъют., ген.-отъ-кавал.

44, 65, 66, 67, 110, 113, 131, 132, 137.
Уваровъ, графъ, Ѳедоръ Семеновичъ. 59.
Углицкій, ген.-маіоръ, атаманъ Оренбургскаго войска. 81.
Удино, герцогъ Реджіо, пэръ и маршалъ Франціи. 260, 266.
Унгеръ, В. III.
Ушаковъ, Сергѣй Николаевичъ. 317.

Ф.

Фейнъ, арендаторъ. 398, 399.
Фигнеръ, Александръ Самойловичъ, русскій партизанъ въ войну 1812 г. 253, 254, 268, 269, 270.
Фишеръ, докторъ. 509.
Fleuri de Chaboulong, авторъ описанія «Des cent jours». 363.
Фокъ, Александръ Борисовичъ, ген.-квартирмейстеръ. 37.
Фонъ-Визина, Н. Д., рожденная Апухтина, жена декабриста. 467, 470,
Фонъ-Визинъ, Михаилъ Александровичъ, членъ общества «Союзъ благоденствія». 404, 408, 409, 411.
Фредерика, супруга Густава IV. 73.
Фридрихъ Великій, король прусскій. 45, 262, 263.
Фридрихъ Вильгельмъ. 231, 233.
Фуль, ген.-маіоръ. 151, 162.

Х.

Хвощинскій, поручикъ преображенскаго полка. 364.
Хомяковъ, славянофилъ. 498.
Хребтовичъ, графъ. 25, 63, 64.
Хрисанфъ, Татьяна и Анна, дѣти декабриста Таптыкова. 482.
Христина и Надежда, дочери декабриста Х. Дружинина. 482.
Христина и Павелъ, дѣти Ю. Люблинскаго. 482.
Хрущовъ, ген.-маіоръ. 90.
Хункаловъ, князь. 197.

Ц.

Цейдлеръ, иркутскій гражданскій губернаторъ. 456, 458, 459, 463.
Цизаревъ, ген.-маіоръ. 95, 96, 97.

Ч.

Чарковскій Анатолій. 413.
Чарторижскій, Адамъ, князь. 329.
Черниговцевъ, управляющій главною конторою и всѣми рудниками при Нерчинскихъ заводахъ. 457.
Чернышевъ, Александръ Ивановичъ, ген.-адъют. 4, 66, 67, 135, 202, 203, 255, 282, 287, 288, 298, 299, 300, 301, 302, 315, 316, 319, 320, 324, 329, 331, 374, 378, 430, 435, 436, 438, 447, 451, 473, 474.
Чичаговъ, Павелъ Васильевичъ, адмиралъ, морской министръ. 202, 213, 215, 219, 229, 252, 347.

Ш.

Шарнгоретъ, прусскій генералъ. 241.
Шатобріанъ. 338, 339.
Шафирова, баронесса, см. Екатерина Исаевна, княгиня Волконская. 37.
Шаховской, князь, ген.-маіоръ. 14.
Шварценбергъ. 220, 259.
Швейковскій, Иванъ Семеновичъ, членъ общества «Союзъ благоденствія». 409.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ, профес. словесн. московск. унив. 79.
Шепингъ, маіоръ, адъютантъ Чернышева. 37, 374.
Шервудъ Вѣрный, Иванъ Вас. 425, 426, 427, 430. 431.
Шереметевъ. 415.
Шилингъ, корнетъ. 296.
Шиповы, братья, гвардейцы. 409.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ, государственный секретарь. 151, 155.
Шпрингпортенъ, баронъ. 55.
Шредеръ. 330.
Штакельбергъ, графъ. 329, 330.
Штейнгель, графъ Ѳаддей Ѳедоровичъ, впослѣдствіи ген.-отъ-инфантеріи. 32, 37, 43, 46.
Штейнъ. 291, 329, 330.
Шубинъ, Алексѣй, поручикъ л.-гв. Семеновскаго полка. 10, 11.
Шуваловъ, графъ. 74. 157.

Щ.

Щепинъ-Ростовскій, князь, декабристъ. 449, 497.
Щербатовъ, князь, Алексѣй Григорьевичъ 111.
Щербатовъ, князь, адъют. 443.
Щербатовъ, князь, московскій гражданскій губернаторъ. 502.

Э.

Экеммонъ, генерал. 340.
Эликъ-Огла, паша. 88, 90, 91.
Эльсбангеръ, адъютантъ Винценгероде. 177.
Эмануэль, полковникъ, впослѣдствіи генералъ. 15, 246, 247.
Энгель, сенаторъ. 447.
Эртель. 219, 225, 238.
Эссенъ, Иванъ Николаевичъ, ген.-отъ-инфан. 21, 43, 46, 110.

Ю.

Юшневскій, Алексѣй Петровичъ, предсѣдатель Южной думы общества «Союзъ благоденствія». 403, 404, 409, 424, 437, 449, 477.

Я.

Яблоновскій, князь. 413.
Языковъ, поэтъ. 79.
Яковлевъ, дѣйст. ст. сов. 187, 188, 189.
Якубовичъ, Александръ Ивановичъ. 415, 416, 449, 455, 464, 465.
Якушкинъ, декабристъ. 409, 411, 445, 449.
Янтальцевъ, Андрей Васильевичъ, членъ общества «Союзъ благоденствія». 409.
Янчуковскій, чиновникъ горнаго вѣдомства. 477.
Яхонтовъ, полковникъ. 274.
Яшвиль, князь. 253.

ЗАМѢЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
56	8 снизу (примѣчан.)	1844 г. (смерть кн. Репнина)	1845 г.

2007237428